

ИРИНА ШЕВЧЕНКО

ЗАЛОЖНИК СИЛЫ

ТРЕТИЙ ШЕАР ИТЕРИАНА

Шеар хранит Итериан
и все миры
великого древа.
Но кто хранит
самого шеара?

Сила шеара — не дар, а тяжелое бремя. Для того, в ком течет кровь четырех стихий, на первом месте всегда будет долг, ведь его создавали как слугу и защитника миров. Но теперь, когда все долги розданы, а вечный враг в очередной раз повержен, бывший слободской вор, а ныне — третий шеар Итериана возвращается в родной город, чтобы спасти еще один мир — свой собственный.

Третий шеар Итериана
Ирина Шевченко

Глава 1

Много лет спустя
где-то очень далеко...

Крепость Ал-Ферена готовилась принять бой.

Сегодня укрывшиеся за ее стенами либо обретут славу в веках, победив того, кто уже уничтожил восемь других крепостей Энолы, либо бесславно полягут в схватке с жестоким врагом. Воины заняли места у бойниц, маги сплели защитный купол. Женщины и дети спрятались в подземных убежищах, откуда в случае поражения смогут уйти по тоннелю, ведущему на берег Жемчужного залива... Но кто встретит их там, если Ал-Ферена, последний оплот империи, падет под мечом темного вестника?

Несколько лет назад четырнадцать иномирцев прибыли в Энолу, чтобы подарить стране счастье и процветание. Местные называли их итер-са, дивные, по имени мира, откуда они пришли. Мудрые чужаки открыли людям неизвестные доселе грани магии, подарив источники мощнейшей энергии, для защиты которых и были построены девять крепостей. Народ Энолы забыл о болезнях и голоде, синьоры отстроили разрушенные в последней войне замки, торговцы спустили на воду новые корабли, а маги стали могущественны, как никогда.

Теперь всему этому пришел конец.

Всего месяц назад явился темный вестник, а из девяти твердынь, хранивших силу империи, осталась одна. Армия нелюдей, ведомая ужаснейшим из исчадий бездны, оставляла после себя смерть и тлен. В Ал-Ферену, отрезанную от империи знойной пустыней и скалистыми горами, вести доходили редко, но были они одна другой страшнее. Многим защитникам крепости, не говоря уж об их женах и детях, снился ночами монстр, у которого вместо волос на голове копошатся пестрые змеи, а лицо так безобразно, что несчастные, увидевшие его без маски, лишались рассудка, а то и жизни.

Нападал он, по слухам, всегда одинаково: с первыми лучами солнца появлялся в небе верхом на огненном орлане в окружении уродливых гарпий и оттуда, с высоты, руководил кровавыми бесчинствами, что устраивали его солдаты — призванные из-под земли мертвецы, морские и речные чудища и пышущие огнем драконы.

Но у Ал-Ферены оставалась надежда. Четверо из итер-са, когда-то открывших людям волшебные источники, находились сейчас в крепости. Их силы и знаний должно хватить, чтобы одолеть врага. Хотя все помнили, что среди защитников разрушенных твердынь тоже были выходцы из дивного мира...

На широкой стене, обращенной к восходу, в окружении арбалетчиков стояли двое, маг-человек и итер-са. На родине он назывался альвом, здесь его, как и тех его сородичей, что много тысячелетий назад прошли пути силы и обосновались под новым солнцем, звали эльфом. Стройный, голубоглазый с длинными белоснежными волосами, заплетенными в сложную косу, итер-са выглядел полной противоположностью своему собеседнику, седовласому сморщенному старику, невысокому от рождения и еще больше согнутому годами.

— Он всегда приходит на рассвете, — произнес маг, с тревогой глядя в розовеющее небо над горизонтом. — Вестник тьмы является с наступлением дня. Почему?

Альв не ответил.

— Защита выдержит? — вместо этого спросил он у человека.

— Да. С вашей помощью, в зависимости от оружия и от того, что за чары применит враг, мы продержимся от трех до восьми часов. Но после придется принять бой.

— Значит, будет бой, — с решимостью обреченного кивнул итер-са.

Что-то тяготило его, но как ни старался маг, ему не дано было проникнуть в мысли дивного.

— Летит! — закричал один из бойцов, показывая на небо.

— Летит! Летит! — подхватили со всех сторон.

Враг появился внезапно — медленно увеличивающейся точкой на нежной синеве небосвода.

— Купол выдержит? — еще раз узнал альв у старшего мага Ал-Ферены, глядя, как приближающаяся точка обретает очертания гигантской огненно-черной птицы.

— Выдержит. Любую боевую магию.

Старик запнулся и в страхе уставился на небо. Вскинул вверх руки, ощупывая оплетшие крепость чары, и тут же уронил бессильно.

— Но он... Он не нападает!

Птица опускалась все ниже. Солдаты в панике вскинули арбалеты, и навстречу вестнику смерти полетели стрелы. Но, как и пущенные магами заклинания, они не причиняли огненному орлану вреда.

— Не стрелять, — упавшим голосом приказал альв.

— Не стрелять, — эхом повторил маг.

Через минуту огромная птица опустилась на заблаговременно освобожденное на стене пространство, но седока на ней не было. Кто-то даже успел вздохнуть с облегчением, прежде чем орлан, встряхнув пылающими крыльями, стал меняться, на глазах превращаясь в высокого широкоплечего мужчину в легких кожаных латах. Верхнюю половину его лица скрывала серебряная маска с замысловатой чеканкой. Виден был лишь подбородок, покрытый колючей щетиной, и искривленный недоброй усмешкой рот. Но раньше этих деталей привлекали внимание длинные темные волосы, заплетенные во множество мелких косичек, в каждую из которых впутаны были нити одного из цветов: белого, синего, зеленого или красного.

— Сложите оружие, — ровным сильным голосом приказал чужак.

Солдаты растерялись.

— Сложите оружие и спускайтесь во двор, — повторил мужчина в маске.

— По какому праву вы здесь распоряжаетесь? — осмелился подать голос маг, предварительно убедившись в тщетности попыток использовать против пришельца дар.

Улыбка чужака, похожая больше на оскал хищника, открыла на миг два ряда крепких белых зубов.

— По праву победителя. Я захватил крепость, а вам осталось решить: сдаться или умереть.

— Захватили? — поперхнулся неожиданным известием человек. — Когда?

— Когда пришел.

Он не совершал никаких пассов, не шептал заклинаний — посмотрел на крышу донжона, и развевающееся на ветру знамя вмиг оказалось объято пламенем.

Крепостные стены угрожающе задрожали. Из ниоткуда рядом с людьми стали появляться воины вражеской армии — не гарпии и зомби, а молодые мужчины и женщины. Двое встали за спиной у своего командира: златовласая красавица с длинным мечом,

рукоять которого оплетал, заползая воительнице на предплечье, зеленый плющ, и мужчина, сложивший пустые руки на груди, но глаза его при этом полыхали огнем, и ясно было, что он не нуждается в ином оружии.

— Теперь понятно? — спросил вестник.

— Да! — выкрикнул альв. — Чего ты хочешь?

Посланник тьмы оглядел его, будто только что заметил, и кивнул каким-то своим мыслям, укрытым в оплетенной змеями-косами голове.

— Где еще трое? — спросил он.

Итер-са сжал губы.

— Могу сам поискать, — жестко предложил чужак.

— Не нужно, — предупредил его певучий женский голос.

На стену, ведя перед собой скованных невидимой цепью пленников, поднималась невысокая худенькая девушка с коротко стриженными светлыми волосами. Даже в стальном доспехе она казалась невесомой, и непонятно было, как не падает под весом амуниции, и что за силы позволяют ей с легкостью нести длинное копьё с широким, похожим на лист подорожника наконечником.

Обескураженные дивным зрелищем арбалетчики без слов расступились в стороны, пропуская ее и связанных воздухом итер-са.

— Эсея, — покачал головой чужак в маске. — Разве я не говорил не вмешиваться?

— Разве я обещала слушаться? — пропела девушка.

Белокосый альв встретился с ней взглядами и опустил глаза.

— Эта война коснулась всех, отступник, — резко, насколько позволял тембр голоса, сказала она, успев заметить его удивление. — Было бы странно, если бы сильфы Энемиса остались в стороне. Особенно, если вспомнить, сколько моих братьев и сестер погибло в последнюю волну.

Высказав это, сильфида обернулась к командиру:

— Забираем их в Итериан или снова поступим милосердно?

Тот, кого в Эноле искренне полагали слугой тьмы, не задумываясь, ответил:

— Милосердно.

Но старик-маг не успел обрадоваться, как услышал:

— Казним их здесь.

Человеку сделалось нехорошо. Сказались преклонный возраст, слабое сердце и огромная отдача сил на сооружение бесполезного, как выяснилось, купола. В глазах у мага потемнело, и он упал бы, не придержи его кто-то за плечи. От прикосновения чужих, даже через одежду холодных на ощупь рук стало легче.

— Спускайтесь во двор, — негромко велел, отпуская его, статный юноша в броне, похожей на рыбу чешую. У него была бледная, слегка голубоватая кожа, и светлые-светлые глаза с вытянутыми как у змей зрачками.

«Все-таки нелюди», — подумал старик, послушно сходя вслед за солдатами и пленными итер-са со стены.

В голове у него все перепуталось. Чужаки, хоть и не были людьми, оказались совсем не монстрами, которых он ждал, но от этого делалось еще страшнее. На мгновение вспыхнула в душе слабая надежда, что если внешность захватчиков не соответствует рассказам, то, возможно, и все остальное, слышанное когда-то, окажется выдумкой или преувеличением, но после взгляда на их предводителя надежда эта растаяла без следа.

На широкий, замощенный каменными плитами двор согнали всех магов и солдат Ал-Ферены. Женщин и детей либо не нашли, либо не посчитали нужным привести на запланированную казнь.

Четверку дивных вывели в центр. Вокруг, развернувшись лицом к столпившимся людям, а спинами — к пленникам, выстроилось два десятка вражеских бойцов, а остальные, прохаживались среди обезоруженных защитников крепости.

Воин-орлан остался рядом с захваченными итер-са. Он, женщина с мечом, мужчина с горящими глазами, девушка с копьем и юноша в чешуйчатом доспехе.

— По законам Итериана я обязан огласить обвинение, — громко произнес тот, кого знали в Эноле как вестника тьмы. — Но мы не в Итериане, и я могу не делать этого.

Девушка, которую он называл Эсеей, покачала головой и сказала что-то на непонятном людям языке.

— Хорошо, — с неохотой согласился ее командир. — Пусть так.

Он тряхнул головой, отчего косички-змеи зашевелились как живые, и продолжил, демонстративно повернувшись спиной к приговоренным:

— В ваш мир и раньше являлись пришельцы из нашего, а потому для многих здесь не секрет, что именно Итериан является источником жизни и магии во всех мирах великого древа. А некоторым также известно, что только Итериан стоит между другими мирами и вечной угрозой. Тьма, Великое Ничто, Бездна. Убийственная пустота, цель которой — поглотить все и вся. Иногда враг долгими веками не дает о себе знать, но потом он все равно возвращается. Где-то происходит разрыв на всех пластах реальности, и ничто просачивается в наш мир...

Люди слушали и ничего не понимали. Какое ничто? При чем тут они и их крепость?

— ...Около тридцати лет назад началось новое наступление пустоты. Разрывы произошли сразу в нескольких частях мира, целые страны были уничтожены, все народы стихий понесли огромные потери. Прежде Итериан не знал такого, и даже шеары, владеющие силой четырех стихий, мало что могли сделать. Шеар Верден отдал свою жизнь, чтобы закрыть один из разрывов...

— Слава в веках! — гулким эхом пронеслось по рядам нелюдей.

— Слава, — негромко повторил рассказчик. — После гибели отца шеар Холгер и его сын шеар Эйнар продолжили борьбу с великой пустотой и, в конце концов, одержали...

— В конце концов, — перебила командира синеглазая альва с мечом, — когда девять лет назад у Итериана появился еще один шеар, нашему миру достало сил, чтобы за три последующие года в очередной раз справиться с вечным врагом.

— Спасибо за подсказку, Эллилиатарренсаи, — с явным недовольством поблагодарил мужчина. — Но мы отвлеклись. Собравшихся здесь интересует, в чем вина их добрых друзей, сделавших для их страны столько хорошего.

Итер-са, все четверо, опустили глаза.

— Их вина в том, что тогда, как народы Итериана сражались с всепожирающей пустотой, а после залечивали раны мира, возрождали леса, наполняли водами реки и отстраивали города, они не просто оставили свой мир, но и пытались нажиться на его мучениях. Источники силы, что они открыли вам — это раны Итериана. Энергия, которую вы черпали годами, — его кровь. Наша кровь. Жизни наших братьев и сестер. наших детей. Дети первыми страдают в любой войне, вы это знаете. Но как же нелепо, когда жизнь новорожденного флейма гаснет оттого, что здесь, в Эноле, какой-то чародей использовал его

огонь на то, чтобы вскипятить себе воды...

Старый маг вспомнил, сколько раз он использовал силу, чтобы заварить чай или разогреть обед, и поежился.

— Шеар Холгер, нынешний правитель Итериана, обязал меня рассказать историю их предательства людям Энолы, — продолжил посланец Дивного мира. — Он считает, что узнав, какой ценой получили благоденствие, они устыдятся своей невольной вины и впредь будут ценить каждую крупицу силы, что приходит к ним по связующим наши миры нитям. Шеар Холгер мудр... — Жесткая усмешка искривила не скрытый маской рот. — Но он не знает людей так, как знаю их я. Месяц назад я, один и без оружия, пришел к вашему императору и попросил выдать мне изменников и позволить залечить болезненные для Итериана разрывы. Пришел мирным послом, а ушел темным вестником. Так что... Давайте заканчивать этот балаган.

Он обернулся к приговоренным.

— Чуть не забыл об еще одном законе Итериана. Вам полагается последнее слово.

Трое итер-са молчали, лишь беловолосый осмелился поднять голову и заглянуть в темные прорези маски.

— Мы признаем свою вину и готовы понести наказание. Но знаешь... — Шалая улыбка осветила лицо альва. — Пять лет в спокойствии и достатке, вдали от черных провалов смерти, стоят целой жизни.

— Если бы ты расплачивался только своей, я бы с тобой согласился, — ответил осужденному обвинитель. После обратился к четверем своим спутникам: — Вы знаете, что делать. Я — к разрыву.

И исчез.

Наблюдавший за всей сценой маг моргнул от неожиданности. Он полагал, что вестник сам расправится с предателями, но тот перепоручил грязную работу подчиненным. Впрочем, и те не спешили пускать в ход оружие.

— Воздух покарает изменников Итериана, — певучим голосом возвестила сильфида. Острые копья по-прежнему смотрело в землю.

— Огонь покарает изменников, — произнес мужчина с пламенным взглядом.

— Земля покарает изменников, — подняла меч над головой женщина.

— Вода покарает изменников, — настала очередь юноши в чешуе.

Воздух вступил первым: порыв ветра подобрал с каменных плит пыль и сухую листву и закружил вокруг приговоренных, почти полностью скрывая тех от наблюдателей. Огонь явил себя в виде сверкнувшей на безоблачном небе молнии, ударившей ровно в центр пыльного вихря...

Старый маг напрягся, ожидая услышать крики страдальцев, но ничего подобного не последовало. А в следующий миг он сам едва не закричал, почувствовав, что источник силы, поддерживавший его в последние годы, недоступен. Недужное сердце напомнило о себе острой болью в груди, слабые стариковские ноги подкосились, и некому было удержать его от падения. Рухнув на колени, человек ощутил вибрацию земли. Еще одна стихия проснулась, чтобы наказать отступников. Но не только: стены крепости загудели и пошли трещинами, с крыш посыпалась черепица — Ал-Ферена, как и ее старший маг, жила энергией чудесного источника. Кровью Итериана, как сказал чужак в маске, только что, очевидно, залечивший последнюю рану своего мира.

Уши захватчики так же, как и появились: командир птиц взмыл в небо, а остальные

растворились в воздухе или провалились под землю.

Если от предателей-итер-са остался пепел, ветер успел его развеять.

— Крепость рушится! — очнулись люди. — Все к воротам!

На счастье мага кто-то подал ему руку и помог подняться. Несколько человек побежали в подземелье к женам и детям, чтобы вывести их, пока ходы не завалило.

«Нужно будет писать отчет, — думал старик, уже с безопасного расстояния наблюдая за окончательным падением Ал-Ферены. — Изменники, посланник итерианского шеара, казнь... Или уже как все? Безжалостный вестник тьмы с армией чудовищ разгромил крепость...»

Историю, как известно, пишут победители. Но если тем недосуг, побежденные переписывают все по-своему.

Когда Кеони, молодой тритон, в обязанности которого среди прочего входило вести записи о деяниях их небольшого отряда, поинтересовался у командира, как отметить сегодняшний день в хрониках, тот, подумав, сказал:

— Напиши: «Погода была хорошая».

Третий шеар Итериана крайне несерьезно относился и к истории, и к собственной роли в ней. А ведь если даже отбросить события последних девяти лет, одна только миссия в Эноле заслуживала быть увековеченной, дабы потомки помнили героев и никогда не пошли по стезе предателей.

Взятие Ал-Ферены далось легко и без лишних жертв, но в самом начале приходилось куда сложнее. Пока оставались открыты разрывы, справиться с отступниками и людьми, черпавшими силы в боли Итериана, стоило немалых усилий, как физических, так и моральных: трудно сражаться, когда знаешь, что для отражения каждой атаки враг крадет энергию жизни твоего мира. Но чем меньше оставалось источников, тем проще было захватить очередную крепость, тем меньше лилось крови и меньше ненависти оставалось в сердцах энольцев после их ухода. Люди не все одинаковы, и кто-то осознавал, что их обманом вовлекли в постыдное преступление. И не все они видели в пришельцах из Итериана воинов тьмы. Кеони, как и многие его соратники, искренне верил в это, и лишь их предводитель, которому безразлично было, что говорят и думают о нем даже в родном мире, тем более не волновался о том, какую память оставит о себе в чужом.

— Но, шеар...

Тритон хотел, чтобы командир дал иные распоряжения насчет хроник, но тот раздраженно махнул рукой и отошел подальше от свиты и остальных бойцов, уединившись на узком скальном карнизе, нависшем над глубоким ущельем.

Здесь, в горах, воины Итериана дожидались, когда откроется проход домой. Чтобы уменьшить грозящую другим мирам опасность, шеары ограничили перемещения. Дети стихий могли появляться в чужих мирах только там, где светило солнце, и до темноты должны были уйти. Предатели тоже знали об этом, потому всегда готовы были к встрече на рассвете и всеми силами старались затянуть бой до ночи.

— Не тронь его сейчас, — посоветовала альва, которую в отряде называли просто Лили. Странное имя для дочери земли, почти человеческое, но Кеони никогда не слышал, чтобы кто-то, кроме шеара, сумел без запинки выговорить то, которым нарекли ее при рождении. — Запиши, что сам считаешь нужным.

Юный тритон вошел в свиту шеара последним из четырех, а Лили была старшей из всех и самой опытной, и к ее словам, как бы странно они ни звучали, стоило прислушаться. Альва

пережила уже три волны. Пустота отобрала у нее мужа и единственного сына, но горе не сломило женщину и не ожесточило сверх меры, и уже за это в глазах Кеони достойна была глубочайшего уважения. А еще она лучше остальных знала их шеара. Тот редко кого подпускал к себе, делая исключение лишь для свиты, и то не всегда, а из остальных членов отряда немногие могли похвастаться личным общением с командиром.

— Позволишь взглянуть? — женщина кивнула на тетрадь, которую Кеони прижимал к груди.

Не ожидавший такой просьбы юноша смутился.

— Пожалуйста, — не смог отказать он. — Но это черновые наброски.

На первой странице красивым почерком было выведено: «Деяния Этьена, славного шеара Итериана, обманувшего смерть и время, старшего сына мудрого шеара Холгера и внука шеара Вердена, да славится имя его в веках».

Лили прочла это и, не заглядывая дальше, вернула тетрадь.

— Пиши впредь все сам, — повторила она свой совет. — И постарайся, чтобы это не попало ему на глаза.

Оставив Кеони, она прошла по скальному выступу и присела рядом с шеаром, по его примеру безбоязненно свесив с карниза ноги.

— Хотел бы и я однажды узнать его так же хорошо, как она, — со вздохом сказал тритон оказавшейся рядом Эсее.

Сильфида, представлявшая в свите шеара народ воздуха, улыбнулась.

— Вряд ли у тебя получится.

Зависнув над землей, она обняла за шею бывшего намного выше нее юношу и зашептала ему на ухо что-то, от чего щеки тритона, не имея способности краснеть, сделались насыщенно-лилового цвета.

Эсея всегда говорила правду или то, что считала правдой, могла поспорить с самим шеаром и часто не стеснялась в выражениях, грубость которых не сглаживал нежный голос. Некоторые недоумевали, почему из всех сильфов Итериана сын правителя принял в личную свиту именно эту девчонку, и Кеони иногда — тоже. Все, что он знал, лишь гулявшие среди бойцов слухи. Говорили, что последняя волна уничтожила всю ее семью, от пра-прапрадеда до младших братьев, и шеар взял Эсею после того, как сильфида вместо клятв в верности ему и Итериану заявила, что ей больше нечего терять.

— Время, — предупредил со стороны Фернан. — Возвращаемся.

Шеар тут же оказался в центре своего маленького воинства.

Лишь теперь он позволил себя снять маску, которую носил, чтобы память врагов не сохранила его лица, и устало растер виски.

— Как же я хочу домой, — услышал Кеони его ни к кому не обращенный шепот.

— Мы скоро будем там, — поспешил обрадовать командира юноша и запнулся, увидев, как сердито сощурились яркие зеленые глаза и наморщился под разноцветными косичками лоб.

В следующий миг лицо мужчины разгладилось, и шеар ответил сыну воды улыбкой:

— Да, Кеони. Уже скоро.

День спустя

где-то еще дальше

Шеар Холгер, правитель Итериана, принимал в своем кабинете сына. Младшего сына, как теперь следовало говорить, но, если речь не шла об официальных мероприятиях, подданные остерегались делать подобные уточнения в присутствии Холгера. Законы четырех заставили его признать рожденного далеко от благословенных земель и каким-то дивом прошедшего испытание стихий бастарда, однако близких отношений между ними не сложилось, и приближенные понимали: для правящего шеара Эйнар был, есть и навсегда останется единственным ребенком.

Но возлюбленное чадо неожиданно стало на путь бунтарства.

— Что это? — Холгер, поморщившись, указал пальцем на голову сына.

В остриженных по плечи темных волосах наследника пестрели четыре тонкие косицы с вплетенными в них разноцветными нитями.

— Многие дети стихий выражают подобным образом свою принадлежность к тому или иному началу, — разъяснил Эйнар. — Шеару полагается носить все четыре цвета.

— Четыре цвета? — желчно переспросил Холгер. — То есть, без красной косички никто не узнает во флейме флейма, и без зеленой — альва в альве? А шеар так вообще не шеар, если не станет рядиться, как шут?

Правитель Итериана прекрасно знал, кто являлся родоначальником подобной моды, и то, что наследник поддался этим веяниям, его не радовало.

— Нет ничего плохого в том, чтобы носить на себе символ своей стихии, — произнес спокойно молодой шеар.

Для какого-нибудь человека отец и сын выглядели бы практически ровесниками, ведь у людей годы резче отпечатываются во внешности, оставляют морщины на лице и серебро в волосах. Но представитель любого из народов Итериана понял бы, что Холгер, высокий, как альв, и смуглый, как флейм, с голубыми глазами сильфа, и иссиня-черными волосами водяного змея, старше наследника минимум на триста лет: слишком наивным кажется рядом с родителем Эйнар, слишком просто глядят на жизнь чистые зеленые глаза.

Зеленые. Такие же глаза, но глубже и мудрее, были у отца Холгера, шеара Вердена, отдавшего жизнь, защищая свой мир от всепожирающей пустоты. Такие же глаза, но недобрые и колючие, увидел правитель девять лет назад, впервые принимая вернувшегося в Итериан мальчишку...

— Сними это, и впредь не смей появляться у меня в подобном виде, — приказал сыну правитель.

Эйнар наравне с отцом принимал участие в борьбе с вечным врагом и не раз демонстрировал невероятные для своих лет таланты, но в глобальных основополагающих вопросах, к коим, очевидно, относилась и прическа наследника, верховенство всецело принадлежало Холгеру.

— Это все, о чем ты хотел поговорить? — спросил младший шеар.

— Нет. Твой брат нас покидает. Вчера Эллилиатарренсаи повторно передала мне его просьбу, и я больше не вижу причин отказывать ему в этом странном желании.

Эйнар воспринял известие с недоумением. Даже полуразрушенный, пораженный

голодной пустотой, Итериан в сотни раз превосходил все остальные миры великого древа красотой и силой. А теперь, когда угроза миновала, лишь последний глупец променял бы Дивный край на людской мирок, лишенный благословения стихий и их магии.

— Да, — подтвердил Холгер. — Он уподобился отступникам, которых сам недавно изничтожил.

— Не нужно сравнивать. Предатели, на поиски которых ты отправил Этьена, бежали из нашего мира в трудное время и сами принесли немало бед своими действиями. А мой брат, как я понимаю, хочет посетить землю, что его взрастила. Думаю, он еще вернется.

«Ради всех нас надеюсь, что нет», — сказал про себя Холгер.

Вслух же он произнес другое:

— Я не хочу, чтобы его уход выглядел как изгнание. Не все поймут подобный каприз, а кое-кто, боюсь, обвинит меня в его решении...

— Ты дал достаточно поводов для подобных домыслов, отец, — осмелился вставить наследник.

— Тем, что не терпел молча его выходки? Сложно отвечать добром на грубость и враждебность. А Этьен с первого дня демонстрировал и то, и другое — ты ведь помнишь?

— Я помню и то, что имея весьма скудные знания о стихийных началах и не обладая элементарными практическими навыками, Этьен уже на третий день пребывания в Итериане отправился с малым отрядом к одному из разрывов и сумел соединить ткань реальности, до того, как ничто распространилось.

— Сумел, — согласился верховный шеар. — Сам знаешь, отказаться он не мог. А если и хотел... Этьен отчасти человек, и мыслит порой по-людски мелко. Он счел, что в случае его отказа я каким-то образом наврежу другому человеку — Генриху Лэйд, которого в прежней жизни твой брат считал отцом, и который, как ты знаешь, почти век прожил в Итериане, пользуясь моим покровительством.

Давным-давно, когда шеар Холгер отыскал на свежем пепелище раненого человека, с которым, как выяснилось, их связывала любовь к одной женщине и большая ложь, он и не думал, что, сохранив этому человеку жизнь и дав ему приют, преследует какие-то далеко идущие цели. Лэйд был любопытен ему, как необычный для своего племени экземпляр, как интересный, невзирая на низкое происхождение, собеседник. Как тот, кто пять лет прожил по сути его, Холгера, жизнью, став мужем его женщине и отцом его сыну.

— В любом случае, прошлое — это прошлое, — решил правитель. — Сейчас мне нужно, чтобы уход твоего брата не вызвал волнений в народах. Торжественный прием, прощание на высшем уровне, дорогие подарки, дружеское приглашение на чашечку чая, как-нибудь лет через сто, а лучше — двести... В общем, займись этим.

— Каким образом? — растерялся Эйнар. — Этьен жаждет общения со мной не больше, чем с тобой.

— Тебе и не нужно с ним общаться. Поговори с Эллилиатарренсаи или Фернаном, только им двоим под силу вразумить твоего брата. Пусть уйдет, как подобает шеару. И выучит хоть одну приличную фразу для прощания с этим миром.

Последнее уточнение было нелишним. Потому что к встрече с Итерианом Этьен не особо готовился. Объявился посреди совета старейших, сплюнул через дырку между зубов на мраморный пол и, оглядев высокое собрание, спросил: «Ну и кому из вас, уродов, я так резко понадобился?». В хрониках это прописали как: «Я прибыл, чтобы служить этому миру», но оригинал фразы прочно вошел в историю, положив начало череде былей и небылиц о

третьем шее Итериана.

— Хорошо, отец. Я попробую. Полагаю, месяца хватит, чтобы все подготовить.

— Месяц?! Да он издевается!

— Этьен, пожалуйста, — Лили мягко, но крепко обхватила ладонями лицо беснующегося шеара, заставляя посмотреть ей в глаза и успокоиться. — Ты ждал больше девяти лет, неужели не подождешь еще немного?

— Нет, — мужчина тряхнул головой, вырываясь из ее рук. — Не хочу. Не могу больше.

Девять лет, три месяца и одиннадцать дней.

Каждое утро он говорил себе, что скоро вернется домой. Осталось немного. Разобраться с темными дырами, помочь в восстановлении мира, уладить спровоцированные катастрофой проблемы в граничных мирах. Всякий раз он думал, что новое дело станет последним, а когда старейшие наконец-то определили причину энергетической утечки, серьезно навредившей Полуденному континенту, Холгер сам объявил, что, выполнив миссию в Эноле, он получит свободу от всех обязательств.

Он поверил. Сразу же после Ал-Фарены распустил отряд, пожелав каждому из тех, кто был рядом в темные времена, найти себя в мирной жизни. Простился без сожалений. Никому из них он не стал другом и никогда не давал повода думать, будто служба при нем — это навсегда.

Со свитой — верной своей четверкой — собирался обсудить все отдельно, уже вечером.

А теперь правитель требует еще месяц?

— Лили, я устал. Я хочу домой.

— Ты и так дома, — женщина обвела рукой просторную, без излишеств обставленную комнату. Софа, два кресла, чайный столик между ними. На нежно-палевых стенах — картины в изящных рамах. В вазах — свежие цветы. Через высокие, распахнутые настежь окна льется теплый свет, и ветерок приносит ароматы зеленого сада и разливающегося за ним до самого горизонта моря. — Твой дом — Итериан. Я надеялась, времени, проведенного здесь, хватит тебе, чтобы понять это.

Альва не впервые заводила этот разговор, но ее слова не находили отклика в его душе.

— Ты заиклился на прошлом, Этьен. Это стало твоей навязчивой идеей: вернуться к спокойной жизни, туда, где все просто и понятно, где нет магии, странных существ, черной смерти и войн. Я могу это понять. Но и ты пойми, мира, куда ты стремишься, может быть, уже нет. А может, и не было никогда, и ты сам придумал себе дом, где тебя ждут.

— Он есть.

— Он был, — безжалостно поправила альва. — Возможно. Но девять лет — не девять дней. Все меняется.

— Надеешься, что я передумаю?

— Нет. Уже нет. Иногда нужно самому убедиться. Даже если будет больно, — она с нежностью погладила его по колючей щеке. — Боль отрезвляет. А я не позволю ей стать невыносимой.

Поцелуй стал бы естественным продолжением ее жеста, но шеар отстранился.

— Лили, я благодарен тебе за все, но...

— Но? — альва заинтересованно приподняла бровь.

— Не хочу, чтобы ты неверно толковала наши отношения. Я считаю тебя другом. Хорошим другом. Но не больше.

— Ох, малыш, — рассмеялась она. — С чего ты взял, что я претендую на большее?

Все, что в его представлении выходило за рамки дружеских отношений, — несколько проведенных вместе ночей — для Эллилиатарренсаи Маэр, знающей рода Хеллан, имело иной смысл. Но он до сих пор о многом судил по людским меркам, и сейчас хотел расставить все точки. Во избежание.

И без того все запутано.

Когда-то Тьен-Валет придумал отличную классификацию: свой-никто. Это помогало избежать лишних проблем. За своих стой горой, а на тех, которые никто, махни рукой и забудь, пусть хоть передохнут все. Шеар Этьен от подобного разделения не отказался. Но своих с каждым днем становилось больше и больше.

Сначала отец. Не Холгер — Генрих Лэйд. Встретившись с ним, Тьен на миг поверил, что вернулся в детство. Отец был точь-в-точь таким, каким он его помнил: полноватый, лысоватый, с прячущейся в густых усах добродушной улыбкой. Разве что очков не носил — в Дивном мире нет болезней и проблем со зрением или слухом. И глаза стали мудрее и грустнее. Зато сказок у него скопилось намного больше, и Генрих с готовностью делился с сыном тем, что успел узнать за десятилетия, проведенные в Итериане.

Лили и Фер — как не назвать своими тех, кто поддерживает тебя в чужом мире, страхует на краю разрыва и прикрывает от вечного недовольства правителя?

Потом появились Эсея и Кеони: рядом с шеаром всегда должна быть малая свита — представители каждого народа стихий. Сильфида, внешне хрупкая и беззащитная, поражала силой духа. Она напоминала ему Софи. А мальчишка-тритон чистотой и наивностью походил чем-то и на Ланса, и на малыша Люка.

Все они были похожи на кого-то.

Вдовы и убитые горем потерь матери — на Манон.

Старухи родов, в трудное время собиравшие вокруг себя несмышленный молодежь, — на горбунью Нэн.

Как-то Тьен встретил альва, которого коснулась пустота. Он выжил, но лишился руки и способности обращаться к своей стихии. Перед походом к горам Энемиса, вернее — к тому, что осталось от гор, он подходил к каждому члену их отряда и желал удачи. Как тот шарманщик с изломанными пальцами, что бродил по ярмарочному полю с обезьянкой, раздающей за грошики счастливые предсказания...

И однажды пришло осознание: вот оно, то, о чем говорил Огонь.

Шеар — это не только сила четырех стихий. Это понимание, сострадание, ответственность за судьбы народов. И именно тогда, когда он понял это, тогда, а не перед развернувшейся в ничто дырой, стало по-настоящему страшно. Получалось, скоро весь мир запишется в свои. И хорошо, если всего один мир. Заботься о них, лечи, спасай... А после мучайся, если что-то не так сделал, куда-то не успел, кому-то не помог.

Спасение пришло откуда не ждал: в нескольких граничных мирах разгорелись спровоцированные просочившейся тьмой войны, и мудрейший Холгер командировал недавно обретенного сына остановить распространение пагубной заразы. А на войне не слишком-то тянет любить всех и вся. На какое-то время он вообще забыл о том, что есть такое чувство. Только радовался, что тьма расползлась по ветвям великого дерева далеко от той тоненькой веточки, на которой повис новогодней игрушкой маленький, надежно укрытый даже от него мирок...

Но теперь черные дыры и чужие войны в прошлом. Итериану больше не нужен третий шеар.

А третьему шеару не нужен Итериан.

Осталось лишь одно незаконченное дело, с которым так и не получилось разобраться. А в последние годы и не пытался уже: отложил до того дня, когда навсегда простится с Дивным миром.

Но Холгер отсрочил дату прощания.

Может, и к лучшему.

Было время еще раз все взвесить.

Проверить.

Убедиться, что у него все еще есть дом, где его ждут...

Этьен подошел к этажерке в углу комнаты и снял с полки небольшую резную шкатулку. Открыл — внутри было пусто.

— Эллилиатарренсаи, — обернулся он через плечо. — Ты на моей стороне?

— Всегда, — последовал незамедлительный ответ.

Шеар захлопнул шкатулку и открыл снова, теперь в ней лежали длинные серебряные ножницы.

Он вынул их и протянул женщине.

— Режь!

Шеари Арсэлис, супруга правителя Холгера и мать его, как однажды выяснилось, младшего сына, слыла спокойной и уравновешенной женщиной. Она никогда не повышала голос и не позволяла себе грубых слов в адрес кого бы то ни было, не устраивала сцен мужу или выволочек прислуге, не била посуду и ничего не поджигала. Кто-то считал это странным для флеймы. А свекровь, шеари Йонела, вдова шеара Вердена, при случае всегда ставила ей в укор излишнюю мягкость.

— Не знай я, что ты рождена огнем, приняла бы за ундину, — пожилая сильфида в очередной раз не удержалась от того, чтобы поддеть невестку, по традиции заглянувшую в ее покои после ужина. — Ты податлива, как вода.

— Как вы себя чувствуете, матушка? — привычно проигнорировала пущенную в нее шпильку Арсэлис.

— Свежей, как морской бриз.

Невзирая на преклонный возраст, Йонела далека была от того, чтобы вернуться к началу начал, растворившись в воздушных потоках. Ее некогда голубые глаза посерели, как небо в ненастный день, белоснежные волосы истончились и утратили пышность, а стан не был так тонок, как когда-то, но сильфида по-прежнему радовала взор красотой и легкостью, а слух — нежным голосом. Произносить подобным голосом гадости было для нее удовольствием, и шеари редко себе в нем отказывала.

— Мой сын все еще мучится с этой головной болью? — спросила она невестку.

— Головной болью? — удивилась Арсэлис. Муж, как она знала, пребывал в добром здравии.

— Ладно, с занозой в заднице. Так понятнее? — В юности Йонела, как и многие дочери воздуха, частенько посещала миры людей и позаимствовала у тех некоторые образные выражения.

— Было бы еще понятнее, если бы вы называли своего старшего внука по имени.

— Э-тьен, — тренькнуло недовольным колокольчиком. — Что это за имя?

— Человеческое, матушка. Вы же знаете. Вчера он вернулся из Энолы.

— Сюда? — насторожилась сильфида.

— Нет, не во дворец. Когда он не в разъездах, живет в городе со своим воспитателем. Это вы тоже знаете, — флейме было известно, что третий шеар в пику ее мужу называет Генриха Лэйда отцом, но она использовала более верное определение.

— Я-то знаю, — проворчала Йонела. — Но все меняется. И меня удивляет твоё спокойствие.

— Разве у меня есть повод для волнений?

Этот разговор повторялся с завидной регулярностью, и его участницы назубок знали свои роли.

— У тебя — конечно, нет, — всплеснула руками сильфида. — У тебя простой женской гордости нет! Попробовал бы Верден притащить в дом ублюдка!

— Я уже говорила вам: не мне упрекать Холгера за ошибки, совершенные еще до нашей встречи. А то, что мальчик нашелся — огромная удача для всего Итериана. Разве нет?

— Да-да, третий шеар, спаситель наш! — с издевкой пропела Йонела. — А о своем сыне ты подумала? Этот, как ты его называешь, мальчик старше Эйнара...

— Лишь по времени рождения. А по сути, ему нет и тридцати. Совсем ребенок, — флейма вздохнула. — Он кажется мне таким несчастным.

— Корона Итериана его осчастливит, — едко утешила свекровь. — А Эйнар останется ни с чем.

— Глупости, матушка. Правящий шеар выбирает наследника независимо от старшинства. К тому же наши законы не благоволят к детям, рожденным вне брака, освященного в храме четырех.

— Хвала четырем, мой сын не додумался потащить эту Аллей в храм! Но как он вообще с ней связался? Что в ней нашёл?

— Говорят, мужчина неосознанно ищет женщину, похожую на его мать.

— Что?!

— Аллей тоже была сильфидой, — кротко улыбнулась Арсэлис.

— Наполовину! — с возмущением поправила Йонела. — Но поверь, эта полукровка не потерпела бы чужого выродка в своем доме. В отличие от некоторых.

— Это не только мой дом, но и дом моего мужа, — ровно проговорила Арсэлис. — А Этьен — его сын. И я хотела бы, чтобы они однажды помирились.

— Ундина! — презрительно бросила сильфида, отлетев к окну.

— Змея, — одними губами прошептала флейма. И продолжила, повысив голос: — К сожалению, пока они оба не желают сближения. И... Этьен решил покинуть Итериан.

— Что же ты молчала? С этого нужно было начинать! Когда?

— Торжества, приуроченные к прощанию, назначены через месяц.

— Торжества? О, да, это стоит отметить!

— Он ведь не сделал вам ничего плохого, матушка, — покачала головой Арсэлис.

— Не успел.

Шум в нижних покоях не позволил сильфиде продолжить высказываться в адрес горячо нелюбимого внука.

— Холгер, — узнала она недовольный голос сына. — Готова спорить, я знаю, кто виновник скандала.

— Мало ли причин, — не приняла пари флейма. — Я спущусь и узнаю.

Уже на полпути к кабинету мужа она поняла, что свекровь не ошиблась.

— Ушел?! — слышалось из-за плохо прикрытой двери. — И ты позволила?

— Не мне спорить с шеаром.

Отвечавший правителю женский голос заставил Арсэлис остановиться. Флейма глубоко вдохнула, медленно выдохнула. Но все же выпустила на волю огонь раздражения, спалив ни в чем не повинный гобелен. Вдохнула еще раз.

— Нужно было послать за мной! — рычал Холгер.

— Не было времени. Он собрался в несколько минут, забрал Генриха и ушел.

— Я же просил тебя следить за ним! Ты обещала, что он не наделает глупостей.

— Это не глупость. Если хочешь, чтобы однажды он вернулся, не останавливай его сейчас.

— Я? Хочу?

— Кого ты пытаешься обмануть, Холгер? Если бы ты желал, чтобы он ушел навсегда, не прятал бы от него мир, где он родился, и позволял наведываться туда — так было бы вернее.

Какие бы чувства ни вызывала у Арсэлис эта женщина, шеари мысленно согласилась с нею. А вот ее муж решил поспорить:

— Запрет был обоснован иными причинами. Людские миры уязвимы. Мы и так рисковали, пропуская туда вас с Фером в год перед его возвращением, и впоследствии лишь полная изоляция могла защитить мир от проникновения тьмы. Этьен это понимал.

— Понимал. Но угроза миновала, и он ушел.

— Кто ушел? — Арсэлис сочла момент удобным, чтобы появиться в кабинете супруга.

— Этьен, — зло бросил шеар.

— Мое почтение, шеари, — склонила голову его собеседница. — Вы прекрасны, как всегда.

Флейма невольно бросила взгляд в сторону зеркала. Прекрасна: смуглая бархатистая кожа, вьющиеся смоляные локоны, черные, как ночь, глаза, точеный нос и полные алые губы.

— Спасибо, Лили. Так что случилось?

— Я же сказал, — сердито ответил правитель. — Этьен ушел. Снова позорит меня. Прием в его честь и прощание назначены через месяц...

— Месяц, — перебила мужа Арсэлис. — Он погуляет, отдохнет, и успеет вернуться, чтобы торжественно проститься.

— Вы так же умны, как и прекрасны, шеари. — В этот раз альва поклонилась ниже и с искренним почтением. Это было приятно.

— Да, пожалуй, так тоже можно, — согласился Холгер.

— Я прослежу, чтобы он не забыл, — предложила Лили. — Но нужен повод навестить его.

— Свите нужен повод, чтобы следовать за своим шеаром? — с наигранным удивлением приподняла бровь флейма.

Муж понял ход ее мыслей, и Арсэлис не стала задерживаться, иначе, пробудь она чуть дольше в одной комнате с альвой, пострадал бы еще один гобелен. А шеари, как всем известно, была спокойной и сдержанной женщиной.

Серебристо-серый автомобиль с открытым верхом на несколько секунд притормозил у булочной, а затем свернул за угол и неспешно покатил по тихой улочке. Подкрался, шурша шинами, к свежеразкрашенному в небесно-голубой цвет забору, по которому расползлись зеленые побеги хмеля, и остановился напротив калитки.

Здесь.

Прошла целая минута, прежде чем Этьен сумел разжать вцепившиеся в руль пальцы. Руки тут же затряслись, как у заядлого алкоголика.

— Шеар недоделанный, — выругал он себя шепотом. — Повелитель стихий!

Развернул к себе зеркало: вроде похож.

Пригладил пятерней непривычно короткие волосы. Отрепетировал улыбку. Ну да, зуб. Вырос через полгода жизни в Итериане, но можно сказать, что вставной.

Мужчина распахнул дверцу и вышел из машины. Проверил, по-прежнему ли блестят начищенные час назад новые коричневые туфли, стряхнул с лацкана легкого бежевого пиджака несуществующую пылинку и подошел к калитке.

Бегавший по двору щенок приветствовал его радостным лаем. На шум из дома выскочил худенький мальчишка лет двенадцати, и сердце остановилось на несколько секунд, чтобы тут же забиться еще быстрее.

— Вам кого?

Шеар сглотнул подступивший к горлу комок.

— Люк, — едва шевельнулись губы.

Мальчик не услышал. Развернулся к двери и прокричал вглубь дома:

— Ма-ам! Тут к нам пришли.

Нежданный гость еще не успел понять, что не так в этой фразе, как на крыльцо, на ходу вытирая руки полотенцем, вышла немолодая полная женщина в засаленном переднике поверх домашнего платья.

— Здравствуйте, — улыбнулась она приветливо. — Извините, на кухне вожусь...

— Вы здесь живете?

— Да. А что?

— Давно?

— Скоро семь лет.

Этьен посмотрел на мальчишку: темные волосы, карие глаза — как можно было ошибиться?

— Не знаете, куда перебрались старые жильцы? Меня долго не было в городе, хотел навестить знакомых...

Женщина спустилась со ступенек и подошла к забору.

— Простите, ничем не помогу, — извинилась она, пожав покатыми плечами. — Мы жильё через агента покупали, он документами занимался. Знаю лишь, что прежняя хозяйка умерла, и продавала дом ее дочка.

Между словами «умерла» и «дочка» успела пролететь мучительная вечность...

— Хотите, я вам адрес агентства запишу? — предложила женщина. — Может, там что подскажут.

— Да. Буду благодарен.

Получив листочек с адресом, шеар попрощался, но, уже идя к машине, обернулся:

— Здесь раньше розы в саду росли...

Он помнил только выглянувшие к весне из-под снега «пеньки», но часто представлял, как хороши будут летом разросшиеся кусты с пышными бутонами. Реальность обманула и в этом.

— Да, было, — кивнула новая хозяйка. — Первый год еще цвели у нас, а потом захирели почему-то.

Роз нет. Дома нет.

Не так он видел свое возвращение.

Лили оказалась права: девять лет — огромный срок.

Город изменился, люди изменились.

Вчера, когда они с отцом вернулись сюда, пришлось решить множество вопросов: документы, жилье, одежда. Со способностями шеара и доступом к банковским счетам Фернана это не составило особого труда: для проживания выбрал «Золотой двор» (давно хотел пожить в лучшей гостинице города), паспорта, на время позаимствовав у случайного прохожего образец, сделал сам, а после осчастливил один из центральных магазинов крупной покупкой, обновив и свой, и отцовский гардероб. Уже поздно ночью, оставшись один, выключил электрические лампы и зажег свечу. Всмотрелся в танцующее пламя и понял, что не найдет их так. Не узнает, ни Софи, ни тем более Люка. Попытался и надолг потерялся в калейдоскопе незнакомых лиц.

Девять лет, три месяца и двенадцать дней...

Лавка, в которой работала когда-то Софи, была на месте, да и лавочник тоже, еще больше располневший и совсем седой. О судьбе своей бывшей работницы он ничего не знал.

Здание старой почты снесли, но взамен ничего не построили, и поросший бурьяном пустырь наводил уныние.

Церквушка у парка превратилась в богатый храм. А вот сам парк пришел в запустение, и вряд ли теперь там был смотритель, а у смотрителя — собака...

В Торговой слободе пустили трамвай. Пришлось притормозить на перекрестке, пропуская звенящий вагончик.

На первом этаже знакомого с малолетства дома вместо мастерской точильщика располагался часовой магазин, а из окошка на втором пускал мыльные пузыри мальчуган лет семи.

Переливающийся всеми цветами радуги шар опустился Тьену на плечо и висел там несколько секунд. Как только он лопнул, мужчина вошел в наполненное тиканьем и боем помещение.

— Здравствуйте, — встретила его малышка в нарядном розовом платьице. — Хотите купить часы? Напольные, настенные, наручные, карманные?

На вид крохе было не больше пяти, но говорила она уверенно, словно являлась тут единоличной хозяйкой.

— Здравствуйте, — вежливо приветствовал ее шеар. — Нет, я хотел узнать кое-что. Здесь когда-то жила вышивальщица...

— Желаете заказать работу? — поинтересовались за его спиной.

Этьен медленно обернулся на голос, от которого сердце в груди радостно подпрыгнуло, и растеряно моргнул, увидев перед собой статную молодую женщину в легкой голубой блузе и узкой юбке.

— Так у вас есть заказ? — она убрала за ухо выбившуюся из аккуратной прически прядь, и знакомый жест развеял остатки сомнений.

— Здравствуй, Манон.

Она всмотрелась в его лицо и выдохнула недоверчиво:

— Тьен?

Шеар еще думал, удобно ли после стольких лет хотя бы взять ее за руку, а она уже бросилась ему на шею.

— Тьен! Боже правый, я уж и не чаяла...

В комнатке, куда привела открывавшаяся за прилавком дверца, пахло лимонами и сдобой, и шипел, закипая, на маленьком керогазе чайник.

— Изменилась? — смущенно спросила присевшая рядом с ним за стол хозяйка.

— Да.

— Бывает и так, — повела плечами Манон. — Иных женщин после родов вширь разносит, а я вот, если на третьего решусь, наверное, что та спичка стану.

— Мальчишка наверху твой, значит?

— Мой. Тео. Седьмой год разбойнику. А Оливи шесть осенью. Погодки они у нас.

— А муж кто?

— Ты его не знаешь. Не слободской он. Мастерскую у Блеза под магазин выкупил, где-то через год, как ты пропал. С торца две комнаты, помнишь? Так и их тоже. Хотел и мою квартиру купить, чтобы весь дом его был. Ну а я-то с рождения тут, с матерью еще жила... Помнишь, как она за вами с метлой гналась, когда Ланс окошко камнем разбил?

— Не Ланс, — с улыбкой покачал головой шеар, которого когда-то звали Валетом. — Я. А Лансу той метлой перепало. Защищал меня.

— Так тебе тогда лет десять было. А после я уж знаю, кто кого защищал... — Она встряхнулась, отгоняя воспоминания, и продолжила прерванный рассказ: — Так вот, отказалась я квартиру продавать. Юрбен ходил все, уговаривал. Долго ходил... В итоге получил-таки дом целиком, только со мной в придачу.

— Не обижает?

— Разве похоже?

— Нет, — с удовольствием признал Тьен. — А сейчас он где?

— На вокзал поехал. Товар новый должны привезти. Но если часок подождешь, познакомишься.

— Лучше в другой раз заскочу, — отказался мужчина.

— Точно заскочишь? — нахмурилась хозяйка. — А то обещал уже...

Вода закипела, и Манон встала, чтобы заварить чай. Словно невзначай, проронила, не оборачиваясь:

— Знаешь, какое у меня чудо приключилось? Около месяца прошло, как Ланса не стало — я как раз думала, что надо бы на кладбище сходить, — а мне кто-то денег подбросил. Утром встаю, а они на столе лежат, толстая такая стопочка. Наверное, сама тогда могла бы мастерскую выкупить.

— Действительно, чудо, — согласился Этьен.

Мастерскую купить вряд ли хватило бы. Сколько там у Фера в наличности было? Тьен требовал все подчистую: уходить, так хоть своих на произвол судьбы не бросать.

— Поменялось тут все, — сменил он тему. — Трамваи, автомобили. А аптека, гляжу, так и работает. Проезжал мимо, витрина новая.

— Там и хозяин новый, — Манон поставила перед гостем чашку. — Ганс дело продал, на покой ушел. Как внучка его два года назад умерла, так и продал.

— А сам жив еще?

— Жив. Крепкий старикан. Только в радость ли такая жизнь?

Она не ждала ответа, и Этьен промолчал.

— А вообще, как здесь? — спросил после паузы, отхлебнув обжигающего чая.

— Все так же. Торгаши торгуют, колода ворует. Из трех царей два осталось, но я как раньше в это не лезла, так и не лезу. Ходят тут охранители, плату снимают, как и было, — так с ними Юрбен всегда говорит.

— Ясно.

— Иветту не забыл? — Манон не знала, о чем еще рассказать, и вспомнила рыжую бланкетку.

— Не забыл. Небось, уже в мамки выбилась?

— Да нет. Три года назад схоронили ее общиной. Сошлась с матросиком одним. Под фонарь выходить бросила, завязала как будто. А потом он в рейс ушел, а она, дуреха, привела какого-то, из старых клиентов. То ли денег много посулил, то ли самой ей свербело. А матросик ее возьми и вернись. Обломались они под Рийе и назад повернули... В общем, мужика он только с лестницы спустил, а Иветту до смерти забил. Когда понял, что натворил, сам в полицию с повинной пошел.

— Дурак, — подвел итог печальной истории Тьен. — Жизнь из-за потаскухи загубил. А Иви, та всегда дурой была.

— Кое в чем ты не изменился, — заметила, погрузнев, Манон. — Речи знакомые. А сразу глянула, будто лет на десять старше стал.

— Так столько и прошло, — удивился ее «наблюдательности» шеар.

— Нет, — вздохнула женщина. — На десять лет того, сколько тебе сейчас должно быть, старше. Что, о себе снова ничего не расскажешь?

— Нечего особо, — замялся он. — Живу. Не бедствую. Родню нашел. Точнее, они меня.

— Да ну! — обрадовалась Манон. — Хоть про это расскажи, а? Что? Кто?

— Отец у меня нашелся, — поделился хорошей новостью мужчина. — Оказалось, мать со мной мелким к тетке в гости ехала, повозка перевернулась в дороге, всех убило, а я, видно, головой сильно стукнулся. Пошел непонятно куда, заблудился... Дальше ты знаешь.

— Знаю, — закивала вышивальщица. — Еще удивлялась, как это ты ничего не помнишь. Но если головой ударился, то да... Как же отец тебя нашел?

— Сыщика нанял, тот и нашел как-то.

— И узнал тебя через столько лет? — ахнула женщина.

— Узнал. Я на него в молодости похож. На старой карточке — один в один.

— Ну, дела, — она недоверчиво сощурилась. — Не врешь? А то больно на роман похоже.

— Не вру. Мы первый день в городе, пока освоимся немного, обживемся. Потом встретимся обязательно, познакомлю. А сегодня друзей решил навестить. Тебя вот застал, а если засиживаться не буду, может быть, еще кое-кого до вечера разыщу...

— Ту девочку?

— Девочку? — встрепенулся Этьен.

Манон ответила понимающей улыбкой.

— Лет пять назад это было. Я к Лансу на могилу пришла, а там девчонка какая-то.

Раньше меня подошла, прибрала немного, цветы положила. А когда я спросила, кто такая и кто ей Ланс, сказала, что ее друга друг. Ну а друзей у него немного было.

— Она обо мне спрашивала?

— Я первая спросила. Подумала, раз твоя знакомая, знает, куда ты запропал. Оказалось, примерно в одно время мы с ней тебя в последний раз видели.

— А потом? — Тьен нервно ерзал на стуле. — Что она еще говорила?

— Ничего. Попрощалась и ушла.

Чтобы размочить ставший в горле ком, шеар залпом выпил остававшийся в чашке чай, но этого оказалось мало.

— Она была одна или с мальчиком? И как... какая она?

Пять лет назад Софи было восемнадцать.

— Мальчика не было, — ответила Манон. — А сама? Миленькая. Одета неплохо. Грустная только была, так кто на кладбище веселится?

— Больше ее не видела?

— Нет. А ты чего вскочил?

— Я... — Тьен виновато опустил глаза. — Пойду. На кладбище заеду тоже, раз уж решил друзей проведать. И вот...

Он вынул бумажник, но женщина замахала на него руками:

— Убери, не нужно.

— Детям возьми. Знал бы, подарки привез.

— Вот в другой раз и привезешь, — Манон оттолкнула протянутые деньги. — Заедешь ведь еще?

— Обязательно.

На кладбище, а потом — в агентство.

Софи продала дом семь лет назад, но пять лет назад была еще в городе. Значит, они с Люком не уехали к отцу, как Тьен боялся, и есть шанс отыскать их уже сегодня.

На могиле Ланса лежало массивное черное надгробие.

Тьен оставил в изголовье цветы и погладил пальцем выемки выбитых в камне символов: имя, дата рождения, дата смерти. Имя...

Душу окатило холодной волной. Лишь сейчас он понял, что не знает полного имени детей, ставших ему семьей. Никогда не спрашивал. Ни разу в их доме не попадалось на глаза никаких документов. Софи, Люк... Сколько в городе Софи и Люков? Третий шеар Итериана, бесстрашно выходивший против всепожирающего ничто и переполненных ненавистью темных волн армий, почувствовал себя бессильным перед созданным людьми монстром паспортной системы.

Лишь миг слабости.

Приложив ладонь к нагретому солнцем камню, словно пожав протянутую через годы руку друга, Тьен поднялся с земли и огляделся. Тогда был конец зимы. Слякотно, холодно. Грязь на дорожках, голые веточки дрожащих на ветру кустиков. Сегодня — теплый летний день, солнце, и пышно разросшаяся зелень раскрашивает серо-черную скорбь могильных памятников. Но если закрыть глаза и идти, как в тот день, видя перед собой тоненький силуэт девочки, ведущей за руку маленького брата, память подскажет...

Он обещал Софи, что заменит деревянную табличку на могиле ее матери гранитной плитой, и не сдержал обещания. Но плита все-таки появилась, почти такая же как у Ланса — видно, камень тесали в одной мастерской, где-то поблизости. Пожалев, что не вспомнил

сразу и не взял цветов еще и для нее, женщины, которую он никогда не знал, но которой обязан был самым большим в своей жизни чудом, Этьен прочел имя: «Клер Хамнет». Значит, Софи и Люк Хамнет.

Он твердил их имена весь путь до агентства. Несколько раз приходилось останавливаться, чтобы узнать дорогу, и тогда он делал глубокий вдох и велел себе собраться, чтобы не ошарашить случайного прохожего, вместо нужной улицы, потребовав у него Люка и Софи.

Почти оказавшись на месте, подумал, что станет делать, если за несколько лет агентство закрылось или переехало в другое здание. Но контора находилась по тому же адресу, что записала ему новая хозяйка дома. И, что важно, работала.

Правда, на этом везение заканчивалось.

— Мы не разглашаем подробности сделок и не даем информации о наших клиентах, — заявил ему пожилой господин, над столом которого красовалась табличка «Управляющий».

— Софи Хамнет, она продала дом через ваше агентство семь лет назад. Я хотел...

— Мы не даем подобной информации, — повторил конторский сухарь.

«Я ее из тебя с кровью выжму!» — мысленно прорычал шеар.

— К тому же, старые дела давно сданы в архив, — случайной фразой предупредил намерения посетителя человек. И посоветовал сочувственно: — Сделайте запрос в полицейское управление или отдел регистрации в мэрии.

— Спасибо, — через силу поблагодарил Этьен. — Попробую.

Он покинул кабинет управляющего и направился к выходу, прикидывая, как долго чиновники разбирают подобные запросы, и ускорит ли дело пара десятков листов.

— Вы спрашивали о Софи Хамнет?

Шеар замер. Показалось, что он услышал голос свыше, но обернувшись, понял, что к нему обращается сидящий за конторкой в приемной молодой человек.

— Вы интересовались Софи? — переспросил он негромко.

— Да. Вы ее знаете?

Загорелый блондин, на котором пляжный костюм смотрелся бы уместнее строгого черного пиджака и удавкой стянувшего крепкую шею галстука, прижал палец к губам и скосил глаза на дверь начальника.

Тьен присмотрелся: парень был ему откуда-то знаком. Но где и когда он мог его видеть в прежней жизни, вспомнить не успел.

— Максимилиан, зайдите ко мне! — потребовал из кабинета управляющий.

Блондин поглядел на излишне громкого посетителя и укоризненно покачал головой.

— Вижу ее иногда, — шепнул он заговорщически. — Могу передать привет.

Недолго думая, шеар вынул бумажник и положил на стол перед клерком несколько крупных банкнот. Тот, не теряясь, тут же убрал деньги в ящичек.

— Сейчас напишу вам адрес. — Перо уже скребло по бумаге. — Спросите...

— Максимилиан! — напомнил управляющий.

— Завтра пятница? — игнорируя призывы начальства, уточнил у Тьена блондин. — Вот завтра и загляните. К полудню или чуть позже. Утром не надо, вообще не пустят...

— Максимилиан!

Протянув просителю сложенный вдвое листок, парень подхватил со стола толстую кожаную папку и поспешил к шефу, а Тьен вышел на улицу. Развернул записку и пробежал глазами адрес. Перечитал еще раз. И еще.

Ерунда какая-то.

Хотел идти назад и требовать у белобрысого хапуги объяснений, но передумал.

Еще раз прочел адрес: «Ли-Рей, Фонтанная улица, 7. Кларисса Санье».

Ждать до завтра? Хрена с два, как говорил когда-то Валет.

Сегодня.

Потому что завтра уже будет девять лет, три месяца и тринадцать дней.

Нужный дом отыскался быстро. Двухэтажный. Кирпичный. С высокими окнами и ажурным козырьком над крыльцом в три ступеньки. Оказавшись рядом, Этьен утратил решимость и долго еще изучал бы незатейливую архитектуру, если бы через силу не заставил себя выйти из машины. В сердце на смену радостному предвкушению прокралась тоска. А еще — предчувствие, что все не так легко, и не может быть, чтобы она вот так просто открыла ему сейчас дверь...

Предчувствие оправдалось: двери распахнул высокий худой старик в черном костюме.

— Здравствуйте, — произнес он чинно, ни о чем не спрашивая и предоставляя гостю самому объяснять, что заставило его потянуть за шнурок звонка.

— Добрый день. Я хотел бы видеть... — Софи? Клариссу? — ...хозяйку.

— Сожалею, но госпожа Кларисса в отъезде, будет поздно. Приходите завтра.

— А... А как же Люк?

Но дверь уже закрылась.

Этьен позвонил снова, нервно и требовательно.

— Будете хулиганить, я вызову полицию! — предупредил из-за двери старик.

— Лучше не надо, он вызовет.

Шеар обернулся и увидел молоденькую девушку в легком белом платье и широкополой шляпе, прячущей от солнца симпатичное худенькое личико. Под мышкой у нее был легкий мольберт, а на плече висела сумка, очевидно, с красками и прочими принадлежностями.

— У Жерара с этим быстро, — продолжила незнакомка. — С полицией. А вы новенький?

— В каком смысле?

— Недавно у нас? Я вас прежде не видела.

— Вчера приехал, — подтвердил мужчина.

— Издалека?

— Из Галора, — он спустился с крыльца и подошел к девушке. — Вы знакомы с хозяйкой?

— Не совсем. Но у нас тут все обо всех знают, постольку-поскольку.

— Поделитесь знаниями?

Художница окинула оценивающим взглядом сначала его, а после стоящий у обочины автомобиль и согласно кивнула:

— Подвезете к Зеленому мосту?

А уже усевшись на пассажирское сидение, добавила:

— Только я немного знаю. Но тут и ехать недалеко.

Этьен завел мотор.

— Рассказывайте.

— Я в Ли-Рей уже давно, — начала девушка, беззастенчиво разглядывая мужчину с близкого расстояния. — А Кларисса года четыре, как появилась. Сейчас держит салон. Ну, знаете: выпивка, разговоры об искусстве, музыка, танцы... У Клариссы какие-то связи в

галерее Амир, может поспособствовать молодым художникам выбиться в люди. Говорят, она тоже рисовала, но это, скорее, баловство. Жила с художником, почему бы самой не попробовать? Потом он начал пить... Художник. Творческий кризис, нехватка средств — многие срываются. Кларисса тянула его какое-то время, а потом плюнула и ушла к Марио, антрепренеру. Сменяла пропойцу на чахоточного. С этим еще год мучилась, но хотя бы не даром. Два года назад Марио умер, а Клариссе остался дом, салон и счет в банке. Вот как бы и все. И мы почти на месте.

— А Люк?

— Кто?

Тьен остановил авто на подъезде к старому каменному мосту. Развернулся к девушке.

— У нее есть брат. Сейчас ему должно быть тринадцать.

Художница пожала плечами.

— Никогда о нем не слышала. Может, в какой-нибудь школе? В интернате? Кларисса, она порядочная, что бы ни говорили. Если у нее брат есть, вряд ли она его в Ли-Рей притащила бы. Я так думаю.

— Я тоже, — шепотом согласился Тьен.

Девушка вышла из машины и забрала с задних сидений мольберт и сумку.

— Хотите, портрет нарисую? — предложила она. — У вас лицо такое интересное. И глаза...

— Нет.

Не прощаясь, он надавил на газ, и автомобиль рванул с места, оставляя позади растерянную художницу, кварталы Ли-Рей и вырванный кусок души.

Столько лет спасать чужие миры, чтобы потерять свой...

В гостиницу вернулся к пяти.

— Этьен! — Генрих Лэйд, наверное, услышав, как он отпирает ключом двери своего номера, тут же выскочил из соседнего. — Наконец-то! Я тут с ума схожу. Этот город, люди, машины...

К паршивому настроению добавилось чувство вины: совсем забыл об отце! Если самому Тьену спустя девять лет город показался чужим, то каково было человеку, пропустившему в истории родного мира почти столетие?

— Прости, папа. Я... купил автомобиль.

— Автомобиль? — удивленно переспросил Генрих, входя вслед за ним в номер. — Ты умеешь управляться с этим железным зверем?

— Не сложнее, чем летать на вивернах.

— Автомобиль, — пробормотал Лэйд. — Даже не думал... Знаешь, я вышел из гостиницы, прошел всего квартал и чуть не заблудился. Мир вырос и изменился. Чувствую себя в нем такой же древностью, как те, за которыми охотился когда-то.

— Это пройдет. Тебе тут еще понравится.

— Думаю, понравится, — улыбнулся успокоившийся с его появлением человек. — Только не бросай меня больше, пока я не разберусь, что тут и как.

— Не брошу, — уверил Тьен и вздрогнул, услышав в своих словах обещание, что дал когда-то, но не смог выполнить.

— Что-то случилось? — заволновался Лэйд, увидев, как он переменялся в лице.

— Устал. Не возражаешь, если я отдохну недолго? Выкупаюсь, вздремну пару часиков, а потом поужинаем вместе?

— Хорошо. Я посижу у себя. Купил газет, прочитаю. Но потом буду задавать вопросы, готовься!

У каждого свое спасение. Отец нашел свое в чтении. Никто не скажет, сколько книг он прочел в Итериане, заполняя ими одинокие дни.

Хотя, с одинокими днями перебор, конечно. В столице мира был целый район, где жили попавшие к дивным люди или их отпрыски. Нет, дети стихий не притесняли полукровок, вынуждая селиться отдельно, но тем удобнее было держаться вместе. И Генрих Лэйд, у которого от щедрот шеара Холгера имелся собственный дом недалеко от дворца, часто навещал соплеменников... До того случая...

Тьен поморщился, отгоняя неприятные воспоминания. Ни к чему ворошить прошлые обиды, и без них есть, что вспомнить.

В ожидании, пока наполнится ванна, шеар снял одежду, пропитавшуюся запахом бензина и несбывшихся надежд, и, прилег на кровать, мыслями возвращаясь к самому первому дню своей новой жизни.

...Первый переход был болезненным. Позже Фер объяснил, что это оттого, что он родился не в Итериане. Мир людей признал его своим и не желал отпускать. А Тьен не желал уходить. Так что, оказавшись в Дивном мире, он не испытал благоговения перед открывшимся ему величием древнего города, а согнулся пополам и, не стесняясь спутников, избавился от остатков обеда. А едва распрямылся и отер лицо рукавом, его снова всосало в чуждое подпространство и вынесло, ни много ни мало, в дворцовый зал совещаний. И там-то

он, если верить хронографам, сходу известил всех, что прибыл служить этому миру.

— Эллилиатарренсаи! — гневно воскликнул мужчина, восседавший в кресле на небольшом возвышении. — Как это понимать?

— Вы велели привести его, когда он будет готов, — невозмутимо ответила Лили. — Он готов.

Мужчина поднялся с места, подошел к нему, заглянул в глаза и тут же отвернулся.

Сделал несколько шагов к центру зала и громогласно объявил:

— Старейшие четырех народов, представляю вам третьего шеара Итериана. Мой... — он запнулся, и, возможно, эта секундная заминка стала первой трещинкой, превратившейся за годы в пропасть между ними. — Мой сын Этьен.

— Тьен, — по привычке поправил юноша. И когда на него были устремлены все взгляды, он произнес другую фразу, не вошедшую в хроники даже с поправками: — Мне обещали встречу с моим настоящим отцом, а не с мерзавцем, который сначала бросил, а потом убил мою мать.

На этом собрание закончилось.

Старейшие испарились, Фер и Лили — тоже, и он остался один на один с Холгером.

— Впредь не смей заявлять ничего подобного, — холодно отчеканил правитель, — иначе я вынужден буду вызвать тебя на бой в защиту справедливости.

— Видал я такие бои, — Тьен хорохорился, а внутри все переворачивалось от страха. Давящая мощь первого шеара ощущалась буквально физически.

— Не знаю, кто сказал тебе это, но я не имею отношения к смерти твоей матери, — будто и не слышал его Холгер.

— Докажи.

— Моего слова достаточно.

Юноша снова хотел сказать что-нибудь колкое, грубое, но вдруг понял, что действительно достаточно. Сила четырех стихий, недавно проснувшаяся в нем, говорила, что Холгер не врет. Тьен застыл, пораженный внезапным открытием, и тогда, догадавшись, что произошло, правитель впервые взглянул на него без раздражения и даже, казалось, с интересом.

— Это дар шеара, — пояснил он. — Ты можешь распознавать правду и ложь в решающие моменты жизни.

— Только в решающие? — пробормотал юноша, путаясь в мыслях и чувствах. — Не всегда? Что же сейчас решающего произошло?

— Ты мне поверил, — сказал Холгер. — Что до твоей матери, мне неизвестно, кто виновен в ее смерти. Я пытался найти его, но шеар отнюдь не всемогущ. Скоро ты это поймешь.

После была встреча с Генрихом, радость, немного приглушившая грусть расставания с оставшимися в другом мире близкими людьми, долгие разговоры. Минутное знакомство с высокородной семьей, Арсэлис, Эйнар и Йонелой, и снова разговоры с отцом. Вспоминали маму, дом, живших в нем людей. Тьен рассказал о том, как сложилась жизнь маленького Шарля, попутно поведав об изобретении кинематографа. Рассказал, что был в музее, что работы археолога Лэйда не забыты, как и он сам.

— А ты? — спросил отец. — Как ты жил там один? Чем занимался?

— Я был вором, — признался Тьен. — Хорошим вором. Но не очень хорошим человеком.

— Наверное, тебе простительно, — вместо упреков и новых вопросов пожал плечами Генрих. — Ведь ты не совсем человек.

После этого он больше не спрашивал его о жизни до Итериана.

А на второй день Тьен увидел разрыв...

Ванна набралась, и он выкупался, вместе с потом смывая нахлынувшие воспоминания. Затем, как и говорил отцу, собирался отдохнуть до ужина. Но прежде чем лечь, достал принесенную из Дивного мира шкатулку. Открыл, заглянул в пустой ларчик, закрыл и опять открыл. Вынул на свет сделанный когда-то музейным фотографом снимок.

— Я вернулся, — сказал глядящей на него с карточки девочке. — К тебе. Ты ведь ждала... хоть немного?

Она не ответила. Она никогда не отвечала, но это не мешало ему говорить с ней часами. У каждого свое спасение.

Проспав почти три часа, Этьен чувствовал себя значительно лучше.

Да, многое изменилось. Но можно изменить все снова.

Он зашел за Генрихом, и они вместе спустились в ресторан. Заказали ужин и долго беседовали под ненавязчивые звуки рояля и легкое белое вино.

— Завтра я отлучусь, — предупредил отца Тьен. — Не знаю, надолго ли. Но ты не волнуйся, хорошо?

— Хорошо, — обещал Лэйд. Замялся, но все же осмелился заговорить о том, что его беспокоило: — Неловко спрашивать, раз уж я не сделал этого за столько лет, но... У тебя остался кто-то в этом мире? Ох, что я несу, конечно, остался, ты ведь жил тут не один год. Но мне казалось, у тебя не было особых привязанностей, иначе, думаю, ты поделился бы...

— Пап, я просто хочу пройтись по знакомым местам.

— Да-да, понимаю.

— Когда вернусь, пойдем в кинотеатр. Помнишь, я рассказывал?

— Ожившие изображения? — глаза Лэйда загорелись детским любопытством.

— Да. Это тебе точно понравится.

Как ни близки они были с отцом, некоторые тайны Тьен хранил и от него.

Разговор плавно перетек на научные и технические достижения мира, а затем постепенно заглох. Генрих, которому после размеренной жизни в Итериане впечатлений за день хватило бы на год, не меньше, стал позевывать и клевать носом.

— Продолжим за завтраком, — решил Этьен, расплачиваясь по счету.

Сам он, выспавшись днем, прогулялся бы по ночному городу, но боялся, что ноги сами приведут в Ли-Рей. А он уже дал себе зарок, появиться там завтра не раньше полудня. Блондинистый стяжатель из агентства явно неспроста уточнил время.

Проводив отца до дверей его номера, Тьен направился к себе.

Первое, на что он обратил внимание, открыв дверь, так это на включенный свет, хотя он точно помнил, что выключал его, уходя. А затем увидел под потолком зависшую рядом с люстрой Эсею.

— Какая прелесть, — напела сильфида, тыча пальцем в лампочки. — Огонь в баночках. У тебя тут интересно.

— Угу, — сложив на груди руки, мрачно согласился Этьен. — И с каждым часом все интереснее. Что ты тут делаешь?

— Жду, пока Фер и Лили возьмут нам комнаты, а Кеони выйдет из ванной. Его подсушило при переходе.

Тритон, нуждаясь в постоянном притоке влаги, чувствовал изменение среды острее товарищей, но, в этот раз переход для него был не самым трудным, и не успел Тьен задать следующий вопрос, как Кеони появился в комнате. Освежившись, выглядел он весьма довольным: покрывавшая мускулистые плечи чешуя блестела, прозрачные плавники на руках и икрах переливались в ярком электрическом свете. Юноша увидел шеара и без слов согнулся в почтительном поклоне. Влажные темные волосы почти коснулись пола, а спинной плавник приветственно распрямился.

— Повторяю: что вы здесь делаете? — проявляя невероятное терпение, спросил шеар.

— Прибыли в твое распоряжение, — выпрямившись, объявил тритон.

— Мы должны всюду следовать за тобой. — Эсея спустилась на пол и стала рядом с Кеони. — Разве нет?

— Нет.

— Твой отец другого мнения, — сообщила сильфида.

— Он приказал вам прийти сюда?

— Нет, что ты! — махнула рукой девушка. — Но намекнул, что прикажет, если мы сами не вспомним о своих обязанностях.

— Если еще не понял, нас вышвырнули из Итериана, — без стука вошла Лили. В отличие от Эсеи, на которой был традиционный наряд женщин ее народа — свободное многослойное платье из полупрозрачных тканей, белой и голубой, и Кеони, на котором кроме чешуи и плавников не было ничего, альва успела одеться по местной моде. Элегантное черное платье плотно облегло ее фигуру, оттеня струящиеся по плечам золотистые локоны, а на ногах у красавицы были туфли с высокими острыми каблуками, которыми она сердито отстукивала по полу. — Да, дорогой мой, вышвырнули и обратно не ждут. Так что если хоть заикнешься о том, чтобы мы шли туда, откуда явились, за целостность мебели, стен и твоей головы я не ручаюсь.

Она никогда не стала бы говорить с ним так при посторонних. Но свита — это не посторонние, это почти семья. А в семье случаются размолвки.

Волна возмущения схлынула, и Тьен почувствовал себя неловко перед товарищами, за которых нес ответственность и перед законами Итериана, и перед собственной совестью.

— Где Фер? — поинтересовался он.

— Оформляет нам номера, — ответила Лили.

— Я говорил, что это не обязательно, — вклинился в разговор тритон. — Тут есть река, я могу жить там. А Эсея устроилась бы где-нибудь на крыше.

— Сам объяснишь, или мне это сделать? — спросила у Тьена альва.

— Сам, — вздохнул он. — Кеони, это — человеческий мир. Тут не привыкли к таким, как вы... как мы. Поэтому будет лучше притвориться людьми.

— Хорошо, — с готовностью кивнул юноша. Подобрался, и плавники медленно втянулись под кожу, а чешуя стала прозрачной и, в конце концов, полностью исчезла. Тритон несколько раз моргнул, и змеиные зрачки приобрели округлую форму. — Похож на человека?

— Почти, — улыбнулся Тьен. — Но люди тут обычно не расхаживают голышом.

Дивные тоже носили одежды, но у детей воды, проводивших большую часть времени в родной стихии, был несколько иной взгляд на этот вопрос.

— Оденем мы его, не переживай, — успокоила альва.

— Или я могу невидимым сопровождать тебя повсюду! — внес встречное предложение

Кеони.

— А вот этого не надо, — предупредил шеар. — Ни невидимыми, ни сопровождать.

Лили, чего хочет Холгер?

— Чтобы ты вернулся.

— Что?

— Дослушай, — вскинула руку женщина. — Чтобы ты вернулся, принял полагающиеся тебе почести, вежливо попрощался и снова ушел.

— Но я так и собирался поступить.

— Зная твою непредсказуемость, правитель решил подстраховаться.

— Ясно. Тогда, если нет возражений, месяц пересидим здесь.

— А если есть? — заинтересовалась Эсея.

— Если есть, пошлю вас в более привычный для вас мирок.

— Нет. Мы останемся, — ответил за всех тритон. — Наш долг...

— Так, слушаем меня, — прервал пафосную речь Тьен. — Во-первых, забыли о долгах. Никакого эскорта, никакой слежки. Во-вторых, меры безопасности. За Лили и Фернана я спокоен. Эсея, осторожнее с полетами. Кеони, следи за внешностью, и тут нельзя купаться в фонтанах. Отдыхайте, изучайте мир. Сходите завтра в кино или в театр, отцу нужна компания.

— А ты? — полюбопытствовала сильфида.

— А я не обязан отчитываться. Еще вопросы есть?

Вопросов не было, и заглянувшему в номер Фернану осталось только пожелать спокойной ночи.

Появление свиты не заставило отказаться от планов. Утром Тьен зашел к отцу и разъяснил ситуацию, но на завтрак не остался, перепоручив Генриха итерианцам, а итерианцев — Генриху. Забрал из гаража автомобиль и несколько часов кружил по городу, не рискуя подъезжать к окраинам Ли-Рей. Выпил кофе в маленьком ресторанчике. Купил букет цветов. Купил сигарет. Выкурил одну до половины, подавился кашлем и выбросил всю пачку. Потом выкинул цветы.

К полудню сидел в припаркованной напротив дома Клариссы Санье машине и жалел о выброшенном букете. Но недолго.

— Кларисса! Кларисса, я знаю, что ты там!

Молодой мужчина, потрепанный и небритый, пошатываясь, стоял под окнами и орал во всю глотку, привлекая внимание немногочисленных прохожих.

— Кларисса, лживая шлюха, я знаю, что ты дома! Скажи этому наглому лакею, чтобы впустил меня! Слышишь, потаскуха? Скажи, чтобы впустил, не то я...

Злость вскипела в душе, выплеснулась через край, и нутро обожгло огнем.

Не отдавая себе отчета в том, что собирается сделать, Этьен вышел из авто и направился на противоположную сторону улицы. Но когда до крикуна оставалось несколько шагов, дверь дома номер семь отворилась.

«Неужели впустит?» — с горечью подумал шеар.

Остановился в стороне. Увидел, как на крыльцо вышел давешний дворецкий.

— Здравствуйте, господин Поль, — вежливо поздоровался он с вцепившимся в перила оборванцем. — Госпожа Кларисса не может спуститься, она плохо чувствует себя с утра. Но она передала вам это. — В руку дебоширу перекинула сложенная банкнота. — Возможно, вы захотите выпить стаканчик «Эмери» за ее здоровье.

Скандалист враз угомонился. Сунул деньги в карман. Еще не совсем утратившее былую привлекательность лицо искривила плаксивая гримаса.

— Солнышко мое, — прошептал он одними губами. — Хорошая моя. Не оставит в беде...

Так, тихо восхваляя женщину, которую только что хаял на весь квартал, человек пошел по улице и вскоре скрылся за поворотом.

Этьену подумалось, что это, возможно, тот самый спившийся художник...

А через мгновение он ни о чем уже не думал, потому что двери дома, за которым он следил неустанно, снова распахнулись, и на крыльцо вышла девушка в простом голубом платье. Напрасно он боялся, что не узнает ее в огне: она почти не изменилась. Как и раньше тоненькая, стройная, невесомая, как сифида. Невысокая, но и не маленькая уже. То же милое личико, ясные глаза, аккуратный носик. Из-под шляпки выглядывают короткие, не ниже плеч, завитушки золотисто-русых волос...

— Спасибо, Жерар. Вы меня спасли.

— Счастлив услужить, — поклонился дворецкий.

Девушка легко сбежала по ступенькам и огляделась. То ли высматривала кого-то, то ли опасалась возвращения крикуна.

— Софи, — позвал Этьен негромко.

Она машинально обернулась на имя и замерла. Лицо сделалось серьезным и непроницаемым, миг назад лучившиеся теплом глаза остыли.

Узнала, понял он. И радости в этом узнавании не наблюдалось.

— Здравствуй, Софи.

— Здравствуй.

— Я приехал позавчера... Видел дом. Новая хозяйка дала мне адрес агентства...

Он путался в словах, но видел, что для нее эти слова ничего не значат.

— Прости, я спешу, — сухо произнесла девушка.

— Позволишь проводить? Мы могли бы поговорить по пути...

У обочины притормозил закрытый черный автомобиль, и в их и до того нескладный разговор вмешался визгливый клаксон.

— Это за мной.

Софи направилась к машине, но он преградил ей путь.

Хотел сказать что-то, он приготовил целую речь — было время... А она передернула плечами и просто обошла его, как досадную преграду.

— А несложно, да, выучиться на куртизанку? — бросил он ей в спину. — Пригодился учебник?

Как она могла? Как?

Она была его светом, была...

Девушка остановилась, равнодушно глянула на него через плечо.

— Когда-то мне объясняли, что деньги не пахнут.

Села в авто и захлопнула дверцу.

Она была. А теперь уже нет.

Все, что он успел — заметить на ее запястье тонкий серебряный браслет.

Управлявший авто молодой человек, полноватый курчавый шатен с тоненькими усиками, первое время молча следил за дорогой. Но терпения хватило ему ненадолго.

— Кто это? — спросил он задумчиво глядевшую в окно девушку.

— Старый знакомый, — призналась Софи. — Случайно столкнулись.

— И он успел тебя чем-то расстроить, — заметил водитель.

— Нет. Это... Поль снова приходил. Скандалил под окнами, я боялась из дома выйти.

Но Жерар его спровадил.

— А, ясно. — Молодой человек решил не продолжать неприятную тему. Доехав до перекрестка, остановился и обернулся к спутнице: — Куда сейчас?

— Сначала в школу. Заберем малышку, занятия вот-вот закончатся.

Машина повернула направо.

Притормозивший через минуту на этом же перекрестке серебристо-серый автомобиль долго стоял, а после свернул налево.

За стойкой пивной стояла вульгарно разукрашенная тетка в свалывшемся белобрысом парике. По такой хорошо проверять степень опьянения: как покажется милашкой, значит, все, пора уходить. Только кто от милашки уйдет?

— День добрый. — Она остановилась напротив Тьена. Окинула опытным взглядом, оценила стоимость костюма и степень тоски в глазах. — Есть вентанский бренди. Настоящий.

Мужчина кивнул, и через секунду перед ним появилась бутылка и пустой бокал.

После первого глотка в груди потеплело...

— Корова неповоротливая! — бранилась тем временем кабатчица на уронившую поднос официантку. — Чтоб тебе пусто было!

— Не нужно «пусто», — еле слышно прошептал шеар. — Пусто — это плохо. Очень плохо.

Налил себе еще.

...Первое утро в Итериане началось с мучительного осознания, что он больше не дома. Не было фабричного гудка, шагов в коридоре, родных голосов. Только щебет птиц за окном, и их радостный гомон казался ужаснейшим из звуков.

— Выспался? — Лили сидела в кресле в углу отведенной ему в доме Генриха комнаты. Спокойное лицо, бесстрастный голос. Во взгляде проскользнуло на миг любопытство, но тут же погасло. — Я принесла тебе одежду. Собирайся и спускайся вниз.

— А если я не хочу? — спросил Тьен угрюмо.

— Тогда побуду твоей нянюшкой: сама умою, посажу на горшок, одену и поведу гулять. Согласен?

Менее чем через полчаса он уже стоял в холле.

— Неплохо, — одобрила, осмотрев его, альва.

Наряд, состоявший из свободной темно-зеленой рубахи и плотных коричневых брюк, пришелся впору. Высокие кожаные сапоги, по мнению Тьена, смотрелись нелепо, но их он тоже надел, не желая спорить с «нянюшкой».

— Идем, — скомандовала женщина.

— Завтрака не будет? — нахмурился юноша.

— Для твоего же блага.

Он полагал, что они пойдут во дворец к Холгеру, но Лили проводила его к причалу на узкой быстрой речушке. Там они сели в длинную лодку без гребцов и весел, и вода доставила их к замощенному каменными плитами пустынному плацу. Тьен подумал, что у итерианцев, принято устраивать тут показательные казни: серый камень был в каких-то подозрительных пятнах. Но спросить, верны ли его догадки, новоявленный шеар не успел. Отвлекло пение от реки:

— Много красот в разных мирах ты увидишь, много чудес. Но нигде ты не встретишь ничего прекраснее и чудеснее, чем наш Дивный мир...

— Ундины, — пояснила Лили. — Для тебя стараются.

— ...Мир, рожденный по воле четырех. Мир, где вода идет рука об руку с огнем, а воздух танцует с землей. Мир, где в радуге тысячи цветов, и каждый из них неповторим...

Песня завораживала, мелодия проникала в самое сердце. Но стоило прислушаться к

голосам невидимых певуний и попробовать повторить за ними слова, обнаруживалось, что и рифма, и ритм отсутствовали напрочь. Непонятно было, каким образом эти «не стихи» ложатся на музыку.

— Еще не догадался? — заметила его недоумение альва. — На каком языке, ты думаешь, я с тобой говорю?

— На каком? — озадачился Тьен.

Женщина рассмеялась:

— Надо же, такой маленький и глупенький, а уже шеар!

— Так на каком языке мы говорим? — потребовал ответа не оценивший шутки юноша.

— Ты — на своем, я — на своем, — пояснила, если это можно было счесть пояснением, альва.

— Но я тебя понимаю.

— Все понимают детей стихий, а дети стихий понимают всех. Разве ветер в разных мирах шумит по-разному? Или вода журчит иначе? Или земля и огонь в одном мире не такие, как в другом?

— Не знаю, — буркнул Тьен. Он видел всего два мира, тот, в котором родился, и Итериан. Тут ветер шумел так же, как дома.

— Мы понимаем людей, а люди понимают нас, — продолжила лекцию Лили. — Но если дети стихий не захотят быть услышанными, их не услышат. Дело не в языке. Это как громкость. Когда с тобой говорят громко, ты хорошо разбираешь речь. Когда кто-то перешептывается между собой, до тебя долетает невнятный шум. Вот например... — Она и правда произнесла что-то невразумительное: ни понять, ни повторить. — Так говорят альвы. Дети других стихий общаются иначе. Будет желание, научись понимать и их. Я долго жила рядом с ундинами и тритонами, кое-что разбираю в их болтовне. А ты шеар — тебе положено.

— Скажи еще что-нибудь, — приказал Тьен.

Женщина хмыкнула, но подчинилась. Юный шеар не понял ни слова, и, судя по выражению лица альвы, — к лучшему.

— Значит, как громкость? — переспросил он.

— Да. Вот еще один пример.

Она достала из мешочка на поясе тонкую трубочку, и Тьен непроизвольно отшагнул назад, вспомнив, каких сюрпризов можно ждать от подобных безделушек в этих нежных ручках.

— Не бойся, это свисток. Он твой.

Юноша с удивлением принял подарок.

— Подуй, — велела Лили.

Он с опаской поднес трубочку к губам. Дунул. Пожал плечами:

— Ничего не слышно.

— Тебе. А она слышала.

— Кто?

Альва указала вверх. Медленно и плавно размахивая широченными крыльями, к ним приближался крупный темно-зеленый ящер.

— Это не дракон, — предупредила Лили. — Не путай, а то драконы обижаются. Это — виверна.

На неискушенный взгляд Тьена, приземлившееся на плац существо отличалось от

виденных им на картинках драконов лишь тем, что имело всего одну пару лап — заднюю. Передние ему с успехом заменяли сложившиеся перепончатые крылья. Опираясь на них, виверна неторопливо приблизилась к молодому шеару и его спутнице. Легкая и грациозная в воздухе, на земле она казалась неуклюжей, но отнюдь не забавной. Огромная голова покачивалась на длинной изгибающейся шее, раззявленная пасть пугала двумя рядами длинных острых зубов, а хвостовая пика даже на вид была острой и опасной. Но альва не выказывала признаков страха, и Тьен старался следовать ее примеру.

Когда виверна остановилась в нескольких шагах и уставилась на них, по-щенячьи вывалив раздвоенный язык, стало видно, что она оседлана, а на вытянутую морду надета длинная уздечка.

— Это наш транспорт, — подтвердила догадку Лили.

— Если нам далеко, я, может быть, сам полетел бы, — неуверенно проговорил шеар.

— Научись обходиться без «может быть», летай, сколько угодно, — холодно осадил его женщина. — А сейчас нет времени на эксперименты.

Опасливо косясь на скалящуюся морду, юноша взобрался в седло. Альва устроилась позади.

— Ты ведешь, — заявила она.

Что и как делать, Тьен не знал, но спрашивать не стал: сама так решила, пусть, если что, пеняет на себя. Но вышло неплохо... для первого раза. Если бы позавтракал, было бы намного хуже.

Лили указывала направление, иногда перехватывала поводья, но не правила, а только помогала. Минут через пять полет виверны перестал напоминать резкие метания летучей мыши то вверх, то вниз, в голове прояснилось, и взбудораженный желудок опустился на место. Тьен даже начал испытывать некое подобие удовольствия от такого способа передвижения, но надолго это чувство не задержалось. Впереди, за зелеными лугами и внезапно обрывающимся лесом стеной стала тьма.

Виверна, не слушаясь поводьев, пошла на снижение.

— Пусть, — шепнула в ухо альва.

Когда лапы разволновавшегося животного коснулись земли, Лили первая соскочила вниз и пошла узкой тропой между незнакомых Тьену высоких деревьев с гладкими, будто отлитыми из темного металла стволами и толстыми кожистыми листьями размером с ладонь.

Больше не было шуток и насмешек, альва нервничала не меньше виверны, которая, избавившись от седоков, тут же взмыла в небо и затерялась в облаках на светлой его половине. Тьену тоже было не по себе. Сам воздух здесь, казалось, наполнен тревогой. Воздух, вода, земля, огонь...

Огненные вспышки рассекали тьму, но яркое пламя тонуло во мраке безо всякой надежды осветить непонятное нечто. Или ничто.

— На самом деле оно не черное, — тихо сказала Лили. — Оно никакое. Ни цвета, ни звуков.

— Это смерть, — прислушался к своим ощущениям Тьен.

— Хуже чем смерть. — Женщина прикрыла глаза, остановившись у границы, за которой мир и все сущее переставало быть. — Дети стихий не боятся умирать. Когда приходит время, мы возвращаемся к своим началам, чтобы однажды родиться снова. Тот, кого забрала пустота, не вернется никогда.

Тогда он подумал — нет, не подумал, а понял — что она потеряла кого-то близкого в этой пустоте, но спросить не решился.

— Потому ты и нужен здесь, — продолжала Лили. — Лишь шеар способен остановить это. Закрыть разрыв. А после мы уже восстановим разрушенный мир. — Она присела и коснулась рукой земли. Почва под ее ладонью зашевелилась, за несколько мгновений выросла небольшая горка, и на ее поверхности показались молоденькие побеги какого-то вьюнка. — Вот так.

Тьен молчал. Смотрел в пустоту и не проронил ни слова.

Какое ему дело до того, что этот мир рушится, когда по воле здешних жителей его собственный мир рухнул не далее чем вчера? Пусть Итериан целиком провалится в ничто: не останется Холгера и его семейки, никто не явится в дом Софи и не придет крылатых теней.

Не будет сладкоголосых ундин, ветреных сильфид, альвов и флеймов. Не будет песен без рифмы и радуг в тысячи цветов. Не будет чудес...

— Что случится, если я откажусь помогать вам? — спросил он.

— Не знаю. Возможно, справимся и без тебя. А ты... Ну, проживешь в городе, с Генрихом. Вернуться домой ты в любом случае пока не сможешь.

— Почему?

— Пустота разрушает границы миров, разрушает границы света. А на смену свету всегда приходит тьма. Войны, болезни, природные катастрофы. Никто не скажет, как это проявится. Пока не ликвидирован последний разрыв над Итерианом, опасно открывать дорогу в другие миры: чем плотнее они закрыты, тем меньше вероятность, что тьма коснется их. Хотя... — она неприязненно поморщилась. — Если тебе настолько противно здесь находиться, думаю, Холгер сделает для тебя исключение. Я говорила ему, что это — пустая затея. Полукровка никогда не станет шеаром.

Последние слова прозвучали неприкрытым оскорблением. Но Валету, росшему на городских задворках, было не привыкать. Плевать ему на то, что думает о нем высокомерная альва и, тем более, Холгер.

Он сказал бы ей это в лицо, но отвлекла очередная огненная вспышка за спиной женщины. В этот раз длинная струя пламени будто сожгла часть пустоты, и в оставленном ею следе высветилось чистое голубое небо. А затем Тьен увидел источник пламенных разрядов, и это уж точно была не виверна. Величественный черный дракон парил между обрывками неба и земли, огненным дыханием и взмахами крыльев изгоняя губительную тьму.

— Драконы латают разрывы?

— Шеары латают разрывы, — поправила Лили. — Только они могут коснуться всепоглощающего ничто и не раствориться в нем... какое-то время.

После Тьен узнает, что закрытие разрыва требует силы всех четырех стихий, и потому никто кроме шеаров не способен справиться с пустотой. А еще он узнает, что если силы на исходе, а разрыв разрастается вопреки всему, шеару достаточно предложить пустоте вместо кусочка мира себя, и она, насытившись, уйдет...

Но это будет потом.

А в тот момент он, не в силах отвести взгляд, следил за движениями дракона.

Видел, как могучие крылья поднимают воздух.

Как из пасти вырывается огонь.

Как вслед за его полетом тянется к небу и тянет небо к себе земля.

И вода тяжелыми каплями пота и слез падает вниз, прошивая распоротое пространство, мелкими стежками...

— Холгер — дракон?

— Это его боевая ипостась, — ответила альва. — Шеар

— Я драконом не буду, — насупившись, объявил юноша. Он ничем не желал походить на первого шеара Итериана.

— И кем же ты будешь? — заинтересовалась Лили.

— Придумаю.

— Точно придумаешь?

— Да, — обрубил он последние сомнения, не ее — свои. — Передай ему, что я останусь, пока это не закончится. Он же за этим тебя послал, Эллилиатарренсаи?

Женщина удивленно приподняла бровь.

— Я в тебе ошиблась, малыш. — Выдержала паузу и усмехнулась: — Ты все-таки выговорил мое имя с первого раза.

Вечером, когда соберется небольшой отряд добровольцев или, скорее, смертников, готовых сопровождать неопытного шеара-полукровку к недавно открывшемуся разрыву, на который не было времени и сил ни у Холгера, ни у Эйнара, когда перезнакомятся, обсудят планы и разойдутся до рассвета, Тьен запрется в своей комнате и достанет из-под матраса завернутую в платок фотографию.

— Я тут задержусь немного, хорошо? Не ради них, ради вас. Не хочу, чтобы хотя бы маленькая частичка этого пришла в наш мир.

Кровь четырех стихий и чужая заемная сила не позволили бы избежать предназначения. Но тогда он еще не понимал этого и верил, что сам принял решение остаться.

Ненадолго.

Неделя, месяц, полгода...

Неизвестно, чем занималась в отсутствие шеара его свита, гуляли ли дивные по городу и ходили ли в кинотеатр, но вернувшись в гостиницу, Этьен застал всех четверых в своем номере. Как и во время военных походов, товарищи держались вместе. Такая сплоченность радовала, но бивак можно было устроить в комнате одного из них.

От строгого выговора удержало присутствие здесь же Лэйда.

— Как прошел день? — спросил Тьен вместо того, чтобы разогнать всех и завалиться на кровать, уже оккупированную Фером и Эсеей.

— Неплохо, — ответил за всех Генрих. — А у тебя?

— Тоже... ничего так...

Археолог подошел к сыну и поморщился, почувствовав запах алкоголя.

— Этьен, — прошептал он, оглядываясь на итерианцев, будто всерьез верил, что они ничего не услышат. — Ты что, пьян?

— Если бы, — шеар раздраженно тряхнул головой.

— Но он старался, — подлетев к командиру, Эсея втянула носом воздух в дюйме от его лица и скривилась. — Сколько ты выпил?

— Много.

— Но зачем? — недоумевал Генрих.

— Хотел почувствовать себя человеком.

А добился лишь того, что внутри все горело, по лицу катился пот, и влажная рубашка прилипла к телу. Воздействие спиртного было кратковременным: все, что не сжигал огонь,

вымывалось водой.

Тьен вынул из кармана платок, чтобы утереть лоб, и не заметил, как на пол упал многократно сложенный листок. Зато шустрая сильфида тут же заинтересовалась, подхватила бумажку и взмыла с ней к потолку.

— Ли-Рей, Кларисса Санье, — зачитала она вслух. — Кто такая Кларисса Санье?

— Никто, — хмуро ответил шеар. — Это роза. Очень красивая, с большими ярко-красными бутонами.

— Надо же, — проговорил задумчиво Лэйд. — В Ли-Рей теперь разводят розы? В мое время там селились комедианты и шлюхи...

— Она не шлюха! — От злости не понимая, что делает, Этьен вспышкой метнулся к отцу и схватил того за грудки, приподняв над полом. — Не шлюха. Ясно?

— Да-да, — Лили, до поры тихонько сидевшая на стуле у окна, тут же оказалась рядом и мягко оторвала его руки от пиджака Генриха. — Мы уже поняли: она — роза.

Альва обвела взглядом всех находившихся в комнате и красноречиво указала глазами на дверь.

— Думаю, тебе нужно побыть одному.

Тьен понимал, что должен извиниться перед отцом, но не мог сейчас этого сделать. В ответ на предложение Лили кивнул и отвернулся, чтобы не видеть, как те, кого он теперь считал семьей, один за другим покидают комнату.

Набрал полную ванну и, забравшись под воду с головой, пробыл там несколько минут, в течение которых ничто не отвлекало от размышлений. Вынырнув, уже принял решение.

Высушился, причесался. Достал из шкафа отутюженную рубашку и новый костюм.

Она ведь светилась — он видел, но не понял. Зациклился на внешнем, наносном. На том, что говорили ему глаза и уши. А она светилась, совсем как раньше, и значит, все остальное неважно.

Когда-то Софи спасла его, не только от смерти, но и от жизни, которую он вел до встречи с ней. Неужели он не оплатит ей тем же?

— Он ушел, — сообщила товарищам сильфида, материализовавшись в комнате Фернана, куда итерианцы перебрались из номера шеара. И хихикнула: — Видимо, за розами.

Но весело не было.

— Девять лет огромный срок для людей, — вздохнула Лили. — Я говорила ему, что так получится.

— И как всегда оказалась права, — буркнул со своего места флейм.

— Поверишь, если скажу, что меня это не радует? — огрызнулась альва.

— Нужно что-то делать, — оборвала не начавшуюся перепалку Эсея. — Выяснить, что его беспокоит. Я могу проследить, куда он направился.

— Он приказал так не делать, — напомнил Кеони.

— А я опять обещала слушаться? — усмехнулась сильфида.

— Если попадешься, знай: мы будем чтить твою память, — обещал Фер.

Но всерьез девушку никто не отговаривал, и через миг она растворилась в воздухе, чтобы легким ветерком догнать отъехавший от гостиницы автомобиль.

Тьену ничего не стоило незаметно войти в дом на Фонтанной улице, но, как и до этого, он не воспользовался своими способностями: друзья не вламываются без спроса. Лишь когда открывший дверь дворецкий поинтересовался, приглашен ли он на вечер к госпоже Клариссе, не сдержался. Коснулся плеча человека, и тот застыл.

Шеар пересек небольшой холл и вошел в гостиную, откуда слышались голоса и музыка.

В просторной комнате собралась большая компания. Трое мужчин что-то оживленно обсуждали, рассевшись на диване. Две девицы курили у открытого окна. Еще одна любезничала с молодым человеком, устроившимся на подлокотнике ее кресла. Слова у них перемежались с поцелуями, и сидевшая напротив женщина, худая брюнетка лет сорока, наблюдала за ними с осуждением и плохо скрываемой завистью. Остальные гости, их было около десятка и в основном — мужчины, окружили пианино, за которым сидела молодая женщина в темно-зеленом вечернем платье. Глубокий вырез открывал спину, а цвет наряда гармонировал с медно-рыжими волосами пианистки, уложенными в высокую прическу так, что ничто не мешало любоваться изящной шеей. Этьен видел женщину со спины, но предполагал, что и в иных ракурсах та хороша, ибо играла она довольно посредственно и, как музыкантша, вряд ли собрала бы вокруг себя столько поклонников.

Софи в гостиной не было.

— Добрый вечер, — поздоровался шеар.

Фортепиано умолкло, и женщина в зеленом, крутанувшись на вращающемся стульчике, развернулась к нежданному гостю. Он не ошибся: привлекательное молодое лицо, белая нежная кожа, какая бывает только у рыжеволосых, большие синие глаза, совершенно лишне подведенные темными тенями, и пухлые, ярко накрашенные губы.

— Что вам угодно? — голос у нее был хрипловатый, но приятный.

— Я хотел бы поговорить с хозяйкой.

— Так говорите, — она поднялась навстречу. — Единственная хозяйка здесь — я.

— Вы? — ошарашенно переспросил мужчина в воцарившейся тишине. — Вы — Кларисса Санье?

Он был уверен, что только Софи могла придумать использовать название сорта розы как псевдоним... Но кто сказал, что она придумала его для себя?

Он присмотрелся к женщине и вспомнил, где видел прежде эти же глаза, губы и волосы.

— Анна?

Хозяйка с укором качнула головой.

— Себастьян, замени меня, — попросила она одного из окружавших ее молодых людей.

Приблизилась к растерявшемуся гостю, без предисловий схватила его за рукав и потащила прочь из гостиной. Провела через холл, в котором бродил, приходя в себя, освободившийся от чар дворецкий, и втянула в комнату, по всему, служившую ей чем-то вроде кабинета и мастерской одновременно. Включила свет.

— Во-первых, Амелия, — объявила она, опершись на заваленный бумагами стол. — Но это было давно и не здесь. Здесь — Кларисса. А во-вторых, здравствуйте, Виктор. Или как вас теперь зовут?

— Амелия? — Он проигнорировал ее вопрос. — Сказать честно, я ожидал встретить Софи.

— Софи? — Пришел ее черед удивляться. — С чего вы взяли, что она будет тут?

— Я был дома... в ее доме, — без утайки принялся объяснять мужчина. — Потом — в агентстве, через которое она его продала. Какой-то парень сказал, что я найду ее тут. В пятницу, ближе к полудню...

— Вот и приходили бы к полудню, — сказала хозяйка. Она была смущена и растеряна не меньше его: не каждый день в твоей жизни появляется знакомец из давнего прошлого. — Парень в агентстве — должно быть, Макс. Максимилиан Руж. Возможно, вы его помните, и ту зиму он тоже ходил на каток. Он заглядывает иногда. Знает, что по пятницам вечерами у меня обычно гости, а днем Софи привозит свежие цветы.

Макс Руж. Братья Руж — соседи Ламилей. Когда Амелия-Кларисса назвала имя, Этьен вспомнил парнишку, катавшего с Софи. Он то и дело хватал девочку за руки. Развязный малый... был тогда. А вчера не побрезговал взять деньги за обрывочную информацию, положившую начало недоразумениям.

— Где мне ее найти? — не желая тратить время впустую, спросил Тьен.

— Уверены, что она хочет, чтобы ее находили? — попыталась отговориться Амелия.

— Где?

Хозяйка салона опустила глаза, не выдержав его взгляда.

— Цветочный магазин при оранжерее «Оазис Рамзи». В восемь они закрываются.

— Я успею.

— Так как вас все-таки зовут? — спросила Амелия, когда шеар был уже в дверях.

— Меня не зовут, — ухмыльнулся он, снова почувствовав себя бесшабашным вором, врывающимся без разрешения в чужие жизни. — Я сам прихожу.

Итак, «Оазис Рамзи». Долгожданная встреча, попытка вторая.

Оранжерея располагалась недалеко от центра. Возможно, Этьен проезжал мимо еще в первый день, но не обратил внимания на здание со стеклянной крышей и забранными в мелкие переборки прозрачными стенами, летом скрытое от наблюдающих с улицы живой изгородью и зеленью разросшихся каштанов.

Магазинчик под скромной вывеской «Цветы» задней стеной примыкал к левому крылу оранжереи. Внутри горел свет, а табличка на двери гласила: «Открыто».

О его приходе возвестил звонкий дверной колокольчик, но девушка, занятая тем, что, взобравшись на стремянку, поливала расставленные на высоких полках горшечные растения, взглянула на него лишь мельком и, судя по всему, не узнала.

— Добрый вечер, — произнесла она, продолжая заниматься своим делом. — Мы уже закрываемся, но у меня есть минутка подобрать вам букет. Просто приятный подарок, или какой-нибудь особый случай?

— Особый.

— День рождения? Годовщина? Помолвка?

Тут Софи обернулась и, увидев его, быстро спустилась вниз.

— У нас закрыто.

Он посмотрел на часы:

— Еще пять минут. Хватит, чтобы собрать мне букет для особого случая.

— Розы? Лилии? Фрезии? — она указала на вазоны со срезанными цветами. — Выбирай.

— Что-нибудь на твой вкус. Для девушки, которую я рад видеть после долгих лет разлуки и перед которой хочу извиниться за незаслуженную обиду. Для тебя.

— Возьмите шоколад, — проговорила она, глядя сквозь него. На кого? Наверное, на парня, который когда-то скупил половину лавки, чтобы выпросить прощения у сердитой хозяйюшки. — Но я не обижена. Правду говоря, мне безразлично, что ты обо мне думаешь.

— Софи...

— Софи! — вслед за звоном колокольчика в магазинчик вошел молодой человек, которого Тьен видел сегодня в Ли-Рей за рулем черного авто. — Я больше не нужен?

— Заказов не осталось?

— Все, что ты написала, я развез.

— Тогда до завтра.

Дверь закрылась, но тут же распахнулась снова.

— Софи, ты скоро? — заглянула в магазин девочка лет десяти.

— Да, уже иду.

Малышка, не удовлетворившись ответом, проскользнула внутрь и проворно взобралась на прилавок. В коротких, чуть ниже колен, брючках, не стеснявших движения, это было несложно.

— Вы наш новый покупатель или новый кавалер моей сестры? — спросила она у Тьена, сощуриив голубые, как и у Софи, глаза.

— Клер, что за вопросы! — прикрикнула девушка.

— Мне же интересно, — малышка лукаво улыбнулась. Улыбкой она походила на Люка, каким Этьен его помнил.

— Твоя сестра? — он вопросительно посмотрел на Софи. — Значит, отец живет с вами?

Мужчина поздно подумал, что, возможно, сказал нечто бестактное, ведь неизвестно, что случилось за эти годы, и что именно известно Клер, но та сама ответила:

— Папа уже не живет. Вообще. И мама тоже.

— Клер! — Цветочница за руки сдернула девочку с прилавка. — Я же объясняла, нельзя разговаривать с незнакомыми людьми! Выложишь ему все о себе, доверишься, а он окажется вором или лжецом. Или и тем, и тем сразу.

Она подтолкнула сестренку к двери.

— Беги к Люку, я скоро приду. — Резко развернулась к Тьену: — Все, восемь. Теперь точно закрыто.

— Но поговорить-то мы можем?

— Зачем?

— Просто поговорить, — отчеканил мужчина. — Понимаю, что сейчас я для тебя никто... — Больно было признавать, но он видел, что это так. И все равно не желал сдаваться. — Я лишь хотел повидаться. С тобой. С Люком. Убедиться, что у вас все в порядке.

«Сказать, что и дня не было, чтобы я не думал о вас и не мечтал вернуться», — закончил мысленно.

— У нас все в порядке, — ровно проговорила девушка.

Она первой покинула магазин, дождалась, пока он выйдет следом, опустила решетки на окнах и навесила на дверь большой замок.

Клер не ушла: ждала на улице. Когда Софи закончила с запорами, подбежала и взяла ее под руку.

— Я на машине, — Этьен указал на брошенный у обочины автомобиль. — Могу подвезти.

— Не нужно.

— Мы живем в том доме, — дополнила ответ сестры девочка, показав на трехэтажный дом на противоположной стороне улицы. — Зайдете на ужин?

— Я бы с радостью, но в другой раз, — отказался мужчина, пока Софи не набросилась с упреками на радушную девчущку. — В смысле, на ужин. Но, если можно, я заглянул бы увидеться с Люком.

— Увидеться? — Девушка остановилась. — Можно и увидеться.

Она вырвалась вперед, перебежала дорогу и вошла в подъезд. Тьен не отставал.

На втором этаже Софи остановилась у одной из трех выходящих на широкую лестничную клетку дверей и достала ключ.

— Входи, — жестом пригласила она в темную прихожую.

Зашла следом и включила свет.

— Люк, милый, мы дома. Ты не выйдешь?

Из глубины неосвещенной квартиры послышались шаги, и в дверном проеме показалась тонкая фигурка подростка.

— Люк, — волнуясь, прошептал шеар. — Здравствуй. Ты меня, наверное, не узнаешь...

— Простите, — грубоватым, уже начинающим ломаться голосом проговорил мальчик, — я при всем желании не могу вас узнать.

Он сделал шаг на свет, и Тьен увидел изъеденное оспинами худое лицо и застывшие незрячие глаза.

— Удовлетворен? — спросила из-за спины Софи. — Теперь уходи.

— Нет.

— Нет?

Вместо ответа он крепко взял ее за руку. Обернулся сначала к мальчику:

— Был рад встретиться, Люк. Но уже поздно, так что я пойду. До свидания. До свидания, Клер, — поклонился он девочке. — Я только скажу пару слов вашей сестре.

Девушка все это время пыталась выкрутиться, но не возмущалась и не дергалась, чтобы не пугать детей. Он знал, что она поведет себя именно так, и потому не составило труда вытащить ее сначала из квартиры, а после — из подъезда, где гулкое эхо разносило каждый звук по трем этажам.

— Отпусти! — уже на улице позволила себе негромкий выкрик цветочница.

— Отпущу. Но обещаю, что выслушаешь. Пожалуйста.

Обещаний он не дождался, девушка продолжала сердито сопеть, но вырваться перестала, и Тьен осторожно разжал пальцы.

— Софи, я... — Сколько слов он готовил для этой встречи, но сейчас и половины не мог вспомнить. С фотографией говорить было проще. — Я понимаю, как глупо все выглядит. Явился через столько лет... Но все это время я помнил о вас. И вернулся бы, если бы мог... Точнее, я вернулся, как только смог. Да, я теперь чужой для вас человек, и вы оба изменились. И появилась Клер, да. Но в этом городе у меня никого больше нет. И я...

— Ты сидел в тюрьме? — перебила она.

— В тюрьме? — растерялся Тьен.

Девушка с грустной усмешкой махнула рукой:

— Забудь. Просто одна из версий. У меня немало их было за эти годы. Тюрьма, несчастный случай, тяжелая болезнь... Ты оставил деньги — сразу было понятно, что не вернешься. Но я все равно ждала. Искала тебя. Покупала газеты и читала о каждом

происшествии. Оббегала больницы. Ходила в полицию всякий раз, когда где-нибудь находили труп молодого парня. Не представляешь, скольких мертвецов я тогда повидала, — она рассказывала об этом без эмоций, как о давно пережитом и почти забытом, а мужчине все больше и больше становилось не по себе. — Но я радовалась, что тебя среди них не было. Долго радовалась. Думала, главное — то, что ты жив. А раз жив, то однажды придешь.

— Я действительно не мог...

— Это уже неважно. Не мог, не хотел — какая разница? Какая разница, ты меня обманул, когда обещал, что никогда не оставишь, или я сама обманулась, когда поверила в это? Да, поначалу было трудно, но, слава богу, я не успела привыкнуть к тому, что кто-то решит все проблемы за меня. Справилась. Даже когда Люк заболел, — она закусил губу и умолкла, словно не знала, стоит ли продолжать. Но решилась: — Четыре года назад. Оспа. В городе было совсем немного заразившихся. Оказывается, всем делали прививки. Даже бродягам. Детям в сиротских домах. Заключенным в тюрьме. Приказ издали в тот год, когда ты ушел. Медицинские бригады тогда обходили дома: делали прививки на месте или оставляли листовки. В газетах были объявления. Но я ведь читала только страницы происшествий. И когда в наш дом приходили врачи, видимо, была в морге, на опознании очередного безымянного трупа.

— Значит, это я виноват? — спросил он, поняв, к чему она ведет.

— Нет, — покачала головой девушка. — Я. Занималась не тем, чем должна была. Думала не о том, о чем нужно было думать. Я совершила ошибку. А ты... Ты просто был этой ошибкой.

— Любую ошибку можно исправить, если постараться.

— Я уже исправила, — сказала она резко. — Вычеркнула тебя из нашей жизни. Перестала ждать и надеяться на чудо. И, знаешь, все тут же встало на свои места. А теперь ты появляешься и хочешь снова перевернуть все с ног на голову? Нет, я этого не позволю.

Высказав это, Софи быстрым шагом пошла к подъезду, но, войдя в парадное, обернулась.

— Если на самом деле желаешь нам добра, не приходи больше.

Тьен не стал ее останавливать. Что он мог ей сказать? Что все случившееся — печальное совпадение, и он тут ни при чем? Так она это понимала. Но все же легче жить, когда есть на кого свалить хоть часть вины...

Шеар вернулся к авто. Чувствуя, что за ним наблюдают из окна, завел мотор и отъехал от дома на несколько кварталов. Оставил машину и просто бродил по улицам.

Около полуночи решил, что уже можно. Зашел в пустой переулок, взлетел и заскользил невесомой тенью по крышам, распугивая вышедших понежиться в лунном свете котиков. Добрался до дома рядом с оранжереей, и завис над маленьким балкончиком на втором этаже. Не пришлось превращаться: дверь на балкон в летнюю ночь была приоткрыта. Он лишь впустил вперед себя прохладным сквознячком сон, на случай, если тот еще не пришел в квартиру своим ходом. Выждал немного и проскользнул в комнату. Это оказалась спальня Люка. Шеар осмотрелся (темнота давно не была помехой): ни книг, ни рисунков. Зато стоит на стуле гитара — пальцы незрячих обычно чувствительнее, и слух острее. А члены этой маленькой семейки не сдаются и не опускают руки — всегда найдут, чем их занять.

Тьен присел на пол рядом с кроватью. Погладил мальчишку по волосам, коснулся пальцами бугристой кожи на лбу.

— Это ненадолго, напарник. Я тебе обещаю.

Следующей на пути была комнатка Клер. Тьен всего на минутку заглянул сюда. Поднял упавшее на пол покрывало, заметил синяк на коленке, выглядывающей из-под задравшейся рубашки, и легонько потрогал темное пятнышко, кончиками пальцев размазывая по нему капельку воды. К утру пройдет.

— Поладим, — улыбнулся он девочке.

Та заворочалась и улыбнулась во сне, словно в ответ.

Дальше коридор вел в гостиную, а из нее еще одна дверь — на этот раз в комнату Софи.

Вот она-то точно не спала до его прихода. Лежала, уткнувшись в подушку, и плакала. Иначе отчего бы припухли веки, а наволочка стала влажной?

— Дурочка ты, мелкая, — прошептал Тьен, опустившись перед ней на колени. Убрал упавшие на лицо девушки волосы и поцеловал еще не просохшую от слез щеку. — Ты ни в чем не виновата. И я не виноват. Но я смогу это исправить.

Сила четырех была к его услугам. Вода не оставила бы и следа от болезни Люка, а огонь выжиг бы все неприятные чувства и воспоминания. Или шеар мог бы забрать свою семью в Итериан, и Софи поняла, почему его не было рядом с ними столько лет.

Но он не хотел возвращать их доверие обманом или выменивать на подачки.

Все будет иначе.

Этьен поправил на запястье девушки тонкий браслетик.

— Видишь, я всегда с тобой. Даже если ты об этом не знаешь.

Эсея вернулась в гостиницу, опередив отправившегося гулять по крышам шеара, и объявила общий сбор.

— Кларисса Санье — это не роза, — сообщила она товарищам. — Это женщина. Но это не та женщина. А ту зовут Софи.

— Красивая? — поинтересовался Кеони.

— Нет, человек. И очень злая. Она его прогнала.

— Прогнала шеара? — в священном ужасе прошептал тритон. — Ни одна женщина не прогнала бы шеара!

— Здесь он не шеар, — вмешалась в разговор Лили. — Эсея, он расстроен?

— Думаю, да.

— Расскажи все, что видела и слышала, — попросил Фернан.

Выслушав короткий, но емкий рассказ, нахмурились уже все.

— Кто она такая? — первым подал голос Кеони. — По какому праву так с ним обращается?

— По тому, которое он сам ей дал, — задумчиво проговорила Лили. Она давным-давно выбросила из головы перепуганную малявку в затертом пальтишке, но сейчас вспомнила: именно так ее и звали — Софи.

— Если бы она знала, кто он, вела бы себя иначе! — выпалил юноша. — Думаю, надо указать этой цветочнице ее место.

— Если бы думал, не говорил бы ерунды, — вмешался флейм. — Это — дела Этьена, и не нужно в них лезть.

— Захочет, сам все ей объяснит, — добавила Эсея.

— Да! — тут же согласился Кеони. — Может, он считает, что она недостойна знать его истинную суть.

Лили с грустной улыбкой покачала головой.

— Наивный мальчик. Не понимаешь, да? Но я попробую объяснить. Вот представь,

малыш, что ты придешь в человеческий мир и поселишься в каком-нибудь ручье. Покажешься людям, совершишь для них несколько чудес — например, исцелишь их детей от болезней. Кем они тебя сочтут? Богом, наверное. Станут поклоняться тебе, приносить дары. Женщины будут искать твоей любви... Знаешь, сколько таких историй мне известно? Сколько детей стихий селятся среди людей, чтобы почувствовать себя богами? Вспомни предателей, которых мы искали на Эноле. Их почитали там. Готовы были умереть за них. А кем они были для нас?

— При чем тут это? — насупился тритон.

— При том, что завоевать почтение низших легко. Но не уважение и любовь равных.

— Эта женщина ему не ровня! — упорствовал в непонимании тритон. — Она — человек. Ей никогда не подняться до его уровня.

— Значит, он опустится до ее, — подсказала решение альва. — Хотя бы попытается.

Но, возможно, Этьен сам разочаруется в своей Софи, увидев, как она изменилась за прошедшие годы.

Пока Эллилиатарренсаи надеялась на это, она не спешила ничего предпринимать.

Амелия Ламиль стала Клариссой Санье шесть лет назад. Неопытной шестнадцатилетней художнице, решившейся подать работы на объявленный престижной галереей конкурс, понадобился звучный псевдоним, и подруга предложила использовать название не слишком популярного, а потому мало кому известного сорта розы.

Конкурс рисунки Амелии не прошли, но заинтересовали молодого и в то время востребованного иллюстратора Поля Флави. Тот предложил девушке поработать вместе... А через месяц, вдрызг разругавшись с семьей, Ами, а точнее — уже Кларисса, перебралась в его квартиру рядом с университетом. С той же легкостью, с которой Поль рисовал иллюстрации к приключенческим романам, он живописал картины их дальнейшей жизни: известность, достаток, особняк в центре города, пышная свадьба и однажды, лет через десять, — пара милых ребятишек, красивых в мать и талантливых в отца.

Но известность преходяща, заказов от издательств поступало все меньше, а картины не находили покупателей. Достаток, соответственно, тоже падал, и на пышную свадьбу уже не хватило бы средств. Кларисса согласилась бы и на скромный обряд, но единственное предложение, которое она получила — переехать из квартиры в центре, ставшей Флави не по карману, в Ли-Рей. Девушка согласилась. Деваться ей было некуда: родители не жаждали ее возвращения, а сестра недавно вышла замуж, и мешать молодой семье Кларисса, еще помнившая, что была Амелией, считала себя не вправе. В целом мире у нее оставались лишь Поль и Софи, которой доставало своих хлопот. А когда дела у художника пошли совсем худо, у Клариссы появилась соперница: Поль все чаще сбегал от нее к бутылке. Возвращался, лил покаянные слезы, обещал, что этого не повторится, а через несколько дней забывал все клятвы. Но это не мешало ей в следующий раз снова ему верить.

Кларисса взяла его дела в свои руки. Дорисовывала иллюстрации и отсылала в издательства. Заканчивала заброшенные натюрморты, чтобы продать за гроши и купить еды. А вечерами вытаскивала загулявшего художника из кабаков и тащила домой, слушая дорогой то проклятия, то любовные признания. Уж насколько терпелива и жалостлива была Софи, но и та стала высказывать ей, что нельзя терпеть подобного обращения, и ничего хорошего жизнь с пропойцей в дальнейшем не сулит. Но девушка продолжала надеяться на чудо.

Однажды Поль не пил почти неделю. Этого времени хватило ему, чтобы оценить, какая все же замечательная женщина рядом с ним, и, не откладывая до очередного запоя, он предложил ей в довесок к сердцу, которым она и так безраздельно владела, и руке, за которую уже год как тянула, свою известную в определенных кругах фамилию. Кларисса согласилась. Но при условии, что он не будет пить хотя бы полтора месяца — именно на такой срок отложили их заявление в мэрии...

Флави сорвался через одиннадцать дней. На двенадцатый невеста забрала заявление, но из квартирки в Ли-Рей не ушла. Не смогла, и некуда. У нее по-прежнему были только Поль и Софи.

А потом от Поля, от того Поля, которого она знала и любила, осталась лишь половина. Затем четверть. А после — хорошо, если десятая часть...

И только Софи, вся без остатка, была рядом, готовая поддержать во всем.

Но когда Кларисса решила оставить безнадежно опустившегося художника, гостеприимством подруги она не воспользовалась. Не только потому, что не хотела стеснять.

Софи предлагала комнату в своей квартире и помощь в поисках работы, а Кларисса-Ами уже не представляла жизнь за пределами Ли-Рей. Вставать рано утром и идти на работу? Возиться с бумажками или стоять у прилавка? Не чувствовать, просыпаясь, запаха краски и кофе? Нет, такая жизнь ее не манила.

Недолго думая, Кларисса приняла предложение давно симпатизировавшего ей немолодого, но весьма интересного, обеспеченного и, главное, непьющего антрепренера Марио. Правда, вскоре выяснилось, что тот не употребляет алкоголя из-за болезни, но ночные приступы, визиты врачей, микстуры, таблетки и всеми правдами и неправдами добываемый морфий казались сущей ерундой в сравнении с тем, что она пережила рядом с неизлечимым алкоголиком.

Но и болезнь Марио оказалась неизлечима. И у Клариссы вновь осталась одна Софи — добрый и светлый человек, которого так не хотелось подводить.

Потому-то сейчас хозяйка маленького салона всеми силами пыталась заставить себя молчать, чтобы ненароком не навредить любимой подруге. Ведь неизвестно, зачем этот мужчина с пронзительными зелеными глазами так интересуется ею...

— Полно вам, Амелия, — рассмеялся он, называя ее старым именем, хоть она и просила так не делать. — Мы лишь поговорим. Выпьем вина.

— Я не пью.

— Болезненная тема? — Его ладонь накрыла ее безвольно лежащую на подлокотнике кресла руку. — Не думайте об этом. Все хорошо.

Хорошо, спокойно...

— А где Жерар? — спохватилась женщина. — Как вы вошли?

— Он дремлет в холле. Пожилой человек нуждается в отдыхе, не будем его тревожить.

— Да-да. — Ей тут же стало стыдно перед беднягой-дворецким: порой она загружала его делами без меры.

— Мы с вами говорили о Софи, помните? Софи Хамнет, она привозит вам цветы по пятницам.

— Она — моя подруга, — на миг вырвавшись из-под власти околдовывающего голоса, воскликнула Кларисса. — Она...

— Замечательная, — улыбнулся зеленоглазый, когда-то знакомый ей как Виктор из Галора. — Не бойтесь, я ее не обижу. И другим не позволю.

Ему хотелось верить, и она поверила. А перестав сопротивляться, почувствовала себя вновь легко и свободно.

— Что вы хотите знать? — спросила уже обычным тоном, словно говорила со званым гостем.

— Все. Начните с того, как вы снова сошлись.

— Мы и не расходились. Не общались какое-то время после того, как вы... после того, как вы обидели Анну! — горечь воспоминаний отрезвила на миг. — Это было подло!

— Это было грубо, — поправил он. — А подло с моей стороны было бы продолжать наши отношения.

Анна его не интересовала, ни сейчас, ни тогда, но Кларисса почему-то посчитала нужным сообщить, что сестра замужем, счастлива и растит девочек-двойняшек.

— Чудесно, — кивнул мужчина. — Но мы говорили о Софи.

— Да, Софи. Мы встретились летом. Мы с сестрой гуляли по набережной, а она продавала розы. Смутилась, когда нас увидела. Мы решили, что они с Люком совсем

бедствуют, раз уж она торгует цветами, но Софи объяснила, что это дополнительный заработок. Знаете, когда человек привык экономить каждую монетку, лишних денег для него не бывает. Она тогда работала в продуктовой лавке, но собиралась уходить. Думала пойти на курсы, выучиться на швею, чтобы работать дома. Но осенью приехал ее отец. Его жена умерла после долгой болезни, оставила его с малышкой, а мужчине нелегко одному заниматься ребенком...

— И он вспомнил о старшей дочери, — нахмурился гость.

— Да, наверное, поэтому, — согласилась женщина. — Софи ушла из лавки, но о курсах уже речи не было: Клер требовала постоянного внимания. Она часто болела, много денег уходило на лечение. Но у Софи оказались какие-то сбережения, она даже смогла свозить детей в санаторий на водах. Малышка после этого пошла на поправку...

— А что отец?

— Помогал, как мог. Перевелся из того города, где жил раньше, в наше железнодорожное депо, мастером. Но что-то не заладилось, не сошелся с начальством. Потом как-то появился на службе нетрезвым. Нет, пьяницей он не был, Софи такого не допустила бы, но иногда, как и многие, искал спасение в бутылке. Его уволили после того случая. Несколько месяцев просидел без работы. Чувствовал себя бесполезным, и оттого срывался временами: скандалил или опять пил. Софи грозилась, что выгонит его из дома, но вместо этого сама взялась устраивать его жизнь. Оббивала пороги, искала нужных людей. Каким-то чудом добилась, чтобы его снова взяли на железную дорогу, правда, уже не мастером, а обычным рабочим — обходчиком или что-то вроде того. Но денег семье все равно не хватало, и когда Софи исполнилось шестнадцать, она продала дом.

— Разве в таком возрасте можно заключать подобные сделки?

Женщина нахмурилась, припоминая.

— При согласии опекунов — можно. Макс разузнавал для нее детали, его дядя владелец агентства недвижимости. Он и помог найти покупателей. Мы все помогали ей тогда... Насколько она позволяла. Денег не брала, и мы шли на хитрость: покупали пирожки, конфеты, фрукты и приходили на чай. Или приносили подарки детям, одежду и игрушки, — тут она отказаться не могла. Но, знаете, даже тогда Софи помогала нам больше, чем мы ей. Это сложно объяснить...

— И не нужно, — покачал головой странный гость. — Рассказывайте дальше.

— Дальше, вскоре после того, как они продали дом и перебрались в квартиру рядом с вокзалом, погиб их отец. Товарный вагон перевернулся, и его придавило. Умер на месте... Грешно так говорить, но это лучшее, что он сделал для своих детей. Софи была уже взрослой, но Люку и Клер удалось оформить пенсию, да и в доме у них стало куда спокойнее, и в жизни. Софи устроилась сортировщицей на фабрику. Платили немного, но для детей рабочих при цехе были ясли, и ей не приходилось беспокоиться, с кем оставить Люка и Клер. Потом — только Клер, а Люк стал ходить в школу. Но на фабрике она долго не задержалась: увидела объявление, что нужна работница в оранжерею, а ей всегда нравилось возиться с цветами. Потом нашла еще одно место, в варьете...

— Софи — в варьете? — переспросил мужчина, видимо, надеясь, что это шутка или оговорка.

— Да, устроилась официанткой в «Разбитую шхуну. Четыре дня в неделю, с семи вечера и до последнего клиента. Утром — в оранжерею.

— А дети?

— Оставляла дома. Поначалу боялась, но... Это особенные дети. Люку было уже семь, мог присмотреть за сестренкой. А Клер, хоть та еще непоседа, всегда его слушала. Ну и соседи, если были не заняты, заглядывали. Софи никому и никогда не отказывала в помощи, кто-то хотел отплатить тем же. А в варьете, по ее рассказам, было неплохо. Посетители давали на чай, и можно было отобрать домой что-то из того, что оставалось на столах. Не объедки, не подумайте, но случается, остается нетронутым кусок мяса или рыбы, или...

— Да, я понимаю, — прервал ее объяснения визитер. По серьезному, словно окаменевшему лицу было видно, что ему неприятно слушать, чем кормятся полунищие официантки. — А как ей там работалось? Все-таки варьете — такое место...

Кларисса задумалась. Вспомнила времена, когда они с Полем еще посещали увеселительные заведения. В «Разбитую шхуну» тоже заглядывали. Софи с приветливой улыбкой порхала между столиками — синяя блузочка с белым отложным воротничком, как у моряков на форме, белый шейный платок и короткая, до колен, юбка, под которую наверняка не один захмелевший клиент пытался запустить руку...

— Она никогда не жаловалась. Мне кажется, если бы были какие-то конфликты или серьезные неприятности, она сказала бы.

— Вам кажется, — тихо вздохнул мужчина. — Долго она там проработала?

— Около двух лет. В магазине при оранжерее освободилось место, а у Софи был опыт в торговле, и у хозяйки она к тому времени была на хорошем счету. У нее оставались в банке деньги с продажи дома, и она еще откладывала каждый месяц, так что сумма набралась неплохая. А тут выставили на продажу квартиру рядом с магазином... В том районе хорошие квартиры, только дорогие. Но Софи хотела, чтобы у них с малышами было приличное жилье. Она продала каморку у вокзала, сняла все сбережения, взяла ссуду в банке — хозяйка оранжереи не отказалась за нее поручиться. И купила ту квартиру. Рассчитывала за год расплатиться с долгами, говорила, что если нужно будет, снова устроится куда-нибудь работать по ночам. Но Люк заболел, и пришлось менять планы.

— Оспа? Была эпидемия?

— Нет, не то чтобы. Вспышка была среди детей школы, где учился Люк. Отец одного из мальчиков вернулся из дальней поездки, заразил жену и сына. Ребенок на следующий день отправился в школу, играл там с детьми: у них была общая раздевалка, общий душ после спортивных занятий... Софи винила себя за то, что не проследила, и Люку не сделали вовремя прививку. Их делали когда-то, а после прекратили: об оспе ведь много лет не было слышно. Но мне рассказывали, что вроде бы заболели и привитые дети. Правда, не так тяжело, и не с такими последствиями. Но несколько человек вообще умерло, так что все не так плохо, да? А Софи... Софи изменилась за то время, что он болел. Прежде у нее как будто было что-то, позволявшее ей радоваться жизни и верить в лучшее при любых обстоятельствах, а после болезни брата она это потеряла. Стала смотреть на жизнь иначе. Реально, что ли. Прагматично. Практично. Когда появился Анри, ничего не изменилось.

— Анри? Кто это?

— Ее жених. Теперь уже бывший.

— Он ее оставил? — мужчина недобро сощурился.

— Она его. Зимой. До этого они долго встречались, даже жили вместе какое-то время. Я была уверена, что они поженятся.

— Что же случилось?

Кларисса пожала плечами:

— Не знаю. По словам Софи, она поняла, что не любит его, и не хочет обманывать.

На несколько минут гость задумался, не спрашивал больше, и Кларисса, освободившись от власти его взгляда и голоса, вдруг спохватилась и удивилась, зачем рассказала ему столько всего о Софи — того, чего никому и никогда не стала бы рассказывать.

— Она говорила обо мне?

Женщина ждала этого вопроса, даже удивилась, что он не спросил раньше.

— Иногда, — ответила она. — Говорила, что вы уехали к родным в Галор, но скоро вернетесь. Мне кажется, она в это верила.

— Спасибо, — поблагодарил мужчина. — Вы мне очень помогли, Амелия. И...

— Попросите не говорить о вашем визите Софи?

— Нет, — улыбнулся он, — не попрошу. Вы и не вспомните о нашем разговоре.

— С чего бы...

...Когда она вышла в холл, дворецкий вскочил с кресла у лестницы.

— Простите, госпожа Кларисса, что-то я... задремал, каюсь.

— Ничего страшного, Жерар, — она зевнула, потягиваясь. — Сама с утра сонная, как осенняя муха. А почему дверь не заперта? Кто-то приходил?

— Нет, — уверенно ответил старик. — Должно быть, я забыл закрыть, когда забирал почту.

Он подошел к двери, но, прежде чем опустить защелку, выглянул на улицу. Прохожих не наблюдалось: у обитателей Ли-Рей не в привычках гулять до полудня. Только от соседнего дома неспешно отъехал серебристо-серый автомобиль.

В гостинице Тьен появился к трем часам дня. Оставил в номере покупки и заглянул к отцу.

Генрих не скучал в одиночестве: компанию ему составляли Эсея и Фернан.

— Хорошо, что вы здесь, — обратился к ним шеар. — Я составил культурно-познавательную программу на завтра. Оказывается, сейчас возят экскурсии на гидроэлектростанцию. Папа, тебе, думаю, понравится. И Кеони с Фером тоже.

— Почему только нам с Кеони? — подозрительно спросил флейм.

— Всем. Но вам с Кеони — особенно. На электростанции можно будет наблюдать интересный процесс: вода рождает огонь. И никакой магии, заметь! Преобразование энергии. Единение стихий.

— Занятно, — согласился Фер. — Так едем все? И ты?

— Нет, — Этьен смутился. — У меня дела в городе.

— У тебя какие-то проблемы? — решился узнать Фернан.

— С чего ты взял?

— Ты странно себя ведешь эти дни.

— Разве? — непринужденно рассмеялся шеар. — Ты странно себя ведешь, сколько я тебя знаю. Ты — параноик, Фер.

— Да, мне говорили, — усмехнулся флейм, но тревога из взгляда не исчезла...

...Слово «параноик» вошло в обиход недавно. А еще оно было человеческим, и Тьен удивился, услышав его от Лили.

— Фер — законченный параноик. Не обращай внимания на то, что он говорит.

Это было вечером, после того, как третий шеар впервые побывал у разрыва.

Закрыв? Да.

Чувствовал ли удовлетворение от совершенного или желание продолжать? Сто раз нет.

Еще и дядюшка Фернан между делом предупредил, что частое общение с пустотой вызывает помутнение рассудка.

— Откуда ему знать? — махнула рукой альва. — Холгер переживает уже вторую волну, и ничего, умом не тронулся.

Тьен собирался сказать, что человека, который бросает на произвол судьбы собственного сына, а спустя годы находит, чтобы швырнуть в самое пекло, нормальным не назовешь, но вовремя вспомнил, что шеар — не человек.

Да и вообще говорить не хотелось — хотелось домой. Если не в дом Софи, то хотя бы в дом Генриха, но сил не осталось даже чтобы влезть на виверну. Лежал на земле, там же, куда упал, спустившись с «заплатанного» неба, а над ним уже поставили шатер, и суетилась рядом нянюшка-альва.

— Не понимаю, — шепнули чуть слышно неподвижные от запекшейся крови губы.

— Чего не понимаешь? — присела около него Лили.

— Как сделал это.

Когда он оказался один перед ликом пустоты, что-то случилось с ним — независимо, а может, и против его воли. Он стал видеть иначе, чувствовать иначе, вести себя так, как в другой ситуации и в голову не пришло бы. Казалось, что он — уже не он. Не личность, а лишь оболочка. Инструмент в чьих-то умелых руках. Игла, штопающая разорванное пространство. Так было не все время, и под конец он мог уже управлять своими действиями и своим телом, вернее — телом гигантской огненной птицы, образ которой в какой-то момент всплыл в сознании. Но все равно не понимал, откуда ему известно, что нужно делать и как.

— Ты и не должен понимать, — альва убрала с его лба мокрые от пота волосы. Брызнула в лицо водой, смочила пересохшие губы. — Ты просто умеешь. Ведь ты — шеар.

— И сегодня доказал это, — прозвучал от входа в шатер мужской голос.

Услышав его, юноша нашел в себе силы подняться с земли и встать на ноги, чтобы не предстать перед первым шеаром Итериана слабаком.

Холгер оглядел его, как осматривают побывавший в бою меч: не зазубрился ли, не затупился ли, переживет ли еще одну битву. Задержал взгляд на разодранных сапогах, не выдержавших первой в жизни Тьена спонтанной трансформации.

— Почему орлан? — спросил, избегая смотреть сыну в глаза.

— Потому что не дракон, — хрипло ответил тот.

— Ты молодец, — расщедрился на похвалу правитель.

— Когда я смогу вернуться домой?

— Хоть сейчас, — ответил Холгер, подразумевая жилище Генриха.

— Совсем домой, — уточнил юноша.

— Когда твоему дому ничего не будет угрожать.

— А что ему угрожает?

— Разве ты не видел?

Удивление в голосе того, кого он не желал признавать отцом, казалось искренним, но его ответ не удовлетворил Тьена. Да, пустота — это страшно, однако он помнил и другие страхи, с черными крыльями и длинными мечами...

Но разговор с Холгером снова не заладился, и правитель, буркнув что-то на прощание, покинул шатер.

Нужды держаться на ногах в его отсутствие не было, и Тьен опять завалился на землю.

— Оставь, — рванул из рук подбежавшей альвы флягу с водой. — И х-хватит... со мной носиться. Позови Фера.

К приходу флейма кое-как удалось сесть. Голова кружилась, во всем теле ощущалась невероятная слабость, а плечи, спина и ноги болели, точно он сутки кряду таскал тяжести. И взбодриться привычным «бывало и хуже» не получалось, потому как такого точно еще не бывало.

— Ты меня звал? — заглянул в шатер Фернан.

— Входи. Хочу поговорить с тобой, пока есть время.

— О чем?

— Обо всем. Разве не это ты мне обещал? Присаживайся.

Фернан огляделся, будто надеялся отыскать в шатре кресло, а когда надежды не оправдались, сел на землю напротив племянника.

— Я запутался, — заговорил шеар медленно, словно раздумывая над своими словами, а на деле выдавливал каждый звук, преодолевая боль. — Ты говорил, что я должен прийти сюда, оставить свой мир, иначе мне и моим близким грозит опасность. Но ни от кого, кроме тебя, я ничего подобного не слышал.

— Я сказал то... — Флейм подозрительно осмотрел пустой шатер. — То, что думал. Возможно, мои опасения беспочвенны, но предосторожность никогда не бывает лишней.

Если бы Тьен чувствовал себя лучше, высказал бы ему все, что думает о его предосторожности. Из-за услышанного тогда он сбежал, не попрощавшись, и Софи, наверное, до сих пор места себе не находит...

— Это из-за того, что случилось в нашем доме?

Фер кивнул.

Не было желания строить длинные фразы и плести из намеков сети вопросов. Тьен спросил прямо:

— Кто убил мою мать?

— Не знаю. А подозревать можно многих.

Видно, оттого он и дерганый такой: отовсюду ждет беды.

— Там были крылатые тени, — сказал юноша, хоть и не сомневался, что дяде известно, кто навел на имение Лэйдов.

— Это — ильясу — темные слуги.

Огонь тоже назвал их слугами. Но не сказал, кто их послал.

— Верден? — предположил Тьен. — Он ведь угрожал ей.

— Кто? — воскликнул с испугом и удивлением родственник.

— Верден. Я помню, мама говорила, что он — тот еще змей. И про опасность, которая ей грозила в Итериане.

— Помнишь? — изумился дядюшка. — Верно, мы говорили с Аллей об этом. Но единственная опасность, которая ей грозила — потерять тебя. Шеар принадлежит Итериану, и Верден хотел забрать тебя, если, несмотря на примесь людской крови, ты обнаружишь дар четырех.

Новая информация не вязалась с тем, что Тьен успел придумать. Хотя... Что, если тени были посланы, чтобы забрать его, а мать и домашние пытались им помешать?

— Обычно шеар впервые обращается к одной из стихий в более взрослом возрасте. Сразу же после этого его отправляют в лабиринт силы, где он должен научиться

взаимодействовать с оставшимися тремя. Но в тебе, очевидно, проявилась людская кровь. Люди живут меньше, но и взрослеют раньше. Неизвестно, что случилось бы, если бы тебя заперли в лабиринте ребенком, поэтому твой отец решил, что испытание ты пройдешь в том мире, в котором родился, и заклил огонь еще на один цикл после возвращения запереть твой дар...

«Так вот почему я прожил еще двенадцать лет, не подозревая о том, какой силой владею», — подумал бывший вор и тут же встрепенулся:

— Отец? Холгер?

— Да, он был на месте пожара. Сказал, что почувствовал что-то. Тебя, когда ты уходил с огнем. Или Аллей звала его на помощь, и он смог услышать сквозь миры. Или был там с самого начала... — Паранойя дядюшки Фера не оставляла его ни на миг. — Так или иначе, но он знал, что ты не умер, а ушел на время, и позаботился о том, чтобы ты начал испытание, будучи уже достаточно взрослым.

Позаботился. Но о ком — о сыне или о будущем шеаре Итериана?

Если бы Тьен спросил об этом Фернана, тот наверняка ответил бы, что не знает, так же, как о том, зачем Холгер забрал тогда Генриха. Черный дракон был полон секретов, а у его отпрыска не хватало сил сейчас их разгадывать.

— Я не очень хорошо соображаю, — признался он флейму. — Но оставлять на потом не хочу. Расскажи мне все. О маме, о Холгере, о Вердене, обо мне.

Послушать и запомнить, а выводы можно сделать и позже.

История Фернана не походила на сказки Генриха Лэйда — сухой, лишенный эмоций доклад.

К концу скучного повествования Тьен задремал, так ничего и не поняв. Кто? За что?

В выходные покупателей к Софи заходило обычно больше, чем в будни, но летом часть клиентов отбирали цветочницы, торгующие вразнос выращенными в палисадниках розами и георгинами, которые хоть и уступали по красоте оранжерейным цветам, отличались выгодной ценой. Девушка на конкуренток не сетовала, помня, что сама когда-то зарабатывала тем же, а у «Оазиса Рамзи» были постоянные покупатели, из тех, которые на улице букетики брать не станут. Но в этот день торговля совсем не шла, и к обеду настроение у Софи окончательно испортилось.

Оно и с утра не было радужным, но все же получше, чем вчера.

Вчера она вздрагивала всякий раз, как открывалась со звоном колокольчика дверь. Сердце срывалось на бешеный перестук, если рядом притормаживал автомобиль или слышался с улицы мужской голос...

Но он не пришел.

И к лучшему. Скоро все станет как прежде, и она снова забудет о нем. Ведь она же забыла, в последние годы почти не думала. Бывало, по два-три дня не вспоминала... Хотя нет, три — не бывало. И два тоже редко. Но теперь получится. Теперь она знает, что того парня, которого она ждала все это время, больше нет. Есть чужой для нее мужчина, похожий на того мальчишку лишь внешне, и с каждым проходящим часом Софи все больше убеждалась в этом. Потому что тот мальчишка не принял бы так легко отказа.

— Здравствуйте.

Девушка подпрыгнула от неожиданности и уронила ножницы, которые без нужды уже полчаса вертела в руках. Сердце екнуло, но вошедший в магазин человек лишь с первого взгляда чем-то напоминал того, о ком она думала, а при ближайшем рассмотрении никакого сходства не обнаружилось. Разве что походка — как-то неуловимо, и то, как он поворачивал голову, осматриваясь.

— Добрый день.

Мужчина лет сорока, в элегантном, даже с виду недешевом костюме приблизился к прилавку. Пригладил вьющиеся русые волосы, покосился на свое отражение в зеркальной витрине и удовлетворенно хмыкнул.

«Сейчас примется расточать комплименты», — решила ко многому уже привыкшая цветочница.

Но ошиблась.

— Я хотел бы купить цветы. Не в подарок, а, как бы это... В знак благодарности. Посоветуйте что-нибудь?

— Для женщины или для мужчины? — осведомилась Софи.

— Для мужчины. Для моего доктора. — Серые глаза покупателя вспыхнули восторгом. — Для волшебника, я бы сказал!

— Возьмите розы, — посоветовала девушка. — Красные. В меру строго и со вкусом.

— Дайте дюжину, — тут же отозвался клиент. — Нет, три!

— Три розы?

— Три дюжины! Взял бы больше, но, наверное, это будет слишком.

По мнению Софи, и три дюжины — слишком, но она промолчала: глупо действовать себе в убыток.

— Не знаю, чем его отблагодарить, — словно прочел ее мысли мужчина. — Денег не берет, от подарков отказывается. Святой человек! Волшебник!

— Да-да, есть такие люди, — закивала девушка.

Ее ничуть не занимал святой волшебник, но покупатели любят, когда с ними поддерживают разговор.

— Он вернул мне жизнь! — продолжал воодушевленно мужчина, пока она собирала букет. — Нормальную жизнь, на которую я уже не надеялся. Остальные медики в один голос утверждали, что я до конца дней останусь слепым. И что же? Я вижу даже самую малюсенькую веснушку на вашем носике!

— У меня нет веснушек, — смутилась Софи. Но рассказ покупателя стал интересен.

— Есть-есть, почти незаметные, но есть! — рассмеялся мужчина. — Веснушки — это прелестно. Особенно в сравнении с оспенными отметинами.

Софи закусила губу.

— Не представляете, на кого я походил после болезни, — радостно вещал человек, на лице у которого не рассмотреть было ни шрамика, лишь едва заметные пятнышки. — Я бы тоже не представлял, я ведь себя не видел. Но добрые родственники сделали для меня фото на память. Вот, взгляните.

Он достал бумажник и вынул карточку.

Девушка присмотрелась: определенно он же. Тот же широкий лоб, нос с горбинкой и квадратный подбородок. Но кожа — еще хуже, чем у Люка, и мутные мертвые глаза.

— Так вы говорите, есть доктор, способный вылечить последствия оспы? — спросила она охрипшим от волнения голосом. — Даже когда другие врачи сказали, что это невозможно?

— А кому, по-вашему, я покупаю цветы? — удивился мужчина. — Вас интересует подобный специалист?

— Да. То есть... Да.

Покупатель задумался.

— Я не стал бы рассказывать, если бы знал. Доктор, о котором я говорю, практикует экспериментальный метод и пока не заинтересован в притоке пациентов.

— Пожалуйста, — взмолилась Софи. — Я не хочу ему докучать, но вы не спросите, не примет ли он мальчика?

Клиент порывлся в бумажнике и вынул визитную карточку.

— Я бы спросил, но ответ вам передать не смогу. Уезжаю сегодня. Попробуйте зайти к нему сами. Но не говорите, что это я вас направил, неудобно выйдет.

От волнения Софи позабыла о деньгах за цветы, но покупатель сам положил на прилавок нужную сумму и, пожелав удачи, вышел из магазина.

Кабинет волшебника находился на другом конце города, но если закрыть магазин пораньше, можно успеть до пяти, как значится в часах приема. А работал доктор, если верить карточке, без выходных.

Несколько часов мысли девушки занимал предстоящий визит — ничего лишнего в голову уже не лезло. Только бы этот врач согласился лечить Люка. Только бы лечение помогло, вернуло брату зрение, пусть и не до такой степени, чтобы он мог разглядеть веснушки у нее на носу, которые — вот незадача! — все же имелись.

Делиться новостью с Люком она пока не собиралась. Не хотела обнадеживать заранее. Забежала на пять минут домой, выпила заваренный Клер чай, схватила булку и, не

переодевая рабочего платья, опять убежала, соврав про срочный заказ.

Нико уже собирался домой, но она успела его перехватить.

— Заказ? — обрадовался шофер. — Сейчас буду готов.

Пока он выводил авто из гаража, Софи заперла магазин, бросив все неоконченные дела. Полить горшечные цветы и обернуть влажной марлей не проданные за день срезанные можно будет и вечером. А вообще, госпожа Рамзи давно собиралась найти девушку ей на смену, нужно напомнить: с таким товаром магазин должен работать круглосуточно. Случается же, и ночью кому-то понадобится букет.

...Вот Тьен однажды вернулся под утро с розами — купил же их где-то...

— А цветы? — растерялся Нико, увидев, что она належке.

— Представляешь, забыла. В другой раз возьму.

Если доктор и впрямь такой чудодей, она ему не то, что три дюжины, она ему сотню роз подарит!

— Софи, — укоризненно нахмурился водитель.

— Ты мне друг?

— Конечно.

— Значит, вот по этому адресу, — она подала молодому человеку визитку. — Если у госпожи Рамзи появятся вопросы, я сама все объясню.

Хозяйка оранжереи, добродушная старушка, одинаково ласковая и с цветами, и с работниками, никогда не отказывала в помощи. Тот же Нико нередко брал автомобиль, чтобы съездить по личным делам, и вспомнив об этом, шофер прекратил препираться.

По дороге он спрашивал о чем-то, но Софи не слышала. Поглядывала ежеминутно то в окно, то на циферблат маленьких наручных часиков. Казалось, что машина едет слишком медленно, а стрелки бегут слишком быстро.

Наконец автомобиль остановился у крыльца, над которым поблескивала на солнце металлическая табличка с надписью: «Г-н Л. Раймонд, доктор».

— Жди здесь, — велела Софи шоферу.

Поднялась по ступенькам и позвонила.

Никто не открыл.

Времени было уже без пятнадцати пять, и доктор в отсутствие пациентов мог уйти домой.

Девушка позвонила еще раз.

— Иду-иду, — послышалось из дома. — Иду!

Дверь отворилась, и на крыльцо выглянул полноватый пожилой господин с блестящей в редких темных волосах проплешиной и густой окладистой бородой.

— Простите, отпустил ассистента пораньше, — извинился он.

— Так вы и есть доктор! — радостно воскликнула Софи.

— Да, — приосанился мужчина. — Доктор Лайонел Раймонд к вашим услугам. Если конечно, вы в них нуждаетесь.

— Нуждаюсь, — прошептала девушка.

— Тогда прошу.

Узкий, неосвещенный коридор привел в большой и светлый, но до ужаса скудно обставленный кабинет. Тут имелся лишь письменный стол темного дерева, два кресла и книжный шкаф. Чтобы отвлечься и как-то унять охватившее ее волнение, Софи пробежалась взглядом по корешкам: часть книг стояла вверх ногами.

— Так что вам угодно? — поинтересовался доктор.

Девушка замешкалась: должного впечатления волшебник и его рабочее место на нее не произвели.

— Смелее, милая барышня, — поторопил господин Раймонд. — Вы оторвали меня от написания важной статьи. Излечение оспы и ее последствий. Девятнадцать случаев полного восстановления после болезни и около сорока — с частичными улучшениями. Как думаете, моя работа стоит того, чтобы о ней узнал мир?

Произнесено это было в высшей степени хвастливо, но оглашенные результаты впечатляли, и Софи решилась.

— Я как раз хотела спросить, не взяли бы вы еще одного пациента. Мальчика...

— Какого мальчика? — доктор огляделся. — Не вижу здесь мальчика.

— Он остался дома.

— Милая моя барышня, — всплеснул руками господин Раймонд. — Как я могу дать ответ, не взглянув на вашего мальчика? Разве я в состоянии без осмотра обещать что-нибудь?

— Но...

— Что с ним, с вашим мальчиком? Он переболел оспой?

Софи кивнула.

— Давно?

— Четыре года назад.

— Последствия?

— Он не видит, и шрамы...

— От шрамов я его избавлю, — беспечно, словно речь шла о ссадине на коленке, заявил доктор. — А зрение — вопрос серьезный. Нужен осмотр. Приводите-ка его сюда. — Он поглядел на часы. — В течение часа, я пока подожду.

— Может быть, уже завтра?

— Завтра?! Завтра я буду за сотни миль отсюда.

— Но как же...

— Меня ждут в столице. Но если ваш мальчик, вернее его случай, меня заинтересует, я останусь, — милостиво пояснил господин Раймонд. — Материалов для исследования много не бывает. Двадцать успешных опытов — это же лучше, чем девятнадцать?

— А если не заинтересует? — сникла девушка.

— Выпишу вашему мальчику состав для ванн и дам баночку мази, чтобы убрать оспенные отметины. Хоть что-то, согласитесь.

Не согласиться было сложно.

— У вас час, — напомнил доктор.

Не прощаясь, Софи вылетела в темный коридор, а затем и на улицу.

— Поехали! — крикнула она Нико, запрыгнув в машину. — Быстрее!

— Что случилось?

— По дороге объясню. Только скорее!

— Да-да, уже...

Он провернул ключ в замке зажигания. Мотор заурчал... закашлялся и затих.

— Что такое? — заволновалась Софи. — Машина? Сломалась?

— Нет, не сломалась. — Нико виновато опустил курчавую голову. — Ты так торопила...

Я забыл залить бензин.

— О, нет. — Девушка в ужасе закусила кулачок. — Что же делать?!

После визита в цветочный магазин у Тьена оставалось достаточно времени, чтобы еще раз все проверить. Но вместо этого он съездил на кладбище. Дюжина роз для Ланса, дюжина — для Михала. Оставшиеся положил к надгробию с именем Клер Хамнет. Задумался ненадолго, чем руководствовался человек, называя дочь от второго брака именем бывшей и на тот момент уже покойной жены, но не нашел ответа. Люди вообще странные...

— Я о них позабочусь, обещаю.

...например, говорят с теми, кого уже нет.

Софи в этот час собиралась к чудесному доктору.

Поначалу Этьен собирался сам предложить ей специалиста. Сказать, что прочел в газете, или кто-то из знакомых порекомендовал. Но тогда угодил бы в благодетели, а он меньше всего желал, чтобы Софи чувствовала себя обязанной ему. По его разумению, девушка, назначив себя виновной в том, что случилось с братом, должна искупить эту вину в своих глазах. Пусть и не без помощи счастливого случая найти решение, пойти на какие-то жертвы, как то пренебрежение работой и незначительный обман. Упросить чванливого лекаря осмотреть больного ребенка. Понервничать, помотаться по городу, устать, чтобы потом испытать облегчение и удовлетворение и от того, что все уже хорошо, и от того, что не сдалась и сделала все возможное, чтобы помочь брату.

План был прост. Этьен снял в деловом районе помещение, где прежде работал дантист, силой огня переплавил надпись на табличке и провел легкое внушение, чтобы наниматели соседних контор, если бы их спросили, без сомнений ответили, что кабинет доктора Раймонда располагается тут не первый год. Самого доктора он нашел в любительском театре: Пьер Луз несколько лет играл врача в одном из спектаклей, имел соответствующий облик и легко сыпал учеными словечками. За деньги, которые ему предложили за привычную роль в непривычной обстановке, лицедей согласился умерить любопытство, а после финального акта по замыслу режиссера должен был забыть обо всем — почтенный медик отбудет в столицу, как и собирался.

Все было обдуманно наспех, но до мелочей. Две недели на лечение. Четырнадцать дней, в течение которых Софи, видя происходящие с братом перемены к лучшему, постепенно оттаает и снова начнет верить в чудеса.

Тьен рассчитывал повстречать цветочницу «случайно» день на третий...

Но кто мог предположить, что этот олух не зальет бензин!

— Значит, когда мальчик придет, я должен сразу после осмотра назначить первый сеанс? — переспрашивал актер. — Ванна и обертывание?

Тьен собирался сделать все сам. Рассчитал воздействие...

— Машина? — слышал он вместе с тем другой разговор. — Сломалась?

— Нет, не сломалась. Ты так торопила. Я забыл залить бензин.

— Идиот, — зло процедил шеар.

— Я? — опешил лже-лекарь.

— Да при чем тут вы! — махнул он на него рукой, мыслями переносясь на улицу.

Сейчас лопух Нико попытается остановить проезжающую мимо машину. Потом вторую. Кто-нибудь расщедрится, отольет из бака ровно столько, чтобы хватило доехать до оранжереи, а там он побежит в гараж. Софи изведется, думая, что опоздает. Даже если Луз прождет ее дотемна, она не узнает об этом. Какова вероятность, что дома, взглянув на часы, расплатится и никуда уже не поедет?

Нет, она упорная, не сдастся сразу... Но вдруг? Устраивать после еще одну счастливую

случайность?

— Выйдите на крыльцо и скажите, что подождете ее до восьми, — велел Тьен актеру. — Хотя, нет. Это будет странно.

Это было бы менее странно, чем то, что он решил в последний момент, но, видно, помутилось в голове от волнения. Или просто хотелось так, вопреки всем расчетам и здравому смыслу...

Софи стояла на дороге. Увалень Нико — в сторонке, а она спрыгивала с тротуара и махала проезжающим машинам. Его автомобиль узнала, едва он показался из-за угла. Или рассмотрела водителя сквозь лобовое стекло. Но в любом случае руку опустила.

Он остановился сам.

— Софи? Здравствуй. Я тут...

— Следишь за мной? — сердито нахмурилась девушка.

— Да.

Она не ожидала такой откровенности и растерялась. Щеки порозовели.

— У вас что-то случилось? — не смущая ее лишним вниманием, обратился Тьен к Нико.

— Да вот, бензин закончился.

— У меня полный бак. Сейчас достану шланг.

Ну и пусть он будет причастен к ее удаче. Совсем немного.

— Нет времени, — выпалила Софи. Решительно распахнула дверцу его авто и уселась на пассажирское сидение.

— Куда? — чтобы не выдать себя, поинтересовался Тьен.

— Ко мне домой, а потом сюда же. — Помолчала и добавила, когда машина уже летела по улице. — Я заплачу.

— Извозом не подрабатываю, — обиженно буркнул мужчина.

Он понимал, что если бы дело не касалось Люка, она ни за что не села бы к нему.

Зато представился случай поговорить.

— Софи, я хотел объяснить, почему ушел тогда, ничего не сказав.

— Мне это не интересно, — она отвернулась к боковому окну.

— Просто выслушай.

— Не хочу.

— А придется, — разозлился он.

Куда ей деваться? Не выпрыгнет же на ходу? Разве что уши ладонями заткнет.

Однако руки девушки по-прежнему лежали на коленях — тонкие, изящные, словно у бездельницы-аристократки, но в крохотных царапинках от розовых шипов, а сквозь тонкую кожу проступали голубоватые прожилки вен.

— Тогда, девять лет назад, у меня возникли серьезные проблемы. Из-за моего прошлого. Я испугался, что это коснется вас с Люком, что меня будут искать, а вы окажетесь рядом... Понимаешь?

Она не ответила. Как та фотография, с которой он разговаривал все эти годы.

— Можешь не верить, но я волновался в первую очередь за вас. И не рассказал ничего, чтобы не впутывать. И прощаться побоялся. Не знал, как объяснить, что могу уже не вернуться. А потом я... Я нашел родных. Точнее, они меня.

Это известие заставило девушку обернуться на миг, но увидеть ее глаза и угадать, о чем она подумала, Тьен не успел.

— У меня хорошая семья, — сказал он искренне. — Но они обосновались очень далеко.

И там у них не все гладко. Приходилось много работать, чтобы как-то помочь. Но я ни на минуту не забывал о вас.

Автомобиль остановился на перекрестке, пропуская медлительную телегу, груженую бочками.

— А почты там не было? — не поворачиваясь, спросила девушка.

— Только голубиная.

Она глянула сердито через плечо, решив, что он насмехается над ней, но, наткнувшись на спокойный открытый взгляд, плотно сжала губы и вновь уставилась в окно.

После до самого ее дома молчали.

— Подождешь? — выскочив из авто, она подбежала к его дверце.

Столько надежды во взгляде, столько недоверия. Надежда — это о докторе. С недоверием — к Тьену. Будто, едва она войдет в подъезд, он заведет мотор и уедет... еще на девять лет.

— Подожду.

Вышел из машины. Походил вокруг. Осмотрел колеса. Зачем-то достал из кармана платок и протер лобовое стекло... Затем, этим же платком, лоб...

— Ой, здравствуйте, — пискнула за спиной Клер, первой выпорхнувшая из дома. — Мы с вами поедем?

Люк вышел сам. В руке — тоненькая тросточка. Глаза спрятаны под темными стеклами круглых очков. У автомобиля старшая сестра подала ему руку и помогла нащупать открытую дверцу.

Мальчик устроился на заднем сидении. Клер запрыгнула с другой стороны.

— Едем, — поторопила Софи.

Заурчавший мотор почти заглушил запоздалое приветствие подростка.

— Здравствуй, Люк. Не получилось в прошлый раз пообщаться. Может, сегодня найдется время?

— Может быть.

В зеркале заднего вида отразилась равнодушно-вежливая улыбка, и сердце болезненно сжалось. Захотелось остановить машину, вытащить пацана, встряхнуть за плечи. Как же так, напарник? Неужели совсем не помнишь? Паровозик? Конфеты жменями? Сказки? Но лошадка! — и салазки по скрипучему снегу...

— Значит, новый кавалер, — заключила Клер, сама себе ответив на давешний вопрос.

— Нет, — успел шеар прежде Софи. — Старый друг.

«Какой странный день», — думала Софи, рассеянно глядя на проносящиеся мимо дома, деревья и фонарные столбы. Людей она не видела: те исчезли, и в целом мире остались лишь они вчетвером... Вернее — втроем. Так было в последние годы: они втроем одни во всем мире...

И вдруг появился он. Старый друг.

Появился, исчез и снова появился именно тогда, когда ей понадобилась помощь.

Чудеса...

Но она больше не хотела чудес. Только одно — пусть Люк выздоровеет.

— Я вас подожду.

— Не нужно. Назад мы на трамвае. Или извозчика возьмем. Или пешком прогуляемся...

Девушка прикусила язык и мысленно выбрала себя. И надо было такое сказать: пешком! Через полгорода, с больным ребенком.

— Я подожду, — не принял отговорок Тьен.

Нико в их отсутствие одолжился у кого-то бензином и уехал. Вот кто во всем виноват! Ничего, попросится он завтра домой пораньше.

— Можно я пока в машине посижу? — попросилась Клер.

— Нет, — Софи за руку вытащила сестренку на тротуар. — Не нужно тебе с... Не нужно докучать человеку. Идем.

Доктор оставил в кабинете Люка, а их с Клер попросил обождать в коридоре. Темно, душно и ни слова не разобрать из того, что он говорит мальчику.

Впрочем, из того, что он говорил после ей, Софи тоже ничего не поняла, кроме того, что у Люка есть надежда на выздоровление.

— Начнем сегодня же. Лечебная ванна... Вы взяли полотенце? Как, не взяли? Завтра — обязательно с полотенцем... После — аппаратная стимуляция глазного нерва. Это не больно, юноша, совершенно не больно. Капли будете капать дома сами, дважды в день... И мазь на ночь, на лицо и открытые участки кожи: руки, шея... Вы запоминаете?

Софи запоминала, но когда он спросил, стало страшно: показалось, что как только она выйдет из кабинета, все забудет или напутает что-то, и Люк из-за этого никогда не выздоровеет.

— Барышня! — Доктор щелкнул у ее лица пальцами. — Очнитесь, милая моя. Я запишу вам все, не волнуйтесь. Для начала попробуем стандартный курс — две недели. Будете привозить брата к девяти утра на процедуры, а дома выполнять остальные рекомендации. Сейчас погуляйте минут сорок. Ванна и аппаратная стимуляция...

— Простите, господин Раймонд, я хотела узнать об оплате.

— Об оплате?! — возмутился медик. — Нет-нет, милочка. Никакой оплаты. И не рассчитывайте! Это первым пациентам я платил за то, что они позволяли мне подвергать их экспериментальному лечению и записывать ход опытов. Вам и листра не дам! Удовольствуйтесь тем, что ваш брат будет здоров!

— Я думала, платить должны мы, — пролепетала девушка, пристыженная, если не сказать униженная, предположением доктора.

— Вы? Мне? Я похож на нищего?

Стало понятно, отчего тот мужчина не придумал ничего, кроме как купить розы.

— Теперь можно посидеть в машине? — опять запросила Клер.

Софи, пребывая в растерянных чувствах, не нашла в себе сил спорить.

Только вот машины у крыльца не оказалось.

Все-таки Пьер Луз — талант!

Шеар слушал, как он говорит с Люком, а затем с его сестрой, и не мог не отметить, что выбрал правильного актера. За день сценарий выучил, образ создал, живой, с манерами, привычками — характерный такой образ. А с оплатой — это он, Тьен, придумал. Подачек девушка не приняла бы, а так и не догадается ни о чем...

— Замечательно, — похвалил он мнимого доктора, когда Софи и Клер вышли на улицу, а Люк — в соседнее помещение, где была приготовлена ванна. — Теперь подождите здесь.

Для Луза врачом был сам Этьен: молодой, никак еще не зарекомендовавший себя специалист решил помочь знакомым, не особо доверяющим его опыту, что и вынудило прибегнуть к хитрости. Дело, невзирая на обман, благородное, ничем (и это отдельно оговаривалось) больному ребенку не грозящее. Казалось бы, ерунда, все равно через две недели лицедей ни о чем не вспомнит, но то, что его волновали такие нюансы, радовало.

Оставив актера в кабинете, шеар прошел в «процедурную». Софи, взволнованная и обрадованная, даже не подумала осмотреть здесь все. А ведь он готовился!

У стены, скрытая широкой белой ширмой, стояла большая эмалированная ванна. Вода в ней была подкрашена кристаллами марганцовки в нежно-розовый и источала аромат лаванды. Под окном располагался стол, за который мальчика следовало усадить после водных процедур. Аппарат для стимуляции глазного нерва представлял собой окуляры с толстыми линзами, установленную на столешнице рамку и две электрические катушки, после включения испускавшие голубые молнии разрядов. К дужкам очков были прикреплены провода, уходившие в ту же коробку, от которой шло питание на катушки, но не подключенные к общей цепи. Это создавало впечатление, что во время сеанса пациент получает электрические импульсы.

Тьен рассчитывал, что Люк увидит в конце «процедуры» слабую вспышку. Для ребенка, чей мир четыре года назад накрыла тьма, это станет лучиком надежды, настоящей радостью, которую шеар хотел разделить с ним. Но теперь, из-за преждевременного выхода на сцену, приходилось уступить это счастье Лузу-Раймонду и возвращаться к Софи.

— Готовы, юноша? — спросил Этьен у раздевшегося и стыдливо прикрывшегося ладонями подростка. Воздух превратил голос мужчины в голос оставшегося за дверью актера, а интонации он вполне успешно скопировал. — Позвольте, помогу вам забраться в воду.

Люка он старался не рассматривать — больно. Так больно, что логика пасует перед чувствами, и сам начинаешь верить в свою причастность ко всему, случившемуся с мальчишкой.

— Осторожно, вот так. Плечи должны быть покрыты водой. Задержите дыхание...

Лавандовая вода слабо замерцала, когда шеар опустил в нее руки, зачерпнул в ладони живого света и пролил Люку на лицо.

Трудно было удержаться, чтобы не сделать все сразу. Вернуть здоровье пораженным болезнью органам, смыть оставленные оспой отметины, оживить тусклые глаза... Но он переборол себя: никаких чудес, только постепенное лечение. Потом, когда Софи и Люк все о нем узнают, они догадаются, но пока им проще принять правдивую ложь, а не сказочную правду.

— Проследите за ним, — попросил Тьен, вернувшись к Лузу. — Поможете выбраться из ванной. Полотенца в шкафу. После усадите к аппарату, как я вам показывал.

Темный коридор вывел к запасному ходу. Шеар дошел до двери, взялся за ручку, но открывать не стал — перенесся огненным сполохом в пустой двор, где оставил автомобиль.

Софи и Клер топтались у крыльца.

— Простите, нужно было отлучиться, — извинился, выйдя из авто, Этьен.

Цветочница равнодушно передернула плечами:

— Мог и не возвращаться. Я же говорила, ждать не нужно.

— Нужно-нужно! — перебила сестру Клер. — Тут ни лавочек нет, ничего! У меня уже ноги устали туда-сюда ходить... Можно в машине посидеть?

Мужчина распахнул перед ней заднюю дверцу, но девочка не спешила забраться внутрь.

— А за рулем можно? — для проформы смущаясь, спросила она.

— Можно.

Обернулся к Софи.

— Долго ждать? — спросил, словно не знал. — Тут есть одно местечко — напитки, мороженое.

— Мороженое! — радостно воскликнула Клер, но сникла под взглядом сестры.

— Мы побудем здесь. Ты нам очень помог, спасибо. Но дальше сами справимся. А тебя ждут, наверное.

Тьен сказал бы, что никто его не ждет, но это было бы неправдой. Ждали. Отец, свита. Но что с того, если за девять лет никто из них не стал ему ближе, чем девочка, рядом с которой он прожил всего три месяца? Если никому из них он так и не решился открыть свою большую маленькую тайну?

— Я не спешу, — произнес он уверенно.

Софи было не до него, Тьен понимал это, но находиться с ней рядом, пытаться говорить о чем-то, не получая в ответ ни слова, ни взгляда, чувствуя себя чужим и ненужным, было невыносимо. Потому он отлучился, купил бутылку газированной воды и мороженое для Клер.

— Вы точно не ухажер? — хитро поинтересовалась малышка, разворачивая обертку. — А то похоже.

Захотелось узнать, много ли мужчин баловали девчущку подарками и сладостями в надежде снискать расположение ее сестры и сколько из них преуспели в этом деле.

Возможно, он спросил бы, но отвлекла вспышка — та, которую увидел Люк. Яркая молния на мгновение прорезавшая многолетнюю тьму. А следом — взволнованный стук сердца, воздух, комом ставший в груди, не сорвавшийся с губ крик... Вместо радости — горе от того, что вокруг опять чернота.

«Спокойно, напарник. Дыши ровнее. Вот так. Ты молодец»

По дороге домой, когда Софи устроилась на заднем сидении вместе с детьми, Тьен посматривал в зеркало и прислушивался к взволнованному разговору.

— Я бы мог возить Люка к доктору, если ты не против, — прежде чем проститься, предложил он девушке.

— Не нужно, — она покачала головой, не глядя ему в глаза. — Нико будет его возить. Думаю, хозяйка не станет возражать.

— Ну, тогда...

Он не знал, что тогда, но продолжать не пришлось.

— Вы так и не сказали, как вас зовут, — вмешалась в разговор Клер.

— Тьен, — ответил он, опуская привычную отговорку.

— А вы хотите компота?

— Клер, — Софи укоризненно покачала головой. — Тьену уже пора. Мы и так его задержали.

— Всего лишь стакан компота! — не сдавалась девочка. — Я сама варила. Из черной и красной смородины.

— Я, пожалуй, попробовал бы, — сказал шеар, чтобы не обижать малышку.

В квартиру его не пригласили, и он остался ждать на лестничной площадке.

Софи, не прощаясь, скрылась в комнатах, Люк зашел еще раньше, а Клер забежала внутрь и через минутку появилась на пороге со стаканом, до краев наполненным напитком насыщенно-красного цвета.

— Очень вкусный, вам понравится! — прокричала она, но отдавать стакан не торопилась. Подманила мужчину пальцем и шепотом спросила: — Хотите остаться на ужин?

Он кивнул.

Девочка бегло оглянулась, не стоит ли за спиной строгая сестра, и вдруг, без предупреждения, выплеснула на Тьена содержимое стакана.

— Ой! Я нечаянно! — заголосила тут же. — Простите меня, пожалуйста!

На крики выбежала Софи. Уже готовилась накинуться на него за то, что обидел драгоценного ребенка, но, увидев пустой стакан в руках сестры и расплывающееся по белой рубашке и светло-бежевым брюкам мужчины кровавое пятно, схватилась за голову.

— Я нечаянно, — продолжала лепетать Клер. — О порожек споткнулась.

— Ничего страшного, — в искреннем смущении пытался уверить Тьен. — Нужно промокнуть чем-нибудь.

— Пятно останется! — как о пожизненном увечье сокрушалась маленькая плутовка. — Это же смородина! Надо застирать! Я сейчас! Я сама! Я все сделаю!

— Ты уже сделала, — опомнившись от испуга, мрачно проговорила Софи.

Девушка втянула мнущегося на площадке шеара в квартиру и захлопнула дверь.

— Раздевайся.

В жизни у Софи случалось всякое. Но таких дней, чтобы и волнения, и надежда, и радость, и тревога — все сразу, вперемешку и много, таких дней у нее давно не было. Лет девять уже.

Тогда тоже все шло кувыркком от одного слова, мысли путались с чувствами, и желания сбывались самым неожиданным образом.

Лишь на миг подумалось, что вот бы он остался, — и смотрите-ка, что вышло.

— Раздевайся, — велела она облитому компотом мужчине.

Не могла же она оставить его за дверью после того, как он выручил их сегодня?

— Нужно застирать и на балконе развесить! — Клер путалась под ногами. — Солнышко еще не село, и ветерок хороший: за часик протряхнет, за два просохнет.

— Иди к себе, я разберусь. А ты почитай лучше, — спровадив сестру, принялась за гостя: — Ванная там. Пятен не останется, не беспокойся.

Прошла вперед, включила свет в облицованной гладкой плиткой комнатке, открыла воду и вышла, едва не столкнувшись с Тьеном в дверном проеме.

Вернулась через пару минут, отыскав в шкафу старые мужские брюки и рубашку.

Постучала.

— Вот, тебе должно подойти. Надень, пока я твои вещи постираю.

Взгляд скользнул по обнаженному торсу, от загорелой шеи вниз, по покрытой темными волосами груди, по мускулистому животу, до расстегнутого ремня, а затем — резко вверх и задержался на едва заметном светлом пятнышке под ключицей.

— Я сам постираю, не волнуйся. А это... не надену, извини.

— Тогда сиди здесь, пока твое не просохнет, — бросила Софи раздраженно.

Ей-то все равно, но при ребенке в исподнем расхаживать она ему не позволит.

— Набросить что-нибудь дай, полотенце какое-нибудь... И где у тебя тут мыло?

— Для стирки — порошок, в коробке под ванной.

Гордец какой! Чужого не наденет, свое сам постирает. Да пожалуйста!

Подходящего полотенца не нашла, взяла в комод простыню, сунула в приоткрывшуюся на стук дверь и на время постаралась выбросить бывшего квартиранта из головы.

Зашла к Люку.

Брат сидел на кровати и задумчиво трогал кончиками пальцев струны лежавшей рядом гитары, без звука, касался и тут же отводил руку.

— Прости, бросила тебя.

— Все в порядке. Я... Правда, лучше стало? — так же нерешительно, как только что струны, он коснулся своей щеки.

— Правда.

Шрамы никуда не девались, но кожа заметно посветлела.

— Помнишь, тот доктор, к которому мы ходили в прошлом году, сказал, что если бы я видел свет, можно было бы на что-то надеяться?

— Помню.

— Я видел свет. Честно, видел.

Из ванной послышался какой-то грохот.

«Таз с крючка сорвался, — Софи усмехнулась про себя: — Зацепил. Неуклюжий такой...»

— Что там? — встрепенулся мальчик.

— Клер облила Тьена компотом. Видимо, он останется на ужин.

Люк взял гитару, словно собрался играть, но вновь лишь погладил пальцами струны.

— Знаешь, что еще я помню? Как ты говорила, что он вернется, и все будет хорошо.

— Это было давно, — Софи покачала головой. — Отдохни, я пока займусь ужином.

Тьен, завернутый в простыню как в тогу, ждал в коридоре. Девушка удивленно приподняла бровь, заметив влажные вещи у него в руках:

— Уже?

— Да. Где можно развесить?

— Я сама.

Выход на балкон был из комнаты Люка, а она не хотела, чтобы незваный гость тревожил брата.

Пятен, как заметила девушка, развешивая одежду, не осталось. Еще одно подтверждение, насколько все изменилось: тот, прежний Тьен никогда не отстирал бы так тщательно. Но, видно, жизнь научила. Сейчас-то авто, часы дорогие, запонки, а до этого?

И часы, и запонки остались на полочке в ванной. И бумажник.

Софи закрылась на щеколду и дала волю любопытству. Деньги ее не интересовали.

Только обратила внимание, что их немало. Нашла документы.

— Этьен Лэйд, — прочла шепотом. — Надо же, Этьен.

На глаза попался счет из ресторана «Золотого двора», и Софи узнала, что ел вчера за ужином господин Лэйд, а по количеству порций сделала вывод, что трапезничал он не один.

Сложив все, как было, девушка для вида ополоснула руки и вышла из ванной.

Тьен разговаривал на кухне с Клер. Забытых вещей он не хватился, и вот это как раз было знакомо. Тогда, в их доме, он тоже чувствовал себя своим с первого дня, не таился и не прятал ничего от них с Люком. Хотя сейчас ему и кошелек убрать некуда — сам-то в одной простыне.

Сестренку подобный наряд гостя не смущал.

— Машиной управлять трудно? — услышала Софи ее вопрос.

— Не очень.

— Научите меня?

— Может быть.

— Не может, — обрубил девушка, входя в кухню. — Хватит с тебя велосипеда.

Клер обижено засопела, но спорить не стала.

— Помоги на стол накрыть, — попросила ее сестра.

— В гостиной?

Для гостей накрывали всегда в гостиной.

Софи задумалась на минутку. С одной стороны, много чести. А с другой, если на кухне сесть, получится, что Тьен не гость, а свой, как тогда...

— В гостиной, — решила она.

Поначалу ели в полном молчании, лишь гость из вежливости похвалил стряпню и компот, которого ему налили теперь не на одежду.

— Тьен, а сколько вам лет? — не выдержала тишины Клер.

— Двадцать семь.

— Да? — девочка наморщила носик. — Я думала, больше. А Софи — двадцать три. Но все говорят, что меньше.

— Клер, что за разговоры? — попыталась угомонить сестру цветочница.

Как всегда, безуспешно.

— Где вы живете, Тьен?

— Пока в гостинице. Но хочу купить дом. — Он посмотрел на Софи, на Люка и вернулся взглядом к любопытной малышке. — Не очень большой, но и не маленький. И обязательно с садом.

— А денег хватит?

— Клер! — окрикнула Софи возмущенно.

— Хватит, — улыбнулся гость, проигнорировав бестактность вопроса.

— Много зарабатываете? — прищурилась дотошная девчонка. — Чем вы занимаетесь?

«Ворует, — подумала Софи, устало прикрыв глаза. — Только уже по-крупному».

— У нас большое семейное дело, — с расстановкой произнес мужчина. — Можно сказать, трастовая компания. Помогаем людям выжить в сложном мире... финансов...

— Так скучно, — Клер напоказ зевнула, не удосужившись прикрыть рот ладошкой. — Но с другой стороны, хорошо, что вы — серьезный человек, а не какой-нибудь...

— Сказочник, — ляпнула, не сдержавшись, Софи.

Тьен посмотрел на нее через стол, долго и задумчиво. В знакомых зеленых глазах

почудилась незнакомая тоска.

— Знаешь, как-то не до сказок стало.

Сделалось неуютно.

Софи потупилась. Люк царапал вилкой тарелку, делая вид, что пытается наколоть убегающий кусок. А Клер вдруг вскочила на ноги и стукнула себя кулаком по лбу:

— Сказки! Точно! Вы — Тьен!

— Да, — мужчина удивленно моргнул. — Я так и сказал.

— Я сейчас! — рванула к двери девочка.

Можно было догадаться, куда она помчалась, но Софи уже не могла нормально соображать, а когда сестра вернулась с книгой в руках и протянула ее гостю, было поздно.

— Мои любимые. Честно.

Мужчина заглянул под яркую картонную обложку. Вслух читать не стал, но девушка знала, что он увидел на титульном листе.

«Волшебные истории Бертрана Брю», — отпечатали в типографии. Она заклеила имя Бертрана Брю кусочком белой бумаги, а Люк, он тогда уже умел писать, вывел поверх новое. И получилось: «Волшебные истории Тьена». Они перечитывали их вечерами, и мечтали о том, как будет здорово, когда он вернется.

А когда Люк уже не мог читать, она отдала книгу Клер. Жаль, имя в названии вымарать забыла.

Гость поглядел на них с братом по очереди с такой теплотой и нежностью, что захотелось... Захотелось схватить тарелку и швырнуть ему в голову! А потом и соусницу! И проорать то, что он и сам уже понял: «Да! Ждали мы тебя, ждали! Но это давно было. А сейчас нам и без тебя хорошо. И не нужны нам больше твои сказки!»...

— Люк, — хрипло обратился мужчина к невидящему, но понимающему, что происходит, подростку. — Я предложил твоей сестре возить тебя к доктору...

— Я же сказала, Нико нам поможет, — оборвала его Софи.

— Люк, ты уже не маленький, — не слушая ее, продолжил Тьен. — Можешь сам решать.

— Ничего он не может! — сорвалась девушка. — Он — ребенок. Больной ребенок. И я за него отвечаю. Я, а не ты!

Люк со злостью швырнул вилку в тарелку, и фарфор со звоном раскололся. Соус потек на скатерть.

— Я не против, — мальчик с вызовом направил невидящий взгляд туда, откуда слышал голос сестры.

— Что? — растерялась она.

— Я не против, чтобы Тьен возил меня к врачу.

— Я не настаиваю, — пошел на попятную разрушитель семейного спокойствия. — Обсудите между собой. А я заеду утром.

— Хорошо, — хмуро кивнул Люк.

Софи промолчала.

А Клер, чтобы сгладить неловкость момента, снова полезла к гостю с расспросами:

— У вас есть дети, Тьен? — начала она издалека.

— Нет.

— А жена?

— Нет.

— А невеста?

— Тоже нет. Хочешь ею стать?

Девочка такого предложения не ожидала.

— Я еще маленькая, — пропищала она.

— Ничего. Подожду, пока вырастешь.

Невинные шутки, но для Софи это стало последней каплей.

— Он подождет! — взвилась девушка. — Конечно, подождет!

Она выбежала из гостиной и вернулась уже с сорванными с бельевой веревки вещами.

Сунула их в руки вскочившему вслед за ней мужчине и потащила того к входной двери.

— Он подождет, Клер. Сейчас уйдет... — Щелкнул замок, распахнулась дверь на лестницу. — И вернется лет через девять. В самый раз будет!

Вытолкала от удивления и не думавшего сопротивляться гостя на площадку и захлопнула дверь.

Когда он позвонил в первый раз, выставила забытые в прихожей туфли.

Во второй — вынесла из ванной часы и бумажник.

На третий просто не открыла.

— Глупая ревнивая женщина, — угрюмо вывела Клер. — Зачем он мне? Я же для тебя старалась. А то так и останешься старой девой.

— Помолчала бы! — накинулась на сестру девушка. — Мелешь и мелешь языком. Хоть бы думала сперва!

Девочка понурилась.

— И ты хорош! — перепало Люку. — Предатель! Раньше за конфетки за ним бегал, а теперь что? Надеешься, порулить даст?

— Куда уж мне, — не остался в долгу подросток. — Кто больного ребенка за руль пустит?

Нашарил на столе сказки, взял младшую сестру за руку и повел к себе.

— Пойдем, Клер. Почитаешь убогому.

«Не приходи больше, — мысленно попросила Софи, прислонившись к входной двери. — Я так старалась, чтобы у них все было хорошо. Может, не все получилось, но не нужно ломать того, что уже есть. А так, как было, уже не будет, ты же видишь...»

Звонить еще раз Тьен не стал.

Разговор на ровном месте свернул не туда, и продолжать его не стоило. Еще будет время.

А сегодня... Сегодня был день надежд. Люк получил надежду на выздоровление. Тьен — на возвращение. А Софи нужно было сначала самой разобраться, чего же она на самом деле хочет, и шеар надеялся, что сможет повлиять на ее решение. Сам, не прибегая к силе стихий.

Дар понадобился для другого.

Сначала — досушить влажную одежду. Потом — подправить восприятие любопытной дамочки преклонных лет, выглянувшей из-за соседней двери. Обнаружив на площадке полуголого мужчину, склочная даже с виду старушенция уже раззявила рот, чтобы закатить скандал, как вдруг расслабленно улыбнулась и вернулась в квартиру.

— Да-да, — пробормотал себе под нос шеар, натягивая брюки. — Я белый и пушистый... кот. Мур-мур...

Он уже застегивал рубашку, когда соседская дверь, взвизгнув несмазанными петлями,

снова распахнулась, и возникшая на пороге карга щедро плеснула водой ему на только-только просушенную штанину.

— А ну брысь отсюда!

— Да ухожу я, ухожу, — огрызнулся Тьен.

Заговори с ней кот, старую гримзу удар хватил бы, но она услышала лишь обиженное «Мяу!» и увидела, как пушистик рванул вниз по лестнице, волоча по ступенькам мокрый хвост.

Настроение не располагало к общению, но Этьен усвоил жизненные уроки: добрые отношения нужно беречь. Потому, вернувшись в гостиницу, без оглядки на поздний час заглянул к отцу: Генрих не имел привычки рано ложиться.

Но и привычки коротать вечера с бутылкой за ним раньше не водилось.

— Да вот, вроде бы неплохое вино, — смутился Лэйд, заметив удивленный взгляд сына. — Присоединяйся... если никуда больше не собираешься...

Тьен почувствовал легкий укол совести. Притащил отца в мир, давно ставший ему чужим, и бросил.

— Не собираюсь, — он устроился за столом напротив археолога. — Как прошел день? Как экскурсия?

Лэйд вздохнул. Вперил взгляд в свои сцепленные замком пальцы.

— Пап, как ты вообще?

— Не знаю. Странно.

— Это с непривычки. В Итериане все иначе.

— Иначе, — кивнул пожилой человек. — Возможно, ты не заметил, ты же шеар, а люди своеобразно ощущают пребывание в Дивном мире. Помнишь истории о тех, кого прекрасные альвы или легкокрылые сальфиды уводили за собой? О том, как прожив какое-то время в окружении чудесных созданий, те люди возвращались домой, думая, что минуло всего несколько дней, и с удивлением понимали, что прошли уже годы?

— К чему ты это?

— К тому, что мы чувствуем себя такими же, какими пришли однажды в Итериан. Не стареем, да, но и не взрослеем, если поймешь, о чем я. Приобретаем знания и опыт, но не меняемся душой.

Наверное, он был прав. Иначе, почему третий шеар, пережив встречу с ненасытной пустотой и пройдя не одну чужую войну, до сих пор иногда чувствовал себя выросшим на слободских улицах мальчишкой? Видимо, много в нем было человеческого.

— Думаю, так Итериан оберегает нас от неприятных моментов долголетия, — продолжал Лэйд. — Дивные воспринимают жизнь иначе, а люди за свой короткий век устают, становятся скупы сердцем, равнодушны ко многому. Это тоже своего рода защитный механизм, призванный примирить нас со скорой смертью... А здесь я вновь чувствую время. Свою древность, и неуместность. Уязвимость...

— Хочешь обратно?

Генрих неопределенно поморщился.

Уйти вместе с сыном было его решением, и Этьен обещал, что сделает все возможное, чтобы сохранить его силы и долголетие в людском мире. Но он не мог обеспечить ему той защиты, что давал Итериан.

— Мы все равно вернемся, — напомнил человек.

— Я вернусь, — поправил шеар.

— И я, — проговорил Генрих упрямо.

Говорят, время лечит. Но, согласно только что выдвинутой теории, в Дивном мире человек не чувствует времени. Его боль не уходит. Он все так же жаждет расплаты.

— Хорошо. Вернемся вместе. Мне еще нужно уладить здесь кое-какие дела...

Прежде чем возвращаться к прошлому, нужно позаботиться о будущем. Или хотя бы о настоящем.

Но сейчас не было никакого желания думать о чем-либо кроме отдыха, и уже через полчаса разговора, в котором оба они, и Тьен, и Генрих, избегали вскользь затронутой темы, шеар пожелал отцу доброй ночи.

Оказавшись в своем номере, повесил на дверь табличку «Не беспокоить», разделся, лег в кровать и тут же уснул, привычно пожелав себе не видеть снов.

...Через полгода в Итериане сны стали настоящей проблемой. И те, от которых просыпался в липком поту с искусанными в кровь губами и саднящим от крика горлом, и те, теплые и светлые, в которых хотелось остаться. Последние были даже хуже: каждое пробуждение — маленькая смерть, независимо от того, где откроешь глаза, в поле на краю очередного разрыва или в доме отца, куда завернул на день или, как чаще случалось, всего на ночь. Где ни проснись, все будет не то.

Тьен думал, что однажды сны сведут его, если не в могилу, то с ума — точно. На счастье, Лили, заметив его мучения, подсказала, как с этим справиться, и научила засыпать без сновидений.

Альва во многом помогала юному шеару. Именно она, а не Холгер, как это было бы правильно, рассказала ему о пустоте и волнах.

— Природа этого явления до сих пор не изучена, хоть наши народы борются с ним уже не первое тысячелетие. Кто-то считает, что пустота — это обратная сторона силы. Антисила. Полная противоположность огню, земле, воде и воздуху одновременно. И чем чаще в Итериане и в других мирах великого древа используют магию стихий, тем чаще повторяются волны. Но энергия и материя не могут исчезать бесследно... Так говорят. И на основании этого наши ученые построили другую версию, по которой пустота — это нечто сродни огромному порталу, который не уничтожает, а переносит что-то или кого-то из нашего мира в иное измерение. Это хорошая теория. В нее хотелось бы верить... Но я не верю. Пустота — зло. Она разрушает наш мир и открывает в другие миры путь для тьмы. А если погибнет Итериан, погибнет все великое древо. Чтобы не допустить этого, нам и нужны шеары. Ведь что такое мир? Это земля, в сердце которой, в самых недрах, таится огненная душа. Вода — кровь мира. Воздух — его дыхание. Мир, любой мир, рожден четырьмя стихиями. Так же, как и шеар. Когда ты бросаешь вызов пустоте, ты заменяешь собой мир на ее пути. Часть силы вытягивает из тебя ничто, а часть ты сам отдаешь, возмещая украденные пустотой воздух, землю, огонь и воду.

Ликвидация разрывов отнимала немало сил. На восстановление уходили дни, порой — недели. Однажды Тьен полутрупом провалялся в постели почти месяц. И альва с длинным-предлинным именем была рядом. Делилась силой земли. Помогала, поддерживала, подсказывала. Но, несмотря на это, дружбой между ними и не пахло. Во всяком случае, с его стороны.

— Что не так, малыш? — не выдержала Лили как-то. — Что тебя не устраивает?

— То, что тебя ко мне приставил Холгер, — ответил он честно.

— Ох, не смей меня, — отмахнулась она. — Назови того, кто пошел с тобой по собственному желанию.

— Фер? — предположил Тьен, сбитый с толку ее тоном.

— Мечтай, — хмыкнула женщина. — Облобызывать любимого племянничка при встрече — это одно, а рисковать жизнью у разрыва — совсем другое.

До того дня юноша был уверен, что Фернан искал его в мире людей, а после сопровождал в Итериане более по личным мотивам, нежели по воле правителя, но после слов Лили засомневался. Неужели флейм и все остальные в его отряде лишь выполняют приказ Холгера?

— Войти в отряд шеара почетно, — разъяснила альва. — Но тут, малыш, вопрос — какого шеара. У твоих отца и брата есть опыт, они могут защитить тех, кто рядом с ними. А ты еще учишься. Вот Холгер и позаботился о том, чтобы ты не остался один. Он не так плох, как ты думаешь, и волнуется за тебя.

— Ты так его выгораживаешь... Спишь с ним?

— Уже нет, — и глазом не моргнув, ответила Лили.

— Отставка? — уточнил он злорадно.

— Скорее, окончание контракта. Хочешь еще что-нибудь узнать о моей личной жизни?

— Не хочу. Ни о тебе, ни о Холгере, ни о ком-либо из его семейки.

— А это зря. Они и твоя семья тоже. Стоило бы получше узнать их.

— Я знаю, что они ненавидят меня. Этого достаточно.

Из всей итерианской родни разве что Эйнар не выказывал неприязни, но его интерес к Тьену был замешан на любопытстве, которому третий шеар потакать не желал.

— Нет, малыш. Не ненавидят. Я бы сказала, они тебя боятся.

— С чего бы это?

Если альва и знала, то не ответила. Вернулась к прерванной теме:

— Не нужно опасаться, что все вокруг шпионы Холгера. Нет ничего дурного в том, что отец подстраховал тебя, окружив опытными воинами и сильными магами. Но можешь попробовать набрать собственный отряд. Только теперь, когда ты показал, на что способен, сомневаюсь, что, те, кто был с тобой это время, захотят уйти.

— И ты?

— Честно? — призадумалась Лили. — Я останусь, да. Но не ради не ради тебя, малыш. Я останусь, потому что с тобой у меня больше шансов послужить Итериану. Так что, пока угроза нашему миру не миновала, придется свыкнуться с моим присутствием. И ты окажешь мне огромную услугу, если перестанешь глядеть на меня зверем.

Через месяц он последует ее совету: придя в себя после закрытия очередного разрыва, объявит о роспуске отряда и новом наборе. Явятся еще добровольцы, и много, но никто из тех, с кем он начинал, не пожелает уйти.

А еще через полгода, вернувшись в столицу из затянувшегося похода, узнает, что стал героем Итериана. Его встретят цветами и гимнами, осыплют почестями. А Холгер, потакая симпатиям подданных, устроит в его честь прием, на который Тьен, будучи предупрежден за день, явится лишь после того, как четверо альвов в полном боевом облачении в прямом смысле слова вытащат его из постели хорошенькой дриады и «напомнят» о приглашении родителя. Он так и придет во дворец в мятых штанах, небрежно наброшенной на плечи рубахе и с зеленой ленточкой в отросших за год волосах.

Почему-то эта ленточка, символ земли, повязанная Тьену девушкой, от которой его так бесцеремонно оторвали, особенно разозлит Холгера. И третий шеар это запомнит...

Утром, только открыв глаза, Тьен обнаружил рядом Лили.

Альва сидела на краешке его постели и со скучающей миной рассматривала свои ногти.

— Не объяснишь, что ты здесь делаешь?

— Хочу поговорить, пока ты снова не сбежал, — ответила она, по-прежнему увлеченная

длинными острыми ноготками.

— Говори.

— Умойся сначала. А я закажу завтрак. В номер? Ты же спешишь, как я понимаю?

Спешил: к восьми планировал быть уже у Софи. В девять Люка ждал «доктор», и нужно было узнать, позволят ли ему возить мальчика, или все же поручат это растяпе Нико.

Но Эллилиатарренсаи не пришла бы без веской причины.

— Яйца всмятку, ветчина, сыр, масло, хлеб, две чашки кофе, — распорядился шеар по пути в ванную.

То ли Лили, угадав его скромные желания, заказала завтрак заранее, то ли смогла убедить персонал, что в их заведении остановилась императорская особа, но через пять минут заказ доставили в номер.

— Начинай, — велел он альве, ножом размазывая мягкое масло по квадратику пшеничного хлеба. — Кстати, второй кофе — тебе.

Итерианцы черпали энергию в родных стихиях, но и человеческую пищу нередко употребляли, скорее, как приятное дополнение к основному рациону. Лили, и он это знал, нравился кофе.

— Спасибо, — она придвинула к себе чашку. — Не буду тянуть и спрошу прямо. То, за чем ты вернулся... За кем... Это женщина?

— Это ревность? — вопросом на вопрос ответил шеар, желая свести все к шутке.

— Нет.

— Раньше ты не интересовалась моей личной жизнью.

— Раньше ты не стремился загубить свою жизнь с таким упорством, — Лили поразительным образом удавалось орать на него, не повышая голоса. — Ты понимаешь, что будет, если ты свяжешь себя с человеком?

— И что же? — нахмурился он. — Снова ваши идиотские запреты? Законы о чистоте крови? Ильясу, которых пришлют в мой дом?

— Дурак, — вздохнула альва. — Ты сам себе вредишь, больше никто. Скажи мне, что это мимолетная интрижка, и я не буду волноваться. Правда, с учетом того, что ты не забыл ее за столько лет, в мимолетность поверить сложно. Тогда пусть это будет дружба. Благодарность. Что-нибудь... нейтральное. Что-то, из-за чего ты не будешь страдать, когда поймешь, что у вас не получится жить, как в сказке, долго и счастливо и умереть в один день. Потому что даже в Итериане ты останешься шеаром, а она — человеком. Понимаешь, о чем я?

— Понимаю.

Завтрак заканчивали в молчании. Тьен ел, подозревая, что в следующий раз подкрепиться получится нескоро. Лили наслаждалась кофе, отпивая из чашки маленькими глотками, пока на дне не осталась лишь черная гуща.

— Давай договоримся не возвращаться к этой теме? — попросил шеар. — По крайней мере, в ближайшее время.

— Хорошо, — согласилась альва. — Если ты обещаешь не делать глупостей.

— Обещаю, — улыбнулся Этьен. — Я буду делать исключительно умности. И я рад, что ты решила поговорить начистоту, вместо того, чтобы затевать что-то за моей спиной. Ты ведь не станешь делать ничего такого, Эллилиатарренсаи?

— Не сомневайся, — произнесла она твердо. — Я никогда не сделаю ничего тебе во вред.

Колокольчик не звякнул. Можно же хоть в мелочах позволить себе использовать силу? Например, чтобы войти незаметно в магазин и несколько минут, пока твоего присутствия не обнаружили, наблюдать за работой составляющей букет девушки.

Софи собирала цветы в высокую узкую корзинку. В центре — темно-красные розы, плотные, едва развернувшиеся бутоны с лепестками, словно вырезанными из бархата. Вокруг роз — нежная пена белых хризантем с вкраплениями незнакомых светло-розовых цветочков. По краям — зеленые листья папоротника. Маленькое произведение искусства, которому суждено неделю вянуть в будуаре какой-нибудь красотищи...

— Тьен? — девушка подскочила от неожиданности, заметив молчаливого созерцателя. — Я не слышала, как ты вошел.

— Извини, что напугал, — он указал взглядом на букет. — У тебя хорошо получается.

— Ерунда, — смутилась она от заслуженной похвалы. — Ты... заехал за Люком?

— Если ты не против.

— Я против, — опомнившись и настроившись на выбранный для общения с ним тон, сообщила цветочница. — Но вчера ты поставил вопрос таким образом, что мне приходится соглашаться, чтобы не ссориться с братом.

— Прости. Я не хотел, чтобы так вышло. И... вот...

Он положил на прилавок небольшой сверток.

— Мне не нужны твои подарки, — демонстративно отвернула голову девушка.

— Но это...

— Я сказала, — нахмурилась она сердито. — Забери.

— Я только...

— Как знаешь.

Софи подхватила сверток и легким броском отправила его в мусорную корзину к сломанным цветам и оборванным листьям.

— Я ничего от тебя не возьму, понял?

— Да. Конечно. Но это твоя простыня. Я хотел вернуть.

«Я веду себя как дура», — мысленно простонала Софи.

— Прости, нужно было сразу сказать, — Тьен взял на себя вину за ее глупость. Сам достал из корзины сверток. — Тут, если честно, еще плитка шоколада для Клер.

— Спасибо.

Уже и в мыслях не было отказываться.

Так... по-детски...

В его присутствии Софи снова чувствовала себя той девчонкой, которую он оставил посреди заполненной народом улицы, беспомощной и испуганной.

— Ты рано, — она вернулась к букету. — Люк спустится минут через десять-пятнадцать. Но можешь его поторопить.

— Я подожду. Можно здесь?

— Да... Нет. Зачем?

— Посмотрел бы. У тебя здорово получается.

— Я уже закончила.

Софи убрала цветы подальше от проникающего в окно солнечного света. Если не ставить под прямые лучи или на сквозняки и не забывать смачивать подложенную под цветы губку, они еще долго будут радовать красотой.

— Сделаешь и для меня что-то такое? — спросил мужчина. — Ну, или не такое, что-

нибудь попроще, без корзинки.

— Для чего?

— Мне понравилось, как ты это делаешь. А букет... Неважно. Отдам кому-нибудь. Ты же не возьмешь? Тогда — первой встречной девушке.

Улыбнулся. Тепло и задорно, как... Нет, не как тогда. Но очень похоже.

— Представляешь, идет по улице какая-нибудь девушка. Работница с фабрики после ночной смены. Или медсестра на дежурство спешит. Курсистка. Идет, думает о своем: хлопоты, заботы... А я останавливаюсь рядом и протягиваю ей букет. Хорошее настроение с доставкой.

— На час, — согласилась Софи. — Самое большее — на полдня. Затем бедняжка изведет себя мыслями о тайном поклоннике на дорогом авто, внезапно обнаружившемся и тут же пропавшем. Будет мечтать, ждать. И не дождется. Хорошее настроение на час, дурное — на неделю. Осадок на всю жизнь.

— Ты слишком серьезно это видишь. И мрачно. Может, у той девушки уже есть жених?

— И он устроит ей сцену, когда она возвратится домой с цветами. Кто поверит в случайного дарителя?

— Она оставит букет на работе, — не желал сдаваться Тьен.

— И тут же поползут слухи...

— Что ж у тебя так грустно выходит? — усмехнулся он. — Всего лишь цветы, маленький эпизод. Зачем усложнять?

Действительно. Подумаешь, цветы. Ведь на самом деле приятно. Шла себе, шла, думала о своем, о том, что завтра на работу, что нужно денег на новые чулки отложить или успеть перед сном брату курточку залатать, а тебе тут подарок.

...только бы до дома дотащить, пока не окоченел...

Цветы. Красиво. Смотри, радуйся. День, неделя. Если повезет, то две.

...три месяца — разве мало? Сытая жизнь, теплые вечера. Разговоры. Кофейни, музеи...

А когда букет завянет, выбрось и забудь. Просто забудь. Даже если судьба не подкинет больше ни одного цветочка, не вспоминай. А если снова решит побаловать подарком, не думай о том, что это лишь на время, — радуйся новому букету...

— Софи? Я что-то не то сказал?

Нет, цветы — плохое сравнение. Вообще не сравнение.

— Люк скоро спустится. Подожди его в машине, пожалуйста.

Мужчина нахмурился. Брови сошлись у переносицы, разделенные двумя глубокими бороздками морщин. Глаза потемнели.

Если бы за эти годы он совсем-совсем изменился бы, она узнала бы его по глазам. Больше ни у кого таких нет. Зеленые-зеленые. Когда он спокоен и улыбается, они яркие и светлые, как молодые побеги аспарагуса. Когда думает о чем-то, темнеют до изумрудного. А когда по-настоящему сердится или злится, становятся цвета вечернего моря... Софи никогда не видела моря, ни вечером, ни утром — только на картинах. И на одной, она запомнила, такое темное, что зелень почти не различается.

Да, она узнала бы его лишь по глазам. Но он не так и изменился. Выше стал. И шире. Не поправился, но мальчишеская худощавость пропала, плечи раздались, черты лица, оставшиеся прежними, стали как будто крупнее. Прямой нос, высокие скулы, мягкие губы, почти незаметная ямочка на подбородке. И глаза, да... Таким нельзя дарить незнакомым девушкам цветы...

А у нее веснушки на носу. И вообще ничего примечательного. Раньше были волосы — длинные, карамельно-медовые. Но однажды она решила все изменить, начать новую жизнь... И проплакала весь вечер, поняв, что после парикмахерской ничего не изменилось, ни в ней, ни вокруг нее.

— Тьен, пожалуйста. В машине или на улице. Мне нужно работать.

А не отвлекаться на глупые мысли. Хотя одно другому обычно не мешает.

— Хорошо.

— И от доктора сразу назад. Не задерживайтесь нигде.

Несмотря на показную холодность Софи, на обиду в ее глазах, им все-таки удалось поговорить. О чем-то незначительном, отвлеченном. И Этьен расслабился.

Расслабился и пропустил болезненный удар.

Сомнений не было: пожилая сухощавая дама вышла из подъезда в одно время с Люком не случайно. Она не поспешит по своим делам, в магазин или на прием к дантисту, — нет, она усядется в автомобиль и поедет с мальчиком к доктору, а после проследит, чтобы они не задерживались, как и просила его сестра.

Зачем было просить, Позволять ему поверить, будто она без сомнений, как прежде, доверила ему брата?

— Это госпожа Магдала, — представил даму мальчик. — Софи думает, что ей нужно поехать с нами.

— Я работала сиделкой в больнице святого Марка, — пояснила женщина. Голос у нее оказался неожиданно мягким и приятным. — Софи сказала, что Люку было нехорошо в прошлый раз. Так случается после процедур, я знаю. И смогу при необходимости оказать помощь.

Очень приятный голос. На больных должен действовать как доза успокоительного.

А Софи — умница.

Не выставила его перед братом полным идиотом или мошенником, не стоящим доверия. Нашла уважительную причину и правильного человека.

Но он-то понимает, что к чему!

По приезду на место шеар позволил госпоже Магдале отыграть свою роль и проводить мальчика к доктору. Но присутствовать при процедурах Луз-Раймонд ей не разрешил, а Люк еще и покраснел довольно красноречиво, так, что женщина тут же поняла неуместность своей просьбы. Вернулась в машину, забралась на заднее сидение и достала из ридикюля какую-то брошюрку...

— Ждать долго, — развернулся к ней не покидавший место водителя Этьен. — Можно вздремнуть.

Сиделка строго поглядела на него поверх обложки:

— Я не сплю на работе.

— Это вы так думаете, — улыбнулся он.

Люк уже сидел в ванне.

Тьен приблизился неслышно. Совсем неслышно: у незрячих чуткий слух, и шеар не принес с собой звуков. И запахов тоже. Даже воздух не колыхался вслед его движениям, чтобы мальчик ничего не почувствовал.

И воды он почти не касался, как и влажного компресса на лице ребенка. Изменения должны быть постепенными, едва заметными...

Закончив, подошел к двери, открыл и сразу захлопнул. Как будто только вошел, со звуками и запахами, разгоняя по комнате сквозняки.

— Это я, Люк. Доктор мне разрешил. Не станешь возражать, если посижу с тобой?

Всплеск. Смущение.

— Тут ширма, я тебя не вижу, — успокоил Тьен. Присел на стул у окна, сцепил в замок пальцы. — Я хотел поговорить с тобой. Объяснить. Наверное, это странно выглядит:

появляется какой-то человек из прошлого, пытается влезть в семью...

...чужую семью, где все давно устроено и, если верить Софи, хорошо. Уже хорошо. Без него.

— Что ты помнишь?

— Мало, — ответил после паузы мальчик. — Каток. Сказки. И то, что Софи рассказывала.

— Знаешь, как мы с ней познакомились?

— Ты снимал у нас комнату, да?

— Да. Но все не так просто. До того, как попасть к вам, я был преступником. Вором.

Это давно уже стало прошлым, и слова признания давались легко. Ни сожаления, ни угрызений совести. Их и тогда не было. Вор и вор. Валет.

— Впутался в неприятную историю, полез на рожон. Ну и поплатился. Меня ранили. Подстрелили. Упал в реку... Должен был умереть, но каким-то чудом выбрался на берег. И вот там точно умер бы, если бы не Софи. Она меня подобрала. Пожалела. Притащила домой, перевязала, отогрела... Скажи, уже этого недостаточно, чтобы помнить о ней все эти годы? Разве эти годы были бы у меня, пройди она тогда мимо?

Люк молчал.

— Она спасла меня не только от смерти. Вы оба спасли. Я мог уйти и вернуться к прошлой жизни. Но не захотел. Остался. Давал деньги за комнату. За продукты. За уголь. Квартирант, да. А на деле... Мне было хорошо с вами. Я ведь вырос на улице, а тут у меня появился настоящий дом. И семья. Кто-то, о ком нужно заботиться, и кто-то, кто заботился обо мне... До этого я и не знал, что так бывает. И, наверное, если бы за прошедшее время у меня появился кто-то настолько же близкий, прошлое стерлось бы понемногу. Осталась бы добрая память, благодарность. Но не повезло. Или повезло, как сказать. Там, где я был, приходилось по-всякому. Не скажу, что всегда и во всем плохо, но оставаться там не хотелось. А возвращаться, кроме как к вам, мне было некуда. Понимаешь? И я мечтал, что вернусь. И если бывало особенно плохо, я думал о вас, о том, что нужно держаться, чтобы однажды увидеть вас. Вы опять спасали меня, пусть сами не знали об этом. А один раз буквально с того света вытащили...

Тьен достал из кармана платок и вытер лоб под взмокшей челкой. Всего на миг закрыл глаза, и сердце трусливо забилось, испугавшись темноты.

Хотя на самом деле она не черная...

...Пустота не была черной — это в глазах потемнело.

Вода стекала с крыльев кровью.

Земля тянула к себе.

Воздух держал из последних сил.

А огонь гас...

Месяца не прошло с того дня, как он героем вернулся в столицу. Празднества, подарки, торжественные оды...

— Один ты не справишься, — сказал Холгер. — Нужно вместе.

Пустота отступала, осталось несколько мелких разрывов, которые планировали закрыть в несколько дней... И вдруг один из них разросся всего за час. Ничто сожрало озеро, откуда не успели уйти ундины. Оттяпало кусок леса. Срезало вершину родового холма dwarves. Низкорослые родичи альвов давно покинули жилища, но ундины...

— Вместе, — решил правитель. — Но нужно подождать.

Он еще не отошел от прошлой встречи с пустотой. И Эйнар, как Тьену говорили, слишком истощен и оправится не раньше, чем за неделю...

Разрыв к тому времени станет еще больше. Доберется до роши дриад. А эти при всем желании не смогут спастись. Не выкапывать же деревья? В лучшем случае сбережешь десяток саженцев, которые, возможно, и не приживутся на новом месте.

— Лучше так, — загодя смирился с потерей Холгер. — Но после мы покончим с нею раз и навсегда.

Не навсегда, Тьен тогда уже знал. На сто лет. Двести. Триста. Пусть бы и на тысячу, но потом пустота вернется. Она всегда возвращается...

— Не смей туда соваться!

Но он пошел. Не только назло Холгеру, и не только из-за дриад, но и потому что помнил: когда все разрывы будут закрыты, он вернется домой.

Соврал тем, кто следовал за ним, что правитель знает и одобряет.

Лили могла бы это оспорить, она всегда была в курсе его редких разговоров с Холгером. Но Лили промолчала. И была рядом, пока хватало сил. Не ей — ему, чтобы закрывать отряд от пустоты. А когда огонь стал гаснуть, он приказал отойти на безопасное расстояние...

— Ты не справишься, — сказала пустота голосом Холгера.

Он мог отступить.

Но... не мог.

Шеар не отступает. Это в его крови, наполненной силой четырех.

Не гордость, не долг. Его создали таким. Если не получается восстановить материю разорванного пространства, есть другой способ победить. Четверо не позволят сдаться. И последний бой похож на первый: у тебя нет воли, ты — оружие...

И Верден не такой уж герой, как о нем говорят. Совсем не герой...

Тьен это понял, когда оказался в той же ситуации, что и дед.

Шеар не отступит. Даже не подумает об этом...

Но Этьен был полукровкой и, наверное, поэтому успел подумать. И испугаться. И пожалеть, что не послушал Холгера. Почти успел признать его правоту и мысленно помириться с ним... напоследок...

А потом стал шеаром.

...Но героем почему-то не стал, хоть успел и об этом подумать за миг до того, как огонь погас, и тело орлана, теряя опадающие перья, полетело вниз...

— Почему он не ушел? Не исчез?

Йонела была близка к истерике. К настоящей такой, постыдно-человеческой истерике.

Тьен не видел ее. Ничего не видел, не чувствовал. Он еще был в пустоте, а пустота была в нем, и лишь голоса долетали из ниоткуда.

— Почему он жив, Холгер? Почему твой отец погиб, а он еще здесь?

Пустота внутри Тьена расхохоталась: у старушки появился еще один повод ненавидеть его. Сначала он посмел родиться, а нынче посмел не умереть.

— Наверное, потому что он отчасти человек, — предположил Холгер. — Сила стихий ушла в ничто, а человеческое тело осталось.

— Не только тело, — не согласилась Йонела. — В нем есть огонь, вода...

— Воздух и земля. Я вижу, — перебил мать шеар. — В людях тоже это есть.

Теперь пустота молчала, а смеялся Тьен: что, бабуля, съела? Оказывается, в каждом человеке есть частичка четырех, а ты всего лишь какая-то... с-с-сильфида!

— Это не та сила, — прекратил веселье голос Холгера. — Это вообще не сила. А силу он себе вернет. Понадобится время, но он справится.

Кто это сказал? Отец, переживающий за жизнь сына? Или правитель, который знает, что шеаров в Итериане никогда не будет слишком много?

— Если выживет, — уточнила любящая бабушка.

— Если выживет, — согласился Холгер.

Они исчезли, а Тьен остался в пустоте.

И пустота осталась в Тьене.

Ей, пустоте, тоже было удивительно, что она не смогла сожрать его у рощи дриад. Удивительно и обидно. Она ведь забирала раньше людей? Забирала. Людей, полукровок, детей всех стихий. Поглощала их, едва коснувшись.

А он уцелел. Потому что ничто не может забрать шеара, не выпив до конца его силы: огонь, воду, воздух, землю. Но у пустоты не вышло отобрать у Тьена все до последней капли, малые крохи хранило в себе человеческое тело. Людей ничто привыкло жрать целиком. Но не шеаров — шеаров, только полностью высосав дар четырех. А это не получалось, потому что человеческое тело держало. А из людей нельзя тянуть, их можно только глотать...

Пустота запуталась.

И Тьен запутался.

Получалось, что с людской кровью шеар становился сильнее? Делался неуязвимым для пустоты? К чему тогда запреты?

Но он вспомнил. Лили объясняла... Не Холгер, опять не Холгер...

— У Итериана всегда должен быть шеар, — говорила альва. — А людская кровь слаба. Сила четырех угаснет в ней. Ты стал шеаром, а твой сын, даже если ты возьмешь в жены чистокровную стихийницу, может оказаться слабее. Или твой внук не сумеет пробудить в себе дар. Такое уже бывало, давно. Поэтому нельзя рисковать...

Холгер никогда не женился бы на его матери.

Но шеаров много не бывает. Казалось, кровь четырех за многие тысячелетия должна была дать обильное потомство... А их всегда не хватало, особенно, когда накатывала очередная волна. И Верден сказал матери, что заберет ее ребенка, если в нем проснется сила одной из стихий. Кроме воздуха — воздух мог прийти к нему с кровью сильфов.

Но мама отказалась от своей стихии, и воздух отказался от них...

...И сейчас Тьен задыхался. Воздуха не хватало. Пустота глотала его вместо своего пленника.

Гасила огонь, отталкивала землю, пила воду. Но нехватка воздуха чувствовалась особенно остро.

Он хрипел, метался по постели, рвал руками удушливый ворот рубашки... И оставался неподвижен в глазах других...

— Уже вторая неделя, — подсчитал Холгер. Тьен слышал его иногда. Его и Йонелу, никого больше. — Вдруг он не выдержит?

Порой в голосе правителя чудилось волнение. Как и в том, другом, принадлежавшем его матери.

А было и иначе...

— Может, так будет правильно? — сказала Йонела как-то. — Угроза миру миновала. А он... Он — убийца. Шеар не может быть убийцей.

Шеар может убить. Отнять жизнь, и не одну. Десятки, тысячи, миллионы. Да, иногда и

миллионы — позже Тьен узнает. Но только если этого требует долг. Не по злобе, не из ненависти или мести...

— Убийца, — шипела сильфида. — Он впустил в себя тьму и скрыл свою злобу под огнем...

Гуляй-город. Мастерская художника. Трупы на полу и разбегающиеся по паркету саламандры...

Откуда ей известно об этом?

— Не вспоминай, — сурово приказал правитель. — Он не понимал, что делает. Не справился с тьмой.

— А если не справится снова? Ты же видишь, насколько он человек. Даже ничто не признало в нем истинного шеара.

Лили была права: его боялись. По крайней мере, Йонела. Но и ненавидела тоже. Потому что не могла противопоставить своему страху ничего, кроме ненависти. Хотя бы показной.

— Ты желаешь его смерти? — спросил Холгер у матери, и пустота эхом повторила для Тьена его слова.

— Нет, конечно. Но если это случится...

— Такова будет воля четырех, — закончил правитель.

Голоса Тьен теперь слышал чаще. Только Холгера и Йонелу.

Из обрывков бесед понял, что никто кроме этих двоих не знает, что случилось на самом деле. Для остальных его состояние — обычное истощение после ликвидации разрыва. Переоценил свои силы, ослабел... Нельзя, чтобы другие узнали. Его, Тьена, и так незаслуженно восхваляют в народах, а если просочится весть о подобном чуде... К тому же он — старший сын. Йонела переживает за Эйнара. И за Итериан. Недопустимо, чтобы убийца правил детьми стихий. Она видит в нем тьму, с первой встречи видела... Это Арсэлис так глупа, чтобы жалеть убийцу. Правда, Арсэлис и не знает о том, что он убийца, это такая же тайна Йонелы и ее сына, как и то, что случилось у рощи дриад. Но Арсэлис все равно глупа и наивна и не понимает, что убийца спит и видит, как заполучить корону Итериана. А Эйнар останется ни с чем. Если вообще останется, потому что от убийцы можно всего ожидать. И Холгер глупец, если оправдывает ублюдка юным возрастом и человеческой слабостью.

Но он все равно оправдывает. Не разрешает матери даже заговаривать о том случае.

— Больше месяца. Никаких изменений.

— Поползли слухи? — разволновалась Йонела.

— Еще нет. Но это неизбежно.

— Скажи советникам, что это из-за порченной крови. Человеческой крови. Истинный шеар уже восстановился бы.

Старая шеари верна себе и долгу перед миром. У нее дурной характер, но благие намерения.

И она чаще сына остается с Тьеном.

— Ты был бы милым мальчиком, — сказала она однажды, проведя пальцем по его покрытой густой щетиной щеке.

Тьен не чувствовал прикосновений, но знал, что она так сделала. А еще знал, как ее злит то, что он так по-человечески «обрастает шерстью». Но она все равно коснулась его лица...

— Ты был бы милым мальчиком, если бы не людская кровь и не тьма в твоём сердце. Думаю, мы сошлись бы. Мне говорили, что ты дерзок, нетерпелив, остер на язык... совсем

как я. А мне так скучно с занудой-сыном и его тихоней-женой...

А затем она сделала то, что удивило и Тьена в пустоте, и пустоту в Тьене.

Обхватила его лицо ладонями, надавила большими пальцами на подбородок, чтобы открыть рот, наклонилась близко-близко и вдохнула в него прохладный чистый воздух.

— Дыши.

Пустота подавилась — слишком много, чтобы проглотить за раз.

— Дыши. Я знаю, воздух не любит тебя, но плюнь ты на это. Ты же шеар — разве он может не послушаться? Дыши. Сдохнешь в другой раз и не в моем дворце.

Она была бы милой бабушкой, если бы не была такой стервой...

Следующим выдохом-вдохом пустоту выдуло из Тьена...

Но Тьен остался в пустоте. Этого старой сильфиде было не изменить...

— Почти четыре месяца, — подсчитал в очередной раз Холгер.

Немалый срок. Иногда Тьену казалось, что он всегда был нем и неподвижен, и жил в окружении голосов. В чем-то это было совсем неплохо. Он даже к Йонеле привык. Теперь, беспомощного, она его не боялась и, значит, не ненавидела. И Холгер не вел себя как высокомерный урод.

Из пустоты все виделось иначе.

Но Холгер не знал об этом и нашел, как он думал, решение. В следующий визит он сказал матери, что собирается провести Тьена через ритуал очищения в храме четырех. Разбудить таким образом его силу.

Пустота злорадно хихикала. Она, как и Тьен, знала, что он сейчас не шеар, а человек, к тому же без сознания, и со стихиями он не совладает: либо сторит, либо утонет, либо разобьется при падении с высоты. Или его просто похоронит под землей...

Тьен был категорически против всех этих вариантов. Он кричал, звал на помощь... Но вокруг было темно и никто его не видел — лишь тело на кровати. А сам Тьен оставался в пустоте.

Он пытался идти на голос, Холгера или Йонелы, но, сколько ни прислушивался, не мог уловить, откуда доносятся звуки. Брел в одну сторону, и голоса тут же звучали с противоположной...

Тогда решил услышать еще кого-то. Лили или Фера, они были недалеко. Наверняка думали о нем. Или Генриха — он же не мог не волноваться?

Все тщетно.

А потом вдруг — то ли смех, то ли плач.

Ребенок.

Откуда-то издалека. Но Тьен узнал голос. Пошел... Боялся опять ошибиться, но пошел. И голос становился отчетливее — значит, в правильном направлении...

— Тьен! Тьен, иди сюда! Сюда!

Пустота вокруг переставала быть пустотой. Сначала появился ветер. Холодный, пронизывающий. Свистел в ушах, и это был первый звук после путеводного голоса. Следующий — скрип снега под ногами. Привычный такой. И кожу защищало морозцем. Через несколько шагов он начал различать что-то в темноте. Очертания домов, деревья... Потом в небе зажглись звезды...

— Тьен!

...Улица почти видна. И поворот знакомый. А в просвете между домами...

— Тьен! Сколей! Но, лосадка! Но!

...Люк ерзает в салазках, зовет. Веребочка, за которую нужно тянуть, валяется в снегу... А Софи стоит рядом и смотрит на него, на Тьена. Потом на веревочку и снова на него: мол, чего бросил? Берись и тащи, тут до площади всего ничего. А сама она уже устала...

— Я сейчас, — пообещал Тьен. — Сейчас.

Только несколько шагов...

...И упал на третьем, носом в пушистый ковер, устилавший пол в дворцовой опочивальне...

Так он проваляется час или два, пока не придет Холгер.

Тот поднимет, отхлещет по щекам, нальет воды. Будет что-то бормотать о ритуале, но Тьен, хрипя с непривычки, разъяснит ему, куда можно пойти с такими предложениями. Откашляется и добавит, где он видал и правителя, и его дворец, и потребует, чтобы его перенесли в дом Генриха. А там, разогнав всех и оставшись один, достанет из тайника фотографию...

— Я сильно заболел тогда, — сказал он Люку, поняв, что пауза затягивается. — Четыре месяца в постели. Лекарства не помогали. Назначили рискованную терапию, но она не понадобилась. Я... не знаю, как объяснить.

Зря он вообще заговорил об этом...

— Кажется, я знаю, — тихо произнес мальчик. — Когда я болел, одна женщина в больнице сказала, что нужно держаться за жизнь и за тех, кто мне в этой жизни дорог. И я все время думал про Софи и Клер. И других вспоминал, но Софи и Клер — всегда. И выжил.

— Да. Я об этом. Только я не знал, что есть еще Клер.

На самом деле его болезнь продлилась дольше четырех месяцев. До сих пор иногда он чувствовал пустоту внутри себя и себя в пустоте.

По дороге домой Люк не сказал ни слова. То ли из-за сиделки, то ли все еще размышлял над тем, что услышал. Но главное — понял.

— Проводить тебя до квартиры? — спросил шеар.

— Спасибо, я сам. Завтра в то же время?

Прозвучало обнадеживающе.

Шел мальчишка не спеша, но уверенно. И не скажешь, что слепой. Тросточка в руке будто для красоты — лишь изредка постукивает по тротуару. А глаза — в ногах. Подошва на ботиночках тонкая, ступни каждый булыжник помнят, каждую трещинку. Дошел до знакомой выбоины, дальше отсчитал нужное количество шагов — следующая. Госпожа Магдала смотрела с сочувствием. Этьен — с восхищением. Никто не знает, чего стоила парнишке такая выдержка до того, как вошла в привычку. А он и не скажет. Порода не та. Не папашина явно. И воспитание, на счастье, не его.

Шеар попрощался с выпавшейся сиделкой и перешел на противоположную сторону улицы. Отчитаться. Увидеться еще раз.

У Софи был покупатель. Смазливый щеголь лет двадцати с небольшим, вальяжно облокотившись на прилавок, с улыбкой, которую так и хотелось растереть кулаком по физиономии, расточал комплименты собирающей букет девушке.

Не любил Тьен таких. С хорошенькой продавщицей пофлиртовать — дело обычное, мужчине в добром здравии и хорошем настроении вполне простительное. Но у этого больно морда наглая, и на лбу крупными буквами написано, что, будь его воля, словами и подмигиваниями не ограничилось бы.

— Ой, вы уже приехали? — обернулась на звон колокольчика Софи. — А где Люк? Как он?

— Пошел домой. Немного устал, как и вчера, но в целом — неплохо.

— Спасибо, что помог.

Не нужно было ей это говорить. Так — не нужно.

Благодарность прозвучала искренне, но сухо: подобным тоном не с другом, а с наемным шофером говорят.

Шеар нахмурился, а развязный молодчик, умолкший при его появлении, приободрился и опять нацепил на просившуюся под кулак рожу похотливую ухмылку.

— Так что, красавица, сходим куда-нибудь вечером? Во сколько твоя лавочка закрывается? Заскочу.

— Не стоит, — с вежливой улыбкой отказалась девушка. — Вряд ли вашей невесте это понравится.

Торопясь, закончила с букетом, обернула хрустящей бумагой стебли собранных пышным зонтиком белых фрезий и мелких нежно-розовых роз и подала клиенту. Успела отдернуть руку до того, как ладонь наглеца накрыла бы ее пальцы.

— Невесте? — фат в напускной задумчивости подергал один из длинных глянцевых листочков, зелень которых оттеняла светлую пастель цветов. — Кто ж ей скажет?

— Может, мой жених пожалуется? — беззаботно предположила Софи.

Юнец обернулся на Тьена. Тот в его бесстыжих глазах на жениха не тянул, но намек цветочницы был понят, и повода оставаться в магазине у незадачливого ухажера уже не

осталось.

Он вынул бумажник и положил на прилавок деньги.

— И знаешь, что? — Достал еще одну банкноту. — Вон из тех розочек выбери одну покрасивше.

Софи вытянула из вазона пышную алую розу. Хлюст перехватил длинный стебель, с гадким чмокающим звуком поцеловал бутон и вернул цветок девушке.

— Тебе, милашка.

Этьен отчетливо увидел, как сейчас Софи с размаху стеганет наглеца этой розой, оставив на смуглой щеке кровавые царапины от шипов...

— Спасибо, — вежливо поблагодарила она.

— Всегда пожалуйста.

Молодчик прихватил букет и, насвистывая, пошел к дверям.

Пнуть бы его, для ускорения, но мужчина сдержался.

— Часто у тебя так? — спросил он, когда колокольчик обрадованно звякнул, выпроваживая беспардонного повесу.

— Как?

Девушка вернула розу в вазон. После возьмет из кассы стоимость цветка. Те же чаевые, что в варьете.

А от него, значит, цветов не примет...

— Я пойду. Завтра заеду за Люком.

— Если занят, Нико...

— Я заеду.

Щеголька нагнал на соседней улице.

Оставил авто у обочины и пошел следом. Дождался, пока фат свернет в глухую подворотню, нырнул следом и позвал негромким свистом.

— Слушай внимательно, красавчик. Еще раз в оранжерее появишься...

— И чё? — перебил тот, ослабившись.

Шеар мог бы даже не говорить с ним: еще в магазине, коснулся бы невзначай, и юнец в прямом смысле навсегда забыл бы туда дорогу. Но... не по-мужски это, что ли?

— А то, что кости долго срастаются, — пояснил Тьен. — Подумай над этим.

Тот подумал, да, видно, не вник. Шагнул навстречу. Рука скользнула в карман отутюженных брюк, и заиграла между ловких пальцев тонкая бритва.

— Ты меня на испуг не бери, фраер, — наступал молодчик. В одной руке роскошный букет, в другой — перо пляшет. — Свои кости береги. И с колодой не связывайся. Слышал про колоду?

Этьен присмотрелся к парню. Слободской? В этом районе?

— Слышал. Но вряд ли колода за шестерку вступится.

— Это папаша твой шестерил, пока мамаша матросне давала, — зло сплюнул фартовый. — А с тобой, фраерок, валет разговаривает.

— Валет?

Тьен поперхнулся, закашлялся и вдруг расхохотался, так неожиданно и громко, что размахивающий бритвой юнец удивленно отпрянул.

— Ты — валет?

— А чё? — обиделся щеголь. — Чё, получше вальтов видал?

— Да уж видал.

Веселье отпустило так же резко, как нахлынуло.

А парниша-то открылся...

Фасад портить не стал: к невесте же идет... коллега...

Кулаком под дых. Руку с пером в запястье перехватил, дернул с силой вниз, ударил о колено, выбивая бритву...

Подружка местная, видать. Девочка примерная, из хорошей семьи. Чулочки фильдеперсовые, шляпка... Сам на таких засматривался...

Вторую руку, ту, что с букетом, вывернул и цветочки отобрал аккуратно — Софи же старалась...

...И сам по почкам получил — извернулся гад, ударил в бочину. Теперь видно, что точно слободской. Верткий, шельмец. А Тьену неудобно с букетиком-то. И силу использовать глупо на ерунду, да и неспортивно как-то...

Схлопотал в челюсть, так что аж за ухом хрустнуло, но потом уложил-таки гоголя. Красиво так уложил. И горло локтем прижал, чтоб не рыпался...

— Про оранжерею повторить, или и так понял?

— Понял, — огрызнулся щуренок.

Поднял за шкуру, отряхнул. Букетик вручил.

— Топай к своей крале. Только часы верни... в-валет.

Или думал, он не заметит?

— Чё? — попытался сыграть дурку фартовый.

— Верни. А я тебе взамен твой лопатник отдам.

Юнец ощупал карманы. Нижняя губа удивленно оттопырилась, а в глазах промелькнуло подобие уважения.

— Ты кто такой? — осмелился спросить он, когда обратный обмен состоялся.

— А это ты у царей поинтересуйся, — усмехнулся Тьен.

Такой ответ лучше всяких чар красавчика от оранжереи отвадит. Но береженого и бог бережет, и четверо не оставят. Воздух и вода сплелись в тонкую ниточку-невидимку и браслетом обернулись вокруг запястья парня. Внезапное расстройство желудка — не самая большая кара за слушание. Но показательная.

Сев за руль, шеар развернул к себе зеркало. Стер со скулы наметившийся кровоподтек. Бок болел еще — да и ну его, так пройдет.

«А хорошо погулял, — подумал он хмуро. — Вспомнил, как человеком был. Каким человеком был».

На сегодня, решил, хватит с него людей. Завел мотор и поехал в гостиницу. К нелюдям.

Нелюди скучали.

Всего за пару дней в человеческом мире захандрили без дел и развлечений.

А им ведь как-то нужно месяц переждать.

— И что мне с вами делать?

Не найдя ответа, собрал всех в своем номере. Отца не звал, с ним хотел поговорить позже, наедине. А пока — с этими разобраться.

— Зачем с нами что-то делать? — насторожился Кеони.

— Затем, чтобы Этьена совесть не мучила, — ответила за шеара Эсея. — За то, что совсем нас забыл.

Вроде бы обычные для нее поддевки, но Тьен нахмурился.

А тритон занервничал: зрачки вытянулись длинными рисовыми зернышками, радужка

посветлела. Того и гляди встопорщит плавники и порвет ни в чем не повинную рубашку. А рубашка эта, голубая, в мелкую синюю полоску, ему, между прочим, шла, и к глазам, и к бледной гладкой коже, и с длинными черными волосами, сейчас собранными на затылке в хвост, контрастировала и гармонировала. Лили выбирала, а у нее вкус хороший.

— Эллилиатарренсаи, — обратился к альве шеар, — объясни, пожалуйста, что пытается скрыть от меня наш юный друг.

Не просьба, хоть звучит обманчиво мягко, — приказ. А приказы Лили выполняет быстро и четко.

— Наш юный друг считает, что ты впустую тратишь время в этом мирке, — копируя тон командира, ответила она.

— И почему он так считает?

Не выдержав, что за него приходится отвечать другому, Кеони вскочил с места:

— Потому что этот мир и люди, что его населяют, недостойны внимания шеара!

Все-таки испортил рубашку.

— Это — мой дом, Кеони, — веско произнес Тьен. — Я не заставляю его любить, но прошу уважать.

— Дом шеара — Итериан! Твое место там. Несправедливо лишать детей стихий спасителя!

Тьен увидел, как при этих словах дрогнули уголки губ Эсеи в попытке скрыть ухмылку, и мысленно порадовался. Бред о спасителе засел всего в одной голове. И его еще можно из нее выбить... Фигурально выражаясь, конечно.

— Сядь, Кеони. Лучше на кушетку, а не в кресло. Или плавники убери.

Острые, как бритва, в бою они заменяли оружие. Те, которые на руках и ногах. Спинной, по мнению Тьена, существовал единственно для красоты и демонстрации настроения. Но он не исключал, что чего-то еще не знает о тритонах.

— Послушай, Кеони, я прошу — могу приказать, но пока прошу — никогда, ни при мне, ни в мое отсутствие, не называть меня спасителем Итериана. Во-первых, это неправда. Во-вторых, подобные слова оскорбляют шеара Холгера и шеара Эйнара, сделавших для Итериана и всего великого древа намного больше, чем я.

— Без тебя они не справились бы!

— Кеони! — окрик командира заставил вновь вскочившего тритона вернуться на кушетку и спрятать ножи-плавники. — Еще одно такое высказывание, и я перестану считать тебя другом. Понял?

Кивнул. Но не понял.

Тьену было безразлично, что говорят о нем в Итериане, пусть хоть храм в его честь возводят, а после в этом же храме анафеме предадут. Но не хотелось, чтобы мальчишка забивал себе голову ерундой, в которой правды ни на грош. На полгрошика только...

Мимолетная мысль, что та медная монетка, покатила, покатила...

— Я собираюсь в ресторан. Составите компанию?

Свита, восприняв приглашение как приказ, ответила единодушным согласием.

— Значит, через полчаса встречаемся в ресторане.

Спаситель... Ха!

...Разговоры начались во время его затяжной болезни, подробности которой так и остались известны лишь Холгеру и Йонеле. Тьен не сообщил им, что тоже кое-что знает. О чудесах, о странных свойствах человеческого тела, не давших ему сгинуть в пустоте, о том,

что считают его носителем тьмы.

Сразу не планировал скрывать, напротив — счел удобным поводом поговорить и, наконец, разобраться со многими мучившими его вопросами, но к тому времени, как он пришел в себя, все уже было по-прежнему: ледяная стена отчуждения, презрение, молчание.

Но прием в его честь правитель закатил. Три дня песнопений и возлияний. Делегации со всего мира, от всех народов. Постные лица старейших. Восторженный молодняк. Арфы. Волюнки. Кружащиеся в танце вечно юные девы. Они там все вечно юные, хоть далеко и не все девы...

Если Холгер хотел укрепить его неприязнь к себе, ему это удалось.

— Аллей гордилась бы тобой.

В попытках забиться в темный угол собственной души третий шеар пропустил момент, когда Фернан подошел и присел рядом на расшитые цветами подушки.

Подушки тоже раздражали. И отсутствие стола, из-за чего казалось, что вечно юные отплясывают прямо на тарелках с фруктами и жареным мясом. И мясо раздражало. Блюдо с кусочками сочной баранины стояло только перед ним, потому что одна половина присутствующих сходилась на том, что живое недопустимо употреблять в пищу, а вторая из уважения к первой готова была отказаться от гастрономических изысков: все равно дети стихий питаются в основном чистой энергией, а остальное — баловство, дурная привычка, подцепленная от людей. Но не для того, кто сам отчасти человек — животное и убийца. Для него поставили отдельную кормушку, чтобы все видели...

— И я горд. — Флейм протянул шеару кубок. Второй поднял над головой. — За спасителя Итериана.

— За кого? — переспросил Тьен, не торопясь пить. Если это очередной титул Холгера, выплеснутое из кубка вино кровавой лужицей растечется под ногами танцовщиц. Может, хоть одна навернется.

— За тебя, мальчик мой. И за меня. Приятно, знаешь ли, состоять в родстве с тем, кто в одиночку победил великое ничто. Ну и как первому в твоей свите мне тоже перепадает немного славы. К слову, у тебя должна быть полная малая свита. Четыре начала — четыре воина. Я есть, осталось найти еще трех. Ты же не думал, что Лили с тобой до конца? Это, скажу тебе, такая птица... вольная...

Если пить много и часто, алкоголь действует и на дивных. Фер это знал.

Пришлось придержать дядюшку за рукав, пока очередная порция вина не была проглочена, и уточнить:

— Когда я успел спасти мир?

— Не мир! Великое древо!

— Когда и как? — повторил Тьен.

Холгер смотрел в их сторону, молодой шеар чувствовал это, но не знал, как отреагировать. В итоге двумя руками взял с блюда кусок мяса, самый большой, и вгрызся зубами. Жир потек по запястьям в рукава новой, специально для этого праздника сшитой рубашки — если не соврали, сама шеари Арсэлис ручку к вышивке приложила...

— Ты закрыл последний разрыв, — пояснил Фер. — Огромный разрыв в одиночку.

— Ибо дурак, — изрек Тьен, давясь мясом, оказавшимся недожаренным. — И, как я знаю, не последний.

Имел в виду, что закрытый им разрыв не был последним, а вышло, что назвал себя не последним дураком, и Фернан, осушив кубок, рассмеялся.

— Так спаситель-то с какой стати? — отчаявшись прожевать баранину, герой дня выплюнул истерзанный кусок на блюдо. Человеку можно, животное же. И руки о штаны отер. — Или у вас кто последний — тот и герой?

Темная волна накрыла Итериан почти на двадцать лет. Холгер и Эйнар с первого дня вступили в бой с пустотой. Верден погиб. А он, Тьен, появился лишь два года назад.

— Вроде того, — усмехнулся Фер, стремительно трезвея. — В народах говорят, что Холгер и Эйнар не справились бы вдвоем. А показательное закрытие огромной дыры, спасение дриад, попытка отдать жизнь за мир во всем мире и за его пределами...

— Я понял, — нахмурился третий шеар. — Памятник мне, надеюсь, установить не грозятся?

— Об этом не слышал. Но из пяти мальчиков, родившихся в столице за время твоей болезни, троих называли Этьенами. Одну девочку, кстати, тоже. Что за пределами города — не знаю. Может, где и памятники уже стоят.

— Холгера это злит?

Если да, то можно податься в народные герои. Хоть и муторно это.

— Не очень, — избавил от лишних проблем Фер. — Итериан в руинах. Его больше раздражает сегодняшнее празднество — пир на пепелище.

В этом Тьен был солидарен с правителем.

— О спасителе тебе напомнят еще не раз, — предупредил флейм. — Особенно молодежь. Им нужен герой, пример для подражания. Ленточки, вон, уже вошли в моду.

— Я заметил, — проворчал шеар. — Ничего сами придумать не могут.

— А ты молодец, не поддаешься соблазнам, — отметил дядя. — Аллей, и правда, гордилась бы таким сыном.

А он до сих пор не нашел ее убийцу.

И не искал. Несколько вопросов невпопад: отцу, Холгеру, Феру вот. Все мимо. И не до того как будто. Мать убили, а ему не до того! Словно в самом деле, перестал здесь быть человеком. Стал шеаром. На первом месте мир, личных интересов не существует...

Хрена с два! Найдет эту тварь... Итериан отстроят, найдет и...

Он пока не решил, что сделает. Вкус мести еще не забылся, и снова пробовать это блюдо, пусть даже хорошо остывшим, желания не было. Но и спускать убийце нельзя...

— Чуть не забыл, — Фер положил перед ним небольшой сверток. — Это тебе. От дриад.

Внутри оказалась длинная резная шкатулка.

— На ее изготовление ушла одна из старых ветвей материнского дерева старейшей рода, — рассказал флейм. — Ценный подарок. Сделан специально для тебя. Никто другой не откроет. Можешь положить все, что угодно, и в любой момент достать. Я слышал о таких: вместительность невероятная. Лишь бы изначально вещи подходили по размеру. Нож. Револьвер... Ну, я не знаю... Запасная пара носков?

Фотография, которая скоро изомнется под матрасом...

— И вот еще. — Фернан вложил в ладонь племянника холодный шарик из хрусталя. — Это уже от детей воды. Карманный предсказатель.

Шутка. У детей воды не бывает карманных предсказателей — у них и карманов-то нет.

— Как он работает? — заинтересовался Тьен.

— Задаешь вопрос — получаешь ответ.

Недолго думая, третий шеар поднес шарик к губам и негромко спросил:

— Кто убил мою мать?

Ничего не произошло.

— Не так же! — озираясь по сторонам, зашипел Фер. — Он отвечает только «да» или «нет», и лишь когда настроится на нужную частоту, войдет в резонанс с астральными потоками...

— Спасибо, — Тьен убрал бесполезный подарок в карман. Карманный же.

— Не мне. А я пойду... в сад...

Поняв, о чем думает племянник, Фернан предпочел откланяться, и то, что не стало разговором, превратилось в тягостные размышления. Праздник, вино, танцы... А у Тьена перед глазами огонь и крылатые тени. Ильясу. Птица вольная Лили рассказывала, что их может призвать каждый достаточно сильный стихийник. Но не каждый рискнет пропустить через себя тьму, чтобы выпустить монстра. Ильясу использовали для защиты в чужих мирах, или как вестников, если живых отправлять было опасно. Иногда — как вестников смерти. Чем слабее мир, тем легче откликались на зов темные слуги. Это в Итериан путь тьме закрыт, и даже шеарам не дано провести сквозь его свет ильясу. А в родной мир Тьена, в мир людей, лишенный магии дивных, призвать крылатую смерть мог любой из детей стихий. И как сказал однажды Фер, подозревать можно многих.

Кому они с матерью мешали? Вердену? И да, и нет. Йонеле, зацикленной на чистоте крови? Арсэлис, на тот момент еще не бывшей женой Холгера, но, вполне вероятно, уже метившей на это место? Другой, неизвестной Тьену претендентке? А если предположить, что случившееся не имеет отношения к рождению шеара-полукровки, каждый итерианец, в прошлом знакомый с Аллей, попадал в круг подозреваемых. Старая завистница. Отвергнутый любовник. Сильфы, не простившие ее ухода...

Они ведь не простили. Генрих, попавший в Итериан до волны, рассказывал, что хотел найти родню Аллей, просто поговорить с кем-нибудь о ней. Но никто не пожелал встретиться с человеческим мужем предательницы. И говорить... О ней не говорили на родине. Для семьи она умерла в тот день, когда отреклась от своей стихии.

Сначала Тьен не знал, но позже дошли слухи, и Лили подтвердила нехотя, что многие старейшие выказывали недовольство появлением третьего шеара. Мало того, что полукровка, так еще и сын отступницы — сам отступник еще до рождения. Но кто такие эти старейшие, чтобы оспаривать волю четырех? Он прошел испытание, он шеар. И мать его матери, еще одна милая бабушка-сильфида, не посмела бы отказаться от встречи с ним... Но прежде Тьена до гор Энемиса добралась пустота. Из обитавших там детей воздуха уцелели единицы.

Одна девчонка прибилась к отряду. Не просила взять ее, просто пошла с ними. Совсем юная по итерианским меркам, но уже прошедшая посвящение. Эсея Ианта, посвященная рода Эним... Семья Аллей принадлежала к роду Эним, правда, к другой ветви...

А Холгер все-таки подошел.

— Наслаждаешься, спаситель?

— Греюсь в лучах твоей любви, — замогильным голосом поведал Тьен. — Хорошо, бабули нет, — изжарился бы.

Хамство правитель привычно стерпел.

— Надо поговорить. О том, что делать дальше. Остававшиеся разрывы мы с Эйнарром ликвидировали, но мир нуждается в помощи.

— Я возьму Западный континент, — с ходу объявил Тьен.

— Не можешь без геройств? Там будет сложнее всего.

— Зато отсюда подальше.

Генрих жаловался, что он редко бывает дома. Но у них еще будет время.

— Хорошо, — согласился правитель. — Тебе что-нибудь нужно?

— Узнать, кто убил мою мать.

Спрашивать у Холгера — все равно, что у хрустального шарика.

— Я уже говорил, что не знаю.

Тьен не верил. Вот если бы как в ту, первую встречу, но нет — не было чувства, что его не обманывают. А наоборот — было.

— Он никогда мне этого не скажет, — прорычал он в спину удаляющегося правителя. — Знает, кто убийца, и защищает его!

— Да, — звякнуло в кармане. — Да-да-да...

Предсказатель полетел через зал в затылок Холгера... Но не достиг цели, перехваченный ловкой рукой.

— Занятная вещица, — присела рядом Лили. Покатала в ладони хрусталь. — Тяжелая. Если тебе не нужна, себе оставлю. Не против, спаситель?

Она насмешничала, как и Фер. Не зло, но насмешничала. И Тьену это нравилось.

А вино помогало ненадолго забыться и не думать. Если пить быстро, но много...

...если очень быстро и очень много, к концу вечера в голове останется только одна мысль. Каково бедной девочке будет жить с именем Этьен?

Первыми в ресторан явились мужчины.

Кеони в светло-коричневом костюме. Пиджак, надетый поверх новой рубашки, в этот раз блекло-зеленой, застегнут на все пуговицы, словно реши тритон вновь продемонстрировать плавники, льняная ткань его удержит. Две барышни, чаевничавшие в углу полупустого зала, проводили юношу заинтересованными взглядами. Не заметил — всего лишь люди.

А вот Фернану внимание дам льстило. Внешность у него не столь броская, как у водяного, — скорее приятное, нежели красивое лицо, темные волосы, смугловатая кожа, серо-голубые глаза, но барышни, отвлекшись от равнодушного тритона, больше к тому не возвращаются. Очарование молодости теряется рядом со зрелой мужественностью. И Фер умеет поддержать впечатление: улыбается, склоняет приветственно голову, демонстрируя отсутствие плечи. Манеры, классический черный костюм, гвоздика в петлице. Верхняя пуговица кипенно-белой рубашки расстегнута — маленькое нарушение надуманных приличий, и это тоже отмечают, как и ответный интерес во взгляде... Видимо, одну из девушек ждет нескучный вечер. Или обеих...

Появление дам вызвало оживление в мужской части трапезничающих.

Лили, как всегда, в темном — на этот раз темно-синий муар. Длинное платье свободного кроя, с завышенной талией и широкими рукавами до локтя, но идеальную фигуру нелегко спрятать от любопытных глаз, и неглубокий квадратный вырез оставляет достаточно места для фантазий.

Эсея верна себе. Если не походный наряд — развевающиеся многослойные шелка. Белое и голубое. Легкий шарф. Ленты на шляпке. Улыбка кажется искренней. Движения воздушны...

И все равно, невзирая на наряды и манеры, все они чужды этому миру. Оттого и интересны.

— Что закажем? — Лили заглянула в книжечку-меню. — Только не рыбу, пожалуйста.

— Почему? — удивился Кеони. — Рыба вкусная. Я пробовал.

— Тритон ест рыбу, — зашептал шеару на ухо присевший рядом Фернан. — Как думаешь, это можно считать каннибализмом?

— Каннибализм — поедание себе подобных, — напомнил слышавший все Кеони. — Рыбы мне не подобны.

— Если забыть о плавниках, — согласилась Эсея.

— Плавники не отображают сути, — обиделся, не поняв шутки, юноша. — Я — вода. Рыба — мясо. Фер вот — огонь... Он, кстати, тоже мне не подобен. И если я его...

— Съешь? — угадал флейм. — Не советую. Обожжешься.

Тритон обернулся к Лили, но спросить ни о чем не успел.

— Поперек горла встану, — предупредила альва.

— А я невкусная, — прыснула Эсея. — И непитательная.

Воздухом сыт не будешь, это даже люди знают.

— Что насчет сырного пирога? — предложил Тьен. — Среди нас нет подобных?

Признать себя подобием выпечки никто не пожелал.

— Три листра, — задумчиво озвучил стоимость заказа шеар. — Когда-то за эти деньги можно было новые сапоги купить.

— Дорогой пирог, — высчитала сильфида.

— Да нет. Инфляция.

Людское слово, как и людские дела в целом, дивных не интересовали. Пирог, так пирог. И чай.

— В складчину? — предложил шеар.

— Я могу заплатить, — вызвался Фернан, но под взглядом командира быстро сник.

— В складчину, — повторил Тьен. — Фер, с тебя листр. С Лили и Эсеи — по полтиннику. Я плачу за чай и даю три четвертака за пирог. И с Кеони четвертак.

Деньги выложили на хлебное блюдо.

— Кеони, — в ожидании заказа обратился к юноше шеар. — Хотелось бы закончить прерванный разговор. О моем месте спасителя.

Тритон забыл обо всем и сосредоточился на командире.

— Называющие меня так, здорово преувеличивают, — продолжал Тьен. — Я пропустил основной удар пустоты. Появился в Итериане за два года до окончания волны и не успел бы сделать ничего выдающегося ни для мира, ни, тем паче, для всего великого древа.

— Холгер и Эйнар не победили бы сами! — не желал прощаться с идеалами тритон. — Если бы ты не пришел, мир погиб бы.

— Этого никто не знает, — не согласился шеар. — Но в любом случае мои действия — лишь помощь истинным героям.

— Истинный герой — ты! — упорствовал Кеони. — Народы любят тебя.

— Незаслуженно. В любой войне есть символы — дивные, как и люди, не могут без этого. Я просто подвернулся под руку. Но Холгер и Эйнар сделали намного больше. И Верден... Да славится имя его в веках.

— Слава в веках, — эхом повторила свита.

Чуть громче, и напугали бы принесшего заказ официанта.

Сырный пирог в «Золотом дворе» подавали порциями или «по-домашнему», на общем блюде, с которого каждый потом брал себе кусочек. Тьен выбрал второй вариант, и неспроста. Когда Кеони снова назвал его спасителем, шеар с улыбкой кивнул:

— Хорошо, я — спаситель. А этот пирог — твой.

— Мой? — растерялся тритон. — Почему?

— Ты за него заплатил.

— Всего четвертак!

— Да, но без этого четвертака денег не хватило бы, — шеар обвел взглядом свиту. —

Раз Кеони пришел последним и отдал нам свой четвертак, мы должны признать, что пирог его. Так?

— Нет, не так, — оттолкнул блюдо честный юноша. — Я не...

— И я «не», — подмигнул ему Этьен. — Понимаешь теперь, какая глупая ситуация? Мы говорим, что пирог твой, а ты знаешь, что это не так. И точно так же, как ты не возьмешь незаслуженный пирог...

— Я возьму, — неожиданно для всех Кеони придвинул к себе блюдо. — Раз вы утверждаете, что он мой, я соглашусь. Нельзя обманывать ожидания тех, кто в тебя верит.

Он взял вилку и сковырнул большой кусок пористого теста. Подул и отправил в рот.

— Этьен, — придвинулась к шеару Лили. — Разве эта притча должна заканчиваться так?

— А хрен ее знает, — махнул он рукой.

Подозвал официанта и заказал еще один пирог.

Глава 13

Первое письмо Софи написала через неделю после того, как он исчез. Всего пара строчек.

Где ты? Как? У нас все хорошо. Скучаем. Возвращайся...

Второе было длиннее.

Третье...

В доме стало пусто. Люк слишком мал, чтобы понять. Подруг нет. У сударыни Жанны только и разговоров, что о непутевом сыне и болячках, а господину Гийому главное, чтобы в лавке был порядок.

А в комнате Тьена осталась стопка писчей бумаги и чернила. Много чернил, словно в самом деле собирался писать сказки...

Сказки Софи сочинять не умела. И дневников, как героини романов, не вела. Глупость какая — эти дневники! А письма — другое дело. И не беда, что адресат неизвестно где... Вернее, беда, еще какая беда, но писать-то можно. Не очень часто, и лишь когда есть о чем.

Сирень зацвела — чем не новость? Наломала душистых веток, расставила по всему дому. И в его комнате тоже. А до того все вещи перестирала, рубашки погладила, постель чистую застелила...

Люку ботиночки купила из тех денег, что оставил, спасибо. Не нужно было, они бы и так не пропали, но... И платье себе. Два. Потому что лето, тепло, жарко даже, а ей, оказалось, и надеть нечего. Из прошлогоднего выросла... Не такая она уже мелкая!

С Люком в кинотеатр ходили, в тот самый, что возле студенческого клуба. Там еще тапером старичок, которого они в музее видели. Фильм интересный был, про любовь... А потом к ним какие-то парни подошли. Познакомиться хотели. Неприлично же, когда вот так прямо на улице подходят? Не стала с ними разговаривать...

Книгу купила, про цветы. Еще роман один, но про цветы интереснее. Оказывается, Нирейская невеста не белая, а красная. В Нирее по-другому все, у них у девушек свадебный наряд красный. А белая — Красавица Южноморья... Это она про розы, которые он ей тогда принес. Еще желтая была, Филомена. Она в их климате не цветет, только в оранжереях. И дорогая. Вот нужно было такую дорогую покупать?

Никаких не нужно. Пусть только приходит, а розы у них в саду скоро распустятся. Сначала Маргарита, а потом Кларисса...

Писала чисто, без ошибок — каждое слово проверяла. Словарь специально для этого купила. Все равно пригодится, когда Люк в школу пойдет, а Тьену не понравится, если с ошибками.

О брате, о доме, о розах...

О том, что встретила с сестрами Ламиль. Анна на него уже почти не сердится. У нее новый поклонник. Скучный и слишком заумный, но Анну, кажется, по-настоящему любит и родителям ее нравится. А Ами решила стать великой художницей, но это пока секрет...

Об отце, который появился на пороге их дома осенью. О Клер. Она такая маленькая и все время болеет. Пришлось уйти из лавки... Спасибо, что оставил деньги. Малышке онигодились: на докторов, на лекарства...

Сложенные вчетверо листы ложились в круглую жестяную коробку из-под печенья. Коробка пряталась на шкаф.

Когда продали дом и переезжали на квартиру неподалеку от депо, где работал отец, таких коробок было уже две. Софи упаковала их со своими вещами, а на новом месте нашла для них тайничок между стеной и комодом.

И продолжала писать...

— Ему, значит?

В тот день она водила детей в парк, а отец вернулся домой раньше обычного. Что он делал в их с Клер комнате и как наткнулся на письма, она не спросила. Вообще ни о чем не спросила: увидела разбросанные по столу развернутые листы, и дыхание перехватило от возмущения.

— Спасибо, что не жалуешься, — поблагодарил родитель серьезно. — А то ведь такого могла понаписать...

От него пахло спиртным, хоть Софи накануне и спрятала бутылку. Видно, ее и искал.

— Тяжело тебе одной? — вздохнул он.

— Я не одна.

У нее Люк есть. И Клер. И Амелия. И Анна. И Макс. И Рене... У нее и отец, если подумать, есть.

— Вернется, — сказал он вдруг.

— Много ты знаешь!

Захотелось ударить его, наорать — за то, что рылся в ее вещах и в ее жизни, за то, что снова пил, за то, что завел этот разговор...

— Вернется, — повторил отец. — Если живой, обязательно. Я, может, в людях не слишком разбираюсь, но этот твой...

— Он не мой.

Но письма собрала. Каждый листочек бережно сложила и убрала в коробку. А коробку — в тайник, который уже не тайник.

— Браслет не продала еще?

— Тот, что ты подарил?

— Не я. Расскажу. Но ты уж не пиши про это, ладно?

...Когда врач, лечивший Люка, сообщил Софи, что брат никогда полностью не исцелится и не вернет себе зрение, она не плакала. Хватило слез, что пролила, пока он лежал в больнице. Пришла домой, растопила на кухне плиту и сожгла подчистую содержимое уже трех жестяных коробок. А коробки выбросила.

Но браслет остался. И привычка складывать в уме длинные письма.

Только заканчивались они теперь иначе.

...У нас все хорошо. Скучаю. Не приезжай...

А он приехал.

И если бы не доктор, не новая надежда для Люка, Софи только и думала бы, что о бывшем квартиранте. Но брат был, несомненно, важнее.

А Тьен? Он лишь возит Люка на лечение. И она вовсе не собиралась о нем расспрашивать.

— О чем вы говорили?

— О разном, — неопределенно ответил Люк.

Софи честно держалась до вечера. В обед заскочила на десять минут, убедилась, что с братом все в порядке, отметила новые улучшения в его внешности — целебные ванны оказались на диво эффективными — и вернулась в магазин. А уже после ужина, оставив на

Клер мытье посуды, уединилась с мальчиком в его комнате.

— Он рассказывал, где был это время?

— Где-то далеко.

— Где?

— Не знаю. Спроси сама, если тебе интересно.

— Интересно? Да я так...

Плохо, просто отвратительно, но она на мгновение порадовалась, что брат не видит ее лица.

Устыдившись, попыталась перевести разговор на другое. Праздник, гости. Испечь торт самой или купить в кондитерской? Или вообще заказать столик в ресторане?

Но Люк сам вернулся к оставленной теме:

— Как думаешь, зачем он приехал?

— Понятия не имею.

Это же Тьен. Его не зовут, он сам приходит...

— Вот и я не знаю, — рассеянно проговорил мальчик. — Что ему от нас нужно? У него же все есть. Автомобиль шикарный — слышно как идет легко, и в салоне новой кожей пахнет. Костюмчик, небось, часы золотые. Сразу понятно, что при деньгах.

— Не в деньгах счастье, — напомнила известную поговорку Софи.

— Так ты считаешь, он к нам за этим? За счастьем? — улыбнулся Люк.

Улыбка у него вышла лукавая и многозначительная.

— Ну уж нет! — воспротивилась Софи. — Обойдется! Счастья у нас у самих мало, чтобы его еще раздавать.

Но слова брата долго не шли из головы.

Ведь не может же быть... Или может?

На следующее утро он опять появился раньше времени. Как и накануне, не стал ждать в машине, а зашел в магазин. Положил на прилавок пышный букет. В зелени душистых трав пестрели алые маки, васильки, голубые и белые колокольчики. Ромашки — как мелкие звездочки...

— Тебе.

— Спасибо, — только и смогла выговорить Софи.

Она настроилась сразу же предупредить, что занята, и пусть ждет Люка на улице, а тут такое чудо! Живое, яркое, щекочущее нос пушистыми метелочками и длинными острыми травинками. А как пахнет — даже здесь, где воздух наполнен цветочным ароматом, различается отчетливо запах летнего луга.

— Не за что. За городом этого добра навалом. Причем бесплатно.

Конечно-конечно. Прижав к груди букет, девушка спрятала улыбку в ворохе цветов. Пусть сколько угодно пожимает плечами с деланным безразличием, будто сорняков под забором надергал и ей за ненадобностью приволок, но ведь встал ни свет ни заря, поехал куда-то, нашел этот луг, собрал все, сложил так красиво.

— Если хочешь, можешь выбросить, — в голосе мужчины прорезалась обида, словно она уже сделала это.

— Если захочу — выброшу, — пообещала Софи.

А пока нужно подыскать вазу. Благо, в магазине их предостаточно.

— Не буду тебе мешать, — убедившись, что его подарок не отправится в мусорную корзину, Тьен направился к двери. — Дождусь Люка в машине.

И вышел, оставив растерявшуюся девушку наедине с букетом и путанными мыслями.

На самом деле сначала Тьен и не думал о цветах.

Проснулся до рассвета от неясного беспокойства, и, понял, что не сможет уже уснуть. Взял авто и долго кружил по городу, а на одной из улиц просто не свернул: ехал прямо, пока дорога не вывела за городскую черту, и дальше — за поля, расчерченные зелеными линиями лесополос, мимо молочных ферм, мимо старого элеватора.

А потом уже увидел цветы и не удержался.

Подарок не отвергли, и можно было продолжить разговор, но ощущение, что вот-вот должно что-то произойти, не оставляло. Внутреннее напряжение отражалось в словах и интонациях. Раздражение, нервозность. Не хотелось, чтобы Софи приняла это на свой счет, и Этьен предпочел выйти из магазина, чтобы дождаться Люка у подъезда.

Люка и госпожу Магдалу — как можно было забыть?

Впрочем, сиделка все равно уснула на заднем сидении еще до того, как они подъехали к крыльцу доктора Раймонда, и шеар сам проводил мальчика в кабинет. Как и вчера, остался.

С Люком говорить было проще, чем с его сестрой. Тем более сегодня Тьен больше слушал, а не рассказывал. Узнал много любопытного. Например, что в кинотеатрах уже нет таперов, а фильмы идут со звуком. И на площади Адмиралов убрали эстраду для оркестра, но музыка все равно звучит вечерами, только теперь через репродукторы. А в оранжерее госпожи Рамзи есть телефон, и в магазин скоро тоже проведут линию, чтобы Софи могла принимать заказы на расстоянии.

Люк живо интересовался техническими новинками, и если бы не болезнь...

Но об этом не говорили.

Говорили о телефонах, патефонах, автомобилях и музыке.

— Гитару Рене подарил. Он меня учил еще до того, как...

Новое имя заинтересовало.

— Рене — это...

— Друг, — закончил мальчик. — Со старых времен. Ты его не знал? Рене Руж.

— Брат Макса?

На катке мальчишек было двое. Но второй не вертелся вокруг Софи, потому и не запомнился.

— Да, — подтвердил Люк. — Только Макс к нам сейчас не заходит. Софи с ним рассорилась, когда мы еще на другой квартире жили, и нового адреса он не знает. А Рене не скажет, они между собой тоже не слишком ладят...

Значит, напрасно Тьен его ругал. Макс Руж не мог сказать точнее, как найти Софи, и направил к Амелии. Или не напрасно: о причинах размолвки, помня бесцеремонность юнца, догадаться нетрудно.

— Все же это больше друзья твоей сестры, — сказал он подростку, отвлекаясь от неприятных рассуждений. — Наверняка у тебя и свои есть.

— Есть. В основном из нашего двора ребята. Раньше еще школьные товарищи навещали, но... сам понимаешь... А сейчас почти каждый день в беседке собираемся. Я, Марк, Винсент... Тея...

— Тея? — Тьен отметил короткую паузу перед последним именем. — Нравится тебе?

— Не знаю. Она хорошая. Веселая. Неглупая. Но я ее уже четыре года не видел. Вдруг она за это время растолстела? Или нос у нее стал длинный, как у ее бабки? Я-то тоже не красавец, но...

— Серьезное дело, — согласился Тьен. — Понятно, что внешность не главное, но и совсем уж с крокодилом гулять неохота.

— Вот именно, — поддакнули из-за ширмы.

— Ничего, напарник. Скоро посмотришь на свою Тею. Доктор сказал...

Мужчина запнулся.

Тревожная струнка, поутру разбудившая нервным дрожанием, натянулась до предела и лопнула, хлестнула по сердцу, подгоняя его гулкие удары.

Вот тебе и предчувствие.

— Люк, прости, я выйду ненадолго. Надо... на воздух.

Голос прозвучал так вымучено, точно ему в самом деле стало плохо.

И да, нужен был воздух.

Сбежав с крыльца, Этьен свернул в проулок между домами, огляделся и, уверившись, что никто его не видит, негромко позвал:

— Эсея. Спускайся, я знаю, что ты здесь.

Через секунду сальфида уже стояла рядом и с видом провинившейся девочки теребила голубой шарфик:

— Давно знаешь?

— С того момента, как вышел из гостиницы. Сегодня я на взводе, замечаю каждую мелочь. А до этого, видимо, на многое не обращал внимания.

Девушка опустила глаза, но шеар готов был поклясться, что сделала она это не от смущения и раскаяния, а для того, чтобы он не увидел, что она и близко не испытывает подобных чувств.

— Разбаловал я тебя, — процедил он раздраженно. — Но с этим потом разберемся. Сейчас есть реальная проблема. Холгер тут. Я почувствовал, когда он открыл проход. Как в тот раз.

...Лишь однажды Холгер вмешался в дела старшего сына открыто.

Это случилось, когда основная часть работы по восстановлению мира была закончена, и народы стихий могли продолжить отстраивать Итериан без помощи шеаров. Тогда Тьен полагал, что в полной мере исполнил свой долг, и скоро вернется домой...

— Итериан — первый из миров великого древа и сильнейший из них. Покуда он жив, пустота не коснется иных миров. Но волны — это не только пустота, это тьма, уберечь от которой все миры, мы не в силах. А тьма — это...

Как правило, война.

Злоба.

Беспричинная ненависть всех ко всем.

Раз уж речь шла о полной ликвидации последствий, нужно было заняться и этим.

Мир, который доверили Тьену, едва удерживался на грани.

Ежедневно, ежечасно, ежеминутно кто-то из его обитателей становился жертвой пробравшейся в души людей тьмы. Да, это был человеческий мир и не так давно, всего лет двести-триста назад, он походил на тот, где третий шеар Итериана родился и жил, и куда он страстно мечтал возвратиться. Потому, наверное, он и боролся за этот чужой и во многом чуждый мир, сколько хватало сил.

И не заметил, когда переступил очередную черту.

Бывший вор и недавний герой примерил на себя роль бога. Сам устанавливал правила и сам нарушал их одно за другим.

Тьму можно уничтожить только светом. Но в этом мире света почти не осталось.

Значит нужно гасить всплески, надеясь, что мрак захлебнется мраком.

Война, загнанная в жесткие рамки.

Четко очерченные территории.

Заранее назначенные жертвы.

Лучше самому управлять тем, что нельзя остановить.

Локализовать конфликт.

Один город вместо целой страны.

Сотня смертей в обмен на тысячу жизней. Тысяча — за миллион. Миллион — за миллиард.

Благая цель, оправдывающая любые средства.

Почти оправдывающая...

Шкатулка, подарок матери-дриады, лежала в принесенных с Итериана вещах, но Тьен уже не помнил, когда открывал ее, чтобы взглянуть на фото. Как в тот раз, оставив в Ли-Рей горящую студию, он не мог вернуться домой, боясь, что принесет с собой грязь и смерть...

Но сейчас, в отличие от того случая, он знал, что поступает правильно, как шеар... И как человек трусливо оттягивал принятие каждого решения, понимая, что уклониться все равно не получится. Первозданные силы вновь избрали его орудием, и невозможно было устоять перед волей четырех...

А тьма расползлась по миру. Словно гигантский спрут обвила планету щупальцами и не желала отпустить.

Тогда он решил спровоцировать мощный всплеск и поразить сразу две цели: ослабить темные потоки и заставить людей задуматься о происходящем, разжечь в их сердцах свет.

Из возможных вариантов выбрал землетрясение.

Масштабные разрушения. Бесчисленные жертвы. Казалось, не только часть континента — весь мир содрогнулся. На время забыли о распрях. Свет милосердия, как и ожидал шеар, вспыхнул в душах... И был подавлен тьмой. Чужое горе стало поводом для передела власти. Собранные в помощь пострадавшим средства оседали в карманах чиновников. Пробудились религиозные секты, призывавшие чтить древних богов, угождая им кровавой данью...

— Этот мир безнадежен, — сказал однажды Фер, и Тьен знал, что флейм озвучил мнение всего отряда.

Пришедшие с ним итерианцы не жалели сил, но лишь глубже увязали в болоте людской ненависти.

— Мы ничего не сможем сделать, — поддержала Эсея. — Люди этого мира уже стали слугами тьмы, они не откажутся от нее.

— Мы не уйдем, — не желал отступить Тьен. — Иначе тьма разрушит этот мир и примется за следующий.

Он знал, что нужно делать, но...

Еще одна попытка. Последняя, как обещал он себе и тем, кто шел за ним.

Наглядная демонстрация. Возможно, если люди увидят, к чему приведет их новая война, они одумаются.

Мощнейшее оружие этого мира.

Величайшая катастрофа.

Последствия, ликвидация которых займет столетия...

И у него уже никогда не достанет храбрости взглянуть на фотографию, не говоря о том,

чтобы однажды посмотреть Софи в глаза...

Когда оставалось всего несколько минут, Тьен почувствовал это — тревога, возмущение силы на границе миров, тяжесть чужого взгляда — мир впустил еще одного шеара.

— Держите защиту и не высовывайтесь, — приказал Холгер.

Возмущение, обида... Как он посмел испортить то, во что вложено столько труда?

И понимание, что Холгер прав: последняя попытка провалилась бы, как и предыдущие. А правитель за день сделал то, что не удалось его сыну за год. Уничтожил тьму и зажег свет...

Свет — белый, колючий, осязаемый. Выжигающий все дотла.

Тьен стоял на границе защитного купола и видел, как меняется озаренный этим светом мир.

Люди сами придумали себе смерть — Холгер лишь спустил ее с поводка.

Все континенты оказались под ударом. То, что не разрушили взрывы, задушил ядовитый дым. Туда, куда не дополз дым, добрался свет...

Когда-то, еще в слободе, Тьен видел собаку, угодившую под колесо телеги. Раздробленный хребет, внутренности на мостовой, но дворняга была еще жива: скулила и дергала лапами до тех пор, пока какой-то мужичок не свернул бедолаге шею. Это было правильно.

Но агонизирующий мир — не увечная шавка. Даже зная, что это единственный выход, Тьен не отважился бы на то, что сделал Холгер. Но ощущал себя причастным...

Подумалось, что если выйти из-под защиты прозрачного полога, смертоносный свет выжжет в нем человека, и останется только шеар — тот, кто всегда знает, как должно поступать, и не ведает сомнений.

Он не заметил, как протянул вперед руку.

Не почувствовал боли, когда кожа покрылась волдырями, и лишь поморщился от запаха горелой плоти...

— С ума сошел?! — Оплеуха от Лили оказалась куда болезненнее. — Жить надоело?

— Да, немного.

— Иногда так бывает, — втолковывала альва, пока дети воды занимались его рукой. — После каждой волны — обязательно. Ты ничего не изменил бы. Но ведь попробовал же?

— Вы сделали все, что было в ваших силах, шеар Этьен, — вставил почтительно один из лечивших его тритонов, совсем еще мальчишка, недавно присоединившийся к их отряду вместе с кем-то из старших родичей.

— Ты так считаешь?

— Уверен в этом, — не задумываясь, ответил юноша. — Как и в том, что со временем вы пришли бы к тому же решению, что и шеар Холгер.

— Мальчик прав, — одобрительно кивнула альва. — Иного выхода не было.

— Так это была проверка?

— Скорее, урок.

Урок. Ему позволили почувствовать себя всемогущим, а потом ткнули носом в постыдное бессилие. Не бог — всего лишь шеар.

— Холгер оставил чистые зоны, — будничным тоном докладывала Лили. — Выжило чуть меньше одного процента населения. В последующие годы число сократится в несколько раз, но...

Мир будет жить.

Память о былых веках со временем сотрется. Из страшных былей рождаются страшные сказки. Людскую злобу назовут божьим гневом. Гибель тьмы — концом света.

— В отряде найдутся добровольцы. Доверь дело тем, кого сочтешь достойным.

Как будто у той собаки остался щенок, и Тьену поручили пристроить его в хорошие руки.

Кто-то должен вести человечество за собой.

Придут новые боги. Очистят воду и воздух. Исцелят землю. Как подарок вернут людям потерянные знания. У тех будет еще не одно тысячелетие, прежде чем они снова придумают способ уничтожить свой мир...

Тогда Лили впервые осталась с ним. О том, что альва могла выполнять приказ Холгера, Тьен старался не думать. Просто красивая женщина, которая ему нравится и которой нравится он.

А то, что впервые за долгое время смог спокойно уснуть, а наутро, отбросив ненужные мысли, взялся за незавершенные дела — лишь совпадение. Как и то, что уже не страшно было достать из шкатулки фотографию.

...Альвы тоже умеют лечить. Не так, как дети воды, и методы у них специфические, но исцеляют они не только и не столько тело — некоторым из них под силу собрать из осколков разбитую душу...

Осталась лишь полудетская обида, что именно его правитель решил поучить, швырнув без разъяснений в умирающий мир.

— Эйнару он, небось, таких уроков не дает.

— Считаешь, Эйнару легче? — усмехнулась в ответ на глупое нытье Лили. — Это ведь ему, не тебе, предстоит однажды стать правителем Итериана.

Спустя несколько дней Тьен найдет молодого тритона, лечившего его руку.

— Кеони, да? — Отряд собрался уже не маленький, но шеар каждого знал по имени. — Целитель?

— Еще нет. Я только готовлюсь к посвящению.

— Это не подождет? Если ты не заметил, в моей свите не хватает воды.

Пусть рядом будет кто-нибудь, кто в нужный момент напомнит о том, что шеар всегда прав...

Появление Холгера не могло не встревожить. К тому же, пройдя границу миров, он затаился, сделавшись невидимым, и это настораживало еще больше.

— Я не могу оставить мальчика, — сказал Тьен сильфиде. — Поэтому, пока я занят, присмотришь за девушкой. Как я понимаю, не нужно объяснять, кого я имею в виду.

— Нашим скажем?

— Позже. Они в курсе, что ты летаешь за мной хвостом?

— Сегодня — нет, — созналась Эсея. — Мне не спалось... А цветы — это так мило. Один из моих братьев собирал в горах крокусы и лаванду. Клал мне на окно...

— Твой брат?

— Сильф, как и я. Сын воздуха. И не надо так смотреть, мне лет семь было. Просто вспомнилось...

Тьен дождался Люка и, не торопясь, не показывая вида, что что-то произошло, отвез мальчика домой. Попрощался с ним и с бесполезной сиделкой и заглянул в магазин.

Эсея сидела на козырьке над крыльцом. При его приближении кивнула: чисто.

— Вернулись? — Софи встретила улыбкой. — Люк уже поднялся? Как он сегодня?

— Хорошо, — Тьен беглым взглядом обшарил помещение, но не заметил ничего подозрительного. — Я... заеду завтра. До свидания.

Сев в авто, завел мотор и незаметно позвал сильфиду.

— Приглядывай. И за мальчишкой тоже. Я съезжу в гостиницу, поговорю с остальными, а потом сменю тебя.

— С чего ты взял, что Холгеру интересны твои люди? — спросила Эсея. — Что в них такого?

— Для Холгера — ничего.

А Тьену больше не за кого было волноваться в этом мире. Вот и волновался.

В гостинице он собрал всех, включая отца.

— Холгер здесь, — объявил без обиняков, наблюдая, как отреагируют на его слова.

Тритон подобрался, точно правитель вот-вот войдет в дверь. Взгляд спокойный, готовый в любой момент окраситься почтением, но не слишком глубоким: у Кеони свой, собственный шеар, он же — герой и командир... И как эту дурь из мальчишки выбить?

У Фера, напротив, глазки бегают. Но привычно так бегают — параноик, он параноик и есть.

Лири удивлена. Если бы кто-то из свиты и знал о намерениях Холгера, то только она. Но не знала. Озадачена, однако, не напугана: шеар в своем праве, хочет — приходит, хочет — уходит.

А вот Генрих всполошился. Отчего бы? Неужели снова затеял какую-то игру?

Тьен и не подозревал за собой подобной злопамятности, однако история, стоившая ему немало нервов, навсегда внесла коррективы в их с отцом отношения...

— Что будем делать? — отвлекла от размышлений альва.

— Ничего. Если Холгеру что-то нужно от меня или от кого-нибудь из вас... — шеар будто случайно задержал взгляд на Лэйде. — ...мы узнаем об этом, только когда он сам себя обнаружит. И надеюсь, если у кого-то состоится встреча с правителем, меня посвятят в подробности.

Поняв, что разговор окончен, собравшиеся направились к выходу.

— Папа, задержись ненадолго, — попросил Тьен. — Хотел... Да нет, ничего.

И правда, сколько можно изводить и себя, и его подозрениями?

— Меня не будет до завтра. Если что-то понадобится, обращай к Фери.

...Больше трех лет прошло, но обида прочно выросла в сердце.

Лэйд казался простоватым добряком. Заботливым папочкой, не замечающим, что его чадо уже выросло и уходит из дома не с друзьями играть, а на самую настоящую войну, где могут убить его и где, если нужно, будет убивать он. Но Тьену именно это в нем и нравилось. Приятно было хоть в чем-то чувствовать себя ребенком. Сидеть на террасе, пить ароматный травяной чай и слушать сказки, в которые превращалась в устах Генриха любая история. А когда в один из редких свободных вечеров отец предложил вместе прогуляться в район, где проживали люди и полукровки, Этьен не увидел в этом приглашении ничего подозрительного.

Лэйд привел молодого шеара в дом на окраине столицы и представил небольшой компании мужчин. Их имена Тьен успешно выбросил из головы, но запомнил, что там было трое людей, двое полукровок — сильф и тритон, двое истинных альвов и старый, едва искривший флейм.

— Я должен был объяснить тебе сам, Этьен, — еще непонятно за что извинился отец. — Но мы никогда не говорили серьезно... настолько серьезно...

Генрих, всегда легко игравший словами, терялся и путался, и вот это уже насторожило.

А когда заговорил флейм, только открыл рот, не сказав еще ничего конкретного, бессознательная тревога всколыхнулась в душе, разбудив дремавшую до поры пустоту.

— Рады приветствовать вас, шеар Этьен, — сын огня почтительно поклонился. — Для нас это великая честь. Я знаю, что вы не сторонник затяжных церемоний, а потому перейду

сразу к делу. Мы, здесь собравшиеся, представляем интересы человеческого сообщества Итериана и ущемляемых нынешней властью народов.

— Разве народы Итериана в чем-то ущемляют? — спросил Тьен.

— Ущемляют, — степенно кивнул флейм. — Как вам известно, энергетические жилы пролегают неравномерно, где-то их концентрация выше, где-то ниже, и не всем посчастливилось родиться и жить в богатых силой местностях. А шеары, в чьей власти изменить распределение энергии, не хотят внимать просьбам подданных...

Этьен позволил себе саркастическую усмешку: о неравномерности распределения естественных энергетических потоков он знал, но знал также, что силы Итериана хватало всем. За исключением разве что полукровок, которым от рождения не дано было обладать теми же способностями, что и чистокровным детям стихий, и лишь непосредственное подключение к жиле могло превратить их в могущественных магов.

Заметивший его гримасу огненный стушевался.

— Мы вернемся к этому позже, если вы позволите, — поспешно закрыл он едва начатую тему.

«Не позволю», — загодя решил Тьен.

— Правлением шеара Холгера многие недовольны. Мы считаем, что трон Итериана должен занять более достойный претендент, — с некой долей торжественности в хриплом голосе произнес флейм. — Тот, кто проявил себя в борьбе с ненасытной пустотой, кто сражался с тьмой, расползшейся по ветвям великого дерева, кто...

— Я уже понял, — оборвал воодушевленную речь Тьен. — И как вы намереваетесь это проверить?

— Для начала достаточно вашего желания, шеар Этьен.

— У меня его нет. Что дальше?

Флейм был стар. Стар и мудр. Он уже понял, что продолжать не имеет смысла. Но остальные еще не нажили подобной мудрости.

— Люди Итериана возлагают на вас огромные надежды, шеар! — сохраняя почтительность, но не в силах полностью скрыть возмущение его отповедью, воскликнул один из людей. — Лишь приход к власти того, в ком течет человеческая кровь, позволит нам и нашим детям занять достойное место в мире. Как вы можете отказывать соплеменникам в справедливости?

— Справедливости? — переспросил Тьен, чувствуя, как поднимается в душе волна ярости. — Вы этого хотите? Могу устроить.

Он в упор приблизился к обращавшемуся к нему человеку.

— По справедливости я отправлю тебя в мир, где ты родился, и откуда был выдернут по случайности или чьей-то прихоти. Верну Итериану силу, которую сейчас он отдает тебе, а ты вновь вынужден будешь работать, чтобы прокормиться, болеть, как то и положено людям, и умрешь в отмеренный человеческой природой срок. А все вы, — он обвел взглядом смешавшуюся компанию заговорщиков, — по справедливости будете переданы на суд четырех за то, что усомнились в их выборе, пойдя против правителя. И справедливым приговором всем вам будет...

Он хотел сказать «смерть», но осекся, увидев выросшую за спиной старого флейма тень.

У тени были крылья.

И меч.

Она на голову возвышалась над дивным, на которого уже направила оружие.

Воздух застрял в горле вместе с не вырвавшимся криком.

Огонь воспоминаний ожег сердце.

Земля дрогнула, грозя уйти из-под ног.

Вода проступила потом на лбу.

Нет, не нужно, только не снова!

Тень сделалась прозрачной и начала медленно таять.

А вместе с ней и первая мысль, что ильясу послал узнавший о тайном сходе Холгер.

Никто не может призвать темных слуг в Итериан, даже верховный шеар: Дивный мир — средоточие света, сюда закрыта дорога тьме...

Но если найдется некто достаточно сильный, несущий ее в себе, убийца с тьмой в сердце, как говорила старушка Йонела?

В последний раз посмотрев на заговорщиков, шеар развернулся к выходу, коротко бросив испуганному, как и все они, Лэйду:

— Идем.

Темные демоны... Темные демоны — после.

Искусственный мир, созданный на замену тому, который у него отняли, мир, где у него была не только великая цель, стоившая жизни и счастья, но и семья, рушился. Нужно было попытаться сберечь хотя бы осколки...

— Зачем?

Дом, который он долго учился считать своим, знакомая терраса. Но время сказок кончилось.

— Я хотел, чтобы ты был счастлив. — Генрих прятал глаза, а голос его звучал так тихо, что только дар шеара позволял разбирать слова. — Чтобы занял полагающееся тебе по праву место.

— Место раба? Ты представляешь, что значит быть правителем? Быть шеаром — это... А правителем...

Долг, который превыше всего. Желания, никогда не бывшие твоими. Уверенность в том, чего не знаешь, не понимаешь, и не поймешь, как бы ни старался. Деяния, идущие вразрез с собственными убеждениями. Сила, связывающая по рукам и ногам, петлей затянувшаяся на сердце...

— Я не могу быть правителем Итериана, — произнес Тьен размеренно, надеясь, что сумеет донести что-то до человека, решившего загубить его жизнь. — Шеар — это, в первую очередь, слуга четырех, исполнитель их воли и защитник великого древа. Любой шеар. А правитель как никто связан долгом. И одна из его обязанностей — оставить наследника, который после его смерти позаботится о судьбе Итериана и связанных с ним миров. Мои дети этого не смогут. Не наверняка, но наверное... Я вообще не думаю, что захочу когда-либо иметь детей...

Опасность того, что дар четырех пробудится в крови его сына — у шеаров рождаются лишь сыновья — велика, и после всего, что случилось с ним, он не рискнул бы положить на алтарь служения высшим силам и высшим целям жизнь собственного ребенка. Пусть уж этого ребенка не будет вовсе.

— Есть Эйнар, — хмуро напомнил археолог. — Пусть его дети пекутся о великом древе.

Генриха перспектива никогда не увидеть внуков, не пугала. Как и то, что Итериан может однажды лишиться шеара.

Как это по-людски — не думать, что оставишь после себя.

Тьен с силой сдвинул пульсирующие виски.

— Зачем тебе это? — прошептал он. — Ради моего счастья? Я не буду счастлив в Итериане. Ради своего? Скажи, и получишь все, что пожелаешь.

Он злился на Генриха. Но и на себя — за то, что прятался все эти годы в маленьких выдуманных мирках. В одном ждала его девочка с фотографии, в другом — заботливый отец.

— Зачем?! — Лэйд молчал и Тьен все-таки сорвался. — Тебе так нужен ручной шеар? Шеар-правитель? Зачем, объясни мне? Вечная жизнь? Никто не в силах дать тебе этого. Богатство? Власть? Слава? Мечтаешь войти в легенды, как единственный человек, стоявший за тронем четырех? Но я не буду потакать твоим фантазиям, уж извини. Я уйду отсюда. В лучшем случае навсегда, в худшем — до новой волны. И вот это для меня будет счастьем. А все, что ты тут наговорил... Если хочешь, чтобы наши отношения остались прежними, то... забудь.

Он не верил, что все будет как раньше, разбитую иллюзию дружной семьи не склеишь, но Генрих все же был дорог ему.

— А как же мама, Этьен? — тихо спросил Лэйд. — О ней ты тоже велишь забыть, как сделал сам? Забыть? Простить ее убийц?

Холод прошелся по телу, заставив сжаться, обхватив себя руками за плечи.

Вот так, значит? Не власть. Не слава. Мечь.

Более восьмидесяти лет в Итериане ничего не изменили для Генриха, он, как и прежде, помнил, страдал и ненавидел. Обрадовался появлению Тьена и обретенной им силе, понадеялся, что пасынок сумеет докопаться до правды и рассчитаться с виновным. А не дождавшись этого, решил поступить по-своему.

— Холгер не виноват в маминой смерти, — произнес шеар медленно и четко. — Я говорил тебе это.

— Он не убивал ее, — возразил человек. — Но он виновен.

«В чем?» — хотел спросить Тьен. Он согласился бы с Лэйдом, что именно Холгер — первопричина всего, что произошло с их семьей, но Генрих винил правителя в другом. Холгер незримой тенью стоял между человеком и его сильфидой. Холгер был настоящим отцом ее сына. Его она звала за миг до гибели. И, что еще хуже, он услышал — связь между ними не распалась до самого конца.

— Обвиняй тогда и меня, — сказал Тьен.

Лэйд отвел взгляд.

Может, и обвинял. Не случись его, ненужного ребенка, по недоразумению получившего дар четырех, Аллей осталась бы жива. Но у нее не было бы причин покидать Итериан, и археолог никогда уже не встретился бы со своей сильфидой.

— Каким образом я должен был занять место Холгера? — вернулся к началу разговора Этьен. — Что планировалось? Переворот? Убийство? Я должен это знать, чтобы защитить тебя.

— А нужно ли? — Генрих пожал плечами. — Ты сделал выбор, и не в мою пользу. Глупо было надеяться на иной исход. Ты — его сын, не мой.

— Твой. И поэтому хочу знать.

— Убийство, — признался человек. — Шеара убить нелегко, но у меня есть средство. Яд сорока самых опасных змей из сорока разных миров, смешанный с соком итерианского черного аконита.

Шеар с трудом сдержал нервный смешок.

Нет, средство верное. И готовился Генрих, очевидно, не один год, начав задолго до появления Тьена в Итериане. Скупал или выменивал на что-то у путешественников по мирам редкие яды, что собирают для изготовления чудодейных снадобий. Вычитал рецепт в древних книгах, взятых наверняка в библиотеке самого Холгера — чем не повод хохотать до слез?

— Шеара можно убить проще, — сказал Тьен, мрачней. — Например, голову отрубить. Или ударить прямо в сердце.

Лэйд сник, осознав, какую задумывал глупость.

— Где яд? Здесь, у тебя?

Генрих кивнул.

— Принеси.

Человек медленно побрел к двери. Вернулся через несколько минут и, не глядя в глаза приемному сыну, протянул обернутый непромокаемым альвийским шелком флакончик.

— Только... — голос его тревожно дрогнул, — осторожнее...

Правильно собранный сок черного аконита, растущего на Полуденном материке Итериана, разъедает кожу, оставляя болезненные ожоги. Смешанный с ядом змей он за секунду проникнет в кровь, и даже организм шеара не справится с отравой. Но Тьен и не собирался выпускать смерть из-под крышки.

Воздух поднял флакон из темного стекла на уровень глаз шеара и окружил плотным коконом.

Огонь, по силе равный тому, что горит в недрах мира, в мгновение смял сосуд и обратил и его, и его содержимое в пар и пепел, которые прочно удерживала прозрачная сфера.

Открыв окно, шеар выпустил остатки сторевшей смерти.

— Те, в людском городе, знали об этом? — спросил он у Лэйда.

— Нет, они...

— Вот и хорошо.

Пусть Холгер сам разбирается с заговорщиками, если они ему интересны. А насколько Этьен мог судить, сам будучи шеаром, интерес этот долго не продержится, есть дела и поважнее.

— Забудь об этом разговоре, — повторил уже сказанное ранее Тьен. Встряхнул Лэйда за плечи, заставив поднять голову, и посмотрел в заслезившиеся глаза. — Только о разговоре.

Он подтолкнул отца к двери, уже зная, что Генрих проспит до утра, а то и до середины следующего дня. К тому времени что-то уже решится.

— Не бери в голову, — отмахнулась Лили, к которой он пришел за советом, прежде чем отправиться во дворец. — Думаешь, Генрих и его друзья — первые, кому пришла мысль сместить правящего шеара? Недовольные находились всегда. Мало кто понимает истинную роль шеара в жизни Итериана и всего великого древа. Большинство видит лишь формального правителя, чья власть, хоть и велика, но не безгранична. Да, без шеара не пережить новую волну, но никто и не помышляет остаться без носителя силы четырех. Всегда есть его сын или внук, который кажется кому-то более умным, чтобы править, или более глупым, чтобы им можно было управлять. Так было и, увы, не раз еще будет.

— И в чем смысл? — Тьен искренне недоумевал.

— Ни в чем. В Итериане есть все, о чем в других мирах можно только мечтать. Все и у всех. Для существ мыслящих это неприемлемо. Отсутствие сложностей задерживает духовное развитие с перспективой опуститься однажды до уровня животных, главные цели

которых — есть и плодить себе подобных. Потому мы вынуждены сами создавать себе эти сложности. Кто-то ищет себя в науке или искусстве, ставя перед собой новые и новые задачи, кто-то уходит в иные миры, где строит жизнь с нуля. А кто-то пытается пересмотреть действующую систему власти. Причины, по которым кто-то хочет сместить правящего шеара, самые разные, от необоснованной неприязни до... обоснованной неприязни. В случае с Холгером это неприязнь обоснованная...

— Чем?

Сам Этьен любви к венценосному родителю не испытывал, но не мог не признать, что Холгер — отличный правитель, мудрый и опытный, и категорически не заслуживает быть низложенным в пользу бастарда-полукровки.

— Многими факторами, — усмехнулась альва. — Он умен, красив, силен. К тому же женат на Арсэлис.

— А с ней что не так?

Шеари Этьену не то чтобы нравилась, но в сравнении со старушкой Йонелой вызывала некоторую симпатию.

— Она — флейма. Уже семь поколений правителей женятся исключительно на дочерях Огня или Воздуха. То есть, выказывают явное пренебрежение Земле и Воде.

— Наследственные предпочтения? — попытался пошутить Этьен.

— Не исключено, — согласилась женщина. — С учетом того, что супруга правящего на тот момент шеара Вердена была сильфидой, и после истории с твоей матерью сильфы не рвались представлять наследнику потенциальных невест. А вот водяные и альвы сочли себя оскорбленными, когда Холгер выбрал Арсэлис. Хотя мне его выбор понравился.

Отчего-то не возникло сомнений, что ее одобрение повлияло на принятие окончательного решения...

— Кто же ты такая? — на миг забывая о теме разговора, спросил Тьен. Этот вопрос давно напрашивался, но задать его он не решался, а тут буквально выпалил: нервы, видимо.

Альва не удивилась. Только в глубоких синих глазах промелькнуло что-то неуловимое, и уголки губ приподнялись в полуулыбке.

— Советник по общим вопросам? — предложила она вариант ответа. — Общение с шеарами и для меня не проходит бесследно. Я вас, скажем так, понимаю. Если это вообще возможно.

Общение. Близкое общение.

Имелся у Тьена один вопрос, еще из прошлой жизни, и за годы в Итериане он так и не нашел случая узнать у Лили, к чему был тот поцелуй, до истерики напугавший Софи. Сейчас сам понял ответ.

— Как Холгер намерен поступить с заговорщиками? — вернулся он к прерванному разговору.

— А как бы ты поступил?

— Указал бы каждому его место, — жестко ответил шеар. — Пересмотрел состав совета старейших. Если они допускают подобное, значит, и сами состоят в сговоре. Если ничего не знают — грош им цена, и великим родам нужны другие главы. В любом случае грызня начнется славная, как внутри родов, так и с представителями других стихийных начал. Вода и Земля — главные недовольные — вряд ли объединятся, Огонь и Воздух не упустят момента упрочить собственное положение... Еще лет двести будет чем заняться и без заговоров. А людей, — он вспомнил речь, произведшую неизгладимое впечатление на

поборника справедливости, — вернул бы в их исконные миры.

— Занятно, — пробормотала альва. — Даже жаль, что никто из мечтающих увидеть тебя на месте Холгера не узнает, насколько им повезло, что этого никогда не случится.

— А что, у правителя другие планы?

— Наверняка не знаю, но подозреваю, что другие. Распри в совете ему не нужны, да и зlobить людей не стоит — будучи насильно возвращены в свои миры, они принесут в них тьму.

Тьма...

Тьма — это плохо.

Но иногда можно использовать и ее.

— А что с отцом? — спросил Этьен.

— Тебе решать. Генрих — целиком твоя ответственность.

— Разве не Холгер его привел?

Сначала спас, затем привел в Дивный мир. Подарил дом, открыл доступ в дворцовую библиотеку. Пригрел на груди змею, сказали бы люди...

— Помнишь сказку о спящей красавице?

— При чем тут это?

Альва отвела взгляд, словно обращалась не к нему, а к кому-то еще, способному услышать:

— Что если Холгер оставил Генриха из-за тебя? Знал, что ты вернешься, и сохранил для тебя кусочек твоего мира?

— Для меня, — повторил Тьен. — Вот это уж точно сказки.

На встречу с правителем он тогда не пошел. Лили обещала сама с ним переговорить.

А Тьен всю ту ночь провел в попытках снова вызвать крылатую тень.

Если бы получилось, он, возможно, наведался бы к Холгеру, и у него было бы что противопоставить могуществу первого шеара...

Но не вышло.

Не хватало злости, ярости, обиды. Не хватало тьмы.

Он не забыл об этой идее, но оставил ее на потом, как и многие другие. А с Генрихом со временем полностью помирился, и все между ними стало как прежде... почти...

Из гостиницы Тьен сразу же отправился к Софи.

— Твоя подружка в магазине, никто, кроме покупателей, не приходил, — отчиталась Эсея. — Мальчишка дома. Недавно пришла девочка, Клер. Сейчас они обедают.

— Хорошо. Можешь идти. Сменишь меня здесь завтра в восемь.

В магазине было свежо и тихо.

Софи в отсутствие посетителей устроилась в старом плетеном кресле у окна и листала книгу. Солнечный свет, полосками пробивавшийся через жалюзи, падал на страницы и красил в золото волосы девушки, но Тьена больше занимало источаемое ею самое сияние — ровное, чистое и теплое.

— Можно, я посижу с тобой немного? — спросил он беззвучно.

Губы девушки приоткрылись в улыбке, адресованной кому-то из героев романа, но шеар счел это за знак согласия. Неслышимый и невидимый, он расположился на полу рядом с креслом и, склонив голову, коснулся макушкой границы зовущего света. Словно ласковая ладонь погладила по волосам...

Он уже не помнил, когда чувствовал себя так хорошо. Может быть, девять лет назад, в маленьком домике, где плясал под закопченным стеклом лампы озорной огонек и стучали колеса игрушечного поезда. Тихо. Спокойно. Жадная пустота не разевает хищную пасть в обрывках неба. Чужие войны не взрываются в ушах тысячами криков. Не кривит недовольно губы бабуля Йонела. Не отводит взгляда Холгер, вещая об очередной важнейшей задаче. Нет рядом Генриха и свиты, неизменно желающих ему добра... А добро есть. Просто так, само по себе. Как неотъемлемая часть его маленького мира.

Закреть бы дверь, чтобы умолк трезвонящий при появлении посетителей колокольчик, взять Софи за руку и сказать: «Я устал, пойдем домой»...

Но колокольчик звонил и звонил. Казалось, ближе к вечеру половине жителей города срочно понадобилось украсить квартиру цветами, одарить букетами любимых женщин или возложить венки на могилы почивших родственников. Софи отложила книгу и едва успевала выпроводить покупателя, как на пороге появлялся следующий. Любимая работа была ей не в тягость, и с заказами девушка управлялась быстро: легко выдергивала из вазонов цветы, чтобы собрать в букет или упаковать в коробку, подрезала стебли, оборачивала хрустящей бумагой, перевязывала лентами — все это с искренней улыбкой, переговариваясь с клиентами о всяких пустяках. А Тьена раздражала создаваемая незнакомыми людьми суета, нервировали их голоса и то, как они тянули к Софи руки, за цветами или расплачиваясь за покупку. Раз за разом чужаки касались исходившего от нее света, будто крали тайком нечто, предназначенное только ему...

А когда показалось, что вернулось спокойствие, почти на полчаса онемевший дверной колокольчик вновь разразился веселым звоном.

— Софи! — Амелия... вернее, Кларисса, влетела в магазин, и аромат ландышей, которых по сезону тут не было и быть не могло, на какой-то миг перебил все остальные запахи. — Здравствуй, милая моя! Прости, собиралась прийти еще вчера... или позавчера... Но вся эта суета...

Обрадованная неожиданным визитом Софи не спрашивала, что за суета помешала подруге приехать раньше. Выйдя из-за прилавка, обняла гостью и подставила щеку для поцелуя. На нежной коже остался темно-вишневый отпечаток.

— Прекрасно выглядишь.

Цветочница недоверчиво хмыкнула, оглядев гостью.

— Ты тоже.

Содержательница богемного салона должна придерживаться определенного образа. Кларисса, наверное, и в булочную наряжалась как в театр. Хотя — чушь, вряд ли она самостоятельно делала хозяйственные покупки. Но в гости к подруге заявила при полном параде: карминовый атлас плотно облегал фигуру, широкий черный пояс перехватывал талию, длинный разрез, в теории предназначенный для того, чтобы облегчить движения, на деле провокационно оголял затянутую в мелкую сетку чулка ножку, и вряд ли за этим зрелищем кто-то замечал черные лакированные туфельки с тонкими высокими каблуками.

— Ох, Софи... — Амелия — сейчас точно Амелия, совсем такая же, какой Тьен помнил ее по катку — не зная, куда девать руки, поправила уложенные ракушкой волосы. Густо подведенные тушью глаза горели в предвкушении, а с губ не сходила лукавая улыбка. —

Рассказывай! Он приехал? Приехал, да?

Девушка ответила протяжным вздохом.

— Так это ты дала ему адрес?

— Не адрес. Вернее, адрес, но магазина, — затараторила, спеша оправдаться, гостья. —

Я не хотела, но он так спросил, что...

— Понимаю. Иногда Тьену сложно в чем-либо отказать.

— Ага! Значит, его зовут Тьен?

— Его не зовут, — цветочница снова вздохнула.

Этьен подумал, что ему стоило бы выйти и оставить девушек наедине. Подслушивать нехорошо. Но разве можно было упускать такую возможность? С ним-то Софи не слишком откровенничала.

Дав себе зарок тут же удалиться, если разговор станет слишком личным, шеар остался.

— Ну же, не молчи! — настойчиво требовала Амелия-Кларисса. — Намолчалась уже хватит. Кто он такой для начала? Только не ври, что твой кузен из Галора.

— Не буду, — согласно кивнула Софи. — Не кузен.

— А кто? — гостья пританцовывала на месте от нетерпения.

— Старый знакомый.

— Это мне он старый знакомый, — не приняла такого объяснения Кларисса. — Но со мной он гулять не ходил, по магазинам не водил и... Что у вас еще было?

— Ничего. Тьен снимал у нас комнату. Мне нужны были деньги, ему — жилье. Вот и договорились.

— Да ну! — притворно удивилась Амелия. — А совместные прогулки — часть договора аренды?

— Ами, — протянула Софи умоляюще, но даже затаившийся у стены шеар уже понял, что от любопытной красотки так просто не отделаться. — Это... ничего интересного, честно. Ну, жил он у нас. Естественно, общались. Иногда ходили куда-то вместе. У нас были хорошие отношения, добрососедские, можно сказать...

— А я вот не сказала бы, — хитро улыбнулась хозяйка салона. — Помню, как ты на него смотрела, пока он вокруг моей сестрицы увивался. Да и он... Он Анну бросил из-за тебя!

— Что ты уже придумала? — сердито тряхнула головой Софи. — Какое — из-за меня? Помнит она. Лучше вспомни, какой я была тощей замухрышкой. Мелкой. Он ко мне как к ребенку относился. Он... Он мне леденцы покупал!

Нет, не дело это все-таки — подслушивать.

Забывшись, Тьен, оставаясь невидимым, вышел через дверь. Внезапный хлопок и жалобный взвизг колокольчика заставил девушек испуганно умолкнуть.

«Леденцы! — шеар раздраженно пнул дорожный знак. — Вот пойми ее! Чем ей леденцы не угодили? Вкусные же!»

Дверь громко хлопнула, и Софи вскрикнула бы, не успея она зажать ладошкой рот.

— Обычный сквозняк, — отмахнулась Ами, мгновение назад испугавшаяся не меньше подруги.

Сквозняк — это вряд ли: пружина тугая. Скорее всего, какой-то озорник, пробегая по тротуару, толкнул дверь. Цветочница понемногу успокоилась, а решительный настрой гостьи, намеревавшейся во что бы то ни стало выведать у нее все подробности, включая несуществующие, не позволял сосредоточиться ни на чем, кроме темы разговора.

— Не знаю, что там было с леденцами, — проговорила с усмешкой Амелия, — но

сейчас он чего хочет? Или заехал навестить бывшую квартирную хозяйку и снова укатил незнамо куда?

Скажи Софи, что так и есть, допрос, возможно, тут же окончился бы, но Тьен не «укатил», и Ами к ним заходит пусть не так часто, как раньше, но и не редко, не исключено, что однажды столкнутся случайно.

— Заехал навестить, — согласилась она наполовину. — У него почти нет знакомых в городе, вот и... Но мы не очень тесно общаемся. Тьен возит Люка к доктору...

Рассказ о докторе Раймонде на время отвлек Амелию от расспросов, но Софи слишком хорошо знала подругу, чтобы надеяться, что та забудет, зачем пришла. Ами искренне порадовалась тому, что у Люка появился шанс на выздоровление, но уточняя то одно, то другое, умудрилась вытянуть из не собиравшейся откровенничать девушки новую информацию о ее бывшем квартиранте.

— А теперь, — госпожа Кларисса Санье уперла руки в боки, — объясни, что тебя не устраивает. Привлекательный, обеспеченный мужчина, который, замечу, хорошо относится к Люку и Клер, добивается твоего внимания...

— Да ничего он не добивается! — выкрикнула Софи, глядя при этом почему-то не на подругу, а на подвявший с утра букет полевых цветов. — Он...

— Опять подыскивает жилье? — съязвила Ами.

— Может быть, — не ей, а скорее, самой себе пояснила цветочница. — Он такой... бесприютный...

— Вот и приюти, — тут же предложила гостья.

На такую дерзость не сразу найдешь, что ответить.

— Ты уже не та тощая замухрышка, — не отступала подруга. — Ты стройная, миленькая... замухрышка. Посмотри на себя! Что это за платье? А волосы? Можно же как-то уложить, завить немного... И, к слову, ты слышала о таком изобретении, как косметика?

— Я же прекрасно выгляжу, — напомнила цветочница со смешком, но пришедшая на смену доброй Амелии Кларисса скривилась в ответ.

— Хочешь так и остаться старой девой? — спросила она, как недавно Клер.

— Нет, конечно. Выйду замуж сразу же после тебя.

Это было некрасиво по отношению к Ами, но вмешательства в свою личную жизнь Софи не терпела.

Однако художница не придавала значения обидной реплике.

— Я на год тебя младше, — заявила она легкомысленно. — Так что с очередностью ты ошиблась. Да я и не толкаю тебя под венец. Просто хочу, чтобы ты была счастлива. А тут как раз подвернулся приемлемый вариант.

— Ты же его не знаешь! Видела мельком и уже спешишь подсунуть мне. Ты мне добра желаешь, или как?

— Добра-добра, — спешно заверила Амелия. — И потому завтра пришлю тебе несколько платьев. И туфли. Нужны еще шляпки. Перчатки... С волосами сама что-нибудь придумаешь...

— Ами, — Софи покачала головой. — Это же смешно.

— Тогда улыбайся! — подмигнула подруга. — И в эту пятницу жду вас обоих у себя. Ровно в восемь. Будет несколько артистов, выберу самых приличных, Себастьян, возможно, Рене...

— Зачем?

— Затем, что, если тебе верить, вы слишком мало времени проводите вместе. А этот твой Тьен, пусть я и видела его мельком, мне понравился. Он решительный, настойчивый. Легко ли было отыскать тебя через столько лет? А он нашел! Значит, намерения у него серьезные.

— Ами, поверь, у него и в мыслях нет...

Улыбка Амелии сделалась шире.

— Милая моя, — проворковала она тоном многоопытной женщины, — вот если бы ты сказала, что ничего подобного в мыслях не было у тебя, я давно прекратила бы этот разговор.

Софи почувствовала, что краснеет, и отвернулась.

— Завтра привезут платья, — пообещала ей в спину Амелия. — А в пятницу жду.

Оспорить предложение и приглашение не получилось: не дожидаясь, пока смущенная цветочница найдется с ответом, хитрая лисичка Ами выскочила из магазина на улицу, где ее дожидалось авто.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Оставив Софи с Амелией и продолжая «присматривать» за девушкой на расстоянии, Тьен собирался проверить, как дела у детей. Не заглядывать к ним тайком, не подслушивать разговоры, хватило уже, а лишь прощупать обстановку, оценить эмоции обитателей квартиры на втором этаже... Оценил. Заглянул в кондитерскую за углом и, оглядываясь на окна магазина через дорогу, проскочил в подъезд.

— Кто там? — в ответ на звонок послышался голосок Клер. В двери был прорезан глазок, но малышка до него пока не доросла.

— Это Тьен.

— Софи нет. Она в магазине.

— Я не к Софи. Откроешь, или мне самому пирожные есть?

— Какие пирожные? — заинтересовалась девочка.

— Разные. Есть со сливочным кремом, есть ореховые, вишневые. Я целую коробку взял.

Щелкнул замок, дверь медленно приоткрылась.

— Целую коробку? — недоверчиво переспросила Клер, но ответ, то бишь помянутая коробка, был очевиден. — Вы знаете, что есть так много сладкого — вредно? Одному, — она посторонилась, пропуская его в квартиру. — Придется вас спасать.

— А ты сама знаешь, что нельзя открывать дверь малознакомым людям? — строго спросил у девочки брат.

Люк остановился на пороге своей комнаты, прислонившись к косяку. Лицо подростка было серьезным, но Тьен видел, как тяжело дается напарнику эта напускная серьезность, а потому на слова о «малознакомом» не обиделся: Клер явно недоставало воспитания.

— Вообще-то это — друг семьи, — нимало не смутилась девчушка. — А познакомиться получше еще успеем. Например, за чаем с пирожными.

Она отобрала у гостя коробку и убежала на кухню.

— Надеюсь, я не помешал? — спросил Тьен у мальчика.

— Нет, — улыбнулся тот, в отсутствие сестры растеряв всю строгость. — Клер уже управилась с заданиями, а я... бездельничаю, как всегда.

Его расстраивало собственное бессилие, но Люк, как мог, старался не поддаваться унынию. Вот и сейчас тряхнул головой, отбрасывая назад упавшую на лоб русую челку, и уверенно пошел по коридору туда, где уже гремела посудой хозяйственная малышка.

— Я был поблизости, — объяснил свой визит шеар. — В воскресенье не сложилось —

ужин и остальное, а я хотел, если можно, взглянуть на ту книгу.

Причина придумалась сама собой, ему, правда, было интересно.

— Сказки? — догадалась Клер. — Я принесу. А вы пока плиту разожгите. Умеете?

— Научусь, — под нос себе пробормотал Тьен.

Плита была не такая, как в их старом доме. Та, громоздкая, чугунная, топилась углем, выпуская дым через выведенную в окно трубу. А эта — новая, компактная, работала на баллонном газе. Он что-то слышал о таком или читал, но никогда не видел.

— Сначала откройте вентиль на баллоне, — подсказала успевшая вернуться девочка. — Потом поверните ручку под конфоркой и поднесите спичку... Горящую же!

Да, много он пропустил...

— Чудной вы, — склонив курчавую голову к плечу, проговорила Клер. — Машину водить умеете, а плиту зажечь — нет.

Хозяюшка всучила ему книгу, а сама поставила на огонь чайник и полезла в буфет за чашками.

— Что вам в этих сказках? — спросила она, ловко балансируя на шатком табурете с заварником в одной руке и сахарницей в другой.

— Просмотреть хотел, много ли господин Брю переврал. Ты же знаешь эту историю?

— Нет. — Девочка спрыгнула на пол. — Расскажите?

— А ты, Люк, помнишь? — обратился мужчина к присевшему за стол подростку.

— Смутно. Лучше расскажи.

Клер устроилась рядом с братом и устремила на гостя просящий взгляд. Впрочем, долго не выдержала — коробка с пирожными манила сильнее, чем истории из прошлого. Но чайник все равно еще не закипел.

— Как-то раз мы, я, Люк и Софи, зашли в книжный магазин, и продавец сказал, что скоро у них в гостях будет знаменитый сказочник. А я, так вышло, знал немало сказок: что-то с детства помнил, что-то сам сочинял, для Люка. Ну и записал кое-что. А потом мы с Люком сходили на встречу с этим писателем — помню, седенький такой старичок в пенсне, все время на часы глядел — и показали ему эти записи. Предложили купить. Он сначала отмахнулся: мол, я и сам чего хочешь насочиняю. А потом просмотрел... ну и раскошелился.

— А Софи, когда деньги увидела, на нас накричала, что мы сказочника ограбили! — припомнил вдруг мальчик.

— Точно, — обрадовался Тьен.

— Она знала? — спросил Люк. Невидящие глаза уставились прямо на шеара.

«Знала ли она, что я — вор?» — перевел он для себя этот вопрос.

— Да. Но я обещал, что завяжу. И сдержал слово.

Промедлив, подросток удовлетворенно кивнул.

— Вы это о чем? — ничего не поняв из их диалога, Клер глядела то на брата, то на гостя.

— О сказках, — соврал Этьен.

— Вы бросили сочинять сказки? — девочка в ужасе расширила глаза.

— Да нет, сочиняю, — успокоил ее шеар. — Но больше не продаю.

— А что вы с ними делаете?

— Иногда рассказываю знакомым детям.

— Ой, расскажите мне! — тут же запросила малышка. — Пожалуйста!

— Расскажу, — обещал мужчина. — Если напоишь чаем и прекратишь мне выкать. Я же

друг семьи, да? Значит, и твой тоже.

— Договорились, — легко согласилась девочка. — С меня чай, с... тебя — сказка. Но, чур, про любовь!

Все сказки, которые Тьен когда-либо слышал, так или иначе были про любовь.

— Знаешь настоящую историю спящей красавицы? — спросил он у Клер.

— В каком смысле — настоящую?

— В прямом. Как все было на самом деле, пока сказочники все не переврали.

— Такую, наверное, не знаю.

— Тогда заваривай чай и слушай.

Вряд ли теперь кто-нибудь скажет, когда и в каком из миров это случилось, а Тьен не помнил даже, откуда знал эту историю, то ли слышал от Генриха, то ли читал, но в одном не сомневался: все было именно так.

— Жили-были король и королева, — начал он. — Или граф и графиня. Или барон и баронесса... Какая разница? Главное, что жили они в замке, имели обширные угодья и в подчинении уйму народа, а еще служил при их дворе штатный чародей...

— Не фея? — перебила с сомнением Клер. — Вроде бы фея была.

— Нет, не фея. Чародей. Старик уже, дряхлый, лысый, лоб в морщинах, бороденка клочком, да и силы не те, что прежде. Потому и взял он в науку ученика — мальчишку одаренного и сметливого, такого, чтоб мог за замком приглядывать, как старый волшебник преставится, и хозяевам помогать. У тех как раз дочурка родилась и забот прибавилось. Малышка капризная была, чуть что — сразу в рев. Ни отец, ни мать, ни няньки унять ее не могли. И свирель волшебная, специально для усыпления младенцев зачарованная, на нее не действовала... А вот если ученик чародея ей что рассказывать начнет — сразу успокаивалась. Так и повелось, что мальчишка половину дня с наставником, магические науки постигает, а другую половину — с хозяйской дочкой...

— С принцессой! — не желала отступать от канонов Клер.

— С принцессой, — не спорил рассказчик, помешивая поданный чай. — Сперва в люльке ее качал, потом в возке по парку катал, затем уже по ступенькам за ручку водил. И первые сказки он ей читал, а после саму читать выучил... Годы шли, принцесса росла, а ученик чародея вперед нее вырослел. Пришло время, умер его учитель, и принял юноша ответственный пост, но и тогда про хозяйскую дочку не забывал. Привык к ней — это он так поначалу думал, пока она была еще... мелкая. Ну а как исполнилось ей шестнадцать...

— Понял он, что любит ее и жить без нее не может! — подсказала, почувствовав заминку, девочка.

— Именно.

— А она?

— И она его — тоже.

— Но родители отказались отдавать дочку за какого-то безродного парня, — предположил прислушивавшийся к сказке Люк.

— Что значит — безродного? — возмутился Тьен. — Он еще какой родовитый был. К тому же — чародей. О лучшем зяте они и не мечтали. Сговорили молодых, день свадьбы назначили. Но за неделю до того, как должны были они обвенчаться...

— Явилась злая ведьма! — страшно пуча глаза, прошептала Клер.

— Нет, — мужчина покачал головой. — Девушка оступилась на лестнице и упала. А лестница была крутая, каменная...

Всякое в жизни случается, и зачастую без злых ведьм.

— Но едва испустила она последний вздох, явился ее возлюбленный... — Видя, что девочка вот-вот всплакнет от обиды и грусти, Тьен немного ускорил события. — Спасти ее он не мог, но поскольку был он великим волшебником, призвал Огонь, жизнь несущий, и упросил вернуть ему любимую. Согласилась пламенная стихия. Но нескоро такие чудеса творятся. Двенадцать лет на то, чтобы новое, здоровое тело соткать. Еще три раза по двенадцать — душу по кусочкам собрать. И еще трижды по двенадцать лет, чтобы плоть и дух соединить...

— Восемьдесят четыре года? — в уме сосчитала девочка. — Так долго! А быстрее никак нельзя?

— Можно. Лет за шестьдесят. Но не факт, что все как надо получится... Но чародей мог не волноваться: маги куда дольше обычных людей живут, дождался бы он свою любимую без единого седого волоса. Да только подумал, каково ей будет очнуться через столько лет. Ни отца уже не встретит, ни матери, ни старой нянюшки — ни одного родного человека. Кроме него, конечно. С ним, быть может, смирилась бы со временем, привыкла бы, поняла... Но молодой волшебник иначе рассудил. Собрал он всю свою силу и сплел такое заклинание, что накрыло весь замок и землю окрест. И в тот же миг жизнь там остановилась.

— Как остановилась? — уточнил Люк.

— Как часы. Раз — и замерло все. Люди, звери, птицы. Даже трава перестала расти. Зато появился вокруг того замка зачарованный лес — такой, что ни один путник сквозь него не пройдет. Хоть неделю блуждать будет, все равно в том же месте, где вошел, выйдет. Было-то это давно, ни воздушных шаров, ни аэропланов тогда еще не придумали, чтобы кто сверху пролетел и замок заметил. Да и жили люди иначе — всяк в своей стороне, разъезжали редко. Так что можно было кусок от мира спрятать. Но слухи все равно поползли. Кто-то карты старинные поднял, вспомнил, что стоял в том месте замок да, видать, заброшен давно. Потянулись людишки до чужого добра падкие, думали сокровища несметные сыскать. Да все зря — не пускал их волшебный лес. А годы тем временем шли, старел чародей...

— Как — старел?! — выкрикнула Клер, чуть не подавившись пирожным. — Маги не стареют!

— Если сил не тратят, то и не стареют, — подтвердил сказочник. — А наш чародей за каждого в замке жизнь проживал, за каждое деревце, каждый листочек. Ему главное было для своей принцессы ее мир сохранить, и ради этого он себя не жалел...

— Хоть ради нее пожалел бы, — буркнул Люк. — Вернется она, а женишок уже старец древний.

— Несправедливо! — поддержала мальчишку сестра. — Почему он о невесте не подумал?

— Он подумал. Огонь ведь не только жизнь вернуть может, но и память забрать. Решил чародей, что станет о нем любимая печалиться, потому и заклил чудодейное пламя, чтобы, вернувшись, она о нем и не вспомнила. Ни она, ни кто другой в замке...

— Плохая сказка, — насупилась Клер. — Я же про любовь просила.

— А это и есть любовь.

Но история и впрямь получалась невеселая, и Тьен поспешил закончить.

— Хорошо там все сложилось, — заверил он. — Вот слушай: люди-то продолжали замок искать, но не все с корыстными целями. Был среди них один... принц. Молодой, красивый, рода знатного, богатого — так что чужие сокровища его не интересовали. Просто

страсть он имел ко всему загадочному. Присмотрелся к нему чародей, понял, что юноша благородный, умный и честный, и велел волшебному лесу его пропустить. Одного, без свиты... От свиты иногда одни проблемы... А там уже и время пришло Огню принцессу вернуть. Вошел тот принц в замок и увидел, что все тут спит волшебным сном: люди, звери — никого не разбудить. И вдруг заметил, как вспыхнул в одном из окон башни яркий свет. Поднялся он туда и увидел на ложе прекрасную девушку. Только-только вернулась она из небытия, еще в себя не пришла. А он молодой, горячий... Не сдержался и поцеловал ее. Ну а дальше вы знаете: очнулась девица, пробудился весь замок. Принцесса с принцем познакомились уже как положено, понравились друг другу. Всего через месяц свадьбу сыграли...

— А чародей? — чуть не плакала Клер.

— А чародея никто не помнил, как и не было его. Нашли потом в лесу труп какого-то старца, но мало ли бродяг по земле ходит?

На несколько минут за столом воцарилось молчание.

— Это же сказка? — первой подала голос девочка. — Ты все придумал?

— Конечно, придумал, — ответил ей вместо шеара брат.

— Да, придумал, — согласился Этьен. — Так вот... получилось...

— Грустно, — вздохнула Клер. — Но про любовь, да.

— А хочешь без любви, но веселую? — предложил мужчина, устыдившись, что расстроил малышку. — Про жадного падишаха и хитрого скорохода? Если не понравится — с меня еще пирожные.

Но новая сказка пришлась по душе. И Клер, и Люк хохотали так, что, наверное, даже Софи могла услышать их в своем магазине.

— Загостился я, — спохватился Тьен, поглядев на часы. — А у меня еще дела. Пойду. Люк, до завтра. Клер...

Девочка проводила его в прихожую, открыла дверь.

— К Софи зайдешь или передать ей что-нибудь?

— Передай. Привет. И то пирожное, что осталось.

— Привет передам, — пообещала Клер. — А пирожное... Может, не надо? Ну совсем это не романтично — надкушенные пирожные девушке дарить.

— Оно же нетронутое.

— Это пока, — улыбнулась маленькая хитрюга, выпроваживая его на площадку.

— Ладно, — согласился шеар. — Пусть будет только привет.

Остаток дня, никем не замеченный, он провел на крыше. Не подсматривал и не подслушивал — охранял. Но от чего, так и не понял. Не ощущалось присутствия Холгера или кого-либо из свиты, даже Эсея не рискнула нарушить приказ и опять следить за командиром.

Когда в город вошла ночь, принесся разморенным зноем улицам тишину и прохладу, а окна квартиры на втором этаже, за исключением одного, погасли, шеар осмелился заглянуть снова. В этот раз не через дверь.

Люк и Клер давно спали. Рядом с постелью девочки валялась на полу книга сказок — должно быть, читала с вечера. У мальчишки на столе лежал коробок спичек, а воздух хранил легкий запах гари. Тут и гадать не нужно: стащил на кухне и жег у приоткрытого окна, надеясь увидеть пронзающую надоевший мрак вспышку. Но не вышло, и подросток уснул разочарованным. Ничего, все еще впереди...

А Софи еще не ложилась.

Тьен не удивился бы, застань он девушку за работой, штопающей чулки или подшивающей юбку для Клер, на худой конец — дочитывающей роман, от которого оторвали днем многочисленные посетители. Но оказавшись в ее спальне, пораженно замер у двери.

Софи вертелась перед зеркалом. Почему-то в туфлях на высоченном каблуке и в ночной сорочке... Если это, нежно-персиковое, шелковое и полупрозрачное, с кружевными вставками и на тоненьких бретельках, было ночной сорочкой...

Девушка повернулась к зеркалу спиной, прикрыть которую ткани не хватило (лямочки крест-накрест не в счет), и, обернувшись через плечо, послала своему отражению томный взгляд из-под опущенных ресниц. Прокрутилась на каблуке, оценила вид спереди. Подобрала и без этого короткий подол до середины бедра, приподняла ножку... Затем стала к зеркалу в профиль, натянула на плоском животе тонкую ткань, выгнула спину, так что небольшая, прикрытая кружевом грудь поднялась выше... Повея плечиком, медленно потянула вниз легко соскочившую бретельку...

Мужчина подумал, что неплохо бы ему сейчас подумать о том, чтобы уйти... Но мысли категорически отказывались работать в этом направлении... и в принципе работать...

А девушка вдруг закрыла лицо ладонями и тяжело вздохнула...

Как же это глупо!

Софи раздраженно тряхнула головой.

Дурь, как есть, дурь. И туфли, которые покупала осенью вместе с палевым платьем — нужно было тратиться ради одного похода в театр? И подаренная подругой сорочка, еще новая, с ярлычком, болтающимся где-то на поясице, так как выше лишь голая спина с выпирающим позвоночником и торчащими в стороны крылышками-лопатками. Лежала себе в шкафу, скоро год, вот и лежала бы дальше. Только Ами могла сделать такой бесполезный подарок. А завтра платья придет. И наряды будут сорочке под стать: вырезы-разрезы, кружева-бретельки. Софи такого в жизни не наденет... Разве что так, ночью, пока никто не видит. Покрутится перед зеркалом и снимет.

Она взялась за подол рубашки, чтобы стащить и надеть старую, но, подумав, осталась в этом шелковом лоскутке. Все равно никто не увидит, а ночи в последнее время душные, даже распахнутые настежь окна не спасают. А вот коробочку с цветными папильотками убрала обратно в трюмо. Подкрутить, уложить... Обойдется.

Все Амелия-Кларисса со своими улыбками и намеками. Если бы она сразу сказала, что у нее и в мыслях не было... Дурочка. Какое там «не было», когда было, еще и как...

Не сразу, но... Он исчез, а она продолжала ждать. Шли дни, месяцы, годы... девочка росла, а вместе с ней выросли и мысли. И по-другому уже вспоминался каждый его взгляд, каждое слово. Иначе оценивались собственные чувства. А то, что после не встретился никто, с кем получилось бы выбросить из головы эти детские глупости, лишь делало то, забытое и несбывшееся, сильнее. Ждала, верила. А когда перестала верить — надеялась. Вспоминала, не давая стереться из памяти, засыпала с его именем. Словно сама себя заговорила на то, в чем никому не достало бы духу признаться, даже себе...

Хотя себе теперь можно.

Девушка остановилась перед зеркалом. Чувствуя себя в нелепой сорочке еще более голой, чем было бы без нее, посмотрела в глаза своему отражению.

— Да, я была влюблена в него, — произнесла она четко. — В Тьена... Но это ничего не значит...

Признание не принесло облегчения. Губы искривились в предчувствии близких слез. Плечи поникли... и вздрогнули от неожиданного тепла. Будто чьи-то ладони замерли нерешительно в дюйме от прикосновения, и ласковый ветерок иллюзией чужого дыхания скользнул по обнаженной шее. Показалось, сделай шаг назад, и покрывшаяся мурашками спина упрется в крепкую мужскую грудь, откинь голову, и та ляжет на сильное плечо...

Софи зажмурилась, отгоняя наваждение. Сбросила туфли, выключила свет и легла в постель, укрывшись тонким покрывалом. Сердце гулко стучало в груди, а мысли грозились не дать заснуть до утра... И опять почудилось: кто-то медленно дунул на ресницы и провел рукою по волосам.

— Спи, — шепнула темнота.

На душе сделалось легко, а глаза закрылись сами собой...

В то время как город в мире людей, окунувшись в теплую ночь, смотрел сны, столица Итериана встречала новый день.

Поднявшееся над горизонтом солнце коснулось ласковыми лучами обращенных к восходу стен дворца, перекрасив белоснежный камень в светло-розовый, и заиграло радостными бликами в стеклах высоких окон. Ветерок расчистил небо над резиденцией правителя, отогнав собравшиеся к рассвету редкие облачка, и расправил стяги на шпилях. Птицы в саду давно проснулись и теперь соревновались в пении, стремясь превзойти друг друга, если не мелодичностью, то хотя бы громкостью. Цветы умылись росой и распустили лепесточки, готовые радовать взгляд любого, кто решит прогуляться поутру узкими аллеями...

Прелестно, конечно, ярко, празднично, но до того обыденно, что успело набить оскомину.

Шеари Арсэлис частенько мечтала, чтобы ее разбудила гроза, ливень и раскаты грома. Или ураган, такой, чтобы оконные рамы срывало с петель со звоном бьющегося стекла. Хотя бы тучку увидеть, проснувшись, этакую кляксу на безупречной лазури — все лучше неизменно прекрасных, застывших в своей идеальности пейзажей.

Но с подобными желаниями нужно быть осторожнее. Мироздание любит подшутить, и вожденная тучка, вместо того, чтобы заслонить солнце, напозла на лицо флеймы, когда ей доложили о ранней посетительнице.

— Проводите гостью в чайную комнату, — ничем не выдав недовольства, велела Арсэлис прислуживавшей ей ундине. — Я сейчас спущусь.

Задержалась она минуты на три, не больше. Срок достаточный, чтобы явившаяся без предупреждения альва успела понять, что ради нее шеари не бросит тут же дела, но и не настолько большой, чтобы подумать, будто Арсэлис приводила себя в порядок перед встречей.

Хотя соблазн переодеться был. Белое не слишком ей шло, а утренний наряд, состоявший из свободного лилейного платья и такого же цвета длинной накидки, расшитой серебряными звездами, превращал изящную флейму в бесформенное облако.

Лили же выглядела безукоризненно. Как всегда.

Даже не будь всего остального, одно это вызывало к ней подспудную неприязнь. Черное платье откровенно не местного кроя, да и вообще достаточно откровенное, бесстыдно облегалo высокую грудь и тонкий стан альвы. Открытые почти до колен стройные ноги казались еще длиннее благодаря бархатным туфелькам на высоких, похожих на стилеты каблуках. Шептались, будто неизменно темные цвета ее одежд — негласный траур, который

альва носит уже много лет, но Арсэлис по-женски полагала, что подобные тона выбираются исключительно потому, что выгодно оттеняют белизну кожи дочери земли и золото ее волос.

— Счастлива видеть вас в добром здравии, шеари, — незваная гостья приветствовала флейму непринужденным поклоном. — Прекрасно выглядите.

Комплимент являлся частью приветствия, но фальши настороженный слух Арсэлис не уловил.

— Чему обязана столь ранним визитом? — спросила шеари, не отвлекаясь на предписанные этикетом расшаркивания.

— Я хотела повидаться с Холгером, — не стала юлить альва. — Но мне сказали, правителя со вчерашнего дня нет в столице, и я решила, что, возможно, вы подскажете, куда он направился.

— Мой муж... — от Арсэлис не укрылась усмешка, скользнувшая по губам верноподданной, при этом собственническом напоминании, кто есть кто, — ...отбыл по делам на Полуночный континент.

— Куда именно?

Арсэлис позволила себе ответную ухмылку:

— Я не состою в совете старейших, чтобы требовать от супруга отчета во всех его предприятиях.

Один выпад — два укола. Но ни напоминание о далеко не юном возрасте, ни намек на потерянный статус не вывели альву из равновесия.

— Жаль, — спокойно ответила Лили. — Значит, переговорю с ним в другой раз.

— Я могла бы передать ему что-нибудь, — предложила шеари.

— Передайте ему мои наилучшие пожелания.

Воистину, эта женщина была невыносима.

Лили принадлежал особняк в столице, но туда она не собиралась. Не манило жилье, так и не ставшее домом. А дом, настоящий дом, стоял заброшенный, и до альвы не раз доходили слухи, что многие ее соплеменники искренне считают его проклятым и всячески сторонятся... Глупцы. Пусть бы и заглянули: может быть, призрак обитавшего там когда-то счастья коснулся бы их на миг...

Покинув дворец, она пошла к одному из пересекавших улицы каналов. Села в поданную тритонами лодку.

— Мать Моана давно ждет меня, — сказала она сверкавшему чешуей темноволосому красавцу, чем-то походившему на Кеони.

Тот молча кивнул, и длинная гондола без гребцов заскользила по водной глади.

Из головы не шла Арсэлис. Миленькая скромница семьдесят лет назад и скрытная тихоня сейчас. Столько времени держать все в себе, сжигать душу огнем подозрений и ревности. Лили могла бы избавить ее от ненужных терзаний, но шеари не ждала ответа. Ведь если бы ждала, то уже спросила бы, разве нет?

Не будет мира и согласия в этой семье, пока все ее члены не научатся говорить друг с другом, понимать и прощать. Но Эллилиатарренсаи недосуг было учить их уму-разуму.

Несшая альву лодка покинула пределы города. Ровное, забранное в камень русло канала сменила полноводная река с обрывистыми берегами и небольшими порошками, но зачарованное суденышко плыло, не меняя скорости и почти не раскачиваясь на волнах. Через час оно доставило Лили к пустующему деревянному причалу. Начинаясь от

пристани тропа вводила в лесную чащу, но не терялась в зарослях — значит, хозяйка не возражала против посещений.

Дом матери Моаны стоял на берегу лесного озерца. Приземистая избушка из покрытых мхом бревен, с крышей, зеленой от проросшей на ней травы, и крохотными оконцами — именно так невежественные люди и некоторые дети стихий представляют себе прибежище ведьмы. А сама ведьма должна быть старая, скрюченная, с бородавкой на длинном носу, с гнилыми зубами и сбившимися в колтуны волосами, ряженая в рубище и с черным котом на закорках...

— Будет тебе! — рассмеялась показавшаяся на пороге ундина. Прожитые годы не оставили следа на ее миловидном лице, толстая русая коса лежала на голове венцом, а платье, простое, но опрятное, никак не годилось на роль рубища. — Только на помело меня усадить осталось!

На своей земле Моана видела и слышала все, а Лили умела думать очень и очень громко.

— Давненько ты не заходила, — попеняла лесная целительница. — Вся в делах, поди, старейшая?

Альва поморщилась: то никто и не вспомнит, то уже вторая с утра между делом вставит.

— Меня не называют так больше, — напомнила она.

— И что с того? — усмехнулась, подбоченившись, хозяйка. — Разве название делает нас теми, кто мы есть, Эллиа?

— Лили, — поправила женщина хрипло. — Теперь — Лили.

— Пусть так, — согласилась ундина. — Что же привело тебя ко мне, Лили? Старые раны болят?

— Они всегда болят. Но ты уже сделала все, что могла.

Полукровка Моана, ублюдок, через час после рождения брошенный в реку матерью-человеком (и вряд ли та женщина, делая это, надеялась, что малышку примет отец), обладала силой, какой не сыщется и среди истинных детей воды. Говорили, что она творит настоящие чудеса и способна воскресить мертвого.

Лили знала, после какого случая появились эти слухи. Тогда, очнувшись на речной отмели и увидев склонившееся к ней лицо целительницы, альва почти возненавидела ее за это чудо...

— У меня к тебе вопрос, — сказала она, заставляя себя не вспоминать о прошлом.

— Я слушаю, — хозяйка жестом пригласила гостью присесть на толстый ствол поваленного ветром дерева и сама устроилась рядом.

— Мне нужно знать о заимствовании энергии для самостоятельного исцеления, — Лили тщательно подбирала правильные слова. — О тех случаях, когда энергия берется у разумного существа, но без его согласия. Или при невольном согласии.

— Речь о ком-то из моего народа? — насторожилась Моана. — Кто-то пострадал от одного из детей воды?

— С чего ты взяла? — удивилась альва.

— Такое изъятие силы может провести только целитель-водник. У других стихийников обмен энергией проходит лишь при обоюдном согласии.

— Да, я говорю о водяном, — согласилась Лили, и это почти не было обманом. — Полагаю, он не отдавал себе отчета в том, что делает. Но не волнуйся, никто не пострадал. Это случилось давно, и все участники тех событий живы и здоровы. Я хотела узнать о

другом. Скажи, не устанавливается ли при таком обмене некая связь между отдающим и забирающим?

— Связь?

— Да, как при отдельных ритуалах. Симпатия, привязанность? Другие... чувства?

— Например, любовь? — хмыкнула Моана. Покачала головой и, засучив рукав, вытянула вперед руку. — Сейчас покажу тебе.

В ушах негромко зазвенело. Со стороны озера к женщинам с нервующим писком подлетел комар. Опустился на обнаженное запястье целительницы и с ходу вонзил в ее кожу жадный хоботок.

— Вот так, по сути, происходит упомянутое тобой заимствование, — поморщившись, пояснила ундина. — Как полагаешь, что чувствует ко мне этот кровосос? А я к нему? Вспомню я о нем, когда укусы уже не будут зудеть?

Она резко прихлопнула обнаглевшего от вседозволенности кровопийцу:

— Вот и вся любовь.

Ничего не оставалось, как принять столь наглядное объяснение.

— Я бы спросила, почему ты интересуешься этим, но не скажешь ведь, — улыбнулась целительница. — Хочешь чая с лесными травами?

— Хочу.

Раньше ей нравилось приходить к Моане. С ней можно было даже не разговаривать. Просто сидеть рядом, отхлебывать ароматный чай из кривобокой глиняной кружки и молчать.

— Я буду ждать тебя, — обещала, прощаясь, ундина. — Может, еще лет через двадцать заглянешь.

Лили не стала обещать, что придет раньше...

У причала альву ждал сюрприз.

— Раз уж навещаешь старых подруг, заглянула бы и ко мне, — пропела оккупировавшая лодку сильфида. — Тем более во дворце была. Избегаешь меня?

— Ну что вы. Встреча с вами — счастье для меня, шеари Йонела.

— Чуть больше искреннего почтения, и меня от удивления удар хватил бы, — рассмеялась сильфида.

— Я на это и рассчитывала.

Лили соскочила с мостика в лодку и, бесцеремонно потеснив шеари, заняла место на банке.

— Ну? — обернулась она к Йонеле, когда заговоренная гондола поплыла в сторону города. — Говори, чего хотела.

Пусть милашка Арсэлис развлекается игрой в правительницу. Эллилиатарренсаи Маэр Хеллан, бывшая старейшая великого рода Хеллан, позволяла ей эту игру, как усталая тигрица иногда позволяет котяткам забавляться со своим хвостом и представлять себя охотящимися хищниками. Но вдова шеара Вердена слишком стара для подобных игр и знает истинное положение вещей. Да Лили и не рискнула бы подсовывать ей хвост — не ровен час, откусит.

— Почему ты вернулась? — спросила сильфида.

— Увидеться с Холгером.

— Зачем?

Надеялась, что Этьен ошибся, и она застанет его отца во дворце. То, что правитель явился в мир людей без предупреждения, настораживало.

— Соскучилась, — ответила Лили с привычной ухмылкой.

Как и предполагалось, унижаться, настаивая на правдивом ответе шеари не стала.

— А как... как дела там? — помолчав с минуту, поинтересовалась она.

— Неплохо.

— Как Этьен? — Спрашивая, сильфида старательно делала вид, что зеленый берег, вдоль которого плыла лодка, интересуется ее куда больше внука. — Счастлив? Он ведь так туда рвался.

— Не разочарован, скажем так.

Не отрывая взгляда от берега, Йонелла медленно кивнула:

— Выходит, Холгер прав, отпуская его.

— Тысячу раз неправ.

Она пыталась объяснить и правителю, и его матери. Давно, еще в тот день, когда юный шеар впервые показал свою силу у разрыва. Он — не человек, и в мире людей ему не место. Но Холгер рассудил иначе.

— Что ты почувствовала, когда не стало Вердена?

Йонела промолчала. Съежилась, словно от налетевшего ветра, сторбила всегда прямую, как струна, спину... На миг превратилась в настоящую старуху, одинокую и измученную жизнью, — в ту, кем и была под личиной вечно молодой сильфиды...

— Когда пустота забрала моего мужа, я хотела умереть, — проговорила Лили тихо.

Судьба назначила ей сегодня день памяти. Впрочем, она всегда помнила...

Отчаяние, граничащее с помешательством. Горе, в котором позабылся даже собственный ребенок. Полные муки и ужаса крики тех, кто пытался встать на пути у нее, сильнейшей из дочерей Земли. Короткий полет. Боль, но не сильнее той, другой боли. Тишина надеждою на забвенье... И улыбка Моаны... После — туман. Годы страданий, душевных и физических. Пустующее кресло в совете — кто пустит сюда сумасшедшую? Уговоры, увещевания... Сочувствие и презрение...

Но тогда ей еще было, для кого жить...

— Когда погиб мой сын, я умерла.

Лили прикрыла глаза.

— Для шеара жизнь в мире людей — это жизнь, полная потеря, — сказала она притихшей сильфиде. — Все, с кем он сойдется там, будут умирать на его глазах. Нужны ли ему друзья, которых придется хоронить одного за другим? Любимые, чтобы оплакивать их веками? Этого вы с Холгером ему желаете?

Странно было бы, если бы престарелая шеари прониклась этой речью.

— Лучше бы нашла нового мужа, а не придумывала себе нового сына, — огрызнулась она недовольно. — Кажется, тебя не за тем приставили к мальчишке. Или уже забыла?

Без сомнений, сама Йонела каждый день напоминала себе, что к чему, чтобы ненароком не выказать ненужных чувств. Она даже встречаться с внуком опасалась, чтобы, не приведи случай, не разглядеть в нем что-нибудь родное...

— Или это то, что называют совестью? — шеари избрала насмешку своим оружием. — Это ведь ты, а не я девять лет держала нож у его горла.

— И до сих пор держу, — Лили потеряла ладонь о ладонь и медленно развела руки в стороны, растягивая пальцами длинный тонкий клинок. — Но надеюсь, что до этого не дойдет.

До самого города они больше не разговаривали, а сойдя на пристани, разошлись в

разные стороны.

Ночь Фернан снова провел за карточным столом, не иначе, и теперь взирал на разбудившего его шеара едва ли не с ненавистью.

— Понял? — переспросил Тьен.

— Что?

Пришлось встряхнуть флейма за шиворот и повторить указание с начала и до конца.

— Дом. Особняк, не слишком далеко от центра. Гостиная, столовая, четыре... нет, пять спален, кабинет... Зимний сад неплохо бы. И сад обыкновенный — обязательно. Ты знаком с местными порядками, сумеешь разобраться. Возьмешь с собой Кеони. Заодно покажешь мальчишке, что тут и как.

О доме Тьен думал с того самого дня, когда узнал, что их прежнего больше нет.

Давно — уже почти неделю.

Нет, он не торопил события. Просто время, замершее для него в Итериане, в родном мире летело с немыслимой скоростью, и не хотелось терять ни минуты.

Припарковав автомобиль у подъезда, шеар собирался, как всегда, перейти через дорогу и заглянуть в магазин к Софи... но остался в машине. Не знал, что сказать ей, и как себя вести. И цветов сегодня не привез.

А она посматривала в окно и недоумевала, почему он не заходит...

— Доброе утро.

В сумочке у госпожи Магдалы вместо книги сегодня лежал термос с крепким кофе.

— Доброе, — Этьен улыбнулся целеустремленности сиделки: сказала, что не спит на работе, и сделает для этого все возможное. Даже жаль расстраивать такую обязательную даму.

Он помог ей сесть в авто и открыл дверцу Люку.

— Как дела? Софи не сердилась из-за того, что я к вам вчера заходил?

— Нет, — неуверенно ответил мальчик. — Она... Мы не стали ей говорить.

Тьен не видел ничего предосудительного в том, что навестил детей, и его удивило их решение превратить этот визит в секрет. Но, с другой стороны, маленькие общие тайны — это ведь неплохо, да?

Кофе не помог. Госпожа Магдала и глотка не успела сделать, погрузившись в сладкую дрему. А шеар, как и накануне, прошел в процедурную.

У него уже не осталось вопросов, ответы на которые можно было получить у Люка, а потому они просто говорили обо всем, что приходило на ум. Вспоминали что-то из прошлого, каждый по-своему. Слегка коснулись будущего. Робко, боясь спугнуть возможное счастье, Люк поделился опасениями по поводу возвращения в школу, если снова сможет видеть, и Тьен поспешил заверить мальчишку в том, что он со всем справится.

Заговорив о школе, вспомнили Клер, и Этьен узнал, почему малышка продолжает ходить на занятия во время каникул. Благодарить нужно было заботливую старшую сестру, записавшую девочку на летние курсы. Но Клер, если верить Люку, не обижалась: в школе у нее были подруги, да и учиться ей нравилось. А Софи могла хотя бы полдня не волноваться за шкодливую сестренку...

— Командир, у нас гость, — проскочивший в форточку ветерок принес тревожную весть от Эсеи.

— Холгер? — спросил Тьен, загородившись от Люка звуконепропускаемой стеной.

— Нет, — прилетел спустя минуту ответ. — Эйнар.

Этьен мысленно помянул всех демонов, о которых узнал в Итериане. Выходило, что он действительно почувствовал приход шеара, но не учел, что это может быть не венценосный родитель, а братец. Младшенький, чтоб его!

— Он идет к твоей подружке, — продолжала «радовать» сильфида. — Открыто. Что делать?

— Что угодно, но не пускай его.

— Поздно, — прошелестел занавесками сквозняк.

— Тогда убери его оттуда! Как хочешь! Я буду... — сам он мог оказаться в цветочном магазине уже через мгновение, но нельзя было оставлять мальчика. — Через пятнадцать минут.

К огромному сожалению Люка электростимуляцию пришлось отменить. Доктор Раймонд сказал, что у аппарата повреждена проводка, и обещал до завтра все исправить.

Уже на полпути к Софи, разогнав автомобиль до предела и чудом не став причиной двух... трех аварий, Тьен вспомнил, что так и не разбудил сиделку.

Мир как мир — ничего особенного.

Эйнар пришел к этому выводу, едва появился тут.

Тем не менее именно в этот ничем не примечательный мир его брат сбежал, как только представилась возможность. Это было странно. А Эйнар не любил странностей. Неразгаданных.

Возможно, разгадка скрывалась за дверью цветочного магазина. Подобный ответ казался слишком простым и неинтересным, но проверить стоило.

— Здравствуйте, — приветливо улыбнулась стоявшая за прилавком девушка.

Совершенно обыкновенная девушка — такая же, как ее мир.

— Здравствуйте, — ответил он.

Люди слабы и подвержены многим недугам, оттого у них принято при каждой встрече желать друг другу здоровья.

— Желаете купить цветы?

Эйнар открыл рот, но сказать ничего не успел: дверь распахнулась и в магазин влетела сильфида. На самом деле влетела, ее туфли не касались пола, но цветочница этого не заметила: люди порой осознанно не обращают внимания на то, что не соответствует их представлению о порядке вещей. Им так проще. И путешествующим по их мирам итерианцам — тоже.

Сильфида церемонно поклонилась. Для девушки за прилавком, обернувшейся на звон колокольчика, это выглядело так, словно посетительница зацепилась за что-то длинным платьем, чуть приподняла подол и посмотрела себе под ноги.

Шеар сдержано кивнул в ответ.

— Моепочтениешеарэйнар, — мало того, что дочь воздуха говорила на языке своего народа, непонятном и неслышном людям, так и делала это настолько быстро, что Эйнар с трудом разбирал слова. — Немоглибывывыйтисомной?

— Нет.

Сильфиду он узнал — одна из свиты Этьена. Значит, брат уже знает о его приходе и скоро появится, а Эйнар еще не успел ни в чем разобраться.

— Нет? — удивилась продавщица. — Вам не нужны цветы?

— Нужны, — успокоил он ее. — Самые лучшие.

— Привсеммоемуважениии... — Воздушная приблизилась на шаг. —

Ябудувывнужденаприменитьсилу.

В больших серо-голубых глазах читалось такое отчаяние и, вместе с тем, такая решимость, что Эйнар невольно позавидовал брату. Вряд ли кто-нибудь из его собственной четверки осмелился бы бросить вызов другому шеару.

Но прощать подобную дерзость наследник не собирался.

— Самые лучшие цветы, — повторил он, выдерживая первый удар воздуха.

Била сильфида сильно, но аккуратно: мощная волна, ударившая его в плечо, ничего больше не зацепила, даже сквозняка не вызвала. Шеар легонько толкнул в ответ, будто рукой на воздушную указал, и добавил, обращаясь к цветочнице:

— Для этой ошеломительной красавицы.

Она, и правда, была довольно милой. И ошеломительно наглой, раз уж отважилась пойти против него.

«Положу их на твою могилу, если немедленно не уберешься отсюда», — пообещал он сильфиде.

— Детейвоздухахоронятвоблаках, — бросила она, растягивая рот в ответ на искреннюю улыбку продавщицы.

И тут же свила вокруг его шеи тугую петлю.

— Ваша невеста? — ненавязчиво полюбопытствовала девушка за прилавком.

Воздушная сдавленно охнула, возмущившись то ли подобным предположением, то ли тем, что он метнул в нее короткую молнию, распоровшую голубой шелк на ее плече.

— Нет... кх-х... — Эйнар с усилием разорвал путы.

Сильфида облегченно вздохнула... А облегчать ей жизнь не входило в его планы.

— Моя жена, — оскалился шеар злорадно и, прежде чем воздушная опомнилась от этого известия, послал ей картинку: он в кроваво-красном траурном одеянии стоит, довольно улыбаясь, рядом с памятным обелиском, какие сильфы возводят в честь ушедших сородичей.

Ледяной ветер ударил в лицо, и изображение вернулось изрядно подкорректированным: гранитный обелиск стремительно падал, острой гранью метя в лоб счастливому вдовцу.

— Милая... Кливия... — имени сильфиды он не знал, а название красивого, но ядовитого цветка, само собой пришло на ум. — Не подождешь меня в машине?

— Нет, дорогой...

— Эйнар, — напомнил шеар, пока она не придумала ответную гадость. Виновато улыбнулся цветочнице: — Простите, у моей супруги плохо с памятью. И с головой вообще.

— После того, как я вышла за тебя замуж, с этим никто не поспорит, — мелодичным смехом откликнулась сильфида, бесстрашно приближаясь к нему. В поднятой руке на мгновение обозначилось копые с широким наконечником. — И на самом деле, — обернулась она к подруге Этьена, — меня зовут Эсея. У моего мужа случаются цветочные фантазии.

— Очень приятно, — девушка лучилась благожелательностью. — Я — Софи. И цветочные фантазии — моя работа. Что вам предложить? У нас богатый выбор.

Она вопросительно поглядела на сильфиду, потом на Эйнара, и уже не отводила от шеара взгляда.

— Выбор-выбор... — пробормотал он, не придав значения столь пристальному к себе вниманию. — Как думаешь, дорогая...

«...мне хватит одной секунды, чтобы отвести ей глаза, превратить тебя в ледяную статую, украсить ею крышу, вернуться сюда и стереть все воспоминания о твоём присутствии? Или понадобится две?»

Хватило бы одной, но Эйнар не желал из-за наглой девчонки ссориться с братом, с которым и так не был дружен. Этьен новое оформление магазина вряд ли оценит.

— У вас какая-то памятная дата сегодня? — предположила цветочница, продолжая разглядывать шеара.

— Да, — согласилась сильфида и тут же попыталась усыпить девушку, чтобы продолжить «разговор» с шеаром наедине.

— Годовщина свадьбы, — поддержал Эйнар, отводя от цветочницы сонные чары. Со свидетелем как-то надежнее, а то и впрямь придется отчитываться перед братом за убийство его подданной. — Двадцать лет в любви и согласии.

Дочь воздуха, забыв о силе стихии, попросту впечатала в его ногу острый каблук.

— Снова заговариваешься, дорогой... Людистольконеживут...

Люди жили и дольше, но сильфида намекала на то, что для подруги Этьена они выглядят слишком молодо. Он — лет на двадцать пять, и она — от силы на двадцать.

— Два года, — исправился он, прогоняя боль в ноге, и в отместку, как и она не используя дар, ущипнул сильфиду за бок.

Реакция последовала незамедлительно: Эсея раскрутила за спиной невидимое копьё и ударила его древком по затылку.

— Но иногда кажется, что мы уже вечность вместе, — закончил шеар сквозь зубы.

— Это счастье — найти свою вторую половинку, — Софи почти озвучила желание Эйнара отобрать у сильфиды копьё и разрубить наглую девчонку на две части. — Может быть, розы? Красные — символ страстной любви. Белые — нежности. Желтые — надежды.

— Они колючие, — Эсея капризно поджала губки, маскируя гримасу боли.

— Совсем как ты, дорогая, — Эйнар повторно стегнул ее водяной плетью пониже спины: то, что надо для воспитания зарвавшихся девчонок — не смертельно и эффективно.

— Тогда лилии?

Дальше себя воспитывать сильфида не позволила. Выставила щитом холод вершин родного Энемиса, и тонкий водяной хлыст, заледенев, разбился и с негромким звоном осыпался на пол.

— Лилии не нужно, — Эйнар тянул время, обдумывая, как избавиться от настырной дочери воздуха, не слишком покалечив ее при этом. — От их запаха у меня голова болит.

— Ты уверен, что это от лилий, милый? — недовоспитанная сильфида, улучив момент, повторила трюк с копьём.

— Уверен, — выдавил шеар. — А что это за цветы?

Эйнар наугад ткнул цветочнице за спину и, когда она отвернулась, схватил не успевшую закрыться Эсею за горло и вырвал у нее из рук призрачное оружие. На большее, увы, времени не хватило.

— Эти или эти? — уточнила Софи, по очереди показав на вазоны. — Это — левкои, а это — герберы. Если хотите, могу составить сборную композицию, лишь скажите, какие цветы вам нравятся. Или покажите.

— Дорогая, выбери сама.

«Жаль, чертополоха нет»

— Этонесамыйлюбимыймойцветок... Я бы все-таки взяла розы. Вон те, — сильфида

указала на нежно-розовые цветы с мелкими тугими бутончиками. — Но их слишком мало. Мне хочется пышный букет, много-много цветов. Ты же не откажешь, милый?

— Для тебя — что угодно, — машинально согласился Эйнар, размышляя, что же она задумала.

— Никаких проблем, — просияла цветочница. — Если вы подождете немного, я принесу еще из оранжереи. Только... простите, мне придется закрыть магазин на несколько минут.

Ах, вот оно что!

— Не хочется доставлять вам лишних хлопот, — попытался пойти на попятную он. — Мы возьмем что-нибудь другое.

Коварная и сильфида уже схватила его под руку и тащила к выходу.

— Не волнуйтесь, — успокоила Софи, — я быстро вернусь.

Этьен может оказаться еще быстрее.

Ища причину задержать девушку, Эйнар вдруг отметил, как странно она глядит на него — будто хочет что-то сказать, но не решается. Он решил за нее: легкое воздействие, вскользь, лишь для того, чтобы позволить сдерживаемым словам сорваться с языка...

— Вы... похожи на одного моего знакомого.

Ну хоть что-то.

— Близкого знакомого? — спросил он, чтобы удержать разговор в нужном русле.

Но снова вмешалась Эсея. Досадливо отмахнулась и бросила, не подумав:

— Не так уж они и похожи. Только глаза...

Далее последовало то, что в театральных постановках называют немой сценой, когда все стоят, открыв рты, и молча смотрят друг на друга... с разными выражениями лиц, не обязательно добрыми...

— Да, глаза, — заговорила первой Софи. Сложила руки на груди и сердито посмотрела на шеара и его мнимую супругу: — Ничего не хотите объяснить?

Эйнару, чей план, и без того не безупречный, окончательно испортила сильфида, не осталось ничего другого, кроме как сказать правду.

— Софи, простите этот маленький обман. Мне просто интересно было познакомиться с девушкой, ради которой мой брат отказался от...

— Доли в семейном деле, — быстро закончила за него Эсея.

Можно было бы сказать, что выручила, но шеар и сам не собирался говорить об Итериане.

— Да, — кивнул он, принимая ее версию, — от доли в нашем общем предприятии. Бросил все и приехал сюда.

— Из-за меня? — растерялась цветочница. — Все бросил? Брат?

Человеческий мозг плохо приспособлен для одновременной обработки большого количества информации. Эйнар вспомнил об этом и поспешил исправиться, для начала сконцентрировав внимание девушки на чем-то одном.

— Этьен — мой брат. Старший. Вряд ли он обо мне рассказывал, мы не слишком близко успели сойтись. Я часто был в отъездах, он тоже...

Сильфида по-прежнему держала его под руку, но не вмешивалась. То ли притихла, убедившись, что он не злоумышляет против подруги Этьена, то ли обдумывала новые способы его устранения. То ли ей самой интересно, чего ради ее шеар оставил Итериан.

— Нет, он не рассказывал, — медленно вымолвила Софи. — Говорил, что нашел семью,

но... у нас тоже не было времени...

— Этьен — очень скрытный... человек, — поддержал Эйнар. — О вас он тоже никому не рассказывал. Да, дорогая? — в людском мире, практически лишенном естественной природной магии, это было нелегко, но он не отказал себе в удовольствии нырнуть на миг в подпространство и дать «супруге» подзатыльник. Дернувшаяся голова силифиды символизировала согласный кивок. — Вот мы и решили сами с вами встретиться. Думаю, Этьена наш поступок не обрадует, но если вы меня поддержите, он, возможно, не откажется продолжить знакомство. За обедом, предположим?

— Извините, но вы что-то путаете, — неуверенно произнесла девушка. — Мы с вашим братом просто старые знакомые. Потому он и говорил обо мне. Вряд ли я имею какое-то отношение к тому, что он ушел из семейного дела...

— Тогда зачем он здесь? В этом м-м-м... городе? Кроме вас у него никого тут нет, я следил...

— Мы наняли детектива, — опять пришла на выручку силифида, успевшая изучить нравы и обычаи этого мира.

— Мой брат такой скрытный, что пришлось...

— Эйнар, да? — уточнила Софи. — Недавно приехали? Издалека?

— Да.

— Долго добирались?

Шеар понял, что она стремится перехватить инициативу, но еще не догадался зачем, и как ему теперь отвечать на ее вопросы.

— Не то чтобы долго, — растянул он, — но несколько проблематично.

— Границы, — подсказала Эсея.

— Да, пришлось пересечь несколько границ. Таможни, проверки...

— Простите, забыла, в какой стране вы живете.

— Я? — даже знай он географию этого мира, Эйнар все равно понятия не имел, что успел сочинить для подруги брат. — Я много путешествую, поэтому сложно ответить однозначно: то в одной, то в другой.

— Тьен говорил, у вас там какие-то проблемы с почтовым сообщением.

— Проблемы? Да нет, в общем-то. Голуби летают...

Судя по тому, что Эсея опять вонзила каблук ему в ногу, он сказал что-то не то.

А судя по тому, как посмотрела на него Софи, — наверное, все же то.

Одно Эйнар понял четко: он сам уже не против, чтобы брат скорее появился. И желание его было услышано.

Мазнуло по глазам сумраком, словно набежавшая откуда-то туча на миг закрыла заглядывавшее в окна магазина солнце. Воздух, сделавшись густым и вязким, сковывал движения и глотал звуки. Софи сказала что-то, но Эйнар не расслышал слов. В голове звучал другой голос, так же неразборчиво, но при этом с яростью, с неприкрытой угрозой.

Шеар попытался сделать шаг, но не смог оторвать ногу от пола. Старые доски — мертвая мореная древесина — пустили крепкую молодую поросль, тугими жгутами оплетшую его щиколотки. Головки гербер развернулись к нему, глядя со злостью оранжевыми глазками. Розы воинственно растопырили шипы. Благоуханные лилии выпустили змеиные язычки. А над головой, на потемневшем, как грозное небо потолке, угрожающе раскачивались лампы... Все это — в скрытой от людского взгляда реальности, где-то в срединных ее пластах, но Эйнару стало не по себе. В чужом человеческом мире он

почувствовал себя слабым и незащищенным, в то время как его брат, родившийся здесь и здесь же обретший силу, обладал, казалось, безграничными возможностями. Когда он вошел, Эйнар понял... вернее, ему показалось, будто он понял, что дело вовсе не в мире, а в том, как и какую силу использует Этьен... Но додумать эту мысль наследный шеар не успел.

— Вы уже вернулись? — цветочница обеспокоенно подалась навстречу остановившемуся на пороге мужчине. — Так рано? Что-то...

— Все в порядке. У доктора технические проблемы с аппаратом, так что одну процедуру пришлось пропустить.

Полагаясь Эйнар лишь на зрение, он не сразу узнал бы брата. И дело не в местном наряде, не в непривычно коротких волосах и отсутствии в них цветных лент. В те их редкие и короткие встречи в Итериане, Этьен никогда не выглядел настолько доброжелательно. Впрочем, Эйнар не обманывался насчет того, как много этой доброжелательности перепадет ему.

Но перепадет. Без сомнений.

Однако Этьен не торопился. Даже не смотрел на него. Тянул время, пытаюсь угадать, что произошло до его появления.

— Я вот... — смущенная затянувшимся молчанием и уже явственно ощутимым напряжением, заговорила Софи, — ...познакомилась с твоими родственниками...

— Сожалею. Надеюсь, они не слишком тебя побеспокоили?

И взгляд на Эйнара, быстрый и жгучий, как молния.

— Нет, ничуть, — Софи озадачили его извинения. — Мы просто поговорили.

— Мы тоже поговорим, — перебил ее Этьен. — На улице. Извини.

Покинув магазинчик, Эйнар всего на мгновение, но зато совершенно серьезно задумался, какие у него шансы против брата, если ударить первым.

А Этьен и не задумывался...

Но Эсея оказалась быстрее обоих.

— Не делай того, о чем потом пожалеешь, — тихо сказала она командиру, будто случайно оказавшись между братьями.

Тот посмотрел поверх ее головы на Эйнара.

— Зачем ты здесь?

— Решил, что раз все уже позади, мы могли бы...

— Нет. Если это все, за чем ты пришел в мой мир, уходи. По-хорошему.

Эйнар вдруг осознал, какой по-детски глупой была его затея. Но если не спорил, то не поэтому. И не потому, что испугался. Хотя бояться причины имелись.

Софи была озадачена и смущена.

Заявление, будто Тьен где-то там что-то бросил ради нее, казалось полной ерундой. Но в эту ерунду хотелось верить. Верить, вопреки всему, так же как она верила все эти годы в его возвращение...

— Извини еще раз, — сказал Тьен, вернувшись в магазин. — Больше они тебя не беспокоят.

На нее он не смотрел: взгляд, отрешенный и задумчивый, скользил по полкам и вазонам, пока не остановился на вчерашнем букете. Век полевых цветов недолог, и сегодня они уже потускнели и поникли, как и тот, кто их принес.

— Они меня не беспокоили, — поспешила заверить Софи.

— Эйнар любопытный, — продолжал оправдываться мужчина. — Чересчур. Если бы я

знал...

— Я никогда не познакомилась бы с твоим братом, — поняла девушка. — Вы не слишком ладите?

— Мы вообще не общаемся. Так вышло.

— Прости, мне не нужно было спрашивать.

Ей это было странно. Как так? У него есть семья, есть брат... А они вообще не общаются. С кем же он общается? С кем провел эти годы? Как? Где?

— Я все объясню, — пообещал он, по-прежнему глядя не на нее, а в сторону. — Но позже. Если тебе еще будет интересно.

— Мне...

Девушка запнулась. Какая-то часть ее рвалась заявить, что ей и сейчас ни капельки не интересно, и никакого дела нет ни до его семьи, ни до него самого... И снова испортить все. Вернуться к обидам и непониманию...

— Мне интересно. Но я подожду. Ты...

...не исчезнешь больше? Не пропадешь неизвестно куда?

— ...хочешь чая? В подсобке есть примус, а Клер завернула мне с собой какие-то сладости.

— Хочу, — он улыбнулся, но взгляд, усиленно избегавший ее, оставался тяжелым и мрачным. — Но в другой раз. Дела, извини.

Дела, конечно. Если бы аппарат доктора Раймонда не сломался, он до сих пор был бы с Люком на процедурах и никуда не спешил бы.

— Тьен! — вспомнила она, когда мужчина уже открыл дверь на улицу. — Люк говорил тебе насчет завтра?

— Завтра? — переспросил он рассеянно. — Да, как обычно.

Значит, не успел. Как и она.

Когда Тьен ушел, в магазине появилась госпожа Магдала.

— Софи, милая, — начала она, потупившись. — Мне так неудобно, но я должна отказаться от поездок с Люком. Необходимости во мне нет, а я, признаться, неважно чувствую себя в последние дни.

— Заболели? — забеспокоилась девушка.

— Слава богу, нет. Но, видно, устаю в лечебнице, ночи не хватает выспаться. И возраст уже... Ты же не обидишься?

— Нет, что вы. Тем более, Люк не жалуется.

И ей больше не нужна сиделка-надсмотрщица. По крайней мере, в это Софи верила.

Эйнар выбрал удачное время, чтобы навестить облюбованный братом мир: отец отсутствовал в столице, и отлучкой наследника никто не заинтересовался. Но, едва вернувшись, молодой шеар узнал, что родитель опередил его на несколько часов и сейчас отдыхает у себя. Это тоже было кстати. Откладывать разговор он не собирался.

— С возвращением, отец. У тебя найдется для меня время?

Холгер, сидевший на полу перед огромной, раскрытой на середине книгой, поднял голову.

— Конечно. — Книга захлопнулась и, медленно скользя по воздуху, устремилась к высокому шкафу, занимавшему в покоях правителя полстены. — Но сначала не хочешь сообщить, где ты был?

Обычно Эйнара раздражали такие вопросы. Во время последней волны никто не препятствовал его походам к разрывам или участию в разожженных тьмой войнах в чужих мирах, а теперь, когда все закончилось, получалось, и на день нельзя покинуть Итериан, чтобы у тебя не потребовали отчета. Однако сегодня наследник не стал выказывать недовольства тем, что его до сих пор принимают за ребенка. Сбросив обувь у входа, он прошел в центр комнаты и опустился на циновки напротив отца.

— Ходил повидаться с братом.

Если подобный ответ и стал неожиданностью для правителя, тот ничем этого не выдал.

— Как прошла встреча?

— Хуже, чем хотелось бы, — признался Эйнар.

— Ты жив и даже не ранен, — констатировал отец. — Он, надеюсь, тоже. О лучшем исходе и мечтать нельзя.

Он не насмеялся, но в очередной раз объяснял сыну, что родственная кровь — еще не родная душа. Он часто напоминал об этом. Делал все возможное, чтобы они с Этьеном пересекались как можно реже, и сам избегал общения со старшим сыном.

— Зачем ты пошел к нему?

— Просто так, — Эйнар с вызовом посмотрел на отца. — Решил наконец-то познакомиться с братом. Узнать его получше... И кое-что узнал.

— Что он тебе сказал? — в голосе правителя послышалось недовольство.

— Ничего. Дело не в том, что я услышал, а в том, что я увидел.

— И что же?

Такая тревога отразилась на миг в глазах правителя, что Эйнару захотелось махнуть рукой и, подтверждая репутацию легкомысленного дитя, ляпнуть что-нибудь в духе: «Да, знаешь, он там подстригся, обрядился в потешный костюм и катается на груде железок с мотором». Отца бы это успокоило.

— Он управляет тьмой, — выговорил он, не позволив трусливой мыслишке одержать верх. — Этьен управляет тьмой.

— Да, — правитель натужно улыбнулся. — Он же шеар.

Эйнар тоже был шеаром и знал, что тьму можно контролировать, сдерживать или выпускать, используя в своих целях, но ее нельзя привязать к силе стихий, сделав частью себя. Не здесь, не в Итериане, но в других мирах случалось, кто-то из детей стихий впускал в себя тьму, и это меняло его и калечило, делая многократно сильнее и вместе с тем

превращая в обреченного на мучительную смерть раба. Но никогда подобного не происходило с шеарами: темное начало не возьмет верх над кровью четырех. И не уживется с нею. Насколько Эйнар знал, сочетать в себе, хоть и в незначительных долях, дар стихий, свет и тьму могли только...

— Люди, — закончил Холгер невысказанную мысль. — Маги-люди. Человек от рождения несет в себе частичку каждого природного начала, и вся его жизнь — выбор. А твой брат — и человек, и шеар.

Правитель не юлил больше, не уклонялся от разговора. Устало провел ладонью по лицу, убрал назад упавшие на лоб волосы и испытующе посмотрел на сына.

— Теперь понимаешь?

— Он знает?

— Должен знать. Но, вероятно, считает это нормальным. Пусть так и будет. В Итериане никто не видел в нем этого. А в другом мире он не опасен... Не так опасен, как здесь.

— Почему ты решил, что он вообще опасен?

— А почему ты пришел ко мне после встречи с ним? — вопросом на вопрос ответил правитель.

Сложно сказать. Тревога? Предчувствие?

— Ждешь объяснений? — понял отец. — Что ж, глупо было пытаться оградить тебя от этого. Но я не мог не попробовать. Вы — мои дети, и защитить вас — мой долг и мое право.

— От чего защитить?

— От всего, что может причинить вам вред.

— Этьен мог мне навредить? — спросил Эйнар. — Или я ему?

Холгер вздохнул.

— Я попробую объяснить, но ты должен обещать, что не расскажешь ему о том, что сейчас узнаешь.

Молчаливый кивок был принят как клятва, и правитель продолжил:

— С матерью твоего брата я расстался еще до его рождения. Этьен появился на свет в чужом мире, вдали от меня. Жил там и там же мог умереть. Его смерть стала бы еще одной моей виной, ведь если бы я не отпустил Аллей и сумел найти решение, устроившее всех, этого не случилось бы... Но мне дали шанс. Четверо редко снисходят до нас, но в тот миг, когда Этьен остановился между жизнью и смертью, я говорил с одним из них.

Согласно официальной версии, представленной совету народов и известной Эйнару, старший сын правителя едва не погиб во время организованного неизвестными покушения, но был спасен и возвращен Огнем, жизнь дарующим. То есть исключительно по воле четырех, ибо всем известно, стихии-прародители солидарны в своих решениях. О том, что Холгер как-то причастен к этому чуду, не было произнесено и слова. До сегодняшнего дня.

— Да, я заключил договор с предвечными. Они предложили мне вернуть сына, и вместе с тем исправить ошибку, которой стало его рождение. Мне было сказано, что Этьен вернется, но не ко мне, а в мир, где родился, и я не имел права вмешиваться в его судьбу, как бы она ни сложилась. Тот мир стал его лабиринтом силы. Там он должен был найти себя и свой дар, и только после этого мог прийти в Итериан как шеар. Я не знаю, как связаны четверо с прорывами пустоты и могут ли они предрекать такие события, но они сказали, что Этьен придет в наш мир, когда будет нужен ему. И я не смогу отказаться...

— Почему ты должен был отказываться?

— Не должен был. Хотел.

— Почему?

— Потому что я не знал всего, когда заключал ту сделку, — резко ответил правитель. — Не знал, как отразится жизнь в мире людей на твоём брате. Единственное условие, которое я поставил тогда, — дать ему время. Человеческая кровь стала причиной слишком скорого взросления, и Этьен уже к пяти годам открыл в себе дар. Для ребенка это слишком большая ответственность. Я надеялся, что двенадцати лет отсрочки будет достаточно, но не учел того, что дар — это не только магия стихий. Мы ведь не задумываемся о выборе между тьмой и светом, у нас его просто нет. А у Этьена был. И он не стал выбирать. В мире людей он вобрал в себя оба начала. И сделал это так... неправильно... Свет он научился скрывать. А тьме порой позволял одержать над собой верх. Как обычный человек. И когда он получил силу шеара, продолжал думать и вести себя как человек, не оценивая всех последствий. Лишь здесь, в Итериане он понял... я надеюсь, что понял... Но не избавился от тьмы в сердце. И не избавится никогда.

— Но...

— Дослушай, — оборвал Холгер хотевшего что-то вставить наследника. — Я рассказал о своем условии, об отсрочке, которую попросил для Этьена. Но я не говорил о том, чего потребовали от меня. Первое — это молчание. Твой брат не должен знать, что я причастен к его возвращению. Невмешательство — второе. Этьен сам выбирает свою судьбу. Мне обещали, что он вернется. Что проживет двенадцать лет в мире людей и там обретет силу шеара. Что придет в Итериан, чтобы стать его спасением... И уйдет, чтобы не стать погибелью. Он вручит свою жизнь выбранному им самим миру — так мне было сказано. И я не знаю, как это понимать. Несколько лет назад я подумал, что обещанное вот-вот исполнится. Твой брат едва не отдал жизнь за Итериан... Вручить жизнь, отдать — это ведь можно толковать и так? Но Итериан — не тот мир, который он выбрал.

— Все равно не понимаю, — потрянул головой Эйнар. — Молчание. Невмешательство. Но ты все это время удерживал его на расстоянии. Он почти ненавидит тебя. И меня заодно. И маму, и бабушку — всю нашу семью. Это тоже было условием?

— Нет. Это было моим решением.

— Но зачем? Чтобы он не привязался к нам? К Итериану? Чтобы не захотел остаться?

— И это в том числе, — хмуро согласился правитель. — Но в первую очередь для того, чтобы не нарушать того зыбкого равновесия, что установилось в его душе. Ты можешь не одобрять меня как сын, но как шеар должен понимать. Твой брат с самого начала представлял угрозу. С первого дня, когда появился здесь. Он был эмоционально нестабилен, балансировал на грани. А мир был слаб, и всплеск тьмы в самом его сердце мог уничтожить его полностью. Но в то же время Этьен был нужен Итериану. И единственный выход, который я увидел, оставить его в том коконе, в который он сам себя упрятал.

— На девять лет?

— Они быстро пролетели. И хочется верить, не без пользы для твоего брата. Я постарался, чтобы он увидел и узнал как можно больше. Чтобы был готов ко всему. А он выбрал свой мир. И я уже говорил, так будет лучше.

— Конечно. Если он сорвется, с силой шеара, помноженной на силу тьмы, он уничтожит лишь свой мир. Маленький, никому не нужный мир. Предварительно вручив ему жизнь, естественно, и последнее условие будет выполнено.

— Не исключено, — правитель опустил глаза. — На все воля четырех.

— А я? — взвился Эйнар. — От чего ты оберегал меня?

— От привязанностей. От потерь. От сомнений, если однажды тебе придется выбирать между безопасностью Итериана и жизнью того, кого ты называешь братом.

— Даже так? — тень легла на лицо наследника. Но шеар — всегда шеар, и он понимал, что отец в чем-то прав. В чем-то, но не во всем. — Себя ты тоже избавил от сомнений?

— Еще до того, как он пришел в наш мир.

Дальше говорить было не о чем. И невозможно повернуть время вспять, чтобы вернуться в счастливое неведение. Жил же как-то без брата, даже зная, что он у него есть, вот и жил бы себе...

Эйнар поднялся на ноги. Молча поклонился отцу, прощаясь.

— Не забывай, ты обещал, что не скажешь ему ничего, — напомнил правитель.

— Не скажу.

На все воля четырех.

Оставшись один, шеар Холгер еще долго сидел неподвижно, а в отяжелевшей голове билась тревожно мысль: не лишился ли он только что еще одного сына?

— Он — шеар, — сначала раздался голос, затем прямо перед правителем вспыхнуло яркое пламя, спустя миг принявшее образ высокого длинноволосого мужчины. — Он поймет.

— Надеюсь, — пробормотал Холгер.

Огонь не являлся ему с того самого дня: некому было задавать вопросы, не от кого ждать ответов. Но новая встреча воспринялась как нечто само собой разумеющееся, словно они условились о ней заранее.

— Не нужно было нарушать наш уговор, — укоризненно покачало головой воплощение древней стихии, устраиваясь на полу, на том месте, где недавно сидел Эйнар.

— Я его нарушил? — пытаюсь вспомнить все и сразу, подался к гостю правитель. — Как?

— Не ты ли клялся, что твой сын никогда не узнает, что случилось тогда? А я разве уточнял, о каком сыне речь?

— Нет. Но Эйнар тогда еще даже не родился...

— Он — твой сын, — отрезал нежданный гость. — Значит, ты не сдержал слова.

— И что теперь? — севшим голосом спросил Холгер.

— Откуда мне знать? Если бы ты играл по правилам, я мог бы предсказать результат. Но ты их нарушил. Хотя... Ты ведь не все ему рассказал. О втором своем условии и не обмолвился.

— Этого ему знать не нужно, — твердо произнес шеар.

Ни ему, ни Этьену.

— Уверен? — пылающий лик приблизился, губы — лепестки пламени — изогнулись в полуулыбке. — Насчет Этьена? Знай он, это многое изменило бы. И, возможно, не в худшую сторону.

— Нет. Никогда.

Если бы Холгеру позволили, он забрал бы из памяти сына весь тот кошмарный день. Но ему отдали лишь полчаса, предшествующих появлению ильясу. И этого оказалось мало. Этьену следовало вообще забыть о темных слугах, а не только о том, кто их призвал.

— Если бы он не попросил вернуть ему память, я этого не сделал бы, — вскользь заметил Огонь. — Свою часть договора я соблюдаю. Даже пытался отговорить его. Но он упрям, как и его отец.

Что поделаешь — наследственность. Оба его сына таковы. Только Эйнар, задумывая что-то, умеет ждать, а Этьен идет напролом, словно до сих пор чувствует себя человеком, которому может не хватить жизни, чтобы добиться желаемого.

— Что есть, то есть, — подтвердил Огонь. — Но это уже не исправить. Как и многое другое. Например, того, что ты нарушил договор. Что бы ни случилась теперь, это будет твоя вина.

Правитель опустил голову. Даже реши он возразить, со стихиями-прародителями не спорят.

— А зря, — насмешливо укорило живое пламя. — Мог бы попробовать.

«Как? — хотел спросить Холгер. — В чем?»

Но Огонь исчез так же внезапно, как появился, оставив новые вопросы и новые страхи.

Возвратившись в мир людей за несколько часов до рассвета, Лили собиралась поспать, отложив все дела до утра. Но не вышло. Тревога. Разбуженная посещением Итериана память. Предчувствие, настолько смутное, что его следовало бы назвать предчувствием предчувствия...

Она просидела в кресле у окна до тех пор, пока в коридоре не засуетилась гостиничная прислуга.

Слышала, когда Этьен вернулся и, не заходя к себе, отправился к Феру. Каменные стены слово в слово передали дочери земли их разговор, и альва заволновалась еще сильнее.

Дом. Он действительно хочет остаться. Здесь. С ней. Эллилиатарренсаи помнила эту девочку, маленькую, испуганную, слабую, как все люди, и сильную, какими бывают лишь некоторые из них, а в остальном — совершенно ничем не примечательную. За прошедшие годы она почти не изменилась. Не прибавилось ни красоты, ни талантов, что выделило бы ее из безликой толпы. Она тряслась над оставшимися под ее опекой детенышами, тратила жизнь на рутину и находила утешение в играх с мертвыми цветами. Но Моана сказала, что заимствование не могло стать причиной столь крепкой привязанности. Значит, было в этой девочке что-то еще, чего Лили с ее даром и опытом никак не удавалось разглядеть.

Этьен купит для нее дом с садом и сам останется в этом доме. Он все уже решил, как и маленькая цветочница, пусть оба еще не сознались в этом ни друг другу, ни, быть может, самим себе, но Лили слишком долго жила на свете, чтобы не понимать, что за признаниями дело не станет.

Плохо, очень плохо.

Холгер прав — его старший сын может быть опасен. А может и не быть. Проведя рядом с Этьеном достаточно времени, альва сделала собственные выводы, и нашла решение.

Однако ее решение противоречило тому, которое принял правитель. Первый шеар считал, что достаточно удалить Этьена из Итериана, чтобы ликвидировать угрозу. Эллилиатарренсаи же напротив полагала, что лишь свет Дивного мира не позволит ему сорваться во тьму. Холгер должен был иначе принять сына, сделать так, чтобы он не захотел уже уходить. А вышло наоборот: с каждым годом пропасть между ними становилась все шире.

Первая причина — Аллей. Этьен искал ответы, и Холгеру нужно было дать ему их. Придумать — пусть, но такие, чтобы мальчишка поверил. Отговорки и недомолвки лишь распалили его подозрения и усилили неприязнь к отцу. Правитель сам подтолкнул сына к черте, за которой начиналась власть тьмы. А теперь еще и девчонка. Мало того что из-за нее подопечный Эллилиатарренсаи не желал возвращаться в Итериан, так и рядом с ней он

делался особенно уязвим. Даже силы шеара не хватит Этьену, чтобы защитить ее и все, что ей дорого. Ее боль станет его болью, и страх потери вытеснит из сердца свет...

К полудню в гостинице появилась Эсея. Альва услышала ее, хоть обычно земля плохо слышит воздух: девушка была чем-то расстроена, и эхо ее эмоций нервной дрожью отдавалось в стены.

Лили заглянула к ней, чтобы разузнать, что случилось, и порадовалась принесенному сильфидой известию: мир людей посетил не Холгер, а Эйнар. Маленький проныра верен себе. И это хорошо. Эйнар мог стать мостиком, который соединит Этьена и оставленный им Итериан.

Но что же делать с цветочницей?

Софи. Маленькая девочка, большая тайна. Этьен сумел спрятать ее ото всех.

А ведь знай Лили раньше...

Когда-то ей удалось помочь Холгеру забыть Аллей. Не стереть сильфиду-полукровку из его памяти, разум шеара не подвластен даже огненной силе флеймов, но освободить от болезненной привязанности, дать шанс на иные чувства.

С Этьеном тоже могло получиться.

Но теперь уже поздно.

Значит, Лили найдет другой способ защитить его. Но сначала ей нужно увидеть девушку. Посмотреть, почувствовать, какой та стала. Тогда можно будет что-то решать.

После встречи с братом Тьен долго бродил по улицам в попытке отвлечь себя видами обновленного города своего детства и отрочества. К вечеру, вспомнив о задании, которое дал Феру, встретился с флеймом, но ни один из выбранных тем домов не глянулся. Велел Фернану искать дальше, а сам вернулся к Софи. В квартиру не входил, хватило прошлого раза. Устроился на крыше. Смотрел на тусклые звезды. Слушал легкомысленные напевы ветерка, беспрепятственно проникавшего в жилище Хамнетов через распахнутые окна. Познакомился со старым чердачным котом. У того были пятна лишая на вытянутой морде крысолова, подранное ухо и усталый, полный житейской мудрости взгляд. Он спешил куда-то по своим кошачьим делам, но нашел минутку, чтобы посидеть рядом, и даже разрешил погладить себя по облезлой серой шерстке.

Утром шеар отлучился, чтобы выпить чашечку кофе и забрать со стоянки автомобиль, после чего вернулся за Люком.

Цветочный магазин был закрыт, а табличка на двери гласила, что сегодня желающие приобрести цветы должны обращаться непосредственно в оранжерею. Видимо, у Софи выходной. А подняться в квартиру, чтобы поздороваться, — совсем не то же самое, что заглянуть между делом в магазин.

Однако были и хорошие новости.

Во-первых, отсутствие госпожи Магалы. Софи отпустила с ним брата без наблюдательницы-сиделки — что это, как не демонстрация доверия?

А во-вторых, день рождения.

Но об этом шеар узнал не сразу. После процедур Люк предложил ему зайти в гости.

— У меня день рождения, — признался он просто.

— Сегодня? — растерялся Тьен. Из прошлой жизни он помнил, что мальчик родился летом, но узнать точную дату не подумал: сказала жизнь среди дивных, не отмечавших подобных праздников. — Сейчас?

— Остальные гости придут к двум...

— Я не опоздаю, — пообещал шеар.

Времени должно было хватить, чтобы найти подарок.

Слово Тьен сдержал, возвратившись минута в минуту.

Двери открыла Клер, в честь праздника сменившая привычные брючки на нарядное платье. Поздоровалась и прилипла взглядом к большой, туго обвязанной бечевкой коробке в его руках.

— Позови Люка, — попросил мужчина.

— Проходи в гостиную, — пригласила девочка. — Все уже собрались.

Он покачал головой:

— Лучше позови.

На кухне Софи звенела посудой и сердито бормотала что-то о том, что нужно было заказать столик в кафе, а теперь она ничего не успевает. Тьен помог бы, пусть и не смыслил ничего ни в готовке, ни в сервировке, но сначала нужно было поздравить напарника.

— С днем рождения!

Подарок вышедшему в коридор мальчику он не отдал, позволив лишь ощупать, — слишком тяжелый.

— Спасибо, — поблагодарил Люк. — А что там?

— Увидишь.

Мальчик непроизвольно скривился.

— Увидишь, — ничуть не смутившись, повторил шеар. — Для другого эта штука не предназначена. Поставлю пока в твоей комнате. — Он плечом толкнул дверь и огляделся. — Вот тут у шкафа, чтобы никому не мешал.

Люк кивнул.

— Там — кинопроектор, — пояснил Тьен, пристроив коробку в угол. — Пока только аппарат, катушки с лентами потом достанем. Если бы ты мне вчера сказал...

Губы мальчика задрожали, лицо вытянулось. Или заплачет, или наорет и прогонит прочь...

— Я говорил с доктором, — твердо произнес мужчина, сжав ладонями поникшие плечи именинника. — Прогноз благоприятный.

— Откуда ему знать? — хрипло выдавил подросток. — Он меня и не осматривал после первого приема.

— Прибор фиксирует данные во время терапии, — уверенно солгал Этьен.

Со словами шеара окружавшая Люка темнота становилась реже, пропуская проблески света. К вечеру, когда включатся электрические лампы, мальчик заметит, что различает уже смутные силуэты людей и предметов, — это будет еще одним подарком для него...

— Все получится.

— Ты сам веришь в то, что говоришь?

— Думаешь, я тратился бы на бесполезный подарок? — шутливо возмутился Тьен.

— Кто тебя знает, — буркнул мальчик.

— Ты.

Еще одна больная тема.

И неясно, кто из них больше калека...

— Люк, милый, не бросай гостей надолго, — голос Софи нарушил неловкое молчание. — Идите к столу, я сейчас подам жаркое.

Девушка остановилась в дверях, чтобы проконтролировать, как скоро ее просьба будет исполнена. В легком нежно-персиковом платье, при минимуме косметики на тонком личике, она казалась совсем юной девочкой, немногим старше той, которую он помнил все эти годы. Лишь подросла немного... в основном — благодаря двухдюймовым каблукам...

— Уже идем, — заверил сестру виновник торжества. — Тьен?

— Да, конечно. Только руки вымою.

Без проблем обходя возможные препятствия, мальчик направился в гостиную. А Софи, пропустив брата, так и осталась стоять, прислонившись к дверному косяку.

— Значит, говорил с доктором? — начала она с вопроса.

— Да.

— Мне нужно было поехать с вами хоть раз, а я...

— Ты была занята, — не позволил он ей корить себя попусту. — А я просто спросил.

— И что он сказал?

— То же, что и я Люку. Лечение уже дает результаты, и скоро он снова будет видеть.

— Спасибо, — девушка опустила влажно заблестевшие глаза.

— Не за что.

— Есть. За то, что не сомневаешься.

«Я так устала надеяться в одиночку», — слышалось в ее словах. С затаенной тоской, почти с отчаяньем — так, что захотелось плюнуть на все, на двухнедельный план, на липового доктора, и разобраться со всеми ее несчастьями раз и навсегда...

— Иди к остальным. — Софи улыбнулась, словно сама владела даром превращать печаль в радость. — Клер оставила тебе место рядом с собой, не ошибешься.

— Я думал помочь тебе...

— Ты уже помог. Но если хочешь, возьми соусницу.

Тьен ошибся, предположив, что, кроме него, у Люка собрались только ровесники. Да, было трое мальчишек и одна девочка — Тея, та самая. Вопреки опасениям напарника, весьма милая барышня, темноволосая, черноглазая и не по возрасту фигуристая. Чего никак нельзя было сказать о худощавой шатенке лет двадцати, сидевшей за столом рядом с молодым человеком, с первого взгляда показавшимся Тьену знакомым.

— Это Рене и его невеста Мишлин, — представила взявшая на себя роль хозяйки Клер. — А это...

— Этьен, — назвал его полным именем шеар, протягивая руку младшему брату Максимилиана Ружа.

— Очень приятно.

— Взаимно.

В отличие от Макса, Рене действительно производил приятное впечатление. Спокойный, доброжелательный, открытый. На брата он походил лишь чертами лица, блондинистой шевелюрой и атлетическим сложением. Но Тьен и до Итериана не судил о людях по внешности, и в его представлении сходство было минимальным.

Будущая госпожа Руж смущенно покраснела под слоем пудры, когда шеар коснулся губами ее пальцев. Кожа девушки впитала запах свежего дерева и столярного лака.

— Вы художница? — предположил он, не сдержав любопытства.

— Почти, — улыбка, искренняя и яркая, как праздничный фейерверк, мгновенно превращала Мишлин из длинноносой крыски в юную прелестницу. — Занимаюсь резьбой.

— Должно быть, увлекательное занятие.

Жаркое, а с ним и Софи, задерживалось, и Тьен успел познакомиться со всеми гостями Люка. Тея оказалась молчаливой скромницей, а мальчишки в присутствии взрослых старательно скромников разыгрывали, но получалось у них не слишком убедительно.

— Теперь все!

Водрузив в центр стола блюдо с ароматным, присыпанным рубленой зеленью мясом, Софи собиралась сесть между Люком и Клер, но маленькая хитрунья неожиданно вскочила с места.

— Давай поменяемся? Я хочу сидеть рядом с именинником!

— Клер, — девушка укоризненно покачала головой, но шустрая малышка уже перебралась со стула на стул.

— Жалко тебе, что ли?

Остальные не поняли истинного смысла маневра, но те двое, ради которых затевалась рокировка, оценили сполна. Однако спорить с девочкой, привлекая внимание к заурядному эпизоду, было бы глупостью с их стороны. А Тьену и не хотелось.

Далее все пошло своим чередом. По крайней мере, ему, никогда прежде не бывавшему на подобных семейных праздниках, казалось, что так они и должны проходить. Поздравления, тосты, общие воспоминания... Дети пили фруктовый сок и содовую.

Взрослые — вино. Мишлин разводила сухое красное водой. Рене смаковал каждый глоток, хоть напиток нельзя было назвать изысканным. А Софи отпивала немного и тут же отставляла бокал в сторону, чтобы вернуться к неспешной, не имеющей конкретной темы беседе...

Назывались места, где он никогда не был. Имена, которых он не знал. В какой-то момент шеар почувствовал себя чужим и ненужным. Даже рыжему Марку, самом младшему из мальчишек, находилось, что вставить в разговор, и тихоня Тея добавляла иногда пару слов, что делало ее своей в собравшейся в квартире Хамнетов компании, а ему только и оставалось, что молча слушать, пытаюсь запомнить, что, кто и когда, и уловить смысл понятных другим шуток. Пока его не было, мир Софи и Люка, в котором когда-то существовали лишь они трое, разросся, впустив в себя новых людей, и Тьену казалось, что каждый из этих чужаков занял слишком много места в родных сердцах, непоправимо вытеснив его... Но всякий раз, когда он уже порывался встать из-за стола и уйти, уверенный, что его отсутствия и не заметят, что-нибудь случалось. Что-то, на первый взгляд, незначительное, как упавшая на пол салфетка, за которой они с Софи одновременно наклонились, к радости хохотушки Клер, стукнувшись под столом лбами. Или Люк заговаривал об автомобилях, втягивая его в разговор. Или Рене интересовался, как ему нравятся радиорепортажи со спортивных состязаний... Новый мир не отказывался его принять, но он не спешил становиться его частью, еще помня тот, прежний, маленький и уютный. Потому и радовался отсутствию к себе чрезмерно пристального внимания. Должно быть, хозяева, еще до того как он пришел, как-то отрекомендовали его прочим гостям, и никто ни о чем больше не спрашивал, хоть Этьен и видел затаенное любопытство во взглядах Мишлин и ее жениха. Но пара стойко удерживалась от вопросов, а он не давал для них повода. В конце концов, кто ему эти люди? Разве они нужны ему?

...И опять он оставался вне тесного круга, снова чувствовал себя лишним, снова хотелось сбежать и вернуться лишь тогда, когда в доме не останется посторонних. И снова сидевшая рядом девушка невзначай касалась рукой и извинялась со смущенной улыбкой, Клер предлагала попробовать запеченные с сыром баклажаны, а Рене призывал наполнить бокалы...

Возможно, этот новый мир был не так уж плох.

Но где-то существовал другой мир — мир, который он кое-как построил вокруг себя, чтобы не остаться в пустоте. Генрих, Фер, Лили, Эсея, Кеони... Есть еще не друзья, но достаточно близкие знакомые в Итериане, которые нет-нет, но вспоминались. И семья правителя Холгера, так и не ставшая его семьей, но успевшая оставить отпечаток в основе созданного им мира.

Тьен не хотел думать, что будет, если их новые миры, его и Софи, когда-нибудь столкнутся, но эта мысль, однажды придя в голову, уже не покидала...

— Нам пора, — объявил Рене, вставая из-за стола.

— Уже? — Софи посмотрела на настенные часы. — Ты же говорил, что бракосочетание назначено на пять.

— Нужно еще заехать за аппаратом.

— Вы сегодня женитесь? — спросил Тьен невпопад.

Софи негромко вздохнула.

— Нет, — непринужденно рассмеялась Мишлин, скрашивая неловкость момента. — Наша свадьба осенью. Сегодня Рене снимает чужую. Запутался в числах и взял заказ на

такой день! Люк, дорогой, ты же не обижаешься?

Шеар мысленно поблагодарил девушку, за то, что она не добавила: «Мы же говорили об этом!». Говорили. И о том, что Рене — фотограф, и о том, что сегодня его еще ждет работа. Но Тьен не придавал значения ненужной информации о ненужных людях. А ведь это были люди Софи — ее друзья, частички ее мира.

— Тьен — сказочник! — просветила присутствующих Клер, будто надеялась списать его невнимательность на свойства творческой природы.

— Еще и какой! — слов Софи никто кроме него не расслышал, но никому другому они и не предназначались.

— Сказочник? — заинтересовалась Мишлин. — Что же вы молчали? Впрочем, у нас еще будет время поговорить об этом, да?

— Точно, — поддержал Рене. — Мы же увидимся завтра у Ами? Она сказала, что вы будете.

Вот об этом за столом точно не заговаривали.

— Мы еще не решили, — быстро ответила Софи. — Возможно, придем.

«Вы будете», «мы не решили» — Тьену это понравилось. Друзья девушки и она сама говорили о них так... вместе, что уже неважно было, что там за приглашение, и куда они возможно придут.

Пока Софи провожала гостей, он, примеряя на себя роль хозяина, убрал со стола оставшуюся после них посуду. Сложил в раковину, с удивлением вспомнив, как не любит ее мыть (уж чем-чем, а подобным в Итериане заниматься не приходилось!), и подумал, что им с Софи неплохо бы перебраться со своими тарелками и остатками вина на кухню. Дать детям пообщаться без присмотра старших, это же праздник Люка все-таки.

— Так куда нас зовут? — поинтересовался он у возвратившейся в квартиру девушки.

— Амелия... Кларисса пригласила нас к себе на вечер.

— Нас, — повторил мужчина не без удовольствия.

— Я не говорила, потому что еще не решила, хочу ли пойти.

— Обсудим?

Предложение посидеть на кухне было встречено без возражений, но и без явной радости.

— У тебя интересные друзья, — сказал Тьен, устроившись на новом месте и наполнив бокалы. Перед глазами всплыла картинка: сидящая на полу девочка и детский поезд, едущий вокруг нее по игрушечным рельсам. Кажется, до того дня она не пила вина...

— Странно, что ты это заметил, — усмехнулась Софи. — Похоже, тебе было скучно с нами. Спасибо, хоть не зевал.

— Нет, я...

Оправдаться ему не позволили: кто-то позвонил в дверь.

— Рене, — с теплом улыбнулась девушка. — Вечно что-нибудь забудет.

Она вжилась уже в свой новый мир, и вырвать ее из него будет непросто. Да и нужно ли?

Тьен думал об этом, пока Софи шла к дверям, пока проворачивался ключ в замке. От размышлений оторвал неожиданный всплеск эмоций, волной прокатившихся от прихожей: удивление, смятение... еще что-то... И прозвучавший следом мужской голос:

— Здравствуй.

Кому этот голос принадлежал, шеар не знал. Но точно не ушедшему несколько минут

назад фотографу.

— Здравствуй, Анри.

Тьен стиснул зубы и даже мысленно не выругался. Сдержался, чтобы не выглянуть в коридор...

Но это не значит, что не ничего видел.

Огонь жизни горел в сердцах тех, кого скрывали рукотворные перегородки. Тела их — спросите любого ученого — состояли из воды. Воздух и кирпичные стены чувствовали каждое движение, малейшую вибрацию. А ему оставалось лишь воспользоваться даром четырех, соединив воедино все, что могли рассказать стихии.

Уже не человек, но третий шеар Итериана прикрыл глаза, наблюдая изменившуюся перед внутренним взором квартиру. Свет дня превратился в затопившее все вокруг серое марево, в котором различались темные контуры предметов. Непроницаемые стены, пол и потолок стали прозрачным стеклом. Чернели провалы дверей и окон. Из белесых нитей соткались силуэты людей: дети в гостиной, соседи сверху, снизу, даже в квартире напротив можно было разглядеть какое-то движение... Но все они его не интересовали. Кроме двоих в коридоре... Тоненькая фигурка девушки и мужчина. Рядом с ней он казался великаном: высокий, широкоплечий... молодой и сильный, судя по тому, как часто билось его сердце, и раздувались легкие...

— Извини, я без приглашения. Хотел поздравить Люка... Ты же не против?

— Нет, конечно.

— А это тебе.

Цветы. Огромный букет. Воздух принес аромат хризантем...

Софи приняла подарок. И поцелуй... Скромный дружеский поцелуй в щеку... Позволила обнять себя. Ладонь мужчины скользнула вниз по ее спине, губы задержались у лица...

— Я скучал.

— Не нужно, пожалуйста.

Она высвободилась из объятий... А человек и не понял, как ему повезло. Посмей он ее удерживать, Тьен сломал бы ему руку. Без магии, сам...

— Прости.

— Проходи в гостиную. Люк будет тебе рад.

В следующую минуту она вошла на кухню.

Волновалась. Дышала чуть чаще. В глаза не смотрела.

Амелия говорила, что они расстались еще зимой. Но он, очевидно, заходит время от времени: не похоже, что до сегодняшнего дня они не виделись полгода. И вещи не забрал, во всяком случае, не все — Тьен помнил одежду, которую Софи предлагала ему взамен той, что облила Клер...

— У нас еще один гость, — проговорила девушка. Достала из шкафа вазу, чтобы поставить букет.

— Если хочешь...

«...я сделаю так, что он навсегда исчезнет из твоей жизни...»

— ...я уйду, чтобы не мешать.

Тьен сам не понял, зачем сказал это. Вспомнились герои куртуазных романов, безропотно принимавшие выбор дамы? Или испугался, что все-таки ломает что-нибудь «еще одному гостю»? Шею, например.

— Что за глупости? — Софи натянуто улыбнулась. — Ты никому не помешаешь. Анри — старый друг.

— Старый друг, — повторил шеар раздумчиво. — Как и я?

На этот вопрос она не ответила.

Старый друг Анри был не так уж стар. Около тридцати навскидку. И выглядел он так, словно сошел со страниц каталога мужской одежды: спортивная фигура, стильный костюм, аккуратная стрижка, белозубая улыбка... Немного растерянная, но как тут не растеряться? Пришел, понимаете ли, к невесте, ничего, что бывшей, а тут какой-то хмырь ошивается.

— Этьен, — первым протянул руку «хмырь».

— Анри.

Рукопожатие у него было крепким, ладонь сухой. В темно-карих глазах светилась неосознанная пока неприязнь.

— Этьен — старинный друг нашей семьи, — не глядя ни на одного из мужчин, пояснила Софи.

Услышав, что его повысили до старинного, шеар усмехнулся, и Анри, не видя повода для веселья, отреагировал подозрительным взглядом.

— Мы как раз перебрались на кухню, — закрепляя полученный эффект, по-хозяйски сообщил гостю Тьен, в то время как Софи доставала из серванта чистые тарелки. — Решили, что детям приятнее будет пообщаться без нас.

Дети молчали. Клер даже губу прикусила. Если бы Тьен в свое время не расспросил Амелию и не знал ничего об отвергнутом женихе, взволнованное личико девочки разъяснило бы истинное положение дел безо всяких слов.

— Хорошая идея, — Анри дополнил слова дружелюбным оскалом. — Люка я уже поздравил и думаю, он не будет возражать, если бокал за его здоровье я подниму в другой комнате. Правда, Люк?

Крепкий орешек. Впрочем, Тьен и не рассчитывал, что он тут же распрощается в расстроенных чувствах.

Для него же хуже. И сила четырех не понадобится...

Но весь азарт сошел на нет, стоило шеару посмотреть на девушку.

Нет, Софи не переживала из-за возможного выяснения отношений. Да и каких отношений? Кто они ей оба? Бывший квартирант и бывший жених? Она просто устала: встала пораньше, чтобы к приходу гостей навести порядок в комнатах, несколько часов провозилась на кухне, и заслужила отпраздновать день рождения брата в спокойной домашней обстановке.

«Буду паинькой», — мысленно пообещал ей Тьен.

Но сдержать обещание оказалось нелегкой задачей.

Не нравился ему этот тип. По всему видно, приличный человек, культурный, образованный, работа престижная, друзья в нем души не чают, барышни вздыхают тайком, собаки при встрече хвостами виляют. Вот этим всем и не нравился.

Был бы как давешний горе-валет, Тьен его мигом с лестницы спустил бы. Но разве Софи, его Софи, с подобным связалась бы? Нет, все правильно, она выбрала кого выбрала...

Но не осталась же с ним?

Опередив намерения идеального, но несостоявшегося супруга, шеар разлил вино.

— За Люка, — предложил он первый тост. — Пусть в его жизни не будет больше темных дней.

— За Люка, — поддержал Анри. Похоже, тоже дал себе зарок не нарываться на ссору.

— Попробуйте баклажаны, — продолжая изображать из себя хозяина, порекомендовал Тьен. — Вы такой вкуснятины никогда не ели.

— Ну почему же? — добродушно-снисходительно улыбнулся «несостоявшийся». — Ел и не раз.

Ел он!

Уел...

— Как у тебя дела? — воспользовавшись секундным замешательством собеседника, обратился к Софи гость. — Мы не виделись... недели две, да?

Мельком брошенный на Тьена взгляд выразительно подчеркивал: «Всего две недели назад тебя тут не было».

«А теперь есть, — так же, взглядом, ответил шеар. — И буду».

— Все хорошо, — рассеянно отозвалась девушка. — Как всегда.

Шеар отметил, что она не стала рассказывать о том, что нашелся доктор, обещающий вылечить Люка. Первая новость, которую она сообщила Амелии. Новость, которой успела поделиться с Рене и Мишлин. Но не с Анри. Какие еще нужны подтверждения, что он ничего уже для нее не значит?

— А ты как? — тем не менее, проявила ответную вежливость Софи.

— Да тоже... так же... Работа в основном.

«Да-да, — про себя усмехнулся Тьен. — Лишь уйдя с головой в работу, я могу отвлечься от мыслей о тебе, любимая. Я так несчастен и одинок, ты ведь видишь. Пожалей же меня...»

Нет, он ни на миг не заподозрил Анри в продуманной игре, но его искренность вызвала большее раздражение, чем вызвала бы откровенная ложь. Пальцы под столом сжались в кулак от желания приласкать несчастного...

— Кем вы работаете, если не секрет? — вмешался он в разговор.

Едва заметно пожал плечами, когда Софи взглянула вприщур, пытаясь отыскать в его вопросе подвох. Сама же упрекала в том, что он невнимателен к ее друзьям, вот он и уделит особое внимание этому другу.

— Я — адвокат. Занимаюсь преимущественно гражданскими делами. А вы, позвольте спросить?

— А я — не адвокат, — с шутливым сожалением признался Тьен.

— Какая интересная профессия, — оценил Анри.

— Мне тоже нравится. Еще вина? — Не дожидаясь согласия, он наполнил бокалы. — Предлагаю выпить за хозяйку этого дома.

За милую светлую девочку, которая была бы рада, если бы оба они ушли. Тьен так и сделал бы, если бы смог смириться с мыслью, что он уйдет, а тот, другой, останется, допьет вино, доест запеканку, засидится до позднего вечера, а прощаясь, снова ползет к ней с поцелуями и объятьями...

— Так чем вы все-таки занимаетесь, Этьен? — предпринял новую попытку «прощупать» его Анри.

— Ем баклажаны, — чистосердечно поведал шеар с набитым ртом.

И правда, вкусно. Раньше Софи подобного не готовила. Может, потому, что тогда еще не умела. Или потому, что зимой нет баклажанов, а летом не было уже его.

Впечатление от блюда портили не только воспоминания о прошлом, в том числе, о прошлом не случившемся, но и испытывающий взгляд не дождавшегося ответа адвоката.

— Имелся в виду не данный момент, — уточнил он, демонстрируя недюжинную выдержку. — Я спрашивал, кто вы вообще

— Я — сказочник, — признался Тьен. — Сочиняю истории для детей. И для взрослых иногда.

— И что, подобное увлечение приносит прибыль? — поллюбопытствовал Анри.

— Иногда. Но в основном оно приносит радость, и мне, и другим. А прибыль я получаю от доли в семейном предприятии. Но вы же интересовались, кто я, а не чем зарабатываю на жизнь. Или я снова неверно понял вопрос?

Адвокат открыл рот, но сказать ничего не успел.

— Софи! — с детской непосредственностью оборвала разговор взрослых влетевшая в кухню Клер. — Можно нам послушать пластинки? Пожалуйста!

— Да, конечно.

— Достанешь патефон? Или мне самой?

— Нет, самой не нужно, — Софи посмотрела на мужчин, сначала на бывшего жениха, после на бывшего квартиранта, и, убедившись, что их можно оставить без присмотра на несколько минут, поднялась из-за стола. — Я отлучусь ненадолго. Заодно узнаю у Люка, не пора ли подавать торт.

В дверях она еще раз обернулась, но увидела только невинные лица и благожелательные улыбки.

— Итак, господин сказочник, — не гася улыбки, Анри с хрустом размял пальцы, — вы занимаетесь любимым делом и при этом, можно сказать, неплохо обеспечены?

Отчего людей так занимает содержимое чужих кошельков? Тьена и в бытность его вальтером не интересовали карманы, в которые он не собирался запустить руку.

— Неплохо, — согласился он.

— А эти ваши сказки, их печатают? Можно купить в магазине и прочесть?

— Вам это интересно? — усомнился шеар.

— Ни капли, — без смущения сообщил человек. — Но я не знаю, о чем еще с вами говорить.

— А давайте, не будем больше разговаривать? — Этьен допил остававшееся в бокале вино и промокнул салфеткой губы. — Давайте, выйдем на улицу, и вы дадите мне в морду?

— Зачем? — удивился собеседник, будто предложение не пришлось ему по вкусу.

— Затем, что вам этого хочется. А мне развяжет руки: никак не могу придумать повод расквасить вам нос.

Анри негромко хмыкнул:

— Для сказочника вы весьма откровенны.

— Да мы, сказочники, вообще народ честный. Не адвокаты же.

— Если вы не заметили, Софи ушла, — мрачно произнес представитель упомянутой профессии. — А на меня ваше остроумие впечатления не произведет.

— В морду? — спросил Тьен с надеждой.

— Не дождетесь.

— Не дождусь, — вздохнул он. Подумал и свалил себе на тарелку остатки баклажанов. — Вы с Софи давно знакомы?

Анри бросил взгляд на дверь и тихо, но четко и торжественно, словно находился сейчас в зале суда и под присягой, выговорил:

— Мы собирались пожениться.

Шеар внутренне поежился, но внешне остался невозмутим.

— Что-то мы с вами совсем не понимаем друг друга, — протянул он с сожалением. — Я не спрашивал, какие у вас отношения... были. Я спросил, как давно вы знакомы.

— Давно. С прошлой весны.

— Н-да, давно. И что, она приходила в вашу контору за консультацией, или вам понадобился букет для любимой тетушки?

— Мы познакомились на поэтическом вечере, — ответила вместо мужчины неслышно возвратившаяся Софи. — В литературной кофейне.

Не используя дар, Этьен не сомневался, что не пропустит ее появления: ведь прежде в гостиную должна была зазвучать музыка. И она зазвучала, простенькая игривая мелодия, но девушка на тот момент уже вошла. Вернулась на свое место, пригубила вино и с вызовом посмотрела на него поверх бокала:

— Да, хожу иногда. Знаешь, там очень вкусный чай.

— И кренделя дешевые, — закончил он.

Что-то промелькнуло в ее глазах... Насмешка? Улыбка? Память о том дне, в котором он счастлив был бы сейчас оказаться?

— Кренделя, увы, подорожали, — вздохнула девушка, напомнив, сколько воды утекло с тех пор.

— Жаль.

— В подобные заведения ходят отнюдь не за тем, чтобы набить желудки, — вставил ни слова не понявший из их разговора Анри.

Этьен едва удержался, чтобы не засветить ему тут же в глаз. Не дожидаясь более подходящего повода.

Софи опустила голову.

Вышвырнуть бы этого адвокатишку и поговорить нормально...

— А вы, простите ответное любопытство, давно друг друга знаете? — спросил и не думавший прощаться человек. — Софи назвала вас давним знакомым, а я, признаться, до этого дня и имени вашего не слышал.

— Давно, — встретившись взглядами с девушкой, ответил Тьен.

— Да, — подтвердила она, не отводя глаз. — Десять лет.

Адвокат ошалело присвистнул.

— Да уж... Тем более странно, что ты ничего не рассказывала. Очевидно, знакомство было мимолетным?

— Нет, — бороться с нарастающим раздражением становилось все труднее, но Тьен старался. — Но обстоятельства нашего знакомства таковы, что о них не станешь рассказывать первому встречному.

— И что же это за обстоятельства? — не желал отступить Анри.

— Да такие вот обстоятельства... — шеар с ленцой потянулся. — Представляете, просыпаюсь я утром в чужом доме, голый. Как там оказался, не помню, в голове гудит... Зато рядом — очаровательная девушка.

Он понимал, что от злости — даже не на Анри, а вообще, на жизнь, на судьбу — его занесло, и не удивился бы сейчас возмущенному возгласу и жгучей пощечине... Но Софи, взглянув на застывшее лицо бывшего жениха, вдруг рассмеялась.

— Вот уж точно сказочник, — выдавила она, прикрыв ладонью рот. — И не придерешься ведь, все так и было.

Стало неудобно за то, что он вымещает свою злость в том числе и на ней. И пусть ему безразлично, что станет думать красавчик-адвокат, да и ей, наверное, тоже, иначе не хохотала бы до слез, но все-таки...

— Это случилось зимой, — сменив тон, заговорил Тьен серьезно. — Я упал в реку. Чудом выбрался, но потерял сознание и замерз бы насмерть, если бы Софи не нашла меня и не притащила к себе домой.

Снова ни слова лжи, хотя и не вся правда.

— Но десять лет назад, — Анри с недоверием смотрел на Софи. — Ты же была еще ребенком...

— Меньше, чем ты думаешь, — проговорила она, мыслями блуждая где-то далеко. — Но больше, чем мне самой тогда казалось.

— А твои родители? Как они...

Тьен устало потер виски. Разом прошли и злость, и надуманная обида на этого чужого, не только для него, но и для Софи, человека. Изначально чужого. Будь это не так, она обманывала бы его, ничего не рассказывая о своей семье или рассказывая неправду. Не жаловалась бы, но нашла бы способ поделиться тем, что пришлось пережить. А так... Пусть он просто уйдет...

— Тогда у меня уже не было родителей, — отпив вина, сказала девушка.

— Но...

— И с Тьеном мы были знакомы еще до того случая, — продолжила она, проигнорировав попытку мужчины что-то добавить. — Впервые мы встретились за несколько месяцев до этого. Также... при обстоятельствах. Я ukrала три листра в аптеке, а Тьен меня не выдал.

На адвоката смотреть было жалко.

— Да, ты многого обо мне не знаешь, — с горечью усмехнулась Софи.

— Это верно, — согласился мужчина. — Например, я и не подозревал, какое у тебя своеобразное чувство юмора. Прости, не могу оценить шутку.

— Да какие уж шутки. Всякое бывало. Я еще, можно сказать, воровской притон держала.

Игра в правду продолжалась: жил же у нее вор — вот вам и воровской притон.

Но эта игра уже не забавляла.

— А потом я в варьете работала, — Софи нервно хихикнула. — По ночам, да. Веселое, скажу вам, местечко.

Выходит, и этого она жениху не рассказывала. Не стыдилась, просто была для него такой, какой он хотел ее видеть. Но притворство — слишком тонкое искусство и тяжелое бремя для чистого сердцем человека.

Оглядев кухню, Тьен заметил на буфете графин с водой, поднялся из-за стола, наполнил стакан и подал его девушке, присев на корточки у ее ног.

— Не нужно вспоминать о прошлом.

— Не нужно, — повторила она эхом. — Так просто, да?

— Да, — успел сказать он, прежде чем Софи со злостью выплеснула воду ему в лицо.

...Было ведь уже. Слезы, обиды, вода в лицо. Сейчас еще и стакан грохнет...

— Просто, да? — стакан со звоном разбился о пол. — Забудем о прошлом, и все сразу же станет, как прежде?

— Не сразу.

— Ты хотя бы представляешь...

— Представляю.

— Ты даже не знаешь...

— Расскажешь.

— Ты...

Она вскочила на ноги, рванулась в сторону, но тут же затихла, оказавшись прижатой к его груди, мокрой от слез щекой к мокрой от воды рубашке. Маленькая и теплая. Родная. И он, зажмурившись, не желая видеть ничего вокруг, уткнулся носом в мягкие русые завитушки, вдыхал запах ее волос и слушал, как стучит, успокаиваясь, ее сердце...

Пока не хлопнула, закрывшись за чужаком, входная дверь.

— Анри ушел, — прошептала Софи, не покидая его объятий.

— Давно пора.

— Я отвратительно себя веду.

— Для особы с такой криминальной биографией это нормально, — неловко пошутил он.

Девушка вздохнула.

— Я должна извиниться.

— Перед Анри?

— Перед тобой. Я вспоминала только плохое, когда ты вернулся. Это неправильно. Ты ведь помогал нам тогда. И в последний день... Ты спас Люка, его мог сбить тот автомобиль. А деньги, которые ты оставил пригодились потом для Клер. Она сильно болела, и...

— Ты выручала меня чаще.

— Чем?

Он бережно погладил девушку по голове, убрал упавшие на лицо волосы и осторожно коснулся губами ее лба.

— Тем, что ты была.

Из гостиной слышалась музыка, и смеялись над чем-то дети. Показалось, что над их глупостью...

— Тьен, можно тебя попросить?

— Все, что угодно.

— Ты не мог бы сейчас уйти?

Растерявшись, он даже не подумал удержать ее, и девушка отошла к окну. Поправила стоявший на подоконнике цветочный горшок, из которого торчали острые пятнистые листья незнакомого шеару растения.

— Пожалуйста. Я устала и выпила слишком много вина. Увидимся завтра. Ты же заедешь за Люком?

— А... торт?

Софи обернулась, и он с облегчением вздохнул, увидев улыбку на ее лице.

— Я заверну тебе кусочек с собой.

Посещают порою мысли, которые, спроси тебя кто-нибудь о них, крайне сложно внятно сформулировать, до того они смутные и размытые, то ли ни о чем, то ли обо всем сразу. Но еще труднее от подобных мыслей отделаться. Чем бы ни занимался, как бы ни старался отвлечься, они с тобой. Словно надоедливая мошка зудит над ухом, и не жалит, и в покое не оставляет.

Эйнар промучился день, кое-как пережил ночь, а едва первые лучи солнца пробрались в комнату, решил.

В конце концов, отец не запретил. А если бы и запретил... Хватит, не маленький уже. И так долго держался в стороне, делая вид, что не понимает, что творится вокруг. Хотя не понимает же...

Но попробует разобраться.

Пришел в этот раз открыто. С первой секунды понял, что его слышали, и прислушался сам, выискивая, откуда докатилась волна недовольства.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Этьен, когда Эйнар, определив местоположение брата и убедившись, что тот один, вышел рядом с ним на покату, крытую ребристым шифером крышу.

— А ты?

Третий шеар Итериана сидел, прислонившись к закрытой чердачной дверце, в компании драного серого кота и, судя по всему, планировал пробыть тут до утра.

— Закатом люблюсь, — ответил он.

— Было бы чем, — Эйнар присел невдалеке и всмотрелся в потемневшее, раскрашенное винными потеками небо. Картину вечерней зари изрядно портили наползающие на нее разбитые крыши, уродливые трубы и повисший над фабричными кварталами смог. — Какой в городе закат?

— Какой есть, — отозвался Этьен. — Так зачем явился?

Об угрозах он не вспомнил, да и вообще, если сравнивать с прошлой встречей, казался почти дружелюбным. А причина столь благостного расположения была несколькими этажами ниже — Эйнар заметил ее, по оставшейся с недавних войн привычке обшарив окрестности, узнал и уже не удивлялся месту, облюбованному братом для ночлега.

— Хотел извиниться за вчерашний визит, — начал он.

— Извинения приняты, можешь идти, — тут же закончил Этьен.

— Вообще-то я думал, мы сможем поговорить.

— Не о чем, — отрезал брат, мрачней на глазах. Или это солнце уже спряталось за крыши?

— Ты со всеми так или только со мной?

— Не только. Но ты в числе избранных.

Нет, солнце тут ни при чем. А казалось, в этот раз удастся пообщаться.

— Это из-за отца? — поинтересовался наследник уныло.

Брат покосился в его сторону и насмешливо хмыкнул:

— Эйнар, сколько тебе лет? У меня чувство, что я конфету у ребенка отбираю.

— Я не ребенок, — насупился младший шеар... или старший, тут смотря как считать. Если не от дня рождения, а по прожитым годам...

— Оно и видно, — ухмыльнулся Этьен. — Ладно, я сегодня добрый. Говори.

— Что? — растерялся Эйнар.

— Что собирался. Ты же поговорить пришел. Вот и говори.

— Я хотел спросить...

— Спрашивай, — разрешил брат. — Отвечу. На три вопроса.

— Почему всего на три?

— Потому что в сказках обычно так. Три желания, три вопроса. Вот я и ответил на первый.

Возмутиться или возразить Энар не успел: с хрустом расколов шифер, в крышу между ним и Этьеном ударило копьё с широким наконечником. Знакомое такое копьё.

Братья непроизвольно переглянулись и разом обернулись к владелице оружия.

— Что? — сильфида недоуменно свела брови к переносице, прочитав что-то неодобрительное в глазах командира. — Ты же сказал, что не желаешь больше его видеть.

— Хм... — Этьен задумчиво потер подбородок. — Ну, во-первых, ты опоздала, и я его уже увидел. Во-вторых... ты промахнулась.

— Могу получше прицелиться, — пробурчала девушка.

— В другой раз.

Эйнар не понял, шутка это или приказ. Хотелось верить, что первое.

Эсея выдернула копьё, и оно растворилось в воздухе. Без него она выглядела обманчиво хрупкой и беззащитной.

— Если что, я буду рядом.

— Нет, ты будешь где-нибудь подальше. В гостинице, например.

— Но...

— Не обсуждается! — сердито рявкнул Этьен.

Сильфида зло сверкнула глазами (в сторону Эйнара почему-то) и исчезла, как за минуту до этого ее оружие.

— Наглая девица, — заметил наследник. — Как ты ее терпишь?

Брат поглядел на него с раздражением, в следующий миг сменившимся едкой усмешкой.

— Итак, твой второй вопрос: как я ее терплю?

— Нет, это издевательство какое-то! — Эйнар в сердцах ударил кулаком по крыше и проломил шифер с другой стороны от себя. — Нельзя так разговаривать.

— Я тебя не держу, — равнодушно произнес брат.

— Ладно. Рассказывай про свою сильфиду. Может, и я научусь сносить неповиновение свиты. Правда, мне такое умение ни к чему, меня, в отличие от тебя, уважают и перечить не смеют.

— Кишка тонка, — снисходительно бросил Этьен.

— У ко... гм... — Хорошо, что не договорил, а то зачлось бы как третий вопрос.

— У тебя, младшенький, кишка тонка. Думал поддеть? Так мне твои поддевки до задницы. Пусть тебе твоя свита хоть ноги языками моет, но мои, они — мои, ясно? Все вместе и каждый в отдельности. А что касается Эсеи, то она на особом положении, и тебе за вчерашнее надо бы навалить как следует. Но раз уж ты в каком-то смысле мой брат, вас это, можно сказать, уравнивает.

На в каком-то смысле брата Эйнар обиделся, но виду не подал.

— Эсея — одна из немногих, кто выжил в горах Энемиса, — разъяснил Этьен. — Семья моей матери жила там же. Я хотел найти кого-нибудь, когда немного освоился в Итериане,

но оказалось, что даже гор уже нет. А потом пришла Эсея. Мы этого не обсуждали, но поскольку внутри родов все каким-либо образом связаны... В общем, я предпочитаю думать, что она мне какая-нибудь троюродная сестра или племянница. Или тетка. А с учетом продолжительности жизни детей стихий, когда разница между братьями исчисляется столетиями, то, быть может, четвероюродная прабабка... Чем четверо не шутят? Слишком дивно все в Дивном мире, слишком сложно...

— А у людей проще, да? Потому ты и...

— Да, — не дал договорить Энару брат. — Я ответил на твой последний вопрос.

— Нет! — разозлился наследный шеар. — Не ответил. Я не закончил. Полностью вопрос звучит так: у людей проще, и поэтому ты решил жить среди них, думаешь, в людском мире сам станешь человеком, и будет легче?

— Я ответил именно на этот вопрос, — спокойно произнес Этьен. — Да.

— Ничего у тебя не выйдет! Хочешь знать, почему?

— Это уже четвертый. И нет, не хочу.

— Потому что ты — шеар, и ничто этого не изменит. И дело не в том, что ты не такой, как люди, а в том, что люди не такие, как ты. Ты отказываешься использовать дар четырех, чтобы чувствовать себя человеком, но человек, получи он подобную силу, ни за что не стал бы пренебрегать ею. Любой из них... — Эйнар вскочил на ноги и обвел руками готовящийся ко сну город. — Любой за то время, что ты уже тут, использовал бы такой дар, чтобы получить как можно больше. Власть, славу, богатство... женщину, которая ему нравится... А не сидел бы на крыше...

Он выпалил все это на одном дыхании, одновременно готовясь отбить атаку: да, Этьен мог бы... Но прежде пусть выслушает!

Однако защита не понадобилась. Брат, не сдвинувшись с места и не взывая к стихиям, покачал головой:

— Ты невысокого мнения о людях.

— Я их знаю. Не так хорошо, как ты, но знаю. Хочешь поспорить?

— Нет, — Этьен усмехнулся. — Не хочу. И я уже ответил больше чем на три вопроса, ты заметил?

— Заметил. Значит, мы можем поговорить без этих глупых правил.

— Нет. Это значит, что тебе пора, — третий шеар Итериана встал и, легко удерживаясь на покатой крыше, церемонно поклонился. — Не смею задерживать.

Вроде бы и поговорили, а пришли в итоге к тому, с чего начали.

— Уйду, — решил не спорить Эйнар. — Но раз ты уже нарушил правила, ответь еще на один вопрос. Что есть в этом мире... Нет, не так. Что такого в этой девушке, Софи? Почему она? Я не увидел в ней ничего, что...

— Не увидел?

— А должен был?

— Возможно, — брат выглядел растерянным, словно Эйнар в самом деле проглядел нечто очевидное. — Она... светится...

— Извини, но... То, что я чего-то не увидел, не означает, что этого нет. Может быть, ее свет только для тебя.

И не так уж не прав отец, отпуская старшего сына туда, где для него горит свет: как еще победить живущую в нем тьму?

Получив ответ, наследник трона Итериана подумал, что хватит на сегодня искушать

судьбу. Разговор, какой-никакой, состоялся. Спустя время можно повторить...

— погоди! — Этьен окликнул его за миг до того, как он собирался открыть проход. — Позволишь и мне кое о чем спросить?

— Да, конечно.

— Мне немного неудобно...

Эйнар напрягся, ожидая какой-нибудь каверзы.

— Я, действительно, нечасто использую силу. Не умею. В смысле, умею не все. В Итериане и в других мирах нужны были только определенные навыки, но в обычной жизни... Короче, что делать, если прямо сейчас я хочу выпить чашечку чая, но не хочу спускаться и идти в кафе? И тащить из того же кафе, пугая людей, не хочу.

— Чая? — опешил младший шеар. — Какого чая?

— Черного. С бергамотом.

— Ты серьезно? — подозрительно уточнил Эйнар.

— А что, похоже, что шучу?

Брат выглядел сердитым, немного смущенным, но никак не задумавшим розыгрыш шутником.

— Чай — это легко, — махнул рукой Эйнар. — Тащить у людей из-под носа в самом деле не стоит. Если только не планируешь потом подчистить им память. Некоторые из детей стихий развлекаются подобным образом, но мы же шеары — мы должны блюсти порядок в мирах... Поэтому сначала незаметно берем чашку... где-нибудь, где ее пропажу не сразу заметят. В том же кафе, например...

Огненная вспышка — автомобильные фары, тлеющая сигарета, электрическая лампа под потолком ресторанной кухни — короткая цепочка перемещений, и чашка из тонкого белого фарфора уже в руках.

— Теперь смотрим, кто и где пьет сейчас чай. Черный с бергамотом. Я насчитал одиннадцать чайников поблизости...

— Четырнадцать, — на мгновение прикрыв глаза, уточнил Этьен.

— Возьмем понемногу из каждого. Разные сорта, но будет даже вкуснее. И... вот!

Довольный, словно только что в одиночку закрыл разрыв над столицей Итериана, Эйнар протянул брату наполненную до краев чашку.

— Спасибо, — поблагодарил тот. — Сделай и себе.

— Зачем?

— Торт есть будем.

— Какой? — растерялся Эйнар.

Брат достал из-за трубы какой-то сверток и осторожно развернул пропитавшуюся жиром бумагу. Вынул из кармана складной ножик.

— Бисквит, сливочный крем, вишня и шоколадная глазурь, — сообщил он, отковырнув немного от порядком помявшегося куска.

— Звучит вкусно, — решил не отказываться Эйнар.

— Не только звучит.

Наследный шеар, не мешкая, сотворил себе чашку чая, попутно прихватив пару блюдце и вилки.

— Выходит, мы все же поговорим? — спросил он с надеждой.

— Выходит, мы будем есть торт, — угрюмо ответил брат. — А разговаривать во время еды в этом мире неприлично.

Он разделил угощение на две неравные части: больший кусок забрал себе, меньший пододвинул Эйнару. А коту поставил блюдце с мясными обрезками — добыл их так быстро, что не верилось в то, что он делает это впервые. Или схватывает на лету, или не так уж ему нужна была помощь с чаем...

Все люди одинаковы. Схожи в пристрастиях, ошибках и слабостях. В мечтах и разочарованиях. В способах, которыми стремятся добиться первого и справиться со вторым...

Например, у большинства из них, как правило, у мужчин, принято топить беды в бутылке. Глупо, спиртное лишь сильнее распалит сжигающее душу пламя. Но так уж у них заведено. Если не пить, то хотя бы посидеть на летней террасе ресторана, сжимая в пальцах бокал из толстого стекла с плещущимся в нем жженым вином, глядеть на реку, отражающую закатное зарево, и проплывающий по ней пароход, думая, что точно так же проплывает сейчас мимо жизнь...

— Вы позволите?

— Да-да, конечно.

Люди предсказуемы. На террасе хватает свободных столиков, но воспитание или же то смутное недочувство, что возникает в душе молодого мужчины при взгляде на красивую женщину, не позволяет ответить отказом. Однако завязывать разговор он не торопится.

Расторопный официант приносит меню. В его глазах куда больше интереса, почти откровенная похоть: люди слабы, мало кто может противостоять очарованию дочерей Итериана.

— Кофе, пожалуйста.

А он уже приготовился записывать, наклонившись к столу, вдыхая запах ее волос, ловя каждое движение полных вишневых губ...

— Сей момент.

В голосе слышится сожаление. Но что ей за дело? Не он ее цель. Не в его мыслях прячется ответ на вопрос, не дающий ей покоя. А тот, на кого она сегодня охотится, по-прежнему греет в ладонях бокал и щурится, провожая взглядом прогулочный пароходик.

— Хорошо сегодня, — заговаривает она первой, пригубив принесенную к столу чашку с благоухающим напитком. Кофе слегка пережарен и горчит, но все же ей нравится его вкус. Ей мало что нравится в людских мирах, кроме кофе...

— Хорошо? — словно удивляется сидящий напротив мужчина. — Я бы так не сказал.

— У вас что-то случилось?

Людям тяжело нести бремя своих коротеньких жизней в одиночку. Даже самые сильные из них хотя бы в затаенных мечтах стремятся разделить его с кем-нибудь. Выговориться, облегчить душу, как они это называют. Но часто закрываются от друзей и родных, от тех, кто действительно в состоянии помочь, предпочитая случайных собеседников, будто верят в то, что с окончанием разговора все проблемы уйдут вместе с чужаком. А она готова выслушать, и он знает это: видит в ее внимательных синих глазах, читает по участливой улыбке. Но если этого недостаточно, есть и другие средства подтолкнуть его к откровенной беседе. Людям нечего противопоставить древнему волшебству альвов.

— Я... — мужчина долго смотрит в стакан, точно испрашивает у кого-то на дне разрешения высказаться. — Я расстался с девушкой. Вернее, мы разошлись несколько месяцев назад, но до сегодняшнего дня поддерживали отношения... дружеские, и у меня оставалась надежда. А сегодня — все.

— У нее появился кто-то, — кивает она понимающе.

Она многое понимает, но ему не нужно этого знать...

— Да. Или нет... Старый друг, она так сказала...

Он залпом опустошает бокал и, подзвав официанта, заказывает еще бренди, сам не понимая, что ему не выпивки не хватает, а слов, чтобы объяснить свои чувства. Мог бы промолчать, молчал бы. Но чары не отпустят, пока сердце не сбросит груз переживаний.

— При чем тут варьете? Как будто я не знал. Мир тесен, всегда найдется кто-то... А это — лишь работа. Нужно знать Софи — она не из тех девушек... Но она не рассказывала, и я решил, что для нее это неприятные воспоминания. И все остальное, о чем они говорили сегодня, такая же чушь, я уверен... Но они говорили так... Для них меня просто не было. Были только они, и они понимали друг друга без слов, а мне...

— Так бывает, — приходит она на помощь, поняв, что человеку никогда не объяснить случившегося ни ей, ни себе. — Когда двое связаны настолько крепко, это видят даже люди... Видят люди со стороны, я хотела сказать.

— Да, видят, — соглашается он угрюмо. — И это неприятно. Поэтому я ушел.

Принесенный официантом бокал уже не задерживает, как предыдущий: подхватывает прямо с подноса, тут же выпивает и возвращает на поднос вместе с выхваченной из кармана бумажкой. Требуется еще.

— Сегодня ушел, — заключает, зло стиснув кулаки. — Но еще вернусь.

Все люди одинаковы. Цепляются за мечту, бегут за иллюзией счастья, верят в то, во что хотят верить, впустую растрчивая и без того недолгие жизни.

— Зачем вам это? — она пододвигается поближе. Проводит ладонью по его руке, от сжатых в кулак пальцев вверх, к плечу. — Вы молоды, недурны собой. Встретите еще свою женщину.

— Мне никто не нужен, кроме Софи.

— Вам это кажется.

Она обнимает его за шею и, медленно подавшись вперед, целует в губы. И на террасе, и среди прогуливающих рядом по набережной нет мужчины, который не завидовал бы ему... А она пьет его, как за минуту до этого кофе. Его мысли, его чувства. Пробует их на вкус, переживает вместе с ним потерю по имени Софи, тянет все, что можно вытянуть о маленькой цветочнице, к которой сейчас, когда ее охраняют, точно величайшее сокровище всех миров, не может подобраться сама...

Она видит ее в отражении его желаний, простых человеческих желаний, общих для большинства. Уютный дом, теплые семейные вечера, жаркие ночи, встречи с друзьями, прогулки и душевные разговоры, в обозримом будущем, как закономерный итог, — ребенок... Счастье, расписанное день за днем, вплоть до спокойной старости. Он дал бы ей его. Но девочка, глупенькая и наивная настолько, что даже не догадалась, сколь глубокий след оставила в сердце мужчины, устоявшего перед чарами не одной опытной красавицы, сама отказалась от этого счастья, мечтая о чем-то другом... о ком-то другом... Она никогда не принадлежала ему. Но он не знает об этом, и теперь это единственное его утешение...

— Вы... — человек с недоумением глядит в лицо прекрасной незнакомки, только что оборвавшей внезапный поцелуй. Тянется к бокалу, забыв, что тот уже пуст.

— Простите, — улыбается она, словно всего лишь задела его плечом.

— Ничего, — бормочет он и улыбается в ответ, еще не подозревая, какой подарок получил от нее.

Людам сложно понять, что подарком может быть не только то, что тебе дают, но и то, что у тебя забирают. А она забрала его несбывшуюся мечту, открыв дорогу к другим, к тем, что еще могут исполниться.

Он мнетя в растерянности, не найдя, что сказать, а она допивает кофе и оставляет под чашкой сложенную банкноту: официант порадуетя — она не собирается дожидаться сдачи.

— Вы уже уходите? — приходит в себя мужчина. Вскакивает со стула, едва его не опрокинув. — Позвольте вас проводить?

— Не стоит, — качает она головой.

Смотрит в последний раз в темные, как надвигающаяся ночь, глаза и думает, что избавив его от ненужных иллюзий, сделала подарок куда больший, чем надежда на новое счастье. Возможно, подарила жизнь. Кто знает, была бы судьба благосклонна к нему, решишь он встать на пути у того, чьей силы хватит уничтожить целый мир?

Нет, пустое. Ничего бы с ним не случилось — его просто нет для тех двоих.

Он — ничто. Даже нужной информации от него получить не удалось.

Значит, придется найти способ подобраться к девушке.

Что-то изменилось.

Хрустнул лед обид, покрылся мелкими трещинками, похожими на лучики рожденных теплой улыбкой морщинок на родном лице. Ярче стал свет надежды, четче абрис смутного до поры будущего. И не на крыше бы сидеть в обществе облезлого кота и надоеды-братца, а вернуться к Софи, найти предлог или просто, без повода, позвонить в дверь...

Но чего бы ни требовало беспокойное сердце, умом Тьен понимал: нельзя. Не сейчас, пока все так зыбко, пока не стаявший еще лед может вновь затвердеть от одного неосторожного слова или взгляда.

К тому же она сама сказала: до завтра.

Значит, до завтра.

Значит, крыша, кот и Эйнар.

К коту претензий не было. Тот, расправившись с угощением, свернулся клубком и лишь изредка напоминал о себе сытым урчанием.

Эйнар же осмелел от безнаказанности. Сначала слово, потом — два, а теперь уже говорил без умолку. Впрочем, треп его был вполне безобидным, щекотливых тем младшенький не касался, обходясь рассказами о своих «нерабочих» визитах в другие миры. Попробовав торт, вспомнил какие-то экзотические десерты, коих довелось однажды вкусить. Глядя на фабричные трубы, заметил, что там, где люди лишены возможности использовать магию стихий, быстрее развиваются технологии. Зацепившись за это, плавно перешел к автомобилям, и тут выяснилось, что обсуждать достоинства и недостатки самоходного транспорта, придуманного в различных мирах, Эйнар мог долго и обстоятельно. Тьен долго и обстоятельно не хотел, но волей-неволей слушал, вспоминая, как сам когда-то провожал влюбленным взглядом рычащих моторами, окутанных ароматами бензина и горячего металла красавиц. Что ж, нечто общее у них с братом было... давно...

А внизу Люк с недоверчивой улыбкой ощупывал воздух вокруг себя, пытаясь угадать, что скрывают замелькавшие перед глазами пятна.

— ...вот здесь, темное... Окно? И здесь... А это — шкаф?

Софи, закусив губу, размазывала по щекам слезы и тушь с ресниц. Клер хлопала в ладоши.

Хотелось быть рядом с ними. И Тьен был там, невидимый, неслышимый, неосязаемый.

По-прежнему оставаясь на крыше, слыша при этом увлеченную болтовню брата, он касался легко дорогих ему людей, успокаивал взволнованно бившиеся сердца, нашептывал ласково, что теперь — вы же верите? — теперь все будет хорошо.

И улыбался, отворачиваясь от почувствовавшего что-то и умолкшего вдруг Эйнара.

— Так о чем я, собственно... — молчание оказалось недолгим. — Твой автомобиль, уж прости за откровенность, посредственный образчик местной техники. Вид презентабельный, но в остальном — не лучший выбор. Двигатель недостаточно мощный, большой расход топлива...

— Тебя дома не заждались? — перебил дотошного автолюбителя Тьен.

И правда, пора бы честь знать. Посидели вот, почти по-родственному. При случае, через годик-другой, можно и повторить.

— Нет вообще-то. Но если ты хочешь, чтобы я ушел...

Эйнару было немногим за пятьдесят. Смутный возраст для итерианца. Уже не ребенок, но еще и не взрослый. Вернее, в чем-то совсем еще мальчишка, подросток немногим старше Люка, а в чем-то вполне уже взрослый мужчина. Дети стихий развиваются иначе, чем люди, — за время, проведенное в Дивном мире, Этьен это понял. Сам он, будучи отчасти человеком и пройдя в родном мире жесткую школу жизни, повзрослел куда раньше и безо всяких оговорок считал себя старше обиженно насупившегося мальчишки. Тот дулся так по-детски, что возникали сомнения: уж не притворяется ли. Ведь даже с учетом особенностей взросления стихийников, Эйнар был шеаром. Тридцать лет его жизни забрала последняя волна. Чужие миры. Опыт. Знания. А с другой стороны, и среди человеческих детей рождаются уникалы, к десяти годам осваивающие сложные математические вычисления, законы механики или сочиняющие виртуозные поэмы и сонаты. Но при этом они остаются детьми. Играют с игрушками, ковыряются в носу, дергают за косички соседских девчонок... Ну а то, что Эйнар — шеар, — всего лишь свойство доставшейся ему от их общего отца крови. Это не талант или выпестованное годами умение — это сила. Иногда ты управляешь ею, но чаще — она тобой...

— Оставайся, если хочешь, — махнул рукой Этьен.

Даже занятно, если подумать. Раньше не было ни желания, ни времени думать о том, что у него есть брат. Он просто знал, что у Холгера есть еще один сын, а как брата наследника итерианского престола никогда не воспринимал. Да и сейчас, если честно, родственными чувствами не проникся. Но настроение было хорошее, а младшенький почти не мешал.

— Знаешь, я тебя понимаю, — обращался Эйнар к нему, а глядел отчего-то на кота. — Пока ты не объявился в Итериане, я о тебе вообще не знал. Потом... Ну, интересно стало Обидно немного, но ты ведь ни при чем, а отец... давно же было, еще до мамы... Поговорить пытался, познакомиться... Помнишь? А ты мне... Вот я и решил, что не нужны мне никакие братья. Но это неправильно...

— Расскажи про лабиринт, — перебил Тьен. Если суждено и дальше терпеть этого говоруна, так лучше уж, пользуясь случаем, узнать что-то, возможно, небесполезное. А о лабиринте силы, пройдя который избранные первозданных стихий обретали силу четырех, прежде расспросить было некого: не случалось так коротко пообщаться с другим шеаром. Не с Холгером же было чаевничать?

Мальчишка, секунду назад лепетавший невнятные оправдания своему любопытству, в один миг превратился во взрослого, многое повидавшего мужчину. Брови сошлись у

переносицы, появились в уголках плотно сомкнутых губ жесткие складки.

— О таком не говорят, — произнес он. — Лабиринт у каждого свой. Никому другому не дано его увидеть. И объяснить не получится. Я думал, ты это понимаешь.

Тьен понимал. Но напоказ пожал плечами и кивнул с высоты на погружившийся во мрак ночи город:

— Вот мой лабиринт. Разве ты его не видишь?

Эйнар покачал головой:

— Лабиринт не там. Он здесь, — приложил ладонь к груди. — Он внутри тебя, а не наоборот. И ты продолжаешь идти по нему даже после обретения силы. До конца.

— А что в конце?

— Видимо, свобода...

Или пустота.

Если дети стихий, умирая, возвращаются к своим началам, чтобы однажды родиться вновь, что происходит с шеарами? Их сущность разрывают между собой четверо, возвращая себе дарованную когда-то силу? Но ведь дар неделим. Что, если лишившись телесной оболочки, он преобразуется во что-то... противоположное? Нечто, поглощающее огонь, воду, воздух и землю. Ничто, нейтрализуемое лишь с помощью объединенной силы четырех? Антисила. Плюс на минус...

— Никто не знает, — сказал Эйнар, словно услышал не заданный вопрос. — Бывает, что стихийники помнят свои прежние воплощения, но нет никаких сведений о переродившихся шеарах. Когда-то дед рассказывал мне, что со смертью шеара рождается новый мир, вбирающий в себя его землю, воздух, воду и огонь. В этом есть логика, да?

— Да.

«Талант у меня, не иначе, — думал Тьен, разглядывая появившиеся в небе первые звезды. — Заведешь пустячный разговор, а выходит... ерунда полная!»

— И что не так с моим авто? — поинтересовался он, прервав затянувшуюся паузу.

— В принципе, ничего страшного, — отозвался Эйнар, вычеркивая последние минуты разговора и превращаясь опять в простого, увлеченного механикой парня. — Ездит же? Но если позволишь, могу подправить кое-что. Модернизировать, так сказать.

Не много ли для одного раза? И тортом поделись, и машинку дай поиграться.

— Валяй, — согласился Тьен, вспомнив планы на прощальный банкет.

Следующего раза может и не быть.

После затеянной Эйнармом модернизации, пришлось поутру возвращаться в гостиницу: нужно было переодеться и выкупаться. Но следовало признать таланты брата, автомобиль теперь буквально летал.

— Надо же, кто почтил нас своим присутствием!

Стоило набрать ванну, в номере, игнорируя замки и запреты, появилась Лили.

— Я могу побыть один? — не желая ссоры, вежливо осведомился Тьен.

— Можешь, — разрешила женщина. — После того, как я уйду.

Передернув плечами, шеар продолжил снимать испачканную мазутом, провонявшую бензином и маслом одежду.

— Я никогда не считала тебя безответственным, но, видимо, ошибалась, — демонстративно отвернувшись, высказала ему дочь земли. — В то время, как ты развлекаешься, мы торчим на этом убогом постоялом дворе, ненужные и забытые. Прости, но это недопустимо. Отошли нас, придумай какое-нибудь задание, но не выказывай так откровенно пренебрежение. Хотя бы Эсее и Кеони — нам с Фермом вынужденное безделье в радость, а молодежь может воспринять это как обиду.

— И Эсея, и Кеони без дела не сидят, — с наслаждением растянувшись в ванне, ответил Этьен. — Я дал им задания и, следуя твоей логике, они должны быть просто счастливы.

— Не язви, — бросила через плечо альва. Вдохнула и принялась собирать разбросанные по полу вещи. — Ничего не хочешь рассказать?

— Ты ведь и так все знаешь.

— Не знаю, но могу догадываться. Провел ночь с ней?

В голосе женщины, рассматривающей большое сальное пятно на рукаве еще вчера новой рубашки, промелькнуло удивление.

— Нет, — улыбнулся ее замешательству Тьен. — С Эйнармом.

Вот теперь удивил ее по-настоящему. Но не было ни времени, ни желания ничего разьяснить.

— После расскажу.

— А сейчас спешишь?

— Да. Только к Феру заскочу на два слова.

Вчера удача благоволила ему, и если милости этой капризной барышни распространялись на все его задумки, дядюшка Фернан, возможно, подыскал подходящий дом.

— Только к Феру? — переспросила без ложного стеснения развернувшаяся к нему альва.

— А что?

Лили ответила укоризненным взглядом:

— К Генриху заглянул бы. Или о нем ты тоже забыл?

Уходя, она бесшумно прикрыла за собой дверь, но отчего-то показалось, что захлопнула с грохотом.

Фернан порадовал.

Едва Тьен поймал посланную флеймом картинку-проекцию, понял: именно такой дом им и нужен. Достаточно просторный, обставленный без лишней вычурности, уютный. И

дворик радуется глаз пышными клумбами. И беседка в саду...

— Я занят, так что оформишь купчую сам. На мое имя.

— Ты действительно собираешься остаться? — не выказывая лишних эмоций, спросил Фер. — Или это так, летняя резиденция?

— И летняя, и зимняя. Отговаривать, надеюсь, не будешь?

— С чего бы? Если соскучусь, в гости зайду. А если ты будешь нужен, — глаза флейма полыхнули огнем, — тебе дадут знать.

— Я сам узнаю, не сомневайся.

Напоминание о вечном долге немного подпортило настроение... Или много, однако Тьен не собирался поддаваться обстоятельствам: сколько помнил, они, обстоятельства, всегда были против него, но иногда удавалось выиграть несколько раундов.

Оставив Феру подробные указания, шеар зашел к отцу.

Генрих был уже на ногах, но еще в пижаме.

— Прости за неподобающий вид...

Тьен отмахнулся, не расслышав сразу ноток сарказма.

— ...Знал бы, что ты придешь, надел бы фрак.

Видимо, подобное приветствие должно было разбудить задремавшую сыновью совесть, но вызвало лишь раздражение: не слишком ли многие решили предъявить ему претензии в одно утро?

— Если хочешь, можешь повязать галстук, — бросил Тьен хмуро.

Лэйд, для которого язвительность была скорее случайностью, нежели особенностью натуры, стусевался и опустил глаза.

— Извини, не хотел тебя задеть.

Тяжелый вздох и мельком брошенный на сына виноватый взгляд сделали то, чего не удалось бы добиться едкими упреками.

— Ты меня прости, — тихо сказал Тьен ссутулившемуся в кресле человеку. — Я действительно редко появляюсь.

— Дела, да, — смиренно кивнул Генрих. — Я помню. Это, должно быть, нечто важное.

— Важное, — подтвердил Тьен. — Для меня. И мне хотелось бы, чтобы ты на самом деле это понимал. Я покажу тебе. Подожди минутку.

Бережно вынул из шкапулки фотографию и, вернувшись, протянул отцу.

— Это — моя Софи, — объяснил коротко, все, что можно было сказать, вложив в одно только слово: «Моя».

Генрих взял снимок, взглянул прищурившись, и привычная добродушно-растерянная улыбка сошла с его лица. В глазах сверкнул гнев.

— Это старое фото, — по-своему поняв его негодование Тьен. — Она давно уже не ребенок. А в то время... Ты же не думаешь обо мне настолько плохо?

— Я думаю, что ты — эгоистичный мальчишка, — медленно произнес Лэйд. — Эта карточка была у тебя все время? И ты прятал ее от меня?

— Тогда я не был готов делиться с тобой, — ответил Тьен, понимая, что и теперь поторопился. — Софи...

— Да какое мне дело до твоей девки! — взорвался Генрих. На миг перекошенное яростью лицо тут же разгладилось, и человек с нежностью коснулся фотографии. — Аллей. Моя Аллей. На всем Итериане не осталось ни одного ее портрета, а ты все эти годы...

Он пошатнулся и схватился за горло, задыхаясь, но когда Тьен бросился к нему, со

злостью оттолкнул протянутую руку.

— Как ты мог?

— Я не подумал...

— Потому что думаешь лишь о себе. Тебе плевать на тех, кто рядом. И на тех, кого уже нет, — глаза археолога наполнились слезами. — Ты живешь в свое удовольствие!

Упрек, мягко говоря, несправедливый, памятуя, чем он занимался эти годы, Тьен проглотил молча, чувствуя и понимая состояние приемного отца. Но оказалось, это только начало.

— Каким я был дураком! — корил себя Лэйд, прижав к груди снимок. — Как я мог верить в то, что ты помнишь о ней? Все твои обещания ничего не стоят. Если бы ты на самом деле хотел отомстить, не тянул бы до самого ухода... Ты же не вернешься туда. Зачем, когда у тебя есть... эта...

Генрих взглянул на карточку и скривился.

Сдержанная грубость покорила больше брошенных в запале слов. Стиснув зубы, Тьен выдернул из дрожащих пальцев археолога фотографию.

— Я никогда не лгал тебе, — процедил он. — Но и мести никогда не желал. Я хочу справедливости. Хочу знать правду о том, что произошло в тот день. И я ее узнаю.

— Ложь, снова ложь, — прошептал Лэйд. — Ты не вернешься в Итериан. Ты хочешь остаться здесь. Всегда хотел, а я не понимал.

— Думай, что хочешь, — махнул рукой Тьен. — Но я вернусь в Итериан и разберусь со всем, прежде чем уйти навсегда. А до этого у меня есть еще двадцать дней, и я проживу их так, как мне хочется. Потому что не знаю, что будет потом. Эгоистично? Да. Но никак не по отношению к тебе. Ты свое получишь... И портрет. Он в музее. Фер достанет.

Он не обладал талантом Лили беззвучно хлопнуть дверью, и громыхнуло за спиной так, что стены задрожали.

Утром Софи как обычно пришла в магазин. Записала в учетную тетрадь, что за цветы и в каком количестве принесли на продажу из оранжереи. Проверила те, что были срезаны раньше. Оборвала увядшие лепестки, убрала лишние листья, подрезала стебли...

Сегодня ей следовало поехать вместе с братом к доктору, рассказать о появившихся улучшениях, выслушать прогнозы. Но страшно было. Вдруг доктор скажет, что это предел его возможностей, и все, что останется Люку, — способность видеть свет и различать смутные контуры людей и предметов?

Нет, пусть Тьен поговорит с господином Раймондом, а потом расскажет ей.

Тьену она верила. Снова, как тогда. Без причин, вопреки всему.

И снова боялась потерять эту веру.

Но разговора с доктором боялась сильнее.

Он приехал, как обычно, пораньше.

Остановил авто у подъезда. Вышел.

Белые брюки, голубая рубашка. Голубая ему к лицу. Как и та, в полоску, что была на нем вчера. Да и вообще...

Мысли свернули не туда, но девушка, собравшись, заставила себя думать о главном: о брате, о докторе. Только поправила волосы и воротничок блузки, заметив, что мужчина, посмотрев на часы, направился к магазину.

— Доброе утро.

— Доброе.

Ее ответ прозвучал почти вопросительно: глядя в его глаза, Софи с трудом удержалась, чтобы не поинтересоваться, что случилось. Взамен принялась рассказывать о Люке. С натужной, неловкой улыбкой, думая, что, не вели она ему уйти вчера, Тьен остался бы до вечера и сам уже знал бы...

Заглянула ранняя покупательница, и разговор пришлось прервать.

Тьен топтался у прилавка, пока Софи составляла букет. Показалось, хотел сказать что-то, но увидел в окно, что Люк вышел из подъезда, и без слов махнул рукой.

— Красавчик, — неприязненно процедила ему в спину чопорная старушенция, затребовавшая семь красных гвоздик. — От таких одни беды.

— Много вы знаете! — разозлилась девушка, швырнув карге кое-как упакованные цветы.

Та прошамкала бесцветными губами, что она-то знает, и побольше пустоголовых дурочек, бросила на прилавок две смятые бумажки, сгребла букет и отбыла, не дожидаясь сдачи, оставив после себя запах дешевой розовой пудры, которую отчего-то любят дамы преклонных лет, и смутное ощущение тревоги.

Запах выветрился быстро. Растворился в благоухании цветов, смешался с терпким одеколоном привычно опоздавшего на работу Нико и ванильным ароматом принесенных шофером в качестве извинения булочек. А тревога никуда не девалась.

Софи пыталась убедить себя, что волнуется понапрасну. Скоро вернется Тьен, обязательно — с хорошими новостями. Может быть, согласится на чашечку чая... Мысли в который раз сворачивали на скользкий, но уже знакомый путь мечтаний, не совсем несбыточных, но здесь и сейчас точно неуместных. Тогда девушка одергивала себя и испуганно озиралась по сторонам, будто кто-то мог случайно увидеть то, что происходило в ее воображении. Гнала прочь глупые фантазии, а на их место тут же возвращались призрачные страхи. И не знаешь, что хуже.

В ожидании Софи, словно работала первый день, исколола о розы пальцы, сломала несколько веток лизиантуса, опрокинула вазон с лилиями и в задумчивости, не замечая ошарашенного взгляда Нико, оборвала лепестки с герберы.

К счастью, Тьен появился до того, как она успела полностью разорить магазин.

— Доктор сказал, что лечение продвигается успешно и, наверное, хватит стандартного двухнедельного курса, — отчитался мужчина.

— Для чего хватит? — робко, будто сомневаясь, нужен ли ей ответ, спросила девушка.

— Чтобы полностью восстановить зрение.

Она должна была обрадоваться. Хотя бы улыбнуться. Но Тьен был чем-то расстроен, и его грусть заполнила все вокруг, не давая шанса пробиться иным чувствам.

— Угостить тебя чаем?

— Чаем? — он усмехнулся, как бывает, когда вспоминается какая-то шутка. — Нет, чаю я на месяц вперед напился. Но от кофе не отказался бы.

Кофе был дома, и она, махнув на все рукой, готова была хоть сейчас запереть магазин...

— Тут неподалеку есть неплохой ресторан, — опередил ее Тьен. — А я и позавтракать не успел. Составишь компанию?

— Извини, но...

— Покупатели, да, я понимаю. Значит, в другой раз.

Надо же быть такой дурой. Сама же хотела пригласить на обед, а когда пригласил он, отказалась. Зачем?!

Софи закусила губу. Головой о стену побьется потом, когда он уйдет.

Не дойдя до выхода, мужчина обернулся.

— Насчет вечера ты тоже еще не решила?

Девушка медленно выдохнула.

— Если ты не занят... — начала она осторожно.

— Совершенно свободен.

— Если действительно хочешь...

— Мне будет приятно провести этот вечер с тобой, и неважно где.

— У Амелии, — выпалила она поспешно, испугавшись этого «неважно где», за которым в ее представлении неизменно следовало «неважно как», чего она никак себе позволить не могла, потому что...

— У Амелии, — согласился он с улыбкой. — Во сколько за тобой заехать?

Когда дверь за мужчиной закрылась, Софи схватила с полки баллончик распылителя, из которого обычно освежала цветы, и брызнула водой себе в лицо.

«Главное, что у Люка все хорошо», — повторяла она мысленно, и тут же ловила себя на том, что уже не понимает, что сейчас для нее главное.

Как просто было всего несколько дней назад, когда она думала, что ни за что не впустил больше его в свою жизнь. Но впустила. Вернее, он сам — просто вошел и остался, как в тот раз. И пока она твердила себе, что нельзя привыкать и привязываться, он уже привязал их к себе крепко-накрепко. И ее, и Люка. Даже Клер, не знавшую его до того дня, как увидела в магазине и с ходу задала вопрос, на который Софи до сих пор не нашла ответа: кто он ей?

Вариант «старый друг» уже не устраивал.

— Ты ничего не забыла? — заглянул через заднюю дверь Нико.

Забыла? Возможно. Тысячи вещей разом вылетели из головы...

— Мы к Клариссе сегодня едем?

— Мы? — ужаснулась Софи. — Я и ты?

Почему? Почему она должна ехать туда с Нико, когда собиралась с Тьеном?

Мир сошел с ума?

Или она?

— Пятница же, — шофер растерянно пожал плечами. — Цветы...

Цветы. Девушка с облегчением рассмеялась. Над собой, над шутками утомленного разума.

— Да, поедем. Дай мне пять минут на сборы.

Амелия была не единственной клиенткой, к которой она выезжала на дом. Многим требовалась помощь, чтобы украсить комнаты цветами. А у Ами гости традиционно собирались по пятницам, и подруга оплатила услуги флориста на полгода вперед. Вряд ли ей так нужны были цветы, но Софи получала хороший процент за работу. Только Амелия никогда не признается, что делает это для нее. И так они могут видаться каждую неделю, ведь у госпожи Клариссы много дел, и ей редко удается вырваться, а Софи не любила приемы в Ли-Рей. Ее раздражали все эти люди, художники, артисты, их незначительные, на ее взгляд, проблемы и праздные разговоры... Наверное, она завидовала им, ведь они, несмотря ни на что, жили так, как сами того хотели, так, как она обещала себе жить когда-то, так, как жила бы, останься Тьен с ними...

Мысли, сделав круг, упорно возвращались к нему.

Останься он тогда с ними... Грезы и слезы, пустые сожаления, годы обид...

Ни малейших сомнений, как сложилось бы все, не исчезни он тогда.

И никакой уверенности теперь, когда он снова рядом.

— Ты решила, что наденешь? — Амелия даже для порядка не уточнила, придет она или нет. С ходу схватила за руку и, велев оставить привезенные розы, потащила по лестнице в свою спальню. — Не решила, я тебя знаю. В итоге наденешь первое, что вытащишь из шкафа. И уж точно ничего из того, что я прислала.

— Ами, извини, твои наряды мне не подходят...

— Конечно, не подходят. Это ты прости меня, дурочку. Не учла, что на тебя придется все ушивать. Но у меня есть кое-что, что тебе непременно подойдет.

Толкнув Софи на кровать, хозяйка распахнула дверцы необъятного шифоньера.

— Вот, взгляни-ка. Купила в прошлом месяце, без примерки, прямо из витрины. Прелесть, да? Но мне оно мало, поняла уже дома...

Это можно было объяснить только сумбуром, царившим в ее голове, и одержавшими победу над здравым смыслом мечтами, но дом на Фонтанной улице Софи покинула, бережно прижимая к груди невесомый сверток.

Всего лишь платье. Красивое и совершенно непрактичное платье, которое она сама никогда не купила бы...

Прежде чем возвратиться в магазин, забежала домой. Оставила сверток. Выслушала радостные новости теперь уже от Люка. Брат был спокоен, словно выздоровление — уже решенный вопрос. Его уверенность заражала, и Софи знала, от кого заразился он сам.

К работе она вернулась уже в другом настроении.

В конце концов, сколько можно нервничать? Будто прежде она не ходила на свидания. А это, если подумать, и не свидание вовсе, а так, просто. Потому что все, что было когда-то, осталось в прошлом, а в настоящем они знакомы всего неделю, и это, согласитесь, не срок.

До конца рабочего дня она была мила и приветлива и не извела больше ни одного цветка.

Но после...

Автомобиль Тьена уже стоял у подъезда, а она так и не придумала, как уложить волосы.

Потом не могла подобрать помаду, которая подходила бы к платью, без восторженных комментариев Амелии уже не казавшемуся таким красивым. Ярко-алое, как маки из увядшего букета. Не длинное и не короткое. Свободное. Болтается на ней, точно на вешалке, перехваченное на талии пояском. Струится по бедрам мягкими волнами... а ножки из-под подола — худенькие, смешные. Еще и каблуки эти... Грудь под тонкой тканью двумя маленькими холмиками. И спина голая, незащитная...

Если бы не звонок в дверь, она, наверное, надела бы что-нибудь другое.

Или успеет?

Нет, позвонили снова. А Люк и Клер спрятались в своих комнатах и ни за что не пойдут открывать. Заговорщики!

Пришлось выходить как есть: без прически, с ненакрашенными, искусанными за день губами, и в платье, которое ей совершенно не шло...

Судя по взгляду Тьена, все было еще хуже, чем она себе представляла.

— Ты... — мужчина запнулся. — Прекрасно выглядишь.

— Спасибо, ты тоже.

Софи было проще: лгать не пришлось.

Элегантный черный костюм сидел на нем идеально. Белоснежная рубашка старательно

отутюжена. Узел галстука — произведение искусства. А в начищенных до блеска туфлях при желании можно рассмотреть свое отражение.

— Идем?

Он подал ей руку, и девушка непроизвольно отстранилась, боясь своим несуразным видом испортить это великолепие.

Зеленые глаза потемнели — понял по-своему, обиделся.

Вспомнился день, когда он пригласил ее в литературную кофейню. Тогда она так же отшатнулась, побоявшись взять его под руку, а он предложил вернуться и повторить через несколько лет... Накаркал...

— Идем, — Софи захлопнула дверь и сама протянула ему ладонь.

У авто, открывая ей дверцу, он замешкался.

— Я тут подумал... Что, если мы не поедem к Амелии?

— Почему?

Девушка не удивилась, словно знала, что так и будет. Лишь любопытно стало: он с самого начала это решил или только что передумал?

— Я отвык от шумных компаний. Не умею общаться с незнакомыми людьми, ты же видела вчера. Поэтому, если хочешь...

«Да», — ответила она мысленно, раньше, чем он успел закончить.

— ...можем вообще никуда не ехать. А можем поехать... куда-нибудь.

Куда-нибудь — сложно представить более заманчивое предложение. Туда ее никогда не звали. Обычно в ресторан, в кино или в театр. Замуж один раз...

— Хорошо.

Автомобиль петлял по городу подобно сбившемуся со следа псу, тыкался неуверенно в парковые арки, притормаживал у ярких вывесок. Завернул на набережную и помчался радостно по отпечатанному в памяти хозяина маршруту... И замер у булочной, скрипнув тормозами и закашлявшись дымом...

Правильно, не нужно туда. Там ничего уже не осталось.

Даже воспоминаний.

Машина медленно сдала назад, развернулась в тесном проулке и выбралась на широкий проспект. Прямо и прямо, до тех пор, пока не закончился под колесами гладкий асфальт, и не показались окруженные садами дома пригорода.

А когда перед ними, куда ни глянь, растянулись махровые покрывала полей, Софи спросила, куда они направляются.

— Туда, — осмотревшись, мужчина кивнул на высокий холм у горизонта. — Посмотрим на закат.

Автомобиль вползать на возвышенность отказался.

Пришлось оставить его у подножья и подниматься пешком. Каблуки проваливались в рыхлую землю, подошва скользила по траве, но Софи не хотела отказываться от заката и продолжения странного вечера. Держалась крепко за своего провожатого. А когда все-таки оступилась, он без слов поднял ее на руки и легко, как ребенка, донес на самый верх. А там без сожалений снял и постелил на землю пиджак, для нее, а сам уселся рядом прямо на траву... Зеленень вьется в ткань, отстирать будет сложно. Клер с неделю назад вернулась домой с зелеными коленками, пятна так и не вывелись... Но в книгах, которые Софи читала тайком на работе, все мужчины носили дам на руках и жертвовали ради прелестниц плащами. Видимо, это и есть романтика...

Как и закат.

Солнце упрямо висело над темным полем, лишь покраснело, смутившись пристального внимания нежданных зрителей.

И Софи краснела, хоть на нее в отличие от солнца никто не смотрел.

И она не смотрела, только слышала сквозь взволнованный стук своего сердца негромкое дыхание рядом...

— Как прошел день? — спросил Тьен, нарушая затянувшееся молчание.

— Обычно. А у тебя?

Он пожал плечами.

Она не видела, но точно знала: пожал плечами, усмехнулся косо...

— Был в ресторане.

— Весь день?

— Да. Там есть отдельные кабинеты. Платишь, и никто тебя не побеспокоит. Можно даже вздремнуть.

— В ресторане? — хотелось обернуться к нему, проверить, действительно ли у него сейчас такое лицо, как она себе представляет, такое, какое было бы у того парня, которого она знала много лет назад. Но Софи упрямо глядела на медленно ползущее к земле солнце.

— В ресторане.

Все-таки нужно было пойти с ним...

— Я ездила к Амелии, отвозила цветы для вечера, — проговорила она, словно оправдывалась неотложными делами.

Ами, верно, обиделась на то, что они не пришли.

Но она отходчивая. И любопытная. Завтра примчится узнать, что случилось.

А не случилось ровным счетом ничего...

— Я собирался, на самом деле. А когда увидел тебя... Не рассердишься, если я скажу?

— Скажи.

Как, оказывается, легко говорить, не глядя друг на друга.

Отворачиваешься, скрывая неловкость и робость, разминаешь в пальцах траву...

— Это из-за платья.

Сдержать удрученный вздох не получилось:

— Оно ужасно, да?

— Нет. Наоборот. Ты в нем очень красивая. Все стали бы пялиться на тебя. А мне... Мне это было бы неприятно.

Лицо вспыхнуло, цветом сравнявшись со злополучным нарядом и небом над горизонтом.

— Глупости, — рассмеялась она принужденно. Вскочила на ноги и, сбросив неудобные туфли, сделала несколько шагов навстречу уходящему солнцу.

В городе не увидишь таких закатов.

А все остальное...

— Думаешь, глупости? — он встал за ее спиной, прикрыв от прохладного ветерка.

— Что же тогда?

Стой он перед ней, ни за что не отважилась бы спросить...

— Не знаю, — негромкий голос звучал над ухом, эхом отдаваясь в опустевшей вдруг голове. — Знаю только, что так было всегда.

Как будто оно было, это всегда.

Лишь тогда и теперь.

И если в теперь еще можно было поверить, то тогда... Тогда она была ребенком, нескладной девчонкой. Мелкой. Никто даже не смотрел в ее сторону. Включая его самого...

— Ребенком? — лишь когда он переспросил, Софи поняла, что выпалила все, о чем думала, вслух. — В чем-то — да. Например, упорно не замечала некоторых вещей.

— К-каких? — голос взволнованно дрогнул.

— Многих...

Пальцы мужчины осторожно коснулись ее шеи и медленно заскользили вдоль позвоночника.

Словно было уже...

Было...

Кухня в их старом доме.

Открывшаяся не вовремя дверь.

Жар от чугунной печи и холодные капли, текущие с мокрых волос по спине.

И его взгляд, опускающийся вслед за этими каплями. Осязаемый, как прикосновение...

Дойдя до черты, обозначенной алым шелком, он отдернул руку.

— Прости, я не должен был...

...уходить тогда.

И не пахли бы сейчас так горько травы.

Не слезились бы от закатного солнца глаза...

Нужно было что-то сказать, сделать. Обернуться. Протянуть руку. Но она замерла неподвижно, не отрывая взгляда от объятых огнем горизонта.

Разве можно так?

Вычеркнуть из памяти годы, за которые они день за днем отдалялись друг от друга? Отдалялись, отдалялись... Тугой пружиной растягивалась жизнь, разводя их в разные стороны. Но не выдержала. Сжалась стремительно, с силой швырнув навстречу.

А она по привычке, должно быть, еще пыталась оттолкнуться, делая вид, что не чувствует этого притяжения. Устала сопротивляться...

— Я тебе писала. По письму в неделю. Иногда чаще. На бумаге, а потом — так...

— Я не писал, извини. Только разговаривал с тобой. Почти каждый день. Или просто смотрел.

— Фотография?

— Да.

Как она плакала. Как злилась на него за то, что он забрал снимок из музея.

А теперь улыбнулась и, не оборачиваясь, знала, что он почувствовал это и улыбнулся в ответ.

— Она еще у тебя?

— Да. Здесь...

— Не надо.

Потом.

Увидеть. Вспомнить.

Но не сейчас — сейчас расплачется, а ей нельзя плакать. Тушь потечет, размажется по щекам, по его рубашке... Хотя, если по рубашке, не так уж и плохо. Почти хорошо. Но для этого нужно сначала повернуться, и тогда уже не получится поговорить...

— Как ты жил это время?

— Как-то жил.

— А твоя семья?

— Вы с Люком — моя семья.

— Друзья?

— Надеюсь, что есть.

— Женщины?

— Были.

Не стоило спрашивать. Да и какая ей разница? Ему же не интересно...

— Почему ты рассталась с Анри? — интересно все-таки.

— Не хотела обманывать.

— Его?

— Себя.

Девять лет. Девять долгих лет, а хватило нескольких фраз, чтобы расспросить обо всем и обо всем рассказать.

Солнце скрылось за край земли, и багровое небо, в том месте, где светило нырнуло за горизонт, скоро потемнеет...

В густых сумерках можно уже обернуться. Подобрать с травы туфли и взяться за предложенную руку, чтобы спуститься к машине. Свернуться на сидении, обняв себя за плечи. Слушать урчание мотора и не думать о том, что ждет впереди.

Только ночь, звезды над головой и шум ветра за опущенным стеклом...

И ни слова больше.

Зачем?

Просто смотреть на него из-под опущенных ресниц, мысленно гладить волосы, стирать со лба угрюмые складки... и успевать отвести глаза до того, как он обернется...

Можно?

Нельзя?

Из всех преград, существовавших и надуманных, осталась одна — тонкая, прозрачная. Хрупкое стекло. Разбить бы. Несложно — хватит одного слова, одного взгляда.... Но страшно: вдруг порежешься? Глубоко, до самого сердца...

Боли ей уже хватит.

И ему, видно, тоже.

Потому и не спешат оба. Молчат. Слушают ветер. Смотрят на дорогу...

Но любая дорога когда-то заканчивается. И хорошо, если она приводит к дому.

Свет в окнах не горит — значит, Люк и Клер спят.

Поздно уже.

Пора прощаться...

Но до того как Софи успела открыть дверцу и выйти, Тьен снова завел мотор, и автомобиль, описав короткий полукруг, остановился на противоположной стороне улицы.

— Я хотел бы подарить тебе цветы. Продашь букет?

— Магазин закрыт, а у меня нет с собой ключа...

Отсутствие ключа никогда его не останавливало.

Его вообще трудно остановить. Да и нужно ли?

Софи включила свет, обвела взглядом вазоны с нераспроданными за день цветами.

— Выбери сама, — попросил Тьен.

Странно — и смешно, и грустно — собирать букет, который тут же тебе и преподнесут.

Но кто лучше знает, какие цветы ей нужны?

Не пышные хризантемы, не элегантные орхидеи. Всего три розы — красная, белая и желтая. Никакой зелени. Никаких лент. И обертка из хрустящей гофрированной бумаги этому букету не подойдет, но под прилавком лежит стопка старых газет...

Руки дрожали: ее — когда передавала цветы, его — когда принимал.

Подержал недолго и протянул ей.

— Только не обещай ничего, — всхлипнула Софи, оказавшись в объятьях, таких крепких, что и захоти она, не вырвалась бы.

— Не буду.

— Будь. Только не обещай...

Часы тикали.

Ветер раздувал паруса-занавески.

Любопытная луна, склонившись к соседней крыше, заглядывала в окно...

— Я дом купил, — сказал ни с того ни с сего Тьен. Его палец, с минуту уже рисовавший на ее спине загадочные знаки, вычертил между лопатками неровный квадратик и крышутреугольник сверху. — Выйдешь за меня? В смысле, замуж?

— Замуж? — Софи приподнялась на локтях, чтобы заглянуть в его лицо. — Ты серьезно?

— Да, — подтвердил он.

— Зачем?

— Я так хочу.

Ну, раз хочет, тогда точно серьезно.

— И дом уже купил?

— Да. Тебе.

— Вообще-то, когда делают предложение, принято дарить девушке кольцо, а не дом.

— Кольцо? Не-е... — Тьен лениво потянулся. — Оно мне надо, на ерунду тратиться? Не выделывайся, мелкая, бери дом.

— Мелкая? — возмутилась Софи.

— Мелкая, — в подтверждение своих слов он легко сгреб ее в охапку. Потеря носом о шею. — Мелкая. Маленькая. Моя...

Луна лукаво подмигивала.

Ветерок шевелил занавески.

Часы тикали, отсчитывая оставшееся до утра время...

Тьена разбудил крик. Даже не крик — громкий короткий возглас. И снова тишина раннего утра, лишь голуби воркуют, прохаживаясь по карнизу.

— Что... — Софи оторвала от подушки голову, заспанная, смешная с торчащими во все стороны волосами. Встретилась взглядом с ним и замерла. Зажмурилась на несколько секунд.

Нет, не сон. Он уже точно знал. Несколько раз просыпался среди ночи и ощупывал сопящее рядом сокровище.

Так и она коснулась недоверчиво его плеча и потупилась, пряча смущенную улыбку.

— Что это было? Слышал?

— Нет, — без зазрения совести соврал шеар. Он не чувствовал тревоги или опасности. В квартире, в доме, в городе — во всем мире, казалось, все хорошо. Наконец-то хорошо. — Послышалось, наверное. Спи.

— Вставать скоро, — пробурчала она сонно, устраиваясь у него на груди. — Магазин открывать...

Он хотел сказать, что сегодня ей не нужно спешить на работу, потому что он купит у нее все цветы, всю оранжерею, если понадобится, но девушка провалилась в сон, едва закрыв глаза, продолжая при этом улыбаться счастливо и светло.

Тьен закрыл глаза.

Шеар способен обходиться без сна, но и шеару не помешают несколько часов покоя.

Не сложилось.

Сначала послышались шаги в соседней комнате, а после — стук в дверь.

— Софи! — негромко позвал Люк. Голос мальчишки срывался от волнения. — Софи, можно я войду?

Девушка встрепенулась. Посмотрела на Тьена, нависнув над ним, и приложила к губам палец. А на случай, если он не понял, накрыла ладонью его рот.

— Да, милый, заходи.

Дверь заскрипела, и Люк вошел в комнату.

Сделал несколько шагов и остановился, глядя на них расширившимися глазами. А они так же ошалело смотрели на него.

— Л-люк... — выдавила Софи. — Ты... видишь?

— Лучше бы не видел, — пробормотал подросток, заливаясь краской.

Развернулся и бросился прочь из сестриной спальни.

— Люк!

Софи вскочила, путаясь в покрывале, и побежала бы следом, не останови ее Тьен.

Поймал, с силой прижал к себе, поцеловал в лоб, приказывая успокоиться, хотя его самого трясло крупной дрожью. Натянул на нее найденный в шкафу халат, туго завязал пояс и лишь затем отпустил.

А оставшись один в комнате, повалился ничком на кровать и, давясь счастливым, немного безумным смехом, уткнулся в подушку.

Вот оно как получилось. Не думал, не желал, не делал ничего осмысленно. Просто впервые в жизни открылся в эту ночь и не сдерживал рвущийся наружу свет. Даже не подозревал, что его в нем столько. Накрыло в одночасье, не только Люка — весь дом,

наверное. Всю улицу. А то и весь город. Мальчишка видит... Неловко вышло, но видит же! У карги из квартиры напротив спину отпустило. Парочка в соседнем подъезде — месяц, поссорившись, не разговаривали, а теперь оторваться друг от друга не могут. И кот, ночной его знакомец, тоже, небось, не скучал: взбодрился, сбросил десяток лет, соскреб застарелую коросту и прогулялся по соседским крышам...

Вот вам, люди, и чудо. Нечаянное, безотчетное. Настоящее.

С добрым утром!

Говоря, что у стен есть уши, люди и не подозревают, насколько это соответствует истине. Есть.

Уши. Глаза.

Но главное — память.

Воздух ловит слова и пускает их по ветру. Текущая вода — извечный символ непостоянства. Огонь — забвение: недаром жгут и письма, и мосты...

И только земля и все, рожденное ею, как то камень, дерево и железо, хранят историю, будь это история мира или одного-единственного человека. Сотни лет или всего один час.

Каждое сказанное слово отпечатывается в кладке стен, просочится в почву, взойдет от корней деревьев к ветвистым кронам и прорастет молодой листвой. Увянет и опадет — снова на землю, где знающий отыщет его и поймет даже через тысячу лет.

Но она не искала следов минувших веков. То, что ее интересовало, происходило прямо сейчас. Кирпичные стены внимали настороженно, а после передавали все, что слышали, вниз по этажам, по водопроводным трубам, по щербатым бордюрам и булыжникам мостовой...

— Ты плачешь?

— Плачу. Дура, да?

— Нет.

Объятья. Кожа трется о кожу, шуршат под пальцами волосы... Поцелуй. Легкое эхо силы. Трудно полностью отказаться от использования дара, иногда это получается неосознанно, особенно, когда хочется помочь. А помощь там не помешает: люди слабы, и большое горе, и большая радость — слишком серьезное потрясение для них...

— В магазин сегодня не пойду, поеду с вами к доктору.

— Правильно.

— Нужно предупредить госпожу Рамзи...

— Нужно позавтракать сначала. Я приготовлю что-нибудь, да?

А он умеет? Надо же...

— Нет, я сама. А ты...

— Что? — улыбается. Одно короткое слово, а улыбкой пропитано насквозь. — Под кровать спрятаться? Люк нас уже видел.

— Ужас...

За голову схватилась. Покраснела, наверное.

Но тоже улыбается, думая, что он не видит.

— Я с ним поговорю.

Поговорит. Не откладывая.

Дверь скрипнула. Затем вторая взвизгнула, открываясь... Что ж у них все такое скрипучее? И половицы трещат под ногами, даже под мальчишкой, хотя в том весу всего ничего...

— Ну что, напарник, будем знакомиться заново?

Мальчишка замешкался с ответом, но все-таки отозвался.

— Будем.

Руку пожал. Все силенки вложил. И ладонь отпустил не сразу, словно испытывал.

— Люк, я должен тебе объяснить...

— Да ладно, не маленький уже. Понимаю.

Маленький. Не понимает. Но скоро поймет.

— Я сделал Софи предложение.

— Да? — недоверчивое. — И что она?

— Она его приняла.

Не только стены слушают этот разговор. Еще один человеческий детеныш притаился за дверью. Услыхав последнюю новость, радостно подпрыгивает на месте.

Что ж, теперь все счастливы. Можно не тратить силу, вытягивая из земли и камней продолжение беседы. Через несколько минут они дружной семьей усядутся за стол... Пора заканчивать. Этьен переполнен эмоциями, сосредоточен на окружающих его людях, но в любой момент может почувствовать внимание земли. А она не хочет ссор...

Глупый мальчишка. Неужели он не понимает, что будущее, которое он строит сейчас, совсем скоро станет прошлым? Как долго он сможет удерживать их? Хотя бы ее одну — сколько?

И удержит ли?

Но он счастлив. Впервые за все то время, что она его знает...

— Вам плохо? — ранний прохожий, мужчина средних лет, с обеспокоенным лицом спешит к ней, чтобы помочь подняться со ступеней закрытого на выходные казначейства, где она сидела, обнимая толстую колонну и слушая дрожь земли.

— Нет, — она улыбается почти искренне. Смахивает со щеки невольную слезинку. — Ничуть. Сегодня вообще на удивление хороший день, вы заметили?

Человек глядит на нее, как на сумасшедшую, что-то бормочет и, развернувшись, шагает дальше туда, куда и шел. А если бы задумался над ее словами, признал бы, что день, и правда, необычайно хорош...

Послушный альве металл налился теплом, щелкнул замок, открывая проход в пустующий номер.

Этьен почти не жил здесь. В последние дни появлялся лишь иногда, чтобы сменить одежду, и изредка навещался к Генриху или кому-нибудь из стихийников. Всего за неделю отдалился от них, словно и не было этих девяти лет. Так и не удосужился сказать прямо то, что все и так уже поняли: в Итериане он не останется, а вне Дивного мира свита ему не нужна.

После прощального приема их дороги разойдутся.

Фернан, скорее всего, продолжит путешествия по людским мирам.

Эсея вернется в Энемис, туда, где скоро вырастут новые горы и опять зазвучат песни ветра. Когда-то Лили думала, что из сильфиды получится достойная шеари. Отчасти по этой причине и обратила внимание на прибывшую к отряду сироту: решила, что у них с Этьеном найдется много общего. Почти не ошиблась. Они действительно сблизились, как могут сблизиться одиночки, и сдружились, как могут сдружиться те, кто уже не ищет друзей. Девочка будет скучать.

И Кеони придется непросто. В его возрасте крушение честолюбивых надежд видится

концом всего. Вот он один из четырех в свите славного шеара, а вот — уже никто. Но он пройдет это испытание: вода мудра по своей сути, нужно лишь одолеть шумные пороги юности.

Альва поправила покрывало на кровати. Раздвинула шторы. Закрыла впопыхах оставленный нараспашку шкаф.

Вещи брошены, как и они. Вряд ли за ними вернуться, чтобы забрать в новый дом и в новую жизнь. За вещами, в смысле...

— А, это ты тут хозяйничаешь, — Фер заглянул в комнату и остановился на пороге. — Я надеялся, Этьен вернулся.

— И не надейся.

Флейм покачал головой.

— Оставила бы ты его в покое. Он давно не ребенок, имеет право сам решать, как ему жить. К тому же...

— Да?

— Пусть лучше думает о будущем, чем о прошлом.

— С этим трудно было бы спорить, выбери он себе другое будущее. Ты ведь узнал девчонку?

В том, что Фернан приглядывает за племянником, Лили не сомневалась.

— Узнал. Столь длительная привязанность заслуживает уважения.

— Она — человек.

— И что с того? Лучше иметь и потерять, чем не иметь вообще. Кому, как не тебе, это понимать?

Альва запнулась, с ходу не найдя, что возразить, и мужчина, воспользовавшись ее замешательством, вышел из номера.

Ну и пусть.

Все равно она не стала бы объяснять.

Да, счастье, даже мимолетное, но настоящее, стоит боли потерь. Только понимаешь это потом, после того, как от непрерывной муки сделаешься уже нечувствительным к любым страданиям, и жизнь, что своя, что чужая, утратит всякую ценность, когда заполненная горем душа, выворачиваясь раз за разом наизнанку, все-таки опустеет, и ты наконец-то сможешь плакать, чтобы омыть эту пустоту слезами, а после, не надеясь на будущее, наполнишь ее воспоминаниями о прошлом и неожиданно отогреешься теплом едва тлеющих углей.

Но настоящее счастье стоит этого.

Только настоящее. Не придуманное, не украденное обманом у судьбы...

Женщина прошла в ванную комнату, открыла кран и подставила руки под прозрачную струю. Вода, стекая с пальцев, уносила с собой горечь воспоминаний. Почти уже не болит, как и сросшиеся Моаной кости. Так, накатывает иногда.

Лили поправила волосы и улыбнулась пришедшей в голову мысли. Улыбка вышла кривая, нервная, но идея, за неимением других, показалась неплохой.

Кеони она нашла в его номере. Тритон дремал, лежа в ванне, и зрелище заслуживало того, чтобы остановиться ненадолго и полюбоваться переливами радужных плавников, мускулистой грудью, покрытой сверкающей сталью чешуи, и умиротворенным, бледным до голубизны лицом. С длинных черных волос юноши, словно отсчитывая время его отдыха, медленно падали на пол крупные тяжелые капли.

В такие минуты Эллилиатарренсаи жалела о том, что уже не помнит, как держать в пальцах кисть...

Изящные ноздри тритона затрепетали, ловя новый запах — едва уловимый аромат теплой земли, свежего дерева и терпких трав. Глаза распахнулись. Зрачки, сейчас позмеинному вытянутые, тут же сузились от света. По губам скользнула полудетская смущенная улыбка.

— Я не помешала? — Лили присела на край ванны.

— Нет, я...

— Этот город слишком жаркий и пыльный для тебя, — кивнула она понимающе.

— Ужасное место, — согласился Кеони.

— Этьен так не думает, — решила сразу же перейти к делу альва. — Но ты-то лучше меня об этом знаешь.

— Почему лучше? — сконфузился водяной. Плавники нервно дернулись.

— Разве не вы с Фером нашли для него дом?

— Какая разница, кто нашел? — пробормотал юноша. Тряхнул головой, обдав женщину холодными брызгами. — Остаться тут решил сам Этьен.

Смирение было не в характере Кеони. Похоже, Фернан провел с ним воспитательную беседу.

— Я с самого начала знал, что служба в свите шеара — не навсегда, — тритон опустил глаза. — Это хороший опыт, не более. А мне есть чем заняться после возвращения.

Врал. Не о том, что есть чем заняться, а о том, что не мечтал, чтобы Этьен остался в Итериане, где свита, даже в отсутствие угрозы темных волн, нужна будет ему по статусу.

— И чем же? — поинтересовалась альва, притворившись, будто не распознала этой маленькой лжи.

— Говорят, у меня неплохие способности, — поскромничал юноша, — хочу найти учителя, чтобы стать целителем.

Для прочих детей стихий все водяные — целители, а в родах Воды это звание заслуживал далеко не каждый. Но у Кеони имелись все шансы: «неплохие способности» он демонстрировал не раз. Если бы не это, Лили сейчас с ним не разговаривала бы.

— У тебя получится, — промурчала она с ободряющей улыбкой. — Думаю, в твоём клане с пониманием отнесутся к решению Этьена и не воспримут роспуск свиты и твое возвращение домой как изгнание и позор.

Тритон недовольно вздыбил плавники:

— Нет, конечно! — сквозь возмущение в его голосе явно проступало сомнение. Вода — верная хранительница традиций, неизвестно что усмотрят старейшие в блажном желании шеара.

— Это хорошо, — сделав вид, что не замечает его метаний, продолжила альва. — А то я волновалась бы. Этьена ведь не сразу приняли в нашем мире — из-за его происхождения, ты же понимаешь. А после того как он объявит, что женится на человеческой женщине...

— Женится? — встрепенулся Кеони.

— Да.

— Нет! — тритон вскочил, встав в ванной в полный рост, и Лили вздохнула, представив себе картину, которая никогда не будет написана. — Он на ней не женится. Есть законы...

— Законы ограничивают выбор правителя, Этьен им никогда не станет. Он вообще исключительный случай в истории Итериана, ему законы не писаны.

Она еще раз окинула взглядом ценителя замершего по колено в воде юношу и заключила беспечно:

— Нас это тоже не должно касаться.

— Но человек!

— Ты не слишком любишь людей.

— Мне не за что их любить, — тритон передернул плечами, и чешуя заиграла бликами. — Ни любить, ни уважать, — он с громким всплеском опустился снова в воду. — Они слабы и не отличаются разумностью. Тех, что живут в Итериане, как Генрих, например, еще можно воспринимать... не как равных, но... ты понимаешь... А остальным просто не хватает времени, чтобы развиваться. Их жизни слишком коротки, и это предопределяет стремления. Есть, пить, размножаться. Они придумали деньги, чтобы иметь богатство, которое можно отобрать у другого, и постоянно дерутся за территории. У меня нет к ним неприязни, они мне безразличны, вот и все.

— Нельзя делать обобщенных выводов о целом народе, — альва улыбнулась. — Возможно, некоторые из них тебе понравились бы.

— А тебе нравятся? Ты много времени проводила в их мирах. Даже имя у тебя... — он осекся, не договорив.

— Человеческое, — закончила женщина. — Да. Я сама его выбрала, когда стала жить среди людей. Оно в чем-то созвучно моему настоящему, но намного проще... Мне тогда хотелось простоты. А люди... Они разные.

— А эта Софи? Какая она? Считаешь ее достойной спутницей для него?

— Не знаю, — честно сказала альва. — Наверное, нужно довериться выбору Этьена. Но... Он ослеплен любовью и не видит ничего вокруг. Не хотелось бы, чтобы он совершил ошибку. Эта женщина может оказаться не лучшей представительницей своего народа. Но он узнает об этом слишком поздно. Будет страдать...

Протяжный вздох закончил последнюю фразу.

Ход за Кеони.

— Мы не можем этого допустить. Если он ослеп, мы заставим его прозреть! Раскроем ее дрянную сущность...

— Но-но, никто не говорил о дрянной сущности, — альва погрозила юноше пальцем. — Не исключено, что она милая и честная девушка.

Тритон фыркнул:

— Все девушки милые и честные до свадьбы.

Лили невольно приподняла брови: мальчик оказался не так уж несведущ в некоторых вопросах.

— Да, — согласилась она, потянувшись. — Женщины — коварные создания.

— И притворяться она может долго, — хмуро заметил тритон.

«Молодец, — мысленно приободрила его альва. — Продолжай».

— Если бы можно было заставить ее открыться, чтобы понять, какая она на самом деле. Но я не представляю, как это сделать.

Нет, все же он тугодум.

— Я могла бы, — с напускным сомнением произнесла альва. — Земля чувствует суть каждого.

— Точно! — загорелся этой мыслью Кеони. — Я и забыл.

— Но мне нужно будет приблизиться к ней, — рассуждала отрешенно женщина. —

Очень близко. Вот как к тебе.

Она опустила руку в воду и коснулась кончиками пальцев упругого живота юноши, провела вверх, к напрягшейся под кольчугой чешуи груди. Бледные щеки тритона покрылись сиреневыми пятнами, и Эллилиатарренсаи отвернулась, пряча усмешку.

— Боюсь, не получится, — сказала она. — Этьен следит за ней и днем и ночью. Но если бы что-то отвлекло его...

— Что?

Да, не стоило ждать, что он сам предложит решение.

— Например... — в задумчивости она поглаживала уже плечи юноши, по этой причине, кажется, утратившего способность мыслить самостоятельно. — Например, он мог бы задремать в ванне.

— Но...

— У тебя в самом деле неплохие способности, — Лили наклонившись к тритону, обняв его за шею. — Ты станешь хорошим целителем... А вода смывает все следы, и даже шеар не почувствует. Да?

— Да, — прошептал он одними губами.

Губы у него были соленые. Странно: в пресной воде — и соленые.

— Мы делаем это ради него, — напомнила альва. — Свита должна защищать своего шеара... И мне не хотелось бы намочить платье, прости...

Еще один день прошел для Софи как в тумане.

Но на этот раз туман был сладкий, пьянящий. Кружил голову, мешая сосредоточиться на чем-то, несомненно, важном... Или неважном? Ни на чем...

Завтрак, визит к доктору...

Затем катались по городу. Долго.

Тьен опустил крышу авто, и ветер развевал волосы...

Люк смотрел по сторонам, удивляясь, как изменились знакомые когда-то места. Софи и не подозревала, что он столько помнит.

Пообедали в ресторане на набережной. Клер просилась на паровозную прогулку, и Тьен уже собирался за билетами, но Люк вспомнил о кинопроекторе.

Откуда взялись катушки с фильмами, Софи не поняла. Вроде бы останавливались где-то по дороге. А дома повесили на стену простыню, задернули шторы и поставили на чайный столик аппарат. Тьен крутил ручку и читал титры. Через несколько минут к нему присоединилась Клер. Читали вдвоем: он за мужчин, то хриплым баском, то шепелявя, а она — за женщин, с жеманными интонациями, гримасничая как мартышка. Вряд ли это была комедия — кажется, вовсе не комедия, но Софи, слушая этих двоих, хохотала до слез...

И совсем отлегло от сердца, когда в конце затуманенного дня стало понятно, что Тьен не собирается уходить.

Подумалось только, что ему бы одежду какую-то на смену. Зубную щетку, бритву... Что там еще нужно? В гостиницу съездить. Она бы с ним поехала, если бы предложил. Никогда в гостиницах не была, хоть посмотрела бы. Заодно — с кем он там живет. Чек вспомнила: не один ведь тогда в ресторане ужинал...

А с другой стороны, какая разница?

Захочет, сам расскажет.

Но вещи из гостиницы нужно забрать. Брюки, вон, измялись. И от мороженого пятнышко...

— Поедем завтра дом посмотреть?

— Завтра? — переспросила Софи растерянно. Про дом он говорил, но это, как и все планы на будущее, как и само будущее, казалось далеким-далеким. А завтра уже завтра.

— Ну не сегодня же? — улыбнулся он. — Сегодня поздно. И день суматошный, устали все.

Клер уснула на софе в гостиной. Люк — в кресле рядом, обняв толстую книгу. Буквы не забыл, радовался этому. Даже во сне улыбался.

Софи хотела разбудить брата, чтобы шел к себе, но Тьен не дал. Перенес сначала Клер. Та, хитрюга, не так уж и крепко спала: ногами болтала, хихикала. А Люк и не шелохнулся.

— Тоже тут спать буду, — Софи устроилась в опустевшем кресле. — Чтобы ты меня потом на руках отнес.

— Я и так отнесу.

Поднял, прижался щекой к щеке.

Колючий уже, точно бритву надо. Или не надо? Приятно так, щекотно немного. А щетку она ему даст, у нее есть, впрок купленные. И пятнышко застирает...

Софи уснула, а он долго еще держал ее на руках.

Вслушивался в тихое дыхание.

Вдыхал запах кожи, спутавшихся волос, ввевшийся в домашнее платье дух кухни, где и кофе, и ваниль, и жареный лук, и перец...

Думал.

Не хотел, но все равно думал.

И собственные мысли ему не нравились.

Нельзя так с ней... с ними...

С Софи, с Люком, с Клер. Они верят ему — разве не этого он добивался? И если он снова не оправдает этого доверия, если он снова уйдет...

Уйдет. Всего на день, даже меньше.

И вернется. Обязательно. Независимо от того, как все пройдет.

Не откажется ни от прошлого, ни от настоящего. Так будет правильно...

"Правильно" это вьелось в него уже. Не по уму, не по совести, не по желанию поступать — правильно. Потому что шеар. Даже в своем, сокровенном, четверо ведут и нашептывают, как должно... Хотя, если бы знали, вряд ли позволили бы...

Тьен бережно перенес девушку в спальню, опустил на постель и прилег рядом. Но, полежав немного, вскочил. Прошелся по комнате от окна до двери и обратно, вернулся к кровати, поцеловал протянутую во сне ладонь.

— Вернусь, — пообещал он. — Скоро вернусь.

...Дремавший в углу коридорный встрепенулся и ошалело вытаращился на него, не понимая, откуда появился кто-то на пустом этаже, когда и лифт не гудел, и дверь ни одна не открывалась.

Шеар приветствовал его мимолетным кивком и направился к своему номеру.

Не зажигая света, прошел к шкафу.

Так мальчишки в романах сбегают из дома: ночью, тайком. Без разбора швыряют в сумку вещи и уходят, никому ничего не сказав.

Но он давно уже не мальчишка, да и жизнь его далеко не роман...

Несмотря на поздний час, Генрих не спал. Сидел на кровати, откинувшись на пирамиду из подушек, и листал газету. На тумбочке под лампой стоял пустой стакан и початая бутылка бренди.

— Не помешаю? Я ненадолго.

— Кто бы сомневался.

Отшвырнув газету, археолог потянулся за бренди, на треть наполнил стакан и выпил одним махом. Шумно выдохнул.

— Н-ну?

— Хотел предупредить, что съезжаю, — решил поскорее закончить неурочную встречу Этьен. — Перебираюсь к Софи. Точнее, мы переезжаем в новый дом...

— Прекрасно, — скривившись, бросил Лэйд.

— Там и для тебя найдется комната, — все-таки сказал Тьен. — Если захочешь. Потом.

— Потом?

— Сейчас я не могу рассказать ей. Не хочу. Когда закончу с... с делами в Итериане — тогда.

— С делами, — Генрих хмыкнул. — Ну что ж, желаю удачи.

— Спасибо, — через силу поблагодарил Этьен.

Вот и все.

И не о чем жалеть...

Поутру отправились смотреть дом.

Люка и Клер решили с собой не брать. Даже не будили, уходя.

Семья — это хорошо, но нужно и вдвоем выбирать.

Пройтись пешком, пока еще не жарко, и улицы не заполнены народом. Пока ветер игрив и свеж, а деловитый шум снующих туда-сюда людей, автомобилей, повозок и трамваев не перекрывает щебет птиц. Держаться за руки и говорить о пустяках.

Идти было не близко, но и не слишком далеко. Прогулка еще не утомила, когда свернувшая прочь от городского центра дорога привела в тихий район ухоженных особняков, цветущих садов и зеленых парков.

Дом, уже виденный Тьеном в проекциях Фера, воочию понравился шеару еще больше.

И это был именно тот дом.

Нет, ничего общего с тем, в котором они жили когда-то: этот больше, новее, богаче. Окружен не деревянным забором, а солидной кованой оградой из увенчанных копейными наконечниками прутьев. Сад немолодой уже, разросшийся, но ухоженный, дорожка к крыльцу выложена узорной плиткой. И внутри все иначе, планировка комнат, мебель, обои — совсем не похоже. Но...

Подумалось, если бы их старый дом мог взростеть и расти вместе с ними, он стал бы теперь как раз таким. Раздался бы вширь, приподнялся над высоким цоколем. Сменил бы, как шляпу, обветшалую крышу, и над новой, крытой красной черепицей, возвышались бы похожие на башенки сказочного замка кирпичные трубы. И комнаты стали бы светлее и просторнее, обновились бы, следуя последней моде и блюдя при этом изначальную скромность. Мебель покупалась бы только такая: удобная, не лишенная элегантности, но без кричащей вычурности. Обои и портьеры в спокойных тонах, теплый деревянный пол, мягкие ковры. А в гостиной, несмотря на установленный для обогрева паровой котел в подвале, обязательно был бы камин, чтобы разжигать его зябкими вечерами, собираясь всей семьей у очага...

— Если ты не планировала пышных торжеств, свадьбу можно отпраздновать здесь же, в саду. Заказать закуски в ресторане, официантов, музыкантов...

— Свадьбу? — Софи нахмурилась. — Тебе не кажется, что мы торопимся?

— Мы наверстываем упущенное, — поправил Тьен. — И ты уже согласилась.

— Наверное, я сошла с ума. И ты. Это просто безумие.

Вся его прошлая жизнь — безумие. Возможно, и будущая.

А свадьба — это свадьба. Так принято. В этом мире, в Итериане. Да практически везде. Когда двое возвещают всем, что отныне они вместе — сами себе отдельный мир, и если кто-то захочет этому помешать, пусть пеняет на себя... По крайней мере Тьен так это видел.

— В храме не хочу, — проговорила Софи, задумчиво оглядывая с крыльца сад. — В последнее время не хожу туда. В мэрии зарегистрироваться... А гостей немного. Вон там, под деревьями можно столы поставить. А рядом с клумбой разместится эстрада...

Улыбалась своим рассуждениям, не отказываясь от прежних слов, но будто бы подтверждая: да, сумасшествие полное, но и к сумасшествию можно подойти серьезно и хозяйственно.

— Торт нужно, — вставил Тьен. — В несколько ярусов, с кремовыми розами и виньетками из шоколада. — Отмерил от земли две трети своего роста: — Вот такой.

— Зачем такой огромный? Не съедим же, испортится.

— Я съем, — самоотверженно пообещал шеар.

Торт очень хотелось.

Он видел такой на открытке, давно, когда еще в слободе жил. Огромный и пышный как облако, а рядом второе облако — невеста, только розовощекая мордашка выглядывает из кружев...

— Тьен, мне неловко спрашивать... Кто-нибудь из твоей семьи или друзей придет?

— Конечно. Я пока не сообщал никому, но когда назначим день...

Он пригласил бы Генриха, отец порадовался бы за него... если бы не был так поглощен мыслями о возмездии, которое превратил в смысл жизни...

Фера? Тот не откажется. Но вдруг Софи его вспомнит?

И Лили. Лили Тьен пригласил бы, но с ней было еще сложнее.

Кеони? Вот уж кто будет искренне не рад. Или рад неискренне.

Эсею можно было бы, но Софи с ней уже знакома, как с женой Эйнара... Ну и дурацкие же у младшенького шуточки!

— Манон, — вспомнил он. — Она тебе нравится. Хоть сейчас поедem к ней, и я вас познакомлю, хочешь? Заодно и часы в гостиную купим.

Не на это Софи рассчитывала. Думала, Тьен расскажет наконец-то о семье, о друзьях, о тех с кем свела его жизнь после их расставания. А он вспомнил о других, из давнего прошлого, и такой тоской повеяло. Девять лет жизни — где они?

Но Манон ей действительно понравилась. И муж ее, поначалу глядевший на неожиданных гостей, а особенно на Тьена, с плохо скрываемой подозрительностью, но после проникшийся к ним симпатией настолько, что часы, которые они присмотрели, готов был отдать даром.

Но не так все было. Неправильно как-то. Словно крепкая когда-то веревочка, связывавшая Тьена с невестой покойного друга, не порвалась, но истерлась за долгий срок, и вся связь держится теперь на единственной целой ниточке, и оба они, и Тьен, и Манон, хоть и рады друг другу, но боятся сделать или сказать что-то, от чего эта последняя ниточка оборвется.

Говорили в общем и ни о чем.

Прошлого старались не вспоминать, о будущем не загадывать.

Софи, чувствовала себя не в своей тарелке, но понимала, что скоро такие вопросы не решаются.

Нужно время, чтобы снова узнать друг друга. Заново принять.

Не всем ведь дано встретиться через столько лет и сразу...

— Замуж?!

В гостях у Манон об этом молчали, решили не вываливать на людей, дружба с которыми толком не завязалась, все известия скопом, но от Амелии, дожидавшейся их дома, чтобы разузнать, отчего они пропустили вечер, Софи эту новость скрывать не стала. Уединилась с подругой на кухне, заварила чай и тут же огорошила приглашением.

— Он предложил тебе выйти за него, и ты согласилась?

— Да.

— И он уже купил дом?

— Да.

— На свое имя? — въедливо уточнила гостья.

— На чье же еще?

— А что будет с квартирой?

Софи ожидала других вопросов и растерялась:

— Постоит закрытая. Будем заходить время от времени... Какое это имеет значение?

— Большое. Он не заговаривал о том, что нужно как-то компенсировать покупку дома, что он брал под это дело ссуду и теперь не знает, как вернуть деньги?

— Ох, Ами! — девушка с облегчением вздохнула. — Нет, он не брал ссуду, ему хватает средств. И женится он на мне не для того, чтобы обобрать до нитки.

— Если женится, — насупилась Амелия. — Дом точно оформлен, как положено? Слышала я о таком: снял на недельку, с невесты, чтобы «по-честному», половину суммы взял и был таков.

— Ами!

Вряд ли подруга желала развязки, которую рисовало ее бурное воображение, но с ходу принять столь быстрое развитие событий ей было нелегко. Требовались какие-то логичные объяснения. А Софи их дать не могла.

— Ты же хотела, чтобы я была счастлива?

— Да, но замуж? Вот так сразу?

— Не сразу, мы еще не назначили дату. Нужно обустроить дом, разобраться со всеми связанными с переездом сложностями. Может быть, для Клер придется подыскать новую школу, поближе. И об учебе Люка подумать: он отстает от сверстников, нужны будут дополнительные занятия...

Произошедшее с Люком чудо Амелию-Клариссу занимало меньше, чем грядущие перемены в личной жизни его сестры. Можно подумать, слепые то и дело прозревают после затяжной болезни, а девушки замуж только в исключительных случаях идут.

— Рене сделал Мишлин предложение всего через месяц после знакомства, — напомнила Софи.

— Да. В романтическом безумии, подогретом винными парами. Но свадьбу они отложили почти на год — этого времени достаточно, чтобы как следует узнать друг друга.

— Я его знаю. А он — меня...

Как никто другой.

Но подруга не слышала ее.

— Я тоже недолго думала, прежде чем переехать к Полю. И что из этого вышло?

— Я его люблю, — сказала Софи, не найдя иных аргументов.

— И мне так казалось, — вздохнула Амелия.

Каждый думает о своем и только о своем, даже не стараясь понять другого. Судит обо всем по личному опыту. Однажды обманувшись, подозревает в обмане всех. Разочаровавшись, пророчит одни разочарования...

Софи хотелось, чтобы друзья разделили ее счастье, но, верно, ничего, кроме недоумения и напрасных опасений, ее решение у них не вызовет.

— Не волнуйся об этом, — сказал Тьен после ухода Ами, словно мог знать, чем заняты ее мысли.

— О чем?

— Ни о чем не волнуйся.

Тихий голос успокаивал. Тянуло свернуться сонным котенком на его груди и забыть обо всем.

— Не могу, — вздохнула она, не отказывая себе в удовольствии устроиться у него на

коленях. — Это мои друзья.

— С друзьями бывает сложно: каждый уверен, что лучше тебя знает, что тебе нужно на самом деле.

— У тебя тоже так?

Она обещала себе ни о чем не спрашивать, но если они собираются жить вместе, даже пожениться, странно не знать о нем совсем ничего.

— Иногда, — ответил Тьен уклончиво.

— Потому и не спешишь меня ни с кем знакомить?

— Познакомлю, — обещал он немного виновато.

— Твой брат предлагал как-нибудь пообедать вместе.

— Эйнар? Нет, он... уже уехал.

— Жаль.

Не то чтобы будущий родственник во время единственной встречи произвел особо приятное впечатление, но и неприятного не произвел. К тому же, Эйнар был единственным человеком из новой жизни Тьена, которого она видела.

— Мы не общаемся, — повторил Тьен то, что уже говорил в день, когда в цветочный магазин заглянули неожиданные гости. — Эйнар — сын моего отца от второго брака... Вернее, от первого: на моей матери он так и не женился. И с отцом мы тоже не очень ладим. Поэтому...

— Клер — дочь моего отца от второго брака. Но разве она виновата в том, что произошло между моими родителями? Или в том, что мы с Люком остались одни после смерти мамы?

Тьен покачал головой. Задумался.

— Хорошо, — проговорил наконец. — Я приглашу его на обед

— Он же уехал, — удивилась Софи.

— Может быть, еще нет. Узнаю сегодня, и если он еще в городе, приглашу. Сходим куда-нибудь втроем.

— Вчетвером, — поправила девушка. — Эйнар ведь придет с женой?

Все-таки Этьен так и не стал настоящим шеаром: шеар озаботился бы тем, чтобы сохранить приватный разговор в тайне.

Генрих допил бренди и поглядел на стакан. Голоса из соседнего номера слышны были и так: беседа шла на повышенных тонах. Но если приложить к стене стакан и прижаться к нему ухом, можно разобрать каждое слово.

— Сам и иди, раз тебе надо! — возмущалась Эсея. Когда сильфида злилась, ее голос терял певучесть, становясь резким и дребезжащим.

— Не могу. Не хочу, чтобы Холгер меня почувствовал. И вообще, с каких пор мои приказы подлежат обсуждению?

— С тех пор, как эти приказы превратились в капризы! Я не собираюсь участвовать в представлении для твоей подружки. Еще и в такой роли!

— Не я тебе эту роль назначил. Вы с Эйнаром заварили кашу, вам и расхлебывать.

— Кашу? — удивилась Эсея. — Я никакую кашу не варила. И не имею отношения к глупым шуткам твоего братца...

— Шеара Эйнара, — жестко поправил Этьен. Иногда он мог быть жестким и непреклонным, даже с этой девчонкой, которой обычно многое спускал с рук. — Наследного шеара Итериана, не забывай об этом. И впредь не смей говорить о нем в таком тоне.

— Давно ли... — начала сильфида недовольно, но судя по тому, как резко она умолкла, командир удостоил ее одним из тех своих взглядов, что напрочь отбивали у кого бы то ни было желание спорить.

— Повторяю в последний раз. Пойдешь в Итериан, найдешь Эйнара и передашь ему, что завтра в три по местному времени я жду вас обоих. Будете изображать любящих супругов, жевать салат и поддерживать непринужденную беседу. Потом объявите, что уезжаете. Далеко и надолго.

— А если твой... досточтимый шеар Эйнар откажется? — спросила Эсея с надеждой.

— Не откажется. Если, конечно, ты не приложишь усилий для этого.

И тишина.

Ничего не слышно, как ни прижимайся к стакану. Только кажется, вот-вот треснет стекло...

— Эсея, пожалуйста.

Теперь не приказывает — просит.

Нет, не шеар, название одно.

— Для Софи семья — это святое. Я не хочу ее разочаровывать.

— Почему ты не познакомишь ее с Генрихом? Так было бы проще, они оба люди.

Действительно, почему?

Стакан соскальзывал по обоям, все ниже и ниже, оставляя влажные полукруги...

— Или будь уж честен, раз у вас все серьезно. Отведи ее в Итериан.

— Не сейчас. И с Генрихом, и Итериан — это... потом.

— Хочешь убедиться, что она будет с тобой, даже не зная о том, кто ты есть?

— Нет, — тяжелый вздох. — Хочу убедиться, что она останется со мной, даже зная, кто я.

— Глупости говоришь, — голос сильфиды стал нежным и певучим.

Всколыхнулась разбуженная звоном хрусталя память, защемило в груди. Голос сильфиды — ни с чем не перепутать...

— Тырываешься между двумя мирами, в этом и беда.

— Нерываюсь, — сердито процедил Этьен. Воздушная перешла грань, пожалела его, а жалости он не терпел. — Мой мир здесь.

— Но...

— Завтра в три, помнишь? Что хочешь делай, но Эйнар должен прийти.

Генрих прислушивался еще какое-то время к звукам в соседнем номере, но не дождался больше ни одного слова. Как не дождался и стука в дверь. Этьен пришел лишь затем, чтобы поговорить с сильфидой и забрать что-то из вещей. Не хлопни он дверцей шкафа, Лэйд и не узнал бы, что сын появлялся в гостинице. Сын...

Сын Аллей. Сын Холгера. Может, и не шеар, но и не человек. Человеческого в нем не так уж много, а то, что есть, все без остатка принадлежит девчонке с фотокарточки. Ни до чего другого ему теперь нет дела, все былые клятвы можно забыть...

Стакан был еще в руке, и Генрих размахнулся, чтобы швырнуть его в стену. Но сдержался и потянулся за стоявшей на столе бутылкой.

Клер восприняла известие о скором переезде с радостью. Оказывается, она всегда мечтала жить в доме с садом. Правда, в ее мечтах в саду имелись качели, и Тьену пришлось пообещать, что реальность не будет отличаться от грез.

А Люк загрузил. Его чудесное выздоровление взбудоражило дворовую компанию, мальчишки перекраивали планы, чтобы весело провести остаток лета: походы в кино, рыбалка, прогулки по реке... И вдруг съезжать? Прощаться с друзьями? Но Тьен и здесь пришел на помощь. Сказал, что для настоящей дружбы ни время, ни расстояние не помеха, и Люк согласился, признавая, что жених сестры знает о таком лучше кого бы то ни было.

Жених. Софи почему-то не нравилось это слово. Веяло от него не романтикой, а пыльными архивами канцелярии, где однажды окажется среди многих свидетельство об их скоропостижном браке. Видимо, пресловутая боязнь свадьбы, которая, если верить книгам, преследует каждую девушку, настигла и ее.

Но если отбросить беспочвенные страхи, жизнь была прекрасна, как никогда.

И хорошие новости не заканчивались.

Придя на следующий день в магазин, Софи узнала, что госпожа Рамзи наконец-то нашла ей помощницу. Хлоя недавно переехала из деревни, чтобы помочь овдовевшей сестре, которая осталась одна с двумя детьми, но оказалось, что деньги в доме нужны больше, чем лишние руки. Кто-то посоветовал обратиться по поводу работы в оранжерею. Кто именно, девушка не помнила, и сама удивлялась, что решилась попробовать, ведь нужного опыта у нее не было. Но в саду возилась с детства, знала маленькие секреты, вроде того, как подольше сохранить срезанные цветы, какие можно ставить в одну вазу, а какие нет, и вкус, как заметила Софи, у нее имелся, и схватывала она все на лету...

Значит, повезло сразу найти свое дело.

И Софи неплохо: сможет уходить, если надо, пораньше, или приходить попозже. Потом, когда новенькая освоится, выходные поделят, чтобы магазин работал каждый день.

А сегодня можно пообедать с будущими родственниками, не торопясь скорее вернуться к работе.

О том, что Эйнар никуда не уезжал, девушка догадалась сразу же. Слишком быстро Тьен изменил решение по поводу встречи. И в том, что его брат не откажется от приглашения, тоже не сомневалась.

Она вовсе не хотела влезать в сложные взаимоотношения в пока еще чужой семье, но чувствовалось, что и Тьена тяготит затянувшаяся неопределенность. А ей интересно было, что представляет собой его родня, и есть ли шанс, что когда-нибудь они сумеют найти общий язык.

В ресторан они с Тьеном пришли первыми. Заняли столик у окна, просмотрели меню.

Софи, порядком проголодавшись с утра, заказала омлет с грибами и успела его съесть, а Эйнара с супругой все еще не было.

Тьен, волнуясь, раскрыл в тарелку хрустящую хлебную палочку.

Потом собирал крошки пальцем и отправлял в рот под недовольным взглядом метрдотеля.

А его брат так и не появился.

— Подождем еще немного, — Софи успокаивающе погладила мужчину по руке.

— Пять минут, — он снял с запястья часы и положил на стол перед собой, демонстрируя, что не простит больше ни секунды. — Если они не явятся через пять минут...

Эйнар с женой пришли ровно через четыре.

— Прошу прощения за опоздание, — Эйнар коротко кивнул брату и поклонился его спутнице. — Автомобиль заглох в нескольких кварталах отсюда. Пришлось идти пешком.

Этьен оценит.

Уже оценил: вон, как желваки заходили на скулах.

А чего он хотел? Думал, одолжение ему сделал, когда пригласил?

Еще и как пригласил. Ладно, не хотел сам появляться во дворце, но мог бы письмо написать. И вестника прислать другого. И без нелепых условий...

Наследный шеар был немало удивлен, увидев сильфиду на своем окне. И возмущен: во дворец правителя полагается входить через дверь, докладывать о себе служителю и дожидаться, покуда тебя пригласят для разговора. А вламываться столь дерзко... Он даже не знал, какого наказания заслуживал нарушитель, потому что подобного на его памяти не случалось.

Правда, воздушная тут же извинилась за вторжение, объяснив неподобающее поведение делом повышенной секретности. И на колени опустилась, подобрав развевающиеся полы платья, и голову почтительно склонила... что уже было подозрительно, если вспомнить их первую встречу. Но то, что задание ей самой не нравилось, немного сглаживало ситуацию...

— Дорогая, — Эйнар отодвинул стул, помогая сильфиде присесть.

— Спасибо, милый.

Этьен сердито засопел, широко раздувая ноздри...

Интересно, теперь что не так? Сам же хотел, чтобы они изображали счастливую пару.

Наследник итерианского престола занял место рядом с «супругой» и взял книжечку-меню.

— Вы еще ничего не заказывали? Нет? Солнышко, выберешь что-нибудь?

У людей имелась странная привычка называть друг друга именами животных или неодушевленных предметов: зайка, котик, рыбка, булочка, конфетка. Это следовало принять во внимание, репетируя свои роли. На зайку и котика Эсея почему-то не согласилась, от съедобных прозвищ отказалась категорически и вообще отвергла большую часть списка, оставив лишь солнышко, ласточку и золотце. Эйнар опасался, что до окончания обеда этого не хватит.

— Я так рада, что вы смогли найти время, — неловко начала Софи, поняв, что Этьен поддерживать беседу не собирается, а молчание неприлично затягивается.

— Не представляете, как я рад, — не остался в долгу Эйнар. — Даже не надеялся на приглашение.

— Ну что вы, для нас это важно, — смущенно пробормотала девушка.

Должно быть, какая-то стандартная для таких ситуаций фраза, принятая среди людей.

— Мы с Софи собираемся пожениться, — выпалил без предисловий Этьен.

Новость была почти не новостью.

Эсея предполагала нечто подобное, хоть и избегала обсуждать личную жизнь командира и его выбор.

— Поздравляю, — широко улыбнулся Эйнар. — Замечательное известие! Правда, эээ... золотце?

— Чудесная новость, — подпела, отвлекшись от меню, Эсея.

Ей не очень хорошо удавалось изображать человека. Человеческие женщины более эмоциональны, особенно, когда речь идет о свадьбах, детях и комнатных собачках. Они радостно щебечут что-то бессвязное, обнимаются и сюсюкаются. Иногда подпрыгивают на месте и хлопают в ладоши — Эйнар видел пару раз. Смысла не понял, но запомнил.

— Вы уже выбрали день проведения церемонии? — поинтересовался он, поддерживая разговор.

— Мы решили обойтись без церемоний, — обменявшись взглядами с невестой, ответил Этьен. — С скромный праздник... для своих.

— Нам будет приятно, если вы придете, — добавила Софи.

Было ли это еще одной из принятых у людей фраз, или девушка говорила искренне, но, судя по всему, с будущим мужем она это приглашение не обговаривала. Тем не менее, тот не нервничал: Эсея предупреждала, что им все равно нужно будет объявить о своем скором отъезде...

— Обязательно придем. Да, милая?

Воздушная встрепелулась. Побледнела. Показалось, собиралась полностью раствориться в родной стихии, но в последний момент сдержалась...

Брату не в чем ее винить, приказ сильфида выполнила в точности.

Только вот Эйнар его приказы выполнять не обязан.

Пусть Этьен расценивает это как мелочную месть, недостойную будущего правителя Дивного мира, но... Мог бы попросить. Сам. Лично. Не хотел появляться в Итериане — через ту же Эсею назначил бы встречу здесь. Но брат до разговора не снизошел...

А он еще с двигателем его возился!

— Конечно, дорогой, — неожиданно поддержала сильфида. — Мы же не можем пропустить такое событие?

Не один Эйнар лелеял в сердце обиду.

Тьен с трудом сдерживал раздражение.

Что устроили эти двое? Ведут себя как капризные дети!

Сначала опоздали. Затем, в пику ему, заявили, что придут на свадьбу.

Угу, как же. Это они сейчас думают, что придут. Точнее, что пришли бы. А потом... Потом Эйнар и сам не захочет...

А от Эсеи он такого не ожидал. Это не просто неподчинение приказу, это предательство — вот что.

Тем временем беседа за столом продолжалась. Как бы там ни было, а роли свои младшенький с сильфидой отыгрывали старательно. Закончив с выражением радости по поводу грядущего события, принялись обсуждать связанные с этим приготовления.

— Где вы планируете жить?

Вопрос, обычный для ситуации, из уст Эйнара прозвучал со скрытой подоплекой.

Рассчитывает, что Тьен приведет семью в Итериан? Пусть и не надеется.

— Мы купили дом, — «похвастался» он.

— Дом — это прекрасно! — тут же подхватил братец.

Сильфида кивала, прячась за меню. Так и не выбрала ничего...

— Позвольте помочь, — Тьен вырвал из бессильно разжавшихся пальчиков книжечку с перечнем блюд. — Думаю, стоит взять вина. Середина дня, но мне кажется, у нас есть повод. Подозвав официанта, шеар озвучил заказ.

Итерианцев незнакомые названия не насторожили. Мелкая пакость — под стать их

детским выходкам...

— У вас, наверное, немало хлопот, — не глядя на него, обратилась к Софи Эсея. — Подготовка к свадьбе, дом. Но, уверена, Этьен помогает во всем. Вам с ним повезло. Понимающий, заботливый. Нынче редко встретишь мужчину, настолько ценящего дружбу и добрые отношения...

А, вот оно что. Добрые отношения он не оценил.

Когда успел? Что такого недоброго в его просьбе?

«Ты не просил», — отозвался на слишком громкие мысли младшенький.

Просил... как умел...

А если бы Эйнар первым не сунулся в цветочный магазин, не пришлось бы устраивать этот фарс.

Комедия — все до последнего слова...

И принесенные официантов тарелки — не более чем реквизит.

— Что это? — пригляделся и принюхался Эйнар.

— Мясо, — коротко ответил Тьен.

— Сырое?

— Не совсем. Соус, специи... Но практически — да, сырое. Попробуй, тебе понравится. — Он поддел вилкой один из тонких полупрозрачных кусочков и отправил его в рот. — М-м-м-м... Готов поспорить, этот теленок еще вчера резвился на лугу.

— Теленок? — предательница сильфида тяжело сглотнула.

— Сочный молоденький теленок, — подтвердил Тьен не без злорадства.

Рожки да ножки, большие влажные глаза, умильная морда... Самое то для дорогих итерианских гостей.

Глупость несусветная...

— Милая, позволь я... — Эйнар забрал у сильфиды тарелку и отставил подальше. — Моя жена не ест мяса, — пояснил он для Софи. — Но Этьен слишком редко у нас бывает, чтобы знать об этом.

Самого его «экзотичность» блюда не отпугнула. Подцепил кусочек, хмыкнул одобритительно, будто и правда понравилось, и предложил наполнить бокалы.

— За вашу прекрасную пару! — прозвучал первый тост. — За любовь и взаимопонимание.

— Честность и доверие, — еле слышно дополнила Эсея.

Пришлось признать, что своего они добились. Испортили обед.

Хорошо, что Софи ничего не заметила, а что еще лучше — спустя четверть часа засобиралась в магазин.

— Я провожу, — Тьен поднялся из-за стола вслед за девушкой. — А потом вернусь...

Хотелось верить, «дорогие родственники» оценят перспективы продолжения беседы.

— Мне не стоило приглашать их, не поговорив с тобой, — сказала Софи, когда они вышли из зала. — Прости, само собой вырвалось...

— Ты все правильно сделала, — поспешил успокоить ее мужчина.

— Мне показалось...

— Тебе показалось, — он коснулся губами ее щеки. — Не волнуйся ни о чем. Я зайду к тебе попозже, хорошо?

Возвращаясь, Тьен надеялся никого не застать за столиком. У Эйнара и Эсеи было достаточно времени, чтобы исчезнуть из ресторана, и на их месте он так и поступил бы...

Но, увы.

— Трудно было сделать так, как я сказал? — хмуро спросил он сначала у брата.

— Нет, но...

— Спасибо, что пришел. Не смею больше задерживать.

— Я не тороплюсь.

— Я тороплюсь, — хотелось пинками выгнать наглого мальчишку, но Тьен не позволил себе вспылить. — Меня ждут, а я хотел бы еще успеть переговорить с твоей очаровательной супругой. Так что будь добр, оставь нас.

Может, Эйнар и собирался возразить, но вовремя вспомнил, что не имеет права вмешиваться в отношения шеара и его свиты.

— Счастливо оставаться, — раскланялся он шутливо, но улыбка смотрелась донельзя фальшиво. — Буду ждать официального приглашения, с уточнением даты и времени.

— Фигляр, — сердито бросил ему в спину Тьен.

Поглядел исподлобья на сидевшую по другую сторону стола сильфиду и пододвинул к себе тарелку с пикантной телятиной. Деликатес же. Не то, что кровяная колбаса с перловкой, а ведь и та в свое время казалась царским лакомством.

Эсея наблюдала молча, даже не кривилась, но Тьен мог поспорить, что образ большеглазого лобастого тельенка все еще стоит у нее перед глазами. Жалостливая... когда дело касается зверюшек и птичек... не прожаренных...

И разговор сама не начнет. А ему и не хочется. Долгие годы он жил одним желанием, и когда оно осуществилось, все остальное стало неважно. Не так важно...

— Объяснишь? — спросил он все-таки.

— Что именно?

— Почему ты игнорируешь мой приказ и принимаешь сторону Эйнара?

— Я на твоей стороне, — медленно проговорила сильфида. — И я выполнила твой приказ в точности. Ты хотел, чтобы мы изображали любящую пару, а разве хорошая жена пойдет против мужа?

— Хорошая жена напомнила бы своему забывчивому супругу о том, что их ждут в другом месте, и уже куплены билеты на поезд.

— Это расстроило бы твою невесту.

— Ничего, я бы ее утешил.

— Не сомневаюсь.

Воздушная говорила спокойно, что-что, а прятать эмоции она умела.

— Мне казалось, мы друзья, Эсея.

— И мне... казалось.

— Дерьмо! — мужчина со злостью отшвырнул вилку, и та, ударившись о стол, со звоном упала на пол.

Люди за соседними столиками начали оборачиваться, зашушукались. Официант поспешил к месту ссоры, чтобы сменить прибор и сделать замечание шумному клиенту... Но был остановлен мимолетным взмахом руки. Словно ничего не произошло...

И не происходит. Посетители обедают, не замечая вскочившего с места, нависшего над девушкой шеара, не слыша продолжившегося на повышенных тонах разговора.

— Что не так? Давай, выкладывай. Я был плохим командиром? Нагружал тебя без меры? Недостаточно часто закрывал глаза на твои выходки? Ну, смелее.

— Ты был хорошим командиром. До недавнего времени. Не здесь.

— А здесь что? Я посадил тебя на цепь? Или хотя бы наказал за то, что ты шпионила за мной?

— Ты приказал мне остановить Эйнара, когда он пришел в первый раз.

— И?

Сильфида подняла на него глаза. Большие чистые глаза растерянного ребенка.

— Ты приказал мне остановить шеара. Никто из стихийников в здравом уме не выступит против шеара. Никогда. Он... он мог убить меня.

Нежный голосок дрогнул, и на миг стало не по себе.

— Глупости, — тут же отмахнулся Тьен.

— Он мог убить меня, — повторила Эсея. — Если бы захотел.

— И ты так его боялась, что буквально через день, уже по собственному почину, едва не продырявила копьем?

— Ты велел не подпускать его к тебе. Мне не хотелось, чтобы ты счел, что я не выполняю твое распоряжение. И я видела куда бью.

— Прекрасно! — Тьен насмешливо заплодировал. Одна часть его понимала, что претензии сильфиды обоснованы, но другая не желала смириться с тем, что он в чем-то был неправ. — Ты столько раз нарушала мои приказы, а именно тут решила выслужиться. Молодец, хвалю. Что дальше?

— Дальше ты послал меня к своему брату, чтобы я пригласила... вернее, привела сюда. Послал, зная, что после всего Эйнар мог...

— Убить тебя, угу. Это все?

— Да.

— Ну что ж, — он сел, налил себе вина и отпил немного. — Ты с честью выполнила все мои задания и осталась жива. Чему я очень рад. И я знаю, что по-прежнему могу доверять тебе. Будем считать, что мы разобрались со всеми недоразумениями?

Извиняться он так и не научился. Но и Эсея никогда не просила прощения.

— Нет, — ответ сильфиды прозвучал как гром среди ясного неба. — Не разобрались. Потому что... потому что теперь я не могу доверять тебе.

— Вот так новость, — одним махом он опрокинул в себя содержимое бокала. — Продолжай.

— Мне нечего добавить. А ты... Тебе все равно не нужна уже свита. Просто прогнать не хочешь, ждешь, пока сами уйдем.

— Это я ухожу. Мы это обсуждали.

— Нет, — она покачала головой. — Не обсуждали. Ты поставил нас перед фактом, причем в последний момент. Даже не удосужился сообщить лично, передал через Лили.

— Мы встретились бы на приеме у Холгера и успели бы все обговорить, я не собирался вас бросать.

— Ты уже нас бросил! — за все время, что они были знакомы, выдержка впервые отказала сильфиде, и сейчас она почти кричала. — Бросил, едва вернулся сюда, к своей Софи!

— Не смей ее обвинять.

— И не думала, — Эсея сникла, голос вновь зазвучал тихо. — Ты относишься к ней не лучше, чем к нам, а обманываешь даже чаще...

— Не лезь в то, чего не понимаешь.

— Не понимаю, — покорно согласилась девушка. — Это невозможно понять.

Возможно при желании.

Но ни у Эсеи, ни у других из его свиты такого желания нет.

Считают, что лучше него знают, как, где и с кем ему жить. Лезут, когда их не просят, с советами и нравоучениями. Высказывают, по поводу и без, глупые обиды.

— Значит, нет смысла продолжать этот разговор, — заключил он мрачно. — Можешь идти.

— До тех пор, пока тебе снова не понадобятся родственники, чтобы порадовать невесту?

Если бы она просто ушла, на этом бы все и закончилось. Через несколько дней и не вспомнили бы. Притворились бы оба, что не помнят...

— Нет. Больше я не попрошу тебя ни о чем подобном. Ни о чем.

По-прежнему не привлекая внимания посетителей ресторана, он обошел стол и положил руку на плечо поднявшейся со своего места сильфиды. Заглянул в глаза цвета неба и не увидел в них даже тени возражений.

Все кончается. Иногда так.

— Эсея Ианта, посвященная рода Эним...

Он называл ее полным именем второй раз в жизни. А первый, казалось, был только вчера...

— Я, Этьен, третий шеар Итериана, освобождаю тебя от всех данных мне клятв и обетов... Ты этого хотела?

Она пожала плечами, сбрасывая его ладонь:

— Наверное, да.

Сильфиду Эйнар нашел на крыше старого собора. Не лучшее место: растрескавшаяся черепица, голубиный помет, еще и колокола трезвонят каждые десять минут, если не чаще...

— Я думал, ты уже ушла. В смысле, отсюда. Вообще.

Глупо получилось. Если бы он думал, что она ушла, искал бы ее где-нибудь в Итериане.

— Я тоже была уверена, что вы давно вернулись домой, — проговорила воздушная, склонив голову.

— Решил задержаться. Мне жаль, что так получилось. Если бы ты не поддержала меня...

— Рано или поздно это все равно случилось бы.

Она не выглядела расстроенной, не плакала. Сидела на крыше, свесив ноги, и задумчиво рассматривала суетливый людской город.

Шеар присел рядом.

— Я бы тебя не убил, — посчитал нужным сказать он.

— Нехорошо подслушивать, — тихо заметила сильфида.

— Знаю. Обычно я так не делаю.

Она повернулась, не поднимая головы. Взглянула быстро из-под закрывшей глаза челки.

— Ну... иногда делаю, — сознался Эйнар.

— Вы — шеар, вам можно.

Эйнар сказал бы ей, что шеарам позволено далеко не все, но подумал, что это лишняя информация. Еще с крыши прогонит.

— Чем собираешься заняться теперь?

— Вернусь в Итериан, — ответила Эсея.

— Я чувствую себя виноватым в том, что случилось, и хотел бы как-то...

Девушка заинтересовалась.

— Моя бабушка, шеари Йонела, охотно принимает соплеменниц в... не знаю, как это правильно... Будешь кем-то вроде фрейлины или компаньонки.

— Не буду, — интерес во взгляде сильфиды моментально угас.

— Э-э-э... Этьен рассказывал о бабушке?

— Нет, не рассказывал. Ни о ком из вашей семьи. Но о шеари Йонеле все наслышаны. И меня она ничуть не пугает. Но дворцовая жизнь не для меня. Я собиралась в Энемис, чтобы помочь восстановить мой дом.

— Чем ты сможешь? — удивился Эйнар. — Этим занимаются альвы — растят новые горы...

— Альвы? — Эсея пренебрежительно хмыкнула. — Что они в этом понимают? Горы — это не просто груда камней. Горы — это... Это горы.

— Ясно, — кивнул Эйнар, словно на самом деле понял, о чем она говорила. — Если хочешь, я разузнаю, кто из старейших там управляет, и попрошу, чтобы тебя взяли.

— Не стоит беспокоиться, — снова отказалась девушка. — Немало моих знакомых трудятся там. Думаю, меня примут и без вашей протекции.

— Но если возникнут сложности, обращайся. Где мое окно, ты уже знаешь.

— Благодарю вас, шеар Эйнар.

Церемонный поклон и преисполненный почтения голос не оставляли надежды на то, что когда-нибудь она воспользуется его предложением.

— Ну так... идем?

Эйнар подал сильфиде руку, но та и не шелохнулась.

— Я задержусь. Нужно попрощаться с друзьями.

— Тогда я сам, а ты... Не будешь против, если я как-нибудь навещу тебя в Энемисе? А лучше — приглашу во дворец?

— Зачем? — смутилась Эсея.

— С бабушкой познакомлю. Ей будет приятно встретиться с кем-то, кто ее не боится.

Тьен задержался в ресторане, а после сделал круг по пути в магазин, чтобы Софи думала, будто он проводит время в компании родственников. Для нее это важно.

А родственники... Уедут потом. В спешке, не предупредив. Пришлют открытку с извинениями из другого города...

Все равно разошлись бы.

Эсее лучше в Итериане, ему — здесь.

Тут у него семья. Софи.

И чушь полная, что он ее обманывает. Просто не говорит всего. Пока.

Но когда решится сказать, она поймет.

Обязательно.

Завтра. Или через неделю.

А лучше уже после визита в Итериан...

В любом случае время еще было, и Тьен отложил разговор на неопределенный срок, малодушно мечтая, чтобы все решилось само собой, забыв о том, о чем, как шеар, должен был знать: именно такие мечты, когда сам не отдаешь себе отчета в том, чего действительно желаешь, имеют свойство сбываться...

Кто-то сказал однажды, что безмятежное счастье скоро приедается и превращается в рутину. Это даже записали в какой-то книге, а Тьен прочел. Давно, когда еще не задумывался о подобных вещах.

Глупость.

Настоящее счастье не станет рутинной. Но легко превратит рутину в праздник.

— Проследи, чтобы Клер застелила постель, а не бросила, как обычно, — велела, собираясь на работу, Софи. — И зубы. Она может полчаса просидеть в ванной, но зубы так и не почистить. Это легко понять — щетка сухая.

— Мочить пока не додумалась? — удивился Тьен.

— Ты еще научи!

Девушка выдернула у него из-под головы подушку и по голове же ею и припечатала. Легонько, в воспитательных целях.

И тут же отскочила, чтобы не получить в ответ.

— Не потакай ей, — погрозила строго. — И раз уж вы без меня решили, что на летние занятия она ходить не будет, пусть хоть почитает перед обедом.

— Перед обедом не выйдет, — шеар вернул подушку на ее законное место и растянулся на кровати. — Мы в кино собираемся, на утренний сеанс. Потом погуляем. Хочешь с нами?

После первой, неудачной попытки он не заговаривал о том, чтобы Софи оставила работу, но пусть сама оценит, что лучше: скучать в магазине в ожидании очередного клиента или весело проводить время с семьей.

— В другой раз, — отказалась девушка. — А ты обещал забрать меня в перерыв, так что не загуляйтесь.

Они собирались проехать в центр, посмотреть кое-что для дома. Новые занавески, ковер в гостиную, скатерти... Тьен мог бы и сам «поработать» над интерьером, но ему нравилось заниматься этим вместе с Софи. Нравилась ее деловитость и простые, но элегантные решения. Нравилось, как она листает каталоги и придирчиво расспрашивает продавцов...

Жизнь, настоящая жизнь, состоит из подобных мелочей. Все, сотворенное магией Дивного мира, будет лишь жалкой подделкой.

— Все, я ушла, — быстрый поцелуй и еще один, воздушный, уже от двери. — Не скучай!

Он хотел сказать, что уже скучает, но его опередили.

— С нами не соскучится! — успокоил хриловатый спросонья девчоночий голосок.

Если Клер что-то обещает, можно не сомневаться, что так оно и будет.

Проблем с малышкой у Тьена никогда не возникало.

И постель она застелила, и зубы почистила.

И завтрак приготовила, пока он брился. Правда, пришлось задержаться в ванной, чтобы хозяйюшка успела отдраить плиту от сбежавшего кофе.

Люк спал обычно допоздна. Только когда нужно было на процедуры ездить, вставал с сестрами — как ради такого не встанешь? А теперь снова дрых до полудня. Клер говорила, это оттого, что к школе не приучен. А Тьен помнил, как рано будила Софи братишку, когда работала в лавке. Как тащила с собой в любую погоду. Пусть отсыпается...

Но разве дадут?

Клер гремела посудой, разговаривала в полный голос и топала как слон.

— Доброе утро! — прокричала она, едва заспанный брат вышел в коридор. — Я тебе чай заварила и гренки пожарила.

Сердиться на нее при всем желании не получалось, и мальчишка, пробурчав что-то, побрел в ванную.

Вышел оттуда уже умытый, причесанный и полностью проснувшийся. Прошлепал босыми ногами по полу и уселся за стол напротив шеара. Отпил из чашки и поморщился.

— Сахар я еще не клала! — опоздала с предупреждением Клер.

...А Софи пьет несладкий. Как и раньше. Даже когда он жил с ними и покупал всего вдоволь, экономила. Или привыкла уже так...

В который раз за последние дни Тьен поймал себя на мысли, что невольно сравнивает то, что было тогда, с тем, что есть теперь. Вспоминает, ищет сходство и отличия, и неизменно приходит к выводу, что теперь почти так же хорошо, как тогда.

Почти, потому что девять лет назад он еще не знал об Итериане, не помнил темных крыльев ильясу, не ждал ежеминутно, что кто-то из окружения Холгера явится за ним с известием о новом вторжении пустоты...

— Ух ты! — восхищенно выдохнула над ухом Клер. — Как ты это сделал?

Чайная ложечка, которую он вертел в руках, оказалась закручена в тугую спираль.

— Фокус, — быстро нашелся шеар, возвращая ложке первоначальный вид. — Хочешь, другой покажу? Что у тебя в кармане?

— Ничего, — девочка отступила от стола.

— Точно ничего? — он трижды хлопнул в ладоши и торжественно провозгласил: — Из ничего я сотворил три шоколадные конфеты! Тебе, мне и Люку. Проверь.

— Нет там никаких конфет, — даже не пощупав карман, замотала головой малышка.

— Есть-есть, — сдерживая смех, уверил ее брат, тоже видевший, как Клер тайком стащила сладости из вазочки. — Тьен — великий волшебник. Раз он сказал, что есть, так делись.

— Надо же, и правда, конфеты! — наигранно удивилась плутовка, выворачивая карманы. — Тьен, а наколдуй мне еще эклеров и пастилу.

— Наколдую, — пообещал он. — Сразу же после фильма, в ближайшей кондитерской.

В кино собирались большой компанией. Помимо их троих — все дворовые друзья Люка. В авто разместились с трудом, но без обид. Пока ехали, руки и взъерошенные головы торчали из окон, вызывая улыбки на лицах встречных прохожих.

Кинозал был полон. На галерке расселись шумные студиязы, пришедшие не столько посмотреть фильм, сколько испортить удовольствие от просмотра остальным. Едва свет погас, и на экране замелькали первые кадры, они принялись свистеть и улюлюкать, а появление хорошенькой героини сорвало несколько грубых выкриков. На присутствие шеара юнцы явно не рассчитывали.

Он утихомирил их быстро и ненавязчиво. Молодежь вдруг заскучала, осознала бессмысленность подобного времяпрепровождения и решила покинуть зал.

Но фильм от этого интереснее не стал. Погони, перестрелки, «пылающие страстью» глаза героев. Глядя на экран, Тьен чувствовал себя больше итерианцем, нежели человеком, и недоумевал, как можно превратить историю, полную смертей, в развлекательную картину. Герой без лишних угрызений совести расстреливал преследующих его врагов, небрежно сдувая вылетающий из длинного ствола револьвера дымок. Героиня, жеманно охая,

перепрыгивала через трупы...

А дети смотрели, не отрывая глаз, видя в этом смешении грязи и лжи романтику приключений, отвагу, честность и искренность чувств. Но на то они и дети.

— Мы еще погуляем! — предупредили они по возвращении домой.

Да уж, лучше пусть погуляют.

С честью выполнив добровольно принятые на себя обязательства, от похода в кинотеатр до наколдованных эклеров, Тьен поднялся в квартиру, чтобы переодеться. Поездка в авто, набитом уминающей шоколад и мороженое детворой, не лучшим образом отразилась на костюме, и отправляться в таком виде по магазинам с Софи было никак нельзя.

Благо времени оставалось достаточно даже на то, чтобы принять ванну.

После пыльных улиц и душного зала приятно окунуться в прохладную воду, закрыть глаза и полежать в тишине, не думая ни о прошлом, ни о будущем, полностью доверившись целительной стихии.

Не спешить.

Расслабиться.

Уснуть...

Софи нравилось работать с Хлоей, но в то же время девушка испытывала нечто сродни ревности. Она помнила, как начинала сама, как училась на маленьких, но обидных ошибках, как порой отдавала только что заработанное в уплату за сломанные или увядшие по недосмотру цветы. Новенькой же все давалось с первого раза. Казалось, любимое дело, которому Софи отдала столько времени и сил, предавало ее, уходя в чужие руки.

«Что-то приходит, что-то уходит, — успокаивала она себя. — Зато у меня теперь есть Тьен. И Люк здоров».

К тому же, теперь было на кого оставить магазин, чтобы заняться своими делами.

Дом готовили к продаже так, чтобы новый хозяин, будь у него такая нужда, мог вселяться с первого дня. Но Софи претило въезжать в чужое жилище. Сначала этот дом должен стать их. Передвинуть мебель, сменить ковры, повесить новые занавески и картины на стены, расставить цветы на широких подоконниках — она запланировала немало дел и еще больше трат, все еще немного смущаясь того, что они в большей мере лягут на Тьена.

Но уже не сомневалась.

Не удивлялась, отрывая листочек календаря и считая в уме, сколько дней прошло с тех пор, как он вернулся.

С ним всегда так. В прошлый раз он тоже вошел в их жизнь внезапно и навсегда... как казалось. А потом пропал на долгие годы...

Софи гнала эти мысли, заставляя себя думать о доме, о свадьбе, о пышном белом платье, которого сразу не хотела, а после передумала — ведь не каждый день надеваются подобные наряды. Представляла, какими чудесными выйдут снимки. Рене — прекрасный фотограф, и свадебные альбомы он делает великолепные, потому ей, однозначно, нужно быть в платье. А уж букет она для себя сделает...

Колокольчик звякнул, извещая о приходе покупателя.

— Хлоя, — позвала Софи негромко. — Займись, пожалуйста.

Ей не хотелось обслуживать вошедшую в магазин клиентку, чей траурный наряд никак не гармонировал с ее белоснежными мечтами, а новенькой нужно практиковаться. В том числе в создании похоронных венков.

Но помощница отчего-то замешкалась, и пришлось самой подойти к прилавку.

— Здравствуйте.

Посетительница в ответ медленно склонила голову, словно для того, чтобы продемонстрировать элегантную черную шляпку, к которой была пришпилена непроницаемая вуаль.

— Я могу вам что-нибудь предложить?

— Розу, — коротко приказали из-под вуали.

— Одну розу? — переспросила на всякий случай Софи.

— Да.

— Какую?

— Любую.

Девушка вытащила из вазона цветов с темными, почти черными бархатными лепестками и показала покупательнице.

— Такая вам нравится?

Она и не думала насмешничать, чужой траур — дурной повод, но показалось, что именно этот сорт подойдет немногословной незнакомке.

— Очень, — после паузы будто бы удивленно ответила женщина.

— Упаковать?

— Нет. Я возьму так.

Она протянула тонкую изящную руку и резко вырвала у Софи цветок.

Девушка ойкнула: шипы оцарапали пальцы. А странная покупательница в тот же миг перехватила ее запястье и дернула на себя.

Нужно было крикнуть, вырваться, но голос и тело перестали слушаться. Ища спасения, Софи обернулась к Хлое, но та застыла на месте, устремив перед собой невидящий взгляд, и стояла так, видимо, с того самого момента, как женщина в черном появилась в их магазине.

— Бедная маленькая Софи, — прошептала она, стирая проступившую на коже девушки кровь. — Больно? Нет, это не больно, поверь...

Женщина откинула вуаль, поднесла к губам и облизала измазанный в крови палец. Но не само это действие испугало девушку. Расширившимися от страха глазами она смотрела на бледное нереально прекрасное лицо, вновь чувствуя себя маленькой перепуганной девочкой. Даже холодно стало, совсем как в тот день.

— Узнала, — поняла незнакомка. Или знакомка — имя ее, как и все, случившееся много лет назад, мгновенно всплыло в памяти. — Конечно, узнала. Однажды встретившись с кем-либо из детей стихий, человек запомнит его навсегда и узнает даже спустя годы, если тот сам не пожелает обратного. С Этьеном ведь тоже так. Он еще удивлялся, глупый мальчишка.

Дышать стало легче, и Софи почувствовала, что может говорить.

— Вы здесь из-за него? — спросила хрипло. — Преследуете, снова.

— Нет, малышка, — Лили, тогда ее звали Лили, покачала головой. — Это ты преследуешь его уже долгое время и никак не отпустишь. А он не хочет отпускать тебя. Думаешь, это судьба?

«Это кошмар, — подумала Софи. — Вернувшийся детский кошмар».

— Есть только один способ проверить, — сказали ей.

Голова закружилась, и девушка провалилась в разверзшуюся под ней пропасть.

— Сейчас будет по-настоящему больно, — предупредила ее Лили за миг до того, как в голове что-то с треском разорвалось, а тело пронзила судорога.

Почти тут же ноги почувствовали твердую поверхность, но стоять Софи не смогла и упала навзничь. А когда попыталась подняться, ее стошнило.

— Это нормально, — женщина в черном протянула ей белый платок.

«Почему белый?» — успела удивиться Софи прежде чем, к огромному своему облегчению, потеряла сознание.

Она пришла в себя на ажурной каменной лестнице.

Каменная и ажурная. Прежде и в голову не пришло бы, что камень, словно нить, может сплетаться в замысловатую вязь, образуя веером расходящиеся от центральной оси ступени, огражденные тонким кружевом перил.

А еще — никогда она не думала, что человек, лишившись чувств, способен идти куда-то.

Но Софи тем не менее шла. Не понимая, куда и зачем, отрешенно рассматривая искусный рисунок каменной вышивки из-под падающего на лицо капюшона, ярко-красного — такого, что в первый момент ей показалось, что кровь заливает глаза.

Кто-то надел на нее этот плащ — шелковую накидку без рукавов — и завязал под подбородком тесемки. Кто-то, кто шел впереди нее по лестницы в таком же плаще, только черном, совершенно черном... Шел куда?

Софи остановилась. Коснулась рукой перил. Отшлифованный камень был теплым и пугающе настоящим.

Она обернулась назад: лестница терялась в темноте. Будто бы обрывалась, и не было никакого желания повернуть. А впереди, вверху горел свет.

Раздумья длились не больше секунды, и девушка продолжила подъем.

Ступеньки, казавшиеся бесконечными, закончились неожиданно. Лестница уперлась в стену, украшенную барельефом: высокие воины в старинных доспехах с лицами, скрытыми под забралами шлемов, стояли по обе стороны увитой плющом арки. Мастерская работа, но не скульптурой же любоваться ее сюда привели?

— Приветствую вас, стражи памяти, — женщина в черном поклонилась стене.

Сумасшедшая...

— Приветствую тебя, Эллилиатарренсаи Маэр, старейшая рода Хеллан.

Сначала послышался голос, низкий и раскатистый, как эхо в пещерах, а затем один из каменных воинов шагнул из стены. За ним — второй. Арка между ними превратилась в высокую двухстворчатую дверь... Но дверь — это мелочи в сравнении с ожившими статуями.

Софи тихо вскрикнула и отступила назад, поздно поняв, что за спиной у нее уходящая в темноту лестница, по которой она сейчас покатится кубарем...

Не покатилась. Каменная лоза перил в мгновение расплелась, чтобы бережно подхватить ее и поставить на место. Рядом со странной женщиной. Прямо перед грозными стражами.

— Кто твоя гостья, старейшая?

Лили — конечно же, это была она — посмотрела на Софи, словно ожидала, что девушка сама ответит на этот вопрос. Но не дождалась.

— Мы для того и пришли, чтобы это узнать, — сказала она. — Возможно...

Голос женщины стал тихим, слова — неразборчивыми, но стражи почтительно поклонились и расступились, пропуская их к двери.

Вслед за своей провожатой Софи вошла в просторный круглый зал. Осмотрелась, надеясь хоть в чем-то отыскать объяснение случившемуся с нею, но стены хранили

молчание, а потолок... Потолка не было. Вернее, он как будто был, она чувствовала, что был, но вместе с тем четко видела ночное небо и яркие звезды.

Звезды пугали.

Незнакомые. Чужие.

Софи с детства помнила пересекавшую небосвод Дорогу Туманов, мерцающую россыпь Танцовщиц и Негасимое Око — самую яркую звезду, издревле указывавшую морякам путь на север.

Здесь их не было.

— Где мы? — поборов страх, отважилась спросить девушка.

— В хранилище памяти. В архиве, если тебе так привычнее.

Софи не видела ничего привычного. В архивах — уставленные пыльными книгами и папками шкафы, столы, стулья для посетителей, а тут — голые стены и большой шар из белого камня в центре.

Но не об этом речь.

— Вы не поняли. Где мы? Вообще. И зачем?

— Где мы, кто мы, зачем мы... Так много вопросов, — Лили откинула на спину капюшон и распустила тесемки плаща, позволив ему соскользнуть на пол. Тряхнула головой, и длинные золотистые волосы рассыпались по плечам, укрывая ее не хуже сброшенной накидки. — Начнем по порядку. Где мы — это проще всего. Мы в Итериане. В мире, стоящем в основании Великого древа, в мире, который дал жизнь всем остальным мирам и с тех пор хранит их от гибели. В Дивном мире, как пишут в ваших сказках.

В услышанное Софи поверила тут же, хотя разумнее было бы предположить, что кто-то из них, она или Лили, сошел с ума. Или обе сразу.

Но нет. Итериан. Дивный мир.

И кто знает, что там с Лили, а Софи вполне в своем уме.

— Люди обычно легко принимают это, — кивнула в такт ее мыслям златовласая красавица. — Они — нередкие гости у нас, и было бы несколько проблематично, если бы пришлось годами убеждать каждого, что он не повредился рассудком, а на самом деле попал в иной мир, населенный сказочными существами.

— А вы, значит, — сказочное существо? — немного уязвлено спросила Софи, от которой не укрылась насмешка в словах собеседницы.

— Смотри, в какие сказки ты веришь. Итериан населяют дети четырех стихий. Я — альва. Рожденная землей.

Альвы, Софи это помнила, — светлые создания, хранители лесов, добрые и милосердные... Но это, как ей только что сказано, смотря, в какие сказки верить.

И все же альва. Одна из детей стихий, которых, и захочешь забыть, не забудешь...

Девушка вздрогнула, вспомнив эти слова и те, другие, следовавшие за ними. Вопрос сам собой сорвался с губ:

— А Тьен... кто?

Альва молчала.

Смотрела на нее и молчала.

Тишина между ними сделалась осязаемой, душной и вязкой. Дышать стало трудно, и Софи, дрожащими пальцами распутав тесемки, сбросила плащ.

— Ты хочешь это узнать? — спросила наконец Лили.

— Разве не за тем я здесь?

— Ты здесь, потому что я тебя привела. Но хочешь ли ты сама знать ответ?

— Да, — сказала девушка, не задумываясь, ибо начини она думать, промедли хотя бы секунду, страх перед неизвестностью победил бы, и она все отдала бы, лишь бы забыть обо всем и вернуться домой.

Домой. К Тьену. К тому, кто нужен ей, независимо от того, кто он, вор из Торговой слободы или какой-нибудь сказочный альв.

— Да, — повторила Софи уверенно.

Он нужен ей, кем бы он ни был, а значит, нечего бояться.

— Подойди, — позвала ее Лили, первой приблизившись к шару в центре зала. — Дай руку.

Помня о том, что ее прикосновения ничего хорошего не сулят, девушка опасливо отвела руки за спину.

— У нас мало времени, — укорила за нерешительность альва, — а чтобы объяснить тебе все на словах, уйдет не один час.

Софи подумала, что сейчас, должно быть, снова будет больно.

— Боль бывает разной, — тихо сказала Лили. — Но я не позволю ей стать невыносимой.

Теплые пальцы коснулись руки, погладили ласково. Этот жест не вызвал отторжения — напротив, стало спокойнее, сердце уже не пыталось выскочить из груди, проломив ребра, дыхание выровнялось, в голове прояснилось...

Но лишь до тех пор, пока альва не прижала ее ладонь к шару.

Белый камень, сначала холодный, нагрелся под рукой. Засветился... Камни не светятся, это ненормально... Но в Дивном мире иные нормы.

Зал погрузился во мрак, и на какое-то время единственным источником света оставался каменный шар. А потом...

— Нужно дотронуться до этого булыжника?

Не веря себе, Софи медленно повернула голову на голос и закусил губу, чтобы не вскрикнуть.

Тьен. Ее Тьен. Семнадцатилетний мальчишка, которого она в последний раз видела на галдящей улице рядом с врезавшимся в столб автомобилем, прихрамывая, подошел к шару и остановился. Так близко, что можно прикоснуться... И рука поймает воздух, пройдя сквозь видение прошлого...

— Да, дотронуться и вспомнить, что было вчера. Не нужно составлять мысленный отчет, просто вспомни.

Лили давала указания со стороны. Она не изменилась. Она, наверное, вообще не меняется. Только одежда другая — длинное черное платье с широкими рукавами.

И на Тьене чужой наряд — рубаха до колен, высокие кожаные сапоги... А глаза такие усталые...

— Да понял я, — он нервно дернул губой, открывая прореху в ровном ряде зубов, — не дурак.

Его ладонь коснулась камня рядом с рукой Софи, и на хранилище памяти вновь обрушилась тьма...

Ночь — время покоя.

Даже в Итериане. Даже для детей стихий.

Глупо тратить силы на вечное бодрствование, когда можно найти им более достойное применение.

Глупо отказывать себе в удовольствии, забыв о делах, видеть сны: ведь как ни прекрасен Дивный мир, с миром грез ему не сравниться.

Но случаются ночи бессонные, наполненные тревожными мыслями, воспоминаниями, шорохом книжных страниц, шумом ветра за окнами... Эхом чужих шагов и голосов. Скрежетом камня...

Арсэлис прислушивалась к каждому звуку, ловила каждую вспышку живого тепла. Сосредоточившись, она могла узнать на расстоянии любого из тех, кого встречала достаточно часто, чтобы запомнить, как выглядит сияние его ауры. Различала стихийные начала незнакомцев, пытаясь угадать, кто они и что делают в это время во владениях ее семьи... Чем только не займешься, когда твой мужчина далеко, и не получается уснуть, не слыша над ухом родного дыхания.

Чужаков флейма почувствовала, едва они появились в дальней части дворца, в том крыле, где располагались библиотека. Вернее, одного чужака и... Арсэлис неприязненно поморщилась: что понадобилось этой женщине посреди ночи в ее доме? Пусть не совсем в доме — дворец огромен и доступ ограничен лишь в личные апартаменты высочайшего семейства — но все-таки?

Шеари никогда не страдала излишним любопытством, однако тут не смогла удержаться.

Вспышкой она перенеслась на пустынную галерею. Осмотрелась, чтобы убедиться, что рядом никого больше нет. Провела рукою вдоль стен, собирая пламя светильников...

— Не спится?

Резкий порыв ветра сбил с открытой ладони огненный шар, искры рассыпались по каменным плитам и погасли.

— Как и вам, матушка, — с плохо скрываемым недовольством пробормотала застигнутая врасплох флейма.

— Чудная ночь, — усмехнулась шеари Йонела. — Отчего бы не прогуляться, не поглядеть на звезды?

— Да, звезды нынче хороши, — вынужденно согласилась Арсэлис.

— Из окон твоей спальни прекрасный вид. А здесь... немного ветрено.

Что это, как не намек на то, чтобы она убиралась восвояси?

— Я не боюсь ветра, — заупрямилась флейма.

Сильфида удивленно вскинула бровь:

— Я и не говорю, что тебе нужно его бояться. Но если интересуешься... звездами, тебе лучше возвратиться в свои покои.

«Холгер вернулся», — поняла, прислушавшись к себе, Арсэлис.

Свекровь отсылала ее не просто так: старая шеари знала что-то, но не желала объяснять, оставив это сыну. Если тот сочтет нужным.

— Доброй ночи, матушка, — поклонилась флейма, прощаясь.

— Доброй, — повторила Йонела задумчиво. — Пусть она будет доброй.

Люди слабы.

Лили ни на миг не забывала об этом, придерживая за плечи погрузившуюся в пучину чужой памяти девушку.

Альва не раз видела то, на что смотрела сейчас Софи. Переживала вместе с Этьеном первое перевоплощение и первый бой с пустотой. Помнила каждую промелькнувшую в его голове мысль. Но возможно, маленькая цветочница сумеет рассмотреть и почувствовать что-то новое, что-то адресованное только ей. Случайный образ, слово...

Решив, что девушка узнала уже достаточно, Лили осторожно оттащила ее от камня-хранителя. Не позволив тут же упасть, усадила на брошенный на пол плащ. Опустилась рядом, притянула к себе и обняла, стерла пальцами слезы со щек, коснулась губами дергающейся жилки на виске...

Люди слабы.

Телом. Разумом.

Нужно время, чтобы полученные знания улеглись в маленькой головке. Чтобы незнакомые слова, наполнились смыслом, и история жизни, рождения и перерождения третьего шеара Итериана перестала казаться чем-то невероятным.

А вслед за знанием придет осознание.

— Он был здесь лишь один раз, — сказала альва, почувствовав, что девушка уже в состоянии понять ее. — Мы храним свою память так же, как и вы: в книгах, в записях. Подобные свидетельства очевидцев нужны, как подтверждение. В твоём мире люди уже начали использовать в этих же целях киносъёмку... Но память шеаров содержит слишком много информации...

— Шеар, — прошептала Софи.

Новое слово. Чуждое. Горькое.

— Шеар, — повторила Лили. — Господин для стихийников и слуга для стихий.

Девушка медленно отстранилась от нее. Села прямо, обратив взор к белому шару. Вздогнула, словно снова перенеслась к дышащему пустотой разрыву.

— Девять лет, — проговорила она тихо. — И каждый день — так?

— Нет. Только первые годы. Потом... было другое.

— Что? — Софи обернулась к альве, потом — на шар. — Там есть еще?

— Да, — дочь земли не видела смысла лгать. — Кто-то из отряда приходил сюда время от времени, чтобы оставить отчет.

— Мне можно будет... опять?

Боялась. Новых видений. Новых знаний. Новой боли.

Боялась, но и не думала о том, чтобы повернуть назад.

— Можно, — решила Лили.

У первого шеара немало дел в Итериане и за его пределами.

У его жены — всего одно. Ждать.

Час. День. Иногда месяцы.

Чтобы встретить на пороге спальни, обнять, на миг прильнув к груди, провести ладонью по лицу, стирая усталость...

Но сегодня нежного прикосновения огня было мало, чтобы согнать тень с чела правителя.

— Тебя что-то беспокоит? — первым спросил Холгер, пока Арсэлис размышляла, как лучше начать разговор.

— Эллилиатарренсаи здесь.

Флейме не нравились длинные и труднопроизносимые имена детей земли. Но так — хоть какая-то официальность. Отстраненность.

— Она в башне памяти. С ней человек.

Женщина, но шеари не сочла это существенным уточнением.

Как оказалось, напрасно.

— Это — невеста Этьена, — пояснил Холгер.

— Кто?

— Девушка с Лили — избранница моего старшего сына, — четко выговаривая каждое слово, повторил шеар.

Арсэлис не предполагала подобного поворота и не знала, стоит ли продолжать. Холгер обычно неохотно говорил обо всем, что так или иначе связано с Этьеном.

Ее сомнения не укрылись от мужа.

— Иди сюда, — поманил он рукой.

Повинуясь мысленному приказу шеара, мягкое покрывало сползло с кровати на пол под высоким окном. Пламя в светильниках дрогнуло и погасло, но сияние звезд и поднявшейся над дворцом луны не оставило шанса темноте.

Правитель, устроившись на импровизированном ложе, привлек к себе жену. Обнял. Зарылся носом в пышное облако волос... Если бы хотел избежать объяснений, ему это удалось бы...

Но не хотел.

— Этьен собирается жениться на этой девушке и остаться в ее мире.

— Это плохо?

Арсэлис не имела ничего против людей, хоть и не желала бы, чтобы ее собственный сын искал спутницу жизни в их племени, но в данном случае скоропалительность принимаемых Этьеном решений говорила о том, что делает он это, скорее всего, назло отцу. Похоже на него. Напомнить, что никогда не стремился в Дивный мир, куда его приволокли буквально силой. Подчеркнуть лишний раз, что считает себя человеком, а не шеаром. Доказать, что волен выбрать жену без оглядки на ее происхождение, и законы, некогда не позволившие Холгеру связать судьбу с его матерью, над ним самим не имеют власти...

— Нет, — подумав, ответил шеар. — Уверен, он осознает, с какими трудностями столкнется. Но с этой девушкой он встретился еще до прихода в Итериан, и сейчас я понимаю, что именно из-за нее он так рвался назад.

Это многое меняло.

И пасынок, и незнакомка в башне предстали перед Арсэлис в ином свете.

У нее не было возможности близко сойтись с сыном мужа от другой женщины, и, говоря откровенно, она не думала, что ей это нужно. Иногда одна мысль о его существовании вызывала у шеари раздражение, как напоминание о том, что она никогда не была и не будет единственной в жизни мужа. Но нечастых встреч и чужих рассказов хватило, чтобы составить мнение о третьем шеаре Итериана. Она опасалась его из-за постоянных размолвок между ним и Холгером: Этьен часто бывал резок, и при той силе, которой он обладал, ссоры могли обернуться бедой. Но она и сочувствовала ему. Он был для нее ребенком. Замкнутым, обиженным на всех мальчишкой. Многие набивались ему в друзья. Женщины не обходили вниманием... Нет, она не знала наверняка, но могла предположить: шеар — лакомая приманка, уж ей-то известно... Но ни в одной из бесчисленных историй,

связанных с его именем, не нашлось места для прекрасной спутницы. Теперь можно предположить, что сердце его все эти годы было прочно занято, но тогда она и не подумала бы о таком: при всех достоинствах, которыми Этьен, несомненно, обладал, не производил он впечатления мужчины, способного на столь сильную привязанность. А что до девушки, то от человека подобная верность — еще большая неожиданность. Почти чудо. Ведь людская память, как и жизнь, коротка.

И все же — человек и шеар. Двое из разных миров. Слишком разных, чтобы эта история стала красивой сказкой о вечной любви.

Но Этьен, со слов его отца, все понимает.

А вечной любви не существует. Ни в одном мире. Увы...

— Если все так, то... — Арсэлис запнулась, подбирая слова. — ...что не так?

— Она не знает, кто он.

Не знала — догадалась шеари.

Альва. Башня памяти. Настороженность в глазах Йонелы. Показное спокойствие Холгера.

— Этьен нестабилен, — медленно начал он, отвечая на незаданный вопрос. — Думает, что нашел свой мир и свою женщину, но не уверен, что сможет сохранить ее, если правда откроется. Сомнения и неопределенность не лучшим образом сказываются на его состоянии.

Можно было подумать, что правитель тревожится о сыне. Но Арсэлис помнила: шеар — в первую очередь шеар. И только потом — отец или муж. Смутная опасность, исходившая от Этьена, — более существенный повод для волнений, нежели его личное счастье.

Однако откровенная провокация — не самый удачный способ нейтрализовать эту опасность.

— Лили считает, так будет правильно, — добавил Холгер после заминки.

Арсэлис непроизвольно вздрогнула. Вдохнула глубоко, и воздух притушил вспыхнувшее в груди пламя.

— А ты? — спросила шеари мужа. — Тоже так думаешь?

— Это приемлемый вариант, — произнес он размеренно. — Но если бы она прежде спросила меня, я, возможно, не советовал бы...

Сдержаться во второй раз оказалось труднее.

Выходит, все происходящее затеяно не по приказу и даже не с согласия правителя, а вообще без его ведома?

Что позволяет себе эта альва? Пусть она тысячу раз права, но кто позволил ей вмешиваться в жизнь их семьи? Ее, Арсэлис, семьи, частью которой, хотела она того или нет, был и Этьен, и незнакомая флейме девушка?

— Я — шеар, — вздохнул Холгер. — Но и я порой не знаю, как поступить.

— Ты так ей доверяешь? — сохраняя бесстрастность, поинтересовалась Арсэлис.

— Почти так же, как тебе.

В другой ситуации шеари приняла бы такой ответ как заслуженный комплимент.

— Ты же понимаешь, что Этьену это не понравится?

— Не понравится — мягко сказано, — нахмурился Холгер. — Потому я и не хочу вмешиваться.

Если кого-то и ждут неприятности, так только забывшую свое место альву.

Да еще Йонела летает поблизости...

Но Арсэлис не спешила ни радоваться, ни злорадствовать. Последнее ей и вовсе было

несвойственно. Разве что где-то в глубине души...

Шеари просчитывала возможные варианты дальнейшего развития событий.

Эллилиатарренсаи в башне с невестой Этьена, но где он сам? Каким образом альва смогла втайне от него привести девушку в Итериан? И сможет ли так же незаметно вернуть назад?

Это было бы лучше всего.

Пусть разбираются между собой где-то там, в другом мире, подальше от дома Арсэлис...

Но нет, Лили уже давно в башне и наверняка еще задержится там. Этьен скоро обнаружит пропажу. К каким бы ухищрениям ни прибегла альва, ничто не удержит шеара достаточно долго. Сколько ему понадобится, чтобы понять, что его женщины нет в родном мире? Как скоро он догадается, где ее искать? Если связь между ними достаточно прочна — несколько секунд. И тогда...

Тогда он придет в башню и найдет там свою подругу в компании Эллилиатарренсаи.

Но если ему дорога эта девушка, в первую очередь его будет волновать она. После всего, что ей предстоит узнать и увидеть, им о многом нужно будет поговорить.

Лили получит шанс уйти невредимой.

Йонела — остаться незамеченной.

Эйнар, будь он в столице, наверняка не остался бы в стороне. Но сын предупредил, что задержится до завтра в горах Энемиса, где еще продолжались восстановительные работы.

А Холгеру не стоит появляться в башне. Отношения между ними непростые, и если Этьен хотя бы заподозрит, что отец причастен к случившемуся...

— Подождем, — согласилась шеари с решением мужа.

Ночь тепла и светла. Воздух дышит покоем.

В такую ночь не случится ничего плохого.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Стоя по другую сторону камня-хранителя Лили внимательно наблюдала за Софи.

Девушка замерла, прижав ладони к белому шару: дыхание частое и неровное, щеки горят, широко распахнутые глаза глядят сквозь альву в глубину минувших лет.

Она не увидит всего — времени не хватит. Но этого и не нужно. Лили выбрала главное. Словно в неловко смонтированной киноленте собрала эпизоды жизни третьего шеара Итериана, сделавшие из того, чем он был, то, чем он стал. Наверное, он сам не понимал, как сильно изменили его эти годы, или счастлив был обманываться, веря в то, что, уйдя из Дивного мира, станет прежним. Но опыт и сила, особенно сила, накладывают свой отпечаток, и тот бесшабашный мальчишка — теперь лишь одна из личин. Та же серебряная маска, которую однажды придется снять.

— Достаточно, — Лили отняла руки девушки от поверхности шара.

Тонкие пальчики, несмотря на излучаемое камнем тепло, оказались холодными, и альва сжала их в ладонях и поднесла к губам, согревая дыханием.

Софи не противилась этому.

— Зачем? — прошептала она дрожащими губами.

— Ты должна знать, кто он.

— Должна, — отстраненно повторила девушка. Высвободила ладони из рук альвы и, пожившись, обняла себя за плечи. — Для чего? Чтобы понять, что не ровня ему? Что я его недостойна?

— Считаешь, что недостойна?

Софи резко мотнула головой:

— Нет.

И тут же, уже не так уверенно:

— Не знаю. Не понимаю... Не понимаю, почему он сам не рассказал мне...

— Он рассказал бы. Через несколько дней. Или месяцев. Или лет. Когда справился бы с сомнениями и уверился в том, что ты его уже не оставишь.

Глаза девушки сверкнули гневом. Злилась. Но не на того, кто обманывал ее, а на того, кто открыл ей правду, на того, кто украл у нее дни, месяцы, а, возможно, и годы неведения.

— Потом было бы больнее. И для тебя, и для него.

— Заботитесь о нас?

Капелька желчи в заданном усталым голосом вопросе не осталась незамеченной.

Не так уж проста эта девочка. Не так беззащитна. Хрупкие цветочки, оказавшись вне стен оранжереи либо погибают, либо отращивают шипы.

— Не о вас, — с безжалостной честностью ответила Лили. — О нем.

Она ничего не добавила, не объяснила, но отчего-то так вышло, что несколькими словами сказала намного больше, чем собиралась.

— Вы с ним... — Софи поморщилась, сама не веря в то, что хотела сказать, но все-таки закончила: — Вы... любите его?

Эллилиатарренсаи Маэр, знающая рода Хеллан, бывшая старейшая земных кланов и первая советница еще при правлении Вердена, да славится имя его в веках, до боли закусила губу. Чтобы не рассмеяться.

Видят четверо, еще одна ревнивица за ее спиной — последнее, о чем она мечтала.

Но у этой хватило смелости спросить прямо. И Лили не знала, что ей ответить.

Любит ли она?

Можно ли не любить солнце, озаряющее мир поутру?

А если твоя ночь длилась вечность, и теперь даже слабенький лучик света режет глаза, и боль такая, что слезы текут ручьями и хочется выть?

— Скорее, я должна ненавидеть его.

— Но не ненавидите.

Не вопрос — утверждение. Даже обвинение.

Но она не станет оправдываться. Не перед этой девчонкой, которая уверена, что знает жизнь. Но разве все, с чем ей пришлось столкнуться в своем мире, не померкло в один миг в сравнении с маленькой толикой тайн из хранилища памяти?

Лили видела куда больше. И не в чужих воспоминаниях.

Три волны.

Трижды на ее глазах Итериан восставал из руин. Выпитые пустотой реки наполнились слезами небес и текли по вновь проложенным руслам, повторявшим линии прежних маршрутов. Вырастали из провалов новые горы. Цвели сады, и аромат их был почти таким же сладким, как у тех, что сгинули, обратившись в ничто...

Все возвращалось.

Почти все.

Как и раньше появлялись на свет благословенные четверья дети, но тот, кого забрала всепожирающая пустота, никогда не возродится в родной стихии. Сколь долго ни живи, затягивая пустое существование, судьба не расщедрится на новую встречу.

Она решила, что не стоит тянуть. Пусть дороги перерождений заберут ее боль, такую же бездонную, каким прежде казалось счастье... Но у пропасти, на краю которой никто не сумел остановить ее, в отличие от боли было дно. А по дну протекал ручей, несущий свои говорливые воды мимо дома полукровки Моаны...

И все же она умерла тогда.

Можно срastить кости, но разбитую жизнь не соберешь. Можно заставить сердце биться, но не наполнить его ушедшими чувствами. Оживить тело, но не душу.

Она умерла.

Но воскресла.

Вспомнила, что ей есть ради кого вернуться.

Наверное, она была плохой матерью. Ребенок не стал центром ее мироздания, как это бывает у других. Не в нем она видела смысл своего существования. Сын был для нее продолжением той любви, что она испытывала к его отцу. Частичкой света, без которой их счастье не было бы полным. Зеркалом, в котором она ловила любимые черты...

Она была плохой матерью, если забыла о нем на краю своей бездны.

Но он ее не забыл. Не отказался от нее, как другие сородичи. Не оставил одну.

А когда она осознала, насколько он дорог ей — не как память о прошлом, не как свидетельство, того, что у нее было, и чего уже не вернуть, — а сам по себе, когда тоска уступила место мечтам о будущем, и она поверила в то, что останется рядом с сыном, будет радоваться его счастью, носить на руках его детей...

Вторая волна.

Смерть, как казалось тогда, окончательная.

И первое, что она сделала после своей смерти, — направилась напрямик к Вердену. Она не желала возвращаться в совет, но ей нужно было что-то, на что она могла бы растратить оставшуюся у нее силу. Не для того, чтобы отвлечься или забыться, мертвые не ищут забвения, а для того, чтобы... Она не знала. Не понимала, зачем ей это. Незачем...

Но правитель принял ее.

Ее силу.

Ее опыт.

Ее смерть, открывшую перед ней новые грани дара.

При жизни она принадлежала лишь одному мужчине, потом — никому. Тело, лишённое души, стало послушным инструментом. Отмычкой, которой можно отпереть тайны чужого разума. Лекарством, способным заглушить самую сильную боль...

Оружием, которое однажды повернули против нее самой.

Мальчишка. Глупый неопытный мальчишка. Но шеар — носитель крови четырех. Все, что подвластно альвам, живым и мертвым, было доступно и ему.

Она была с ним с первого дня. Направляла, поддерживала. Помогала свыкнуться с новыми реалиями, осознать свою силу. Помогала, но даже помыслить не могла, что он решит ответить ей тем же, и слишком поздно поняла, что из целителя превратилась в исцеляемого. Только тогда, когда лечение стало болезненным. Когда ей раздробили неправильно сросшееся сердце и обнажили старые раны, содрав закаменевший струп, который она уже привыкла считать кожей...

И плакала, впервые за долгие годы. И вспоминала.

И радовалась тому, что плачет и помнит.

И чувствует... боль. Такую сильную, что, да, за это можно было бы возненавидеть...

Но если ты провел вечность в темноте, возненавидишь ли ты солнце за возможность снова видеть, пусть даже сквозь слезы?

Способна ли эта девчонка понять такое? Человек, чье восприятие реальности ограничено условными понятиями. Любит — не любит, хорошо — плохо, много — мало.

Но Софи все еще ждала ответа...

— Не лучшее место для разговоров, — послышалось неожиданно, и девушка, негромко вскрикнув, отшатнулась от материализовавшейся рядом с ней женщины. — И не лучшее время, — добавила та.

— Простите, если потревожили, шеари Йонела — начала Лили с почтением, которое, если в том была нужда, давалось ей без труда, но сальфида лишь отмахнулась.

Облетела Софи по кругу, разглядывая с нарочитой бесцеремонностью, и скривилась, обернувшись к альве:

— Людям доступ во дворец открыт лишь в исключительных случаях.

— Случай исключительный, — заверила Лили. — Это невеста шеара Этьена.

— Да? — старая шеари еще раз придиричиво оглядела девушку и хмыкнула: — Ну что ж, каждый выбирает по себе.

— Каждый выбирает по себе, — произнес задумчиво Холгер.

Правитель лежал на покрывале, устроив голову на коленях у жены, но Арсэлис чувствовала, что мыслями он не здесь, а в высокой каменной башне, примыкающей к восточному крылу дворца. Слушает, наблюдает, готовый в любую секунду вмешаться.

— Я люблю свою мать, — сказал он, словно продолжал прерванный ненадолго рассказ. — Но было время, когда я всерьез недоумевал, почему из всех женщин Итериана отец выбрал именно ее. Ты же помнишь его? Уравновешенный, немногословный, серьезный. И рядом она: ураган эмоций, колкости, насмешки. Никогда не смолчит. А если разойдется, и на пол спустится ради того, чтобы ногой топнуть. И вазу из тончайшего альвийского фарфора о стену швырнет... А потом я понял, что именно такая ему и нужна. Жизнь шеара — бесконечное служение. Иногда приходится делать то, с чем ты сам внутренне не согласен. Сомневаешься, верно ли ты истолковал волю четырех, не было ли другого способа. Иногда... Иногда просто устаешь. Хочется, чтобы все это закончилось...

Он с силой зажмурился, и Арсэлис, заметив это, обняла сильнее, склонилась, так что ее длинные волосы упали вниз, на какой-то миг пряча правителя Итериана под мягким шелковым пологом. От тревог. От ненужных мыслей.

Поцеловала в нахмуренный лоб.

И выпрямилась.

Отпустила, позволив рассказывать дальше.

— Отец, при его характере, мог просто уйти в себя. Закрыться ото всех. Но рядом была мать с ее вздорностью, язвительностью, временами — даже склочностью. Она не позволяла ему замкнуться. Только она могла разговорить его, а если нет — провоцировала на спор. Могла организовать спонтанный праздник и весь вечер развлекать отца ехидными замечаниями насчет приглашенных. Могла скандал устроить, причем такой, что отцовской выдержки и на полчаса не хватало, и его прорывало... Отчаяньем, обидой — не на нее, а вообще. Понимаешь? Она вытягивала его на свет из тесной раковины, в которую он так и норовил забиться, и заставляла жить.

Холгер поймал и прижал к щеке руку жены. Потеря с нежностью, напомнив напрашивающегося на ласку кота.

Шеар хранит Итериан и все миры великого древа. Но кто хранит самого шеара?

Может быть, женщина, которая не пожалеет альвийского фарфора, чтобы только ее мужчина не остался один на один с переживаниями и сомнениями?

Или та, что будет сидеть рядом, молча разбирать спутавшиеся волосы и слушать. Та, что никогда не упрекнет, не скажет и не спросит лишнего. Не станет устраивать скандалы по пустякам — ведь не каждому это нужно. Кому-то достаточно того, что есть кто-то, кто примет его со всеми достоинствами и недостатками, ошибками и секретами... внебрачными сыновьями и давними любовницами...

Каждый выбирает по себе.

Главное, не ошибиться в выборе.

Софи знала, что что-то должно случиться. Чувствовала это с того самого дня, как Тьен вернулся. Но подобного и представить не могла.

Другой мир, хранилище памяти, белый каменный шар, чужие жизни, промелькнувшие перед ней... Не может же это все быть на самом деле?

Могло. И было.

И ее Тьен — совсем не Тьен, и, наверное, даже не ее...

Девушку буквально раздирало изнутри. Хотелось кричать и плакать. Или лечь на каменный пол, свернуться калачиком и умереть. Она с трудом контролировала себя, чтобы поддерживать хотя бы подобие разговора с приведшей ее сюда женщиной.

А потом появилась еще одна. Тоже молодая, красивая сияющей нечеловеческой красотой. Но не альва. Другой тип внешности. В Лили не чувствовалось хрупкости, стройная и изящная, она вместе с тем выглядела крепкой и сильной, твердой — как камень, как земля. А эта, с белыми, заплетенными в толстую длинную косу волосами и большими серо-голубыми глазами, казалась невесомой... Да и летала к тому же.

Значит, сильфида.

Софи сама удивилась, с какой легкостью признала этот факт.

— Это невеста шеара Этьена, — представила ее незнакомке Лили.

— Да? Ну что ж, каждый выбирает по себе. Главное, не ошибиться в выборе, правда?

Сильфида остановилась напротив Софи. Ростом она была выше девушки и вдобавок к этому парила в воздухе в нескольких дюймах от пола, а потому на гостью смотрела сверху вниз.

— Ты уверена, что сделала правильный выбор? — прищурилась сильфида. — Вы ведь такие разные. Ты — человек, он — шеар. Ты с трудом носишь свое хлипкое тельце, а он способен своротить горы, в прямом смысле. Он проживет долгую жизнь, а ты — бабочка-однодневка... Продолжать?

— Не надо, — стиснув зубы, выдавила Софи.

Сказанного уже достаточно, чтобы разрыдаться. Но она не доставит им такой радости.

Кто они вообще такие? Чего добиваются?

Хотят, чтобы она отказалась от Тьена? Не дождутся! Если она и решит его оставить, он узнает об этом первым. Он, а не какие-то там... сказочные существа!

— Ты должна понимать, с кем имеешь дело, — вкрадчивый шепот сильфиды напоминал шипение змеи.

— Я понимаю.

— В самом деле?

— Да.

— Подумай...

— Я подумала, — твердо произнесла Софи. — И я все понимаю. Да, он — шеар, а я — человек. И что в этом плохого? Он сильный? Хорошо. Будет, кому носить на руках мое хлипкое тельце. Проживет намного дольше? Значит, мне не придется хоронить и оплакивать его. И не нужно волноваться, что после моей смерти некому будет позаботиться о наших детях. И внуках. И правнуках...

Ее занесло. Голос срывался на крик.

Но она смогла взять себя в руки.

Сильфида, отлетев немного назад, оглядела ее с новым интересом и, обменявшись взглядами с альвой, вдруг рассмеялась.

— Девочка-то с характером. Я уж боялась, еще одна тихоня.

Снова подлетела поближе.

— Ты во многом права, — сказала, уже не смеясь. — Но жизнь с шеаром, сколько бы она не длилась, — это не только радости. Мне-то можешь поверить.

— С какой стати? — спросила Софи со злостью.

— Кому, как не мне знать, — склонив голову к плечу, проговорила сильфида. — Я была женой шеара. Я — мать шеара. Бабушка шеаров... Этого, твоего, кстати, тоже.

Бабушка. Новую информацию Софи тоже приняла без раздумий и сомнений.

Это у людей бабушки седые, сгорбленные, с морщинистыми лицами и добродушным прищуром выцветших подслеповатых глаз. А у шеаров такие — молодые, красивые... стервы.

Девушка откашлялась, прочищая пересохшее горло, и предположила вслух:

— Вы его не слишком любите, да?

— Да, — без раскаяния признала сильфида. — Но о счастье нелюбимого внука нужно заботиться в первую очередь. Эйнар — мой второй внук — тот пусть хоть сто лет еще не женится. А Этьен... Чем счастливее он будет где-то там, в другом мире, тем меньше шансов, что вернется в Итериан, чтобы снова действовать мне на нервы. Понимаешь мои побуждения?

«Эйнар не женат», — отметила Софи отстраненно.

Еще одна ложь — маленькая монетка в копилку обманов.

А бабуля, по крайней мере, честная.

— Никогда не вмешалась бы, — сильфида подлетела к ней вплотную. — Я, знаешь ли, очень не любопытная бабушка. Но раз ты уже здесь... Вот она, — кивком указала на Лили, — полагает, что главная проблема в том, что ты — человек. А я так скажу: это — последняя из ваших проблем. Но ты должна понимать, на что идешь, связывая свою жизнь с шеаром. Мы с мужем были знакомы много лет, прежде чем он назвал меня невестой. Еще несколько лет прошло до того, как я стала женой. Мне казалось, я знаю все и ко всему готова... Но лишь казалось. Как и тебе сейчас кажется, что для счастья нужно только избавиться от двух зловредных теток и вернуться в свой уютный мирок, где все сразу станет как прежде. Но ты ведь понимаешь, что не станет?

Да, теперь уже точно не станет...

— Я дам тебе один совет. Из женской солидарности. Должна же быть какая-то солидарность между женщинами, которых судьба свела с шеарами? Так вот... — сильфида понизила голос до едва различимого шепота: — Если ты хотя бы самую малость сомневаешься в нем или в себе, беги. Беги от него, пока не поздно. Но если останешься, никогда не позволяй усомниться ему.

— В чем? — так же тихо спросила Софи.

— Ни в чем.

Пальцы сильфиды легонько коснулись висков девушки. Ледяные. Колючие, словно покрыты крошкой инея. Софи вздрогнула, но не отстранилась. Смотрела, как зачарованная, в глаза женщины, зависшей перед ней в воздухе, и медленно тонула в глубоком голубом небе.

Мысли улетучились... свои, но пришли чужие... И голос Йонелы, лишившийся язвительных ноток, мягкий и певучий, звучал у нее в голове...

— На самом деле неважно, сколько ты проживешь. Много или мало, но тебе предстоит жить со всем этим...

Это было как с камнем памяти, но не совсем.

Не образы — чувства.

Желания. Надежды. Страхи.

Чем больше надежд, тем больше страхов.

Мечты...

Мечты — туман. За туманом не разглядеть, что там ждет впереди.

Счастье — вереск: сладкий запах, горький вкус.

Теплые объятия, холодный взгляд.

Вот он рядом, родной, любимый, а мыслями далеко-далеко, там, куда тебе нет и не будет дороги.

Дорога — для него, и он уйдет однажды... И не единожды...

Вернется?

Вернется, если будешь ждать.

А ты будешь.

Ожидание станет твоей жизнью.

Нервное и тревожное.

Непрерывное ожидание беды.

А еще — знание, что и беда где-то там тоже ждет...

...Всего несколько секунд в водовороте чужих эмоций, и Йонела отняла руки. Стряхнула с пальцев колючую изморозь.

Отлетела от девушки, отвернулась и бросила через плечо:

— Знаешь, что самое забавное в данной ситуации? Что Лили могла ошибиться относительно серьезности планов Этьена насчет тебя. А я, выходит, впустую трачу время...

Она умолкла, прислушиваясь.

Где-то вдалеке громыхнул гром, и его раскаты легкой дрожью коснулись башни. Колыхнулось пламя в светильниках. Небо над прозрачным потолком потемнело.

Приближалась гроза...

Софи закрыла глаза и, вдохнув глубоко, медленно выдохнула.

Пускай гроза.

Сейчас душно, дышать тяжело, но хлынет ливень, и станет легче.

Она хотела, чтобы так было. Стоять под проливным дождем, и пусть вода смывает усталость. Можно будет плакать, никто не поймет...

Но если дождь и собирался где-то, то не над хранилищем памяти.

Жаль.

— Отпустите меня домой.

Ей нелегко дались эти несколько слов. Голова болела, переполненная мыслями. Сердце норовило выскочить из груди. В прошлом — обман, в будущем — неизвестность...

Но она разберется со всем этим. Только дома.

И плакать, если уж прижмет, будет там.

А прижмет ведь...

Лили и Йонела посмотрели в ее сторону, но ничего не ответили.

— Верните меня домой, — выговорила Софи четче. — Вы... Чего вы от меня хотите?

Нужно было сразу спросить об этом, но она была напугана и подавлена. А теперь эти

двое ей не страшны.

Невидимая гроза, и та пугала сильнее.

Гром. Дрожь земли. Шум ветра... Почудилось, будто кто-то издалека зовет ее по имени, пытаюсь перекричать этот шум... И будто хлопнула где-то дверь. И шаги на лестнице...

— Чего мы хотим? — Лили приблизилась к ней, заглянула в глаза. — А чего ты хочешь? Сейчас, когда уже знаешь? Все еще хочешь остаться с ним?

Софи открыла рот, чтобы сказать, что ничего уже не знает и не понимает, и ей нужно подумать, и замерла. Насторожилась.

Кто-то стоял за дверью, там, где выходят из стены каменные стражи.

Кто? Зачем? Неужели ее ждет еще одно знакомство и новые откровения?

Она закусила губу. Сцепила в замок трясущиеся пальцы...

Хватит уже. Сколько можно?

— Так ты хочешь этого? — повторила Лили.

Девушка услышала, как дверь за спиной распахнулась с натужным скрежетом камня, видела, как подобралась альва, как напряглась, силясь смотреть только на нее, а не поверх ее плеча на того, кто шел к ним через зал. Медленно и осторожно, словно боялся напугать... или спугнуть... Исходившая от него опасность ощущалась буквально кожей. И его злость. Готовность ударить в любую секунду...

— Да, я останусь с ним, кем бы он ни был, — от накатившего на нее нового страха Софи едва шевелила губами, но чувствовала, что должна ответить. Будто ее слова что-то могли изменить. — Я останусь с ним и буду с ним столько, сколько мне отпущено. Потому что...

Она не договорила.

Тот, кто пришел с грозой, обнял за плечи, развернул к себе и прижал к груди.

Девушку мелко затрясло. Жутко было сложить воедино тепло родных рук и затопивший зал хранилища ужас.

«Потому что я люблю его», — закончила она мысленно.

Его?

Софи зажмурилась, и не сразу поняла, что случилось в следующую минуту. Лишь ощутила, как он отпустил ее на миг, а после сжал еще сильнее... И два звука: удар и падение...

Боясь оборачиваться, чтобы он не решил, что она хочет вырваться, девушка чуть развернула голову и скосила глаза на пол.

— У тебя замечательная невеста, — Лили слизала с разбитых губ кровь. — Поздравляю.

Софи снова зажмурилась, но это не помогло.

Гроза еще бушевала, она чувствовала ее, слышала в его неровном дыхании, в громком биении сердца. Громы и молнии. Ураганный ветер...

— Тьен, — приподнявшись на цыпочки, стараясь не смотреть в ставшие черными и чужими глаза, она обняла мужчину за шею и с силой притянула к себе. — Тьен, пойдём домой, пожалуйста...

Проснувшись, он не сразу вспомнил, где находится, — вокруг была вода.

Вынырнул, встряхнулся. Узнал облицованные глазурованной плиткой стены и разноцветные полотенца и рассмеялся: надо же, уснул в ванне, изображая утопленника. Отметил, что вода не успела остыть. Значит, времени прошло немного, и за покупками с Софи он не опоздает. А вспомнив о девушке, мысленно потянулся к ней...

За это он и ударил Лили. Именно за это. Потому что все остальное меркло в сравнении с тем, что он пережил, когда почувствовал, что Софи больше нет.

Это потом он понял, что к чему, а сразу...

— Тьен, пойдем домой, пожалуйста.

— Пойдем, — он с силой прижал ее к себе, пряча ото всех, впитывая в себя ее страхи. — Сейчас.

Ярость, лишь немного усмиренная родным светом, еще клокотала внутри и искала выхода.

Шеар огляделся, выискивая на ком выместить злость.

Лили и Йонела — больше никого. Сильфида держится в стороне, а могла бы уже испариться, в прямом смысле. Но нет, только отгородилась стеной воздуха, будто, пожелай он дотянуться до нее, это могло его остановить.

— Это я привела сюда Софи, — сказала поднявшаяся на ноги альва. — Йонела здесь случайно.

Тьен вперился в дорогую бабушку тяжелым испытывающим взглядом, под которым шеари явно неуютно себя чувствовала. Но, стоит отдать должное ее выдержке, отмалчиваться не стала.

— Что значит — случайно? — приосанившись, переспросила она возмущенно. — Я в своем доме.

Верна себе.

— Мы просто поговорили, — снова подала голос Лили. Подойти она теперь не решалась, но и страха не выказывала. — О чем — ты догадываешься. Зачем — тоже понял.

Понял. Лили не могла не почувствовать его приближение. Ответ Софи предназначался не ей, а ему.

Но он сам должен был задать вопрос.

— Я же обещала, что ничего не сделаю тебе во вред. Пора бы уже научиться доверять мне, малыш.

Шеар со скрежетом стиснул зубы. Покоробило привычное, казалось бы, обращение из уст альвы и ее, такой же привычный, снисходительный тон.

В этом вся Лили. Она знает, что делает и зачем. Но редко задумывается, как.

Он навсегда запомнил организованное ему знакомство с землей.

Ее методы были эффективны, ничего не скажешь, но подобное обращение трудно принять даже стихийникам, не говоря о маленьком хрупком человечке — его человечке, который сейчас вцепился в него обеими руками и зовет поскорее уйти из этого страшного места.

Но Тьен не хотел оставлять выяснение отношений на потом. Прижимая к себе Софи, боясь отпустить ее хотя бы на миг, он медленно развернулся к альве.

— Не хочу тебя видеть, — отчеканил сухо. — Никогда больше.

— Прогоняешь? — она недоверчиво склонила голову к плечу. — Как уже прогнал Эсею?

Зацепила. Нашла чем.

Но разве его вина, что все они предают его? Сначала воздух, теперь земля. Вода — но с мальчишкой он разберется позже. Даже хорошо, что того здесь нет, ведь с Кеони, в отличие от Лили, его не многое связывает, и подвернись тритон под горячую руку, не задумываясь, размазал бы по каменному полу хранилища...

— Отпускаю, — поправил шеар ровно. — Эллилиатарренсаи Маэр, я благодарен тебе за верную службу в трудные для Итериана времена. Мне не нужно освобождать тебя от клятв, ты мне их не давала. Но если что-то обещала сама себе, будь добра, избавь себя от обязательств вмешиваться в мою жизнь.

Теперь можно возвращаться домой.

Но сначала — выйти из башни. Пропитавшийся историей Итериана камень стен не пропустит даже во двор, не то, что в другой мир.

Он поднял Софи на руки и пошел к выходу.

— Задержись ненадолго... Этьен.

Шеар обернулся. Йонела стояла за его спиной, кажется, не меньше него удивленная своей просьбой и тем, что впервые назвала его по имени.

— У нас не было возможности поговорить...

Он крепче прижал к себе девушку. Только ее присутствие помогало не рухнуть в пучину ярости. Но не сдержался от злой усмешки: не возможности, а желания.

Впрочем, у него тоже.

И поздно что-то менять.

— Нам не о чем разговаривать.

— Наверное, все-таки есть...

Не наверное, а наверняка, и он уже назначил время для решающего разговора. Скоро. Но не теперь.

— Не волнуйся о девочке, — Йонела верно поняла, что тревожит его прежде всего. — Мы ей не помешаем. И она нам.

Этьен зло ощерился, и сонные чары, предназначавшиеся Софи, разбились о каменный шар. Так или иначе эта встреча войдет в историю...

— Я лишь хотела, чтобы ты уделил мне немного времени, — сильфида успокаивающе выставила вперед ладони. — Я ведь никогда не делала тебе зла.

— Как и добра, — припомнил он и направился к двери.

— Как знать, — еле слышно пробормотала шеари. — Иногда и один глоток воздуха чего-то стоит.

Тьен застыл от неожиданности, всего двух шагов не дойдя до выхода. Девушка на его руках встревоженно дернулась, приподняла голову... И исчезла...

И осталась...

Он знал, что по-прежнему прижимает ее к груди, но здесь, в искаженном подпространстве, за границей времени, не было ни Софи, ни Лили, только они с Йонелой стояли друг напротив друга на расстоянии вытянутой руки. И в первый момент соблазн протянуть таки руку и схватить сильфиду был не просто велик, он был огромен... Однако бабуля смогла его заинтересовать. Воздушные, насколько он знал, не обладали способностью управлять временем. Подобные умения водились за детьми огня и за шеарами, естественно, но в хранилище были лишь альва и сильфида, а шеара он почувствовал бы. А еще Йонела вспомнила про глоток воздуха. Тьен полагал, что ни ей, ни Холгеру не известно, что он помнит что-либо из происходившего в те несколько месяцев, когда он отходил от последнего столкновения с пустотой, но выходит, старушка припрятала козырь в рукав...

— Несколько минут, Этьен, — проговорила она. — И ты вернешься к своей жизни. К той, которую сам для себя выбрал.

Хотелось бы верить...

Шеари заметила скепсис в его взгляде и с грустным укором покачала головой. Этот жест до того не шел ей, а в сопровождавшей его полуулыбке не виделось и капельки обычной желчности, что Тьен насторожился еще сильнее.

— Поверь, — словно у нее было право требовать от него это, сказала сильфида, — я лично сделаю все от меня зависящее, чтобы тебя не тревожили гости из Итериана. Не враги, их у тебя здесь нет, именно гости, — многие захотят отыскать прославленного шеара в его новом мире. Сам не задумывался об этом? И если снова... Ты знаешь.

— Знаю, — кивнул он.

— И твоя шеари теперь знает. Не нужно будет врать ей, если однажды придется уйти.

— Я должен благодарить за это? — уточнил Тьен угрюмо. — А Софи не шеари. И никогда не станет ею по вашим дурацким законам.

— С благодарностью сам определишься, — ответила Йонела невозмутимо. — А шеари — это не титул, чтобы даваться по законам. Шеари — женщина шеара. Та, которую он избрал. Та, которая его приняла. И ты ошибаешься, если считаешь, что Софи первая из низших удостоилась права называться так.

В понимании сильфиды слово «низшая» не являлось оскорблением, но Тьен недовольно нахмурился.

— Были и до нее случаи, — продолжала Йонела. — Ты бы знал об этом, если бы больше времени уделял истории своего рода. Спутницей прадеда твоего прадеда была дриада. Женой она не стала, но оставалась с возлюбленным до конца его дней. Погребальный костер для него сложили из ветвей ее дерева.

— Красивая сказка.

— Легенда, — поправила женщина. — Детей у них не было. Можно сказать, врожденная несовместимость: дриады рожают лишь дочерей, у шеаров появляются только сыновья. Наследника Итериану подарила одна из дочерей стихий. Большая честь для нее. И большое несчастье — провести всю жизнь в тени другой женщины, занять место на троне, но не в сердце супруга. Но полагаю, ему было еще труднее. Тот, кто несет бремя силы четырех, больше других нуждается в поддержке. Ему нужен дом, где его ждут. Семья — источник тепла и покоя. А о каком покое можно говорить, когда жена отравляет дни обидами и ревностью, а сын винит в страданиях матери? Но все же у него была его шеари.

— Сказка, — повторил Тьен.

— Твоя мать тоже в нее не верила.

Он уже собирался закончить разговор, разорвав заклятие времени, но последняя фраза заставила остановиться.

— Да, я знала Аллей. Не слишком близко, но достаточно, чтобы понимать, что она — не та женщина, которая нужна моему сыну.

Тьма озлобленно заворочалась в душе, оскалила клыки, но Этьен сдержал ее. То, что Йонела ничем не отличалась от миллионов мамаш, мнящих, будто на свете нет и не будет достойной пары для ненаглядного сынка, еще не значит, что она приложила руку к появлению в их доме ильясу.

— Не хочу сказать о ней ничего плохого, — сильфида отвела взгляд, — возможно, она даже любила твоего отца, но одной любви мало. Аллей никогда не понимала того, кто он есть. Видела в нем лишь мужчину, которого назначила своим. Не осознавала ответственности, лежавшей на нем. Холгер не мог взять ее в жены, но они могли остаться вместе.

— Он бросил ее, — стараясь не сорваться, сказал Тьен.

— Нет, — Йонела по-старушечьи затрясла головой. — Не он. Она оставила его, когда поняла, что он не женится на ней, невзирая на ее беременность. Заставила его страдать. Ушла сама и забрала тебя, сказав, что ее сыну не нужен такой отец. А когда мой муж, твой дед, вмешался и предупредил ее, что ребенок с кровью четырех принадлежит Итериану и должен воспитываться как шеар, сбежала в другой мир, запутав следы.

— Да-да, все, чтобы позлить моего дорогого отца! — с фальшивым злым весельем поддержал Тьен. — И отказалась от своей стихии, лишь бы уязвить его посильнее, а не для того, чтобы милый дедушка не нашел ее среди людей и не разлучил с родным ребенком!

Йонела смерила его долгим взглядом и надменно поджала губы.

— Ты говоришь как человек. А теперь попробуй посмотреть на все это, как шеар. Хранители Итериана и всего Великого древа снизойдут ли до мелочной мести? Станут ли отбирать дитя у матери?

— Почему раньше никто не рассказал мне этого?

— Кто? — скривилась сильфида. — Холгер? Чтобы ты решил, будто он пытается оправдаться перед тобой, свалив всю вину за случившее на Аллей?

— Угу. Включая ее собственную смерть.

Тьен и сам иногда задумывался, чем шеары хуже тех же людских правителей, которые сплошь и рядом имели и жен, и любовниц, не отказываясь от личного счастья в угоду долгу. Даже странно, что в истории Итериана нашлось место лишь для одной дриады. Но верить старой шеари он не хотел. Да если бы и поверил, какое это имеет значение? У Холгера есть правильная жена и не менее правильный сын. А мамы уже нет.

— Кто ее убил?

Йонела выдержала его взгляд, не дрогнув.

— Мне это неизвестно. Да и не ради нее я завела этот разговор.

— Ради чего же?

Она пожала плечами, будто сама уже забыла, зачем задержала его.

— Хотела сказать, что тебе повезло встретить такую женщину, как Софи.

— Должно быть, рады за нас? — съязвил он.

— Можешь не верить, но рада. Мой муж и твой дед порой любил порассуждать о природе шеаров, Итериана и устройства мироздания в целом. Его, как и многих, интересовало, что является причиной разрывов и темных волн. В конце концов, он вывел для себя одну теорию. Верден говорил, что поскольку Итериан — первичный мир, по образу которого создавались все остальные миры великого древа, недопустимо, чтобы сюда, в средоточие жизни и света, пришла тьма. Но вместе с тем тьма, пусть и в незначительной концентрации, есть в каждом из нас. Она пробирается в наши мысли с обидами и сомнениями, выходит из нас с каждым недобрым словом. Иногда вспыхивают ссоры внутри кланов. Какой-то дележ власти, какие-то заговоры. Но никогда Итериан не знал ни серьезных распрей, ни войн. Потому что, когда в его обитателях накапливается слишком много тьмы, мир накрывает волной. Дети стихий забывают о ссорах и объединяются ради одной великой цели.

— А не будь волн и разрывов, Итериан превратился бы в заурядный темный мирок? — хмыкнул Тьен.

— Давно бы погиб, учитывая силы населяющих его народов. А с ним и все великое древо.

— Пустота как сдерживающий фактор? Занятная теория.

— А еще Верден говорил, что каждый носит в себе свой свет и свою тьму. И пустоту тоже. Если он не станет бороться с этой пустотой, тьма одержит над ним верх.

Похоже, именно для того, чтобы сказать последнюю фразу бабуля и затеяла весь разговор. А дед, да славится имя его в веках, был не дурак...

— Твой дед был мудрым правителем, — словно заглянув в его мысли, сказала шеари. Сняла с пальца колечко из белого золота, усыпанное звездочками крошечных бриллиантов и протянула Тьену. — Он подарил мне это на нашу помолвку. Я хотела отдать его Холгеру, для его жены, но... не отдала. А Эйнар еще мальчишка, ветер в голове, — до его свадьбы я могу и не дожить...

— Вы отдаете его мне? — не поверил Этьен.

— Как бы не так, — скривилась сильфида. — Я отдаю его твоей шеари.

Мужчина протянул руку, но кольца не взял.

Он не чувствовал в словах Йонелы лжи. Не исключено, что она действительно признала Софи, в отличие от Аллей, которую когда-то не сочла достойной своего сына... так и Тьен ей не сын — даже не внук, а досадное недоразумение... Возможно, она в самом деле поняла, что рядом с Софи он сумел победить свою пустоту, и перестала бояться живущей в нем тьмы... Но столь ценный дар? Память о муже — и ему?

— На кольце чары, — произнес он, не касаясь к подарка.

— Да. Причем наложенные шеаром. Мне их не снять, но можешь попробовать сам. Ты же видишь, что это?

Этьен мысленно отругал себя за излишнюю подозрительность: дед, вручая невесте кольцо, позаботился о том, чтобы та его не потеряла. Несложное заклинание, чтобы отыскать в случае чего пропажу, но из-за того, что создавал его не обычный маг, прилипло намертво.

— Я возьму его с благодарностью... если вы пообещаете мне кое-что.

Йонела удивленно приподняла бровь.

Бесспорно, наглость с его стороны что-то еще требовать, но Тьен счел это удобным случаем подстраховаться.

— Пообещайте, что, как бы ни изменилось ваше отношение ко мне, что бы ни случилось между нами в будущем, вы никогда не обидите Софи и сделаете все возможное, чтобы защитить ее от других.

— А что должно случиться?

— Что бы ни случилось, — повторил он слова требуемого обещания.

— Хорошо, — согласилась Йонела. — Клянусь воздухом...

— Нет. Четырьмя.

Никто из детей Итериана не нарушит клятвы, данной именем четырех предвечных стихий.

И ему спокойнее, и у Софи в довесок к дому, как положено, будет кольцо.

Тьен спрятал подарок в карман и разорвал чары времени. Обнял свою шеари, оглянулся на миг на стоящую у стены альву и вышел за дверь. Быстро спустившись по лестнице, распахнул другую — в свой мир.

Проводив внука взглядом, Йонела задумчиво потерла безымянный палец. Без заветного колечка было неуютно. Но сильфида не жалела о своем решении. И Верден, будь он жив, одобрил бы ее предусмотрительность.

— Я что-то пропустила? — осторожно поинтересовалась Эллилиатарренсаи.

Альва почувствовала, когда они с Этьеном провалились в подпространство, но пройти следом не могла. Вот и хорошо. Как-нибудь переживет то, что в кои-то веки осталась не у дел.

Йонела даже отвечать на ее вопрос не стала.

Вместо этого подлетела к дочери земли и зависла над ней, глядя сверху вниз, как и полагается правительнице смотреть на подданных.

— Ты рисковала, когда без его ведома привела сюда Софи.

— Это того стоило, — Лили оставалась невозмутима. Задирать голову, чтобы взглянуть в лицо шеари, тоже не стала, продолжая смотреть прямо перед собой. — Милые туфельки. Дашь примерить?

Пришлось опуститься немного.

— Он сдержался, — легко перешла от обсуждения обуви к вопросам насущным альва. — Мог разнести здесь все, хотел, но не поддался этим желаниям. Он полностью контролирует себя.

— Неужели? — злорадно усмехнулась Йонела, рассматривая кровоподтек на щеке собеседницы. Земле труднее чем другим давалось исцеление, и пройдет не меньше часа, прежде чем следы «сдержанности» третьего шеара Итериана сойдут с лица бывшей старейшей.

— Ты понимаешь, о чем я, — проигнорировала насмешку Лили.

— Понимаю. Теперь понимаю... Так для кого на самом деле ты устроила проверку?

— Ну-у... — альва потянулась довольной кошкой. — Для всех, наверное.

Для всех.

И каждый по-своему ее выдержал.

Не тратя времени на дальнейшие расспросы, сильфида быстро слетела вниз по каменной лестнице и, оглядевшись, махнула трепещущему огоньку настенного светильника.

— Они уже ушли.

— Знаю.

Арсэлис поправила волосы, стряхивая на пол золотистые искорки.

— Хорошая идея замкнуть время, — похвалила ее свекровь.

— Вы же хотели поговорить наедине, — смущенно опустила глаза флейма. — А в башне трудно определить истинный источник магии, даже шеару. Особенно, если он занят другими мыслями.

— Я всегда знала, что на тебя можно положиться.

— Но кольцо все-таки не отдали.

Значит, подслушивала?

Сильфида одобрительно хмыкнула — ей нравилось, когда эта тихоня хотя бы в мелочах давала себе волю — но не могла не возмутиться для порядка:

— Кольцо? Я отдала тебе своего сына! Чего тебе еще нужно, глупая женщина?

— Больше ничего, матушка, — молодая шеари благодарно склонила голову. Но довольную улыбку спрятать не успела.

— Куда он, кстати, пошел?

Флейма растеряно пожала плечами. То, что Холгер ушел с Итериана она тоже почувствовала, но, очевидно, супруг не предупредил ее заранее о отлучке. Может, надумал развеяться после недавних волнений. Или решил проследить за сыном и убедиться, что у

того все закончится благополучно.

Йонела посмотрела на невестку, которая, сама того не зная, тоже выдержала сегодня серьезную проверку.

— Пойдем. Нужна твоя помощь.

— В чем?

— Я обмолвилась кое о чем. Вырвалось случайно. Но Этьен, кажется, понял, что я имела в виду.

— «Глоток воздуха»? — предположила флейма.

Когда она появилась в башне? Как много услышала? Что из услышанного поняла?

Йонела оставила эти вопросы на потом.

— Три глотка, если точнее, — сказала она. — Но это мелочи. Мне нужно вспомнить, о чем мы с Холгером говорили. Каждое слово.

Нет, Этьен все еще не знает. Иначе не был бы так спокоен. Наверняка сорвался бы еще тогда. Но он продолжал общаться в тех рамках, которые сам установил, и с отцом, и с прочей итерианской родней...

Или Лили права, и он настолько хорошо себя контролирует?

Вряд ли. Он и сегодня сдержался лишь из-за присутствия Софи. Эллилиатарренсаи не так умна, если не понимает этого. Или снова ведет какую-то, ей одной понятную игру.

Пусть.

А Йонела уже слишком стара для игр...

Люк и Клер еще гуляли с друзьями — Тьен убедился в этом, прежде чем перенестись с Софи в квартиру. Оказавшись в спальне, аккуратно поставил девушку на пол.

Она огляделась и несколько раз моргнула, задержав взгляд на окне.

— День.

— Да, — подтвердил он. — Прошло не больше часа.

Когда-то и его жизнь изменилась в такое же короткое время. Теперь попытки вернуть ее, прежнюю, казались донельзя глупыми.

— Ты в порядке?

Софи нерешительно высвободилась из его объятий, как будто хотела проверить, способна ли она держаться на ногах без поддержки. Сделала несколько шагов и устало опустилась на кровать.

— Наверное.

Он присел на пол рядом. Ткнулся лбом в ее дрожащие до сих пор коленки.

— Прости, я должен был сам тебе рассказать.

— Должен был.

— Не знал как. Боялся испугать тебя. Боялся... потерять...

Она промолчала, а он не осмелился спросить, какие воспоминания вытащила из каменного шара Лили, чтобы показать ей, и о чем они говорили с Йонелой.

— Не было ведь никакого доктора? — проговорила Софи, не интересуясь, а скорее, рассуждая вслух. — Доктора давно отказались от Люка. Это ты, да?

— Да. Я не сумел бы объяснить, поэтому так. И тогда, когда я ушел... должен был уйти, я не мог ничего рассказать. Я...

Испугался. Растерялся. Поверил в невнятные страхи Фера.

Им нужен был шеар, на любых условиях, а он даже не подумал их выдвинуть. Он мог бы потребовать, чтобы его семью перенесли в Итериан, чтобы они всегда были рядом... Но хотел ли он сам тогда привести Софи и Люка в мир, стоящий на краю гибели?

— Я никогда не забывал о вас. О тебе. И вернулся, как только появилась возможность.

— И знал, что будет... так?

— Не знал, но надеялся.

До Итериана еще. Хотя, нет, — до Итериана-то как раз знал.

— Много лет прошло. — Она коснулась его волос, будто собиралась погладить, но тут же отдернула руку. — А если бы я уже вышла замуж? Если бы у меня были дети?

— Я... — Тьен запнулся, подбирая слова. — Если бы ты по-настоящему была счастлива, я не стал бы вмешиваться...

— Правда?

— Нет, — он поднял голову и посмотрел ей в глаза. — Потому что ты не была бы счастлива. Ни с кем другим. Ты — моя. Так было всегда, и если бы ты вышла замуж, это ничего не изменило бы. А детям я был бы даже рад. Я... — Возможно, нужно было отложить этот разговор, но это все равно, что оттягивать удаление больного зуба. — Я решил, что у меня не должно быть детей. Не хочу, чтобы мой сын столкнулся с тем, что пришлось пережить мне. Поэтому, если бы у тебя были дети...

Он умолк. И она молчала.

После все-таки дотронулась несмело и погладила встопорщившийся ежик волос.

Вздохнула:

— Наверное, так правильно. Я тоже не хотела бы, чтобы мой ребенок... Но... Ты собирался мне рассказать? Или хватит того, что ты так решил?

Голос девушки дрогнул, как будто она из последних сил сдерживалась, чтобы не заплакать или не наорать на него.

Лучше бы наорать. Пусть бы кричала, бранила его, пусть бы ударила...

Лишь бы не плакала.

— Мы все обсудим, — пообещал он, сжимая в руках ее ладони. — Вместе. Но не сейчас.

Тьен понимал, что на сегодня ей хватит уже волнений. Ей нужен отдых. Теплый чай и постель. А утром они поговорят...

— Нет, — Софи мотнула головой. — Сейчас. Не хочу больше тайн. Не хочу обманов. Не хочу, чтобы кто-нибудь опять...

— Послушай...

— ...Опять пришел, чтобы рассказать мне то, чего не рассказал ты!

— Хорошо, — уступил мужчина, видя, что она близка к истерике. — Только я не знаю, что рассказывать.

— Все.

— Все — это много.

Он прикрыл глаза, собираясь с мыслями, глубоко вдохнул и начал неспешно, словно рассказывал старую полузабытую сказку:

— Существует огромное множество миров. Первый из них — Итериан. Он создан четырьмя стихиями-прародителями — Огнем, Водой, Землей и Воздухом. Из каждой из этих стихий родились народы. Сначала это были получившие разум частички самих стихий. Элементали, бессмертные духи... Но без смерти не может быть жизни, и потому четверо дали своим детям смертные тела и наделили даром воспроизводить новую жизнь и умирать, чтобы вернуться к своим началам для следующего перерождения. Последними из всех были созданы шеары — те, кто несет в себе силу всех четырех стихий. Они создавались как идеальные правители для народов Итериана. А еще только шеары способны остановить вторжение пустоты. Без них ничто сожрет и Итериан, и остальные миры, поэтому во все времена должен быть хотя бы один шеар. Долг каждого правителя оставить наследника, который примет дар четырех. Шеар избирает в жены дочь одной из стихий, обязательно из высших народов, потому что кровь низших слишком слаба, и сила угаснет в ней. Этого нельзя допустить, и шеар никогда не женится на дриаде, например, или троллихе... они красивые бывают, троллихи, как ожившие статуи... или на человеческой женщине...

Софи вздрогнула, но он успокаивающе пожал маленькие ладошки.

— Настоящий шеар не женится. Мой отец, нынешний правитель Итериана, потому и не женился на моей матери. Она была полукровкой — наполовину сильфида, наполовину человек. Когда мама забеременела мной, они разошлись. Он не мог на ней жениться, а она не хотела оставаться с ним... никем. Она сбежала сюда, в этот мир. А чтобы ее не нашли, отказалась от воздуха, своей стихии, и стала обычным человеком. Людей очень много в мирах великого древа, даже шеар не отыщет среди них одну-единственную женщину...

Он чувствовал, что говорит совсем не то. Софи не интересно, что произошло между его родителями. Это потом она и выслушает, и поймет, и пожалеет всех их, и Аллей, и Тьена, и даже Холгера, наверное. Но сейчас ей дела нет до событий, предшествовавших его

появлению на свет, а точнее, его появлению в ее жизни.

— Я родился восемьдесят семь лет назад... — Она снова вздрогнула, и показалось на миг, хотела вырвать похолодевшие пальцы из его ладоней. — Восемьдесят семь лет назад, — повторил он, убеждаясь, что самого его давно не пугает эта цифра. — Здесь. Не в городе, а чуть выше по реке, в поместье, принадлежавшем мужу моей матери, Генриху Лэйду. У нас была замечательная семья, простая человеческая семья, и я... я был ребенком, и не понимал, что это ненормально — играть с жившими в камине саламандрами. Шеар постигает дар четырех постепенно, и моей первой стихией стал огонь... А потом, когда мне исполнилось пять лет, в поместье случился...

— Пожар, — тихо закончила за него девушка. — Мы ходили в музей... И тот портрет, ты заказал фото...

— Да.

Незачем ей пока знать о том, что на самом деле произошло. А может, вообще незачем.

— Я вспомнил тогда, в музее. Вернее, за несколько дней до этого, когда увидел афишу в Ли-Рей. Помнишь, вечер у поэтов? Мы пили чай, слушали стихи... Я отошел на минутку, а в тебе подсел какой-то котяра, к себе зазывал. Я у него бумажник вытащил, а хотел шею свернуть за то, как он на тебя смотрел... И на столбе афиша висела...

Он помнил все до мелочей. Софи в зеленом платье, с взрослой прической вместо привычных косичек. Помнил ее глаза, светившиеся любопытством и предвкушением. Помнил, как она смеялась над кривляньями мима и как заскучала потом в кофейне, слушая бездарей-стихоплетов...

А ночью ему приснился огонь и крылатые тени-ильясу.

— Я должен был погибнуть в том пожаре. Но Огонь забрал меня и вернул через шестьдесят лет. Я не обманывал тебя, когда говорил, что ничего о себе не помню до того момента, как попал в Торговую Слободу. И потом, это было такое условие, я не сразу вернул себе силу, прошло двенадцать лет. А затем... то ли совпало, то ли так и было задумано... Ты помнишь. Срок пришел, но я не знал, что могу управлять огнем. С водой познакомился, когда в реку упал. И с тобой тогда же... Нет, с тобой раньше. Но когда ты меня подобрала...

Это ей нужно знать. Обязательно.

— Я долгое время пробыл в воде, и вода признала меня. Научила, как исцелиться. Я не специально, нет, но... Помнишь цветы? И ты заболела потом... Прости...

Потерся щекой о ее руки. Перецеловал один за другим тоненькие пальчики...

Не те слова, все равно не те.

— Шеар становится шеаром, лишь когда овладевает всеми четырьмя началами. Он должен пройти специальный лабиринт, где столкнется с различными препятствиями. Моим лабиринтом была моя жизнь. Холгер так решил. Или Огонь, вернувший меня. Я не знаю. И тогда не знал. Был уверен, что останусь навсегда с вами. С тобой... Помнишь, мы на набережную ходили? А потом — платье тебе покупать? И в кондитерскую... Я так хотел жить. И если бы я не справился с воздухом и землей... Но Люк выбежал на дорогу, и... Знаешь, я всегда боялся летать. Даже во сне. И тогда тоже испугался. Но за Люка испугался сильнее... Ты не помнишь. Фер, он флейм, огненный, подчистил память всем, кто там был. Чтобы думали, что автомобиль просто свернул и врезался в столб. А Лили... Она меня в могилу скинула и закопала. С землей познакомила. У нее методы такие... ты знаешь уже... А потом Итериан. Думал, задержусь там ненадолго. Исполню свой долг. Потому что шеар, а шеар — это... грызет изнутри, если делаешь что-то не так... Да и страшно было: не станет

Итериана, и других миров не станет. А в другом мире у меня ты...

Он прервался, чтобы сделать глубокий вдох. Воздух, злопамятная стихия, до сих пор иногда противился ему, и легкие сжимало от невозможности вобрать в себя живительную свежесть.

— Я никогда не забывал тебя. Если бы забыл, то не выжил бы там. Это все, что тебе нужно знать. И да, я вернул бы тебя любой ценой. Но только тебя. Я боялся, что ты... не умрешь, нет, не выйдешь замуж... Но ты могла стать другой. Чужой. Не моей Софи, а... Не ты — это ты. Несмотря ни на что. Все та же девочка, которую я любил, люблю и всегда буду любить.

Теперь, наверное, правильно.

И на сегодня, однозначно, все.

Тьен говорил, а Софи слушала.

Смотрела на него. И вокруг.

Родной мир, собственная спальня казались менее реальными, чем каменный зал хранилища памяти на далеком Итериане.

Такой же нереальной была вся ее жизнь.

И ее ли?

Тьен вспоминал прошлое, и она видела как наяву кофейню в Ли-Рей, музей, магазины. Но то была его жизнь: он решал, куда им пойти, что купить, чем заняться вечером. Ей нравилось, но все-таки...

Его жизнь — его лабиринт, частью которого невольно стали они с Люком. Засохшие за одну ночь цветы, раздражающий легкие кашель, дымящийся автомобиль, врезавшийся в фонарный столб... Вехи на пути будущего шеара...

Но он вернулся к ним. К ней. Там, в Дивном мире его окружали прекраснейшие из женщин, все эти альвы, сильфиды, ундины. Даже троллихи, которых в ее мире изображают уродливыми каменными глыбами, в Итериане красивы, как ожившие статуи... И у всех у них были годы на то, чтобы оставить след в его сердце. А у нее — всего три месяца и веснушки на носу. Но он вернулся к ней...

Сказал, что любит и всегда любил.

И она его — всегда. Но когда хотела признаться в этом, с губ сорвалось другое:

— Спасибо.

Тьен поднял на нее полный непонимания взгляд.

— За что?

— За Люка. И за... все остальное... Что-то ведь было еще?

— Почти ничего. Только Хлоя.

— Хлоя? — к такому ответу Софи оказалась не готова. Тут же появились догадки, одна другой невероятнее. — Она... кто?

Возникла из ниоткуда. С цветами управляется умело. Какая-нибудь дриада или цветочная фея, которую Тьен приставил к ней?

— Всего лишь девушка, которой нужна была работа, — ответил он. — И именно эта работа ей подходила.

Так просто. Так сложно.

И вряд ли, чтобы это было, действительно, все.

— Анри, — вспомнила она. — Он ушел тогда...

— Он ушел, потому что понял, что лишний. А расстались вы еще раньше.

Не отпуская ее рук, Тьен поднялся с пола и присел на кровать рядом с нею.

— Я понимаю, что это нелегко. Но мы разберемся, мелкая, обязательно разберемся.

Мелкая.

Губы дрогнули в нервной усмешке.

Называя Софи так, сознательно или нет, Тьен возвращал ее в их общее прошлое, когда все было легко и понятно. Словно обещал, что и будущее будет таким же...

А, собственно, почему бы и нет?

Да, он шеар, а она человек. Им отмерен разный жизненный срок. Но разве люди, соединяя судьбы, уверены, что им суждено, как в сказке, умереть в один день? А ей даже чуточку легче от того, что знает наверняка, что не ей предстоит остаться доживать свой век в одиночестве...

Нет, не наверняка. Он шеар. И в любую минуту может уйти. Надолго. Или даже... Чужие воспоминания вернулись на миг. В день свадьбы Йонела не думала, что потеряет мужа: он ведь шеар, нет никого сильнее. А Софи теперь будет думать и бояться... Но разве у людей иначе? Разве жены полицейских не волнуются, провожая мужей на работу? А жены военных? Моряков, уходящих в рейс? Да и вообще, жизнь непредсказуема. В прошлом месяце почтальон, обслуживающий их квартал, на велосипеде налетел на камень, упал и ударился головой о бордюр... Его жена точно не сомневалась, что у мужа мирная и не опасная работа, а сейчас осталась одна с тремя детьми. Всей улицей собирали для них деньги...

Софи-то с детьми не останется. Но и так бывает. В соседнем подъезде живет пара, обоим уже за шестьдесят. Каждый вечер они отправляются на прогулку, и он в любую погоду несет ее зонт, смешной такой, с бахромой и рюшами. А она заботливо поправляет ему галстук... или шарф, если зимой, и поднимает воротник пальто... Детей у них никогда не было, но когда они под ручку проходят мимо витрины цветочного магазина, кажутся самыми счастливыми на свете...

А Тьен прав. Она не желала бы для своего ребенка всего того, через что довелось пройти ему.

Тьен всегда прав...

Девушка вздрогнула всем телом и непроизвольно отстранилась от обнимавшего ее мужчины. Не дававшая покоя мысль, поначалу смутная и неуловимая, наконец-то оформилась в нечто четкое. Страшное. Страшнее, чем смерть или жизнь без детей. Для нее страшнее...

— Софи?

— Прости...

Она вскочила и быстро подошла к окну. Прижалась лбом к прогретому солнцем стеклу.

Нужно взять себя в руки. Обдумать все, включая пугающую догадку...

— Что случилось? — Тьен подошел и встал рядом. — Извини, глупый вопрос, но... Что-то ведь случилось?

— Да.

Нет.

Она ведь тоже не забывала его, никогда. Ждала. Писала письма...

— Тьен, я запуталась. Все это так...

Мужчина резко развернул ее к себе.

— Не пугай меня, пожалуйста. Ты ведь сказала уже. Там. Приняла решение.

— Да, но... я не уверена, что это мое решение.

В его глазах отразилось такое искреннее недоумение, что она поверила... почти поверила.

— Тьен, я не знаю, как объяснить. Когда ты вернулся? Когда вернулось всё? Мне казалось, это от того, что я ждала тебя все это время и сама хотела... Но если не хотела? Если не я?

Он покачал головой.

— Если думаешь, что я как-то воздействовал на тебя, на твое отношение ко мне, то нет, я не делал ничего подобного.

— Может, тебе и не нужно ничего делать? — проговорила она тихо. — Достаточно пожелать.

Ей самой не хотелось верить в это. Но чем объяснить то, как быстро развеялись старые обиды, и как легко приняла она его опять в свою жизнь?

— Нет, — сказал он. — Поверь, далеко не все мои желания исполняются. Не накручивай себя по пустякам.

— По пустякам? — Софи нервно хохотнула. — Это — пустяки? Ты — шеар... Бог мой, я и слова такого до сегодняшнего дня не знала! Ты стихиями управляешь. Ты... ты в птицу превращаешься и летаешь. Это пустяки?

Расплакаться бы. Пусть бы пожалел. К груди прижал бы, гладил по волосам, говорил бы что-то... Чтобы поверила. Чтобы не сомневалась больше...

Он же может так?

А она сама уже не понимала, что ей нужно. То ли правду, какой бы та ни была, то ли так обмануться, чтобы самой не знать, что обманывается...

— Потому я и не хотел сейчас говорить. Это нужно пережить. Все это. И то, что я в птицу превращаюсь, и остальное. Оно сразу странно, а потом уже нормально. И видишь все так, как оно есть на самом деле. Понимаешь?

Софи не ответила.

— Хочешь, чтобы я ушел? — понял он.

— Да.

— Хорошо. Наверное, тебе, действительно, нужно побыть одной, чтобы разобраться. В себе. Только в себе, мелкая. Потому что я тут не при чем. И никакой магии. Есть вещи посильнее любых чар.

Обнял легко и коснулся губами лба, тепло и нежно. И не сердился ничуть. Не волновался, будто загодя знал, что она решит... Или это оттого, что она уже решила, и он, в отличие от нее, ни капельки в этом решении не сомневался?

— Тьен, ты можешь сделать так, чтобы Хлоя сама доработала до конца дня? Не хочу возвращаться в магазин.

— Могу. Зайду к ней и скажу, что ты неважно себя чувствуешь.

«Не нужно все усложнять», — читалось в его взгляде.

И она почти поверила. Почти...

Тьен мог бы остаться и постараться убедить Софи в беспочвенности ее опасений, но побоялся, что любые доводы будут восприняты как новая попытка повлиять на ее мнение. А он такого никогда не делал, чего бы она ни думала... Хотя она и не думает. Путается в догадках, подозревает что-то... Но когда найдет в себе силы обдумать — поймет, что не было ничего подобного.

И все остальное тоже поймет.

Но все-таки он боялся. И от этого лезли в голову всякие мысли... не очень хорошие... Например, использовать силу огня. И поехать, как ни в чем не бывало, выбрать новые занавески.

Только потом все равно придется пройти через все это. И когда она снова засомневается, не воздействовал ли он на ее мысли и чувства, уже не получится быть честным...

В гостинице по дневному времени было тихо и немногочленно.

На диванчике в холле сидели две престарелые дивы, из тех, что с раннего утра прячут под слоем пудры дряблые ланиты, рисуют себе удивленные брови и губки бантиком и рядятся в выходные платья, меха и бриллианты. Вся жизнь их в том, чтобы встречать и провожать ледяными, исполненными царского превосходства взглядами тех, кто моложе, красивее и успешнее.

Портье раскладывал по ящичкам корреспонденцию для постояльцев.

Лифт скрипел. Респектабельный господин лет сорока с солидным кожаным портфелем и не менее солидным брюшком опасно косился на потолок и неодобрительно — на безмятежно прислонившегося к стенке шеара, мало того, что одетого по-простецки, так еще и ни капельки не волнующегося о том, что стальные тросы вот-вот оборвутся или лебедка не выдержит. Обратно наверняка пойдет по лестнице.

Тьена не интересовали все эти люди.

Неспешно, будто гуляя, он прошелся по коридору. Задержался на секунду у номера Эсеи. За него уплачено на месяц вперед, простоит теперь пустым. Как и номер Лили. В шкафах останутся платья и шляпки — в Итериане людская одежда ни к чему. Вещи какое-то время пролежат в камере хранения с другим забытым багажом, но когда их так никто и не хватится, разойдутся по гардеробам горничных и кастелянш...

Комната Фера пустовала, но шеар не задумывался, куда мог уйти флейм. Тот вполне комфортно чувствовал себя в человеческих мирах и редко скучал в четырех стенах.

Кеони был у себя.

Тьен едва не прошел мимо его двери, до того безразлично стало...

Но он — шеар и командир, а мальчишка заслужил хороший урок.

Тритон ждал его. Стоило отворить дверь, шагнул вперед, припал на одно колено и повинно склонил голову в ожидании грозной речи.

Этьен молчал. Смотрел на поникшие плечи и согнутую спину сына воды, а в голове вертелась совершенно неуместная мысль, что выпусти сейчас Кеони спинной плавник, рубашка разойдется почти по шву, а плотный воротничок, сдавливающий шею, останется невредим...

Затянувшейся тишины тритон не выдержал.

— Я признаю свою вину и твое право избрать мне любую кару, — протараторил он, не меняя позы. — Но прежде позволь принести искренние извинения тебе и твоей шеари.

Слова его, и правда, звучали искренне, и не возникло перед последним словом неуверенной паузы.

Однако быстро распространяются между мирами новости.

— Лили была здесь?

— Заходила проститься. Если ты решишь изгнать и меня, я приму это с...

— Нет.

Кеони недоверчиво приподнял голову. Но прямого взгляда не выдержал: вздрогнул и снова уставился в пол.

— Останешься здесь, — приказал шеар. — Когда придет время, вернешься со мной в Итериан. Будешь сопровождать меня на организованных правителем празднествах. Но до того дня не попадайся мне на глаза.

Вышел — и дверью не хлопнул.

Хотел зайти к отцу, но тот отсутствовал. Хотя будь Генрих на месте, вряд ли порадовался бы его визиту. Последние их встречи оставляли в душе лишь горечь.

В свой номер даже не заглядывал.

Чужая комната, чужая постель, чужие полотенца в ванной...

Зачем? У него ведь есть теперь дом.

Заехал в булочную. Потом — на селянский рынок: захотелось свежего молока.

Покружил еще немного по улицам...

Хотелось плюнуть на все и вернуться к Софи, но сдержался. Только прислушался издали, не плачет ли.

Не плачет. Уже.

Спит.

Вот и хорошо. Пусть отдохнет, придет в себя и поймет, что все ее тревоги надуманные.

А он подождет. Не слишком долго — долго он не выдержит. Но пока подождет.

Тьен остановил автомобиль напротив калитки, забрал с заднего сиденья пакеты и вошел во двор. Продолжая думать о Софи, направился к крыльцу и едва не выронил покупки от удивления: на ступеньках сидел Генрих Лэйд.

— Папа?

— Я, — человек тяжело приподнялся навстречу. — Извини, что без предупреждения. Лили дала мне адрес. Сказала, что тебе может понадобиться компания. Но если я не вовремя...

— Нет, что ты. Как раз вовремя.

Лили редко ошибается...

Хранительницей памяти была, есть и будет земля. Все, что коснется камня, останется в камне навеки. И даже разотри ты камень в порошок, тот сохранит пылинки былого.

Но и другие стихии на что-то способны.

Огонь повернет время вспять. Воздух повторит звучавшие когда-то слова...

— Холгер не говорил мне... — прошептала растерянно Арсэлис.

Йонела кивнула. Не говорил.

Ни о том, что за болезнь несколько месяцев продержала Этьена между жизнью и смертью. Ни о чем другом.

Не хотел волновать. Берег, как умел.

Теперь, верно, выскажет матери за то, что вовлекла его жену в старые семейные дела. Но на то они и семейные.

А Йонела, между прочим, слова лишнего не сказала, ни тогда, ни сейчас. Не назвала ни одного имени. Так что Этьен до сих пор не знает. А Арсэлис... Арсэлис, как оказалось, умела задавать нужные вопросы, и старая шеари больше не видела причин скрывать от нее ответы.

Ветер пророчеств, отец всех ветров, на орлиных крыльях летающий между настоящим и будущим, никогда не касался ее мыслей, но не обязательно обладать даром прорицания, чтобы чувствовать приближающуюся опасность. Холгер слишком легко поверил в то, что с уходом Этьена исполнится обещание четырех. Или же по обыкновению не желал тревожить близких опасениями. Но пока ничего не решилось, нужно быть готовыми ко всему.

— Жаль ее, — вздохнула флейма, когда в разговоре всплыло имя Аллей. — Мне кажется, она сама запуталась...

— Вот именно, что сама, — жестко подтвердила Йонела. — Думала, что избрала легкий путь и слишком поздно поняла, что обратно по этому пути не вернешься.

Возможно, шеари была слишком резка, но это у людей не принято плохо говорить об ушедших, а дети Итериана и о мертвых, и о живых говорят правду.

Дорога отступника и впрямь не трудна. Ибо ведет вниз. Отрекись от любви во имя гордости. От породившей тебя стихии, чтобы сохранить сына. От сына — ради дочери.

А ведь могла сохранить все, включая жизнь.

Но смелости не хватило. Сил. Ума. И никто не помог, не подсказал, как лучше, не удержал от необдуманных шагов. Никто.

Потому и не любит Йонела вспоминать о матери старшего внука. А вспомнив, повторяет, как заклятье: «Сама виновата»...

Подслушать о чем они с Софи говорили, Лили не могла: наученный горьким опытом, Тьен надежно закрылся от постороннего внимания. Да и Генрих не успел бы добраться до их дома, если бы встретился с альвой уже после того, как шеар покинул квартиру Хамнетов. Это вселяло надежду. Если Лили предполагала такой итог, то это нормально, наверное. Она знала, что Софи понадобится время, чтобы свыкнуться со всем, что обрушилось на нее в одночасье, а ему трудно будет провести это время в одиночестве.

— Представляю, каково ей, — сказал Генрих. — Хотя... нет...

Они сидели на террасе, пили «приготовленный» по рецепту Эйнара чай. Сегодня был день откровений, и Тьен рассказал отцу о том, что произошло в Итериане и после. Боялся снова услышать или почувствовать, что его жизнь и его счастье для Генриха ничто рядом с вынашиваемыми тем планами, но все же отважился поделиться.

К счастью, страхи не оправдались.

— Нет, не представляю, — покачал головой Лэйд. — Я с самого начала знал, что моя Аллей — создание из иного мира. С самого начала...

Лицо его посветлело, даже морщины, казалось, разгладились, а глаза заблестели — то ли от слез, то ли от промелькнувших перед ними воспоминаний.

— Я был ребенком, когда мы встретились впервые. Дома меня отругали за что-то, и я сбежал к реке, прятался там ото всех... А она решила, что играю, и не могла понять смысла этой игры, потому и заговорила со мной. Я онемел от восторга, увидев ее. Стоял, разинув рот... Потом нашел в себе силы ответить. Мы разговорились... вылетело из головы о чем. Ни о чем, наверное. Но она приходила ко мне еще несколько раз, ждала там же, у реки. Не знаю,

чем я заинтересовал ее... Хотел спросить, уже после, когда... но так и не решился... Глупо: столько вопросов, на которые теперь не узнать ответов, потому что тогда они казались неважными. Думал, потом...

Все счастливые похожи в стремлении жить одним днем.

— Да и не всегда хочется знать правду, понимаешь? — Генрих посмотрел на Тьена и вздохнул. — Я старался не задавать лишних вопросов. Даже о тебе. Мне достаточно было того, что ты — ее сын. Аллей хотела остаться в моем мире, а в те времена женщина, одна с ребенком, пусть и обеспеченная... Я предложил ей свое покровительство и свое имя. Просто дружеская услуга. В самых смелых мечтах не предполагал, чтобы она стала моей женой... по-настоящему. Я ведь был уже не молод, а она оставалась той же девочкой. Не только внешне, но и в душе. Ты ведь знаешь, как медленно взрослеют дети ее народа. Старик и юная красавица — сколько сплетен поползло. И ты родился всего через полгода после свадьбы... Но меня не пугали злые языки. Чего я боялся по-настоящему, так это того, что она снова исчезнет...

Прежде они не говорили об этом. Так не говорили. Вспоминали прошлое, маму, но то все были нейтральные воспоминания. Сейчас же отец открывал перед ним душу. Его боль становилась понятнее, и в то же время не такой уже резкой и щемящей.

Как случилось, что за годы в Итериане они так и не пришли к этому разговору? Наверное, не время было. А сейчас — в самый раз. Делиться потерями, каяться в ошибках.

Но ошибки Тьена еще поправимы. И слушая отца, он вместе с тем прислушивался издали к стуку родного сердца.

— Она не обещала остаться навсегда. Наоборот, обмолвилась как-то, в самом начале, что все еще изменится, возможно, и она вернется домой. Ей ведь трудно было, особенно в первое время — в чужом мире, без крыльев. Плакала ночами. Иногда пропадала на несколько дней. Когда ты родился, стало полегче. Она так радовалась тебе. Лишь иногда... Впрочем, пустое. Она тебя очень любила...

— Я знаю, — Тьен потянулся через стол и пожал руку понуро опустившего голову археолога. — Я ее тоже. И я помню, что обещал.

Наверное, не нужно было упоминать об этом сейчас, но уже вошло в привычку всякий раз, когда речь заходила о матери, повторять старое обещание.

Генрих вкинул голову. Но промелькнувшая во взгляде никому конкретно не адресованная застарелая ненависть быстро угасла — все же это был день совсем других разговоров.

— Ты обещал, да. Портрет. Фернан должен был забрать его из музея.

— Видимо, забыл. Ты же знаешь Фера...

Тьен отвел глаза: Фер никогда и ничего не забывал. В отличие от него.

А он забыл обо всем на свете, потому что...

Софи.

Как она там? Что делает? О чем думает?

Он мог бы сейчас находиться рядом, неслышимый и невидимый, или даже отсюда следить за ней. Но это было бы неправильно, особенно в свете ее сомнений.

И как ему смотреть на нее, не имея возможности прикоснуться? Стоять за ее спиной, чувствовать запах, слышать дыхание и не дотронуться, не прижать к себе, не утопить пальцы в мягких волнах волос...

— Прости, — проговорил Генрих сконфужено, словно сумел заглянуть в его мысли. —

Я снова о своем. А должен, наверное...

Тьен произвольно фыркнул. Должен что? Утешать его? Уверять, что все решится? Так он это знает. Только тоскливо без нее. Каждая минута — вечность. Или сказать, какой он дурак, что сам не объяснился с Софи? Он знает и это.

— Должен был извиниться, что не понял тебя сразу, — закончил отец, борясь с неловкостью. — Не поверил в то, что эта девушка так много значит для тебя.

— Много, — согласился шеар. — Все.

— Расскажешь мне о ней?

Невинная просьба неожиданно всколыхнула в душе волну протеста.

Рассказать — это как поделиться. А поделиться — значит, отдать частичку бережно хранимого.

К такому Тьен был еще не готов. И вряд ли будет готов когда-нибудь.

— Она замечательная, — сказал он, не желая обижать отца молчанием. — Добрая. Умная. Красивая. У нее есть младшие брат и сестра. Она воспитывает их сама, без родителей. Мы познакомились, когда... она спасла меня. Подобрала раненого на улице и притащила домой.

Все, что связывало его с Софи, не получалось объяснить словами. На словах выходило банально и пошло.

— Раненого? — встрепенулся Генрих.

— Да. Я же говорил, чем занимался. До встречи с ней. Но... Расскажи лучше ты. С маме.

Если Лэйд и удивился, то виду не подал. Ему и самому, наверное, приятнее было вспоминать свою сильфиду, чем слушать о незнакомой пока девушке. И делиться он не боялся. Ему нечего уже было терять. Вспоминал. Рассказывал. И Тьен, слушая его рассказы, скучал, и по матери, и по тем беззаботным временам, когда не верил в существование Дивного мира и не догадывался, что является его частью.

Но сильнее всего скучал по Софи.

Сколько еще ждать?

Скоро наступит вечер. Сад и душу заполнят сумерки.

А там и ночь. Затем — утро...

Всего за несколько дней он привык просыпаться рядом с ней и сейчас не мог представить утра без ласкового тепла под боком, без приятной тяжести уютившейся на плече головки. Хоть не ложись...

Подумав, что Генрих проголодался за день, Тьен предложил поужинать в каком-нибудь ресторане. Вспомнил, что так ни разу и не взял отца на автомобильную прогулку, и вел машину не торопясь, позволяя Лэйду насладиться мягким ходом машины, удобным пассажирским креслом и свежим ветерком...

И вдруг затормозил.

Затем, так же неожиданно, позабыв, что подобные маневры могут напугать пожилого человека, нажал на газ, и автомобиль, сорвавшись с места, полетел по улице, чтобы вскоре остановиться у дверей небольшого ресторанчика.

— Пап, я... Это срочно. У тебя есть деньги? Закажи что-нибудь на свой вкус. Я скоро вернусь.

— Все хорошо? — забеспокоился Генрих.

— Надеюсь, что да.

Девушка стояла на перекрестке. Отошла всего на пару кварталов от дома и заблудилась на знакомых улицах. Оглядывалась растерянно, не зная, куда идти дальше. Сошла с бордюра на дорогу, чтобы перейти на противоположную сторону, и тут же вернулась назад.

Прохожие смотрели на нее, кто с улыбкой, а кто осуждающе: платье мятое, волосы растрепаны, на ногах — комнатные войлочные тапочки с большими белыми бубонами, смешные и такие неуместные здесь, на шумной улице...

Тьен остановил автомобиль и последние разделявшие их десятка два шагов прошел пешком, до последнего подспудно ожидая, что она развернется и убежит.

Но нет. И взгляда не отвела. И руки, несмело, но протянула навстречу.

— Я...

— Люблю тебя, — он осторожно привлек ее к себе и поцеловал в лоб.

— Я хотела подумать... обо всем. Не получается, — вздохнула она жалобно.

— Значит, ты еще ничего не решила? — спросил он с опаской.

— Решила. Я решила не решать ничего больше, — она прижалась к нему, потерлась о шею, норовя забраться носом под ворот рубашки. — Мне без тебя плохо — это все, что я знаю.

— Мне без тебя еще хуже, — прошептал он, поднимая ее над мостовой, чтобы заглянуть в глаза.

— Нет.

— Да. Намного хуже. Потому что ты нужна мне намного больше, чем я тебе.

— Ты там знаешь...

Какие-то люди шли мимо, но ему до них и дела не было. Пусть себе идут, тротуар широкий, всем места хватит.

Но, с другой стороны, не простоишь же всю жизнь на обочине?

— Поехали в ресторан? — предложил шеар. — Люк и Клер ведь обойдутся без нас еще час-два?

Не дожидаясь ответа, подхватил девушку на руки и понес к машине.

Софи пришла в себя уже в салоне.

— В ресторан? Тьен, ты посмотри на меня.

Казалось, она сама только что осознала, в каком виде вышла из дома, и секунду назад бледные щеки вспыхнули от стыда.

— Ты — красавица, — уверил он ее.

Сел на место водителя и потянул за рычаг, чтобы поднять крышу. Незачем случайным прохожим видеть...

Девушка с недоумением следила за этими манипуляциями.

— Закрой глаза, — попросил он ее.

— Зачем?

— Сейчас узнаешь, как полезно иметь в хозяйстве шеара, — улыбнулся мужчина. Как ни старался, а горечь проступила в словах...

Но Софи, похоже, не заметила. Зажмурилась послушно.

— Все. Можешь смотреть.

Она удивленно ахнула, увидев, что мятое платье превратилось в новое, из расписанного цветами голубого шелка, а тапочки — в элегантные туфли-лодочки. Несмело развернула к себе зеркальце и убедилась в отсутствии потеков туши под глазами. Потрогала волосы.

— Как это?

Тьен неловко развел руками.

— Помнишь сказку, в которой фея подарила девушке новый наряд и сделала карету из тыквы?

Софи ощупала ткань платья и постучала по полу каблучками.

— Так это все — лишь до полуночи? — спросила с недоверчивой улыбкой.

— Все равно мы вернемся раньше. А это... — он запустил руку в карман и достал кольцо Йонелы. — Это — настоящее. Сейчас, наверное, не лучшее время, и место не слишком романтичное...

Она посмотрела на кольцо, потом на него и без слов протянула руку.

Тоненький ободок легко наделся на безымянный палец, и бриллиантовые звезды Итериана вспыхнули, приветствуя новую шеари...

До наступления ночи уже перебрались в новый дом. Все. Переговорив с Софи, Тьен предложил Генриху остаться.

Оглянувшись на прожитый день, он впервые за долгое время мог сказать, что сделал все правильно. Почти все...

— Клер хотела, чтобы в саду были качели, — напомнила перед сном Софи.

— Завтра найду мастера, — пообещал он.

— Мастера? — вырвалось у девушки удивленное.

Как бы они ни старались делать вид, что открывшееся не повлияет на их жизнь, призраки Дивного мира теперь неотступно следовали за ними.

— Да, я вызову мастера. Он провозится несколько дней и сделает для Клер качели, такие, какие она захочет. Так будет правильно.

— Конечно, — согласилась, подумав немного Софи. — И не придется объяснять, откуда они взялись.

— Не только. Послушай...

Подняв девушку на руки, Тьен как ребенка уложил ее в постель. Наколдованное шелковое платье давно сменилось на прежнее, домашнее, а то в свою очередь уступило место ночной сорочке... жаль, не той, в которой Софи вертелась перед зеркалом...

Он тряхнул головой, отгоняя отвлекающие мысли, и присел рядом со своей шеари.

— Мне не трудно сделать качели, и откуда они взялись придумал бы. Но если есть возможность не задействовать дар, я предпочитаю ею воспользоваться. Это не развлечение, понимаешь? Хотя в мелочах можно. Вот чай, например, или конфеты... Хочешь конфет? А в остальном... Есть мировой порядок. Законы природы, которые не стоит нарушать без особой необходимости. Да и тому же плотнику нужно как-то зарабатывать на жизнь, ведь так?

Девушка кивнула, а затем спросила недоверчиво:

— Значит, деньги у тебя настоящие?

Столько в этой фразе было детской непосредственности и вместе с тем практичности, свойственной Софи, его Софи, которую он помнил хозяйственной, не по годам серьезной девчонкой, что мужчина невольно улыбнулся.

— Самые настоящие. Итериан богат на золото, самоцветы и другие вещи, которые ценят в людских мирах. Фер давно открыл счета в нескольких банках и пополнял время от времени. Фер — это... Не знаю, помнишь ли ты...

— Помню, — нахмурилась девушка.

Тьен ласково погладил ее по щеке, успокаивая.

— Он хороший. Странноватый временами, как и все... — хотел сказать «мы», но

смогчал, оборвав фразу. — Фернан — флейм, огненный. А еще — мой дядя, двоюродный, по матери... по людской линии.

Слишком многое еще нужно рассказать, и если не откладывать разговор, вряд ли этой ночью удастся уснуть...

Историю своей семьи, которую Софи частично уже знала, он пересказал бегло. Волей-неволей зацепил и семейку Холгера.

— Йонелу ты видела. Есть еще Арсэлис. Это вроде как моя мачеха, — была бы, если бы Тьен считал Холгера отцом. — Ну и Эйнар, его ты знаешь. Он неплохой, в общем-то, но мы на самом деле почти не общаемся.

— А его жена?

— Эсея? Она ему не жена, — признался, пользуясь случаем, шеар. — Даже не знаю, с чего Эйнар назвал ее так. Эсея — мой воздух. В смысле, представляет народ воздуха в моей свите... Представляла. У шеара должна быть свита и поддержка в сложных ситуациях, связь со всеми стихиями. Но здесь мне свита не нужна, и поэтому Эсея вернулась в Итериан.

— Ясно, — кивнула Софи. После башни памяти ее мало что могло теперь удивить. Прищурилась и протянула с улыбкой: — Мой воздух. Так романтично прозвучало.

— Ревнуешь?

В одно мгновение он оказался на кровати рядом с девушкой. Обнял, разворачивая к себе. Но когда уже собирался поцеловать ее и закончить тем внеурочную беседу, она отстранилась:

— К Эсее — нет.

Не было нужды спрашивать, что, а вернее, кого она имела в виду.

Отпустив Софи, Тьен перекатился на спину.

— Что она тебе сказала?

— Ничего, — проговорила девушка тихо. — Ты сказал. Только что.

Дурак, иначе и не назовешь.

Шла бы речь о какой-нибудь другой женщине, просто признал бы, не раскаиваясь: да, было, давно. Ему ведь, в конце концов, не интересно... руки чешутся, как подумает — не убить, так хоть сломать что-нибудь, физиономию расквасить, Анри этому безупречному и кто там еще был... если был... Но не спрашивает же? И не спросит...

А она спросила. Не прямо, но спросила. И ответить так, как ответил бы о любой другой, означало обмануть. Обеих.

— Лили — мой друг. Самый близкий друг, который появился у меня за эти годы. Кроме нее мало кто принимал участие в моей судьбе. Она многому меня научила, уберегла от многих ошибок. От боли. От сомнений. Альвы — по-своему целители, но лечат не тело, а душу. Вернее, душу через тело.

Он боялся, что Софи не поймет, но врать и оправдываться не хотел.

Пусть она задаст другой вопрос. Пусть спросит, любит ли он ее, нужен ли ему кто-нибудь кроме...

— Очень плохо было? — Софи осторожно, словно опасаясь, что ее прикосновения могут причинить боль, погладила его по плечу.

— Иногда.

— И часто приходилось... лечиться альвами?

— Нет, — он улыбнулся постановке вопроса, в котором остатки ревности скрыло под собой неподдельное сочувствие. — У меня было другое лекарство.

Вместо дальнейших объяснений притянул ее к себе и сжал в объятьях.

А она не спрашивала больше ни о чем и спустя несколько минут уже крепко спала, оставив позади самый безумный в своей жизни день...

Роза прижилась. Цветок из чужого мира с бархатными, почти черными лепестками.

Пустила корни. Впитала соки земли. Выпустила молодые побеги.

Через несколько дней вырастет в невысокий кустик и даст новые бутоны...

Как давно она не занималась этим. А ведь прежде любила возиться с цветами. Гордилась своим садом, чудесным даже для альвов. Домом, стены которого расписывала сама и оживляла рисунок, заставляя камень принимать объем и форму, превращаясь в причудливый барельеф. Рожденные ее кистью и магией цветы немногим уступали растущим в саду, птицы, казалось, вот-вот вспорхнут с ветвей и огласят округу пением, а насторожившая уши лань, заслышав незнакомые шаги, скроется среди подпирающих кронами крышу деревьев...

Сада больше нет. Она сама иссушила землю, убив все живое на ней. И дом... Он тоже был живым, а теперь с каменных цветов осыпались песком лепестки, и птицы потеряли крылья...

Но роза ведь прижилась.

И трава. Пусть будет хотя бы трава. Ветер носит семена, они лежат где-то в мертвой земле...

Она вольет отнятую когда-то силу в землю, оживив и ее, и крохотные зернышки, а потом...

...потом она поднимется и войдет в дом.

Не сегодня.

Завтра.

Или послезавтра.

У нее много времени.

Альвы живут долго. Так долго, что в некоторых мирах их считают бессмертными. Еще нескоро родная стихия примет ее, некуда спешить. Можно лежать на земле рядом с кустиком черной розы, слушать, как прорастают травы... возможно, деревца — ветер щедр на подарки...

А дом подождет. Он давно уже ждет, потерпит еще немного.

Она еще не готова переступить порог. Даже заглянуть в смотрящие на нее с укоризной очи-окна. Жмурится всякий раз, натываясь взглядом на их темную, угрюмую глубину. Прячется от отражений прошлого. Губы кусает, глотает слезы, заворачивается, как в покрывало, в теплую землю, глубже и глубже...

Хорошо, что рядом никого — лишь дом. Но дом и не такой ее видел, в последний раз, когда... А другим незачем.

Только кажется вдруг, что смотрит кто-то... не дом, кто-то еще... Как будто жалеет, как будто бы ей нужна его жалость... И обнимает с землей, и слезы снимает шершавыми губами с век... Баюкает...

Это сон. Сон, конечно же.

Она поспит под шорох поднимающихся трав. Успокоится. А потом откроет глаза и заглянет в душу дома... в свою душу, которую оставила здесь когда-то... И краски — это хорошие краски, они не должны были испортиться. Нужна лишь капелька силы и немного воды из протекающего в низине ручья...

Но после ей все равно надо будет вернуться. Она знает. Помнит. Ничего еще не закончилось...

После. Когда цветы на стенах опять расцветут...

Софи заворочалась, придвинулась поближе, обхватила обеими руками его плечо, словно опасаясь, что он снова уйдет.

— Где ты был? — пробормотала сонно.

— В саду, — не солгал он.

— И что там?

— Там все хорошо.

Хороший дом.

Генрих, проснувшись пораньше, обошел комнаты, кроме тех, что заняты были жильцами, и еще раз убедился: хороший. Не сравнить с тем, что достался ему когда-то от родителей и в котором жили они с Аллей, тот не дом был, а целый дворец: два этажа, библиотека, охотничья комната, музыкальная, бальный зал, в котором матушка еще устраивала приемы, а он все хотел переоборудовать под домашний музей, да так и не сподобился... Но, с другой стороны, там без прислуги не обойтись было, чужие люди сновали день-деньской туда-сюда, незаметные вроде бы, но и незаменимые: горничные, кухарки, печники, садовников аж трое, грум при конюшне, а с ним мальчишка-помощник, еще народ какой-то — он и не помнил всех. А здесь — только свои, семья. Тихо, уютно. Самое то, чтобы старость встретить, ведь она, старость, разгадала уже на долгие годы отсрочивший ее приход обман Дивного мира и вознамерилась взять реванш...

Захватив вчерашние газеты, Лэйд выбрался на террасу. Присел в плетенное кресло.

Может, это альва виновата? Заявилась, чуть ли не за шкуру вытащила из кровати и из тоски. Сказала: «Если тебе еще нужен сын, это — твой последний шанс». Правильно, по сути, сказала. И сын ему нужен, и он сыну вроде как пригодился, и отношения всего в какой-то час наладились, потому что люди ценят, когда к ним с душой, и чтобы поддержать и в печали, и в радости, а Этьен хоть немного, но человек... Но может Лили еще что-то сделала? Чары свои альвийские на него навела, что он успокоился, на Этьена сердиться перестал, и настроение сделалось такое благостное, что тянет всем вокруг раздавать симпатии.

Хотя Софи, и правда, девушка милая. Для Этьена — так даже слишком. Лэйд редко задумывался о том, что однажды сын женится, но когда такое случалось, представлял рядом с ним женщину иного типа. Более яркую, и внешностью, и характером. Чтобы ему под стать. А тихую, скромную девочку он, казалось, раздавит походя... Но нет, не раздавит. И другому никому не позволит. Достаточно понаблюдать, как он глядит на нее, как говорит, как спешит угадать каждое желание, а сам тем временем ревниво стреляет глазами по сторонам, не вознамерился ли кто покуситься на его сокровище.

Тогда Генрих вспоминал Аллей. С нежностью, с грустью. С обидой. Никогда он не мог бы так, чтобы, значит, моя и ничья больше. И она... Не смотрела она на него так, не улыбалась так, не касалась будто бы невзначай...

А еще Лэйду нравилось, как Софи обращается к его сыну. Тьен. Давнее, забывшееся почти. Ласковый, веселый мальчуган — любимец всех обитателей поместья, мамин маленький проказник. Генрих помнил имя, которым представлялся тот забавный малыш, но ему и в голову не пришло бы назвать так третьего шеара Итериана. Зря, наверное...

В газете не нашлось ничего интересного, и он отложил их. Любовался утренним садом. Слушал птиц и отдаленный гул машин. Размышлял.

За этим занятием пропустил момент, когда оказался не один на террасе.

— Доброе утро! — раздался над ухом звонкий голосок. — Вы тоже уже встали? Я всегда рано просыпаюсь, даже раньше Софи.

— Доброе-доброе, — с улыбкой приветствовал археолог девочку.

Глядеть на нее с иным выражением лица при всем старании не получилось бы. Утро выдалось свежим, и Клер выскочила из дома, набросив на плечи покрывало, но босая,

встрепанная, как воробушек, и точно так же, как суетливая пичужка, скакала на месте, морщась и зябко подгибая пальцы на ногах. Потом забралась, как в гнездо, во второе кресло и нахохлилась, укутавшись.

— Как вам спалось? — спросила она, демонстрируя то ли учтивость, то ли любопытство, а то и одно, и другое сразу.

— Спасибо, неплохо. А тебе?

— И мне. Только... — она быстро огляделась, будто опасалась, что их подслушают. — Вы знаете такое гадание, когда девица... ну или девочка, неважно какого возраста, перед сном на новом месте читает особый приговор, чтобы увидеть во сне жениха? Так вот... Я решила замуж не выходить.

— Неужели кто-то настолько страшный приснился? — сочувственно поинтересовался Генрих.

— Страшнее некуда, — вздохнула малышка. — Мой учитель грамматики. Мало того, что старик, лет сорок уже, так вы еще не представляете, какой он нудный!

— Я бы на твоём месте не доверял гаданиям, — посоветовал пожилой человек. — А учителя, насколько я помню, не к замужеству снятся, а к невыученным урокам.

Судя по уткнувшемуся в пол виноватому взгляду, Лэйд был не последним толкователем.

— Одно задание забыла переписать, — покаялась Клер. — И то уже после того, как мы решили, чтобы я на летние занятия больше не ходила. Но я напишу, сегодня же. Только попозже.... А хотите кофе? Я сварю! — девочка подскочила с места. — Я умею. Могу еще гренки пожарить, если молоко есть. Или омлет. Вы любите омлет?

Аллей любила омлет. Нежный, воздушный, с салатом и ломтиками поджаренного хлеба. А готовить совершенно не умела, да ей в том и нужды не было.

У Клер омлет вышел не таким пышным. Вернее, на сковородке он еще высился взбитым облаком, а будучи разложен по тарелкам, опал, со вздохом выпустив пар. Но на вкус был неплох. А кофе удался без всяких «но».

— Софи говорит, я хорошо готовлю, — сказала малышка без хвастовства. — Она же весь день в магазине, а Люк до недавнего... Вы знаете, наверное. А я быстро учусь. Даже собиралась, когда вырасту, на кондитера выучиться, чтобы торты, пирожные разные делать. А сейчас не знаю уже. Может, на актрису?

В былые времена Генрих не назвал бы данную профессию удачным выбором для девочки из приличной семьи, но в нынешних реалиях все могло кардинальным образом измениться, и он решил придержать свое мнение по этому вопросу.

— Или, если с грамматикой разберусь, — продолжала рассуждать Клер, — буду сказки сочинять, как Тьен.

— А...

Лэйд прикусил язык. Хорош отец — даже не знает, чем сын занимается. Хотя и сын мог бы предупредить, какие такие сказки он для детей насочинял.

— Нет, — вздохнула пропустившая его восклицание девочка. — Как у Тьена у меня не получится. У него они такие... Волшебные прямо!

— Прямо волшебные?

— Ага, — истово закивала Клер. — Таких никто больше не придумает!

— Спорим, у меня лучше получится? — усмехнулся Генрих.

Девочка смерила его недоверчивым взглядом.

Маленькая еще. А то смекнула бы, от кого Этьен набрался волшебных сказок.

— На что спорим? — уточнила она.

— Если не понравится моя история, куплю тебе шоколада коробку, а если понравится... еще мне кофе приготовишь.

— Идет.

Кажется, на языке нынешней молодежи это означало согласие.

— Тогда слушай. Далеко-далеко, там, куда не отыскать дорогу простому смертному, есть Дивный мир, населенный чудесными существами. Живут там альвы — дети земли; флеймы, рожденные огнем; тритоны и ундины — водные создания. Но всех прекраснее девы воздуха — легкокрылые сильфиды. На прозрачных крыльях порхают они из мира в мир и снисходят порой до общения с людьми...

Когда-то эту сказку, на деле бывшую чистой правдой, он рассказывал сыну, но был уверен, что Клер ее не слышала. Этьен не стал бы выдавать чужие секреты. Это лишь его, Генриха, тайна, и он сам решает, с кем ею делиться. Еще вчера ни с кем не стал бы, а сегодня вдруг подумал, что можно довериться этой девочке со спутанными кудряшками и внимательными голубыми глазами...

Когда он дошел до того момента, где повзрослевший мальчик решил стать археологом, чтобы по древним записям найти путь в Дивный мир к своей сильфиде, Клер встала из-за стола и направилась к плите.

— Вы рассказывайте, рассказывайте... А я вам кофе сделаю. Вам же не вредно так много?

— Не вредно, не волнуйся, — улыбнулся Лэйд в усы.

А когда он уже приблизился к судьбоносному эпизоду возвращения сильфиды, из комнат послышался шум, возмущенные возгласы и негромкий смех.

— Не обращайтесь внимания, — махнула рукой Клер. — Софи на работу проспала. Тьен ее специально не будит. Хочет, чтобы она никуда не ходила и весь день с ним дома сидела.

Она налила свежеприготовленный кофе в чашку, а чашку поставила на поднос.

— Сейчас сюда заявятся, — пробурчала сварливо. — Дедушка Генрих, давайте опять на терраску выйдем? Там и доскажете... Ой!

Девочка потупилась, но тут же подняла на него улыбающиеся глазенки:

— Ничего, что я вас так называю? Дедушкой? Вы не старый, просто...

Старый. Еще какой старый. И дедушкой — совсем даже неплохо.

Софи купила в дом календарь, и Тьен незаметно загнул уголок листочка с датой, на которую назначен прощальный прием на Итериане.

Времени осталось немного, а первоначальный план уже не казался таким уж хорошим. Но за девять лет иного решения не нашлось, и Тьен сомневался, что оно отыщется в последние несколько дней. Старался вообще не думать об этом до поры, посвятив себя не прошлому и не будущему, а настоящему.

Уговорил Софи взять у хозяйки положенный по закону отпуск. О том, чтобы она совсем ушла из магазина, не заговаривал, понимая, что сейчас работа, первейшая составляющая иллюзии обыкновенной жизни, нужна ей как никогда. Но отпуск — тоже дело обычное, особенно когда речь идет о подготовке к свадьбе.

Ездили за покупками, ходили в кино, разбили в саду новую клумбу.

В первые с переезда выходные пригласили в гости друзей. Друзей Софи и его теперь тоже. Амелия, Рене с невестой, Лиза и Сюзанна. О Лизе и Сюзанне он и не слышал до того как зашла речь о званом обеде. Первая работала в розарии оранжереи Рамзи, а вторая —

медсестрой в больнице и приходилась дочерью госпоже Магдале. С Сюзанной и ее матерью Софи подружилась во время болезни Люка. После в разговоре всплыли еще какие-то имена... Без этого вряд ли вспомнилось бы, что Тьен совсем недавно вернулся и не успел еще все и всех узнать. Но он обещал себе исправить это упущение.

Все можно исправить, если постараться.

С Генрихом ведь получилось.

За несколько дней в новом окружении отец оттаял. Должно быть, именно этого ему не хватало в Дивном мире — настоящего дома, уюта. Внимания и заботы, которых, как ни стыдно признавать, он никогда не получал в должной мере от сына. Теперь же он отогрелся душой, чаще улыбался, больше говорил, найдя в лице детей благодарных слушателей. И ни разу не заговорил с Тьеном о предстоящем визите в Итериан.

Но помнил, шеар не сомневался.

— Скоро мне нужно будет отлучиться.

Оставались считанные дни, а он так и не придумал, что и как сказать Софи. Сказал так.

— Туда? — догадалась она. Нахмурилась, хоть Тьен и старался говорить об этом, как о чем-то не стоящем волнений.

— Туда, — он улыбнулся безмятежно, но тревоги с ее лица не прогнал. — Понимаешь, раз уж я решил уйти, надо сделать все правильно. Попрощаться и все такое. Холгер устраивает праздник по этому поводу — для него это тоже немалая радость, так что...

— Возьмешь меня с собой? Если праздник?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком резко, и Тьен поспешил объясниться:

— Некоторые там, старейшие особенно, до сих пор кривятся при виде меня. Полукровка, шеар по ошибке. Да и родня ко мне особой любви не питает. Не хочу, чтобы их «нежные» чувства коснулись тебя. Мы ходим с Генрихом, на денек, а то и на несколько часов, и тут же вернемся. Не переживай, ничего, кроме скуки, нам там не грозит.

Пусть это станет последней его ложью...

— А если хочешь познакомиться еще с кем-то из моей семьи, то... Можно, я Фера на ужин приглашу? Он получше бабушки Йонелы будет. К тому же, на самом деле близкий родственник.

Он познакомил бы их раньше, но опасался, что Софи будет неприятна встреча с прошлым в лице флейма. Однако сейчас не заметил в ее глазах ничего, кроме сдержанного интереса.

— Пригласи, — согласилась девушка. — Только... чем его угощать?

Угощался дядюшка всем и с преогромным удовольствием. Попробовал запеканку, салат, рыбу, яичный рулет. Пил вино и нахваливал хозяйку.

— О, блинчики! Обожаю. Мама делала почти такие же.

Мать Фернана была человеком. Умерла задолго до того, как Тьен появился в Итериане, одинокая и всеми забытая. Фер тогда гулял, как обычно, по мирам великого древа, а с отцом его она рассталась давно: дивные и люди редко сходятся надолго...

— А паштет из чего? Не могу распробовать. Утка?

Заурядную человеческую семью подобный гость разорил бы за три визита. Флейму не грозила ни изжога, ни тяжесть в желудке, его организм в секунды сжигал кушанья, а дядюшкина людская половинка искренне наслаждалась разнообразием вкусов.

— Софи, вы потрясающе готовите. Если не откажете от дома, стану у вас частым

гостем.

Люк и Клер, наскоро поужинав, умчались рассматривать принесенные гостем подарки. Как порадовать детей, Фернан всегда знал. Тьен помнил огромную коробку с солдатиками, крепостными башнями, пушками и лафетами...

— Старое здание театра мне нравилось больше, — активная работа челюстями не мешала огненному поддерживать беседу. — Современное не приспособлено для оперы. Для драмы, для балета. Но для оперы — нет. Совершенно не та акустика. Но сейчас ведь мало кто слушает оперу... Вот вы любите оперу, Софи?

— Не очень, — смутилась девушка.

— Вам просто не доводилось слышать ничего достойного. И в новом театре, увы, не доведется. Вот если бы вы побывали на...

Флейм встретился взглядом с шеаром и умолк, дожидаясь позволения продолжить.

— Мы много где еще бываем, — не стал развивать тему Тьен. — Но в опере — не обещаю. Сам не слишком люблю это дело. А ты не хочешь взять передышку перед десертом? Покажу тебе дом.

Известие о том, что предстоит еще десерт, вызвало неподдельный восторг. Создавалось впечатление, что Фер несколько лет не ел. По-человечески.

Генрих вызвался помочь Софи переменить посуду и приготовить чай, а Тьен повел Фернана с экскурсией.

Правда, дальше кабинета они не ушли.

Шеар плотно прикрыл дверь и поставил нехитрую защиту от случайных слушателей. Вынул из ящика стола итерианскую шкатулку.

— Давно хотел отдать тебе кое-что, — достал серебряный портсигар с розой на крышке и протянул флейму. — Вот, твое.

Фернан удивленно приподнял бровь.

— Разве?

— А ты не помнишь? — растерялся Тьен.

— Ах, да. Это ведь тот самый? — Фер повертел портсигар в руках. — Прости, он не был для меня чем-то памятным. Просто статусная вещица, приобрел по случаю, курю-то я нечасто.

— Я вообще не курю, — хмуро проговорил шеар. — Тогда еще бросил. А вещицу твою статусную в кармане таскал. На удачу.

Удача выкинула фортель, привела в Итериан. Портсигар стал памятью не столько о первой встрече с Фером, сколько о былой беззаботной жизни вора и оставленном мире.

— Наверное, для тебя он важнее, — флейм попытался вернуть «подарок».

— Нет. Если не нужен, можешь выбросить.

— Почему? — озадачился дядюшка. — Почему ты решил отдать мне его сейчас?

— Избавляюсь от прошлого. Нельзя же вечно жить с этим?

Фернан промолчал. Как всегда.

Тьен много лет ждал, чтобы он сам начал этот разговор, — не дождался. А жить с этим, действительно, нельзя.

— Фер, я знаю, что это ты выдал нас с мамой Вердену.

Выдержка и теперь не изменила флейму. Не дрогнул. Взгляда не отвел.

— Откуда?

Оправдываться не стал — уже хорошо.

— Догадался.

И Феру повезло, что не сразу. Сразу Тьен не понял бы. И не простил бы. Но в первые годы не задумывался, и опыта не хватало. А потом судил уже по-другому, и если и злился на родственника, так лишь за то, что тому так и не достало смелости признаться самому.

— Трудно отыскать одного единственного человека во всем множестве миров, — вздохнул шеар. — Невозможно. Даже с даром четырех. Люди слишком похожи друг на друга, их слишком много. А мама была тогда уже человеком. Конечно, за тобой могли проследить, но Вердену пришлось бы держать тебя за руку, наверное. Флеймы быстрее других стихийников перемещаются как внутри миров, так и между ними. Огонь выжигает следы. Правитель мог вынудить тебя признаться, где она спряталась, но в этом случае ты не стал бы скрывать. Так что...

Тьен развел руками, не зная, что еще можно добавить.

— Давно догадался? Почему же сказал только сейчас? — как о портсигаре спросил Фер, медленно выговаривая слова.

И шеар так же, как о портсигаре, ответил:

— Избавляюсь от прошлого. Ты сам не устал с этим жить?

Устал. По глазам видно, по поникшим плечам и опустившимся уголкам губ.

Но молчал. Не верил, что Тьен поймет. Боялся, наверное. Может, и не его самого, а разочаровать, утратить доверие...

Но как, как можно доверять тому, кто сам тебе не доверяет?

Разве он не показал, что изменился за эти годы? Поумнел, научился сдерживаться.

Если бы не так, давно бы Феру все высказал.

Но понимал же, что смысла в этом никакого, кроме как потоптаться по дядюшкиной большой совести. И шанс ему давал самому избавиться от этой боли...

— Аллей не понимала, — выговорил в конце концов флейм. — Не видела. Стала совсем человеком. Ты слишком быстро вырослел, а она не замечала этого. Саламандры почти в открытую разгуливали по твоей комнате...

— Но ты ей не сказал.

— Должен был, — произнес Фер покаянно. — Но Аллей... Она многого не понимала не относилась с должной серьезностью. Ты родился шеаром. А шеар принадлежит Итериану.

Именно этого мама и не могла принять. Ни в отношении Тьена, ни, еще раньше, — Холгера.

— К тому же оставаться в этом мире было опасно для тебя, — продолжал Фер. — Неизвестно, как отреагировали бы люди на твои способности. На кострах тогда уже никого не жгли, но какой-нибудь религиозный фанатик... или просто испуганный человек... И тебе нужно было учиться. Лабиринт. Я плохо представляю, что это, но все знают, что шеар становится шеаром, лишь пройдя лабиринт...

— Ты понимал, что она не захочет отдать меня, и не сказал ей ничего.

— Нет. Я знал, что ей придется отпустить тебя, и не хотел быть тем, кто сообщит ей об этом. Я любил Аллей, она была самым близким мне существом. И если я был не прав, то гораздо раньше, когда не мешал ее отношениям с Холгером.

— А мог бы? — недоверчиво спросил Тьен.

— Мог попробовать, — Фернан медленно дошел до диванчика в углу и сел, уронив голову в ладони. — Она ведь действительно не понимала... И когда сорвалась сюда. Аллей всегда была легкомысленной... Прости, в самом деле была. Но отказ от родной стихии был

огромнейшей ее глупостью.

— Она надеялась, что сможет все исправить?

Флейм поморщился:

— Да. Думала, что если Холгер захочет вернуть ее, то вернет и крылья. Полагала, шеару это под силу. Она...

— Вела себя как неразумный человек, а не как дочь воздуха, — жестко закончил за дядю Тьен. — Или еще хуже — как влюбленная дура, мнящая, будто стоит хлопнуть дверью и забрать ребенка, и любовник приползет к ней на коленях. Но как бы там ни было, это — не повод, чтобы убивать ее. А ее убили!

— Мне неизвестно, кто это сделал, — затряс головой Фер.

— Я знаю, — выдохнул, успокаиваясь, Тьен.

— Когда это случилось, я искал ответа. У Вердена. У Холгера. Но... их бесполезно было расспрашивать.

— Это я тоже знаю.

Шеар прислушался к доносившимся из-за двери голосам. Дети вернулись в столовую, Софи подала десерт — пора к столу.

— Что было, то было, Фер. Не скажу, что ты поступил правильно, но и осуждать не могу. Ты сделал выбор. С точки зрения шеаров — верный. Но если есть еще что-то, о чем ты умолчал, лучше скажи сейчас.

— Есть, — решился спустя почти минуту молчания Фер. — Я встречался с Верденом, чтобы рассказать о тебе. Но к Аллей ходил не он.

Тьен задумчиво кивнул:

— И это я знаю.

Флейм не сразу сумел погасить новую вспышку удивления.

— Я со всем разберусь, — то ли ему, то ли самому себе пообещал шеар. — Уже скоро. А тебя хочу попросить кое о чем. Присмотри за Софи в мое отсутствие. Я не думаю, что ей что-то угрожает, но мне будет спокойнее, если ты останешься с нею.

— Доверяешь ее мне? — с сомнением уточнил Фер.

— Я вообще тебе доверяю, — ответил Тьен.

Но о том, что Софи охраняет еще и клятва Йонелы, говорить не стал.

За десертом дядюшка уже не был так весел и разговорчив. Расковырял желе, надгрыз пирожное и засобиравшись в гостиницу, сославшись на усталость.

— Вы поссорились? — обеспокоенно спросила после его ухода Софи.

— Нет, — уверил ее Тьен. — Но Фер сам с собою в ссоре, а это еще хуже.

Если... Нет — когда он найдет убийцу матери и узнает, что же на самом деле случилось в тот день, возможно, и Фернан примирится с собой наконец.

Иногда Софи задумывалась, почему все это произошло именно с ней.

Похожие мысли посещали ее и раньше, но по другим поводам. Почему мама умерла? Почему отец их бросил? Люк заболел? За что им столько несчастий?

Теперь же, оглядываясь назад, она пыталась понять, чем заслужила пришедшее в ее жизнь счастье. И пусть счастье это горчило на вкус и заставляло тревожно сжиматься сердце, но тем более ценным и настоящим оно было.

Дни проходили в приятных хлопотах, душевных беседах, играх с детьми, прогулках и семейных обедах. Простая жизнь, кому-то показавшаяся бы скучной, а для нее расцветенная сотней маленьких чудес, будь то поцелуй поутру, распутившийся под окном цветок или

птичья стая в небе, в полете на миг выстраивавшаяся в буквы ее имени... Хоть кто-то и говорил, что неразумно расходовать силу на ерунду.

И никаких больше сомнений. Никаких тайн, стоящих между ними стеной...

Впрочем, маленький секрет Софи себе завела.

Ночью, когда ее шеар засыпал крепким, вполне себе человеческим сном, девушка шла на кухню и ставила на плиту чайник. Через некоторое время открывалась негромко одна из дверей в глубине дома, и слышались в коридоре неспешные шаги...

Впервые они столкнулись с Генрихом случайно. Софи, привыкшая к ежедневной работе и усталости, помогавшей ей уснуть, едва голова касалась подушки, теперь вдоволь отсыпалась по утрам, а ночью подолгу не могла сомкнуть глаз. Думала. Иногда читала в гостиной или на кухне, чтобы не мешать Тьену. А Генрих сказал, что бессонница у него — это старческое.

Они разговорились. Так, о пустяках. Ни один не считал узы недавно завязавшегося родства достаточной причиной для откровений. Присматривались друг к другу, оценивали...

Следующей ночью встретились снова. Снова случайно.

Отчим жениха — назвать Генриха отцом Тьена она почему-то не могла даже мысленно — Софи понравился. Умный, спокойный. О чем бы ни рассказывал, слушать его было интересно, а иногда и познавательно. Генрих долгое время жил в Итериане и многое мог поведать о тамошних нравах и обычаях. О нашествии пустоты... Но об этих ужасах он говорил с неохотой, а Софи после хранилища памяти не так уж желала подробностей. Улучила момент, чтобы расспросить археолога о семье Тьена, другой семье — той, о которой он сам говорить не любил. Но и Генриху эта тема была неприятна. Отзывался он о них обо всех с обидой и даже со злостью, хоть, как Софи поняла, лично общался только с Холгером. Однако его можно было по-человечески понять, и девушка не настаивала на дальнейших рассказах.

Ни на чем не настаивала, и тогда Лэйд рассказывал что-то от себя. О покойной жене, например...

Фернан доставил в дом огромный пакет. Портрет из музея. Софи так и не осмелилась взглянуть на ту фотографию, где они с Тьеном, до сих пор боялась, что прошлая боль вернется... А портрет видела. Его повесили на стене в комнате Генриха, и в отличие от фото девушку он не пугал. Казался ненастоящим, не имеющим никакого отношения к ней. Даже мальчик на коленях у белокурой красавицы...

Об этом мальчике Генрих тоже рассказывал. Ему он чужим не был — был родным и любимым. Порой Софи думалось, что даже роднее того, что живет с ним сейчас под одной крышей. А Лэйд, наверное, так же не понимал ее, когда она вспоминала своего Тьена... Забавно и грустно немного, что у каждого из них был свой Тьен...

Но чаще говорили о чем-то отвлеченном.

— А бог есть? — спросила как-то Софи.

Итериан и населявшие его существа никак не вязались с текстами священных книг. Будь она более набожной, пребывала бы в сильнейшем смятении в связи со всем открывшимся, а так — лишь поинтересовалась.

— Есть, — ответил Генрих. — Высшая сила, высший разум. Просто люди и нелюди тоже нуждаются в некоем овеществлении веры. Им нужны храмы, обряды, выверенные тексты молитв. Им, а не богу. Богу-то зачем? Вот и выходит, что бог один, а чтят его в разных местах по-разному...

«Вот и правильно я в храм не ходила», — вывела для себя Софи.

Но после того разговора будто укрепились в вере, а не наоборот. И на бога за прошлые невзгоды уже не сердилась. Он же один, а миров неизвестно сколько. Трудно единственную судьбу проследить.

Хорошо, что у нее теперь шеар есть. Не бог, конечно, но в обиду не даст.

Поговорив с Генрихом и выпив чашечку-другую теплого чая с молоком, она возвращалась в спальню и, сбросив халат, забиралась под покрывало. Тьен чувствовал ее сквозь сон, глаз не открывал, но сгребал в охапку и тянул к себе, подставляя вместо подушки плечо. А Софи, устроившись на привычном месте, думала, что чем бы она ни заслужила свое счастье у бога ли, у четырех ли предвечных стихий, не отдаст его никому и никогда...

Работа в Энемисе кипела. Правитель направил на восстановление гор несколько альвийских отрядов, но и в добровольцах недостатка не было. Приходили все, ведь, как верно сказала Эсея, горы — это не только камни. Водяные прокладывали дороги для рек и ручьев. Быстрые потоки вгрызались в недавно выросшие скалы, пробивая себе русла. Флеймы будили подземный огонь. А сильфы нагнетали холод к вершинам, чтобы украсить их снежными шапками и коркой ледников, и наполняли силой ветра.

Когда горы вернутся, воздушные отстроят заново свой дивный город...

Пока же Эсея довольствовалась комнаткой, отведенной ей во временном жилище, что альвы вырастили в одной из скал. Пещерка, словно у ласточки. Окошко, а для сильфиды и дверь. Ложе из трав. Бьющий из стены ключ, чтобы умыться и утолить жажду.

Много ли ей надо?

Еще бы товарищи по общему делу не встречали странными взглядами и не шушукались за спиной. Слухи, вспыхнув оброненной кем-то искоркой, летели по воздуху, текли по рекам и ползли по камням. Уже в первый день все знали, что она — та самая, из свиты того самого. Гадали, почему вернулась вместо того, чтобы сопровождать своего шеара. Но прямо спросить никто не решался, а девушка не считала нужным ни перед кем отчитываться. Даже перед новым старейшим рода...

Старейший был ненамного старше нее. Сильфов из рода Эним выжило совсем немного и в основном новопосвященные, как и Эсея, заканчивавшие обучение на дальнем хребте. Если бы она успела в Энемис к собранию семей... того, что осталось от семей... вполне возможно, звание старейшей досталось бы ей: силою и опытом она превосходила получившего место в совете мальчишку. Но разве ей это нужно?

Хватило ей уже почетных обязанностей. А слава, вон, до сих пор по пятам ходит.

Она и Эйнару сказала...

Нет, ее устраивала простая понятная работа, отбиравшая силы, но оставлявшая легкость в душе. Нравилась жизнь на родине, вдали от столицы и шеаров.

Шеаров ей тоже хватило. Шеара. Одного, который тот самый.

Но переживет как-нибудь. В горных реках не остается мутного осадка, а воздух вершин, морозный и чистый, не носит пыли прошлого.

Едва проснувшись, Эсея спешила занять себя делом и не отвлекалась до позднего вечера. Когда в небе над Энемисом загорались звезды, любоваться которыми уже не было сил, летела к себе, чтобы отдохнуть, а поутру...

Поутру ее разбудил запах. Не звук, не прикосновение, а именно запах.

Так пахли луга на дальних склонах, но ветер не мог донести их аромат до ее пещерки...

Сильфида принялась сквозь сон и резко вскочила с вороха трав, заменявшего ей кровать, за запахом цветов различив другой, знакомый, но здесь и сейчас, мягко говоря, неожиданный.

— Привет, — Этьен... шеар Этьен помахал ей от окна букетиком лаванды. — Я тут...

«Проезжал мимо на своем роскошном автомобиле и решил заскочить», — хотела вернуть ядовито Эсея, но вместо этого почтительно поклонилась.

— Еще злишься, — вздохнул он. — Правильно. Заслужил.

Сильфида не удивилась: командир... бывший командир и прежде умел признавать

ошибки. Правда далеко не все и не всегда.

— Я пришел извиниться, — шеар протянул ей букетик.

Нечестно так. Она о лаванде проговорила, он и запомнил.

Но цветы взяла. Размяла в руках, покрошила задумчиво на травяное ложе. Не подумала сразу, что теперь ее сны станут пахнуть командирскими извинениями...

— Прости и ты меня. Я тоже была неправа.

— Забудем, — сказал он, словно уже забыл.

Эйнар рассказал ей, что случилось во дворце не так давно. Не все, всего он и сам не знал, только про то, что выкинула Лили, и что Софи теперь известно, кто ее жених. Эсея еще тогда подумала, что это правильно. Сам Этьен долго еще не решился бы, а сейчас, кажется, счастлив и всем доволен. Даже мириться вот пришел.

— Забудем, — согласилась она. И добавила во избежание непонимания: — Но я не вернусь.

— Я и не зову. Лишь хочу, чтобы мы остались друзьями. Это ведь возможно?

Эсея кивнула. Нет, обиды еще не выдуло из души, но за свою недолгую жизнь она видела достаточно, чтобы верить в то, что нет ничего невозможного.

— У меня мало времени, — предупредил шеар. — У нас там ночь, мои спят. Но здесь... Не хотелось бы, чтобы меня почуял Холгер или Эйнар. К слову, говорят, вы с ним часто общаетесь.

Сильфида не спросила, кто говорит. Горы, реки, ветер... Вряд ли шеар расспрашивал он ней кого-то из детей стихий, а вот сами стихии могли наябедничать.

— Врут, — ответила она. — Он заходил всего пару раз, узнать, как я устроилась. Видимо, считает себя ответственным за то, что ты... что я ушла.

— Понятно, — принял ее объяснение Этьен. — Приятно, что младшенький такой ответственный. Все-таки однажды станет правителем... А помнишь тот мир, где прорыв тьмы обернулся чумой? Мы зависли там почти на два месяца...

Если он хотел сменить тему разговора, то сделал это не лучшим образом. Эсея помнила пораженный болезнью мир и то, чем они там занимались. Сам шеар и целители-водники работали до изнеможения, помогая людям, остальные стихийники обеззараживали землю, воду и воздух, выискивая и уничтожая носителей инфекции, всех до последней блохи... Но иногда, поглядев на какой-нибудь дом... или поселок... или городок... поглядев, Этьен хмурился и велел всем уходить. Оставлял с собой только Фера и кого-нибудь еще из флеймов. Но чаще управлялся сам. Потом подолгу ни с кем не разговаривал...

— Там теперь все иначе, — улыбнулся, прогоняя ее воспоминания шеар. — Уже тогда, под конец, было не так. Горы там, помнишь, похожие на Энемис, с волшебными пещерами. Пещеры времени... Помнишь, Кеони заблудился?

— О, да! — приснула сильфида, забыв, что обещала себе удерживать почтительную дистанцию.

А с Кеони, и правда, тогда забавно вышло.

— Сейчас смешно, — согласился Этьен. — А представь, каково ему было?

Когда тритон, на полчаса отлучившийся из лагеря, вернулся и бросился радостно обнимать каждого встречного, решили было, что водяной повредился рассудком от увиденных ужасов. А оказалось, бедолага в эти полчаса прожил почти неделю под землей. Не очень-то весело.

— Мы жене знали, что там аномальная зона, — развел руками шеар. — И местных

никого не было, чтобы рассказать. Но еще повезло, что Кеони направо пошел. А если бы свернул налево от входа, думал бы, что пять минут всего гуляет, тогда как мы его уже вторые сутки искали бы. Минута там равна нескольким часам снаружи. Если налево свернуть... Послезавтра Холгер устраивает в мою честь праздник, слышала?

— Слышала, — усмехнулась Эсея.

— Ожидаются дары, вина, яства, музыка, танцовщицы, угрюмые старейшие, мудрейшие и сильнейшие. Пафосная речь правителя — обязательно, и я пару слов подготовил...

— Не пугай меня, — отмахнулась сильфида. — Я и так не собиралась там быть.

— Правильно. — Шеар кивнул, враз став серьезным. — Мне бы хотелось, чтобы и Эйнар держался подальше.

— Ему, наверное, тоже хотелось бы, но отец назначил его распорядителем торжеств.

— Эсея.

Девушка вздрогнула: таким тоном не говорят с друзьями, так отдают приказы.

— Эсея, — голос шеара смягчился, — я знаю, что не могу требовать от тебя этого, но я прошу, как друга. Поверь, Эйнару не нужно находиться во дворце во время приема. И в Итериане вообще.

— Я...

— Ты чудная, милая девушка, и вы с моим братом нашли общий язык. Думаю, он не откажется от небольшой прогулки, чтобы взглянуть на уникальные по своей природе горы. Он никогда не бывал в том мире, насколько мне известно, а магия пещер не ощутима, даже для шеара...

Сильфида покраснела, задыхаясь от возмущения. Она-то поверила, что он хотел извиниться за прошлый раз, а он просто обнул счет, как в какой-то детской игре, и решил использовать ее снова!

— Эсея! — воздушная собиралась вылететь прочь, но шеар поймал ее за руку. — Послушай, пожалуйста. Во дворце намечается кое-что неприятное, и мне бы не хотелось, чтобы Эйнар пострадал.

— Он — шеар, кто ему навредит? — тихо спросила она, прекратив вырываться. Ответ сам собой напрашивался, но...

— Шеар, — прошептал Этьен. — И хороший парень. Только несдержанный слишком. Может сунуться под горячую руку. Мою, да.

Сильфида посмотрела на бывшего командира. На миг почудилось, что пылают в его глазах костры зачумленных городов.

— Что ты задумал?

— Хочу поговорить с Холгером.

— Так поговори. Прямо сейчас, зачем откладывать?

— Нет, — он покачал головой. — Антураж не тот.

Был один закон, старый, им почти не пользовались и обычные стихийники, а шеары, наверное, вообще никогда. Но закон был. Если не нашлось иных решений, можно вызвать обидчика на поединок. Считалось, что четверо обязательно примут сторону правого.

Если Этьен пойдет на такое, Эйнар, действительно, попробует вмешаться.

— Эсея, поверь, я никому не желаю зла. Особенно Эйнару. И кроме тебя мне никто не поможет. Пожалуйста.

— Он не согласится...

— Ты умеешь быть убедительной, — подмигнул шеар. — Мы-то знаем.

— Ненавижу тебя, — прошептала сильфида, из последних сил стараясь не расплакаться.

— А я тебя люблю. — Он притянул ее к себе и поцеловал в лоб. Прижался надолго губами. — Ты — мой воздух. Софи говорит, что это романтично звучит.

— Она не знает, каким ты бываешь, — Эсея почувствовала, как покатилась все же по щеке слезинка, и высушила ее быстрым ветерком.

— Она знает, — вздохнул Этьен. — Но я — счастливчик. Мне везет на умных, добрых и понимающих женщин... Да?

Она помедлила с ответом, но недолго. Кивнула, уткнувшись головой ему в грудь.

— Да.

...Эйнар появился едва ли сразу после того, как ушел Этьен.

— Я тут...

— Мимо проходили, ага, — Эсея улыбнулась так весело, как только могла. — Ветер сегодня такой, так и носит шеаров у моего окна.

— Каких шеаров? — наследник итерианского престола сделал вид, что не понял ее слов.

— Этьен заходил.

— Да? — совсем не убедительно удивился Эйнар. — Зачем?

— Попросил прощения нашу размолвку. Цветы принес, — она кивнула на травяной ком, в котором просматривались мелкие фиолетовые цветочки.

— Это у вас так заведено? Ну, чтобы цветы и обниматься потом? В смысле... хм...

Он быстро отвернулся.

Значит, еще и подсматривал.

Эсея поглядела на противоположный склон, прикидывая, откуда он мог их видеть. Лишь бы не подслушивал. Но Этьен наверняка предусмотрел такое...

— Заведено, — согласилась она без смущения. — А у вас, шеар Эйнар, не заведено обнимать друзей или дарить им цветы?

— Если честно, то нет. Мои друзья вряд ли поймут, если я приду к кому-нибудь из них с букетом.

Сильфида хихикнула. На этот раз от души: при том, что свита наследного шеара состоит исключительно из мужчин, точно не поймут.

— И обниматься с ними, думаю, не так приятно, как с красивой девушкой, — добавил наследник.

В другое время Эсея смутилась бы, но сейчас мысли заняты были другим...

— А красивых девушек среди ваших друзей совсем нет? — спросила она, не думая, насколько нескромно прозвучит этот вопрос.

— Совсем. Правду говоря, никогда не рассматривал красивых девушек как возможных друзей. Ну, то есть...

— По-вашему, с девушками нельзя дружить?

— Нет, почему же, — поспешил оправдаться Эйнар. — Можно. Но я никогда не пробовал.

— Ничего сложного, — пожалла плечами сильфида. — Друзья встречаются, разговаривают. Иногда ходят в какие-нибудь интересные места. Например, я знаю в одном мире волшебные горы...

«Ненавижу тебя, Этьен, — всхлипнула она мысленно. — Только посмей сделать какую-то непоправимую глупость, пока нас не будет!»

От входа налево. Именно налево...

Тьен ошибался, когда думал, что, устроив все в родном мире, возьмется за решение давних проблем с легким сердцем.

Да, теперь он знал, что его будут ждать, что у него есть дом и семья...

Но из-за этого еще больше сомневался.

Может, Холгер этого и добивался, когда отсрочил прощание? Дал время войти во вкус новой жизни, чтобы он отказался от прежних планов?

Нет, Холгер не мог этого предвидеть, да и о планах не знал. И не отпускал он его, Тьен сам ушел.

Сам ушел, сам вернется, и тогда уже полностью освободится от прошлого.

Месть ему не нужна. Только справедливость. Разобраться, что случилось тогда, и по чьей вине. Потому что сам он, как ни бился, так и не сумел понять, кому и зачем это было нужно? Мама никому не мешала. Даже если бы Холгер захотел ее вернуть, даже если бы она согласилась... Нет, не вернулась бы, наверное. Итериан не принял бы отступницу, пусть даже ей покровительствовал бы шеар... Пусть оба шеара. Фер прав: глупее ничего и придумать нельзя было. Но придумала же. Глупый, но самый верный способ спрятаться. Для чего? Со злости ли, с обиды, чтобы наказать, лишив возможности видеть и ее, и сына? Или дедуля Верден переусердствовал, расписывая перспективы для не родившегося тогда еще ребенка? Мать действительно могла решить, что его у нее отберут... Или поняла все же, что такое шеар, и надеялась, что, рожденный от человека и в людском мире, ее сын не унаследует силы четырех? Теперь никто не скажет, был ли ее поступок блажью или хорошо продуманным предприятием. Но устранять ее причин не было...

Или были?

Уязвленная гордость детей воздуха. Йонела. Сильфида, жена правителя, поборница традиций. Полукровка-отступница — пятно на репутации ее семьи.

Ревность. Арсэлис. Говорят, шеари — сама кротость и вообще состоит из одних добродетелей, но Тьен точно знал: флеймы состоят из огня и только из огня. Дядюшка Фер тоже не жжет всех и вся налево и направо, тоже сдержан и приветлив.

Благие цели. Верден. Итериану не помешает еще один шеар, пусть даже с примесью низшей крови, но его нужно воспитать достойным служения, в почтении к правящей семье. Мать, тем более такая мать, может помешать этому.

Ну и, наконец, печальное стечение обстоятельств. Несчастный случай. Ошибка. Этого Тьен тоже не исключал. Даже хотел, чтобы все оказалось так. Ошибку он сможет простить. За ошибку не нужно будет мстить... В смысле, справедливо карать.

Ему ведь не нужна месть — только справедливость.

А вот Генриху — месть. Жизнь за жизнь. Боль за боль. Потому что человек.

Когда Тьен был человеком, думал так же.

— Возможно, тебе лучше остаться, — сказал он отцу. Знал, что тот не согласится, но должен был хотя бы попробовать.

— Нет.

После переезда Тьену показалось, что Генрих немного отошел от тех мыслей. Но нет. Лэйд радовался настоящему, а прошлое по-прежнему грызло сердце.

Значит, нужно пройти через это еще и ради него. Месть не принесет избавления, но правда — быть может.

— Тогда возьми, — шеар протянул человеку небольшой гладкий камушек. — Пусть

будет при тебе. Спрячь, а лучше вшей в одежду. Он защитит тебя от любых стихийных чар, даже от Холгера.

Не зря же он промучился с оберегом всю ночь.

— Если придется возвращаться без меня, крепко сожми и пожелай оказаться здесь, дома.

— Думаешь, придется? — нахмурился Лэйд.

— Нужно быть готовыми ко всему.

Потом — уже не страшно. Холгер не опустится до... мести, да. До того, чтобы срывать злость на его близких. Но во время... если сочтет, что сможет воздействовать на него, используя отца... У него ничего не получится, даже без этого камушка. Только личное вмешательство четырех позволит правителю использовать силу. Но Тьен старался обезопасить себя от любых неожиданностей.

— Завтра, — напомнил он, словно в том была нужда.

— Завтра, — кивнул Генрих. — Приготовлю парадный костюм.

Софи собиралась походить по ателье и салонам, чтобы выбрать платье. Сказала, что жениху все равно не положено раньше срока видеть невесту в свадебном наряде, вот она и решила в его отсутствие.

Но он все равно посмотрит, когда вернется. Потому что любопытно, и в приметы он не верит. Если бы верил, может, и не ходил бы никуда...

Сколько лет прошло с тех пор, как он задумал это?

Много.

Эта мысль не давала ему покоя с того дня, как они с Генрихом побывали в некоем доме на окраине людских кварталов...

Сначала казалось, что ничего не получится.

Он пытался и не раз, но...

А потом понял.

И другие поняли бы, если бы хоть на миг могли предположить, что подобное возможно.

Старушка Йонела, сама не подозревая, почти дала ответ. Тьма не придет в Дивный мир извне, но ее достаточно в сердцах его обитателей. И только он, шеар-полукровка, способен управлять ею в Итериане.

Чужая тьма отзывалась на ту, что жила в его душе.

В тех, кто позвал его тогда, надеясь на поддержку в заговоре против правителя, ее было немало. Потому и усилий не потребовалось, чтобы ильясу материализовался, готовый исполнить его неосознанный приказ. А потом он пытался призвать темного, оставшись наедине, — и ничего...

Понадобилось время, чтобы понять. И несколько десятков экспериментов.

Осторожно, чтобы никто не догадался, он призывал темных слуг на миг и тут же развеивал. На собраниях старейших, где изредка, но бывал. На встречах с детьми стихий, мечтавшими увидеть «спасителя». На нудных празднествах, куда, если бы не это, его и силой не приволокли бы...

Никто ничего не заметил.

Лишь легкое беспокойство, неосознанная тревога, сквознячок по коже...

В каждом есть тьма. Хотя бы маленькая частичка.

Даже в шеарах.

Пусть Холгер и не убивал его мать, но он покрывает убийцу. Душа его полна сомнений,

а сомнения — благодатная почва для того, чтобы тьма проросла и укоренилась.

И Йонела — не самое светлое создание. Да еще и стара, а с годами тьма в таких как она лишь набирает силу.

Старые, старейшие. Мудрейшие и сильнейшие, как сказал он Эсее. За долгие жизни главы родов накопили не только опыт. И когда они соберутся вместе...

Холгеру его не остановить. Никому не остановить.

Но кое-кто попытается.

Кое-кто, кому он не желал бы навредить.

И на этот случай у Тьена тоже имелся план.

До назначенного Холгером времени оставалось несколько часов, как раз хватит, чтобы наведаться в столичный дом Генриха и переодеться, дабы подобающим образом выглядеть на приеме. А там еще в одно место успеет...

Здесь, в их мире, было раннее утро, и Софи еще спала. Шеар разбудил ее поцелуем, погладил по щеке.

— Мне пора.

— Уже? — встрепелась девушка, но он не позволил ей вскочить с постели.

— Спи, тебе-то спешить не нужно, — улыбнулся он. Дунул шутливо в лицо. — К ужину буду. Стащу там у них каких-нибудь сладостей.

— Тьен, — Софи поймала его за руку, когда он уже собирался уйти. — Ты... осторожнее, хорошо?

Будто чувствовала то, о чем не могла знать.

— Хорошо.

Хотел поцеловать ее в последний раз... Но из-за того, что вдруг подумал так, не стал.

Не в последний. Вернется и поцелует.

Особняк Генриха, так и не ставший Тьену настоящим домом, встретил утрюмым молчанием.

Чистые, будто бы успевшие позабыть о жильцах комнаты. Картины. Книги на полках. Приятные глазу, но чуждые сердцу безделушки. Ничто здесь он не мог бы назвать своим. Даже комнату, в которой провел не одну ночь.

Вошел и, не осматриваясь, направился к огромному шкафу, занимавшему целую стену.

С выбором одежды не мудрил. Черное и красное отбросил сразу — ни к чему ему выглядеть словно опереточный злодей. Остановился на бежевой рубашке с затейливой вышивкой на рукавах и по вороту и удобных светло-серых шпанах из тонкой шерсти. Подпоясался широким шитым серебром поясом. Набросил сверху накидку без застежек и рукавов: шелк, спадая до пола широкими складками, отливал сталью. Скромно, неброско, но по поводу наряд вполне соответствует. Даже невысокие сапоги из прочной графитовой ткани, обувь для торжественных приемов не самая подходящая, в целом смотрелись пристойно. Уж к внешнему виду, как бывало, правитель с ходу не придерется.

Генрих искал что-то в своей спальне. Уходя впопыхах, он оставил тут немало нужных вещей и, должно быть, хотел приготовить их, чтобы забрать с собой после приема.

— Я отлучусь, — предупредил его шеар. — Не волнуйся, не опоздаем.

Отец до назначенного срока провозится у себя, а Кеони должен встретить командира уже во дворце. Холгер наверняка уже знал, что он здесь, но прямой слежки Тьен не чувствовал. Вот и хорошо. Ему не нужны ни помощники, ни свидетели в том, что он собирался предпринять до начала торжеств.

Лили он нашел в ее доме. Тут многое уже изменилось. Земля ожила и зазеленела. Вззошли цветы. Вытянулись вдоль тропинок молоденькие деревца. И жилище, когда-то заброшенное, выглядело теперь иначе, но шеару некогда было раздумывать, в чем заключаются перемены.

Сама альва тоже смотрелась ожившей и обновленной. На ней было синее платье, но не темное, как обычно, а ярко-синее, под цвет ее глаз. Высокую прическу украшала сапфировая диадема и хаотично разбросанные по переплетению золотых прядей васильки. Тьен не сомневался, что цветы не завянут до конца праздника.

— Прекрасно выглядишь.

Стоявшая перед зеркалом женщина застегнула на шее ожерелье из сапфиров и бриллиантов и лишь затем обернулась.

— Надо же, какой сюрприз, — проговорила она, не выдав ни удивления, ни радости.

— И не представляешь какой.

Приблизился не спеша. Еще раз оглядел, не скрывая восхищения. Протянул руки и, не встретив сопротивления, крепко обнял...

Вспышка ослепила ее на миг. От быстрого и неожиданного перемещения подкосились ноги, и Тьен вынужден был поднять альву на руки, чтобы спустя несколько секунд осторожно поставить на невидимую перегородку из плотного воздуха между небом и растянувшимся до краев горизонта морем.

Отпустил и отступил на шаг.

Лили огляделась. Не испуганно — о страхе она давно уже забыла — но все же больше, чем просто обеспокоенно.

— Где... мы? — спросив, она хрипло закашлялась.

— Неприятно? — искренне посочувствовал шеар. — Не переживай, скоро привыкнешь. В этом мире немного другой состав воздуха. Из-за воды. К тому же ты, наверное, ощущаешь дискомфорт из-за того, что оказалась отрезана от своей стихии. Но к этому тоже можно привыкнуть. Только не трать понапрасну оставшихся сил. Даже если разобьешь воздушную преграду, до земли не дотянешься. Она там, на самом дне. Глубоко, а плотность воды из-за обилия соли такова, что нырять не стоит и пытаться.

Если он не сможет вернуться за нею, ровно через двенадцать часов Лили вытянет обратно в Итериан, в ее сад. Но Тьен не стал говорить об этом.

— Почему? — прошептала альва.

— Потому что не вижу другого выхода. У меня планы на сегодняшний вечер, а ты, боюсь, захотела бы их испортить. Например... попытаться убить меня.

— Что?!

Столько негодования слышалось в этом возгласе, что Тьен на мгновение усомнился в правильности своих выводов.

Но эти выводы были сделаны не вчера...

— Из лучших побуждений, конечно, — добавил он, и альва сникла под его взглядом. — Тебя ведь приставили следить за мной. Чтобы не наделал каких-нибудь глупостей, неважно, по неведению или по злему умыслу. А самый верный способ нейтрализовать созданную стихийной магией угрозу — физическая ликвидация источника неприятностей. Разве нет?

— Этьен...

— Нет, я не думаю, что этот способ был для тебя приоритетным, или что ты сделала бы это с удовольствием и без колебаний. Но между мной и спокойствием Итериана ты недолго

выбирала бы.

— Если ты... догадался... — то ли оттого, что еще не приспособилась к атмосфере чужого мира, то ли по другой причине Лили с трудом выговаривала слова, — мы могли... обсудить это... раньше...

— Мы многое могли бы обсудить, будь у тебя такое желание. В том числе то, о чем ты говорила с моей матерью незадолго до того, как ее убили.

— Ты...

— Знал и это, — спокойно кивнул он. — Не только тебе под силу заглянуть в чужую душу.

— Шеар, — выдохнула она с сипением.

— Шеар. Не стоило забывать об этом.

Она помнила. Но иногда Тьену казалось, что Лили видит в нем все того же мальчишку, которого притащила однажды в Итериан.

— Я расскажу, — шепнула она.

— Не нужно. Неважно, о чем вы говорили и к чему пришли. Не ты прислала в наш дом ильясу — это все, что я хотел знать. И я узнал. Сам. А еще я знаю, что ты никогда не выдашь мне того, кто это сделал.

— Я не могу...

— Не можешь. Даже под пытками не скажешь. Не напишешь. Не укажешь пальцем. Некоторые клятвы невозможно нарушить, и с моей стороны было бы неоправданной жестокостью требовать от тебя это. Я вообще не хотел бы обижать тебя, даже случайно. Поэтому...

Вместо объяснений он обвел руками небо и море.

— Не делай того, о чем после можешь пожалеть, — тихо, без надежды, что он внемлет ее словам, проговорила Лили.

— Уже жалею, — улыбнулся он. — Жалею, что они не увидят тебя такой.

С прощальным поклоном шеар растаял в воздухе.

Дворец к прощанию со старшим сыном правителя приготовили так, словно это событие по значимости многократно превосходило все другие, ранее праздновавшиеся, включая избавление от всепожирающей пустоты. Стены задрапировали шелком, пустив по верху живые вьюнки. Оконные проемы спрятали под полупрозрачной органзой. В залах журчали фонтаны. Сверкали ледяные статуи. Порхали птицы и бабочки. Ветерок кружил цветочные лепестки. Разноцветным пламенем горели светильники. И, как ни странно, во всем этом изобилии чудес не наблюдалось излишней вычурности, ничто не раздражало, цвета не резали глаз, а звуки растекались ненавязчивым фоном.

Но сквозь присущее всем праздника волнение ощущалась тревога совсем иного рода.

Прислушавшись к чужим эмоциям и мыслям, звучащим у некоторых довольно громко, Тьен понял, что не он является причиной для беспокойства.

Хотя, как сказать: дворцовые служители переживали из-за отсутствия Эйнара, ответственного за организацию приема. Значит, Эсея справилась... А все эти лепесточки-бабочки — идея младшенького. Мило...

— Нервничаешь? — шепотом спросил Генрих, быстро глянув на вышагивающего позади них Кеони.

— Ничуть, — Тьен продолжал раздавать налево и направо вежливые улыбки.

— А я — очень, — признался человек. — Ты так и не сказал, что собираешься сделать.

— Увидишь. Главное, будь рядом со мной.

— Но что ты...

Спохватился!

Шеар недовольно поджал губы, и какая-то ундина, приняв эту гримасу на свой счет, оскорбленно фыркнула.

— Я... — Тьен обернулся, спиной почувствовав тяжелый взгляд, и встретился глазами с правителем. — Собираюсь с ним поговорить.

Оставив отца и наплевав и на церемониальный этикет, и на то, что изначально план не предполагал ничего подобного, он быстрым шагом направился к Холгеру, наблюдавшему за ним с возвышения, на котором установили кресла для высочайшей семьи.

Порыв этот был неожиданным для самого Тьена, что уж говорить о Холгере. Но первый шеар ничем не выдал изумления. Встретил благосклонным кивком, оглядел бегло, но не без одобрения.

— Мы можем пообщаться наедине? — негромко спросил Тьен, заметив, как насторожилась маячившая за спиной сына Йонела.

— Если беседа не отнимет много времени, — ответил правитель.

— Зависит от тебя, — бросил виновник нынешнего торжества и первым двинулся в сторону скрытой за драпировкой двери, ведущей куда-то вглубь дворца.

Уединились в небольшой комнатке, неизвестно кому и для чего служившей. Из мебели тут был лишь столик, на котором стояли большие песочные часы. Холгер, войдя первым, перевернул их, кажется, просто по привычке, и время с тихим шорохом посыпалось вниз.

— Что ты собирался сказать? — первым начал правитель. — Изменил решение и хочешь остаться?

Похоже, это его не удивило бы, хотя вряд ли обрадовало бы: промелькнуло что-то такое

во взгляде.

— Нет.

— Что же тогда?

— Хочу получить ответ, которого не смог добиться за эти годы.

Холгер загодя нахмурился.

— Кто убил мою мать? — ровно выговорил Тьен.

— Я неоднократно говорил, что не знаю этого.

— Говорил. Неоднократно, — голос третьего шеара оставался спокоен. — Но я не прошу повторять старую ложь, я прошу сказать правду.

«По-хорошему», — добавил он мысленно.

К мысленным призывам, как и к словам, правитель остался глух:

— Мне нечего тебе сказать. Могу лишь дать совет: оставь прошлое в прошлом и не мучь себя вопросами, на которые никто не ответит. Ты знаешь, какой может быть жизнь, жизнь шеара. Не отравляй часы спокойствия ненужными метаниями.

Складно говорил. Про прошлое в прошлом, про желанное спокойствие. Словно мысли угадывал. Хотя почему — угадывал? Знал. О Софи, об их доме, об их мире...

И головой покачал, а затем еще прибавил... почти по-отечески:

— Так будет лучше.

— Кому?

— Тебе в первую очередь. Не все нам дано узнать, а изменить — еще меньше. Смерть Аллей и для меня была ударом, но я смирился с тем, что никогда не найду ее убийцу. Возможно, его тоже уже нет в живых.

— Ложь.

Если бы правитель с самого начала взялся ему зубы заговаривать и делал это регулярно, то за девять лет, глядишь, и преуспел бы. А сейчас поздно.

— Я узнаю правду, — обещал Тьен. — И если хочешь совет от меня: лучше мне узнать ее до того, как я покину эту комнату.

— Кому лучше? — словно передразнивая его, поинтересовался Холгер.

— Всем.

— Угрожаешь?

— Предупреждаю.

— Считай, что я внял предупреждению.

Правитель развернулся к нему спиной и собирался покинуть комнату. Сколько раз сам Тьен прерывал их встречи таким же образом — не сосчитать.

— Мы не договорили!

Воздух с грохотом захлопнул дверь перед носом первого шеара.

Тот медленно обернулся:

— Что ты себе позволяешь?

— Что ты себе позволяешь? — выверился в ответ Тьен. — Думаешь, у тебя есть право так со мной обращаться? Ты, самодовольный урод!

Нужно было взять себя в руки. Ему же и дела нет, как Холгер к нему относится, он ему в любимые сыновья не набивается. И вообще в сыновья. Но в кои веки попросил о разговоре...

— Нам не о чем говорить, — процедил недовольно правитель. — Возвращайся в зал и хотя бы постарайся вести себя как шеар, а не как обиженный мальчишка, у которого отобрали игрушку...

— У меня мать отобрали. Хороши игрушки!

— Возвращайся в зал! — рявкнул Холгер так, что земля задрожала. — И простись с народами подобающим образом.

— Ждешь не дождешься, когда я уйду? — ухмыльнулся Тьен. Правитель оказался не таким уж непробиваемым, и это странным образом улучшило настроение. — А если я все-таки передумаю?

— Сам тебя вышвырну! — пообещал венценосный родитель и вновь продемонстрировал спину.

Задерживать его в этот раз Тьен не стал.

Попытался по-хорошему — без толку. Значит, будет, как задумывал...

Состоять в свите шеара — огромная ответственность во время темных волн и почетнейшая обязанность в мирной жизни. Если на боевых заданиях Кеони еще сомневался, что достоин подобной чести — опыта мало, не ровен час, не удержит связь, и командиру придется самостоятельно пробиваться к воде, — то на празднествах и встречах с народами тритон держался вполне уверенно. Этьен мог бы поучиться у него, как вести себя с детьми различных стихий, как демонстрировать благосклонность низшим и принимать ее от высших, не роняя собственного достоинства, как соблюдать осторожность в беседах, дабы не вызвать случайного недовольства и не оскорбить кого-нибудь. Но Этьен подобному учиться не желал. Это и отличало его от отца и брата — независимость во всем.

Но сегодня независимость Этьена перешла все допустимые границы. Как можно явиться во дворец правителя без полной свиты? Кеони помнил об Эсее, и о Лили тоже, но ради такого случая командир должен был позвать их. Тритон попытался намекнуть на это, а шеар сказал, что и его, Кеони, не взял бы, если бы он не заслуживал урока за недавнюю оплошность.

То, что его проступок сочли всего лишь оплошностью, юношу радовало. Но разве праздник может быть наказанием? Этьен не ответил. Головой покачал и назвал Кеони совсем зеленым. Это тоже было странным. Синим — еще куда ни шло, но зеленым?

Во дворце тритон то и дело озирался по сторонам, но не для того, чтобы полюбоваться праздничным убранством, а выискивая в толпе подозрительные взгляды и силясь расслышать недоброжелательный шепоток, мерещившийся отовсюду. Этьен вновь нарушал все гласные и негласные правила, и это не оставалось незамеченным. Неполная свита, наряд, вызывающе скромный для подобного мероприятия. Сам Кеони к выбору одежды подошел серьезно, и чешуя кольчуги под алым парчовым плащом блестела золотом, отражая пламя светильников... А кто-то назовет его выскочкой, решившим перещегоолять своего шеара.

В зале торжеств Этьен, презрев традиции, сам, не дождавшись приглашения, подошел к правителю. Но тут Кеони даже порадовался: командир повел себя не как верноподданный, а как сын Холгера. Шеар Эйнар, хоть и вел себя намного сдержаннее, мог позволить себе подобное... Однако оба шеара тут же удалились, а вернувшись вскоре, выглядели так, что самый отчаянный мечтатель не предположил бы, будто они успели примириться за время недолгой беседы. Скорее уж, рассорились вконец.

А едва командир, проигнорировав приготовленное для него почетное место, подошел к Кеони и Генриху, грянули фанфары, извещающая о начале церемонии.

— Спешит, — зло прошептал Этьен, остановившись между тритоном и приемным отцом. — Торопится выпроводить. Ну-ну...

Он так сказал это «ну-ну», что Кеони захотелось отодвинуться от него подальше.

— Приветствую вас, дети Итериана, — громко произнес с возвышения правитель. — Сегодня мы собрались по отнюдь не радостному поводу. Мой сын Этьен, с честью служивший нашему миру и внесший немалый вклад и в нашу борьбу с извечным врагом, и в последующее восстановление Итериана, теперь, когда вновь воцарились мир и благоденствие, желает покинуть нас и вернуться к взрастившей его земле. Я не могу препятствовать этому желанию. Все, что в моих силах — воздать заслуженные почести тому, чье имя навеки войдет в списки героев Итериана.

Сердце тритона преисполнилось гордости за командира и собственную сопричастность. Но Этьен надумал снова все испортить. Шеар Холгер лишь сделал передышку, прежде чем продолжить, а прославленный герой Итериана уже вышел вперед и насмешливо раскланялся, обернувшись к собравшимся в зале.

— Спасибо, спасибо. Столько лести. Столько усилий на то, чтобы украсить к моему приходу дворец. Но немного не в моем вкусе...

Ухмылка в мгновение ока сошла с его лица. В ту же секунду, с хрустом и звоном сминая деревянные переборки и ломая витражи, там, где только что светлели окна, срослись стены. Светильники вспыхнули ярко и зловеще. Умолкли, подражая застывшим в ошеломлении гостям, фонтаны.

На памяти Кеони это была самая дерзкая выходка Этьена. Правитель не обрадуется тому, что праздничный зал превратился в подобие склепа. Но тритон подумал, что это и есть наказание и урок, который шеар собирался ему преподать. Всякий готов пойти за спасителем мира, но мало кто разделит с бунтарем всеобщее порицание...

А он встанет рядом с командиром!

Встал бы.

Но у Этьена уже была свита.

Крылатые тени выросли за спиной третьего шеара Итериана, подняв над головами мечи...

Все получилось даже легче, чем Тьен рассчитывал.

Разговор с Холгером прошел не впустую. Всколыхнулась в душе улегшаяся в последние дни тьма, и ее слуги с готовностью откликнулись на призыв.

— Не дергайтесь! — Тьен предупреждающе вскинул ладонь, оглядев всех, запертых вместе с ним в камне. — И не орите. Меня это раздражает. А то, что вам не удастся использовать дар стихий, вы уже поняли.

Пропустив через себя их тьму, он оказался связанным с каждым в этом зале.

Впитал их эмоции, их мысли. Их силу. Они должны были чувствовать себя опустошенными, ограбленными. Все, включая Холгера, поспешившего напомнить о себе.

— Этьен!

Окрик громкий, суровый. Только вот земля уже не дрожит.

— Молчи, — приказал Тьен. — У тебя был шанс высказаться.

— Не смей...

Как же хотелось ударить его. Отшвырнуть одним движением руки. Впечатать в стену.

Но это был бы поступок обиженного мальчишки, а не шеара. Скоро, совсем скоро он уйдет, а Холгер останется в Дивном мире — опорой и гарантом стабильности. Не нужно давать стихийникам повода окончательно разочароваться в правителе и унижать его у них на глазах.

— Молчи, — повторил Тьен. — Сейчас говорю я.

Как тогда, когда зачитывал приговор предателям — не для них, а для тех, кто стоит рядом. Виновные и так знают, в чем их вина.

— Страшно? — спросил негромко у первого, на кого наткнулся взгляд. Молоденькая альва, по-детски жмущаяся к обнимающему ее мужчине, мужу или отцу, затравленно опустила глаза. — Мне тоже было страшно, когда я впервые столкнулся с ильясу. Они сожгли наш дом. Убили живших там людей. Моя мать погибла, защищая меня. Мне и сейчас неприятно даже просто смотреть на них. Но это — единственный способ добиться правды, — он повысил голос, обращаясь уже ко всем: — Убийца моей матери остался безнаказанным. А тот, кто поставлен четырьмя на страже справедливости, скрывает от меня его имя. Разве я не вправе требовать ответа? Любыми доступными средствами?

Ильясу разошлись по залу, никого не касаясь и никому не угрожая, но стихийники страшились пошевелиться или издать хотя бы звук.

Их молчание Тьен истолковал, как согласие.

— Ты призвал тьму в Итериан!

Йонела.

Старушке, кажется, нечего бояться, раз уж отважилась бросаться обвинениями.

— Не призывал, — ответил он ей. — Никто не в силах привести ее в сюда извне. Она уже была здесь. Внутри вас всех. Злость. Зависть. Ревность. Тщеславие. Это и есть тьма. Я лишь вытащил ее наружу. Полюбуйтесь, какие твари живут в каждом из вас!

Проняло.

Шеар способен не только в ответственные мгновения жизни различать ложь и истину в чужих словах, случалось, он и говорить мог так, чтобы окружающие чувствовали, что все им сказанное — правда. И теперь эта правда, страшная и неприглядная, бродила между ними, роняя с крыльев рваные клочки тумана.

Нет и не может быть абсолютно светлых душ. Каждый в этом зале внес свой вклад в появление темных сущностей, кто-то больше, кто-то меньше.

Тьен посмотрел на Генриха. Тот глядел на ильясу с ужасом, вспоминая день, когда увидел их впервые. Но скольким из них сегодня дала дымную плоть годами снедавшая его ненависть?

Невдалеке Кеони застыл на месте. Бледное лицо юноши отражало блики огня и тысячу чувств разом. Недоверие, возмущение, обиду. Страх тоже мелькал во взгляде, но ему просто не оставалось места за прочими эмоциями. Герой-командир подвел, не оправдал надежд, сделал что-то непонятное, неправильное, и мир пусть не перевернулся пока, но ощутимо покачнулся. Но разве не его, Кеони, гордыня сверкает тускло на остриях длинных мечей?

— Все, чего я хочу, — Тьен обвел взглядом зал и остановился на Холгере, — знать правду. Все те годы, что я отдал служению Итериану, правитель игнорировал мои вопросы. Пришлось найти способ быть услышанным.

Какое-то движение слева от Холгера заставило Тьена отвлечься.

Арсэлис, до поры скрывавшаяся в тени мужа, шагнула вперед, прижав к груди руки. Губы флеймы шевельнулись, но сорвавшиеся с них слова утонули в душном полумраке. Стены давили, огонь сжирал воздух — это тоже было частью плана, как и смертоносные тени... Но что она все-таки хотела сказать?

— Эйнар, — разобрал со второй попытки Тьен. — Эйнар... где?

— Что?! — его передернуло от негодования, и ильясу насторожились, поймав всплеск обиды и злости.

Как она могла подумать?!

— Где? — повторила шеари громче. Не требовала — молила. И вместе с тем обещала самые страшные муки, которые только может дать пламя, если вдруг...

— Далеко отсюда, — ответил Тьен. — Мой брат не имеет отношения к тому, что случилось тогда, и я решил, что ему не стоит участвовать в сегодняшней встрече.

Поверила? Вроде бы.

Он не станет играть на ее чувствах. Мог бы, но не станет.

Как и поить ильясу новыми переживаниями. Они и без того сильны: ослабь контроль, все здесь залиют кровью.

Он не подлец, не безжалостный мститель. Он ищет справедливости, но о том, что любимыми средствами — солгал. Это не та ложь, что наполнит силой тьму, но та, которую может разгадать Холгер, и тогда правителю останется только дожидаться, когда его блеф станет очевиден...

Однако пока Холгер ничего не заподозрил.

Только вздохнул с облегчением, услышав, что Эйнару ничего не грозит, — почти неуловимо, но не для того, кто раньше звуков различал эмоции. Значит, тревожится о сыне.

Промелькнувшая у Тьена мысль о превратностях отеческой любви всполошила ильясу, и шеар, зло скрипнув зубами, зарекся размышлять на подобные темы.

Пещеры завораживали.

В мягком желтоватом свете, источник которого Эйнар так и не смог определить, стены и своды, покрытые коркой разноцветных кристаллов, то расширялись, то сужались, создавая странный эффект: казалось, что камень идет волнами, теряя четкие очертания. Воздух рябил, а каждый звук уносился вглубь горы, чтобы спустя несколько секунд вернуться вибрирующим эхом.

— Прелестно! — восхищенно воскликнул шеар.

— Лестно-лестно! — отозвались из недр.

— И куда же нам дальше?

— Дальше-дальше...

— Налево или направо?

— Право-право...

— Идем, — Эйнар потянул замешкавшуюся сильфиду за рукав. — Нас зовут направо.

— Задали бы вопрос по-другому, звали бы налево, — пробурчала чем-то недовольная Эсея.

— Ну, хочешь, сама выбери, — предложил мужчина.

— Выбери-выбери, — поддержал голос гор.

— Уже выбрала один раз. Теперь без разницы.

Шеар пожал плечами: без разницы, так без разницы. Но ведь сама позвала. Расписывала, какая тут красота.

Не соврала. Но и пяти минут не прошло, как они вошли под узорчатые своды, и жизнерадостную сильфиду словно подменили. Она погрустнела, понурилась. Трогала задумчиво стены, выводя пальчиком на камнях замысловатые узоры, и вздыхала.

Эйнар догадывался, что могло стать причиной подобных перемен, однако предпринимать что-либо по этому поводу не торопился.

Девушка не выдержала первой:

— Шеар Эйнар, я должна вам сказать...

Она запнулась, закусила губу и опустила смущенно глаза. Щеки вспыхнули румянцем.

— Эсея, — шеар осторожно взял ее за руку. — Я... тоже хотел сказать... Но, быть может, нам лучше остаться друзьями?

— Вы о чем? — встрепелась сильфида.

— Я? — Эйнар выронил ее ладонь и отступил на шаг. — А ты о чем?

— О пещерах, — она тоже отшагнула назад. — Понимаете... тут... времяидетиначемснаружи...

— Ненавижу, когда ты начинаешь так говорить... Что?!

— Этьенменяпопросилвасувестиситериана, — выпалила сильфида. — Наверноеужеднядвапрошло...

— Сколько?!

— Днядва, — пискнула она, сжавшись.

— У-у! Днядва! — передразнил он сердито. — Зачем?

— Ончтотозадумалопа... Он что-то задумал, — сильфида взяла себя в руки, а Эйнара — за руку и потащила в сторону выхода. — Что-то опасное. Поэтому и не хотел, чтобы мы были на приеме. Но, может быть, мы еще успеем!

Вот и дружи после такого с девушками! Вот и доверяй братьям!

А уж как отец рассвирепеет, если он и правда опоздает к началу приема!

Хотя, если верить тому, что рассказывала на лету Эсея, у родителя сейчас хватало других проблем...

Холгер предполагал, что без проблем этот прием не пройдет, но реальность превзошла все ожидания.

Каменная ловушка. Зловещий полумрак. Дрожащее пламя светильников. Воздух теплый и спертый. Два десятка ильясу. А хуже всего — ощущение полного бессилия. Правитель и после схваток с пустотой не испытывал подобного. Сила не покинула его, но стала неуловимой, непослушной. Он чувствовал каждое из начал, землю, огонь, воду, воздух, и ни к одному не мог дотянуться.

В запаянном наглухо склепе властвовала тьма. Но эта сила ему не подчинялась. Только один управлял ею.

Шеар-полукровка.

Темный шеар.

Его сын...

— Знать правду — мое право! — Этьен находился шагах в десяти от него, но Холгер ясно видел его лицо и горящие гневом глаза. — Думаю, все присутствующие согласятся с этим.

Они согласятся с чем угодно, лишь бы выйти отсюда невредимыми.

Выйдут, и что потом?

Неужели этот мальчишка не понимает, какие последствия будет иметь его поступок?

— Даже четверо не оспаривают этого, — добавил сын веско. — Иначе мне вряд ли разрешили бы воспользоваться... такой помощью.

Передергивает.

То, что четверо не вмешиваются, еще не означает, что одобряют.

Но они позволили ему окружить себя крылатой тьмой. Почему? Потому что он, Холгер, нарушил давний договор?

Правда не должна была открыться...

— Правда должна открыться! — голос Этьена прозвучал отражением его мыслей. — Я требую этого даже не как сын, потерявший мать. Я требую этого как шеар, долг которого блюсти справедливость в Итериане и за его пределами.

Гул прокатился по рядам стихийников. Негромкий, но единодушный: шеар не станет препятствовать честному суду... и пусть это скорее закончится...

Сотня требовательных взглядов сверлила правителя.

Им не нужна справедливость.

Многие из них не знали Аллей, а тех, что знали, не тревожила ее судьба.

Половина собравшихся, если не больше, откровенно недолюбливала Этьена.

Им и Холгер теперь, когда пустота отступила, не слишком-то нужен.

Все, чего они желают, — вырваться отсюда.

Прошло лишь несколько минут, а они устали уже от душного мрака, от страха и бессилия.

То ли еще будет.

— Я... — Правитель запнулся: горло саднило, хотелось выпить воды... — Я уже говорил, что не знаю, кто повинен в случившемся с твоей матерью.

— Ложь, — гневно перебил Этьен.

Волна ярости прокатилась от него и разбилась о стены.

Пол гулко затрясся. Пламя светильников взметнулось вверх. Длинные языки проснувшихся саламандр лизнули шелковую обивку... Но голодным элементалям не позволили разгуляться. Хозяин тьмы взмахнул рукой, и пожар задохнулся, не разгоревшись.

Только воздух, и без того тяжелый, наполнился едким дымом.

Заслезилась глаза.

Дышать стало труднее.

Кто-то закашлялся, послышался тихий плач, и ильясу, словно исполощенные птицы, взмахнули крыльями, ловя очередной всплеск страха...

— Ложь, — повторил Этьен, властным жестом приказывая теням отступить от стихийников и опустить мечи. — Я устал ее слушать. Правду. Здесь. Сейчас. При свидетелях. От тебя или... Или тот, кто принес смерть в мой дом, если он находится среди нас, признается сам.

Опять встрепенулись ильясу, почувствовав в учащенно бьющихся сердцах новую тревогу. Дети стихий, и старейшины родов, и совсем юные новопосвященные, все как один незаметно пытались оглянуться на тех, кто был рядом. Подозрения. Гнев. Взгляды пересекаются, и в каждом вопрос: «А не по твоей ли вине мы заперты тут?». Пересекаются и отталкиваются друг от друга и устремляются снова к нему, к Холгеру. К женщинам за его спиной...

Кого защищает правитель?

Кого прячет от справедливого возмездия, если не кого-то из семьи?

Им по-прежнему безразлично, но они злятся на неведомого виновника своего заточения, и их безразличие и их зло напитывает силой тьму. Ильясу уже не смутные тени — чернеют на фоне пламени, и свет огня почти не пробивается сквозь устрашающие крылатые фигуры.

Еще немного, и их не сдержат.

— Я не хочу никому навредить, — проговорил Этьен. — Но кто-то может пострадать случайно. Огонь сжигает воздух и высушивает воду. Но прежде — воздух...

Холгер непроизвольно обернулся на мать.

Йонела держалась. Сжала губы в гордом молчании, руки скрестила на груди. Но не парила уже над полом, и на ногах стояла не слишком твердо...

— ...А без воздуха умрет и огонь, — продолжил сын правителя и посмотрел сперва на Арсэлис, а затем на отца. — Я не говорю, что так случится, но это возможно. И моей вины в этом будет не более чем твоей.

— Хорошо, — выдавил через силу Холгер. Шеар в нем боролся с прочими его сущностями, с теми, кем он старался быть несмотря ни на что, — сыном, мужем, отцом. И шеар побеждал. Нельзя допустить, чтобы тьма вырвалась из подчинения. — Я скажу. Но прежде избавься от ильясу и приведи здесь все в порядок. После этого поговорим наедине.

— Наедине? — усмешка сына правителю не понравилась. — Ты, верно, не расслышал, что я говорил. Имя будет названо здесь, при всех. Мне нужна не месть, а честный суд. Разве найдется судья честнее шеара? И в присяжных недостатка нет. И палачи наготове.

Холгер не хотел даже представлять себе подобный суд.

Но... на все воля четырех.

— На все воля четырех, — сказал он, неторопливо спускаясь со ступеней и приближаясь к сыну. — Помнишь, что я тебе сказал, когда ты впервые спросил об убийце Аллей?

— Ты сказал, что невиновен в ее смерти, — ответил Этьен. — Это было слово шеара, и я ему поверил.

Холгер покачал головой.

— Я сказал, что могу вызвать тебя на бой в защиту справедливости, — напомнил он. — У меня по-прежнему есть такое право. И я хочу им воспользоваться.

Небо и море. Море и небо.

Лили и при других обстоятельствах не заинтересовал бы подобный пейзаж, но в последние полчаса смотреть стало в прямом смысле тошно.

Или эта слабость и головокружение — следствие того, что альву оторвали от родной стихии?

Эллилиатарренсаи Маэр из рода Хеллан всегда прочно стояла на земле. Сейчас она оказалась подвешена в воздухе, и от желанной тверди ее отделяла непроницаемая толща воды.

Она могла лишь догадываться, что задумал Этьен, но наверняка знала, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Он ведь неспроста завел речь о риске для всего Итериана. О том, что она попыталась бы его остановить. Этьену прекрасно известно, что она не склонна преувеличивать опасность и не сорвется из-за ерунды, но если он считает подобный исход возможным, определенно, затеял нечто серьезное.

Значит, ей нужно быть сейчас рядом с ним.

Любой ценой.

Альва вцепилась себе в волосы. Не в отчаянии — до этого было еще далеко, — а для того, чтобы вытащить запутавшиеся в длинных прядях шпильки и заколки. Присев на воздушную плиту, вытянула вперед ноги и высыпала на подол добытые сокровища. Сняла диадему. Добавила два кольца — с сапфиром и с крупным бриллиантом. Серьги. Ожерелье.

Надумай она прикупить особняк в каком-нибудь людском мирке, осталось бы и на новую обстановку, однако для ее целей — маловато.

Металл и камни хранили частицы земли, но извлеченной из них энергии хватит лишь на

то, чтобы пробиться сквозь стену воздуха.

И что потом?

Барахтаться в соленой воде, плотность которой не позволит даже нырнуть, не то что опуститься на дно?

На земле Лили легко вобрала бы в себя ее тяжесть, обернув тело камнем. Но на земле подобные способности были ей не нужны, а тут негде взять достаточно сил.

Небо и море. Море и небо.

Белые облака и темная вода.

Густая от переизбытка соли вода с островками рыхлой желтоватой пены.

Этьен все просчитал...

И просчитался!

Не от кого было скрывать победную улыбку... но некому было и демонстрировать ее.

Альва смяла в руках драгоценности.

Зажимы украшений и острые грани камней царапали кожу. Сила родной стихии наполняла кровь.

Мальчишка! Думал, так просто от нее избавиться?

Не выйдет!

Упругий воздух прогнулся под ней. Истончился. И в конце концов лопнул.

Вода оказалась неприятной на ощупь, будто бы маслянистой, но теплой.

Возможно, Этьен предвидел, что Лили не оставит попыток освободиться, и не хотел, чтобы она замерзала до его возвращения.

Заботливый.

Глупый.

Хоть и шеар.

Даже люди говорят: «Соль земли». Земли, но не воды!

Лили полежала с минуту на мягких волнах, а затем, собрав остаток сил, начала постепенно притягивать к себе мелкие колючие крупинки, каждая из которых несла толику нужной ей стихии.

Мало, чтобы скопить энергию для переноса, но достаточно, чтобы в следующий раз притянуть уже побольше.

Платье промокло и отяжелело.

Кожу щипало от облепившей ее соли.

Больше, еще больше.

Белые твердые кристаллы покрыли руки и ноги хрусткой коркой. Пока недостаточно прочной и не слишком тяжелой, но это только пока...

Нужно просто собрать еще.

Не спеша, кристаллик за кристалликом.

Туловище.

Шея.

Голова.

Лили зажмурилась и в последний раз, перед тем, как ее лицо накроет непроницаемая маска, облизала губы. Соленые...

Кристаллик за кристалликом — соляная броня.

Достойный доспех для дочери земли.

В какой-то миг она подумала, что собранной по крупинкам силы хватит... но

ошиблась...

И снова — кристаллик за кристалликом...

Лишь бы море было не слишком глубоким в этом месте.

Без воздуха она обойдется какое-то время и вес соберет достаточный, чтобы достичь дна, но если ее соляной панцирь лопнет под давлением воды... Тела альвов крепче, чем у прочих стихийников, не говоря уже о людях, но все же не камень. Лили еще помнила, как хрустят, ломаясь, кости и рвется плоть...

Кристаллик за кристалликом...

Бесформенная соляная глыба падала на дно не так быстро, как хотелось бы свернувшейся внутри женщине, но уже и не медленно.

Тяжелая, цельная, словно откололась единым куском от многовекового пласта, а не сформировалась только что по малюсеньким частичкам. Прочная... Но недостаточно. Лили слышала негромкое шуршание, будто песчинки трутся друг о друга. Шипение и едва различимое бульканье — пузырьки воздуха рвались наружу через мельчайшие трещинки...

Все-таки глубоко...

Она представила, как будет выглядеть ее тело после того, как его сомнет расколовшимися кусками соли и выбросит на поверхность. Этьен расстроится...

Стянула с силой защиту, кристаллик к кристаллику, и только когда почувствовала удар о дно, отпустила, позволяя треснуть скрывающей ее капсуле. Использовала аккумулированную за время погружения энергию и рванулась вперед и вниз. К вязкой грязи. К земле. И домой, в Итериан.

Туда, где она сейчас нужна.

Выбросило Эллилиатарренсаи в дворцовом парке.

Судорожно глотая воздух и отплеываясь от соленой воды, она рухнула на землю, не столько потому, что ноги не держали, сколько затем, чтобы ощутить наконец-то желанную силу. Распласталась лицом вниз, руками обняла, щекой прижавшись, словно к возлюбленному, и еще долго вдыхала бы после моря казавшийся особенно сладким запах трав и теплой почвы, если бы не почувствовала чужое присутствие и не увидела сквозь слипшиеся от соли ресницы спешащие к ней тени.

Первым рядом оказался Эйнар. То ли с воспитанием у наследника итерианского престола было не очень, то ли просто растерялся, но подать руку и помочь даме подняться он и не подумал. Пришлось самой.

Подлетевшая следом за шеаром Эсея тихо охнула, оглядев бывшую, а, возможно, и будущую соратницу, и сделала то единственное, что могла и что посчитала сейчас нужным: легонько дунула. Лили обдало резким порывом ветра, холодного и теплого одновременно... Не лучшая идея. Платье высохло, но ткань затвердела настолько, что пошевелиться не получалось. Грязные волосы встали дыбом.

— Спасибо, — сквозь зубы поблагодарила Лили сердобольную сильфиду.

— Э-э... Добрый день, — решил-таки продемонстрировать учтивость Эйнар. — Прекрасно выглядите.

Интересно, на кого он похож больше, на мать или на бабушку Йонелу? Это важно, потому что в первом случае прозвучавшая фраза — стандартное проявление вежливости и, пусть не совсем удачная, но попытка приободрить, а во втором следовало бы надрать мальчишке уши...

Так же, как недавно альва притягивала к себе соль, она оттолкнула ее прочь вместе с пылью и прилипшей травой. Мотнула головой, отряхнула «размякший» наряд.

— Кхе-кхе... С вас тут насыпалось.

Определенно, на бабушку.

Лили одарила наследника Холгера ледяным взглядом.

— Это песок. В моем возрасте уже положено.

Собиралась добавить, что кое-кому не мешало бы губы от молока оттереть, но сдержалась: сейчас не до шуток и уж тем более не до ссор.

— Рассказывайте, что у вас тут? — бывшая старейшая рода Хеллан с ходу взяла инициативу в свои руки. Шеары шеарами, но дар четырех не заменит многовекового опыта.

— Ну... — Эйнар замялся. — У нас тут... вот.

Лили еще не успела как следует осмотреться, а то сама заметила бы. Такое только слепец не заметит! Дворец правителя, до которого было не больше сотни шагов, из прекрасного строения в три этажа, украшенного барельефами, изящными балкончиками и витыми башенками, превратился в монолитную скалу. Шедевр древних альвийских мастеров — виверне под хвост!

— Большая часть этого — иллюзия, — успокоил наследник. — Но странная такая, мне не снять. А в одном месте — реально камень. Там, где...

— Церемониальный зал, — уже поняла Лили. — Не войти, не выйти. А почему в парке никого?

— Какие-то чары, — ответила Эсея. — Будто отпугивающие: хочется уйти поскорее и подальше.

— Я ничего не чувствую, — прислушалась к себе альва.

— Я чувствовала поначалу, — сильфида поежилась от неприятных воспоминаний. — Но на Эйнара... на шеара Эйнара не подействовало, и на тех, кто теперь рядом — тоже не действует.

— Значит, мне повезло, что шеар Эйнар подоспел так скоро, и я не успела уйти далеко и быстро... Как получилось, что вы не внутри, со всеми?

Эсея отвела взгляд.

— Этьен, — бросил коротко Эйнар. — Запер в другом мире.

— О, и вас тоже? За что?

— Я так понимаю, по доброте душевной, — буркнул наследник. — А вас?

— И меня. По доброте. Предлагаю ответить тем же.

— Согласна, — Эсея выхватила из воздуха верное копьё.

А ведь правильная мысль!

Засучив рукав, Лили присела и, по локоть погрузив руку в землю, вытащила клинок. Свитая из стального плюща гарда расплелась и сплелась снова, надёжно пряча кисть. Зеленый побег туго обвил запястье, обеспечивая связь оружия с хозяйкой.

— Это вам зачем? — с удивлением поглядел на обеих стихийниц Эйнар.

— Добро вершить, — хмуро отозвалась сильфида.

К дворцу подошли без проблем. Если и существовали еще какие-нибудь сдерживающие чары, то присутствие шеара их нейтрализовало.

— Эсея полагает, что Этьен собирается вызвать отца на поединок, — сказал, пока шли, наследник.

— Возможно, — согласилась сдержано альва.

Остановившись у стены, прижала ладонь к розовому с золотистыми прожилками мрамору. Прислушалась.

Этьен хорошо постарался, чтобы сохранить происходящее внутри в тайне от всего остального мира. Пришлось несколько раз царапнуть стену мечом, чтобы разговорить усыпленный незнакомой магией камень.

— Думаю, я смогу разбить, — со свойственной молодости горячностью заявил Эйнар.

— И я смогу, — произнесла спокойно альва. — Но не буду. Давайте сначала разберемся, что происходит внутри.

Несколько минут все трое просто слушали. Лили и Эйнар — голос камня, Эсея, которой воздух не доносил даже эха, — не скажут ли что товарищи.

— Не может быть! — в какой-то миг шеар отшатнулся от стены. — Он призвал тьму. Сюда. Он...

— Силен и опасен, — подвела итог альва. — Потому и хотел, чтобы вы находились подальше. Еще не поздно уйти.

— Нет! — возмущенно воскликнул Эйнар.

— Что там? — встрепенулась Эсея. — Он вызвал Холгера? Простите... шеара Холгера...

— Холгер вызвал его, — удивила сильфиду Лили. — И если не поторопимся, пропустим самое интересное. Но войти нужно тихо. Ломать ничего не будем, пойдём сквозь камень. Шеар Эйнар, сумеете закрыть нас, чтобы ни Этьен, ни темные не почувствовали?

— Постараюсь...

— Это не ответ! — сердито, как на новобранца, рявкнула на него бывшая старейшая.

— Сделаю! — четко отрапортовал будущий правитель Итериана.

Вот так-то лучше.

Альва подняла меч и прочертила на стене длинную вертикальную линию.

Здесь будет вход.

Нельзя сказать, что Тьен был готов к любому повороту, но такого точно не ожидал.

— Что? — переспросил он, не веря своим ушам.

— Я вызываю тебя на поединок во имя правды, и пусть четверо разрешат наш спор, — громко и отчетливо произнес Холгер.

— Какой спор? Я спрашиваю у тебя об убийце моей матери!

— А я не считаю себя обязанным отвечать, — парировал правитель. — Вот и спор.

— Нет.

— Отказываясь, ты признаешь свое поражение.

— А если соглашусь, никогда не узнаю ответ, — раскусил замысел первого шеара Тьен. — Ты же понимаешь, что не выступишь против меня сейчас?

— На все воля четырех, — смиренно изрек Холгер. — Если хочешь честного боя, отзови ильясу.

Мерзавец!

Хитрый расчетливый мерзавец!

Тьен стиснул зубы.

Нет, он не боялся того, что правитель назвал честной схваткой. Холгер силен и опытен, но в арсенале третьего шеара молодость, ловкость и навыки выживания на дне людского города — с последним никакая стихийная магия не сравнится. Когда дело доходило до драки, бывший вор предугадывал действия соперника на два хода вперед. Но он не хотел этого боя. Не хотел рисковать своей жизнью, и не хотел убивать Холгера.

В его плане вообще не было смертей.

— Бой, — сказал кто-то за его спиной.

— Бой, — повторил другой голос.

— Это по закону. Пусть четверо рассудят.

— Бой...

Тьен зажмурился, отгоняя всплывшее вдруг видение из прошлого.

Игорная мамыши Бланшет. Щеголь в твидовом пиджаке ухмыляется недобро, и навощенные усы его шевелятся, словно паучьи жвалы. Смазливая шляха строит глазки, уже зная, что не позволит ему выстрелить. А вокруг — люди, безликие, безымянные... такие же, как эти итерианцы сейчас для него. Так же ратуют за честный бой. За справедливость...

Кому она тогда нужна была, справедливость?

А сейчас кому?

Тем зрелищ хотелось. Вино цедили, в карты резались, девок тискали — скучно поди.

Этим — только бы наружу вырваться. Или чтобы он ильясу прогнал, а там вернется сила, и не ждите никакого честного боя: Холгеру и делать ничего не придется — кто-нибудь из доброхотов опередит. Во славу Итериана. Да сгинет тьма... И в спину — как тогда...

Только теперь окна замурованы, и не течет под стенами спасительница-река. И девочки с большими тревожными глазами и теплыми ладошками тоже не будет...

А так — один в один.

Суд божий, суд четырех, другой какой-нибудь суд... В каждом мире, наверное, есть закон, разрешающий убивать друг друга на потеху публике, прикрываясь благими целями...

— Так ты отказываешься? — правитель смотрел в глаза, ждал ответа. А взгляд такой...
Словно сказать что-то хотел или, напротив, спросить...

Тьен отвернулся.

Оглядел притихших стихийников.

— Шеар Холгер погорячился, предлагая мне подобное, — объявил во всеуслышание. — Я и в мыслях не могу допустить, чтобы правитель Дивного мира погиб от моей руки. Слишком большая ответственность лежит на нем, слишком ценен он для всех нас... Но если кто-нибудь из вас решит выступить от его имени... в защиту справедливости...

Никто не выйдет. Не осмелится.

Но трусом для них останется он, Этьен. Станут потом говорить, как он воспользовался отговорками и не принял вызов.

Плевать! Все равно после сегодняшнего ничего хорошего о нем уже не скажут.

— Ты ошибаешься, — голос Холгера прозвучал как гром среди развидневшегося было неба. — Я отдаю себе отчет в том, что делаю. Хвала четырем, есть кому занять мое место. Эйнар молод, но при поддержке старейших будет править достойно. И ты... Ты, как бы там ни было — шеар, и если Итериану снова понадобится помощь, я знаю, вспомнишь о своем предназначении...

Ильясу никак не отреагировали на слова правителя, но оживились, когда стихийники снова загудели... Одобрительно — кто бы сомневался.

Правитель мудр.

Его решения — закон.

Пусть умрет, коль на то его воля, а старейшие уж подскажут неразумному мальчишке, пришедшему ему на смену, как правильно управлять миром...

— Бой, — слышится снова несмелое.

— Бой.

— Бо...

— Ой! — Софи вскрикнула, когда иголка оцарапала спину.

— Простите, — смущенно извинилась швея. — Я почти закончила.

Платье девушка выбрала быстро. Оно словно дожидалось ее в витрине недавно открывшегося модного салона. Белый с голубоватым отливом атлас, расшитый бисером, спущенные плечи, пышная юбка с воланами. Оно стоило целое состояние, и продавщица, оценив на глаз неброский наряд покупательницы, сразу предложила Софи другое — из бледного фатина в каких-то безвкусных розочках... Но она хотела именно это! А деньги не проблема.

Она так и сказала, что деньги не проблема, и кошелек достала... Но, скорее всего, они заметили кольцо. Вряд ли до этого приходилось видеть хоть что-то похожее, даже в самых дорогих ювелирных... Забегали сразу, засуетились. Зеркала развернули, помогли застегнуть лиф, юбку расправили...

Но нужно было еще чуть-чуть подогнать по фигуре, а женщина, этим занимавшаяся, все время отвлекалась, то на кольцо, то взглянуть за окно в зазор между задернутыми шторами...

— Ваш жених такой молодец, — проворковала она, в очередной раз выглянув на улицу. — Обычно мужчины не любят ждать.

— Жених? — удивилась Софи. — Ох, нет, он в отъезде... по работе. А это —

родственник. Взятся повозить меня по магазинам.

Фер пришел к завтраку. Не побрезговал яичницей и чаем с ореховым печеньем, а узнав, что она собирается за покупками, предложил услуги шофера. Девушка подозревала, что Тьен попросил дядю присмотреть за ней, и это обстоятельство тревожило, но от помощи отказываться не стала.

— Может быть, он подождет вас в зале? — тут же среагировала на ее слова одна из продавщиц. — Выпьет стаканчик лимонада? На улице такая жара...

Клиентов, кроме Софи, в салоне не было, и наверняка весь персонал торгового зала состоявший исключительно из представительниц прекрасного пола, прилип сейчас к окнам. Импозантный мужчина за рулем шикарного автомобиля... еще и не жених!

Фернан на приглашение согласился, и на лимонад, и посмотреть альбом с бутоньерками из искусственных цветов (по словам одной из девушек, гостю на свадьбе тоже не помешает подобный аксессуар). Прислушиваясь к щебету окруживших флейма дам, Софи поняла, что платье ее будет готово еще не скоро, и мужественно приготовилась терпеть новые уколы.

Огонь горел слишком ярко, и Тьен приглушил пламя светильников, чтобы сберечь и масло, и воздух. В сгустившемся сумраке ряженные в длинные одежды дети стихий мало чем отличались от крылатых теней-ильясу. Застыли настороженно и те, и другие. Ждали. Темные — крови. Дивные... Кто знает? Но ждали чего-то, на что-то надеялись.

Даже не подумали, что случится, если он, убив Холгера, не уйдет, не передаст корону Эйнару, а решит править сам. Останется вместе с призванной им тьмой. Подчинит себе весь Итериан, а после — все великое древо и станет единоличным властителем бесчисленного множества миров...

Возможно ли такое вообще?

Тьен не задумывался. Даже если да, ему это не нужно. Но то, что другие не задались подобным вопросом и не попытались воспрепятствовать решению правителя, злило. И злость эта была... правильная, что ли? Потому как ильясу никак на нее не реагировали. Значит, правильная. Не темная. И не светлая, конечно. Не бывает злости светлой, но бывает такая, что снимает пелену с глаз и заставляет видеть все, как есть, без лишних иллюзий, без наивной веры в чужую добродетель.

Ничего, Холгер тоже это видит. Сделает выводы. Потом.

— Хорошо, пусть будет бой.

Расстегнув серебряную пряжку, Тьен сбросил на пол плащ и шагнул навстречу правителю.

— Честный бой.

Зрители встрепенулись. Напрасно: ильясу он не отзовет.

— Руку, — то ли попросил, то ли приказал третий шеар Итериана сопернику и первым протянул ладонь.

Единственное за все годы рукопожатие. Отнюдь не дружеское, но...

Он возвращал Холгеру возможность пользоваться даром четырех. Если бы можно было, разделил бы с ним и власть над тьмой, чтобы совсем по-честному. Но достаточно будет, если он не станет пользоваться этой стороной силы. Просто не станет, хоть никто в это не поверит. Скажут потом, что преимущество изначально было на его стороне... Но разве его когда-либо тревожило чужое мнение?

А Холгер знает, что все без обмана. Хотя и его мнение Тьену безразлично...

Они стояли друг напротив друга.

Долго.

Минуту. Или уже десять.

И ни один не спешил ударить первым.

Мрак сгущался.

Огонь кровавыми вспышками отражался в глазах.

Молчание вокруг из тревожного стало недоумевающим.

Никто не понимал, почему же они не развяжут объявленный бой.

Никто не видел, что противостояние уже началось...

Если бы Эйнару снились кошмары, так бы они и выглядели.

Искореженный до неузнаваемости темный зал, словно звериное нутро: скомканный шелк в язвах подпалин, перекошенные стены с зарубцевавшимися окнами.

Воздух спертый, наполненный запахом гари и страха.

Трепещущие огоньки, дающие неяркий красноватый свет, в котором лица собравшихся кажутся уродливыми масками...

И крылатые тени. Невесомые, зыбкие, колышутся, как и пламя светильников. Но это лишь иллюзия — их не развеет порывом ветра, и солнечный свет, проникни он сюда, не причинит им вреда.

Мама неестественно бледна. Это заметно даже в окутавшей зал вязкой полумгле, и только алые отблески на короткие мгновения оставляют на щеках подобие румянца. Но больше ничто не выдает ее чувств: взгляд серьезен и сух, губы плотно сомкнуты. Поддерживает под локоть бабушку: прежде только этого хватило бы, чтобы увериться, что все происходящее — дурной сон.

Обе глядят с возвышения в центр круга, образованного стихийниками и окружившими их ильясу.

Эйнар сейчас был бы там. Хотел, когда Этьен спросил, не выйдет ли кто вместо правителя, но альва крепко вцепилась в плечо. Через миг сам понял, какой это было бы глупостью. Этьен не стал бы с ним драться. А отец отчитал бы как мальчишку за то, что лезет не в свое дело.

Эйнар решил, что вмешается только тогда, когда увидит, что они действительно готовы убить друг друга. Пока же, насколько он понял, отец и брат собирались только поговорить. Способ общения они избрали странный, конечно, но, должно быть, в кошмарных снах так оно и бывает.

«Зачем ты это устроил?»

Тьен понимал, что ни боя, ни разговора теперь не избежать, однако начинать первым не хотел и не стал бы. Но правитель упорно хранил молчание и не предпринимал никаких действий. Долго это продолжаться не могло.

«Я устроил? — вопросом на вопрос отвечал Холгер. Ни один мускул не дрогнул в спокойном, немного усталом лице. — Ты это начал. Ты и скажи, зачем»

Сильный.

Судя по тому, из чего он сплел свой щит, предпочитает работать с водой и воздухом. Даже в этом полная противоположность Тьену, который комфортнее всего чувствовал себя с огнем и землей — первой и последней из открывшихся ему стихий.

Опытный.

Сколько схваток у него за спиной? Сколько поверженных противников? Много. Вот только среди них не было равных ему.

«Я сказал, — Тьен продолжал осторожно изучать соперника, прекрасно понимая, что его действия не остаются незамеченными. — Ты должен был назвать имя... Просто имя, и меня бы здесь уже не было!»

Ярость жгла изнутри, и он боролся с нею, как мог. Его переиграли, заставили отступить от плана и принять чужие правила, но ничего еще не кончено, а значит, нельзя поддаваться, нельзя позволить гневу одержать победу над разумом.

У Холгера эмоции под контролем. Всегда. И это, а не богатая практика в общении со стихиями, главное его преимущество. То, что больше всего раздражает в нем. С первой встречи, все эти годы... Невозможно определить, о чем он думает, чего боится, к чему стремится.

И отвечает он невозмутимо и уверенно: «Ты так и не стал настоящим шеаром. Не понял, что есть вещи, которые мы не в силах изменить. Не научился отпускать прошлое»

«Так ты этого ждешь от меня? Чтобы я отпустил прошлое? Смирился?»

«Да», — правитель не уловил сарказма в его словах.

Он убрал щит, и Тьен приготовился отразить первый удар, однако атаки не последовало.

«У меня есть предложение, — правитель глядел ему прямо в глаза, словно пытался таким образом заглянуть в душу. — Давай отложим этот разговор? Я не готов к нему, и ты тоже...»

«Нет!»

Тьен топнул ногой.

Это походило бы на реакцию капризного ребенка, если бы мраморный пол не вздыбился, и волна ломающегося с треском камня не прокатилась в сторону правителя.

Хватит слов!

После затянувшегося затишья его удар был неожиданным для стихийников, ставших вынужденными зрителями поединка шеаров, и новый всплеск чужого страха неприятным холодком прошелся по коже. Кто-то вскрикнул. Еще кто-то не устоял на пошатнувшемся полу... Тьен не видел этого — он смотрел лишь на Холгера.

Тот отразил атаку легко и изящно.

И вторую, последовавшую практически мгновенно.

Не отбил, а будто бы приласкал с рычанием кинувшегося на него хищника, и взбудораженная земля покорно утихла у его ног.

А затем он выставил защиту, но не для себя: огородил прочным щитом их импровизированный ринг, чтобы используемые тут заклинания даже случайно не коснулись никого из наблюдателей.

Тьен недовольно поморщился. Он должен был сам подумать об этом.

Однако, никогда не поздно. Оборвав питающую охранную черту связь, и тем самым избавив правителя Итериана от необходимости тратить энергию на безопасность верноподданных, третий шеар выставил собственные ограждения. Холгер неодобрительно нахмурился, поняв, что он использовал для этого, но промолчал. Новая защита получилась прочной и не оттягивала лишние силы.

А чтобы правитель и не надумал возражать, Тьен пустил в него струю огня...

«Опоздали», — Эсея с горечью зажмурилась, лбом прижавшись к древку копья. Раньше нужно было что-то делать, до того, как между ними и Этьеном выросла стена тьмы...

«Опоздал!», — бессильно корил себя Эйнар. Надо было рискнуть, вмешаться. А теперь даже неизвестно, удастся ли ему пробить установленный братом заслон...

«Опоздала? — Эллилиатарренсаи Маэр из рода Хеллан задумчиво повертела в руке меч. — Может, и к лучшему...» Никто не упрекнет ее в том, что она забыла о долге, пойдя на поводу у личных привязанностей.

Этьен справится.

Если же нет, пожалуй о невыполненном обещании она не успеет...

Холгер отбился не водой. И не воздухом.

Пустил встречный пал.

Потоки пламени с силой столкнулись, но не разбились друг о друга, а свернулись в трепещущий огненный шар.

Дохнуло жаром в лицо.

Сорвавшиеся искры опалили волосы...

Тьен стряхнул их и сильным порывом ветра направил не утихшее еще пламя в сторону противника.

Во второй раз тот не стал ни закрываться, ни отбиваться. Выпрямился в полный рост и принял огонь в себя... Позер. Или глупец — огонь на какое-то время отрежет его от других стихий...

Или...

Тьен подумал, что тоже не отказался бы сейчас от порции очистительного пламени.

Наверное, это помогло бы...

Тело ломало. Растягивало до боли мышцы и выкручивало суставы. Привычка — вторая натура, и организм шеара в преддверии жестокой схватки непроизвольно пытался провести трансформацию.

Сапоги затрещали по швам, с трудом сдерживая прорывающиеся когти и острые шпоры. Шея удлинялась, делаясь по-птичьи подвижной. Голова будто бы раскололась на части и теперь собиралась по-новому: вытягивалась, обрастала от лба до подбородка прочным металлом, которому предстояло сформироваться в тяжелый загнутый клюв. Глаза развело в стороны, увеличивая угол обзора... Еще не орлан — монстр с перекошенной физиономией...

Он встряхнулся, возвращая себе первоначальный вид, однако остановить процесс превращения оказалось непросто. Плечи и руки покрылись вспоровшими одежду длинными иглами, но до того, как они успели превратиться в перья, Тьен усилием воли заставил их втянуться под кожу. Сделано это было быстро и грубо, и рубашка мгновенно пропиталась не успевшей свернуться кровью...

Кровью он и вычертил прозрачный щит.

Успел, но не удержал: острая молния рассекла непрочную защиту надвое.

Вторая оцарапала предплечье...

Мелькнуло в грозовых облаках закопченное лицо Холгера. Пожелтевшие глаза с вытянувшимися зрачками и покрывшиеся костяными наростами брови. Выпирающие вперед челюсти и острые клыки. Черный дракон тоже спешил измениться, почувствовав опасного соперника...

Но им тесно было бы здесь, внутри очерченного тьмой круга.

Им в одном мире было бы тесно.

Вдох, один удар сердца, и правитель снова стал прежним.

Почти.

Массивная лапа со стальными когтями вспорола воздух и закрутила в спираль торнадо.

Поднятый Холгером ураган подхватил обломки мраморных плит и швырнул в Тьена.

Тот остановил камни в полете, но не удержал и уронил.

Зал вздрогнул от грохота.

К потолку поднялась пыль, и Тьен хотел под прикрытием этой завесы провести новую атаку, но правитель его опередил. Вода — из фонтанов, наверное, — в секунду обвила ноги тугими канатами, плеснулась выше, на грудь, поймала, словно в мешок, и тут же заледенела...

«Избавься от ильясу, — приказал... попросил?... Холгер. — Тогда поговорим»

Лед с хрустом разломился под напором огня, и острые осколки полетели в правителя.

«Я давал тебе шанс, — со злостью напомнил Тьен, добавляя к ледяным снарядам огненные стрелы. — Ты отказался!»

Пыль осела, и он смог осмотреться. Бегло. Заметил Кеони в первых рядах затаивших дыхание наблюдателей... Не стоило тащить сюда мальчишку. Урок? Чему он его научит?

Рядом с тритоном — Генрих. Комкает нервно носовой платок, время от времени утирая пот со лба.

За спиной Холгера просматриваются силуэты его жены и матери. У правителя, как всегда, надежный тыл...

И бьет он метко, но осторожно.

Сверкающие лезвия, сплав воды и воздуха, просвистели по обе стороны от Тьена. Одно срезало прядь волос с виска...

«Я был неправ», — слышится сразу за этим.

Слова бьют сильнее заклинаний.

Не прав?

Нужно было разгромить полдворца, чтобы он все-таки признал это!

«Мне не нужно было отказываться от разговора», — тут же добавил Холгер. Словно для того, чтобы подчеркнуть, что был неправ лишь в этом...

Тьен представил себе лица стихийников, если сейчас они неожиданно закончат бой и, как ни в чем не бывало, направятся в уцелевшие апартаменты, чтобы пообщаться наедине.

Смешно.

А он не просился на роль придворного шута.

Разговор состоится, но по его правилам.

Холгер будет умолять о нем...

Додумать, как он заставит правителя вымаливать снисхождения, Тьен не успел. Спустить на того волну расплавленного в лаву камня — тоже.

Холгер оказался быстрее: сплетенная из воздуха плеть взхлест обвила шею и начала медленно душить...

«Избавься от ильясу! — теперь уже точно приказал первый шеар. — Я не стану говорить с тобой в присутствии тьмы»

Тьен почувствовал, что задыхается. Холгер, должно быть, влил в создание этой петли все свои силы. Воздушная удавка оказалась слишком крепка, не получалось ни разорвать ее, ни прожечь... Еще немного, и сам будет валяться в ногах у правителя, потому что воздух снова отвернулся от него... и остальные трое не решались спорить: вода не откликнулась, земля молчала угрюмо... лишь огонь вспыхнул на кончиках пальцев и погас...

Тьен знал, что Холгер не убьет его. С самого начала знал, что ему не нужна его смерть, и сам не собирался убивать... Но лежать, униженным и обессиленным, распластавшись на искореженном полу?

Нет! Этому не бывать!

Он не нарушил данного в начале боя молчаливого обета и не призвал тьму на помощь. Но он пробудил ее частички в себе. И пустоту — ту, что дремала в душе долгие годы...

На пустоту дар четырех отозвался. Это в крови любого шеара, для того их и создавали — сражаться с пустотой.

Но к пустоте Тьен привык... в отличие от петли на шее...

Он перехватил плеть и дернул на себя. Вырвал у Холгера и сумел удержать, чтобы в следующий миг хлестнуть противника по ногам, сбивая на пол, и, не дав тому опомниться, подлететь вспышкой и поставить ногу ему на грудь.

— По моим правилам. Понял? — прокричал он в лицо поверженному правителю. — По моим!

Схватил за грудки и поднял рывком, легко, словно тряпичную куклу.

И ударил...

Не силой стихий, а так, как давно хотелось, — кулаком в челюсть.

Но сверху придавил воздухом, который сделался теперь послушен ему. И в камень заковал...

— По моим правилам... — выдохнул тяжело, — ...поговорим...

Холгер сплюнул кровь. Так... по-человечески... Фартовые в Слободе точно так же после месилова харкали красной юшкой... Покачал головой:

— Я ничего не скажу, пока тебя окружает тьма. Ты не в том состоянии, чтобы принять правду.

— А ты не в том положении, чтобы ставить мне условия! — сорвался Тьен. — Считаешь, я не пойду дальше? Зря...

Он всего лишь коснулся щеки правителя, как будто погладил, и Холгер стиснул зубы, когда на его коже отпечатался длинный багровый след в мгновение вздвнувшегося ожога.

— Этьен! — громкий почти до визга окрик резанул по ушам. — Остановись!

Йонела.

Тьен медленно обернулся.

— Послушай отца! Не делай то, о чем будешь жалеть!

— Я? Жалеть?

Он никак не мог рассмотреть сильфиду. Слишком мало света. Слишком много народа столпилось вокруг.

Третий шеар Итериана, темный шеар, взмахнул руками, сметая ненужные уже барьеры и расшвыривая стоящих между ним и Йонелой стихийников.

— Я должен жалеть? — переспросил он, не обращая внимания на крики и болезненные стоны. — Он сам хотел поединка. Он его получил. Что теперь? Довести дело до конца и убить его?

Ильясу, о которых практически позабыли на время схватки, сползались к нему со всех сторон, готовые выполнить приказ... желательно тот, на который он только что намекнул, — тьма жаждала крови, и чем больше, тем лучше...

— Я никому не желал зла. Лишь хотел знать правду. А он решил, что надо так, — Тьен обвел рукой то, что осталось от праздничного зала. — Я удовлетворил его желание. Пора поговорить о моем.

Все вернулось. Тьма снова властвовала здесь над каждым, а он властвовал над тьмой.

Больше нет глупцов и героев, которые бросили бы ему вызов...

— Этьен, послушай...

— Хватит!

Его крик едва не сбил Йонелу с ног.

— Хватит! Наслушался!

Он отвернулся от жалко мямлившей что-то сильфиды и возвратился к пленнику.

Краем глаза заметил спустившуюся со ступеней Арсэлис и несильно оттолкнул флейму в сторону, чтобы и не думала приближаться. Он еще не закончил с ее мужем...

— Этьен, я прошу тебя, — не унималась Йонела. — Прояви благоразумие. Возможно все мы совершили ошибку. Нам нужно успокоиться и поговорить...

— Успокоиться? — его трясло от ярости, и стены дрожали вместе с ним. Тьма сгущалась. — Я спокоен. Я так спокоен, что теперь могу убивать и глазом не моргнув, — пламенеющий клинок возник в его руке. Обжигающее острие уткнулось Холгеру в грудь. — Убью его... Нет, сначала — кого-нибудь из них. Одного. Десятерых. Вас и вашу прекрасную невестку поберегу на потом. Возможно, пока придет ваша очередь, мне все-таки ответят на мой вопрос...

— Этьен, пожалуйста, — правитель укоризненно покачал головой. То ли на самом деле чувствовал, что он блефует, то ли до последнего не желал выходить из образа мудрого всезнающего родителя...

И Тьен не сдержался — ударил его снова.

— Я тоже просил!

Отступил от него, чтобы вконец не сорваться.

Но тьма уже захлестнула душу

Едва поднявшихся на ноги стихийников опять раскидало в стороны. Не задело лишь Генриха с Кеони и Йонелу.

На отца Тьен не смотрел, обрушив свой гнев на сильфиду. В окрашенном огненными сполохами, заполненном вскриками и плачем мраке она стояла перед ним белой тенью, единственная неподвижная среди сотни мечущихся теней.

— Я просил назвать мне имя!

Стены уже буквально ходуном ходили, с потолка сыпалась штукатурка и куски лепнины. Темная туча, в которую он превратился, сыпала молниями, и лишь чудом эти молнии не попадали ни в кого в зале.

— Я хотел знать! — он приблизился к Йонеле почти вплотную. — Знать, кто убил мою мать! Я даже мстить не собирался — просто в глаза ему посмотреть! Просто посмотреть!

— Так посмотри в зеркало! — выкрикнула в ответ сильфида.

Стало вдруг тихо.

Тихо-тихо.

Лишь один звук ненадолго разбавил эту тишину: выпал из разжавшихся пальцев Генриха маленький камушек и со стуком покотился по полу.

Маленький кусочек далекого мира.

Говорил же ему, спрятать...

— Я... — Йонела попятилась назад, — ... не то хотела сказать...

— То, — прошептал Тьен, не отводя глаз от камушка на полу.

В некоторые моменты жизни шеар способен безошибочно отличить ложь от правды.

Это был именно такой момент...

Тьма отступила.

Не исчезла, но притихла. Будто бы успокоилась, как и тот, кто управлял ею.

Обманчивое спокойствие — Холгер чувствовал.

Так ураган затихает за мгновение до того, как явить свою истинную мощь.

Этьен подошел. Остановился напротив. Глаза, и во время боя отсвечивавшие зеленою, сейчас были абсолютно черными. Даже блики огня, скользившие по его лицу, тонули в них, не отражаясь. А само лицо не выражало ровным счетом ничего.

Правитель думал, сын спросит о чем-то, но тот лишь задумчиво ковырнул ногтем камень, по плечи обернувший Холгера прочным коконом, и глыба рассыпалась в пыль.

Не ожидавший освобождения пленник, лишившись вместе с путами поддержки, чудом устоял на ногах.

— Этьен... Поговорим не здесь?

Не при ильясу.

Не при застывших в ожидании, превратившихся в слух стихийниках...

— Здесь, — прозвучало в ответ жестко.

Он уже сказал, что убийца должен быть назван во всеуслышание, и не желал отступить от самим установленных правил. Холгер понимал, что любые попытки заставить его изменить решение пропадут впустую, но не мог не попробовать.

— Это была случайность. Несчастливая случайность.

Этьен кивнул. Не понимая, думая о своем.

Затем медленно опустился на пол. Прижал ладони к искромсанному мрамору, и тот стал стремительно меняться, возвращая прежний вид: гладкие плиты, искусная мозаика. Откуда-то потянуло свежим воздухом, свет стал чуть ярче, и видно стало, что волна перемен, прокатившись от центра зала, коснулась стен. Разгладилась шелковая драпировка, исчезли с ткани следы подпалин.

Может, кто-то из присутствовавших и решил, что виновник разрушений одумался и стремился все исправить, но Холгер понимал, что это не так. Не раскаяние, ничуть. Растерянность. Необходимость сделать хоть что-то под давлением едва сдерживаемой силы, многократно увеличенной тьмой. Он с большим удовольствием сломал бы что-нибудь еще, но, наверное, боялся, что не удержится на грани. Грань эта слишком тонка...

Правитель подобрал полы изорванного плаща и присел на пол напротив сына.

— Это была случайность, — повторил он. — Ты был слишком мал, чтобы удержать тьму...

— Но достаточно силен, чтобы призвать ее, — ровным голосом произнес Этьен. Он где-то поранил ладонь и теперь отрешенно размазывал кровь по мрамору, вычерчивая неведомые символы. — Зачем?

— Ты был ребенком. Рассердился... Дети часто сердятся и обижаются на родителей...

— Убивают их, да? — горькая усмешка на миг стерла выражение полного безразличия с лица темного шеара.

— Ты никого не убивал, — правитель произнес это четко и веско, не только для сына, но и для слушателей, от которых он с удовольствием избавился бы. Если уж тайна раскрыта, не должно быть иных толкований тем событиям. Никто не вправе называть его сына

убийцей. — Аллей пала жертвой трагического стечения обстоятельств...

Сухие слова, подходящие больше для доклада, чем для откровенного разговора, застряли в горле.

Холгер откашлялся и начал по-другому:

— В тот день Аллей сказала тебе, что ты должен вернуться в Итериан. Она понимала что будущему шеару не место в мире людей, тебе нужно было учиться, в том числе контролировать себя. Но сама она не могла вернуться... Точнее могла, но не хотела. Боялась встречи с матерью, гнева соплеменников, презрения, с которым ее обязательно тут приняли бы, и даже я не сумел бы изменить этого. Может быть, потом, когда ты проявил бы себя как шеар, снискал уважение себе и прощение ей, она возвратилась бы в Итериан, но тогда она опасалась рисковать. Она устроила, как смогла, свою жизнь. Был Генрих, их ребенок, который должен был...

Он запоздало понял, что сказал то, о чем мог бы, даже обязан был промолчать, чтобы не усугублять и без того непростую ситуацию. Эллилиатарренсаи говорила, что Аллей до встречи с нею еще и не подозревала, что беременна. Она стала совсем человеком, не чувствовала того, что дочери стихий узнают уже в первые часы. И Генрих не знал... до этого момента...

— Она не хотела терять то хрупкое счастье, что у нее было, — взяв себя в руки, продолжил правитель. — Потому решила, что пока останется в том мире. Наверное, ты подумал, что она хочет отказаться от тебя, отдать. Рассердился и сам не понял, откуда появились ильясу. А тьма... — Холгер непроизвольно взглянул на кольшущиеся за спиной сына тени. — Тьма чувствует, когда над нею теряют контроль, и думает, что может освободиться. Ты не управлял ильясу, но они ощущали свою зависимость от тебя и потому...

Разве можно судить ребенка за неосторожность? Если в одном из людских миров, неразумное дитя устроит пожар, кто будет виноват в этом, ребенок или тот, кто не спрятал от него спички, тот, кто вместо того, чтобы объяснить, насколько опасно играть с огнем, залил все вокруг маслом? Сам Холгер, его отец, мать... Даже Аллей...

— Не помню, — прошептал Этьен. — Огонь вернул мне память, но это... Не помню.

И посмотрел на Холгера так, что тот и не подумал отпираться.

— Мне позволили взять всего полчаса. Я думал, этого хватит, чтобы ты мог жить спокойно.

— Верни, — потребовал сын.

— Не уверен, что получится, — пробормотал правитель. — Прошло много времени.

— Верни!

Этьен подался вперед, вцепился обеими руками в Холгера, рывком притянул к себе и, поймав в его взгляде ниточку давних воспоминаний, грубо выдернул из души и свою память, и приросшие к ней за годы обрывки чужой...

Время — огонь.

Яркой вспышкой бьет по глазам.

Растекается теплом по телу.

Жжется...

Невнятный шум складывается в голоса.

Блики пламени — в образы.

Запахи... Откуда берутся запахи — непонятно...

Жасмин под окном — пахнет сладко-сладко. Солнце шурится сквозь занавески. Ветерок

проскальзывает через приоткрытые створки, гладит по волосам и вновь убегает, как зовущий поиграть щенок. Выпрыгнуть бы за ним за окно, в сад. До конюшен пробежаться: папа сказал, что пойдет туда после обеда...

— Тьен, милый, мне нужно с тобой поговорить.

— Ну ма-ам...

— Это серьезно.

И голос у мамы серьезный, строгий даже, как тогда, когда отчитывала его за то, что брал чернила без спроса...

— Присядь, пожалуйста.

Сидеть он не любит, особенно без дела, но забирается послушно на стул и руки кладет на колени, как примерный, а на самом деле прячет пятно от вишневого сока. И пока она говорит что-то, он все думает об этом пятне и о том, что надо не забыть покормить щегла. Шарль уехал в город на целый день, а щегла доверил ему, потому что он уже взрослый...

— Ты уже взрослый мальчик, Тьен, — мама вздыхает, словно это плохо. — И... необычный, да? Почему ты мне не рассказывал?

— Что?

Он делает вид, будто не понимает, а сам виновато опускает глаза.

Смотрит на сбитый носок ботинка и прячет ногу за ногу. На всякий случай.

И раскачивается, совсем немножко...

— Тьен! — мама сердится. — Я тебе говорила, что обманывать нехорошо?

— Говорила, — бубнит он и раскачивается сильнее. — Нельзя играть с огнем?

— Ох, милый, — мама опять вздыхает. — Это я играла с огнем, когда связалась с твоим отцом.

Последние слова у нее получаются уже не грустными, а злыми и колючими, и он хмурится:

— Папа хороший.

Она молчит. Накручивает на палец длинный локон и смотрит в окно, как будто сама хотела бы убежать отсюда...

Потом начинает рассказывать что-то непонятное. Что он все-таки не взрослый, а маленький пока, а когда вырастет, обязательно поймет. Что папа хороший, да, но у него, у Тьена, есть еще один папа, другой, который живет очень далеко и которого Тьен никогда не видел. Но скоро увидит, потому что ему нужно будет поехать туда, далеко, к другому папе, и тот научит его правильно играть с огнем...

— Не хочу! — кричит он.

Спрыгивает со стула, и мама видит пятно на коленке. Сердится еще больше, ругает его и за пятно, и за то, что снова перебивает ее, недослушав.

А он не хочет слушать. И не хочет другого папу. И уезжать никуда не хочет...

— Тьен! Вернись на место, немедленно. Это... не навсегда...

Она говорит неправду, и он откуда-то знает об этом.

— Мы с папой, с Генрихом, будем навещать тебя. И дядя Фернан тоже. Ты же помнишь дядю Фернана? А еще у тебя там есть бабушка... даже две. Помнишь, ты спрашивал, почему у тебя нет бабушки, как у Розы? Теперь будет.

Бабушка Розы — кухарка в их доме. Она печет сладкие булочки и дает ему тайком одну или две еще до того, как подадут на стол...

— И дедушка, — добавляет мама. И морщится некрасиво.

Она не любит дедушку, и Тьен его сразу не любит. И не полюбит никогда.

И другого папу тоже.

Мама становится грустная и сердитая, когда говорит о нем. Он нехороший.

И бабушки, скорее всего, такие же — вряд ли станут кормить его сладкими булочками.

Но его все равно хотят отправить к ним...

— Все будет хорошо, — говорит мама.

Он не верит, но кивает.

— Мы будем навещать тебя, — повторяет она.

— Каждый день?

— Нет, так часто не получится. Это далеко и... Есть еще кое-что...

Она улыбается. Ему нравится, когда она улыбается.

Но сейчас она улыбается не ему...

— У тебя будет сестричка.

Руку кладет себе на живот. Гладит зачем-то. Улыбается опять.

— Сестричка? — переспрашивает он угрюмо, и улыбка ее гаснет. — А меня отдашь?

Совсем отдашь? Даже приезжать не будешь?

— Тьен, с чего ты взял...

— Не будешь! — кричит он. — Я знаю! Все ты врешь! Врешь, врешь, врешь!

— Успокойся сейчас же! — шикает она на него. — Весь дом сбежится.

— Ну и пускай сбежится! Пускай все знают, какая ты... вруха!

Жжется в груди. И в глазах.

По щекам течет — мокрое, горячее.

Пальцы зудят, и он стряхивает на пол надоедливых огненных ящеров: пришли, глупые, будто не видят, что ему сейчас не до игр...

— Тьен! — мама вскрикивает и подбирает пышные юбки. Топчет сердито разбежавшиеся искорки. — Не смей так делать!

— А вот посмею! Еще как посмею!

Трет ладошку о ладошку, зовет еще ящеров и, когда они приходят, бросает. Не в маму, конечно, — в сторону...

— Прекрати! Я сказала тебе, прекрати!

Огонь никогда не делал ему больно. И мама — тоже. До этого раза.

Он даже не понял сразу, что хлестнуло его по лицу, оставляя обжигающий след...

А потом... смазано... смутно...

Что-то чужое внутри.

Ворочается.

Рвется наружу.

Болит.

И он отпускает... это...

Растянувшееся длинной нитью время вновь сворачивается клубком.

Опять полутемный зал.

Напряженная тишина.

Холгер сидит напротив, всматривается в его лицо, пытается поймать взгляд...

А клубок памяти распускается снова, растягиваясь на годы...

— Он не виноват, — голос правителя... тогда еще будущего правителя Итериана заметно дрожит. — Он лишь ребенок.

Шеар тянется к мальчику, покоящемуся на руках Огня, но пламя обжигает, не дает прикоснуться. Поэтому он просто смотрит. Впервые...

И Тьен смотрит.

Странно видеть себя со стороны, чужими глазами.

Чувствовать чужую боль...

— Хочешь вернуть его? — спрашивает Огонь. — Почему?

— Он — мой сын.

— Он несет в себе тьму... — чужое воспоминание ускользает. Прячется за огненной стеной. Слова стихии заглушает рев пламени. — Ошибка... Ошибка должна быть исправлена...

Обрывается...

Выбрасывает обратно в душный зал.

На пол.

Холгер пытается сказать еще что-то, но его не слышно за звуками далекого пожара. Треск, звон стекла, крики людей...

Сколько людей погибло тогда в поместье?

Этого он не знал, потому не вспомнит...

Только как они кричали...

Все, кроме мамы.

Она не паниковала и ему сказала ничего не бояться.

Понимала, что сама не выберется, но верила, что воздух спасет ее сына — он же шеар...

Ошибка.

Ошибка должна быть исправлена...

Эйнар недоумевал.

Стоило продираться сквозь камень и прятаться от тьмы, чтобы стоять посреди зала, укрывшись призрачным пологом и не делать ничего?

— Он справится, — говорила альва, придерживая шеара за руку.

Повторяла, словно молитву: «Он справится, справится...».

Эйнар хотел бы верить так же истово, но не понимал, как это возможно. Не представлял, насколько тяжело сейчас брату. Если даже его зацепило, всего лишь словами, а Этьен видел, переживал тот день заново...

Эсея, приблизилась вплотную, прислонилась спиной к плечу, словно искала поддержки. Сжимала древко копья так сильно, что казалось, еще немного и переломит его в тонких пальцах.

Лили то и дело облизывала пересыхающие губы...

Отец прав, Этьен ни в чем не виноват. Стечение обстоятельств. Смешение кровей, давшее ему опасную силу, — разве он просил о ней?

Но отца Этьен не слушал.

В какой-то момент он вообще перестал слышать и видеть что-либо — ушел куда-то далеко.

А когда вернулся...

— Не позволяйте тьме коснуться вас, — сказала Лили. — Если придется выйти из-под полога, не дайте ей даже вскользь себя зацепить. Ни чувств, ни мыслей — думайте о светлом, верьте в лучшее. Иначе ильяссу отберут и вашу силу тоже.

На самом деле она говорила не об этом.

На самом деле она говорила о том, чего боялась: Этьену не совладать со своей тьмой в одиночку...

Йонеле казалось, что этот день, чем бы он ни кончился, она не переживет.

Давил мрак, который не могли разогнать тусклые огоньки светильников.

Воздуха в помещении осталось слишком мало для нее.

Запахи сделались невыносимы.

А еще — слезы.

Нет, она не плакала. Слезы текли сами по себе, без вздохов и всхлипывания. Капли собирались под веками и, отяжелев, срывались с ресниц на щеки. Катились вниз, падали с подбородка на платье...

Не только к Этьену сегодня вернулась память.

Старая шеари тоже вспоминала.

Вспоминала, как тяжело ее сын перенес уход Аллей. Как искал ее безуспешно. А когда почти смирился, пришел Фернан. Пришел не к Холгеру, а к Вердену и рассказал о мальчике.

Верден решил, что сыну не нужно знать, пока его ребенок не вернется в Итериан...

Но сложилось иначе.

Йонела помнила, с каким ужасом слушала мужа, когда он пересказывал ей то, чем поделился с ним Холгер. Неосознанный призыв тьмы, пожар — от ее крови родилось чудовище. Маленькое чудовище, которое она, вопреки здравому смыслу тогда жалела...

Договор со стихиями и невнятное предсказание.

Верден верил, что все решится.

Холгер считал дни...

Появилась Арсэлис, родился Эйнар, но он никогда не забывал, что у него есть еще один сын.

Потом — новая затяжная волна. Прорыв пустоты. Смерть и разрушения.

Но даже тогда он не сбился со счета.

А Верден... Верден сказал, что не давал четырем никаких клятв, и значит, не будет ничего плохого, если он встретит мальчика, когда Огонь его вернет. Встретит, найдет для него подходящую семью. Ребенок нуждается в любви и заботе, тогда он не обратится снова к тьме и счастливо проживет оставшиеся двенадцать лет, пока к нему не вернется дар, а за это время можно будет исподволь подготовить его к правде, хотя бы частичной...

Через два месяца после того, как они обсуждали это, и почти за год до того, как Этьен был возвращен к жизни, Вердена забрала пустота.

Между этими событиями не было связи. Но если день за днем, час за часом спрашивать себя и мироздание: «За что?», ответ отыщется. Или придумается.

Йонела сумела убедить себя, что четверо отвернулись от за то, что он хотел обойти их условия. И нашла первопричину. Виновника...

А ведь она могла сделать то, что не успел Верден.

Встретить мальчика. Пристроить к хорошим людям, которые позаботились бы о нем. Могла даже стать его феей. Многие из дочерей стихий развлекаются так: приходят к человеческим детишкам, дарят подарки, выменивают молочные зубы на монетки, рассказывают сказки...

Она думала об этом те четыре месяца, что он пролежал без сознания в дальних покоях.

Думала, и всегда возвращалась к мысли, что это было бы неправильно.

Четверо сказали, что он должен покинуть Итериан, когда выполнит свою миссию

шеара. Уйти, чтобы не стать погибелью Дивного мира.

Как бы они объяснили ему это, не открывая правды?

Приняли бы в семью, чтобы потом изгнать?

А так и гнать не пришлось — он сам хотел уйти.

Еще не поздно...

...но поздно...

Йонела смотрела на внука, в полутьме, сквозь размывшие все вокруг слезы, и понимала, что пророчество четырех не исполнится. Он не уйдет, но и не погубит их мир. Правда открылась, договор нарушен, и все пошло не так.

Она попыталась бы это изменить. Но воздуха слишком мало, а мечи ильясу отрезали ее от силы родной стихии.

Ей бы всего глоток...

Этьен поднялся на ноги. Огляделся.

Смотрел вокруг и не видел ничего.

И не слышал — напрасно Холгер пытался сказать ему что-то.

Бесполезно теперь...

Крылатая тьма встрепенулась, и ильясу начали стягиваться к своему хозяину. Если он прикажет, они уничтожат здесь все и вся, а его сил хватит, чтобы разрушить Итериан...

Но ему этого не нужно.

Он отпускает ненависть. Не прощает, но отпускает от себя злость и обиду. Мысли и сомнения, что успел накопить за годы. Тревоги. И радости, коих было немного, — они уходят сами...

Он пуст.

Спокоен.

Безразличен ко всему.

Йонела верила, что он окажется сильнее. Но все силы ушли на то, чтобы удержать тьму.

И тьму он тоже отпускает...

Сильфида глубоко вдохнула — последняя надежда, быть может, этого хватит — но затхлый воздух безнадежно мертв.

Не получится.

А ильясу, медленно и осторожно продолжали ползти к Этьену. Остальных они не замечали: лишённые силы, стихийники превратились для них в ничто. Лишь один представлял интерес для темных.

Тьма жестока и беспощадна, но глупа.

Она полагает, что избавившись от того, кто ее призвал, она освободится, и не понимает, что, уничтожив его, убьет и себя.

Через несколько мгновений, к радости многих тут, все закончится.

Йонела зажмурилась, но подумала, что это будет еще одним предательством, и открыла глаза. Ей недолго осталось жить с этим...

Нежданная волна света смела почти подобранных к Этьену ильясу. Следующая отбросила на безопасное расстояние стоявшего слишком близко к сыну Холгера. Слепила на миг, но Йонела не отвела взгляда. Щурясь от боли в глазах, она глядела на появившегося из ниоткуда Эйнара.

Внук буквально сиял.

Всю, данную ему четырьмя силу, которая отчего-то не покинула его, как других, он

преобразовывал в чистый свет.

Света этого, увы, было слишком мало, чтобы залить целиком захваченный тьмой зал, но хватило, чтобы на какое-то время оградить Этьена от крылатой тьмы.

Пришедшая с Эйнарсом сильфида разила темных копьем. Не колола, а лишь направляла острие на ильясу, пронзая тех яркими лучами.

Сильная. Молодая. Ее душа, еще не накопившая обид, сомнений и тайн, легка, как и ее полет. Легка и светла...

Но и ее хватит ненадолго.

Мелькнул над головой Этьена сверкающий золотом клинок, и Йонела вздрогнула, узнав и оружие, и его владелицу. Вспомнила данное альвой обещание...

Но меч старейшей рода Хеллан лишь отразил посланную Эйнарсом вспышку, чтобы сжечь еще одно порождение тьмы. Наверное, впервые за всю жизнь Эллилиатарренсаи Маэр отступилась от клятвы, и шеари могла лишь завидовать ее смелости делать выбор.

Время замедлилось — как иначе Йонела могла бы рассматривать во всех подробностях развернувшееся перед нею стремительное действие?

Смотрела со страхом и с надеждой.

Надеялась не на то, что Эйнар сумеет одолеть тьму, а на то, что Этьен вот-вот придет в себя, увидит, что происходит, поймет, что есть кто-то, кто не откажется от него ни при каких обстоятельствах. Брат, друзья...

Но он оставался безучастен к творившемуся вокруг.

И Йонела словно очнулась.

Кинулась через вспышки света и всполохи тьмы к юной сильфиде. Поймала за руку.

— Воздух...

Девчонка опустила на миг копье, тряхнула недоуменно стриженной шевелюрой.

— Мне нужен воздух, — видя, что нет времени объяснять, взмолилась шеари.

Поняла. Дунула легонько: бери, странная женщина, только не мешай.

Йонела вдохнула полной грудью и потянулась, ощущая, как просыпается в ней сила. Потерла безымянный палец, попыталась представить на нем искрящийся бриллиантовый ободок, нащупала уводящую за пределы Итериана ниточку и аккуратно потянула. Муж говорил, что кольцо вернется к ней даже из бездны междумирья...

— Ай! — Софи дернулась и громко вскрикнула.

— Простите, — привычно пробормотала швея.

— Нет, это не вы... М-м-м-м...

Девушка закусилась губу от боли: палец жгло огнем, и жар медленно расползлся по руке.

Когда сдерживаться уже не было мочи — закричала.

— Что случилось? — Фернан оказался рядом в ту же секунду.

— Рука... — выдавила Софи сквозь слезы. — Болит и...

Огонь карабкался уже по плечу.

Флейм сжал в ладонях ее кисть. Боль утихла на миг, а затем обожгла с новой силой.

— Тут есть что-то, — мужчина озирался, одновременно прислушиваясь и принюхиваясь. — Это... Кольцо! Откуда оно у тебя?

— Тьен дал.

— Снять немедленно!

Работницы салона сбежались на крики и ошарашенно смотрели, как обаятельный родственник жениха, в секунду утратив всякое очарование, злобно сопя, пытается стащить с невесты обручальное кольцо.

Но проще, наверное, было отрубить палец...

— Я понял, — Фернан прекратил попытки стянуть коварное украшение. — Не бойся. Главное, не бойся. Это перенос. Не знаю куда, но если кольцо дал Этьен, то, вероятно к нему... Просто расслабься.

Стоило прекратить охать и тереть «обожженную» руку, как боль отступила. Остался только жар, враз охвативший ее всю. Девушка заметила, как Фер посмотрел на обступивших их женщин и те, словно ни в чем не бывало, разошлись по рабочим местам. Швея стала укладывать в коробочку свои принадлежности.

Устроившие шум покупатели как будто исчезли для них...

А в следующую секунду на самом деле исчезли.

Ощущения знакомые. Когда Лили провела ее в башню, было так же. Слабость, головокружение, полная дезориентация...

Фернан крепко держал девушку, но в момент «приземления» флейма оторвало от нее и отбросило в сторону. Однако упасть Софи не успела. Другие руки обхватили за плечи, поддерживая.

— Тьен?

— Он там... — раздался над ухом слабый шепот. — Смотри...

После солнечного дня, оставшегося в родном мире, глаза отказывались разбирать что-либо в душном сумраке. Тьена она не видела и вообще не могла понять, где находится. Подземелье? Пещера? Десятки слабеньких разбросанных по большому темному помещению огоньков. Какие-то вспышки. Сбившиеся в один дрожащий ком люди... нелюди? Какие-то рваные тени, непонятно кем отбрасываемые, — мерещилось, что у них крылья трепещут за спинами... И эта женщина рядом — кто она?

Софи обернулась через плечо и, всмотревшись, узнала Йонелу. Сильфида выглядела совсем не так, как в их первую встречу — сейчас, несмотря на внешнюю молодость, она, действительно, казалась старой и изнеможенной.

— Где я? — спросила у нее девушка. — Что тут случилось?

Шеари указала куда-то в гущу скопления теней и вспышек. Проследив за ее рукой, Софи наконец-то увидела жениха. Он неподвижно стоял в самом центре вихря, в котором сплелись свет и тьма. Лицо безжизненно и равнодушно, глаза открыты, но не видят ничего вокруг.

— Что с ним? — прошептала Софи.

— Ему плохо. Очень плохо. Никто, кроме тебя не сумеет помочь.

Других пояснений не требовалось.

Оттолкнувшись от сильфиды, девушка пошла к своему шеару.

Не было времени, чтобы обдумать все, но не было и нужды.

И сомнений — тоже.

Тьену плохо, она нужна ему.

Конечно, никто другой ему не поможет.

У него ведь нет никого кроме нее.

Это ведь к ней он вернулся спустя столько лет.

Это она ждала его все это время...

Одна из крылатых теней метнулась к Софи, но в тот же миг была разорвана в клочья тумана острыми яркими лучами...

Эсея коротко кивнула, отсалютовав копьем.

В следующий миг мрак перед Софи расступился — это Эйнар проложил ей узкую тропку света.

Был еще кто-то, кто прикрывал их с Тьеном от рассвирепевших теней, но девушка не смотрела больше по сторонам. Увидев, что путь свободен, подобрала стеснявший движения подол пышного платья и побежала, сердцем чувствуя, что, если опоздает хоть на миг, случится что-то ужасное...

Успела... кажется...

Обняла. Обвила руками шею, потянула к себе...

— Тьен, посмотри на меня, пожалуйста... Тьен!

Прижалась крепко, почти повисла на нем. Тормошила. Осыпала неподвижное лицо поцелуями. Колотила кулаком в грудь...

— Тьен, прошу тебя... Это же я. Я... Я здесь, с тобой. Только не молчи... Посмотри на меня...

Нет ответа.

Будто и его здесь нет.

— Тьен, — она вцепилась в него с отчаянием и затрясла что было сил. — Не делай так. Не бросай меня снова. Еще один раз... еще один раз я не вынесу. Я... не смогу без тебя больше, понимаешь? Не смогу. Ты... — Сама от себя не ожидая подобного, Софи отстранилась от мужчины и резко ударила его по щеке. — Только посмей меня оставить! Слышишь? Только посмей! Я его ждала... Я... платье уже купила... почти... А он тут...

Кинулась ему на шею и разрыдалась.

А через секунду почувствовала, как легли на плечи его ладони...

— Тьен?

Он посмотрел на нее. Не вокруг, где творилось уже что-то невероятное, а на нее. Сначала — словно не узнавая, а потом пристально и недоверчиво.

— Это я, — улыбнулась она ему сквозь слезы.

— Ты.

— Да.

Обнял осторожно, будто боялся раздавить. Зарылся носом в волосы на макушке.

— Прости, я... Я забыл. Тебя забыл, совсем...

— А теперь вспомнил? — всхлипнула девушка.

— Вспомнил. Ты...

— Софи, — подсказала она, опасаясь, что он все же не вспомнил или вспомнил неправильно.

— Ты — мой свет.

Он с силой прижал ее к себе, и, уткнувшись ему в грудь и зажмурившись, Софи пропустила яркий беззвучный взрыв, на несколько секунд ослепивший всех вокруг и не оставивший даже следа от крылатых теней. Не видела, как преобразается зал, поначалу принятый ею за подземелье. Как, впуская внутрь свежий вечерний воздух, открываются в стенах широкие проемы окон, в которых тут же прорастают гибкими ветвями деревянные переборки, чтобы затем, словно радужной пленкой мыльных пузырей, заполниться цветными витражами. Как оживают уснувшие фонтаны, и оплавившиеся ледяные скульптуры принимают свой первоначальный вид и искрятся в ярком пламени ламп. Не видела она и не слышала взмывших к высоким сводам и огласивших зал радостным пением волшебных птиц. И пестрых бабочек, роняющих с крыльев перламутровую пыльцу, тоже не успела заметить...

Только почувствовала, как Тьен вдруг потерял равновесие и начал падать, а ее жалких человеческих силенок не хватило на то, чтобы удержать его.

В тот же миг кто-то оказался рядом и набросил на них двоих огненную пелену.

— Побудьте пока здесь, — услышала Софи, открыв глаза в незнакомой роскошно убранной комнате рядом с огромной кроватью, на которую неведомый помощник успел уложить Тьена. — Не волнуйся, он скоро придет в себя. Все будет хорошо.

Незнакомая женщина в ярко-красном платье устало, но искренне улыбнулась девушке. Кивнула — показалось, что при этом рубиновая диадема, чудом державшаяся на растрепанных черных волосах, упадет — и исчезла в сполохе пламени.

Софи присела около неподвижно лежащего мужчины. Провела рукой по его щеке.

— Все будет хорошо? — вопросом повторила она слова незнакомки. Уронила голову на грудь своему шеару и снова разрыдалась, на этот раз от облегчения... и совсем немножко — от нахлынувшего внезапно страха перед неизвестностью...

За годы у Холгера накопилось немало претензий к четверем предвечным. Но порой они были снисходительны к нему. Например, подарили женщину, которой он явно не заслуживал...

Правитель еще приходил в себя, когда Этьен и его невеста исчезли, а шеари Арсэлис, как ни в чем не бывало, уже сидела в своем кресле. Даже прическу успела поправить.

Укрывшись молчанием как щитом, Холгер прошел сквозь ряды онемевших, изумленных очередным чудом подданных и занял место рядом с женой. Вскоре, так же в молчании, на тронное возвышение поднялись Эйнар и Йонела.

Лишь одно кресло, установленное рядом с креслом наследника, осталось пустым...

Правитель посмотрел на него, после обвел взглядом зал.

— Что же, — проговорил он неторопливо, — полагаю, что инцидент исчерпан.

Его слова стали сигналом, после которого каждый из присутствующих отчего-то решил,

что имеет право высказаться. Если бы тут остались еще ильясу они опьянели бы от вскипевшей в сердцах стихийников ярости.

— Исчерпан?! Твой сын привел в Итериан тьму!

— Он убийца!

— Темный шеар!

— Сумасшедший убийца!

— Приспешник тьмы!

Крики неслись отовсюду, и в какой-то момент правителю показалось, что он оглохнет, если они сейчас же не стихнут.

— Молчать! — властный голос Холгера перекрыл все остальные голоса и заставил недовольных содрогнуться, напомнив о том, кто совсем недавно точно так же приказывал им умолкнуть. Сын во многом походил на отца, и никто не хотел, чтобы отец оказался похожим на сына. — Я никому из вас не давал слова!

— Тебе придется выслушать нас, — осмелился заявить, хоть уже не так громко, старый альв, нервно теребивший длинную молочно-белую косу. — Здесь собрался почти в полном составе весь совет старейших, и мы требуем ответа.

Зал поддержал его одобрительным гудением.

— Ответа на какой вопрос? — сохраняя спокойствие, спросил правитель. Поднялся в полный рост, и гул стих. — В чем вы обвиняете моего сына? В том, что призвал в Итериан тьму? Нет, вы понимаете, что это не так. В том, что вытянул ее из вас и показал? Ткнул носом в то, что вы и сами знали, но прятали, как могли до этого дня? Так может, стоит принять это как урок?

Увы, пламенная речь не произвела должного эффекта.

Лишь секундное замешательство, и тут же кто-то выкрикнул:

— Он — убийца! Ты сам сказал об этом!

— Я сказал, что произошел несчастный случай, — Холгер глазами выискивал в толпе смельчака, но не нашел. И чувства сбились: большинство собравшихся поддерживало ложное обвинение. — Разве никто из ваших юных соплеменников не допускал трагических ошибок даже будучи в более взрослом возрасте, чем Этьен тогда? Разве их судили за это? Сейчас же мой сын полностью контролирует свой дар. Что и продемонстрировал недавно.

Напрасно он добавил последнюю фразу, сопроводив ее хищной усмешкой, но трудно было сдержаться, глядя на пышущие гневом лица старейших.

— А кто контролирует твоего сына, Холгер? — откликнулся альв, начавший внеурочное собрание. — Ты же не скажешь, что сегодняшнее представление устроено с твоего ведома? И вряд ли поручишься за то, что Этьен сделает завтра. Он опасен для всех нас, признай это. Опасен для Итериана. И твой долг, как шеара, оградить нас от этой опасности.

— Этьен тоже шеар! — обрубил правитель.

— Темный шеар! — не сдавался старейший. — Его тьма опаснее для нашего мира, чем даже пустота. Провидцы, с огрехами, но могут предсказать следующую волну. Разрывы разрастаются постепенно, и от них можно спастись...

— Разрывы растут постепенно? — перебил сына земли звонкий девичий голос. — Расскажите об этом пяти тысячам сильфов Энемиса, которых пустота сожрала в один миг!

Говорила сильфида, пришедшая с Эйнармом. Эсея — воздушная из свиты Этьена.

Но странно было бы, если бы древний альв прислушался к какой-то девчонке.

Хотя услышал-таки и поспешил извратить в свою пользу сказанное ею:

— Насколько я знаю, мать третьего шеара... им же убитая, происходила из Энемиса. Возможно, с уничтожением гор мы получили знак, которого не смогли понять тогда.

Только чудо или Эйнар, не сводивший с сильфиды глаз, помешали ей кинуться на старейшего и оттягать того за косу.

— Знак? — раздумчиво повторил Холгер. — Пустота — наш извечный враг. С каких пор ты, глава семи родов, поддерживаешь действия врага?

Альв понял, что в стремлении подвести слушателей к нужным выводам сказал глупость, и умолк. Правитель решил не упускать такую возможность закончить обсуждения.

— Я чту законы Итериана, — произнес он громко. — И признаю, что некоторые из них были нарушены сегодня моим сыном. Да, шеар не стоит над законом. Но! Над законами стоят четверо. Надеюсь, никто не станет оспаривать этого? И если бы четверо хотели наказать Этьена за совершенное им в детстве, разве они вернули бы его к жизни? Если бы сочли, что шеар не должен управлять тьмой, сохранили бы его опасный дар? Или если бы они хотели помешать ему сегодня, разве не нашли бы способов?

— Ты повторяешь слова сына, — один из старейших воды принял эстафету у притихшего альва. — Он тоже считал, что имеет право бесчинствовать, раз уж четверо не мешают. Но предвечные редко вмешиваются в наши дела лично. Иногда они устраивают нам испытания.

Испытания. Холгер устало прикрыл глаза. Свое испытание Этьен прошел. А вот справится ли он сам?

Правитель обвел взглядом собравшихся, ища тех, кто поддержал бы его. Но таковых было немного. Даже отошедшая подальше от рьяных поборников ложной справедливости мать-дриада, та самая, чью рошу Этьен спас едва ли не ценой своей жизни, не выскажется открыто в защиту мятежного шеара. Водяные, чьи озера он помогал восстанавливать. Посланники, явившиеся с Западного континента — пустота разрушила его почти полностью, и именно туда Этьен отправился, когда был закрыт последний разрыв... Никто не вспомнит сейчас об этом. Нет больше спасителя Итериана. Есть темный шеар. Страх застил глаза и сердца, а страх — первый шаг к ненависти...

— Хочу напомнить, что сегодня мой сын покидает Итериан. Навсегда.

«Это не поможет, — услышал правитель в своей голове голос матери. — Они умолкнут сейчас, но не успокоятся...»

«Они уже зовут своих, — отрапортовал делающий вид, что его не занимает общий разговор, Эйнар. — Я перехватил два послания по воздуху и одно по воде»

«Знаю, — ответил правитель. — Два по воздуху, одно с огнем. Я тоже слежу»

Снова оглядел зал. Остановился на четверке стихийников у тронного возвышения — его собственная свита, его друзья, побратимы. Не поймут, но и против него никогда не пойдут. Но все-таки не поймут. Это дело особое. Семейное.

— Ты — шеар! — кричали ему. — Долг шеара превыше всего!

— А ну заткнулись все! — сейчас Холгер походил на своего старшего сына как никогда. Даже слова, вырвавшиеся сами собой, подходили больше резкому на язык Этьену, а не его всегда спокойному и уравновешенному отцу. — Я — шеар, да. Но я еще и ваш правитель. Забыли? Указываете мне в моем доме, как я должен поступить с моим сыном?!

Хотелось добавить: «Пошли вон!» и глядеть, как они разбегаются, словно тараканы... Но, увы, в этом удовольствии пришлось себе отказать.

«Эйнар, я могу на тебя рассчитывать? Их слишком много, один не справлюсь»

«Всегда», — отозвался, не задумываясь, сын.

«Арсэлис?»

Шеари ответила легким кивком.

«Мама, проследи, чтобы воздух не выдал...»

«Эсея поможет, — вставил Эйнар и добавил поспешно: — Я за нее ручаюсь!»

Стихийников Этьена Холгер и не собирался трогать. Сын сам решит, как поступить с ними. А кто-то мог и помочь.

«Лили, земля не должна сохранить это в памяти»

«Жаль...»

Холгеру тоже было жаль. В кои веки он совершит что-то не по воле четырех, а может даже против нее... Жаль.

— Ты не отдаешь себе отчета в том, что делаешь, — прошипел до смерти уже надоевший альв.

— Ты даже не представляешь, что я делаю, — не удержался от ухмылки правитель. — Никто не смеет угрожать моей семье!

«Холгер, они что-то почувствовали», — просигналила Арсэлис.

«Справимся, — успокоил он ее. — Думаю, у нас будет еще один помощник»

Дело-то семейное.

Фернан стоял в отдалении рядом с молодым тритоном из свиты Этьена, который, видимо, уже успел в красках обрисовать флейму все, что тут произошло. Но эмоции Фера не нашли отражения ни в его лице, ни в жестах. Что-что, а прятать чувства он умел.

Но, как было известно правителю, умел он не только это.

На мысленный призыв откликнулся сразу, выслушал и ответил вспышкой согласия. Сестру он любил, но не настолько слепо, чтобы обвинить племянника в ее смерти и отвернуться от того в трудный миг.

Только уточнил: «Всех? И Генриха?».

Лэйда Холгер видел в толпе уже несколько раз. Тот отрешенно бродил между стихийников, никому не нужный и неинтересный, словно искал что-то. Но то, что он потерял, никто ему не вернет.

«И Генриха».

Пусть сын и не одобрит потом и благодарен навряд ли будет...

— Мы еще вернемся к этому разговору! — пригрозил альв. — Совет этого так не оставит!

Правитель равнодушно пожал плечами.

«Поверху что пускать?» — спросил Фернан, задвинув себе за спину мальчишку-тритона.

«Оставьте это мне», — отозвалась Арсэлис.

Холгер кивнул: кому, как не женщинам, быть устроительницами торжественных приемов.

«По моему сигналу...»

Шеар взмахнул рукой, и яркое пламя, переливающееся сотней оттенков, охватило зал. И в этом пламени стояли, не шевелясь, стихийники. Не кричали, не метались в ужасе. Этот огонь не нес боли и разрушений. В этом огне все были счастливы. Они слушали музыку и торжественные речи, любовались волшебными иллюзиями, танцевали... И славили третьего шеара — спасителя Итериана...

«Все-таки надо было напоследок сказать, чтобы шли вон», — подумал, обессиленно

рухнув в кресло Холгер.

А и скажет, потом как-нибудь. Сегодня многие показали свои истинные лица. И правитель их запомнил...

Время шло, Софи казалось, что пролетела уже целая вечность, а Тьен все не просыпался. Не зная, что можно сделать, она прилегла рядом с ним, закрыла глаза и слушала негромкое размеренное дыхание.

Так еще одна вечность прошла...

— Ты почти не изменилась.

Девушка вздрогнула от неожиданности, но глаз не открыла.

— Такая же, как тогда. Помнишь, мне было плохо, и ты осталась со мной на ночь? Я проснулся раньше и смотрел на тебя, долго-долго. Хотел поцеловать, но... испугался...

— Меня? — шепотом спросила Софи, чувствуя, как вновь подступают к горлу слезы.

— Себя. Боялся, что не сдержусь и... Потом ты заворочалась, и я притворился, что сплю. А ты сама меня поцеловала. В лоб...

— Я проверяла, есть ли у тебя жар.

— Знаю. Но мне нравилось думать, что поцеловала... Прости.

— За что?

— За то, что я никогда тебя не отпущу.

Она решила посмотреть на него, но Тьен словно угадал эти намерения и быстро обнял, прижав ее голову к своей груди, так что она не видела ничего, кроме рваной пропаленной рубашки.

— Я — сволочь, — проговорил он жестко, запустив пятерню в ее волосы. — Гад и законченный эгоист. Я не стоил тебя тогда и сейчас не стою. Если бы у меня оставалась хоть капля совести, ушел бы навсегда и сделал так, чтобы ты забыла меня, как дурной сон. Ты заслуживаешь лучшего, самого лучшего, а я... Я тебя в платье до свадьбы увидел. Дурная примета. И я... убийца...

Он замолчал. Надолго.

Боясь шевельнуться, Софи лежала в его объятьях, слыша только ставшее прерывистым и сиплым дыхание и гулкий стук сердца.

А затем Тьен начал рассказывать. Тяжело, словно каждое слово причиняло ему боль. Путано. Прошое и настоящее сплелись для него воедино, и никак не получалось разделить их и развести в стороны...

Пожар.

Тени-убийцы.

Те самые тени, что кружили сегодня над ним...

Он говорил, умолкал, а потом, будто забыв о том, что сказал только что, принимался рассказывать сначала.

Бесконечная история.

Замкнутый круг.

— Хватит! — выкрикнула, не выдержав, Софи. — Прекрати!

Вырвалась из его рук и, путаясь ногами в складках длинного платья, подползла повыше, чтобы увидеть его лицо. Испугалась, что оно будет таким же, как в зале, чужим и отрешенным, и вздохнула с облегчением, убедившись, что это не так.

— Прекрати, — попросила снова, щекой прижавшись к его щеке. — Глупости говорить. Ты не убийца. Ты... не специально же. Не хотел...

— Убийца. Я темный. Я убиваю, когда злюсь. Могу случайно, могу специально.

— Часто?

— Что?

— Убиваешь часто?

Как-то Амелия позвала ее на представление новомодного экспериментального театра. Пьеса напоминала сны сумасшедшего, но к финалу зрители, те, что не ушли сразу же, понемногу втянулись. Как и Софи, наверное, втянулась в эту безумную жизнь, раз уж подумала совершенно серьезно, что если нечасто, то это еще терпимо.

— Сейчас — нет, — ответил он, на миг задумавшись над ее странным вопросом. — Вообще никогда сейчас. Только как шеар. Но это — другое. Шеар не отбирает жизни из ненависти, и это не его выбор, он делает то, что нужно...

— А раньше?

— Однажды. Помнишь, Ланса? Я вас так и не познакомил. Тогда... Я нашел того, кто его убил, и... тоже убил. Его и тех, кто с ним был. Всех.

— Тенями? — Софи сама поражалась спокойствию, с которым расспрашивала его об этом.

— Нет. Из пистолета. Но это неважно: тогда я тоже не сдержал тьму.

— Сдержал, — замотала головой она. — Сдержал, потому что вернулся ко мне. Ты, главное, возвращайся, хорошо? А еще лучше — не уходи больше.

— А ты? — он коснулся губами ее лба. — Не уйдешь от меня?

— Как? Ты же не отпустишь.

— Не отпущу.

— Вот и не отпускай.

— Так просто?

— Да.

И она его тоже не отпустит.

Тьен не хотел думать, что случилось бы, если бы не было Софи.

Она была.

Она есть.

Она будет.

Это — все, что он хотел сейчас знать.

И это — все, что он знал. Остальное смазалось вспышками тьмы и света, затерялось между прошлым и будущим, растворилось в миллионах не нашедших ответа вопросов...

Пусть.

Он был бы даже рад, если бы разбившаяся на осколки жизнь никогда уже не собралась в единое целое, кривое и неуклюжее, и можно было бы выбросить ее, забыть и выбрать себе другую — светлую, теплую, пахнущую солнцем и ромашковым мылом, в белом, воздушном, словно кремовый торт, платье...

Но нет, не получится...

Дверь отворилась, пропуская Йонелу.

Сильфида на мгновение зависла на пороге, глядя на них с Софи, в обнимку лежащих на кровати, и неторопливо влетела в комнату. Бросила на кресло в углу какие-то вещи.

— Здесь кое-что из гардероба Эйнара, — пояснила она. — Тебе должно подойти. Если чувствуешь себя достаточно хорошо, переоденься и спустись вниз.

— Зачем? — поднявшись с кровати, спросил Тьен. Без опасений и страха, но должен же он знать, что его ждет?

— Проститься с народами, как и собирался, — Йонела не смотрела в его сторону. Должно быть, ей это было неприятно. — Холгер подправил их воспоминания о сегодняшнем празднике, чтобы не задавали лишних вопросов. Так что...

— Они ничего не помнят? — встрепенулся шеар. — Никто?

— Правду знает только семья и твоя свита. Если не доверяешь им, — сильфида безглаголиво поморщилась, напомнив себя обычную, — сам потом разберешься. И с Генрихом.

Лэйд вошел в комнату через минуту: Йонела не сказала, что он идет следом. Огляделся, и немало удивился, увидев Тьена и смущенно поправляющую платье девушку рядом.

— Софи? Я... кажется, пропустил что-то...

Очевидно, правитель не счел Генриха частью семьи.

— Ты хотел поговорить с Холгером, — хмурясь, припоминал человек, — а потом начались все эти церемонии. Ты...

Археолог заметил Йонелу и осекся.

— Я поговорил, — сказал Тьен. — Разговор... неприятный вышел, и Холгер решил, что никому не стоит о нем помнить...

Он мог бы отложить объяснения, но чувствовал, что ему не хватит для этого сил. Каждая минута неопределенности станет грузом, вновь тянущим его во тьму.

— Ты узнал? — оглядываясь то на Софи, то на старую шеари, спросил Лэйд дрожащим от нетерпения голосом. Он так долго ждал, что правда, любая правда будет для него избавлением...

— Да. Узнал. В тот день...

— Верден, — выпалила Йонела. Сверкнула сердито глазами на недоуменно

уоставившегося на нее Тьена: — Что? Ты же все равно ему расскажешь. Так лучше я, пока ты все не переврал. Да, это мой муж послал ильясу в ваш дом. Он не хотел никого убивать, только забрать ребенка, но тьмой сложно управлять, даже шеарам. И не нужно осуждать Холгера за то, что он хотел сохранить доброе имя отца. Но вы же настырные, вам, во что бы то ни стало, нужен ответ. Устроили невесть что в моем доме!

Слезы выступили у нее на глазах. Искренние...

— Надеюсь, теперь вы довольны! — закончила сильфида, с неподдельной злостью глядя на Генриха.

И смотрела так, пока он не вышел из комнаты, что-то растерянно бормоча.

Только тогда Тьен отмер.

— Зачем?

Поступок Йонелы был странным. Непостижимым. Памятью мужа она дорожила больше, чем всеми сокровищами Итериана...

— Ему нужен ответ, — проговорила шеари. — А Вердену уже все равно.

Подлетев к двери, она обернулась:

— Не задерживайся, тебя ждут. И можешь ляпнуть там что-нибудь напоследок. В своем духе... для достоверности...

Ей, как и самому Тьену, как и Холгеру, наверное, и всем остальным, чью память не перекроил огонь, не терпелось скорее закончить этот день. И он не стал затягивать с уходом.

Переоделся. Спустился в зал.

Избегая встречаться взглядами с кем либо из сидевших на тронном возвышении, произнес короткую речь, на удивление связную. А в самом конце по совету Йонелы «ляпнул», что женится на человеческой женщине и остается в ее мире. Навсегда.

Прощание состоялось определенно в духе третьего шеара, оставив стихийникам достаточно тем для пересудов. Но не это главное.

Прощание состоялось.

У Кеони была мечта. Их у него было немало, но эта — одна из заветных.

И она, мечта эта, взяла и сбылась.

Сбылась, когда стала ему совершенно безразлична.

За короткое время многое стало пустым и неважным.

— Подумай, — сказал старейший. — Но недолго. Дважды я подобных предложений не делаю.

Лучшая в Итериане школа, где готовили целителей-водников, открыла перед ним двери... образно говоря — ведь в Бездонном озере нет дверей...

— Шеар Этьен рекомендовал тебя как способного целителя, и только из уважения к нему, из благодарности за все, чем мой народ обязан...

В ушах у Кеони до сих пор стояли другие слова: не так давно старейший совсем иначе отзывался об Этьене. И ни о какой благодарности не вспоминал.

— Это весьма лестное предложение для меня, — юный тритон старался говорить сдержанно и почтительно. — Но до начала обучения я хотел бы повидаться с семьей.

Он часто представлял, как вернется на родину героем и будет рассказывать о своих приключениях в свите третьего шеара. Но и эта мечта теперь померкла.

Какой шеар? Какая свита?

Фер оставил его, как только погас огонь забвения. Флейму нужно было восстановить силы, и не исключено, что он попросту спал сейчас где-нибудь в укромном уголке.

Лили сначала говорила о чем-то с правителем, а затем тритон видел ее в обществе послов с Полуденного континента. Альва расточала улыбки и принимала комплименты с таким беззаботным видом, что не зная он правды, решил бы, что и ее память стерло пламя.

Эсея прибилась к стайке соплеменниц. Она избавилась от копья и успела сменить повседневный, немало пострадавший в схватке с ильясу наряд на традиционное для дочерей воздуха платье из полупрозрачного шелка. Кеони и не подозревал, что у нее в гардеробе водятся такие роскошные вещи: нежно-розовое, как цветок персика, воздушное, украшенное искусным шитьем... Чушь! Это не ее платье — еще один обман. Розового Эсея никогда не носила... хотя напрасно, он ей к лицу... Но все равно обман!

Они все его обманули, оставили в стороне, тогда как сами...

На Эсею Кеони был обижен сильнее чем на других. Ей каким-то чудом удалось сохранить свой свет и бросить вызов тьме — той самой, в которой, если верить Этьену, обреталась и частичка души Кеони. Сильфида с ее взбалмошным характером, острым языком и полным отсутствием понятия дисциплины оказалась безупречно-светлой, а он, значит... Но, может, и ничего не значит: она ведь пришла с шеаром Эйнармом и уже после того, как ильясу высосали из всех силу... Хотя потом, когда ильясу уже не было, а сила вернулась, Эсея продолжала защищать командира и не побоялась вступить в спор со старейшими, а он, Кеони, стоял в стороне и ждал, чем все закончится. И за это он злился на нее еще больше. И на себя...

Но пуще всех — на Этьена.

Потому что не понимал.

Темный шеар? Да. Никто никогда прежде не призывал тьму в Итериане. И даже в других мирах Кеони не видел, чтобы кто-либо мог собрать ее так много сразу.

Но света в нем было еще больше. Та, единственная вспышка — что-то невероятное...

И все же тьма. Схватка с правителем. Разрушения. Угрозы, которыми он сыпал...

Наверное, старейшие правы, Этьен опасен. Но Холгер так не считал. Холгер, который сам вызвал сына на бой, защищал его перед всеми и, защищая, решился на поступок, непростительный для шеара. Шеар — это закон и справедливость, это вечный свет Итериана...

И тьма. Этьен ведь тоже шеар. Один из хранителей Великого древа.

Как жить в мире, в мирах, у которых такие хранители?

Как вообще жить, если не знаешь, кому и чему теперь верить?

Фернана он нашел по слабым, но вполне узнаваемым отблескам силы. Как и ожидалось, тот спал — прямо на одной из многочисленных дворцовых лестниц, завернувшись в бархатную портьеру. Пришлось прервать его отдых.

— Что? — недовольно проворчал флейм, открыв один глаз. — Все уже закончилось?

— Нет. Но Этьен уже ушел.

— Тогда спасибо, что разбудил, — Фер мгновенно сбросил с себя остатки сна и вскочил на ноги. — Пойду за ним. На всякий случай.

— погоди. Сначала... — Кеони собрался с духом и выпалил. — Сотри мою память.

— Ты серьезно?

— Да. Не хочу помнить того, что было. Хочу... как все...

— Почему? — удивился огневик.

— А почему... Почему он так со мной? — взорвался негодованием тритон. — Почему велел идти с ним на прием? Сказал, что это будет мне уроком! Каким? Что я должен был

понять?

Фернан передернул плечами:

— Жизнь — сложная штука. Может быть, это?

— Может быть, — хмуро согласился тритон. — Но я как-нибудь проживу без таких знаний. Зато и без лишних сомнений.

— Хорошо, — согласился флейм. — Но сейчас у меня не хватит сил. Через три дня. Если все будет в порядке, с Этьеном и вообще, найдешь меня в той же гостинице. Если нет — я сам тебя найду. Не забуду, ты же знаешь: я ничего не забываю.

В последней фразе почудился намек, насмешка или укор, но у Кеони не было желания искать скрытые смыслы.

За три дня успеет навестить родных. Отвезет отцу записи. Но разбирать возьмется позже, когда снова будет верить в славного шеара Этьена, старшего сына мудрого шеара Холгера и внука шеара Вердена, да славится имя его в веках...

Напрасно Софи надеялась, что как только они вернутся домой, ощущение тоски и безысходности исчезнет. Тьен принес его с собой.

Не зная, чем можно помочь, она предложила пообедать. Что угодно, лишь бы он не замкнулся сейчас в себе. Собраться за столом всей семьей, говорить, неважно о чем. У Клер за полдня наверняка набралось немало новостей, которыми ей не терпится поделиться, а Тьена всегда веселят ее рассказы...

Стоило девушке вспомнить о сестре, как та влетела в гостиную, куда они втроем переместились из Дивного мира.

— А я и не заметила, когда вы пришли... Ой, Софи! Ты платье купила? Здорово! Ты в нем такая красивая! Но... — Эмоции на лице девочки, как и интонации звонкого голоса, менялись с немыслимой скоростью: удивление, восхищение, испуг, укор. — Нельзя же так! Нельзя, чтобы жених видел до свадьбы! Это...

— Не к добру, — мрачно закончил Тьен.

Холодом потянуло...

— Если до дня свадьбы, то не к добру, — согласилась Софи. — Но... поскольку свадьба у нас сегодня, то уже можно.

Что угодно, лишь бы встряхнуть его хоть немного. И свадьба — не худший повод.

— Сегодня?! — взвизгнула радостно и недоверчиво Клер.

Генрих озадачено нахмурился.

А Тьен просто посмотрел на нее внимательно.

— Мэрия еще работает, — сказала Софи ему. — Я в платье. Успеем оформить запись, а потом пообедаем в каком-нибудь ресторане. Если ты еще не передумал на мне жениться.

— Не передумал. И не передумаю. Но...

— Тогда переодевайся, — она сделала вид, что не заметила неуверенного «но». — А я попробую что-нибудь сделать с волосами.

Ни фаты, ни шляпки, ни веночка из атласных розочек... Если бы это было большей из проблем!

— Клер! Не стой столбом. Зови Люка, и собирайтесь. Генрих, простите, я понимаю, что это неожиданно, но спонтанные праздники даже лучше, ведь так?

Сумасшествие, да.

Но разве единственное за сегодняшний день?

Помогло к тому же. Пусть не Тьену, но ей самой.

Софи носилась по дому, раздавая направо и налево указания. Выбрала костюм для Люка, расчесала строптивые кудри Клер, помогла жениху завязать галстук, посадила пятно на платье, когда решила, что Генриху нелишним будет выпить чашечку чая. Чувствовала себя при этом донельзя глупо, но почти забыла о темном зале и крылатых тенях...

И Тьен скоро, если не забудет, то научится не вспоминать.

Фер, нежданно-негаданно объявившийся на пороге, буквально ошалел от услышанной новости. Даже ущипнул себя, проверяя, не спит ли.

Покуда не опомнился, Софи велела ему подыскать второй автомобиль, и чтобы с шофером: семья у них и без приглашенных немаленькая, в один все не влезли бы.

— Будет исполнено, шеари, — поклонился, придя в себя флейм, и добавил чуть тише: — Если думаешь, что это поможет.

Она не думала. Ни о чем.

Драла щеткой волосы, смотрела в зеркало и радовалась, что фотографа не будет...

А у мэрии их ожидал сюрприз.

Лили, одетая в модное, вызывающе короткое ярко-красное платье, спустилась им навстречу в высоких ступеней и подала Тьену какую-то бумажку.

— Решила сэкономить вам время: заполнила анкеты и заявления. Сегодня много молодоженов, но ваша очередь уже через пять минут. Ждать не придется.

— Спасибо, — сухо поблагодарил жених.

— Не за что, — улыбнулась она ему. — Это последний раз, когда я вмешиваюсь в твою жизнь, малыш.

Альва обняла мужчину за шею и сказала еще несколько слов. Затем поцеловала шеара в щеку и кивнула на прощание невесте.

— Желаю удачи.

И ушла... ушла бы...

— Погодите, — остановила ее Софи. — Я не подумала сразу: нам нужны свидетели. Фер мог бы быть шафером, а вы...

— Предлагаешь мне стать подружкой невесты?

Девушка пожалала плечами: почему бы и нет? Еще одна капелька безумия общей картины не испортит.

— Надеюсь, ты не ждешь, что я откажусь? — уточнила альва.

Софи не ждала, и она не отказалась.

Правда, в ресторан после скучной, но, на счастье, короткой церемонии, ехать не захотела.

— Кто это? — выпрашивал потом Люк, до искр в глазах очарованный прекрасной незнакомкой. — Твоя подруга? Почему я с ней не знаком? Она к нам еще придет?

Ответа на последний вопрос Софи не знала. Может быть, да. Может быть, нет...

Зал небольшого ресторанчика на набережной пустовал. В погожий вечер немногочисленные посетители предпочитали открытую площадку, откуда видна река и небольшая эстрада, где играл сейчас духовой оркестр, а в помещении занято было лишь два столика. За одним ужинала пожилая чета. За другим, ссутулившись и надвинув на глаза шляпку, сидела девушка в скромном бежевом платье, складывала из бумажных салфеток голубков и поглядывала время от времени через высокие окна на террасу. Официанты, курсирующие между кухней и летней площадкой, проходили мимо нее то и дело, но никто из них даже не предложил госте меню. А ее устраивало оставаться незаметной. Разве вот

салфетки заканчивались...

Войдя в ресторан, Эйнар огляделся. На несколько секунд задержал взгляд на компании за окном: терраса освещалась лучше, и отдохавшие на ней не видели тех, кто находился внутри. И не чувствовали — это уже он лично постарался.

Шеар пересек зал и, не спрашивая позволения, подсел к любительнице бумажных птиц.

— Почему-то не сомневался, что ты тут будешь.

— Я же обещала, что приду на свадьбу, — Эсея выглянула на миг из-под шляпки и снова спряталась под широкими полями.

— И я обещал.

— Почему не идете туда, к ним?

— А ты?

— Пойду, — разворачивая голубка и складывая салфетку теперь уже в кораблик, сказала сильфида. — Потом.

— И я — потом, — ответил Эйнар.

У них там, на террасе и так невесело, а если еще и он придет... Нет, определенно, потом.

— Возьмем вина? — предложил он сильфиде. — Или еще салфеток?

— Можно вина, — согласилась девушка. — И салфеток. Побольше — я не спешу.

— Я тоже.

Голубки, кораблики, букетик белых тюльпанчиков...

Уходя, Эсея сгребла все в свою сумочку. Эйнар не спрашивал зачем.

Но одну птичку успел спрятать в карман.

Ночь, пришедшая на смену тревожному дню, показалась Холгеру особенно длинной.

Уснуть он даже не пытался.

Сидел у открытого окна спальни. Любовался то звездным небом, то спящей женой. Думал. Ждал.

Сегодня он переступил порог, за который, как полагал, ему нет хода. Пренебрег законами четырех и использовал их дар против собственных подданных. В душе поселилось странное чувство...

— Удовлетворения?

Раздавшийся в тишине голос и вспыхнувшее затем пламя не стали неожиданностью. Стихии-прародители не оставили бы незамеченным его проступок.

— Нет, — ответил шеар. — Скорее, свободы.

Языки живого огня вытянулись в длинные ленты и переплелись причудливо, рождая новый образ: женщина в развевающемся платье с распущенными по плечам волосами печально улыбнулась Холгеру. Сходство было далеко не идеальным, пламени никогда не воссоздать легкости белокурых локонов и глубины небесно-голубых глаз. Шеар покачал головой: чего бы ни добивался предвечный, видения прошлого давно его не тревожили.

— Свобода — это хорошо, — сказал Огонь, возвращаясь к привычному облику закутанного в плащ длинноволосого мужчины. — Полезно, знаешь ли. Иногда.

— То есть, — нерешительно начал Холгер, — мне не грозит гнев четырех и суровая кара?

— Тебе еще суровее надо?

Огонь с ногами влез на подоконник, уселся, подтянув к подбородку колени... Странно было видеть это, осознавая, что на самом деле у него нет ни коленей, ни подбородка. Чистая

энергия, средоточие силы и разума...

— Я здесь не затем, чтобы наказывать тебя, — изрек предвечный. — Ты с этим сам справляешься. Но прогресс определенно наметился. Понимаешь, вы, шеары, получились не совсем такими, как планировалось. Ну, знаешь, все эти сомнения, конфликт между чувствами и долгом... Можно было изначально заложить полное отсутствие эмоций и привязанностей, подавить проявление собственной воли, логику упростить. Но так же не интересно. И существо получилось бы скучноватое...

Холгер поглядел на жену, которую ничуть не тревожил ни ночной визитер, ни их беседа, и сглотнул подступивший к горлу комок.

— Вот и я говорю, — кивнул Огонь, — скучно было бы. А так вы развиваетесь, совершенствуетесь, учитесь справляться с внутренними противоречиями. Возможно, когда-нибудь сумеете отыскать баланс между законами, на страже которых поставлены, и личными интересами. Гармония и стабильность — вот, к чему нужно стремиться. Наверное, думаешь, почему об этом нигде не сказано, ни в древних писаниях, ни в сводах наставлений, оставленных вам предками? — Это было, последнее, о чем правитель мог сейчас думать, но предвечного равнодушие Холгера к данному вопросу от продолжения не удержало: — Потому что каждый должен прийти к этому сам. А что касается шеаров, так у них вообще склонность любой намек превращать в закон. Скажи им, что не всегда нужно следовать правилам, так они сделают из этих слов... угадал, правило! У людей есть хорошая поговорка о дураке, которого послали богу молиться... Но, видишь, ты и без подсказок понял. Почти.

Почти без подсказок или почти понял? Если предвечный о последнем, так понять Холгер мало что успел.

— Не жалеешь?

— Жалею, — признался правитель.

С одной стороны, сделал выбор сам. Поступился долгом, но сумел защитить свою семью. А с другой — из всех возможных путей избрал самый легкий. Уже после, обдумав произошедшее, понял, что решение, избавившее разом от многих проблем, было по сути малодушным. Он показал не силу, а слабость. Сильный шел бы до конца. Пусть бы правда вышла за пределы дворца, пусть бы Итериан узнал о темном шеаре. Но и о тьме живущей в каждом, и о свете, способном противостоять любой тьме. Понадобилось бы немало сил, разума и терпения, чтобы заставить стихийников усвоить новые истины, пересмотреть законы и извлечь из случившегося уроки. Ушел бы не один год, а, возможно, не один век, и страшная сказка, которой поначалу пугали бы детей, превратилась бы в красивую и поучительную легенду...

— Рано, — сказал Огонь. — Ты не готов к подобным свершениям. И Итериан не готов.

— И что теперь будет? С Этьеном? И вообще?

— «И вообще» — вопрос сложный, — усмехнулось воплощение стихии. — А что касается твоего сына... Договор нарушен по нескольким пунктам, однако не расторгнут.

— Но как...

— Как — не знаю, — не дав Холгеру закончить вопрос, ответил предвечный. — Наверняка не знаю. Но... возможно, будет тебе красивая легенда. Если получится, даже поучительная...

Шеар о многом еще хотел расспросить, особенно после этих слов, но ему не дали шанса. Живое пламя без предупреждения растворилось в предрассветной мгле.

Софи уснула, едва избавилась от платья и забралась в постель, а Тьен еще долго сидел

рядом. Держал ее за руку, рассматривал усыпанное бриллиантами колечко, раз за разом убеждаясь, что на нем уже не осталось чужих чар, и старался не думать, что случилось бы, если бы заклинание Вердена не выдержало переноса и не разорвало барьеров тьмы...

Из головы не шли слова Лили.

— Это последний раз, когда я вмешиваюсь в твою жизнь, — сказала она сегодня, и Тьен подумал, что если бы она вмешалась тогда, всего один раз, больше ее помощь ему не понадобилась бы.

Если бы посланница Вердена сама поговорила с ним, а не мать, все сложилось бы иначе. Талантов альвы хватило бы на то, чтобы убедить пятилетнего мальчишку оставить семью и отправиться в Дивный мир...

— Не жалею, — шепнула она ему на ухо. — Подумай о том, что повернись все по-другому, вы с Софи не встретились бы. А темный дар все равно нашел бы повод проявить себя...

— И я бы не справился без нее, — заключил Тьен.

— Не знаю, — улыбнулась Лили. — И рада, что не придется это проверять.

И жили они долго и счастливо...

Старались, по крайней мере.

Притворялись.

Тьен притворялся, что не вспоминает ни о том, что случилось в Итериане, ни о том, что произошло почти век назад в поместье Лэйдов. Софи притворялась, что верит в это. Люк и Клер притворялись, будто не замечают, что у взрослых не все ладно...

Генрих тоже притворялся.

На свадьбе, когда пришел в себя и понял, что это не шутка, шумно радовался за молодоженов, и на радостях то и дело тянулся к бокалу. На следующий день как обычно улыбался в усы, читал газеты и рассказывал сказки Клер. Но Софи видела, что со свекром что-то не так.

— Он разочарован, — сказал, выслушав ее опасения, Тьен. — Все годы, что отец прожил в Итериане, он строил планы мести, а теперь...

Разочарован — не то слово. У Генриха отобрали смысл жизни. Главную цель. Не самая достойная, но она была у него. Поддерживала долгое время, помогала пережить одиночество и сомнения.

Когда утром второго дня «новой жизни» Лэйд не вышел к завтраку, Софи заволновалась не на шутку.

— Проспал, — успокоил Тьен.

Ему можно было верить, случись что, он почувствовал бы, но она уже знала, что мыслей ее шеар читать не умеет, да и чужие переживания не всегда замечает. Особенно теперь, когда от своих деваться некуда.

— Значит, разбужу, — решила Софи.

На стук в дверь никто не отозвался, и она осмелилась заглянуть в комнату.

— Доброе утро! Генрих, у вас все хорошо?

Плотные портьеры задернуты, спальня погружена в полумрак... Взгляд с удивлением остановился на белом прямоугольнике на стене. Девушка не сразу поняла, что это — завешенный простыней портрет. Тот самый...

— Софи? — послышалось от кровати, когда она уже подошла к картине и взялась за уголок ткани. — Уже утро? Прости, поздно лег.

— Завтрак готов, — сказала она, не оборачиваясь, чтобы позволить мужчине накинуть домашний халат. — А зачем вы...

Генрих стоял уже рядом. Взял за руку, заставляя отпустить край простыни.

— Не нужно, — голос пожилого человека дребезжал от волнения. — Не могу смотреть сейчас. Воспоминания...

— Я понимаю, — она ободряюще пожала его ладонь. — Попросить Тьена убрать его пока?

— Нет. Это... пройдет...

Хотелось верить.

Софи прошла к окну и раздвинула шторы, пропуская в комнату дневной свет. Заметила на прикроватном столике стакан с остатками коричневатой жидкости на дне и непроизвольно поморщилась. Но ничего не сказала.

Молча подошла, чтобы забрать стакан, и быстро огляделась в поисках бутылки. Не нашла.

Но на полу, почти под кроватью, лежал большой кухонный нож.

— Я взял, — смущенно развел руками Генрих в ответ на в ее обеспокоенный взгляд. — Хотел... наточить карандаши. Этот — самый острый.

Нож Софи поспешила унести и до вечера еще несколько раз проверяла, не пропало ли что с кухни. Следила за Лэйдом, однако ничего тревожного в его поведении не заметила.

А ночью, когда Тьен уснул, услышала, как открылась дверь комнаты Генриха. Выждала несколько минут и тоже вышла из спальни.

Свекор решил возобновить традицию ночных чаепитий. К тому времени, как она появилась на кухне, успел поставить чайник на огонь и достать чашки. Две — словно не сомневался, что она к нему присоединится.

— Не спится, — пожаловался с виноватой улыбкой.

Он помешивал ложечкой горячий чай, бубнил что-то о стариковской бессоннице и о том, что чтение новостей на ночь никак не способствует борьбе с нею. Иными словами казался совсем таким, как раньше, и Софи, за день издержавшаяся от переживаний, вздохнула с облегчением...

Рано успокоилась.

— Что говорит Этьен? — спросил Лэйд. — О том, что случилось... там?

— Ничего. Для него это неприятная тема.

— Неприятная, — повторил Генрих, глядя в чашку. — Он ведь так любил маму... Да? Хотел найти ее убийцу. Отомстить. А теперь... Что теперь?

Дрожащие пальцы мужчины нервно комкали скатерть. В глазах заблестели слезы.

— Виновный уже наказан, — сказала Софи.

— Наказан? — зло переспросил Лэйд. — Как?

— Он мертв.

Генриха ее слова распалили еще сильнее.

— Смерть? Я думал об этом раньше. Думал, это правильно — убить убийцу. Если бы я знал, то мог бы, еще давно... А сейчас понял: смерть — это не наказание, это освобождение. Он же отнял у меня все! Все! А сам... — Лэйд бессильно разжал кулаки. — Всего лишь умер...

Больно было смотреть на него, но Софи ничем не могла помочь. Только сидеть рядом, пока Генрих хмурится в молчании, борясь с терзающими его душу чувствами.

— Спасибо, — выдавил он наконец. — Спасибо, что слушаешь мои бредни. Тебе ведь это совсем не нужно, не интересно...

— Не говорите так, — запротестовала девушка. — Мы ведь не чужие люди.

— Ты очень хорошая, Софи, — вздохнул Лэйд. — Этьен так тебя любит...

— Я знаю, — улыбнулась неволью.

— И я. Я тоже знаю.

Тьен не спал. Сидел на кровати лицом к двери, но когда Софи вошла в спальню, словно не заметил ее. Казалось, он сосредоточенно прислушивается к чему-то вдалеке, и, судя по пролегшей между бровей глубокой складке и плотно сжатым губам, это что-то ему не нравилось.

— Что случилось?

— Ничего, — он поморщился, сгоняя с лица тревогу. — Показалось.

Снова скрытничал, и Софи, уставшая от недомолвок, в этот раз не смолчала:

— Тьен, если уж мы вместе, я должна знать, что происходит.

— Все хорошо, — уверил он. Дождался, пока она уляжется в постель, и ставшим уже привычным движением притянул к себе. — Все хорошо, потому что иначе у нас быть не может. Да?

Оставалось только согласиться.

Тьен понимал, что не вправе усложнять жизнь людям, которых сам обещал защитить от всех невзгод. Его угнетало то, что Софи страдает из-за него, переживает его вину и последствия его ошибок. Он хотел оградить ее от боли. Но вместе с тем был благодарен ей за то, что она добровольно поделила ее с ним.

Самому было бы трудно.

А так он справился.

Почти справился.

Почти признал, что смерть матери была несчастным случаем. Почти понял причины, по которым Холгер и вся его семья долгие угоды удерживали его на расстоянии.

Он спал по ночам. Не притворялся, а на самом деле спал — благо, давно уже научился управлять собственным организмом, и, спасибо Лили, знал, как закрыться от ненужных снов...

Но те все равно прорывались порой через воздвигнутую им защиту.

Пламя пожара вставало перед глазами.

Едкий дым набивался в легкие.

— Убийца, — доносился сквозь окутавшую его пустоту голос Йонелы. — Шеар не может быть убийцей...

Он ошибался: тогда она говорила не о том, что произошло в художественной мастерской. И боялась оправдано: однажды призвавший тьму повторит это вновь. Не ради короны Итериана — ради справедливости... Каким безумцем нужно быть, чтобы использовать тьму как оружие справедливости?

Но он сделал это.

И добился правды.

Получил по заслугам.

Или еще нет?

— Он отнял у меня все! — горько сетовал Генрих. — А сам всего лишь умер...

Тьен сжал виски, прогоняя голоса из своей головы и с удивлением понял, что уже не спит.

— Всего лишь умер, чтобы потом вернуться как ни в чем не бывало и жить дальше...

Разговор, реальный разговор шел на кухне, но последняя фраза... Она принадлежала не отцу. Кто-то другой закончил по-своему. Лэйд говорил о Вердене, а тот, другой, — о Тьене. Нашептывал зло, что убийца спрятался за смертью от заслуженной кары.

Убийца...

Убийца должен ответить за все...

Убийца не имеет права на счастье...

Прежде, чем Тьен успел определить, откуда доносится зловещий шепот, тот стих.

Шеар прислушивался еще какое-то время, задействовал силу стихий, но так и не нашел чужака.

А потом пришла Софи, и ни о чем плохом уже не думалось.

Утром он был бодр и весел почти по-настоящему. Но ровно до того момента, как в столовой появился Генрих.

Общение с отцом давалось Тьену труднее всего. Казалось, одно неосторожное слово, один взгляд, и он выдаст себя. А иногда и хотелось, чтобы случилось так. Возможно, если бы Лэйд знал правду, если бы понял все и не винил его, он и сам простил бы себя.

Но он не желал облегчать свою участь за счет чужих страданий. Генриху больно было бы узнать, что случилось на самом деле. Ему и так больно, он живет с этой болью почти век со смерти своей сильфиды и сам не позволяет ей уйти, лелея вместе с памятью в сердце.

— Дедушка Генрих, вы сегодня не заняты? — деловито поинтересовалась Клер, едва Лэйд присел за стол.

— Нет, милая. Сегодня я совершенно свободен.

— А что вы скажете, если я приглашу вас в кино?

Софи и Тьен переглянулись: вот же маленькая хитрюга! В кинозале братьев Ароль, что недалеко от набережной, крутили какую-то романтическую картину. Они видели афиши еще на прошлой неделе — яркие, броские, изображающие томную блондинку в объятьях брюнетистого типа бандитской наружности. И название было под стать: что-то вроде «Леди и бандит». Никто, кроме Клер, не изъявил желания смотреть подобную чепуху, а когда вчера она вскользь напомнила и вовсе было не до того...

— Скажу, что приму приглашение с удовольствием, — ответил с улыбкой Лэйд.

Тьен вздохнул с облегчением. Детская уловка Клер была, как сказали бы люди, ответом на его молитвы. И Генрих развеется, и ему не придется снова избегать бесед с ним, прикрываясь надуманными причинами.

— Может быть, пойдём все вместе? — предложила, оглядев семейство, девочка.

— Нет, — тут же отказался шеар. — Мы с Люком собирались позаниматься.

Он, и правда, начал понемногу готовить мальчишку к школе, и хотя накануне они ни о каких занятиях не договаривались, напарник, вспомнив приторно-карамельную «леди» с афиши, закивал, подтверждая грандиозность и неотложность планов.

— А я думала сходить в магазин, — сказала Софи. — Хочу проведать Хлою и узнать, как дела в оранжерее.

Тьен не стал возражать. Она нуждалась в том, чтобы вырваться хоть ненадолго из дома. Погулять, встретиться с подругами. Но от мысли о том, что она просто сбегает, и где-то, не с ним, ей будет, пусть не лучше, но легче, делалось не по себе.

— Всего на часок, — пообещала Софи. — А вечером можем выбраться всей семьей. Погуляем, поужинаем где-нибудь.

Так и договорились: после завтрака все занимаются своими делами, к обеду собираются дома, а вечером отправляются на прогулку.

Первой ушла Софи. Тьену стоило немалых усилий не навязаться в сопровождающие.

Потом — Генрих и Клер. Потешная парочка. Он — в летнем костюме, легком, но строгом, с тростью, в начищенных туфлях. Она — всячески стараясь соответствовать — в голубеньком ситцевом платице, с собранными в два пушистых хвостика, украшенных большими синими бантами, волосами. Но сбитые коленки выдавали, сколь непривычен ей подобный образ, и проказливая улыбка, нет-нет, да мелькала на губах.

Возможно, она станет для Генриха тем самым лекарством, что исцелит его от болезненных воспоминаний о том, чего никогда уже не вернуть. Если бы у них с Аллей была дочь, она, верно, многим походила бы на эту легкую, жизнерадостную девочку...

Если бы...

Не позволив себе углубиться в пучину бесполезных, если не сказать опасных размышлений, шеар взял из библиотеки несколько книг и, кликнув Люка, направился с мальчишкой на террасу. В летний день сидеть на свежем воздухе куда приятнее, чем в комнатах, пусть и с открытыми нараспашку окнами.

Там, на террасе, увлеченно разбирающих историю морских сражений последней войны, и застал их приехавший через час Фер.

Флейм выглядел обеспокоенным.

— Кеони к тебе не заходил? — спросил он, когда Тьен, объявив занятия оконченными, отпустил Люка, разрешив подростку утащить с собой книги.

— А должен был?

— Мы договаривались встретиться сегодня, — сказал Фернан, — Но я надеялся, что он не придет.

Стихийник коротко рассказал о своем разговоре с тритоном, состоявшемся в Итериане после «прощального выступления» Тьена.

— Может, так было бы лучше, — вздохнул шеар. — Кеони — совсем еще мальчишка, я не подумал, когда притащил его с собой. Хотел вытряхнуть из него эту дурь о спасителе, о безупречности шеаров... Перестарался. Что ему делать теперь с такими знаниями?

— Не бывает бесполезного опыта, — тоном философа выдал Фер. — У рыбенка вся жизнь впереди, и жизнь эта далеко не черно-белая. Ты это наглядно продемонстрировал. Ты и Холгер...

О Холгере Тьен говорить не хотел.

— Почему ты решил, что Кеони придет ко мне? — спросил он, возвращая флейма к началу разговора.

— Мне показалось... Нет, я уверен, что он был утром в гостинице. Но не зашел. Я подумал, что он мог заглянуть к тебе.

— Вряд ли он придет, пока не определится, как относиться ко всему случившемуся и ко мне, — сказал шеар. — А там, может, и не захочет уже встречаться.

— Только не превращай это в еще одну свою вину, — покачал головой Фер. — Что бы ни решил Кеони, это будет только его выбор. К сожалению, он так и не вписался в нашу компанию. Мы старались, я, Лили, Эсея, ты тоже. Но у нас у всех за плечами был свой горький опыт, а у Кеони — сплошь юношеские идеалы и мечты.

Да, наверное, в этом все дело.

И вина... Чья, если не Тьена? Кто, как не командир, должен был объяснить мальчишке простые житейские истины? Но он ведь устраивал его именно таким, наивным, восторженным, со всеми своими по-детски честолюбивыми планами, верой в абсолютную справедливость и непогрешимость шеаров...

Однако сейчас Тьена беспокоила отнюдь не судьба тритона. Не получалось полностью сосредоточиться на разговоре, отвлекала невесть откуда взявшаяся тревога и смутное ощущение грядущей беды.

Осознание пришло внезапно.

Софи!

Софи должна была уже вернуться, а ее все еще нет...

Футляр оказался тяжелее, чем рассчитывала Софи. И нести его было неудобно: острые углы то и дело били по ногам.

Девушка кое-как дотащила покупку до ближайшего перекрестка и остановилась, чтобы перевести дух и решить, как быть дальше. Можно подъехать на трамвае, но после снова придется идти пешком. А можно попытаться найти извозчика...

— Вам помочь?

Задумавшись, Софи не заметила подошедшего к ней молодого человека, которого в других обстоятельствах не заметить было бы сложно. Обратившийся к ней юноша выглядел ожившим воплощением девичьих грез: привлекательное открытое лицо, голубые глаза, белозубая улыбка, спортивная фигура, дорогой костюм и часы. Последнее девушка, привыкшая с первого взгляда оценивать платежеспособность и возможные запросы покупателей, отметила механически.

— Помочь вам... с этой штукой? — повторил он и, не дожидаясь ответа, подхватил с мостовой футляр. — Ого! Да тут фунтов двадцать!

Двадцать два — как значилось в инструкции по пользованию. А с футляром — и того больше. Не так уж и много, но ручка неудобная, и углы эти...

— В какую сторону? — поинтересовался непрошенный помощник.

— Простите, я...

— Пустое, — махнул он свободной от груза рукой. — Я не тороплюсь. А таким милым барышням категорически запрещено носить что-либо тяжелее сумочки. Так куда?

— Туда, — Софи указала в сторону парка, рядом с которым собирались на стоянку извозчики.

Насколько она знала, подобные красавчики возражений попросту не слышат, но от этого хоть протек будет.

— Позвольте поинтересоваться, — бодро шагая в указанном направлении, завел разговор молодой человек. — С чем это, таким тяжелым, вы изволите прогуливаться?

— Обычно я ни с чем подобным не гуляю, — заверила Софи. — Купила только что. В подарок.

В подарок мужу. Но она решила не пока уточнять: пусть сначала футляр до стоянки донесет, а то бросит посреди улицы. Хотя на некоторых факт наличия законного супруга впечатления не производит.

А вот присутствие этого самого супруга...

Он появился именно в тот момент, когда юноша подал Софи руку, чтобы помочь спуститься с высокого бордюра. Обычное проявление учтивости...

— У-у-у... — молодой человек взвыл, когда его ладонь вместо хрупких девичьих пальчиков сжала железная клешня.

В следующий миг шеар выкрутил ему руку за спину.

— Тьен! — вскрикнула испуганно Софи. — Прекрати!

— Кто это? — не выпуская пленника из захвата, сурово спросил он.

— Не знаю. Просто человек. Решил помочь.

Да, несомненно теперь у бедолаги возникнет желание подойти на улице к незнакомой девушке...

— С чем помочь?

— Вот с этим! — Софи подняла, насколько получилось высоко, футляр, который уронил безвинный страдалец... Хоть бы внутри ничего не сломалось... — Отпусти его, немедленно!

Освобожденный отбежал на несколько шагов и со злостью обернулся.

— Чокнутый! — выкрикнул он и, похоже, приготовился броситься на обидчика с

кулаками.

— Чокнутый, — спокойно согласился шеар.

После такого ответа пыла у юноши отчего-то поубавилось.

— Ненормальный, — пробурчал он, отряхнулся и пошел прочь, всем видом подчеркивая, что с сумасшедшими принципиально не связывается.

— Точно ненормальный, — вздохнула Софи. — Что ты устроил?

— Я? А ты? Что ты тут делаешь? — накинулся на нее муж. — Говорила, что пойдешь в магазин, а сама... Ходишь неизвестно где и с кем...

От незаслуженной обиды в глазах защипало.

— Я и была в магазине, — проговорила она, низко опустив голову. — Купила вот... тебе...

— Что это? — растерялся Тьен, когда Софи всучила ему футляр.

— Подарок.

Она отвернулась от него и медленно пошла к стоянке.

Очень медленно, чтобы скорее догнал...

— Софи, прости. Я... ну, дурак, знаю. Тебя долго не было... А что там внутри?

— Дома увидишь, — они поравнялись, и Софи взяла мужа под руку.

— Сейчас хочу.

— Сам узнай, ты же можешь.

— Не, так не интересно. Ну скажи, а? Тяжеленькое такое... Я тебе, — голос мужчины стал строгим, — сколько раз говорил, чтобы тяжелого не таскала?

Она вспомнила, когда он ей говорил такое, и зажмурилась, чтобы в самом деле не заплакать. Что-то часто в последнее время накатывает. Потерлась щекой о его плечо.

— Там пишущая машинка. Сказали, самая последняя модель.

— Мне? — удивился он.

— Тебе. Будешь сказки писать.

Вот же стукнула дурь в голову такой подарок сделать, теперь самой стыдно...

— Буду, — улыбнулся он. — А ты читать будешь?

— Буду.

— Тогда я тебе сегодня же напишу.

И зашептал на ухо, что именно напишет. Не совсем сказка, конечно, но тоже интересно...

«Неужели я и правда схожу с ума?» — спрашивал сам у себя Тьен.

Мысли, голоса. Предчувствие... Было же! Жгучее, ясное...

Напугал незнакомого человека. Софи расстроил, а она ему подарок хотела сделать.

Сделала.

Вот чудо. Софи, не машинка.

Машинку он еще не рассматривал. Отнес в кабинет, даже из футляра не вынимал. Думал, после обеда, но вернулись Генрих и Клер...

— Что-то случилось? — Софи сразу заметила, что сестренка чем-то расстроена.

Девочка протяжно вздохнула. Генрих нахмурился.

Вряд ли им настолько не понравился фильм.

— Что произошло? — спросил Тьен у отца.

— Неприятное происшествие, — ответил тот. — Не с нами, но на наших глазах. Такое случается, увы...

Последние его слова адресовались Клер. Малышка кивнула и вздохнула вновь.

— Что за происшествие? — еще больше встревожилась Софи.

— Мы видели, как человек умер, — всхлипнула девочка.

— Какой человек?

— Это я виноват, — покачал головой Лэйд. — Нужно было сразу же после сеанса возвращаться домой, а я предложил погулять...

— Мы пирожки купили с вишнями, — снова вступила Клер. — Пить захотели, пошли к автомату. А там под деревом дяденька сидел, грязный такой. Дедушка Генрих ему денег дал... А потом мы пошли содовой купить, купили, а тут кто-то как закричит...

— Мы близко не подходили, — поспешил успокоить Генрих. — Но...

Девочка успела увидеть и понять достаточно. В ее возрасте и при ее большом и чистом сердце смерть, даже постороннего человека, — настоящая трагедия.

Впрочем, уже скоро трагедия эта утратит остроту и превратится в одну из тех страшных историй, что дети пересказывают друг другу шепотом, расширив при этом глаза и оглядываясь по сторонам. Тем и хорошо детство, если, конечно, оно счастливое, и найдется достаточно радостных событий, чтобы заслонить собой неприятные воспоминания.

С Генрихом было хуже.

Волнуясь за малышку, Тьен не сразу обратил внимание, что отец разволновался не на шутку. Рассказывая, он сильно побледнел, пальцы его, теребившие узел галстука, мелко дрожали, а на висках выступил пот.

Шеар дождался, когда Софи уведет сестру, а сам остался в гостиной с Лэйдом.

— Ты расстроен не меньше Клер, — заметил он, чтобы как-то начать разговор.

— Смерть... — Генрих громко сглотнул. — Неприглядное зрелище, в любых обстоятельствах. Тот нищий был уже не молод, и, наверное, время пришло. Рано или поздно все умирают...

Ох, как некстати эти мысли!

Не одно, так другое...

— Пап, ты...

— Я в полном порядке. Это... не страшно. Совсем не страшно. Теперь я знаю.

Теперь он знает.

Теперь он готов.

Теперь ему не будет страшно, когда придет время, это ведь так легко...

Тьен до скрежета стиснул зубы, снова услышав мерзкий голос в своей голове.

«Все-таки я схожу с ума», — подумалось с тоской.

...Ночью он не сомкнул глаз. Прислушивался. Вглядывался в затаившуюся по углам тьму. Несколько раз будил Софи, когда, не в силах сдержаться, снова и снова прижимал ее к себе, словно боялся, что кто-то явится, чтобы забрать ее у него...

Кеони появился в гостинице ночью, когда Фернан его уже и не ждал.

— Пришел?

— Пришел, — подтвердил тритон. — Попрощаться. Мне предложили обучение в школе Бездонного озера. Этьен договорился с тамошним старейшим. Я не знал. А ты?

— И я не знал. Но можно было догадаться, что на произвол судьбы он тебя не бросит. Никого из нас. Был у него?

— Собирался, — Кеони на миг опустил глаза. — Может быть, потом...

Он посидел еще немного в номере флейма, ни о чем больше не спрашивал и сам ничего

не рассказывал, а потом встал и ушел. О том, что хотел бы забыть что-то из недавних событий, даже не заговаривал, и Фер подумал, что все не так уж плохо.

— Знаешь, чего я хочу? — спросила Софи утром.

Они проснулись, но еще не вставали с постели. Голова девушки покоилась на его плече, и Тьену трудно было заглянуть ей в глаза, чтобы хотя бы предположить, о чем она думает.

— Не знаю.

— Чуда хочу.

— Ты мое чудо, — он поцеловал золотистую макушку.

— Так это твое, — проворчала она с наигранным недовольством. — А мое где?

— Я? — понадеялся Тьен.

— Ты не чудо, ты — чудовище!

Софи рассмеялась — всего лишь шутила, а он... Он зарычал, скинул ее на подушки и навис сверху, оскалившись, делая вид, что собирается вгрызться ей в шею. Хохот, крики, которые — он уж позаботился — не вырвутся за пределы их спальни. Детская возня. А в чем-то — совсем даже не детская... Но сейчас ему нравилось просто тормошить ее, щекотать до визга, слышать ее смех. Смотреть и видеть в ней нынешней ту, прежнюю, милую свою, светлую девочку, которая поначалу и улыбалась-то редко, и которую он никогда не позволил бы себе повалить вот так на кровать, чтобы зацеловать всю... как бы сильно этого ни хотелось...

— Сдаюсь, — выдохнула она, запыхавшись.

— И я, — свирепое чудовище покорно подставило голову, позволяя погладить себя по встрепанным волосам. — Так какое ты хочешь чудо?

— Волшебное. Это же ты у нас сказочник, вот и придумай.

Волшебное? Самое волшебное, что когда-либо случилось с ним, он баюкал сейчас на руках.

— Закрой глаза, — велел он.

Коснулся губами прикрытых подрагивающих век, провел пальцем по покрасневшей щечке...

— Теперь открывай.

Дар четырех — не игрушка. Но зачем он вообще нужен, зачем спасти миры, сражаться с пустотой и тьмой, если нельзя будет сотворить маленькое чудо для любимой своей девочки?

Софи распахнула глаза и замерла. Даже не дышала какое-то время, глядя прямо перед собой.

Комната осталась почти прежней. Ведущая в коридор дверь, платяной шкаф, туалетный столик, кровать, а на кровати — они. А вот внешняя стена исчезла. Прямо из спальни теперь открывался новый вид, непривычный, необычный и, как надеялся Тьен, волшебный.

— Идем? — он подал руку своей шеари.

— Идем! — поддержала она с восторгом.

Спрыгнула с кровати на пол и закружилась, рассматривая сменившее ночную сорочку длинное платье из воздушной, нежно-голубой ткани. Схватила за предложенную руку, и сама потащила мужчину вниз по широкой лестнице, начинавшейся там, где заканчивался блестящий лаком паркетный пол.

Лестница вела в сказочный мир, в котором смешалось все самое красивое, что Тьену

доводилось когда-либо видеть. Яркие цветы. Деревья с узорчатыми серебряными листьями, подпирающие кронами небо цвета лазури. В небе порхали дивные птицы, чьи голоса разливались в теплом чистом воздухе, наполняя его музыкой.

— Оно настоящее, — шептала замороженно Софи.

Трогала янтарные стволы сребролистных великанов. Гладила ковром стелившуюся шелковую траву. Нюхала цветы, и золотая пыльца оседала на кончике ее носа.

— Настоящее...

К сожалению или к счастью — нет. Но больше, чем иллюзия.

Воспоминания.

Его воспоминания.

Их, таких ярких и светлых, немного скопилось за проведенные вдали от родного мира годы, но если собрать все вместе, получишь волшебную страну.

Цветные горы у горизонта. Это не магия. Сформированные за тысячелетия из затвердевших пород самых разных фактур и цветов. Терракотовые, желтые, лимонные, багровые, малахитовые, бирюзовые — слой за слоем собирала их природа... Цветные горы — больше ничего хорошего о том мире Тьен не помнил...

Водопады. Даже издали слышится их грозный рокот, а брызги рождают в воздухе мириады радуг.

За лесом, со стороны похожим на волнующееся изумрудное море, виднеются башни прекрасного замка: белый камень, высокие стрельчатые окна, зубчатые стены и пестрые флаги над ними. В таком обретаются сказочные принцессы, ждущие своих рыцарей... Кто там жил на самом деле, он так и не узнал, времени не было...

— Смотри, — шеар привлек к себе жену и указал на небо.

Там, в клочья разрывая мощными крыльями облака, парил золотой дракон. Неописуемое зрелище, в первый раз Тьену казалось, что сердце разорвется от восторга. Тогда он позавидовал Холгеру, выбравшему для себя этот образ...

Воспоминания изменились, золотые крылья потемнели...

Тьен отвел взгляд от дракона, переключая внимание Софи на поднявшегося в небеса феникса. Короткий полет — так прекрасны они лишь за миг до смерти. А возрожденные похожи на большеротых галчат, только искрят немного...

— Пойдем дальше?

Персиковый сад. Аромат зрелых плодов, оттягивающих ветки...

Почему вспомнилось?

Он сорвал большой персик, оттер от пуха и подал своей шеари.

— Как вкусно! — она зажмурилась от удовольствия.

В этой волшебной стране невозможно ни наесться, ни напиться, но вкус... Вкус он помнил. Сочная сладость, тающая во рту...

А вода в бьющем из-под земли ключе еще вкуснее... Особенно, когда третий день изнемогаешь от жажды, вынужденный экономить каждую каплю...

Бабочки. Огромные, каждое крыло величиной с ладонь. Одна из них села на голову Софи — большой разноцветный бант. И тут же вспорхнула, устремляясь к крупному яркому цветку, источающему немного приторный, но все равно приятный аромат.

А если подняться на холм, с вершины можно увидеть лазоревое море и корабли под белоснежными крыльями парусов...

— Тьен, это...

— Чудо? — улыбнулся он, как бы спрашивая, выполнен ли заказ.

— Мечта!

— Ты мечтала о таком?

— Нет, я... — Софи погрузилась. — Я, наверное, вообще ни о чем не мечтала. Но если бы мечтала...

— Об этом?

— Возможно. Хотя бы просто увидеть что-то подобное...

— Да, — согласился он. — Увидеть стоит.

— А ты? Мечтал?

— Да. Но о другом. Хочешь, покажу?

— Глаза закрыть?

— Закрой.

Он прижал ее к груди, вдохнул с наслаждением запах золотящихся на солнце волос.

— Открывай.

Они стояли, обнявшись, на крыльце своего дома...

Чудеса в умеренных дозах оказались полезны обоим.

Софи повеселела. Порхала по дому, мурча себе под нос какую-то песенку. Улыбалась.

И ей улыбались в ответ. Люк. Клер, еще не совсем оправившаяся от давешнего происшествия. Генрих.

Софи стала... Нет, она всегда была — сердцем дома, сердцем семьи, солнцем, к которому притягиваются малые планеты — но сегодня это было как никогда очевидно.

Возилась ли она на кухне или гуляла по саду, размечая места для разбивки новых клумб, или даже, читала на террасе, никогда не оставалась одна. Каждому хотелось побыть с нею хотя бы недолго, помочь, поговорить, поделиться маленькими секретами, просто посидеть рядом.

А Тьен... Тьен не слышал в этот день дурных голосов.

Но за днем пришел вечер, и точно так же, как сумерки прокрались в дом, в сердце вползла тревога.

Можно закрыться от предчувствия, сделать вид, что не слышишь сигналов грядущей беды, но от самой беды не спасешься, не зная, в чем и от кого ее ждать.

И еще одну ночь он не сомкнул глаз, охраняя свое сокровище.

От кого?

От того, кто прятался в ночи и шептал, задыхаясь от злости: «Убийца не имеет права на счастье»...

Утром снова отпустило.

Словно каждый день начинался надеждой на новую жизнь, а заканчивался возвращением к прежней...

Дом просыпался. Просыпались жившие в нем люди.

Сначала Генрих. Тьен слышал, как он прошел по коридору, потом вернулся в свою комнату ненадолго, а затем вышел снова.

Потом Клер. Ее пробуждение ознаменовалось хлопаньем шкафов и короткими перебежками по всему дому. Должно быть, искала что-то. Нашла и помчалась довольная на кухню. Приготовит завтрак, разбудит Люка...

Дети собирались со старой дворовой компанией на речку.

Обняв Софи, любуясь безмятежной улыбкой на ее сонном лице, Тьен прислушивался к

их сборам. Вставать не хотелось. Не сейчас, пока они там суется и расспрашивают Генриха, оказавшегося экспертом в рыбной ловле, какой лучше брать прикорм... Вспомнилось, как Ланс полюбил одно время рыбачить. На прикорм он брал, кажется, макуху подсолнечника... Да, точно, макуху. И сам тоже грыз спрессованный в камень, пахнувший сладким маслом жмых.

А еще Ланс в приметы верил и говорил, что покойники не к добру вспоминаются...

Дурное предчувствие сегодня решило не дожидаться вечера.

— Который час? — пробормотала Софи спросонья.

— Рано еще. Спи.

Казалось, как только они выберутся из постели, как только выйдут из комнаты, случится что-то ужасное...

— Знаешь, чего я хочу?

— Снова чудо? — пришлось постараться, чтобы улыбка получилась искренней и беззаботной.

— Ага, чудо. Лохматое такое с длинными ушами... Давай собаку заведем?

— С длинными ушами? Может, тогда кролика?

— Не-е-е, собаку. Давно хотела, но в квартире держать... А тут у нас двор. Давай, а?

Сколько же у нее накопилось подобных желаний? Детских, не исполнившихся в срок желаний, в которых она отказывала себе всю жизнь...

— Прямо сейчас? — спросил он, готовый по первому знаку выдернуть из любого уголка мира забавного вислоухого щенка. Может, и не породистого... Наверняка не породистого, брошенного всеми, прозябающего сейчас где-то в подворотне, но милого и ласкового. Чтобы всем было хорошо, и Софи, и тому щенку...

— Нет, — она потянулась. — Сначала позавтракаем.

Пришлось вставать, одеваться, чистить зубы. Побриться не мешало бы, но это означало задержаться в ванной лишние пятнадцать минут и на это время оставить без присмотра Софи...

— Что у нас на завтрак? — нарочито-бодро спросил он, вернувшись к жене.

— Что пожелаешь.

— Даже так?

— Ну да, — улыбнулась Софи задорно. — Ты же волшебник. Что захочешь, то и наколдуешь.

После Итериана, теней-ильясу и его откровений, она стала избегать слова «шеар». Будто перестань она называть его так, что-то изменится.

— Я буду рад, если ты сама мне что-нибудь наколдуешь. Яичницу, например.

Но колдовать никому из них не пришлось.

Генрих уже сварил кофе и приготовил тосты на всех. Подждал их за накрытым столом.

— Присаживайтесь, я тут похозяйничал вот...

— Давайте я налью, — Софи хотела взять у него кофейник, но Генрих не позволил.

— Я сам, милая, — сказал он ласково, и поглядел на нее при этом с такой нежностью и грустью... Как будто прощался...

Тьен непроизвольно прижал руку к груди, чувствуя, как забилося быстрее и тревожнее сердце.

— Пап, что с тобой?

— Со мной? — Генрих разливал кофе по чашкам, и руки его заметно дрожали. — Со

мной все в порядке... Вот, это твой. — Он пододвинул к Тьену чашку. — А это твой, Софи. Добавить сливок? Кофе немного пережжен, да и тосты у меня, честно сказать, подгорели...

— Папа, я же вижу.

— Да-да, — Лэйд присел за стол, сцепил пальцы в замок. — Я хотел поговорить. Сейчас. Я скажу, да. Сейчас...

Он дождался, пока они с Софи надгрызут тосты, отопьют немного кофе, и опять встал.

— Вот, что я хотел сказать...

Порылся в кармане и положил на стол перед Тьеном маленький камушек.

Тот самый.

Сердце, только что отбивавшее по ребрам бешеный ритм, остановилось.

— Вот, что я собственно... — повторил Генрих и вдруг перестал сутулиться, распрямился и поглядел на шеара... Нет, не с ненавистью. Ненависть — это что-то мелкое и несущественное рядом с чувствами, что видел Тьен в глазах человека, которого привык считать отцом.

— Ты ничего не забывал, — понял он. — Просто обманывал меня.

— Я? Тебя? — Лэйд побагровел от возмущения. — Это ты лгал мне каждую секунду. Ты!

— Поговорим без свидетелей?

Тьен не знал, что делать, не был готов к подобному, но хотел оградить Софи от неприятных сцен.

— Не о чем говорить, — отказался Генрих. — Уже не о чем.

— Чего же ты хочешь?

— Убить тебя, — улыбнулся человек.

Улыбка у него была до того спокойная, что Тьену стало еще больше не по себе.

— Ты... — начал он и осекся, увидев, как изменилось лицо Лэйда. Вытянулось плаксиво, всего на миг, а после снова сделалось прежним.

— Я уже тебя убил, — проговорил Генрих. — Уже. Ты сам меня научил, как убить шеара. Помнишь? Ты сказал, что надо бить в сердце...

Смысл этих слов дошел до Тьена едва ли не раньше, чем Лэйд закончил говорить. Но все-таки поздно.

Софи. Она просто смотрела на него. Все это время смотрела, но вдруг взгляд ее застыл в одной точке, и девушка, не издав ни звука, стала медленно валиться набок...

Так медленно, что Тьен успел перемахнуть через стол и подхватить ее до того, как она упала бы на пол... Но то, что он держал в руках, уже не было его девочкой. Оно было никем и ничем — пустой оболочкой, хранившей любимые черты...

— Софи! — он с силой затряс неподвижное тело, не желая верить чувствам, вопившим, что ее больше нет. Прижимал к груди, целовал еще теплые губы... — Софи, пожалуйста...

Словно она могла услышать и вернуться...

— Я... не хотел так, — донесся издали слезливый голос Генриха. — Она мне нравилась, очень нравилась. Но мне нужно было твое сердце, а ты отдал его ей...

Тьен не понимал, о чем он говорит.

В одно мгновение все потеряло смысл. Абсолютно все.

Софи больше нет.

Нет.

Нет.

Нет.

Он не чувствовал ее. Ни тепла. Ни света.

И себя не чувствовал. Как будто связывающая его с жизнью и реальностью нить оборвалась, и он опять оказался в пустоте...

Ее больше нет.

Разум твердил об этом...

Но он не слышал теперь голоса разума и продолжал звать.

Шептал ее имя... Или кричал до хрипоты...

Гладил волосы и лицо.

Целовал, и тогда на ее щеках и губах оставались соленые капли, катившиеся из его глаз.

Умолял ее вернуться.

Обещал ей любое чудо. Миллионы чудес...

А самому ему хватило бы всего одного.

Но подобные чудеса не под силу даже шеарам.

На такое способен только...

— Огонь, — прошептал он, глядя в ее остекленевшие глаза.

Но не здесь.

Не на кухонном полу.

Не в присутствии человека, враз ставшего для него... Врагом? Нет, просто никем...

Он и прошел мимо него, словно сквозь ничто, унося подальше от покрасневших безумных глаз то, что осталось от его сокровища.

Заперся в спальне. Уложил бездыханное тело на постель, разгладил бережно складки платья, убрал с лица волосы.

Разжег на ладони пламя.

— Пожалуйста...

Когда-то Огонь сказал, что не сможет приходить к нему после того, как он вберет в себя силу всех четырех стихий. Но это неправда. В недавних видениях, вырванных из чужой памяти, Тьен видел, как Огонь говорил с Холгером. Значит, ничего не мешает первозданным стихиям общаться с шеарами...

— Пожалуйста, отзовись...

Огонь молчал.

— Отзовись! Я знаю, что ты слышишь! Ты вездесущ, ты все слышишь и все видишь! Видишь, что тут...

Трепыхающийся в руке шеара огонек оставался безучастен к мольбам.

— Прошу... Чего тебе стоит? Ты меня вернул, а она... Она просто человек. Это же несложно — вернуть человека!

В ответ — равнодушное тепло на ладони.

Ему не отогреться этим теплом...

— Верни. Мне. Ее. Верни. Я сделаю, что угодно, только верни...

Что он мог предложить всесильной стихии?

Свою жизнь?

Зачем она Огню?

Он мог взять ее давным-давно, безо всяких условий.

И Софи была бы сейчас жива...

— Если ты не сделаешь этого, я уничтожу Итериан.!

У отчаяния нет предела, у горя — разума, и там, где не помогают уговоры, в ход идут угрозы.

— Утоплю во тьме. Итериан, а с ним и все древо миров. Без Софи мне терять нечего... Верни ее, а иначе я сделаю это!

Не сделает. Никогда.

Не обрушит бессильный гнев на невинных. Не превратит свое горе в чужую погибель.

Итериан. Другие миры. И этот — мир, в котором навсегда останется частичка света его милой девочки, в котором живут дорогие ей люди... и ему, наверное, дорогие, только сейчас он забыл об этом... Нет, он не принесет смерть во все эти миры...

Выкрикивал злые обещания, но понимал, что скорее убьет себя, но не допустит падения в подобное безумие...

И Огонь понимал это.

Невесомое пламя в руке шеара дернулось, как от порыва ветра, и потухло, унося с собой последнюю надежду...

Ничего не осталось.

Лишь неподвижное тело на кровати.

Тьен лег рядом.

Перебирал прядь за прядью мягкие волосы. Целовал застывшее лицо. Сжимал в ладонях тоненькие пальчики, еще не окоченевшие, но уже совсем холодные...

И говорил.

Сам не знал зачем, если его не услышат и уже не ответят, но говорил. Рассказывал обо всем, о чем не успел рассказать, когда в этом еще был смысл.

Иногда словно видел сам себя со стороны и понимал, насколько глупо и бесполезно все это, но остановиться не мог...

Он утратил счет минутам, а, может быть, и часам.

Время остановилось. Или он сам остановил его, даже не заметив, как.

Из всех мыслей только одна была хоть в какой-то степени разумна — мысль о том, что и это безжизненное тело, эту куклу, похожую на его Софи, скоро тоже придется отдать, и тогда он полностью лишится всего...

Нет. Не всего...

— Прости, — прошептал он, щекой прижавшись к ее холодной ладони. — Я забыл, прости. Но я вспомнил.

Люк и Клер скоро вернутся, и нужно будет... Что-то нужно будет.

А пока...

Собравшись с силами, он приказал себе подняться с кровати и выйти из спальни.

Генриха нашел в его комнате.

Тот сидел на стуле перед завешенным простыней портретом. Бросил равнодушный взгляд на остановившегося в дверях шеара:

— Пришел убить меня?

— А это поможет? — спросил Тьен хрипло. — Вернет Софи?

Лэйд не ответил. Сжал губы и уставился прямо перед собой на белеющий на стене прямоугольник.

Зачем он закрыл портрет?

Стыдился, обдумывая жестокую месть, смотреть в ясные очи своей сильфиды?

Вряд ли. Он же полагал это справедливой карой...

Чтобы узнать ответ, пришлось сорвать с картины ткань.

Нарисованный мальчик, сидевший на коленях у матери, больше не улыбался: лицо его было изрезано в клочья.

Наверное, Генрих сделал это сразу же после Итериана: сорвал зло на картине. Нужно было хоть как-то, он же сдерживался изо всех сил, и во дворце, и несколько дней после...

Злая ирония судьбы: камень-оберег, который Тьен сам же и сделал для Лэйда, уберег человека от магии огня. А Тьен даже не подумал проверить, действительно ли тот забыл все. Провел его в столичный особняк, чтобы Генрих смог вместе с вещами забрать оттуда яд...

Яд сорока змей смешанный с соком аконита.

Получается, он никогда не доверял ему до конца. Тьен был уверен, что флакон, который отдал ему когда-то Лэйд, единственный, а тот припрятал еще. На черный день, как говорят люди... Черный день...

— Ты убил мою Аллей, — не дождавшись обвинений, Генрих начал обвинять сам. — Отнял у меня все, что я имел. Даже больше... Она хотела остаться со мной. Все эти годы я думал, что она вернулась бы к Холгеру при первой возможности, а она хотела остаться со мной!

Человек вскочил со стула, размахивал руками, брызгал слюной...

Даже после всего горько было видеть его таким. И горько было осознавать, что того Генриха, которого он знал, вернее, думал, что знает, не существовало. Он умер во время пожара вместе со своей сильфидой. Не стоило Холгеру вытаскивать его из могилы...

— Убийца! Ты убил собственную мать, и лицемерно продолжал называть меня отцом. Отцом! Меня! Тогда как мой настоящий сын умер не родившись! Ты убил и его тоже!

— Ее, — тихо поправил шеар. — Мама ждала девочку.

Лэйд продолжал сыпать обвинениями и не слышал его. А если бы и услышал, вряд ли понял бы все отчаяние, что скрывалось за этими словами.

Но все же Тьен был виноват перед ним.

Девяти лет не хватило, чтобы разглядеть под маской неизменной доброжелательности день за днем убивавший душу Генриха недуг. Ни на миг не пришло в голову, что ненормально столько времени жить памятью и болью, неослабевающей жаждой возмездия. Может быть, удалось бы исцелить его, и тогда, узнав всю правду, он, пусть и не простил бы, но не стал бы мстить. Или не стал бы мстить так...

Сам Тьен о мести не думал.

У него не было к Лэйду ни ненависти, ни даже злости. Сочувствия теперь, впрочем, тоже.

Ничего.

Человек на изуродованной картине — его отец. Человек в комнате просто похож на него.

Безумец, свихнувшийся то ли от горя, то ли от жалости к самому себе.

Но безумец опасный. Он убил однажды и убедился, что это не страшно...

Конечно же, яд нужно было проверить. Клер говорила, что они купили пирожки. Добрый дедушка Генрих дал бродяге денег и свой пирожок. Планировал заранее? Просто носил яд с собой, а идея испытать его пришла спонтанно?

Кому сейчас это интересно?

Тьен дождался, когда Генрих устанет впустую сотрясать воздух, и подошел.

— Убьешь меня? — насторожился при его приближении человек.

В первый раз он задал этот вопрос с таким безразличием, что можно было подумать, будто осуществив долгожданную месть, он утратил интерес к жизни, но теперь было видно, что смерть его все же пугает.

— Смерть — это не наказание, а освобождение, — повторил Тьен его же слова. — И я не думаю, что Софи хотела бы этого...

— Она была чудесная, — жалобно прошептал Генрих. Словно не сам добавил в ее чашку яд. — Ты ее не заслуживал.

— Знаю, — кивнул шеар.

Он положил руку на плечо Лэйда и крепко сжал, удерживая человека от падения. Переход из мира в мир у людей обычно сопровождается сильной слабостью.

— Где мы? — дребезжащим от страха голосом спросил Генрих.

— Там, где нужно.

В этом мире была уже осень. Ранняя осень и ранний вечер.

Воздух пах выжженной солнцем травой и покоем.

Они стояли на покатом склоне горы, вершина которой пряталась в облаках, посреди широкой хорошо утопанной тропы.

— Внизу деревня, — махнув рукой, сказал Тьен. — Но я на твоём месте пошел бы вверх. Там что-то вроде монастыря при храме Земли. Его обитатели принимают к себе всех желающих.

Благословенное место. Туда идут все, ищущие покоя и утешения, а под храмом проходит энергетическая жила. Третий шеар и его свита несколько дней восстанавливали там силы после очередной, никто не вспомнит, какой по счету, войны...

— Решил сплавить меня в монастырь? — расхохотался Генрих. — На покаяние?

— Да иди ты куда хочешь, — тяжело вздохнул шеар.

Гора посреди острова, остров посреди океана, отрезанный от остальной цивилизации, пока не слишком продвинувшейся в судостроении...

Тут можно неплохо устроиться: местные жители рады чужакам, которых почитают посланцами богов, так как без вмешательства высших сил попасть на остров невозможно.

Тут можно найти покой в стенах монастыря.

Тут можно тихо и незаметно умереть. Флакончик с ядом у Генриха в кармане. Пусть сам решает... Хотя нет. Вдруг надумает отыграться на ком-то из аборигенов?

Опасная емкость перекочевала в кулак к шеару. Да, пусть Генрих сам решает свою судьбу, но не чужую...

— Сомневаюсь, что когда-то ты поймешь, что натворил, — сказал ему на прощанье Тьен. — Но я могу дать тебе почувствовать, хотя бы ненадолго.

Лэйд попытался отступить в сторону, но он ему не позволил. Сжал ладонями вспотевшие виски человека.

— Я жил с этим чувством много лет. Носил его в себе так долго, что почти перестал замечать, но не забыл. Это — то, к чему ты так стремился. Удовлетворение, полученное от свершившейся мести. Ты ведь так и не испытал его? Так я поделюсь...

Кварталы Ли-Рей. Мастерская художника. Три имени, навсегда врезавшиеся в память.

Тогда он насытился местью сполна.

Генриху отдал лишь немного, но лицо археолога искривилось от горечи. Это ведь только говорят, что месть сладка...

— Вверху монастырь, внизу деревня, — напомнил Тьен, не глядя в наполнившиеся

слезами глаза. — Успеешь дотемна.

Судьба этого человека его больше не интересовала.

За время отсутствия Тьена ничего не изменилось.

Да он и не ждал этого. Почти.

Разумом понимал, что случившегося не исправить, но не мог, стоя у двери в спальню, запретить себе верить в невозможное.

— Я вернулся.

С порога выглядело так, словно Софи спит, и он простоял там почти минуту, теща и мучая себя надеждой, что сейчас, вот сейчас, она отзовется на его голос. Но нет...

Подошел.

Снова лег рядом. Притянул к себе остывшее тело. Привычно подставил плечо под сделавшуюся тяжелой голову. Пригладил защекодавшие шею волосы.

— Я все правильно сделал?

Некому было ответить, но он знал, что правильно.

— Я не стану таким, как он. Никогда. Потому что у меня есть ты. Даже сейчас есть.

И всегда будет.

В памяти. В сердце. В спокойных и ясных глазах Люка, в шкодливой улыбке Клер...

Когда-то он думал, что если ее не станет, не станет и его. Но Софи не исчезла бесследно, она навсегда осталась частью своего маленького мира и оставила этот мир ему. Он не имеет права уйти, в небытие ли, в безумие ли, и бросить этот мир на произвол судьбы. Судьба неоправданно жестока порой — теперь он понимает это, как никто.

— Я только не знаю, как сказать им. Но я придумаю что-нибудь...

Наверное, он все же сошел с ума. И проявлялось это вовсе не в том, что он лежал в обнимку с трупом, да еще и разговаривал с ним. Не в поцелуях, нежных и в этой нежности совершенно противоестественных. Не в том, как, создавая иллюзию ответной ласки, клал себе на лицо холодную руку с неподвижными пальцами и, закрывая глаза, позволял ей медленно сползать, будто глядя его по щеке... Хотя нет, и в этом, конечно, тоже. Но больше всего сумасшествие его проявлялось в том, что сейчас, после криков и слез, после неуслышанной Огнем мольбы, после разговора с Генрихом, он был спокоен и рассуждал трезво и взвешенно.

Его горе было так велико, что он даже не пытался с ним справиться. Позволив себе утонуть в своей беде, он не захлебнулся, а опустился на дно. И там, на дне, он мог жить, думать и строить планы. Его душа не страдала от боли, она сама стала болью. А боль не способна чувствовать самое себя...

— Придумаю. Я же волшебник. Сказочник. Я сочиню для них самую лучшую сказку и сделаю ее реальностью. Я смогу... Но сначала мне нужно сказать им...

Рассказать Люку и Клер, что их сестры больше нет. Все равно, что заново пережить ее смерть.

Тьен боялся, что не выдержит этого.

Боялся, а значит, его помешательство не было таким уж сильным и необратимым, и он никак не мог решить, хорошо это или плохо. Сходить с ума совсем ему не хотелось, но если бы можно было остаться на дне...

— Однажды в Итериане мне довелось провести ночь в селении сиринов. Это такие люди-птицы... Точнее, они выглядят как люди-птицы, но вообще-то ничего человеческого в них

нет. Сирины — дети стихий, один из младших народов воздуха. Но я не об этом... Мне отвели для ночлега комнату в доме молодой семьи. У них было двое детей. Девочка постарше — наверное, как Клер сейчас, только с крыльями и птичьими лапками. А мальчик — совсем маленький птенчик. Ночью он несколько раз просыпался, мне казалось, что это из-за меня: дети чувствуют чужаков... Он просыпался, и тогда мать брала его на крыло и укачивала. Пела колыбельную. У сиринов красивые голоса. А слова простые были, я запомнил. Только голос у меня не очень, я же не сирин. Но я тебе все равно спою...

Простые слова. Хорошие. О любви, что защитит и согреет в ночи. О том, что завтра наступит новый день, и солнечный свет разгонит сумрак тревог. О том, что счастье — это отражаться в родных глазах.

Но голос у него, и правда, не годится для песен. Низкий и хриплый, а то вдруг срывается на писк, почти на плач. И в очередной раз взяв слишком высокую ноту, он умолк.

Лежал в тишине.

Перебирал тонкие пальчики — ломкие веточки, на одной из которых болталось внезапно ставшее слишком большим бриллиантовое колечко.

Прокручивал в голове разговор, которого всем сердцем хотел бы избежать.

«Люк, Клер, я должен сказать вам...»

Должен, но даже мысленно не мог закончить ни одну из начатых фраз.

Но он сумеет найти слова.

И потом...

Потом — это еще слишком далеко, чтобы пытаться представить, каким оно будет. Главное, чтобы было. Потом.

Только не думать лишнего.

Не стараться понять, почему и за что.

Ответы на такие вопросы находятся легко, и если не запретить себе размышлять об этом, вскоре их наберется несколько сотен. И виновных в случившемся окажется больше, чем один старый безумец. Если искать, выяснится, что каждый хоть в чем-то да виноват, потому что сказал что-то или сделал, чтобы в итоге все получилось так, как получилось. И получится, что все вокруг — враги...

Он не желал доживать остаток жизни, будь то один день или несколько веков, в окружении врагов.

А сейчас... Сейчас и друзья ему были не нужны...

Но они, друзья, об этом не знали.

Фернана шеар почувствовал, едва тот распахнул калитку и ступил во двор. Мог бы и раньше, но слишком отрешился от всего творившегося за пределами своего маленького мира.

И флейм его тоже почувствовал, иначе, возможно, Тьен смалодушничал бы и заставил его поверить, что в доме никого нет...

— Этьен, я тут... — Фер осекся, взглянув в глаза открывшему ему двери хозяину. — Что случилось? На тебе лица нет.

— Есть, — шеар потрогал заросшую колючей щетиной щеку. — Входи.

Ничего не объясняя он направился вглубь дома, а Фернан шел за ним и уже должен был ощутить эманации недавней смерти.

Тьен вошел в спальню и молча присел на кровать рядом с тем, что больше не было его девочкой, но напоминало ее так сильно, что трудно было удержаться от того, чтобы вновь и вновь касаться бледного лица, волос, рук...

— К-как? — флейм замер посреди комнаты.

— Генрих, — не глядя на него, ответил шеар. — Он не забыл Итериан.

— Но я же...

— Не нужно. Ты ни в чем не виноват.

Нельзя искать виноватых, перебирать возможные причины. Ничего уже не изменить.

Наверное, Фер это понял. А может, и нет. Но в любом случае молчал он долго.

Потом осмелился спросить:

— Где он?

— Жив, если ты об этом. И будет жить столько, сколько ему еще положено... Или сколько сам пожелает.

Снова затянувшееся молчание.

Если не задаваться пустыми вопросами, выходило, что и говорить уже не о чем.

— Я должен сказать Люку и Клер, они скоро придут.

— Если хочешь, я...

— Нет. Это моя семья, Фер. Я должен сделать это сам.

Фернан подошел ближе. Стоял молча, по плечам ободряюще не хлопал, не бормотал бесполезных соболезнований. Стоял и смотрел на них. На Тьена. На Софи... На то, что было когда-то Софи...

— Нужно закрыть ей глаза, — выговорил наконец.

— Да. Но не сейчас. Сейчас нельзя.

Если закрыть ей глаза, будет казаться, что она просто спит. И он может случайно поверить в это.

— Хорошо, — не спорил флейм.

Подтянул к кровати стул и сел.

Ни о чем не спрашивал больше, но был рядом.

Возможно, его присутствие даже помогало... в чем-то... Тьен не понимал, в чем, но был благодарен.

Он снова утратил счет времени, и не знал, сколько прошло времени, прежде чем снова закрипела калитка, послышались быстрые шаги и хлопнула громко входная дверь.

— Софи! Тьен! Дедушка Генрих! Идите сюда. У нас карась!

— Я выйду, — сказал шеар, но не Феру, а бездыханному телу на кровати.

А затем уже Феру:

— Побудь здесь, пожалуйста. Я сам.

Карась был всего один, и не карась даже — карасик величиной с ладошку. Зато живой. Плавал в большом жестяном ведре, иногда всплескивая хвостом воду.

Небогатый улов, но радость Клер не имела пределов:

— Тьен, смотри! Мы поймали карася!

Люк тоже улыбался. В успех рыбалки он с самого начала не верил, но с друзьями повиделся, наплавался, бросив на берегу удилице, сестренка опять же довольна.

— Клева нет, — пожал он плечами.

— Все равно не с пустыми руками пришли, — махнула на него Клер. — А где дедушка Генрих?

Ничего странного в том, что она спросила сначала о Лэйде, а не о Софи, это ведь Генрих провожал их и давал советы, и перед ним в первую очередь она хотела похвалиться уловом.

— Он... — Тьен задумался лишь на мгновение, — уехал.

— Скоро вернется?

— Нет. Так получилось... Помнишь, я говорил, что у нас большое семейное дело? Пока вас не было, принесли телеграмму, и отцу пришлось спешно собираться, чтобы успеть на поезд. Они там ничего не могут без него решить. Папа просил извиниться, что не удалось попрощаться...

— Но он же приедет опять? — спросила с надеждой Клер.

— Конечно.

Не приедет.

Пришлет несколько открыток. К Новому году — подарки. Пару писем.

Затем, когда почта начнет приходить совсем редко, а Генрих станет почти чужим, принесут еще одну телеграмму...

Клер и тогда все равно расстроится, но лучше уж так.

— А где Софи? Софи, иди посмотреть нашего карася!

— Тише... Софи...

Он представил, как улыбка сейчас сползет с лица девочки, как замрет на месте, не веря его словам Люк...

— Она спит. Не нужно шуметь.

— Спит? — удивился мальчик. — Днем?

— Да. Приболела немного ...

— Что с ней? — встревожился Люк.

— Ничего страшного, просто нужно отдохнуть...

— Просто отдохнуть? — плутовато прищурилась Клер.

— Да, — шеар терялся под ее лучистым взглядом. — Так бывает...

Бывает, что не хватает сил сказать правду. Даже когда понимаешь, что любая ложь бессмысленна.

— Ну-ну, — улыбнулась девочка. — Бывает. У Денизы, это моя школьная подруга, мама тоже приболела прошлым летом. Тоже уставала и спала целыми днями. А весной у Дэни появился братик.

Отвернувшись, Тьен стиснул зубы и крепко зажмурился...

— Нет, — сказал он, когда через несколько секунд снова был в состоянии говорить. — Это не тот случай. Просто... Софи отдыхает. Так что тише тут...

Быстрым шагом он вернулся в спальню и обессиленный опустился на пол рядом с кроватью. Закрыв лицо руками и просидел так минут пять, пока не заставил себя встряхнуться.

— Фер, хочу попросить тебя. Уйди незаметно и раздобудь билеты в цирк... Цирк приехал, я видел афиши. Свозишь детей на представление, потом погуляете немного, там должны быть передвижные аттракционы...

— А когда мы вернемся, Софи снова будет спать? — уточнил флейм с укором. — Этьен, так нельзя.

— Можно. Нужно. Когда они узнают, рядом должен быть кто-то сильный, кто-то, кто сумеет поддержать и найти нужные слова, а я пока на эту роль не гожусь. Понимаешь?

— А если, — начал Фер с опаской, — ты никогда не будешь готов?

— Буду. Я все уже решил. Но с детьми поговорю завтра. Пусть до утра Софи остается для них живой.

Из комнаты он вышел всего раз, когда Клер постучала, чтобы сказать, что приехал дядя Фернан и зовет их в цирк. Все остальное время провел в спальне.

Так же лежал на кровати, прижимая к груди безвольное тело, не окоченевшее лишь благодаря магии стихий. Так же разбирал спутавшиеся волосы...

— Ты всегда будешь со мной. И всегда будешь моей.

Он не думал ни о чем больше.

Незачем.

Все уже решено.

Завтра он поговорит с Люком и Клер. Скажет, что Софи умерла. Придумает другую причину, которую подтвердит любой из местных докторов.

Друзья, которых они не пригласили на свадьбу, придут на похороны.

Будут цветы, целое море цветов, еще больше слез.

Придется выслушивать сочувственные речи, искренние, но ненужные. Смотреть, как опускают в землю гроб...

Прощаться и жить дальше.

Он сделает все, чтобы дети недолго страдали от этой потери.

Нет, не станет забирать их чувства и боль, это то же самое, что отобрать у них Софи, но постарается, чтобы они как можно скорее вернулись к нормальной жизни. И когда это произойдет, когда Клер снова научится улыбаться, а Люк возьмет в руки гитару, он подарит им сказку. Отведет в Итериан.

Это тоже решено.

В конце концов, он — третий шеар Дивного мира и имеет право находиться там. Да и Холгер, наверное, не будет возражать, когда узнает.

Детям перемены, особенно такие, пойдут на пользу. А он... Раз уж вспомнил, что шеар, то, быть может, найдется дело, разобраться с которым под силу лишь обладателю дара четырех, чтобы было чем занять себя на какое-то время...

— Дстойные порывы, но по ряду причин правителя вряд ли порадует твое решение. Вернее сказать, вызовет у него массу противоречивых реакций.

Тьен вскочил и сел на кровати, продолжая прижимать к груди тело Софи, а увидев говорившего, до крови закусил губу, не позволяя себе ни радостных от вспыхнувшей в душе надежды, ни возмущенных возгласов.

Огонь неспешно приблизился и, склонив к плечу голову, оглядел шеара и мертвую девушку на его руках.

— Надеюсь, ты отдаешь себе отчет в том, что это — всего лишь труп? Почти прах...

Как Тьен ни старался сдерживаться, не смог оставить без ответа неприкрытую насмешку в словах предвечного:

— Это — все что у меня осталось, потому что ты не посчитал нужным откликнуться на зов.

— На зов? Понимаешь, какая штука, Этьен. Мы крайне редко отзываемся на просьбы людей. Почти никогда. А когда ты звал меня, я слышал именно человека. Слабого, глупого, бессильного перед судьбой. Я не чужд сочувствия, но не испытываю жалости к немощным созданиям, невластным даже над собой. Но потом ты повел себя как шеар. С Генрихом, и позже тоже. И мысли твои — это мысли шеара. А с шеаром, пожалуй, мы могли бы договориться...

— Все, что угодно, — выпалил Тьен, не задумываясь, и тут же испугался, что его

поспешность может показаться стихии признаком человечности, в худшем смысле этого слова.

— Сначала брось это, — приказал Огонь, брезгливо ткнув пальцем в мертвое тело.

Бросать Тьен ничего не собирался. Осторожно уложил на кровать и, подумав, накрыл покрывалом.

Медленно поднялся и подошел к Огню.

— Я слушаю.

Предвечный оглядел его с головы до ног:

— Интересный ты экземпляр, Этьен. Все-таки смешение кровей имеет некоторые плюсы. У тебя, в отличие от чистокровных шеаров, отсутствуют ложные ограничители. Ты чаще, чем они, принимая решения, полагаешься на собственный выбор, а, следовательно, реже избегаешь личной ответственности за совершенное. И эмоции ты научился контролировать, а не подавлять. Можно было бы сказать, что ты весьма близок к моему видению того, каким в идеале должен быть шеар... Но тьма, сам понимаешь, лишнее. Совсем лишнее.

— Занимаетесь выведением идеальных шеаров? — съехидничал то ли от волнения, то ли по привычке Тьен.

— Так, время от времени, — ответил Огонь легкомысленно. — Но вернемся к твоей проблеме. Хочешь вернуть свою женщину? Почему?

— Она мне нужна.

— Что ж, не буду обманывать, — проговорил предвечный неспешно. — Хоть твоя Софи и человек, вернуть ее будет ненамного проще, чем стихийника или шеара. Понадобится время.

Тьен кивнул, не спеша пока радоваться. Он и не надеялся, что для него сотворят персональное чудо, и он получит свою шеари немедленно. Главное, чтобы Огонь согласился. А он сумеет дождаться...

— Есть еще одно решение, — продолжило воплощение стихии. — Родилось спонтанно, но идея, мне кажется, неплоха. И ждать не придется.

— Что за идея? — поинтересовался шеар осторожно.

Во рту пересохло, руки дрожали... На миг закралась в голову мысль, что он сошел с ума окончательно и бредит, а на самом деле нет здесь никакого Огня и никто не вернет ему его Софи...

— Идея? — переспросил предвечный. — Да вот такая идея...

Он резко взмахнул пылающей дланью перед лицом Тьена, и тот зажмурился. А когда открыл глаза, оказалось, что он стоит на подоконнике распахнутого в ночь окна, в лицо дует холодный ветер с колючими крупинками снега, а внизу — покрытая корочкой тонкого льда река.

В следующее мгновение грянул выстрел...

Боль. Падение. Треск. Обжигающие объятия ледяной воды.

А затем вдруг — тишина и полное отсутствие каких либо ощущений. Блаженство...

...сменившееся вновь острой болью в груди и ноющей, тягучей — в оттаивающих от близкого тепла членах...

Тьен застонал и попытался открыть глаза, но отяжелевшие веки едва-едва разомкнулись. Неяркий свет, какое-то движение...

И опять темнота.

Он лежал на жестком полу, а рядом кто-то суетился, пыхтел, стягивал с него мокрую одежду, ворочал онемевшее от боли и холода тело, перевязывая рану, и от прикосновения маленьких ручек болело еще сильнее... душа...

Шеар, точнее, сейчас еще не шеар, а обессиленный от кровопотери и переохлаждения человек тщетно пытался пошевелиться, поймать эти теплые ладошки, прижать к растрескавшимся губам... Или хотя бы открыть глаза и увидеть ее. Живую...

Но, нет.

Лишь рот приоткрылся в беззвучном стоне: Софи...

«Да-да, малышка Софи, — слышался голос Огня. — Милая добрая девочка, подобравшая на улице подстреленного воришку. Я счел этот момент переломным в ваших судьбах. Понимаешь, раньше нельзя, потому что если что-то пойдет иначе и ты не получишь свою пулю, пропустишь знакомство с водой. А позже может быть уже слишком поздно...»

«Поздно для чего?», — спросил Тьен мысленно.

«Чтобы все исправить. Ты ведь не передумал?»

Нет, не передумал.

Все, что угодно, только бы она жила...

«Все? — переспросил Огонь. — Тогда слушай мой план. Сейчас ты — этот ты, который валяется тут с дырой в груди — уснешь. За ночь восстановишься. Ну, ты помнишь, как это было. А утром уйдешь. И никогда уже не вернешься в этот дом»

Никогда?

Дыхание, и без того слабое, перехватило. Боль с новой силой вгрызлась в тело и в душу...

«Ты же хочешь, чтобы она жила? — продолжал предвечный. — А я предлагаю устранить первопричину трагедии»

«Меня?»

«Тебя из ее жизни. Через несколько дней Софи оправится от вашей встречи. Через пару месяцев уже и не вспомнит. Вырастет. Встретит хорошего человека. Выйдет замуж. Родит детей. Ей ведь не придется годами ждать твоего возвращения, и в этом есть свои преимущества»

Есть. С этим сложно поспорить.

И оттого еще больнее.

Отказаться от нее? Никогда не чувствовать прикосновения ласковых рук. Не слышать ни голоса, ни даже легкого ее дыхания. Никогда уже не назвать своей...

«Я же не совсем бесчувственный, — успокоил предвечный. — Ты тоже забудешь ее, когда уйдешь. Ну, была какая-то девчонка, ну спасла, спасибо ей. И все. У нее своя судьба, у тебя — своя. Тебе еще две стихии освоить, потом Итериан ждет...»

Нет!

Если так — то нет, он не согласен.

Потерять ее — это одно. Но никогда не знать...

Нет.

Без Софи, даже без воспоминаний о ней, все изменится.

Абсолютно все.

А в первую очередь — он сам...

Но Тьен не спешил окончательно отказаться от этого плана. Все же он слишком шеар, чтобы решать одним только сердцем.

Возможно, Огонь прав, и так будет лучше для всех.

Или нет?

Бесчисленное количество вариантов. Нет счета ответвлениям новых, не проложенных еще путей.

Если завтра он уйдет навсегда, то не окажется спустя две недели в маленькой чайной в центре города. Не встретит господина Мориса. Не разживется револьвером. Не возьмет визитку...

Ланс никогда не станет коммивояжером и не столкнется в Ли-Рей с козырем...

Не будет трупов в горящей мастерской...

Весной в дом Софи придет бригада медиков, и Люку сделают обязательную прививку...

Но ведь это не все.

Манон не ответит на ухаживания нового соседа, и их дети никогда не родятся...

А Ланс? Что с ним станет после того, как Тьен все равно вынужден будет уйти в Итериан? Влезет ведь куда-нибудь рано или поздно...

А Клер?

Софи говорила, что малышка сильно болела, и на лечение пошли деньги, которые он, уходя, оставил. Что, если не будет никаких денег?

«Ладно тебе, — не выдержал ожидания Огонь. — Скажи уже честно, что не хочешь отпускать ее»

Сухие, шершавые от мороза губы девочки коснулись его лба...

«Не хочу!»

Превозмогая слабость, боль и тяжесть разделяющих их лет, Тьен открыл глаза. Увидел прямо перед собой встревоженное личико и, не сдержавшись, рванулся к ней, притянул к себе и успел поцеловать до того, как огненный вихрь закружил его и выбросил назад, в комнату, где лежало на кровати бездыханное тело.

А губы еще помнили живое тепло...

— Стоило попробовать, — проговорил Огонь.

— Не стоило.

Без нее все стало бы другим.

Он стал бы другим, не случись в его жизни тех трех месяцев рядом с ней.

И если бы он не помнил Софи все эти годы в Итериане и в других мирах, если бы не мечтал вернуться к ней, никогда не выбрался бы из той пустоты... В лучшем случае. А в худшем — тьма, которую он носил в себе, однажды вырвалась бы наружу, и некому было бы остановить ее...

— Ты рисковал, предлагая мне этот способ.

— Ничуть, — отозвался Огонь. — Я же знал, какова вероятность, что ты на него согласишься.

— И какова же?

Один из четырех насмешливо фыркнул в ответ.

Не такого поведения ждешь от великих стихий-прародителей, но сейчас Тьена почти не раздражали его издевки. И этот вариант — то ли проверка, то ли очередной эксперимент... Пусть что угодно говорит и делает, лишь бы вернул Софи.

— Верну-верну, — заверил Огонь. — Стал бы иначе тратить на тебя время?

Тряхнул языками пламени, изображающими у него волосы, и, словно торговец, предлагающий последнюю цену, произнес:

— Три полных цикла. Тридцать шесть лет. Это минимальный срок, за который я успею заново собрать твоего человека.

— В точности т-такой, какой она была, без корректировки памяти или еще к-каких-нибудь изменений? — тщетно борясь с охватившим его волнением, дрожащим голосом уточнил Тьен.

— В точности такой же, и со всеми воспоминаниями, вплоть до злосчастной чашки кофе, — подтвердил предвечный. — Корректировки возможны, но по обоюдному согласию сторон. Ты же понимаешь, что подобный договор предполагает наличие неких обязательных условий? Так что со своей стороны можешь включить несколько пунктов.

— Н-не надо ничего...

— Не торопись. Подумай. А я пока назову свои условия.

К возвращению Фернана и детей, загулявших дотемна, Тьен успел привести в порядок комнаты и вернул первоначальный вид портрету в спальне Генриха. Немного похозяйничал на кухне.

— Проголодались?

Этот вопрос, как и улыбка и жизнерадостный тон шеара, немало озадачил Фера, но флейм привычно хранил спокойствие.

— Не-а, — замотала головой Клер. — Мы в кондитерской были. Пирожных налопались — до отвала!

— А Софи где? — немного обеспокоенно поинтересовался Люк. — Неужели еще спит?

— Еще? — усмехнулся Тьен. — Уже! Вы бы еще позже вернулись. Она весь вечер у плиты провозилась, вас ждала. Так что теперь — т-с-с-с! Марш по комнатам, чистить зубы и спать.

— Но Софи же ко мне зайдет перед сном? — протянула Клер. — Она всегда меня укладывает.

— А сегодня я уложу, — сказал шеар. — Даже сказку расскажу, если через пять минут будешь уже в постели.

Услышав про сказку, малышка просияла и помчалась к себе. Конечно, по пути она сунет свой любопытный носик в спальню сестры и увидит в полутьме ее силуэт на кровати, а если решит окликнуть, услышит сонное: «Доброй ночи». Огонь забрал тело Софи, но Тьен составил взамен простенькую иллюзию...

— Как ты? — тихо спросил Фер, когда они остались одни в гостиной.

— Неплохо.

— Этьен, я понимаю...

— Не понимаешь, — покачал головой шеар. — Но скоро поймешь. Собирай наших, всех. Скажи, что мне нужна помощь.

Официально у него не было больше свиты, но Тьен надеялся, что, невзирая на произошедшее между ними, друзья не откажут. Одному будет сложно, да и детей не хотелось оставлять в эту ночь.

Фернан ни о чем больше не спрашивал и тут же исчез. Наверное, подумал, что сам со свихнувшимся от горя шеаром не справится. Что же, тем скорее соберет команду.

Выждав немного, Тьен заглянул сначала к Люку, пожелал малышке спокойной ночи и направился в комнату Клер. Девочка уже лежала в кровати, до подбородка натянув покрывало.

— Сказку? И какую же ты хочешь?

— Волшебную и про любовь.

Другого ответа он и не ждал.

— Расскажу тебе о красавице и чудовище.

— Про чудовище? — малышка в притворном страхе округлила глаза. — Я же про любовь просила!

— А это про любовь.

Клер недоверчиво поморщилась:

— Между красавицей и чудовищем?

— Ну... — грустная улыбка мимо воли коснулась губ. — Она-то видела в нем прекрасного принца. И он стал им ради нее.

Во всяком случае, старался...

С поручением Фер управился быстро. И часа не прошло, как в комнате шеара, закрытой от других обитателей дома и всего остального мира пологом тишины, собрались стихийники. Сам Фернан, Лили, Эсея...

— Кеони сейчас в Бездонном, — оправдывался флейм. — Это закрытое место, да я и не сунулся бы в воду. Передал через караульных, но...

— Там строгие правила, — кивнул Тьен понятливо. Царапнуло, но после всего, что он пережил за этот день, не так остро. — Справимся и без Кеони.

Лили открыла рот, но он не дал ей ничего сказать:

— Соболезнования излишни. Я знаю, что Фер рассказал вам, но он не в курсе последних событий. Софи вернется.

Три пары глаз вперились в него с непониманием и тревогой.

— Вернется, — повторил шеар. — Я заключил договор с предвечными. Такой же, как Холгер много лет назад... И не смотрите так, я не сошел с ума!

— Мы этого и не говорим, — сказал осторожно Фер.

— Но думаете.

— Нет, — решительно ответила за всех альва. — Безумие я почувствовала бы.

Но горечь сожаления не исчезла из ее взгляда.

— Сколько? — спросила она коротко.

— Три цикла, — успокаивающе улыбнулся ей Тьен. — Не так уж долго.

Эсея облегченно выдохнула и тут же закусил губу. Фернан нахмурился.

— Нужно соблюсти определенные условия, чтобы все прошло как надо, — продолжил шеар, не обращая внимания на их обеспокоенность. — И я хотел попросить вас о помощи.

— Все, что в наших силах, — без сомнений ответила сильфида.

Остальные поддержали ее молчанием.

— Вам это под силу, — уверил Тьен. — Нужно проверить этот мир на наличие путешественников. Не думаю, что тут много чужаков, но все стихийники из Итериана или других миров, если таковые найдутся, должны уйти в течение ближайших шести часов. Это мой приказ, приказ шеара Итериана, и они не могут не подчиниться.

— А что потом? — поинтересовался Фер.

— Потом вы тоже уйдете. Так надо, поймете после.

Поймут, но помешать уже не смогут...

...К утру он знал, что в мире не осталось никого, кто не принадлежал бы этому миру изначально. Отправил друзьям короткое послание, которое станет доступно после того, как он закончит все приготовления. Сварил себе кофе. Выпил на террасе, наблюдая, как светлеет

небо над городом. Зашел к Люку и Клер...

— Ну что же, — произнес негромко, выйдя на крыльцо. — Начнем.

Тот, кому предназначались эти слова, не мог не услышать.

Эллилиатарренсаи ожидала гнева правителя, криков, грома и молний...

Но Холгер молчал.

Долго молчал, а затем, едва шевеля губами, выговорил:

— Как ты допустила такое?

«Как ты допустил?» — хотелось выкрикнуть ей, но альва виновато отвела взгляд.

— Он не объяснил ничего, сказал, что условие предвечных — очистить мир от чужаков...

— Ты должна была прийти ко мне, как только узнала о Софи.

— Если бы ты не вел себя как дурак, узнавал бы о том, что происходит с твоим сыном раньше меня! — сорвалась она все-таки.

Наверняка правителю нашлось бы что ответить, но он не успел этого сделать: хлопнула дверь, и Эйнар, бледный, с горящими глазами, ворвался в кабинет отца.

— Это серьезно? — выпалил он с ходу. — Эсея сказала мне, но разве такое возможно на самом деле?

— Да, — вымолвил Холгер тяжело. — Ты же не смог пробиться?

— Я...

— Не нужно, — предупредил сына первый шеар. — Возможно, у тебя получится разорвать цепь, но... ты убьешь его этим. И его самого и его мир. Сейчас все еще слишком зыбко, а потом... Потом будет поздно что-либо изменить. Этьен стабилизирует систему, замыкает все жизненные процессы в мире на себя. Это как...

— Как в одной старой сказке, — едва слышно проговорила альва. — Но там был всего лишь замок.

— Уровень развития мира не позволяет локализовать отдельный населенный пункт, — пояснил отрешенно Холгер. — Почта, транспортное сообщение, торговые отношения... Можно, хоть будет и нелегко, заставить весь остальной мир забыть об этом городе, но позже придется как-то объяснять его возвращение. В первую очередь — самим горожанам. Предвечные не допустят возникновения подобных аномалий.

Насколько поняла Лили, этот вариант даже не обсуждался. Этьену поставили четкое условие: сохранить для Софи ее мир. И глупый мальчишка взялся за его выполнение едва ли не с радостью. Его шеари проснется в своем доме, в своем городе, в своем времени, годы не разлучат ее с друзьями, ее брат и сестра не забудут о ней и даже не повзрослеют. Идеальное решение...

— Он создает замкнутую систему, — нахмурился Эйнар. — Это значит, что в течение трех полных циклов мир будет существовать лишь за счет его жизненной энергии. А сам Этьен...

— Не сможет получать силу извне, — закончил за сына Холгер. — Когда связи полностью стабилизируются, его мир можно будет даже посещать. Но помочь твоему брату и поделиться с ним энергией никто не сумеет.

— Тридцать шесть лет, — прошептал наследник. — Предвечные ведь не потребовали бы такого, если бы не были уверены, что он продержится столько, да?

— Продержится, — сказал правитель уверенно. — А условие не идет вразрез с их первоначальными планами.

Когда-то четверо обещали ему, что его старший сын придет в Итериан, чтобы стать его спасением, уйдет, чтобы не стать погибелью, и вручит свою жизнь миру, который сам изберет. Лили знала об этом то ли пророчестве, то ли предупреждении, но, как и Холгер, лишь теперь поняла его смысл.

Чего она не понимала, так это спокойствия первого шеара. Ей хотелось наорать на него за эту холодную отстраненность, даже ударить — она позволила бы себе это... Но увидела его глаза...

Странные ощущения.

Тьен ожидал если не боли, то дискомфорта, внутреннего напряжения... А вместо этого почувствовал, как подгоняемая размеренными толчками течет по его венам кровь... и трава прорастает под кожей. А в голове поднимается и опускается солнце. И восходит луна...

Луна — вода. Приливы и отливы...

Когда-то он купил для Софи лунный камень. А отдал зачем-то другой девушке. Ну не дурак ли?

Приливов и отливов не будет. Луна не имеет больше власти над его миром. Он, а не ночная странница, управляет теперь водой.

И землей.

И воздухом.

Трава прорастала под кожей, и это было приятно и немного щекотно. Корни деревьев сплетались — судя по ощущениям, где-то в желудке...

Глупость какая: корни — и в желудке...

Миллиарды живых существ разом вздохнули, и их дыхание наполнило его легкие.

Промелькнули перед глазами лица. Все и сразу. Бешеный калейдоскоп...

И это только люди.

А ведь были еще звери. Птицы. Рыбы. Ползучие гады...

И мухи. Нужны ли ему мухи? Жуки, черви... Блохи на бродячей собаке?

Софи хотела собаку. Но лучше без блох...

Он лежал на земле в своем маленьком садике и прислушивался к миру внутри себя. И к миру вокруг.

Мир внутри слышался сильнее, а тот, что вокруг, постепенно затихал. Смазывался, как попавший под дождь акварельный рисунок.

Терял очертания город, заполненный призраками...

Призраками призраков...

Когда в очередной раз солнце взошло над ним и одновременно в нем, Тьен поднялся и вошел в дом.

Дом тоже был призраком. Карандашным наброском, тающим на листе бумаги...

Но стоило шеару коснуться стен, они становились четче. И пол, по которому он ступал... Яблоко, взятое им из вазы, мгновенно налилось соком. Хрустело на зубах.

Дети в своих комнатах — лишь тени. Но если осторожно погладить по щеке... Что ж, сможет смотреть на них хоть иногда, не будет так грустно...

И яблоки есть.

Книги читать — чем не занятие?

...Огонь появился как раз тогда, когда он читал на террасе. Вернее, пытался. Прочел лишь название, но не понял, что оно означает. Заглянул под обложку, и тут нагрнулся предвечный...

— Неплохо справился, — похвалил он. — Как впечатления?

Тьен пожал плечами.

— Потом почувствуешь, — сказал Огонь. — Или не почувствуешь. Неважно. Главное, что условие выполнено. Остается ждать.

— Я жду, — Тьен откинулся на спинку плетеного кресла.

— Три цикла, — напомнил предвечный, будто он мог забыть.

Три так три. Книг в мире много. И яблок тоже.

— Ты так и не сказал, чего хочешь. Какие у тебя условия? Только в разумных пределах.

— Хорошо, — Тьен улыбнулся. — В разумных. Когда-то у Софи были длинные волосы, очень красивые... Она жалела, что подстриглась. Можно сделать так, чтобы когда она вернулась, волосы у нее снова были длинными, как раньше?

— Волосы? — переспросил Огонь. — И все?

— Это потребует дополнительного вмешательства. Нельзя ведь, чтобы окружающие заметили столь резкие перемены. Нужно сделать так, чтобы ее уже не помнили с короткой стрижкой...

— Да понятно все, — махнул на него предвечный, оставляя в воздухе огненный росчерк. — Но волосы, всего лишь волосы... Мне прямо-таки неудобно.

— Это твои проблемы, — заявил Тьен.

Пока солнце поднималось и садилось в его голове, он перебрал массу вариантов, и пришел к выводу, что предвечных все равно не переиграть. А Софи с длинными волосами лучше, чем со стрижкой, — настоящая красавица.

У каждого чудовища должна быть своя красавица...

«Здравствуй, Софи.

Вспомнил, как ты рассказывала, что писала мне, и тоже решил...»

Пальцы стучат по клавишам. Молоточки со свинцовыми литерами выбивают на белоснежном листе слово за словом...

Глупость?

Наверняка.

Но он наговорился уже с пустыми комнатами. Теперь чаще тянет молчать, а все невысказанное накапливается в душе...

«...Выяснилось вдруг, что у меня отвратительный почерк. Прежде, помню, был вполне сносный, а сейчас я стал писать резко и нервно, и эти рваные зигзаги и острые углы самого раздражают. Так что твой подарок пришелся кстати...»

Аккуратные буквы, появляющиеся на бумаге вслед за двойным щелчком, кажутся поначалу мертвыми, неспособными вместить его чувства... Но тем быстрее он колотит по клавишам.

«...У меня все хорошо.

Это неправда, но так принято писать в письмах. Что все хорошо, и погода чудесная или, наоборот, дрянная, и дожди льют с утра до вечера. Но, если честно, то погоды тут нет никакой. Солнце — только свет. День и ночь наступают исправно. А все остальное, тепло, холод или осадки, сейчас ни к чему. Мир похож на стерильную лабораторию, и здесь до ужаса скучно. Без тебя.

Прошло всего четыре месяца и семь дней, а я истосковался сильнее, чем за те девять лет. Должно быть, оттого, что мне нечем себя занять. Тогда каждый день был насыщен событиями, и я знал, что сражаясь с пустотой или восстанавливая разрушенные земли, приближаю с каждым шагом нашу встречу. Теперь я лишь жду. Брожу по дому, по городу, читаю.

Вот, кстати, о чем хотел спросить. Что за ужас ты читаешь? Взял от скуки твою книгу — плевался потом полдня. Глупо, пошло. Сюжет высосан из пальца. Из всего, что я, на беду свою, успел прочесть, лишь одно слово запомнилось — «истосковался». Я использовал его выше, как наиболее точно отражающее мои нынешние чувства, а в книжонке твоей чувств нет и в помине, хоть на обложке и значится, что роман любовный. Вот я и поражаюсь, как ты, ты, которая сама есть воплощение любви, читаешь подобную чушь...»

Он останавливается. Разминает пальцы. Смотрит на то, что успел написать, морщится и тянется выдернуть лист из машинки. Их много уже таких, скомканных или разорванных в клочья, валяется вокруг...

Но в последний момент передумывает и продолжает печатать дальше.

«...Прости. Вспылил из-за пустяка.

Так хочется, чтобы ты была рядом, что готов даже ругаться с тобой по любому поводу, лишь бы видеть тебя и слышать твой голос. Все равно всерьез мы никогда не поссоримся, а если так, то совсем немножко можно. Ты же помнишь, как люди говорят, про милых, что бранятся?

Хотя чушь, конечно.

В размолвках, даже мимолетных, нет ничего хорошего.

Читай, что угодно, я и слова не скажу. Правда, ту книжонку я на всякий случай уже сжег...»

Вспоминает томик в мягкой обложке и улыбается злорадно...

«...Думаешь, наверное, что я тут совсем одичал в одиночестве? Жгу книги и скачу вокруг костра голый и измазанный сажей?»

А вот и нет.

Во-первых, книгу я спалил всего одну (правда, подумываю на днях казнить тем же образом учебник истории — за наглую ложь и чудовищные иллюстрации). А во-вторых, с недавних пор ко мне повадились ходить гости...»

Первым пришел Эйнар.

Махнул рукой вместо приветствия и уселся в соседнее кресло. Долго рассматривал его, несколько раз открывал рот, будто порывался сказать нечто важное, а после брякнул, что хозяин из него, из Тьена, отвратительный, потому что даже чая гостю не предложил.

Тьен предложил бренди.

Не самое подходящее угощение, если помнить, что ни на одного из них алкоголь не действовал должным образом. Но бутылку они, тем не менее, опустошили. И вообще неплохо провели время, невзирая на то, что оба молчали: взгляды брата были красноречивее иных слов.

— Сам дурак, — сказал ему Тьен на прощание.

Эйнар не спорил. Пообещал при случае еще заскочить.

Пришлось идти в магазин за чаем. Трогать одну за другой коробки и банки, проявляя надписи. Разминать в пальцах сухие листья, чтобы почувствовать оставшийся в остановившемся мире аромат. Отсыпать понемногу из каждого сорта в бумажные пакетики...

Лили от чая отказалась.

Зато все, что думала, высказала в глаза.

Не сразу, правда. Сразу тоже молчала. Но недолго.

Хорошо, что не расплакалась, а то он не знал бы, чем ее утешить.

Потом успокоилась немного. Заявила, что ему нужно следить за собой и лучше питаться, раз уж никак иначе нельзя пополнить силы.

Их и с едой нельзя было пополнить, но Тьен от нормальной пищи никогда не отказывался, а яблок, как он уже успел подсчитать, на весь срок не хватит...

Эсея приволокла целую корзину фруктов, овощей и зелени, которую Фер, явившийся следом, пренебрежительно назвал сеном. Флейм решил, что лучше знает, что необходимо племяннику, и принес мясных закусок, рыбы и грибов. Половину сам тут же и съел «за компанию». Нервничал.

Они все нервничали. Не знали, о чем говорить, или несли околесицу. Опасались смотреть ему в глаза...

Но все равно приходили.

Так родственники и друзья навещают в хосписе безнадежно больного. Так же тащат тому к постели всевозможную снедь и даже выпивку — доктора ведь ничего уже не запрещают...

Йонела принесла пирожки с ревенем.

Такого он не ожидал. Ни сільфиды, ни пирожков.

— Ешь, — приказала шеари. — И нечего на меня так тарашиться. Бабушка я тебе или

кто? А бабушки должны печь пирожки.

Видно, начиталась людских сказок.

— И что, — Тьен недоверчиво потыкал пальцем пышную сдобу, — сами пекли?

— Размечтался, — проворчала она. — Женщину одну попросила.

Вселенная не совсем еще сошла с ума, и Тьена это порадовало.

— Я поклялась тебе защищать ее, но не смогла сдержать слова.

Он предпочел сделать вид, что не расслышал этой фразы. Взял пирожок и откусил за раз половину. Вкусно. Только ремень немного кислил, мало сахара в начинку положили...

«...Боюсь, что вскоре растолстею от их угощений. Стихийников обычно не волнуют подобные вопросы, но я теперь уже не уверен, кто я. Во всяком случае, щетина отрастает вполне человеческая, и намного быстрее, чем раньше, — бриться приходится каждый день. И волосы уже почти до плеч...»

А в волосах седина. Тоненькая прядка у левого виска, появившаяся в тот день, когда... когда у него не было времени смотреть в зеркало...

«Здравствуй, Софи.

Я помню, что писал тебе только вчера, но сегодня есть отдельный повод. Новый год.

Вернее, если бы ты была сейчас со мной, мы праздновали бы Новый год. Как тогда, только лучше. Подарки приготовить я точно не забыл бы.

Знаешь, я часто представлял себе, как это будет. В Итериане не устраивают торжеств по поводу наступления очередного года. Они и дни рождения там не празднуют, лишь самый первый, когда стихийник появляется на свет, а все остальные просто подсчитывают для хроник и метрик, но никак среди прочих дней не выделяют. Скучно живут.

А мы бы с тобой...»

Он барабанит по клавишам, расписывая, чем бы они занимались на праздники, куда бы пошли, кого бы позвали. Хвастает, что сделал новогоднее деревце — из ветки, как она тогда, — и поставил в гостиной. Украсил ленточками и конфетами... но конфеты почти все уже съел. В конце концов, разноцветные фантики и сами по себе неплохо смотрятся.

Пишет о том, что его по-прежнему навещают друзья. Лили, Фер, Эсея.

Йонела приходила еще раз, правда, уже без пирожков.

Эйнар появляется чаще всех. На днях притащил откуда-то катушки с киноплёнками и сумел без электричества подключить проектор Люка. Еще принес несколько мешочков трав — добытые в другом мире, они не теряют вкуса и запаха, и чай с ними намного вкуснее.

Тьену общаться с братом проще, чем с другими. Тот то ли притворяется лучше, то ли сам по себе такой... легкий, что ли. Хочется верить, что второе...

А Кеони еще не появлялся. Возможно, и не появится.

Выбросить бы из головы упертого мальчишку. В отряде третьего шеара было больше сотни стихийников, каждого из них он знал по имени, помнил, кто, когда и откуда пришел. И в один день простился со всеми ними без сожалений. Вот и тритона туда же! В другую жизнь, которую тот сам для себя выбрал.

Но не получается.

«...Самое важное для меня — ты. Но это не значит, что ни о чем и ни о ком другом я не думаю.

Мне казалось, что времени, отпущенного Огнем, должно хватить на то, чтобы разобраться в тех непростых отношениях, что сложились у меня с друзьями и семьей, но теперь уже сомневаюсь в этом.

С теми, кто пришел, все просто. Не понадобилось ничего объяснять и доказывать, ни мне, ни им. Если мы и были виноваты в чем-то друг перед другом, это осталось в прошлом. А с остальными... Я ведь не могу покинуть свой мир. А если бы и мог, не уверен, что решился бы на первый шаг. С Кеони — возможно...»

Быть может, он и приходит.

Он. Они...

Стоят рядом, на расстоянии вытянутой руки, смотрят на него...

Раньше Тьен чувствовал их. Стихийников поблизости, шеара — еще в момент перехода. Теперь нет. Теперь его мир внутри него, а они — снаружи, никак не ощущаемые до тех пор, пока сами не дадут о себе знать.

Из-за этого он постоянно настороже. Прислушивается. Оглядывается.

Следит за собой ежеминутно.

Сдерживается, когда накатывает вдруг, и хочется расшвыривать в бессильной злости мебель, кричать и биться о стены...

Это — слабость. Нельзя поддаваться.

Нельзя чтобы кто-нибудь видел его таким.

Но приступы внезапной тоски или раздражения случаются все чаще...

Три цикла. Тридцать шесть лет.

Он сам придумал, что тяжело будет только в первый год, и с тех пор ежедневно убеждает себя в этом.

Первый год. Может быть, еще второй...

А потом он привыкнет.

Он уже привыкает.

К одиночеству.

К кажущемуся пустым дому, который оживает лишь от его прикосновений.

К тишине, такой оглушительной, что ни звук его шагов, ни стрекот пишущей машинки, ни голоса, что хоть изредка, но звучат здесь, не способны ее разогнать.

Он говорит себе, что это — кризис. Как при болезни. Надо переждать, и станет легче...

А когда Эйнар, придя в очередной раз, прощается, едва ли не хватает того за руки, чтобы умолять задержаться еще ненадолго...

Странно, всегда был одиночкой, а тут... Видимо, быть одиночкой в толпе проще.

А ведь еще и года не прошло. Только весна...

Вернее, была бы весна.

Но он все равно объясняет свое состояние сменой сезонов. По весне всегда случаются недомогания, простуды или неуместные влюбленности.

Страхи, что посещают его с недавних пор, Тьен тоже называет весенними. Ждет лета, чтобы избавиться от них...

— Что тебя беспокоит? — спрашивает как-то Лили.

— Ничего, — улыбается он в ответ.

Альва слышит ложь, но не задает больше вопросов. А сам он не скажет.

Такое нельзя рассказывать.

И писать нельзя. Потому он не пишет уже несколько дней... или недель... Боится, что мысли сами собой просочатся на бумагу, и Софи узнает...

Не узнает, он понимает это. Но все равно боится.

Боится, что не выдержит.

Нет, даже не так. Боится, что не захочет выдержать.

Что однажды, увидев брата или кого-нибудь из друзей, любого из них, живого и живущего настоящей жизнью, в настоящем мире, а не в городе-призраке, захваченном тишиной, подумает, а не совершил ли он ошибку. Не поторопился ли, соглашаясь на условия предвечных?

Боится, что придет в голову глупая мысль, будто он мог обойтись и без Софи.

Кто она такая, если разобраться? В какой миг и почему он решил, что только она одна ему нужна? Ведь ничего в ней нет особенного, и даже свет ее — отнюдь не что-то невероятное, хватает и в этом мире и в других чистых и светлых душ. А она совсем обычная. И, что еще хуже, привыкла быть такой, ей это нравится. Мысли простые, мечты мелкие. С занавесками этими носится, никак цвет не выберет, клумбы затеяла новые разбивать... А когда думает, что ее не видит никто, в зеркало смотрится и нос трет, будто надеется стереть крохотные, незаметные почти веснушки, еще и читает всякую ерунду в мягких обложках...

Нет, он не думает так. Но боится, что начнет думать. Сомневаться в ней. В себе.

Что не вынесет этих мыслей. Захочет свободы. Жизни. Выпустит из силков времени остановившийся мир и нарушит тем самым договор.

Софи никогда уже не вернется, а он... Он не выдержит снова: сорвется — во тьму ли, в пустоту... или пулю себе в лоб пустит...

А ведь и года еще не прошло.

Только весна...

«Здравствуй.

Прости, что не писал так долго. И вообще прости, не стану говорить, за что...»

Софи простила бы, если бы и сказал.

Многие готовы простить, не задумываясь. Потому что любят. Потому что не хотят ссор. Потому что привыкли прощать...

Но понять и простить — это совсем другое.

Софи поняла бы.

Он тоже понял.

«...Я много думал в последние дни и, знаешь, что понял? Понял, что есть вещи, которые понимать совсем не нужно. Они есть, и этого достаточно.

Не ахти какая глубокая мысль, так и я у тебя не великий мыслитель.

Скорее уж, дурак.

Это все весна виновата.

Весной у тебя день рождения, а я даже даты не знал. Точно, дурак.

Сегодня нашел твой паспорт, посмотрел. На следующей неделе пойду покупать тебе подарок.

Правда, покупать.

Я тут придумал одну шутку: прихожу в магазин, выбираю то, что мне нужно, оставляю деньги в кассе и в приходной книге соответствующую пометку делаю. Потом, когда мир проснется, люди посмотрят, что товара нет, с записями сверятся, кассу сведут и решат, что забыли, как продали.

Вчера так шахматный столик нам приобрел и фигуры. Играю теперь сам с собой. Неплохое развлечение, только я все время сам у себя выигрываю. Или проигрываю сам себе — это как посмотреть...»

Время идет теперь по-другому. Летит стрелой, когда кто-нибудь из друзей приходит его

навестить, и растягивается в мучительную вечность между их нечастыми визитами.

Но хорошо, когда идет. Потому что порой оно замирает на месте, и приходится толкать его вперед, на час, на день, на неделю...

Месяц, и снова кажется, что он не выдержит. Но Тьен уже знает, что это пройдет. Это не усталость пока, не отчаяние, не страх конца — это страх страха. Он боится, что начнет бояться.

Так ожидание боли порой пугает сильнее, чем сама боль.

Но с этим можно бороться.

И он борется.

Планирует каждый свой день так, чтобы время шло быстрее, и некогда было предаваться ненужным раздумьям.

Много гуляет.

Ходит в библиотеки, музеи и выставочные залы. Учится видеть чудо в том, как картины и статуи обретают цвета и формы под его рукой. Любуется ими недолго и опять возвращает в уснувший мир.

Иногда смотрит так же на людей, пытаюсь угадать, кто они и чем занимались в миг, когда их жизнь остановилась. Это развлекает и отвлекает не хуже чем книги или шахматы.

А вечерами посещает гимнастический зал.

У него нет абонеента, и призраки трех атлетов и их пожилого тренера, смотрят с упреком, как он, не имея на то никакого права, разминается на брусьях, а после поднимает тяжелые гири. Изматывает себя до предела, чтобы вернувшись домой, заглянуть к детям, коснуться губами щеки Клер, потрепать по волосам Люка, увидеть их на мгновение, прежде, чем они снова станут зыбкими тенями, и идти к себе. Упасть на постель и тут же уснуть, от усталости позабыв обо всем...

«...еще раздобыл старый граммофон, такой, что работает не от электричества, а заводится ручкой. Могу слушать пластинки. Только нужно постоянно придерживать аппарат рукой. Или ногой — я вчера так делал: завел граммофон и сел в кресле с книгой, так чтобы касаться его ногой. Читал под музыку. И орешки грыз.

Орешки Эйнар принес. А за пластинками я ходил в твою старую квартиру.

Не будешь сердиться? Я в шкафах немного покопался. Альбом с фотографиями нашел.

Прости, взял без разрешения одну карточку, ты там очень красивая... Правда, с Анри. Я его оторвал (очень аккуратно, если захочешь, сможешь потом обратно приклеить), а тебя теперь с собой ношу. То есть, фотографию твою...»

Письма накапливаются, и иногда, когда нет настроения ни для чего другого, он перебирает их с утра до вечера. Перечитывает, раскладывает по датам. Пытается вспомнить что-то, о чем обязательно должен был написать, но так и не написал...

«...Попробовал сегодня завести автомобиль. Получилось. Так что можно не опасаться, что заскучаю на одном месте.

Запасусь топливом и съезжу куда-нибудь. В Галор, например. Никогда там не бывал.

Но сначала хочу дождаться годовщины нашей свадьбы...»

Затем отсчитать несколько дней, и будет другая годовщина. Ждать останется всего тридцать пять лет...

«Здрвствуй...»

Смятый лист летит мимо корзины.

И еще один.

Руки дрожат, и он то бьет мимо клавиш, то попадает не на ту...

«Здравствуй.

Пишу, чтобы рассказать о том, что случилось сегодня.

Нет, я не назвал бы это событие чем-то невероятным, и не скажу, что ждал его...»

Он закрывает глаза и видит Софи. Она сидит на краешке стола рядом с машинкой, смотрит на него и укоризненно качает головой. Не верит.

Правильно, что не верит.

«...Приходил Холгер.

Мы не виделись с того дня в Итериане, и после всего случившегося я так и не определился со своим отношением к нему. Как правителя и шеара я всегда его уважал, хоть и не часто это демонстрировал, а в остальном все сложно. Я привык не вспоминать о том, что он — мой отец, и его это, казалось, устраивает, но...»

Все действительно сложно, и ему трудно найти нужные слова.

«...если подумать, я вообще ничего о нем не знал до недавнего времени. Да и сегодня немного узнал, кроме того, что он неплохо играет в шахматы...»

Тьен не сразу заметил гостя, и неизвестно, сколько тот простоял в стороне, наблюдая, как он расставляет на установленном на террасе шахматном столике фигуры, а затем, медленно обходя по кругу доску, разыгрывает дебют...

Не исключено, что он был здесь каждый день, с самого начала. Маловероятно, но не исключено...

— Здравствуй, — сказал Холгер.

Тьен кивнул в ответ.

Ждал, что правитель скажет что-нибудь или спросит, тогда, наверное, получилось бы и самому заговорить... Но Холгер молчал.

— Играешь? — не придумав ничего другого, спросил Тьен, указав на доску.

Почудилось, будто гость облегченно вздохнул.

— Если напомнишь правила. В разных мирах они отличаются.

Единственная шпилька в адрес правителя, которую Тьен себе позволил: выбрал черные, бросив рассеянно, что пусть уже будет как обычно. Но посмотреть Холгеру в лицо, чтобы увидеть, как тот отреагировал на эту фразу, почему-то не решился.

Играли молча.

Подолгу обдумывали каждый свой ход.

Ни один не хотел проиграть. И выиграть никто не стремился.

Как обычно...

Просидели несколько часов друг напротив друга, но партию не закончили. Отложили до следующей встречи...

Что-то щелкнуло в испорченном механизме часов, отсчитывающих мгновения ожидания. Быстрее завертели колесики, замелькали стрелки. Дни уже не кажутся бесконечными.

Видимо, он свыкается понемногу. Приспосабливается. Учится не думать о будущем и не сожалеть о прошлом. Сбрасывает с души груз ненужных тревог, и чем легче на сердце, тем быстрее летит вперед время...

Пешие прогулки по утрам.

Новая книга днем.

Изматывающие тренировки до позднего вечера.

Устав распутывать отросшие волосы всякий раз после сна, он обрезал их ножницами под корень, а остатки аккуратно снял бритвой. Лили, которой выпало счастье первой лицезреть его с новой прической, пришла в ужас. Эйнар посмеялся. А Эсея справедливо заметила, что скоро опять отрастут.

Сама сильфида уже не стриглась: Энемис восстановили, и срок ее траура закончился. Она и улыбалась теперь чаще, даже в разговорах с ним, и Тьен подумал, что друзья тоже, наверное, привыкают и к нему, и к той странной ситуации, в которой он оказался.

Это хорошо.

Потом, в самом конце, снова будет плохо. Виноватые взгляды, неловкое молчание. Встречи станут еще реже...

Но пока они появляются по-прежнему, пусть не слишком часто, но регулярно. Он подозревает, что разделили между собой дежурства, хотя закономерности в их посещениях не находит.

В визитах Холгера ее нет и подавно. Правитель может приходить ежедневно в течение недели, а после неделю, а то и больше отсутствовать. Никаких объяснений по этому поводу он не дает, а Тьен не интересуется.

Они играют просто в шахматы. Уже полгода ведут эту партию...

Разговаривают?

Да, случается.

О разном. О другом.

У Тьена нет уже вопросов. И обида, та, полудетская, за то, как с ним обошлись, как отказались от него загодя, даже не зная, — обиды эта тоже прошла. Почти. Но то, что осталось, не стоит слов.

«...Сегодня отчего-то вспомнил о Генрихе.

Задумался, как он там, жив ли еще. Не прошло и двух лет, и за это время он не мог умереть от старости. Разве только заболел чем-то, или...

Впрочем, я сейчас не о том. Странно, но человек, которого я оставил на горной тропе в чужом мире, даже когда я думаю о нем, не вызывает у меня никаких эмоций. Я не испытываю к нему ни ненависти, ни гнева, ни жалости. А вот того Генриха, которого я помню по своему детству и которого вижу на портрете, висящем на стене пустой комнаты, мне искренне жаль.

Когда-то давно он рассказал мне сказку о мальчике, повстречавшем сильфиду, и я принял ее с детским восторгом. А сейчас понял, что то не сказка была, а история его болезни. Долгие годы он жил мечтой, навязчивой идеей, затмившей его разум задолго до того пожара.

Пришло в голову, что и я болен чем-то похожим, и те девять лет, что я ждал встречи с тобой, так же свели меня с ума.

Но это ведь глупости, да?

Я же не придумал тебя. Ты была. Живая, настоящая.

Ты есть.

А я снова жду...»

И дождется. Обязательно.

Она вернется, когда мир еще будет спать, а значит, он успеет увидеть ее и сказать... хотя бы просто «здравствуй»...

«Здравствуй, Софи.

Спешу...»

В самом деле спешит. Бьет по клавишам, и под дробный стук молоточков проступают на бумаге слова.

«...рассказать тебе, что придумал Эйнар.

На первый взгляд это совершеннейшее безумие, и если бы Холгер узнал, или Лили, или Йонела, они, как у людей говорится, костями легли бы, но не позволили подобных экспериментов. И Фер, тот всегда чрезмерно осторожен, от этой идеи в восторг не пришел бы. Но знаю только я, Эйнар и Эсея. И что касается меня, я именно в восторге...»

Младшенький с сильфидой заявили с утра.

По установившейся уже традиции вывалили на стол гору вкусностей. Забросали стандартными, поднадоевшими вопросами о самочувствии и настроении. А когда выяснили, что он жив, здоров и относительно бодр, начали другой разговор.

— Мы с Эсеей решили...

— Пожениться, — закончил Тьен за неуверенно растягивающего слова брата.

— В кому тебя отправить, — буркнула сильфида.

— Ну, собственно, да, — непонятно кому ответил Эйнар.

Тьен подумал, что ему.

— Правда? — воскликнул, не зная, как реагировать на подобную новость. Он-то всего лишь шутил. — Женитесь? И когда?

— Ну... — Эйнар зачем-то отступил на шаг. — Я вообще-то о коме.

И улыбнулся заискивающе:

— Неплохая идея, да?

Как бы странно ни звучало, идея была хороша.

И не нова, увы.

Тьен сам подумывал о подобном. Не изнывать годами в призрачном городе, а забыться на длительное время: ни гнетущей тишины, ни лишних мыслей, ни сомнений, что так его пугают...

Но, к сожалению, такое решение неприменимо к шеару. Медикаментозная кома невозможна, так как его организм легко выводит любые наркотические вещества и будет сопротивляться их воздействию даже при непрерывной подаче препаратов в кровь. Использовать магию стихий, когда он привязан к своему миру, опасно.

— По моим расчетам, — сказал он брату, — получится урвать самое большее три дня.

— По моим тоже, — нимало не смутился Эйнар. — Три дня — семь лет. Плюс-минус полгода.

— Выкладывай, — потребовал Тьен, сообразив, что слова младшего — не пустой треп.

— Помнишь, те пещеры? — Эйнар переглянулся с Эсеей. — Мы наведались туда еще раз, около года назад. Меня заинтересовал эффект искажения времени, и я решил отыскать его причины...

— Излучение, — перебил рассказчика Тьен, давно разобравшийся с тем феноменом. — Два мощных источника с разной полярностью, старые, как тот мир. Нестихийная магия. В потоках возникают завихрения, и в зависимости от смещения в пространстве, относительно одного из источников, время сокращается или растягивается...

— Главное — излучение! — не дал продолжить Эйнар. — А нужное положение в пространстве можно рассчитать.

Тьен покачал головой:

— Догадываюсь, к чему ты клонишь, но ничего не выйдет. Я не могу покинуть свой мир.

— И не нужно, — брат победно улыбнулся. — Камни могут покинуть свой.

— Какие камни?

— Камни, которые долгое время подвергались искажающему время излучению, а теперь и сами могут служить его источником. Правда, послабее, но для наших целей хватит. Сделаем тебе из них уютный склепик... В смысле, капсулу...

«...Поверь, я ждал бы тебя и сто лет, и тысячу. Но если есть шанс сократить время томительного ожидания, почему бы его не использовать?»

Завтра Эйнар принесет материалы, чтобы собрать опытный образец капсулы. Нужно проверить, удастся ли настроить ее необходимым образом в условиях нашего мира. После этого проведем первое испытание. Предложение Эйнара никак не нарушает условий моего договора с Огнем, и нет оснований для опасений, но я должен убедиться, что мое пребывание в капсуле не разорвет связей с миром и не запустит остановившееся время.

Если эксперимент пройдет успешно, мы соберем еще одну капсулу...

А я пока работаю над составом препарата, с помощью которого меня погрузят в искусственную кому. Это нужно, так как находиться в капсуле в сознании длительное время опасно. Излучение оказывает определенное воздействие на работу нервной системы, а у меня с нервами и без этого не все в порядке. Лучше посплю.

Как я и писал выше, никому, кроме нас троих об этой затее знать не следует. Поэтому при случае сообщу Холгеру, что полностью закрываю мир. Совру, что это нужно для сохранения связей. Нет, не потому что это опасно. Риск есть, но он невелик и вполне оправдан, в отличие от чрезмерной опасливости нашего, так сказать, старшего поколения. Не стоит тревожить их понапрасну. Проход я оставлю только для Эйнара и Эсеи. Кто-то же должен будет присматривать за мной? А им обоим я доверяю.

Не представляешь, как я рад тому, что есть кто-то, кому я могу доверить не только жизнь, но и нечто несоизмеримо большее...»

Снова время ускорило ход.

Нет, он еще не в капсуле, но занят теперь с утра до вечера, и почти не остается один.

Измерения, расчеты.

Эйнар.

Опять вспоминается, что бесшабашный его братишка — шеар. Причем шеар правильный.

Дело не только в чистоте крови. Эйнара воспитывали как будущего правителя, учили тонкостям стихийной магии. Все, что Тьен понимает интуитивно, благодаря дару четырех, его брат знает в тончайших деталях, может объяснить и, главное, найти этим знаниям применение.

Хочется расспросить, чем он занимался в последнюю волну, для них обоих бывшую первой. Латал разрывы — это понятно. А потом? Тоже войны? Умирующие миры? Не верится, глядя на него, что можно было пройти через все это и остаться... таким. Хотя, возможно, Эйнар настолько шеар, что легко разделяет личную жизнь и служение четверем. У Тьена так никогда не получалось. Потому и не спрашивает ни о чем...

— Боишься? — Эйнар чувствует его волнение.

— Да.

Не до мальчишеской бравады — слишком многое на кону.

— Чего именно? — уточняет брат.

— Нарушить связи. Мой мир сейчас во мне. И снаружи тоже, но снаружи он замер, а во мне живет. Птицы, деревья... трава под кожей...

— Трава?

— Да. Я не сумасшедший.

— Я знаю, — улыбается Эйнар. — Это фантомные ощущения, последствия установки связи. Трава и все остальное... Я пробовал. Да, на небольшой площади, в одном отдаленном мирке. Я ведь говорил, что не предложил бы тебе этого, если бы не проверил все сам?

— И капсулу?

— Да. Связь не распалась. Но мы проведем несколько опытов, чтобы убедиться...

«...Камни из пещер времени Эйнар заранее обтесал, и из полученных блоков мы собрали что-то наподобие саркофага. Эсея выстелила его изнутри травой: сказала, чтобы мне удобнее было лежать. У нее странные представления о том, какой должна быть постель, — по мне, так одеяла вполне сгодились бы. А с тем раствором, что я собираюсь себе вколоть, и на голых камнях спалось бы совсем неплохо. Но принесенные с Итериана травы еще и пахнут. Это здорово, ведь в моем мире совсем нет запахов...

...Вчера провели первый эксперимент.

Не стану обманывать, волновался я сильно.

Но все прошло, как мы с Эйнаром и рассчитывали. По моим часам я пробыл в капсуле всего минуту, а снаружи прошло полдня. Почти четырнадцать часов. Таким образом, вычисления брата верны: три дня в капсуле для меня равны почти семи годам для мира. Однако нужно учесть, что уровень излучения будет постепенно снижаться. Думаю, итоговое время ограничится шестью годами. Но ведь всегда можно будет повторить...»

Эйнар чем-то озабочен.

Сидит по несколько часов, закрыв глаза: проверяет вычисления в уме. Хмурится иногда.

Иногда улыбается.

И хмурится снова...

Наконец решается:

— Этьен, я должен сказать тебе кое-что. Это... то, что мы затеем... Это не только для того, чтобы сократить для тебя время ожидания. Я хотел бы... надеюсь... — мямлит сначала, а после выговаривает вдруг четко, глядя прямо в глаза: — Я хочу, чтобы ты жил.

От его слов мороз по коже.

Разве он сам не хочет?

— Тридцать шесть лет в таких условиях — это предел, — продолжает брат. — Я считал. Абсолютный предел.

Абсолютный.

Предвечным не нужен темный шеар. Ошибка должна быть исправлена...

— Я в курсе, — Тьен кивает спокойно.

— Я в курсе, что ты в курсе, — злится Эйнар. — Но меня это не устраивает!

— Спасибо.

Что еще сказать?

Приятно, что кому-то не безразлично...

— Потом поблагодаришь. Если все получится. У меня, когда я пробовал, получилось. Если вас, тебя и твой мир, развести во времени и стабилизировать связи в новых условиях, можно изменить уровень отдачи энергии, и выйдет уже не тридцать шесть... Тридцать шесть

— предел. Но если выйдет в итоге хотя бы тридцать... Понимаешь?

Он не понимает, и Эйнар вычерчивает в воздухе какие-то схемы, объясняет с жаром...

Но он все равно не понимает. И не хочет, наверное.

А жить — да. Жить хочет.

Когда она вернется, хотя бы эти несколько лет, что удастся обманом вырвать... Хотя бы год...

«...Хотя бы день.

День с тобой — это больше, чем вечность без тебя.

У нас уже все готово, и завтра...»

— Увидимся.

Брат крепко жмет руку.

Эсея обнимает, виснет на шее:

— Буду скучать...

Для него пройдет всего три дня. Для них — годы.

Пока он будет в капсуле, они продолжат жить. Меняться, взрослеть...

Странно, и думать об этом все труднее. И вообще думать... Наркотик, который он ввел себе, уже действует. Тянет в сон, а еще — улыбаться.

Стенки капсулы под пальцами шершавые и прохладные. Приятно...

Трава мягкая. Пахнет...

И...

...темно...

...Вдох...

Глаза открывает и закрывает тут же. Свет...

...неяркий, но после темноты...

...больно...

...дышать...

Воздух снова... он всегда так с ним...

...не может простить... за что?

Не помнит... ничего...

...вдох и... выдох-х-х-х...

Воздух с сипением вырывается из легких...

— Этьен! Этьен, слышишь меня?

Слышит.

Ответить пытается, но язык едва ворочается... во рту пересохло...

— Сейчас, погоди.

Губ касается влажная ткань. Несколько капель стекает в рот...

Хорошо...

...лицо обтирает, трогает лоб... Эйнар?

— Дыши.

Воздух — чистый, холодный... другой...

...другому шеару послушный...

...и голова кружится — так его много...

— Дыши.

Не Эйнар — Холгер...

Откуда здесь Холгер?

Снова пытается открыть глаза... еле-еле, две узкие щелки...

Не видит никого, только размытую тень. Хочет спросить...

— Не нужно. Тебе надо отдыхать. Все уже хорошо, но тебе надо...

...и темнота опять...

Когда в следующий раз он приходит в себя, у постели сидит уже Эйнар.

Почему — у постели?

Как он здесь оказался?

Почему так болит рука, и тянется от сгиба локтя к флакону с желтоватой жидкостью гибкая прозрачная трубка?

Столько вопросов.

Но один — главный...

— С-сколько?

И боится услышать ответ. Брат ни капельки не изменился, даже волосы не отросли... Или он стрижется всегда одинаково, или... не получилось ничего?

— Семь лет, три месяца и двенадцать дней.

Тонкая сухая кожица на губах натягивается от улыбки и лопается. Он слизывает соленые капельки и улыбается опять. Получилось.

— Ты был в коме.

— Да...

— Нет, — Эйнар вздыхает. — В настоящей коме. Шесть с половиной лет в капсуле, а потом еще почти год. Расчеты... мои расчеты неправильные. Преобразование энергии при прохождении по временной дуге — полная чушь. Сначала все было нормально, но когда ты снова слился с реальностью, твой мир... Он как будто высосал из тебя силу, которую недополучал годами. В один момент.

Значит, не получилось...

Холгер приходит позже. С Эсеей.

«Ключи» по-прежнему есть только у нее и у Эйнара, но оказалось, что они способны приводить гостей. Тьен не рассматривал такой возможности...

А Эсея изменилась.

Волосы длинные, почти до пояса, посветлели еще больше. И повзрослела как будто: уже не кажется несмышленной девчонкой. Даже жаль...

И Холгер теперь, нет, не постарел — стихийники не стареют. Но другой какой-то. Уставший еще больше. Хмурится — и складки между бровями глубже...

Но Тьену улыбается. Едва-едва, только уголки губ вздрагивают.

— Как ты?

— Нормально.

— Лучше, чем было, — констатирует правитель. — О чем вы только думали?

Сейчас он спокоен, лишь легкий упрек сквозит в голосе, но Тьен легко представляет, каким он был, когда узнал. Эйнару досталось за двоих...

— Мы все рассчитали, — Тьен вступается запоздало за младшего. — В теории.

— Теоретики, — бросает Холгер сердито.

И Эйнару делает знак, чтобы вышел. Думает, Тьен не заметит...

— У вас и в теории пробелы, между прочим. А вы с ходу за практику взялись! Ладно он, — смотрит на закрывшуюся за наследником дверь. — Доброхот-экспериментатор! А тебе что, терять нечего?

— А что? — привычка всегда и во всем спорить с правителем дает о себе знать. — Я все равно...

— Умрешь? — Холгер не миндальничает, говорит, как есть. — Умереть тоже можно по-разному. Ты не думал, что если бы не перенес мгновенного оттока силы, твоя смерть была бы напрасной?

Софи.

Если бы он погиб, Софи никогда не вернулась бы...

Тьен жмурится, но тщетно: глаза все одно слезятся. Он не станет врать, что от света. Да и тот теперь не такой уж яркий: в мир-призрак приходит вечер...

Много их будет еще таких вечеров. Бесконечно много.

— Предвечных не обыграть в игре, которую они сами придумали, — говорит Холгер. — Если четверо позволяют тебе что-то, что не укладывается в общую схему, стоит задуматься, зачем они это делают. Тебе позволили призвать ильясу в Итериане. Позволили осуществить безумную затею, едва тебя не убившую... И что?

Ничего.

Четверо управляют Великим древом. Стихийники, люди и прочие народы — лишь игрушки. Шеары — слуги. Слугу, забывшего свое место, нужно наказать, чтобы впредь неповадно было...

— Я лишь хотел...

Один день. Годы — это мечта. А один день... Неужели им даже дня жаль для него?

Да, он — ошибка. Но ведь их ошибка, их и ничья больше. Это предвечные проводят эксперименты, путают судьбы и ломают жизни...

— Отдохни, — Холгер касается его руки. — Еще поговорим. Будет время.

О, да. Времени теперь будет — хоть отбавляй!

Только не отбавит же никто...

Он спит.

Просыпается и ест... То ли суп, то ли жидкую кашу — что-то, что Эсея подает в глубокой тарелке.

— Как вы тут? — шепчет он, перехватив ее руку.

Сильфида мнется, не зная, что ответить.

Больше семи лет прошло, немало могло уже случиться. Расспросит потом. Ее, Эйнара, Лили...

Лили он еще не видел. И Фера.

Уже забыли о нем?

— Все приходят, — угадывает его мысли Эсея. — Все.

Улыбается загадочно, но сил уже нет разгадать ее улыбку.

Спать...

Проснувшись опять ест.

Но это потом.

А сначала, открывает глаза, осматривается и улыбается увиденному: Эйнар сидит в кресле у окна, а на коленях у него Эсея, шепчутся о чем-то. Вот так пошутись, бывало...

Тьен ворочается, чтобы заметили, что он уже не спит. Откашливается — в горле, и правда, першит... А затем его уже кормят.

Хочется встать, пройтись по дому, заглянуть к детям. Написать Софи. Извиниться за долгое молчание и за то, какой он дурак...

Но куда сил хватает лишь на то, чтобы подтянуть повыше подушки и сесть.

От помощи Эйнара он отказывается. Не из гордости — нужно учиться справляться самому.

Он справляется.

Одеяло натягивает на плечи. Шевелит пальцами ног.

— Как себя чувствуешь?

Эсея наклоняется к нему, и непривычно-длинные волосы сильфиды падают вперед. Коснуться бы рукой, но тогда она увидит, как дрожат у него пальцы.

— Неплохо.

Его собственные волосы тоже отросли. После, когда сможет встать, снова сбреет...

— А ты...

Хочется разузнать у нее обо всем. Об Эйнаре. Раньше она рассказала бы, наверное.

Но то раньше.

Семь лет прошло — приходится постоянно напоминать себе об этом.

— Что? — спрашивает Эсея, не дождавшись продолжения.

— Ничего, — качает он головой, и от этого движения комната начинает медленно кружиться перед глазами.

— Тут кое-кто хочет с тобой увидеться, — шепчет сильфида заговорщически.

И улыбается с хитринкой.

— Он пришел ко мне, когда ты был уже в капсуле. Не успел всего на несколько дней. Хотел повидаться с тобой, но я сказала, как и договаривались, что мир закрыт. А когда Эйнар понял, что с тобой что-то не так... По его расчетам ты должен был уже проснуться, но все не просыпался. Мы так испугались... Эйнар рассказал отцу, думал, тот поможет... А потом кто-то должен был находиться с тобой постоянно. Мы все приходили, сменяли друг друга, но лучше бы, чтобы кто-то, кто понимает в этом. Целитель... Ты же не рассердишься?

Целитель.

Входит неспешно в комнату. Останавливается в нескольких шагах от кровати.

Глядя на него, думается, что Эсея и не изменилась совсем. Хотя выглядит он почти так же, как и раньше. Лицо мальчишеское, длинные черные волосы собраны на затылке и повязаны синей лентой с золочеными краями — значит, прошел уже посвящение... А взгляд другой. Незнакомый. Но не чужой...

— Здравствуй, командир.

— Здравствуй, Кеони. Рад... кх... — снова першит в горле. — Просто рад.

Столько всего. Поговорить, расспросить, объяснить...

А глаза опять закрываются сами собой.

Есть время?

Есть.

Может, не так это и плохо...

Они приходят, уходят, меняются у его постели.

Подносят питье и еду.

Эйнар. Эсея. Кеони. Холгер. Арсэлис. Фер. Йонела...

Йонела глядит с укором и жалостью. Так и чудится, что прошамкает сейчас, как взаправдашняя бабуля: «До чего ж ты себя довел, милоч!». Но она, конечно же, ничего подобного не говорит. Лишь подсовывает под руку сверток с пирожками...

— Только попробуй еще раз устроить нечто подобное, — шипит на него Лили. — Остолоп! Мальчишка! Мальчишки... Оба!

— Ох, она мне тогда... — жалуется Эйнар, когда альва уходит. — Отец так не разорялся.

— Представляю, — кивает Тьен.

Самому тоже хочется отчихвостить братца.

Не за идеи его экспериментаторские, за другое. Спросил у него про Эсею, а этот — и впрямь мальчишка — только плечами пожал. Неопределенно у них все, видите ли, и говорить рано...

А может, и рано. Что для них, стихийников, прошедшие годы? Но Тьен все равно обещает младшенькому уши надрать, если обидит его воздух.

— Обидишь ее, — бурчит тот.

Но уши руками закрывает на всякий случай.

На третий день получилось встать.

Доковылял до детских спален. У Люка посидел немного. Потом у Клер.

Дошел до кабинета...

— Тебе что-нибудь нужно, пока я тут? — заглянул к нему брат.

— Да. Лента... Ленту чернильную для машинки еще до капсулы хотел заменить. Где-то в шкафах должны быть, я с запасом брал...

— Последняя, — Эйнар тряхнул найденной на полках коробкой. — Держи, я еще раздобуду. Тебе много надо?

— Много.

Чтобы на двадцать семь лет хватило...

«Здравствуй, Софи.

Пишу, чтобы рассказать, что вышло из нашей с Эйнаром задумки...»

Подбирает слова, но, не придумав ничего, печатает как есть:

«...А вышло, мелкая, что муж у тебя — дурак. Причем дурак самонадеянный и безответственный.

Но я усвоил урок и подобной глупости больше не повторю. Пусть все идет своим чередом, а я подожду. Теперь это не так сложно, как поначалу. И я не один.

Нет, друзья и родственники уже не сидят при мне неотлучно. И то, что эти годы вынуждены были бросать дела и менять планы из-за меня — тоже следствие моего эгоизма и безответственности. У меня нет права ничего от них требовать, я не желаю стать обузой. А в моем мире тишины и остановившегося времени, должно быть, не слишком приятно находиться тем, чей удел — жизнь.

Главное, я знаю, что они у меня есть. Обидно только, что понял это лишь сейчас...»

Но ведь понял же.

А жалеть о чем-либо бесполезно. Все, что он может — постараться оставить у них добрую память о себе. И не оставить горьких сожалений.

С последним сложнее, ведь привязываясь сам, он привязывает и их к себе...

«...Кеони пришел. Помнишь, как я переживал из-за него? Сейчас одним поводом для волнений меньше. Ему понадобилось время, чтобы принять мою правду и мою сущность, а еще, думаю, до него дошли слухи о том, что произошло, но все же надеюсь, что решение его истекает не из сочувствия. Он повзрослел за минувшие годы, прошел обучение в одной из лучших целительских школ Итериана и теперь посвященный целитель. Серьезный такой. И на жизнь глядит не наивными глазенками ребенка, а с толикой здорового скептицизма и, я бы даже сказал, цинизма. В разумных пределах это совсем неплохо, поверь. А Кеони весьма разумен. Но когда вспоминали недавно старые времена, он усмехнулся вдруг и заявил, что все равно считает меня спасителем Итериана. Но эту историю я не успел тебе рассказать, так что шутки ты не оценишь.

Напишу о другом. Это ты оценишь точно!

Помнишь, когда Эйнар решил познакомиться с тобой без моего ведома, а Эсея пыталась ему помешать, он назвал ее своей женой? До сих пор понятия не имею, зачем он это сказал, но сейчас есть основания полагать, что те слова были пророческими. Ну и не могу не отметить, что тоже сыграл определенную роль в развитии их отношений. Довольно пассивную, впрочем: всего лишь изображал труп, который они то по очереди, то вместе охраняли, но все-таки, можно сказать, что поспособствовал их более частому общению.

А быть может, мне просто хочется верить в свою причастность ко всему, что случается у них. К тому же, как брат сказал, ничего между ними еще не решено. Дети стихий вообще не торопятся в подобных делах. Ничего удивительного — у них достаточно времени...»

Итерианцы иначе ощущают время. Холгер тоже говорит об этом, когда приходит.

Их партия еще не окончена, и они снова сидят на террасе и ведут игру, смысл которой, обоим уже понятно, — растянуть ее подольше...

— По сути, срок, установленный Огнем не так уж велик для стихийника, — произносит

правитель, задумчиво глядя на доску. — Но ты воспринимаешь течение времени как человек. Это привычка. У тебя много людских привычек. Попробуй избавиться хотя бы от этой одной. Вспомни, что ты — шеар, и посмотри на жизнь и на время, как шеар.

— Боюсь, не получится, — отвечает Тьен. — от некоторых привычек тяжело отказываться.

Он слишком долго убеждал себя в том, что от человека в нем больше, нежели от стихийника, и на свою беду преуспел в этом.

— Тогда попытайся изменить свое отношение к происходящему, — дает новый совет Холгер. — Заполни ожидание тем, что тебе нравится. Пусть каждый день приносит хоть немного радости. Постарайся поверить в то, что не хочешь, чтобы этот срок заканчивался, и годы побегут быстрее: время капризно и часто действует нам назло.

— Спорная теория.

— Проверенная, — роняет негромко правитель. Думает долго, прежде чем сделать ход. В конце концов передвигает на одну клетку офицера, уводя того из-под удара черной пешки, и заканчивает так же тихо, не глядя на Тьена: — Я лишь сейчас получил шанс по-настоящему познакомиться со своим сыном. У меня осталось на это двадцать семь лет. Всего лишь двадцать семь. Время идет слишком быстро...

«Здравствуй.

Снова не писал целый месяц. Прости.

Уезжал из города. Машинку взять с собой не додумался, а писать от руки уже отвык.

Побывал все-таки в Галоре. Впечатления двоякие. С одной стороны, небольшой промышленный городок, грязноватый — все-таки два завода и большой торговый порт. А с другой — богатейшая история, памятники старинной архитектуры, музеи. Храм на южной окраине буквально потряс, а я, поверь, видел немало шедевров зодчества...

...И море, конечно же. Даже застывшее оно прекрасно.

Я привез открытки...»

После Галора — другие города.

Машинку он возит теперь с собой. А открытки, возвращаясь домой, складывает в большой альбом. Если где-то ему особенно понравилось, пишет на обороте для Софи: «Обязательно побывай». Однажды она решит навести порядок в кабинете и найдет этот альбом. Если захочет последовать его совету, сможет себе это позволить...

«...Добрался до столичной библиотеки.

Неделю только с каталогами разбирался. Путаница у них там страшная. Но книг очень много, и самые разные. С дворцовой библиотекой в Итериане не сравнить, конечно, но туда мне теперь путь заказан, а здесь беспрепятственно сижу уже второй месяц. Окопался в секции исторической литературы, читаю, делаю выписки...»

Гости находят его везде.

Подкармливают, развлекают историями из далекого Дивного мира.

С их рассказами приходит запоздалое сожаление, что за годы в Итериане, мало где успел побывать, если того не требовал долг шеара. Завораживающие красотой пейзажи, необыкновенные, рожденные магией растения и животные, волшебные города детей стихий... Те же библиотеки — он и в дворцовой не бывал, чтобы не встретиться лишней раз с Холгером...

— Вот это лучше почитай, — правитель швыряет на стол толстую кипу листов.

Бумага итерианская, тонкая, розоватая, чуть бархатистая на ощупь. Чернила золотые...

— Что это? — интересуется Тьен.

— Подробный протокол последнего собрания совета старейших. Почитай-почитай, интересно узнать твое мнение по одному вопросу.

«...Забавно, пока жил вынужденно в Итериане, сторонился, как мог, всех этих сборищ на которых разбирают судьбы мира, а сейчас Холгер решил вдруг посвятить меня в тонкости этой кухни. Поначалу я даже заинтересовался, от скуки, видимо, а теперь несказанно рад, что никогда не придется участвовать в этом лично...»

У него еще одно новое увлечение: выискивать хорошие стороны в своем будущем... Вернее, в его отсутствии.

Пунктов набралось уже немало.

Его не ждет новая волна. Не грозит снова видеть дышащие пустотой разрывы, разрушения и смерть.

Не предстоит терять одного за другим близких людей... сначала — людей, а там, могло стать и стихийников. Йонела напугала как-то долгим отсутствием, и Холгер признался, что матери нездоровится. Пусть дети Итериана не страдают от недугов, подобно людям, но к старости подвержены приступам тяжелой слабости. А бабуля, как ни крути, очень стара...

— Не дождешься! — заявила она, когда смогла прийти почти через полгода отсутствия.

— Не дождусь, — подтвердил он радостно.

Его в самом деле радует то, что не придется хоронить друзей и родных, и немного стыдно перед ними за предстоящие... неудобства... Но они переживут.

Переживут. Какое точное слово.

Справятся с любыми сложностями и без него. И с пустотой, нагрень она снова, и со старейшими... чтоб им всем!

Сильнейшие и мудрейшие тянули из правителя энергию не хуже разрывов. Полного взаимопонимания между детьми различных стихий никогда не было, и лишь власть шеара позволяла им как-то уживаться на смежных территориях. А порою и этой власти было мало, чтобы унять спорщиков.

Кланы воды и земли снова вспомнили старые неудовлетворенные претензии к детям огня и воздуха, и Тьен подозревал, что это Эйнар неосознанно плеснул маслица в костер давних распрей. Еще один шеар выбрал серу. Хоть братец и утверждал уже который год, что между ним и Эсеей ничего еще не решено, водяные и альвы сделали иные выводы...

— Тебе необходимо заручиться поддержкой родов земли и воды, — говорит Тьен Холгеру, просматривая протокол очередного собрания, где под витиеватыми фразами старейших и их раздражающей привычкой всех и каждого называть полным зубодробительным именем прячутся предвестники грядущей смуты. — Хотя бы одного из них для начала. Да и вообще не помешает иметь соратников среди этих... м-мудрейших...

— Не помешает, — соглашается правитель. — Но это легче сказать, чем сделать. Меня мало кто из них поддерживает. И вода, и земля при их приверженности традициям и старым законам, всегда выступали за ограничение власти шеаров в мирное время.

— А насколько влиятелен среди детей земли род Хеллан? — интересуется Тьен, будто между прочим.

Холгер задумывается на миг и ухмыляется довольно своим мыслям....

«...С Лили я нынче в ссоре. Она не появляется уже четвертый месяц, а лишь передает иногда что-то на словах с Фером или Эйнаром, но это не те слова, которыми я мог бы с тобой поделиться.

Дело в том, что Холгер восстановил ее в совете. Род Хеллан не нашел оснований оспорить это решение, а сама Эллилиатарренсаи не посмела проигнорировать прямой приказ шеара. А поскольку идея изначально принадлежала мне, и правитель не счел нужным скрывать это от Лили, угадай, кто оказался виноват?

Однако, как бы она ни злилась на меня за то, что я, по ее выражению, лишил ее права на спокойную старость, именно в совете ее место. Уверен, за несколько лет она наведет там порядок и, помня ее решительные методы, заранее сочувствую прочим старейшим...»

Когда он планировал уход с Итериана, тоже старался по возможности устроить судьбу друзей.

Но теперь они неплохо справлялись сами. И это тоже радовало — чем меньше он нужен им сейчас, тем легче будет смириться потом...

«...Помнишь, когда ты подарила мне пишущую машинку, сказала, что это для того, чтобы я писал сказки? Это ведь была не шутка?

Если шутка, то с чувством юмора у меня совсем плохо, потому как сказку я все-таки написал. Надеюсь, она тебе понравится.

Хотя, признаться, это не совсем сказка. Сюжет я не придумал: эту историю я слышал в одном из миров, где мне приходилось бывать. А поскольку посещал я, как ты знаешь, не лучшие миры, то и история та была не сказать, чтобы очень доброй, и заканчивалась не слишком хорошо... Это ведь несправедливо, когда истории, в которых есть отважные герои, настоящая дружба и истинная любовь, заканчиваются плохо? Вот это я и решил исправить. И получилась сказка.

Вернее, хочется верить, что получилась. Оказывается, писать не так-то просто. Не всегда находятся нужные слова, не знаешь порой, как правильно изобразить то или иное событие... У меня ушел почти год на эту историю. Несколько раз рвал черновики и переписывал все заново, но все же закончил. И, знаешь, кажется, вошел во вкус. Уже обдумываю новый сюжет. Если и для его воплощения понадобится год, и для следующего, и для следующего, к твоему возвращению у меня будет уже пятнадцать разных сказок.

Я подошью их и сложу в верхнем ящике стола. Найдешь потом. Если понравится, может быть, прочтешь Люку и Клер....»

Сказочник.

Он всегда улыбается, вспоминая, как она звала его.

Улыбается, заправляет в пишущую машинку чистый лист и начинает печатать.

Их много еще у него, красивых историй с грустным концом, который совершенно его не устраивает. Он пересказывает их по-своему. Так, как было бы правильно. Как сам хотел бы...

Созданные людьми смертоносные машины превращаются в невиданных монстров... Не в драконов, как это заведено, — драконы мудры и прекрасны. А монстры коварны и сеют вокруг себя зло. Они захватывают разум людей, развращают иллюзией власти и богатства. Человек полагает, что это монстр служит ему, но сам становится рабом чудовища. Но всегда находится отважный герой, который обязательно всех спасет. Всех и прекрасную принцессу... Клер нравится, когда в сказке есть принцесса...

Но она может быть и доброй волшебницей, заточенной злобным колдуном в высокой башне.

Или дочерью богатого купца, сгинувшего в море вместе со своими кораблями.

Маленькой продавщицей цветов, которая отправилась в заснеженный лес за первыми подснежниками, а нашла умирающего рыцаря. Она исцелила его волшебным поцелуем, но

рыцарь оказался лесным разбойником...

Впрочем, эту сказку он не станет писать. Финал у нее невеселый...

«...Завтра Эйнар наконец-то знакомит Эсею с родителями.

Это смешно, учитывая, что они давным-давно знакомы благодаря мне, и собираются в нашем доме регулярно. Но таковы обычаи.

Это пока даже не помолвка, просто теперь будет считаться, что они вроде как официально встречаются, и об этом можно уже говорить открыто, а не шушукаться по углам.

Да, такие там чудные традиции. И если мой дорогой братец решит соблюсти все их, свадьбы я не дождусь...»

Не исключено, что Эйнар потому и тянет. К чему торопиться, чтобы омрачить первые годы семейной жизни трауром? Траур в Итериане — тоже священная традиция. В честь Вердена много лет еще жгли поминальные костры... Но Верден был героем. И настоящим шеаром.

А ему не нужно костров.

Пусть только помнят...

«...Я нашел для тебя собаку — щенка неизвестной породы, лохматого и длинноухого, как ты и хотела. Он сидит под фонарем рядом с пожарной частью, и я уже попросил Эсею забрать его потом...

Понимаю, как это, должно быть, неприятно, но начинаю потихоньку раздавать указания на будущее. В основном они касаются тебя и детей. Не хочу, чтобы вы остались без поддержки, потому не удивляйся, если вскоре к тебе наведается Эйнар. А там, быть может, и другие. Пусть ты пока и не знаешь этого, но вы, ты и они, теперь тоже одна семья — моя семья, и, если тебе нужна будет помощь, они всегда будут рядом, я знаю...

...Наверное, я должен был бы поставить Огню еще одно условие. Попросить, чтобы ты забыла меня. Так было бы легче. Но я не хочу, чтобы ты забывала. Прости меня за это, пожалуйста...»

Холгер был прав: как только начнешь ценить оставшееся тебе время, оно помчится вперед стрелой. Дни мелькают один за другим. Чаше приходят друзья. Не молчат, как он опасался, а, напротив, рассказывают что-то без умолку, смеются... Словно пытаются обмануть судьбу, хоть и знают, что это невозможно...

Бойся ли он?

Да.

Пишет Софи, что его не страшит скорый конец, и не жалеет ни о чем, но на самом деле это не так. Ему страшно, потому что никто не знает, куда после смерти уходят шеары. И жалеет он о многом, обо всем, чего не успел, не сказал и не сделал, когда еще это могло что-то изменить.

А время все летит, и он уже сомневается, успеет ли дописать свою последнюю сказку...

«Здравствуй, Софи.

Сегодня я сжег все письма, что писал тебе эти годы, и в последний раз напечатал эти слова: здравствуй, Софи...»

Когда за окнами светлеет, он вытаскивает лист из машинки, перечитывает и подносит уголком к горящей свече. Последнее письмо из тех, что она никогда не прочтет...

Долго смотрится в зеркало. Как тогда, когда возвращался к ней после тех девяти лет. Вроде похож. Одежда домашняя. Стрижка та же. Седина на висках почти не заметна.

Глаза покраснели и морщины появились на лбу — но это оттого, что он не спал уже

несколько дней. Не мог себя заставить...

Все это — мелочи. Она узнает его, конечно же. Ведь для нее разлука продлилась всего несколько часов. А для него? Несколько. Она всегда была рядом.

Он гасит свечи и выходит из кабинета. Идет не спеша. Не потому, что боится, а потому, что знает: еще рано. Рано, но сердце не хочет ждать — рвется из груди, к ней. Скорее, скорее, скорее... И Тьен намеренно замедляет шаг.

После стоит еще долго у двери в спальню.

И наконец чувствует: пора.

Открывает тихонько дверь и подходит к постели. Присаживается на край.

Гладит рассыпавшиеся по подушке волосы. Длинные...

Любуется спокойным умиротворенным лицом.

Осторожно касается губами ее приоткрытых во сне губ...

— Тьен? — Она вскакивает испуганно. — Что... случилось? Генрих, он...

— Т-ш-ш-ш... — Прижимает ее к груди, целует. Пальцы путаются в медовых прядях. — Все хорошо. Его здесь нет.

— Я...

— Ты спала.

— Долго?

— Нет. Но я успел соскучиться...

Живая. Теплая. Родная.

И верится на миг, что не было этих лет, пустого дома, ожидания...

— Так тихо, — Софи оглядывается удивленно. Прислушивается. — Почему так тихо?

— Потому что все еще спят. Но скоро уже проснутся.

Скоро. Минута, две, три...

Нужно спешить, но он растягивается на кровати, продолжая обнимать свое сокровище. Ее голова на его плече, как раньше. И дыхание щекочет шею...

— Тьен.

— Я здесь.

Пока еще здесь.

— Ты спишь?

— Засыпаю. Устал немного, но... Ничего страшного. Просто побудь со мной.

Минуту, две, три.

Пока птицы не проснутся.

До конца — значит, навсегда...

— Следишь?

Холгер медленно развернулся на голос подкравшейся со спины альвы.

— Наблюдаю, — ответил с достоинством.

Правитель Итериана не станет следить за кем-то тайком... Хотя именно этим он сейчас и занимался.

— И как тут? — Лили встала рядом.

— Сама смотри.

Софи сидела на крыльце дома, прямо на ступеньках. Перебирала рассеянно волосы, будто пыталась заплести косу, но уже забыла, как это делается. Иногда смотрела задумчиво по сторонам и, судя по напряженному лицу, тщетно пыталась вспомнить что-то... что-то, чего она никогда и не знала...

— Доброе утро! — входная дверь открылась и на порог выскочила взъерошенная со сна девчушка. — Ты уже встала? А где Тьен?

— Не знаю, — растерянно ответила ей сестра. — Был. А потом я задремала... и он пропал...

Нет видимых поводов для беспокойства, но она все равно волнуется. Чувствует что-то, но не может понять, что.

— Никуда он не пропал, — успокаивающе прошептал Холгер, хоть люди не услышали бы его, даже закричи он в полный голос. — Он здесь, рядом.

— Совсем рядом, — подтвердила старейшая рода Хеллан.

Действительно, и минуты не прошло, как скрипнула, открываясь, калитка.

— Тьен! — обрадовалась Клер, увидев, кто вошел во двор. — А мы тебя потеряли.

— Это вы зря, — Этьен укоризненно покачал головой. Присел рядышком с женой, поцеловал в лоб. — Не делайте так больше.

— Не будем. Только ты в следующий раз хоть записку оставляй... А что это у тебя?

Софи только-только заметила, как оттопыривается с одной стороны его пиджак.

— Чудо. Как и заказывали.

Жестом заправского фокусника Этьен вынул из-за пазухи и поставил на ступеньку крохотного щенка, которого можно было бы принять за игрушку, не завертись он на месте и не твякни пару раз для порядка.

— Собака! — Клер подпрыгивала на месте от счастья. — Настоящая собака! А это мальчик или девочка? А как ее зовут? Можно я ее в дом возьму?

— Мальчик, пока никак, можно, — ответил последовательно Этьен. Наклонился к Софи и прошептал ей на ухо: — А еще у нас есть живой карась!

— Да-а, — протянула наблюдавшая милую семейную сцену альва. — Девочка многое пропустила... помимо карася...

— Это точно, — согласился Холгер.

Они стояли всего в нескольких шагах от обнимавшейся на крыльчке парочки, но люди не слышали их и не видели. Всего лишь люди. И его сын теперь — тоже.

Тридцать шесть лет — предел для шеара. Однако Этьен — не только шеар. Силы четырех у него уже нет, но остался человек.

Однажды уже случилось что-то похожее — тогда, когда он должен был погибнуть, но

выжил в пустоте. Огонь наверняка знал, что и в этот раз получится так же. А Этьен... он в любом случае не отказался бы от договора, вернувшего ему жену.

— Пойдем, — Лили непочтительно потянула правителя за рукав. — Им нужно поговорить, а нас ждет еще сборище замшелых пней. Или считаешь, можно сбросить старейших на меня, а самому тут прохлаждаться?

— Думаешь, он ей расскажет? — не отрывая взгляда от сына, спросил Холгер советницу.

— Расскажет-расскажет, — нетерпеливо притопывала на месте альва. — И она обязательно все поймет и простит.

— Разве ей есть, за что его прощать? — непонимающе сдвинул брови шеар. — После всего, что он прошел ради нее?

— О, мужчины! — усмехнулась Эллилиатарренсаи. — Конечно, есть. Он промучился каких-то тридцать шесть лет, а ей предстоит страдать до конца жизни. Сомневаться ежедневно, ежечасно, ежеминутно. Смотреть в его глаза и искать в них тень сожаления. Спрашивать себя, стоила ли она подобной жертвы. Поступил бы он так же теперь? А теперь? А сейчас, когда старость уже на пороге? Не жалеет ли о потерянной силе? Не хочет ли повернуть время вспять? Любит ли ее до сих пор? Впрочем, последним вопросом задаются все женщины. Все и всегда. Любит ли он меня до сих пор? Даже если с последнего объяснения прошло всего пять минут.

— Смеешься? — насупился Холгер.

— Нет, — совершенно серьезно ответила альва. — Мужчины не понимают подобного. И, увы, не каждому в жены достаются умные и терпеливые женщины... Но я знаю двоих счастливиц. Давай, идем уже. А то поспеем как раз к началу мятежа.

— Идем, — согласился шеар. — Подавим бунт в зародыше.

Он в последний раз бросил взгляд на сына.

А что, если...

Посетившая внезапно мысль заставила остановиться перед порталом, в котором уже исчезла Лили.

Тогда, после полного опустошения, спустя какое-то время Этьен вернул себе силу четырех. Что если и теперь, не сразу, но через год, два, десять, он снова обретет способности шеара? Или не он, но в крови одного из его потомков проснется дар предвечных?

Возможно?

Возможно

Но правитель решил ни с кем не делиться своими подозрениями. Это ведь только домыслы, и лишь четверо знают, насколько он близок к истине. А, быть может, и им это неведомо

Больше книг на сайте — Knigolub.net